

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2023. № 488. Март

• ПЕДАГОГИКА

• ФИЛОЛОГИЯ

• ФИЛОСОФИЯ

• СОЦИОЛОГИЯ

И ПОЛИТОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПРАВО

• PEDAGOGICS

• PHILOLOGY

• PHILOSOPHY

• SOCIOLOGY

AND POLITICAL SCIENCE

• HISTORY

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 488. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students	5
Аликина Е.В., Мальцев Д.В. Оптимизация электронного портфолио студента многопрофильного вуза	14
Вострякова Н.А. Учебник русского языка «Жили-были» в аудитории иностранных студентов-мусульман: специфика восприятия и применения	23
Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов	37
Загrevский В.И., Загrevский О.И., Лавшук Д.А. Педагогический учет различий в технике штрафного броска баскетболиста до и после физической нагрузки	48
Червонный М.А., Игна О.Н., Яковлев И.Н. Профессионально-педагогическая инициатива будущего учителя и ее роль в трансфере педагогического знания в образовательную практику	60
Черкасов В.В., Черкасова И.И., Савиных Е.А. Комплексное развитие двигательных навыков и физических способностей у детей 6–7 лет в условиях дошкольной образовательной организации	71

ФИЛОЛОГИЯ

Агарин Е.В. Между толстовскими догмами и идеалами: мировоззрение писателя И.Ф. Наживина в 1904–1914 гг.	82
Антонова М.Б. Английские прилагательные со значением размера: когнитивные модели формирования словосочетаний	91
Багирова Е.П., Марандина Е.Л. Лексика тематической группы «Любовь» в говорах юга Тюменской области	101
Даниелян Т.Р., Тадевосян Т.В. Стихотворный текст как формат рекламы (на примере рекламы коньяка фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья» в газете «Кавказ»)	111
Фельде О.В., Мезит А.Э. Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP	120

ФИЛОСОФИЯ

Кужелева-Саган И.П. Философско-теоретическое наследие Роланда Познера и Public Relations	127
Сотников Я.С., Сыров В.Н. Жизненный цикл памяти и историческое знание	148

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Комелева А.К., Кравцов К.С., Соболева Е.Д. Инициатива «Пояс и путь» на Ближнем Востоке: взгляд СМИ Китая и Саудовской Аравии	156
---	-----

CONTENTS

PEDAGOGICS

Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students	5
Alikina E.V., Maltsev D.V. Optimization of the e-portfolio of multidisciplinary university students	14
Vostryakova N.A. Russian language textbook <i>Zhyly-byli ... (Once Upon a Time ...)</i> in the audience of foreign Muslim students: The specifics of perception and application	23
Zharova Yu.V., Obdalova O.A. System-forming results of integrative formats of collaboration in foreign-language training of engineering and technical majors	37
Zagrevskiy V.I., Zagrevskiy O.I., Lavshuk D.A. Pedagogical consideration of differences in the technique of a free throw of a basketball player before and after physical activity	48
Chervonnyy M.A., Igna O.N., Yakovlev I.N. The professional and pedagogical initiative of the future teacher and its role in the transfer of pedagogical knowledge into educational practice	60
Cherkasov V.V., Cherkasova I.I., Savinykh E.A. Comprehensive development of motor skills and physical abilities in 6- and 7-year-old children in a preschool educational institution	71

PHILOLOGY

Agarin E.V. Between Tolstoyan dogmas and ideals: The worldview of the writer Ivan Nazhivin in 1904–1914	82
Antonova M.B. English parametric adjectives: Cognitive models of forming collocations	91
Bagirova E.P., Marandina E.L. Vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast	101
Danielyan T.R., Tadevosyan T.V. Poetic text as a format of advertisement (on the example of the cognac advertisement of the N.L. Shustov and Sons company in the newspaper <i>Kavkaz</i>)	111
Felde O.V., Mezit A.E. Professional language picture of the world as an object of research in terminology science and LSP linguistics	120

PHILOSOPHY

Kuzheleva-Sagan I.P. Philosophical and theoretical heritage of Roland Posner and public relations	127
Sotnikov Ya.S., Syrov V.N. The life cycle of memory and historical knowledge	148

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Komeleva A.K., Kravtsov K.S., Soboleva E.D. The Belt and Road Initiative in the Middle East: Media coverage from China and Saudi Arabia	156
--	-----

ИСТОРИЯ

Клинова М.А. Динамика премиальных выплат городского населения РСФСР во второй половине 1940-х гг.	165
Паламаренко Е.В. Теология как отрасль науки: промежуточные итоги становления (2015–2022)	174
Тимошенко А.Г., Серосштанов К.В. Влияние специальной военной операции на Украине на развитие военно-промышленного комплекса государств Европейского союза	181
Черноперов В.Л. «Силезский вопрос» в политической жизни Германии и международных отношениях по донесениям советских и британских дипломатов (1920–1922 гг.)	191

ПРАВО

Арутюнян М.С., Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю., Хисматуллин О.Ю. Некоторые аспекты правового регулирования геопарков в России (на примере Республики Башкортостан)	196
Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах	204
Кирилова Н.А. Ответственность директора за убытки, причиненные юридическому лицу: правовая природа и основание	210
Котляр И.А., Глазкова Е.И. Проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ	219
Набеева Н.Г., Добрусина М.Е., Ахмедшин Р.Л. Алгоритмизация поиска и оценки информации о деятельности кредитного потребительского кооператива	224
Скобников П.А. Принудительные работы по УК РФ: история появления, практика применения, правовое регулирование, его дефекты и способы устранения	232
Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования	242

HISTORY

Klinova M.A. Dynamics of incentive pays to the urban population of the RSFSR in the second half of the 1940s	165
Palamarenko E.V. Theology as a branch of science: Intermediate results of development (2015–2022)	174
Timoshenko A.G., Seroshtanov K.V. The impact of the special military operation in Ukraine on the development of the military industrial complex of the European Union states	181
Chernoperov V.L. The Silesian question in the political life of Germany and in international relations in the reports of Soviet and British diplomats (1920–1922)	191

LAW

Arutyunyan M.S., Karimov R.R., Karimova G.Yu., Khismatullin O.Yu. Some aspects of legal regulation of geoparks in Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan)	196
Dolgieva M.M., Dolgiev M.M. Criminal liability for violation of the legislation on foreign agents	204
Kirilova N.A. The director's liability for damages caused to a legal entity: Legal nature and basis	210
Kotlyar I.A., Glazkova E.I. Problems of determining the subject of a crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation	219
Nabeeva N.G., Dobrusina M.E., Akhmedshin R.L. Algorithmization of the search and evaluation of information on the activities of a credit consumer cooperative	224
Skoblikov P.A. Forced labor as a type of criminal punishment: The history of occurrence, grounds for appointment, content, defects in legal regulation and ways to eliminate them	232
Smushkin A.B. On the ecosystem of the preliminary investigation	242

ПЕДАГОГИКА

Original article
UDC 81'243:342.813+378.147
doi 10.17223/15617793/488/1

The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students

Muhammed Fatih Cam¹, Olga A. Obdalova^{2, 3}

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation

¹ muhammed.fatih.camm@gmail.com

^{2, 3} o.obdalova@mail.ru

Abstract. The aim of this study was to present a model of a teaching framework aimed at enriching students' knowledge, skills, and abilities in order to form a foreign language intercultural competence in them through the implementation of communicative intercultural training. The study involved fourth-year students from different countries.

Keywords: technology of communicative training, intercultural foreign language communication, multicultural environment, multicultural dialogue, intercultural communication skills development

For citation: Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1

Introduction

Because of the presence of representatives from neighboring countries such as Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Belarus, Ukraine, Kyrgyzstan, and far abroad, primarily China, India, Indonesia, Egypt, Vietnam, Turkey, and others, the environment of higher professional education institutions in Russia has become multicultural. An analysis of publications on the problem of interpreting the concept of intercultural communication shows that most researchers consider the process of intercultural communication from the micro level of interpersonal interaction (face-to-face) to the macro level, highlighting the relationship between cultures and peoples as intercultural communication in a broad sense [1].

This requires to integrate an international and intercultural perspectives into the teaching process of a university. One of the primary goals of multicultural education is to instill new multicultural thinking in students, which is based on broadening their personal enrichment and increasing their adaptability. In addition to expanding the content of educational programs, based on the principle of multiculturalism, it is necessary to modernize the methodology for teaching a foreign language to students. Based on the research of M. Schuster and S. Van Dyne [2. P. 328], we single out four aspects of multicultural learning at the university: 1) teaching through the students' experience; 2) focusing on the learning process; 3) creating an intercultural environment in the classroom; 4) analyzing conflict situations that arise between students belonging to different cultures as examples for discussions and finding a way out of the problems. In order to organize multicultural teaching, as noted by D. Schoem [3. P. 376], it is necessary to take into account three interrelated components: the content of educational

material, the process of contextually conditioned learning, and student interaction. The content involves the expansion of learning with the right to choose and take into account the multicultural principle, access to a wider range of topics, theories, and facts. The process of teaching a foreign language and communication in the classroom should be based on the foundations of effective interaction and be aimed at demonstrating different ways of obtaining knowledge, features of different communication formats; with the emphasis on creating conditions for effective intercultural communication and recognition of different points of view.

Here a problem arises of how to change educational programs in such a way that every student, who finds himself/herself in a complex multicultural environment of a modern Russian university, could effectively participate in intercultural communication, be a full and self-sufficient participant in a multicultural dialogue, and be a successful student. This, in turn, actualizes the need for a purposeful and consistent formation and development of intercultural communication skills in students (both Russian citizens and foreigners) in order to make their communication effective.

Psychologists studying the features and characteristics of an adult learner suggest that training is one of the most appropriate forms of learning for adults. Training is a teaching method that is used to develop practical skills and experience in a specific area. It is one of the most effective ways of learning, as it ensures that participants are actively involved in the process and also allows them to improve their knowledge and skills through practice [4].

The aim of this article was to present a model of a teaching framework aimed at enriching students' sets of knowledge, skills, and abilities to form a foreign language intercultural competence in them by implementing a communicative training.

Theoretical background

In the *Pedagogical Dictionary* by G.M. Kodzhpirasova, training is considered “a form of interactive learning aimed at developing the competence of interpersonal and professional behavior in communication” [5. P. 176]. N.V. Samoukina defines training as “an integrated method of developmental education aimed at achieving three goals and results: providing information, organizing effective communications, and developing work skills” [6. P. 91]. Due to the novelty and divergence in definitions, the generally accepted concept of the word “training” does not yet exist.

A more complex level of organization for this form of teaching is communicative training. A distinguishing feature of communicative training is that it is aimed at developing the communicative skills and abilities of participants. Unlike traditional methods of teaching a foreign language, which tend to focus on the grammar and vocabulary of the language, communicative training focuses mainly on the practical application of the language in real-life situations.

During communicative training in TEFL, participants work in groups, perform tasks and exercises aimed at developing desirable skill sets, mostly understanding and using a target language to communicate. Training also includes elements of role-playing games and imitation of real-life situations, which allow participants to train practical skills in interpersonal communication in a foreign language.

Thus, one of the features of communicative training is the focus on the practical application of the language rather than on the study of discrete language elements. Moreover, training takes into account different communication styles and cultural characteristics that can affect communication between people from different countries and cultures.

In general, communicative training is an effective method of teaching a foreign language, which helps participants develop not only linguistic but also sociocultural competencies.

In this article, we will consider foreign language intercultural communicative training, which we interpret as a method of teaching a foreign language based on the practical use of a foreign language in real situations of communication, taking into account differences in communicants' linguistic pictures of the world and their communicative behavior in intercultural communication. Intercultural communication is about understanding what happens when people communicate with one another when they come from different cultures. The key learning point in this context is that different national cultures communicate in slightly different ways.

The aim of teaching English in an EFL course is to help students acquire a practical command of the language, which is realized in participants' communicative competence, i.e. the ability to communicate freely and effectively in a foreign language in various areas of life.

Some features of foreign language communicative training include:

- focus on the practical application of the language in real life situations;
- use of interactive methodologies that promote teacher-student interaction;

– active use of technology and modern educational resources such as interactive whiteboards, computer software and applications, online resources, etc.;

– the collective nature of the classes encouraging pair and group work, exchange of experience and knowledge;

– development of personal qualities of the participants such as self-confidence, a culture of communication, teamwork, etc.;

– an individual approach to each participant, which allows identifying their individual needs and goals based on their language proficiency.

According to Lustig & Koester, “Intercultural communication is a symbolic, interpretive, transactional, and contextual process in which people from different cultures create shared meanings.” [7. P. 46]. Intercultural communication in a native language usually refers specifically to interpersonal and structural communication within a professional business context.

The purpose of foreign language intercultural training is to help students develop skill sets in practice of communication across cultural contexts. It focuses on strategies to try, minimize, and prevent miscommunication and a mismatch of communication styles, creating an awareness of the difference and the reasoning behind it. Intercultural training helps promote more successful interpersonal communication when communicants come from different cultures through a complex of special knowledge, skills, abilities, and strategies of communicative behavior. Teaching a group of students from different countries (near and far abroad) requires complicating the organization of training and designing it as a foreign language intercultural training framework when English is used as a means of communication. Foreign language intercultural training is a teaching method aimed at developing communicative and sociocultural competencies of students in the context of intercultural communication in a foreign language. Its main objective is to help students learn to understand and respect cultural differences, as well as to train them to effectively and competently interact with representatives of other cultures [8. P. 279–305].

The specifics of foreign language intercultural training comprise not only the development of sociocultural knowledge, language skills, and speech skills, but also the awareness of cultural differences and adaptation to a new cultural environment [9. P. 219–232].

During the training, students get acquainted with the features of the mentality, traditions, customs, norms and values of other countries and learn to adequately respond to cultural differences and prevent intercultural conflicts.

The main learning techniques of foreign language intercultural training include situational exercises, role-playing games, discussions, case studies, and intercultural projects. During the training, students actively participate in dialogue and communication, which helps them develop their language and communication skills, strengthen self-confidence, and improve their language proficiency [10. P. 103–128].

Communicative training for the development of foreign language intercultural communication skills has been studied and applied by many specialists in the field of education, language practice, and international

relations. Brian Tomlinson in *Communicative Language Teaching for Foreign Language Learning* [11. P. 192] offers the following teaching methods for developing the skills in foreign language intercultural communication:

- The development of effective speaking and listening. Students can listen to and analyze audio recordings in a foreign language, discuss their content, and express their opinion.

- Teaching to read in a foreign language. Students are invited to read texts in a foreign language, discuss their content and context.

- The development of written language. Students are encouraged to write essays, reports, and reviews in a foreign language.

- Dialogue and communication. Students learn to maintain a dialogue in a foreign language, express their opinion, and discuss topics related to the culture and traditions of other countries.

- Teaching grammar and vocabulary in a foreign language. Students learn grammar and lexical rules in a foreign language and apply them to practical tasks.

- Use of modern technology. Tomlinson suggests using the Internet, social networks, instant messengers, online games, and others, to develop intercultural communication skills in a foreign language [11. P. 192].

Michael Byram, an American expert in the field of intercultural communication, offers several methods for developing foreign language intercultural communication skills:

- Developing learners' knowledge of their own culture: Byram suggests that learners need to have a good understanding of their own culture before they can effectively engage in intercultural communication. This involves developing learners' knowledge of their own cultural norms, values, beliefs, and practices.

- Creating opportunities for learners to interact with speakers of the target language in authentic contexts: Byram emphasizes the importance of providing learners with opportunities to engage in real-life communication with native speakers of the target language, whether through study abroad programs, virtual exchanges, or other means.

- Developing learners' ability to interpret and critically analyze cultural texts: Byram argues that learners need to develop critical literacy skills in order to effectively engage with cultural texts in the target language. This involves developing learners' ability to analyze and interpret cultural artifacts such as literature, film, and music.

- Fostering empathy and open-mindedness: Byram emphasizes the importance of developing learners' empathy and open-mindedness towards people from other cultures. This involves encouraging learners to question their own assumptions and biases, and to view the world from multiple perspectives.

- Developing learners' ability to reflect on their own intercultural experiences: Byram suggests that learners need to reflect on their own intercultural experiences in order to develop their intercultural communicative competence. This involves encouraging learners to reflect on their own cultural identities and experiences, and to critically analyze their own intercultural encounters [12. P. 70; 13. P. 2].

Many scholars and practitioners in the field of education and international relations have worked and continue to work in this area, such as D.L. Fried-Booth [14] and H. Holec [15. P. 64], C. Rodrigues [16], A. Thomas [17].

Based on the analysis of research and existing practical experience, the authors' research aim is to present a methodological development of a foreign language intercultural training framework designed as an educational technology that projects a real educational process as a purposeful holistic pedagogical activity tailored to developing foreign students' intercultural competence within an EFL course. The research question is: *What is a new teaching framework which is suited to serve as a comprehensive guideline for intercultural teaching and learning English as a foreign language in a multicultural educational environment of a Russian university?*

Research design

1. Research method

The research methods used include theoretical methods: analysis of philosophical, psychological, pedagogical, methodological literature; methods of comparative language teaching for linguadidactic purposes; modeling of communication situations, as well as empirical methods: case study, generalization of learning experience using communicative training technology, methodological development, testing, participant observation, experimental search work, formative (training) experiment, online survey, qualitative and quantitative analysis.

Theoretical methods involve the development of theoretical models for the development of foreign language intercultural communication skills through reasoning, deduction and analysis of existing theories and literature.

Empirical methods involve the collection and analysis of data through observation, experimentation, or post-training interviews with participants. Due to its nature, this research encompasses a case study with a descriptive scope.

2. Research model

The structure of educational technology includes a certain conceptual framework, content and procedural components. The conceptual framework represents target settings and orientations, the main ideas and principles; it describes the position of the student in the educational process. The content component updates learning objectives (general and specific) and details the content of the educational material, the didactic structure of the educational material, and the forms of its presentation. The procedural component reveals the features of teaching methods and means, motivational characteristics, organizational forms of teaching, and ways to manage the educational process [18].

Let us detail the features of the foreign language intercultural training developed by the authors.

1. *Conceptual framework*: the process of developing the foreign language intercultural competence in students must be built by the teacher, taking into account the associated development of the communicative and cognitive components of these skills. This statement laid the foundation for the model we developed to enhance foreign

language skills in intercultural communication, based on the cognitive-communicative metatechnology of learning.

2. *Content*: goal and objectives of the training: determination of the general goal and specific objectives to be achieved during the training in the context of situations of intercultural interaction in the educational and extracurricular environment of a Russian university.

3. *Procedures*: description of the target audience: determination of the group of participants, their age, level of education, professional background, language proficiency, their sociocultural and linguistic affiliation, etc.

Methods and forms of teaching: active and interactive teaching methods that focus on immersion in communicative situations, analysis of communication success factors, search for effective strategies for communicative behavior (interactive lectures, role-playing games, discussions, case studies, analysis of video materials, etc.).

Description of materials: selection and development of the necessary materials for the training (presentations, videos, texts, assignments, etc.).

Description of the assessment procedure: definition of criteria for assessing the level of achievement of training goals, assessment methods (questionnaires, testing, homework analysis, etc.), and assessment procedure.

Description of organizational issues: venue, dates and times of classes, the number of participants, the necessary equipment, etc.

Description of potential problems: identification of possible problems that may arise during the training and development of an action plan to eliminate them.

Description of recommendations for participants: development of recommendations for participants to prepare for the training, as well as a description of the rules of conduct and etiquette during classes.

3. Participants

Different faculties and study groups of Tomsk State University were analyzed for the training. The focus group included first-year students enrolled at the Faculty of Foreign Languages. This study is based on a non-probability sampling design. On this account, the researchers followed a convenient sampling procedure since participants were readily and easily available. The criteria for selection were a person's belonging to various cultures other than being Russian. The focus group comprised 16 students from different countries: China (N=6), Turkmenistan (N=7), Egypt (N= 2), Cyprus (N=1). There were 7 males and 9 females among them. Their ages varied from 18 to 22. All of them were studying at Tomsk State University (Russia) at the bachelor's degree in the educational program "Translation and Teaching International Communication".

The participants' level of communicative competence corresponded to Intermediate, which comprises both Pre-intermediate and Upper-intermediate students. The level of their EFL competence was defined by means of a typical EFL entry test (e.g., Placement Test). All the students in the class were invited to fill in the questionnaire on intercultural competence in order to evaluate their language ability and intercultural competence along the four dimensions of attitudes, knowledge, skills, and awareness. The sample of participants was selected randomly.

The study

1. Preparation

This study was conducted to explore a) conceptual features characterizing our teaching framework and b) the structure of the foreign language intercultural training.

We propose to single out the following steps (algorithm) of training preparation for the development of foreign language intercultural communication skills in foreign students:

Step 1. Assessment of students' entry level skills in intercultural communication using tests or other tools, such as questionnaires and interviews.

An assessment of the entry level is carried out to determine students' basic knowledge, skills, and abilities, both in terms of English proficiency and experience in intercultural communication. The information will be used in the further learning process. This helps educators tailor the curriculum to the needs of students, develop tasks and methods that best suit their abilities, as well as evaluate the effectiveness of training and make adjustments to the program, if necessary. The entry assessment can help identify the individual needs of students and determine the most effective methods for their development in intercultural communication.

One of the diagnostic methods is to conduct grammar and vocabulary tests, as well as tests for intercultural communication, which may include questions about cultural differences and similarities, interaction in intercultural communication, problems that may arise when communicating with representatives of other cultures, etc. Other tools, such as student surveys, interviews, reviews, and analysis of intercultural episodes in videos or texts, can also be used. It is important that assessment tools take into account the multicultural environment of a student group, as well as their personal experience in intercultural communication. Based on the results obtained, the entry level of knowledge, skills, and abilities of students are determined and an individual study plan is drawn up and a training program is developed for further development of intercultural communication skills.

Step 2. Development of a training program that includes:

- Listening and reading texts in a foreign language related to the culture and traditions of other countries. This will help students understand the cultural context and develop the ability to listen and read in a foreign language.

- Expressing opinions on various topics related to intercultural communication, for example, discussing cultural differences and similarities, sharing experiences in international communication, etc. This will help students develop self-confidence and the ability to convey their thoughts in a foreign language, as well as understand the distinguishing features of culture and communication in other countries, and develop the ability to work in the intercultural environment.

- Solving problems related to intercultural communication, for example, exchanging emails with foreign students, participating in international web conferences, creating projects in international teams, etc.

This will help students develop the ability to apply knowledge in real situations.

Step 3. Use of game formats, role-playing games, simulations, and other pedagogical technologies aimed at developing students' communication skills and their ability to work in the intercultural environment.

Role plays, for example, can help students become aware of different cultural norms and customs and social roles, and understand how they can influence communication. Simulations can help students learn how to adapt to different cultural situations and develop effective communication skills in them, develop effective strategies for communicative behavior. Games and other pedagogical technologies can also develop presentation and discussion skills, as well as teach speaking and writing in a foreign language.

It is important that such game formats and simulations meet the objectives of the training and are adapted to the specific cultural environment the training is directed at.

Step 4. Use of feedback to analyze and evaluate whether students have learnt the material, as well as to adjust the training program.

Various tools can be used for receiving feedback, such as:

- Self-assessment sheets: students are given the sheets which indicate the assessment criteria and expected results. Students can use these sheets to assess their work and to improve their performance and results.

- Peer assessment: students can assess each other according to various criteria related to foreign language intercultural communication. It helps students learn how successfully they interact in an intercultural environment.

- Teacher assessment: the teacher can evaluate students according to various criteria and discuss the results with each student individually. This allows students to receive feedback from a professional and improve their skills.

- Recordings: Students can make audio or video recordings of their presentations and then analyze their mistakes and achievements. This helps them understand what they should pay attention to and improve their skills.

Step 5. Creating conditions for intercultural communication in real life.

Intercultural events: students can participate in intercultural events such as festivals, exhibitions, and conferences where they can meet people from different cultures and communicate with them on various topics [19. P. 70–81].

Online courses: Students can take part in online courses where they can interact with other students from different countries and learn about different cultures and traditions [20. P. 223–232].

Furthermore, it is necessary to adhere to a certain structure while preparing a training program. We opted for a three-stage concept, including informative, interactive, and productive stages [6. P. 311]. At each stage, specific teaching methods are used to perform different tasks. We should note that the same methods can be used at different stages if they suit the purpose of the training and correspond to the capabilities of the group.

The informative stage introduces theoretical information. The interactive stage is built according to the

60:40 ratio [6. P. 311]. 60% of time is allocated to students' speaking practice, whereas 40% is given to a teacher to comment on exercises or give instructions. The productive stage is characterized by a high activity of the training participants. They run the process while the teacher performs a coordinating and controlling function. At this stage, various exercises are used. For example, facilitation, game, case studies, etc. [21. P. 172].

2. Experimental training program

Our training program includes all three stages.

The first stage – informative – includes an assessment of the entry level of students' skills in the field of intercultural communication, primary exercises – acquaintance of the training participants with each other and with the characteristics of different cultures.

Before the training, each participant has to do a test: 20 multiple-choice questions and 1 open-ended question. Test questions 1–6 address the theoretical foundations of intercultural communication; questions 7–12 concern cultural features of various nationalities, whose representatives take part in the training; 13–20 check the knowledge of the characteristics of the target language/language of communication.

Sample questions:

1. What qualities should a participant of intercultural communication have in order to achieve a communicative goal? (multiple options can be selected)

- a) openness,
- b) denial of foreign cultural values,
- c) adaptation to differences
- d) friendliness,
- e) introversion,
- f) low empathy.

2. While in the UAE (Dubai) during Ramadan, where would you prefer to have lunch?

- a) Make snacks at home and have a meal by the sea,
- b) In a street cafe,
- c) At the hotel restaurant,
- d) Prefer not to eat at all.

3. How to correctly address a teacher at a Russian university?

- a) by name,
- b) by name and surname,
- c) by name and patronymic,
- d) no name at all,
- e) using constructions “dear teacher/professor” and similar.

4. What dishes will you order for a gala dinner with business partners from India and Iran? Why did you make this choice?

After processing the test results, analytical work is carried out in order to obtain a primary result regarding the level of intercultural communicative competence.

It includes certain groups of knowledge (knowledge of a foreign language; cultural characteristics – values, traditions, rituals, customs, etc.), skills (knowledge of a foreign language, search and analysis of information about other cultures and national characteristics), and communication skills (use of non-verbal means of communication – gestures, facial expressions, etc., in accordance with cultural norms; correct interpretation of foreign language information, taking

into account cultural characteristics and the context in which this information was created; analysis and comparison of cultures of different countries, finding similarities and differences in their communicative culture).

Exercise 1. Acquaintance. All participants receive an A4 sheet. Everyone writes their name on the sheet. After that, each participant is looking for a partner to exchange sheets and write in a foreign language a pleasant wish to the partner for this training. This goes on for 5–7 rounds.

Exercise 2. The Boastful. Four participants randomly sit at the table. The participant must tell the group about himself/herself in a foreign language: where s/he came from, about his/her strengths, qualities, etc. (the teacher monitors the clarity and correctness of the presentation).

After that, the participants choose one card for themselves, turn it over and occupy the table whose number is indicated on the card (the cards remain on the table). People occupy the specified table and do the Boastful exercise again.

Exercise 3. We Are with You. Participants are randomly divided into two teams. One team forms the outer circle, the other forms the inner circle. The people from the outer circle stand opposite the people from the inner circle. Participants in the outer circle say (using a foreign language) to their partners a phrase that begins with the words: “You and I are similar in ...” (for example, you and I are similar in that we live on planet Earth, study in the same class, etc.). The members of the inner circle answer: “You and I differ in ...” (for example: you and I differ in eye color, long hair, etc.). Then, at the instruction of the teacher, the participants in the inner circle move, changing their partner. The procedure is repeated until every member of the inner circle meets every member of the outer circle.

The second stage – interactive – consists of tasks that focus on the development of ethnocultural sensitivity, increase intercultural competence in situations of intercultural communication, form management strategies and overcome negative ethnic attitudes, develop and consolidate the skills necessary for successful intercultural interaction.

After getting acquainted, the participants are divided into groups of four people in each group (it is desirable that each group has representatives of different nationalities) and proceed to the main work.

The teacher tells the rules for participation in the training: start talking only after s/he raised their hand and received the teacher’s approval; when one speaks, others are silent.

Exercise 4. The teacher asks the participants to tell them what, in their opinion, intercultural communication is. The facilitator writes it down on the board. After that, a general definition is formed.

Exercise 5. It Has Happened to Me. The participants in the group discuss the difficulties that they may have and what experience they have had in situations of intercultural communication. One member of the team voices the situations indicated by the group.

Exercise 6. About My Culture. Each participant is given a sheet on which s/he writes “We ... (indicates nationality) and writes five stereotypes about representatives of another nationality. For example,

“Russian people are evil, they never smile” or “all Japanese love sushi and anime”, “all Koreans eat dogs”, “Americans cannot live without fast food”. After that, the participants are asked the question “What new have you heard about your culture?”.

Exercise 8. Story. Each member of the group prepares a short story about the features of the culture to which s/he belongs. The story can be written in free form, but must include answers to the following points:

- traditions and norms (for example: do not use the number 19, do not cross the road in red, give money for a birthday, bring pineapples to the hospital, smoke while eating, slurp, (do not) use the right/left hand for any activity, talk loudly in a public place, greet with a special gesture in the street, others in the family, etc.)

- popular and frequently consumed dishes (for example, typical and atypical for other cultures),

- national characteristics (for example: smiling, modesty, social distance),

- attitude towards work/study/religion (for example: workaholism, labor migration, the importance of education for the family (society) and further employment, dominant religion, religious practices),

- basic norms of behavior (prohibitions and preferences) for communicating with people of different sexes, social status (for example: conversations with a stranger, help for women, help from/for a stranger, addresses and signs of respect for people of a different social status, etc.)

After each participant of the training prepares their story, s/he voices it aloud. The teacher, if necessary, suggests the missing vocabulary, corrects mistakes. When all participants have finished answering, a discussion takes place; everyone has the opportunity to ask a question to another.

The teacher also asks the participants questions (for example: what expressions/constructions are usually used in your native language when greeting/saying goodbye to people of different ages, social status; how different it is from the rules adopted in the target language; how much tone and voice expression matter in conveying meaning in your native language, how important tone is in the studied foreign language, etc.).

The third stage – productive – includes the application of the case study. It is an active learning technique that consists of the use of specific learning situations in the organization of the learning process, aimed at formulating a problem and finding options for solving it. Problem solving is followed by analysis in the classroom. The method is great for teaching a foreign language because it contains all types of speech activities. The essence of the case study in teaching a language is the independent foreign language activity of students in an artificially created environment.

Exercise 9. Negotiation. The teacher invites the participants to find a solution for the next case. Imagine that the group members will live in the same room in a student hostel and they need to agree on comfortable accommodation for each tenant in the room. The group receives a sheet with the information about the purpose of the case and its tasks.

The goal is to achieve a comfortable living in the room for each tenant.

Tasks: establishing rules for cleanliness, silence, cooking and eating food, inviting guests.

In addition, the teacher gives individual input data to each participant. The participants must adhere to them while searching for a solution to the case. The teacher gives time for the participants to study the conditions and, if necessary, answers their questions.

An example of input data for each participant:

Participant 1 – You prefer to sleep from 00:00 to 07:00. At 8:00 you leave for classes and return from classes at 14:30. You are a first-year master's student. You have a friend (girl- or boyfriend) who lives in a hostel and you would like him/her to come to your room.

Participant 2 – You prefer to sleep from 20:00 to 05:20 because you leave for work at 6:00 and return at 11:00. You leave for class at 2:00 pm and return at 7:00 pm. You are the oldest in the room, but you are a third-year undergraduate student. You do not eat pork and cannot stand the smell of it. You stain the bathroom mirror and hoard your dirty socks on the chair.

Participant 3 – You need to sleep from 5:00 to 11:00 because you have classes from 12:25 to 20:00. At 23:00 you leave for work and return at 4:30. You are a second-year master's student and you need special rest because you sleep the least. You love cleanliness and order.

Participant 4 – You prefer to sleep from 10:00 to 18:00. You are a first-year bachelor's student. You do not attend classes; you play computer games all the time in the room, and you prefer to eat in the room. You love KFC and boiled pork very much.

Participants are invited to speak in turn on each of the points of the rules and give their suggestions. You can also create a common table and fill it out together, discussing each point.

The teacher also sets the rules of communication. It is necessary to explain to the participants that everyone is entitled to express their opinion; it is important to listen to all points of view and agree on the best option for everyone. For communication, it is allowed to use only the foreign language being studied, taking into account the specifics of the context: an informal style of communication, the absence of inappropriate language, national and cultural characteristics of other group members. The result of the solution of the case should be specifically formulated in writing (outlined/in the form of a table) in a foreign language; the piece of writing must include the rules of cleanliness and silence, the rules for preparing and consuming food, and the rules for inviting guests.

The teacher announces the time given to the group for discussion and making agreements (20 minutes). When the time is up, s/he announces the beginning of the discussion and takes the position of an observer evaluating the progress of the discussion according to the following criteria:

- compliance with the given individual conditions of each participant;
- compliance with the conditions of communication (use of a foreign language, communication style, cultural norms, etc.);
- presence or absence of the fact of agreement as a result of the discussion;

– amount of time spent on negotiations (faster/on time/failed);

– emotional state of the participants during the negotiations.

– assessment of agreement: whether all group members are satisfied with the result.

While one group is voicing the case, the participants from other groups assess the performance: they carefully observe the actions of their colleagues, which will enable the teacher to more deeply assess the skills of the intercultural communication among all participants in the training.

At the end of the training, a reflection of experience is required, which must include the following elements:

1. Analysis of the results: participants must analyze how successfully they coped with the solution of the case, identify their strengths and weaknesses, and determine what could have been done better.

2. Process evaluation: participants must evaluate the process of discussing and solving the case, identify what methods and approaches were used, how they worked, what could have been done differently.

3. Evaluation of the experience gained: participants must reflect on what lessons they have learned from the process of solving the case, how this experience can be useful for them in the future.

4. Planning for the way forward: based on the analysis of the results and the process, participants must determine what actions they can take to improve their intercultural communication skills and effectiveness in working in an intercultural environment.

5. Exchange of opinions: participants must exchange their opinions and ideas about the process of solving the case, discuss what was useful and interesting, what could be improved next time.

The developed training includes a variety of methods and technologies: game formats, role-playing games, simulations, feedback, and reflection, which help participants learn effectively and practice their skills in real life.

After completing the training, participants will be able to interact more successfully and effectively with people from other cultures, which can increase their chances of career success and achieving their goals in an international environment. Moreover, the training contributes to increasing cultural literacy and provides deeper insight into cultural differences, which can lead to a more tolerant and harmonious society as a whole. It should also be noted that each participant will be able to enrich the vocabulary, test their skills in a foreign language, and identify what should be improved.

Thus, we can conclude that training in the development of foreign language intercultural communication skills for foreign students is of great importance, since it helps to develop the key skills necessary for successful interaction in an international dynamically developing environment. It teaches participants effective communication in a foreign language with representatives of other cultures, helps to understand cultural differences, and reduces the risk of conflicts in intercultural communications. Therefore, it can be recommended for teaching students at a modern university.

Study Results

The formative experiment has allowed us to accumulate extensive materials: teacher lesson notes on the training frameworks, compiled catalogs of errors made by students while communicating with each other and the teacher in a foreign language and multicultural environment, the difficulties encountered by students.

The qualitative analysis was applied to get a better understanding of human behavior from the participant's perspective in the context of the implemented teaching framework based on communication training. It allowed for a detailed examination of the learners' opinions and experiences, tailored to the particular educational context.

The quantitative analysis based on the empirical data received has revealed that 100% of the participants improved their skills in foreign language intercultural communication due to the implemented teaching framework, while at the stage of entrance testing only 18.75% of participants were able to communicate successfully. The following troubles have been identified: 1) the majority of the learners were not able to identify gender and use appropriate language means for that; 2) a lot of learners were not aware of various national cultural peculiarities; 3) a greater part failed to understand values favorable to a particular culture. According to participants' self-evaluation at the end of the experimental teaching, 81.25% have learned a lot of new things about other countries and changed their attitude to cultural differences for the better.

At the end of training, each participant was evaluated according to the criteria described above. All students complied with the given conditions, showed respect and attention to each other. English was chosen as the language of the training. Five people out of sixteen had some difficulties choosing the appropriate vocabulary, but, in spite of that, they were able to express their thoughts without losing their meaning. One person had significant difficulty formulating sentences. Each participant was able to maintain their communication style and cultural norms.

Potentially conflicting situations arose within each group during task 9, which were nonetheless resolved within the given timeframe. The students (N=5), who were the most active in solving problem situations, received the highest marks for this exercise. Two people who showed excessive emotional reactions received lower scores. At the end of the activity, all participants expressed their satisfaction with the arrangement. Therefore, the case was considered successfully solved.

The exercise aimed at presenting oneself and one's culture improved the attitudes of five students, who initially felt that they were being negatively treated. The teacher, who conducted the training, made observations all the time and noted who faced troubles and what strategies helped promote better understanding and better relationships among the focus group members.

Discussion and Conclusion

This study was conducted to investigate the effect of an intercultural training framework in a foreign language on international students' ability to communicate effectively with representatives of various cultures. The

purpose of this study was to gain a better understanding of what an intercultural training should include, in order to provide a multicultural dialogue between students as representatives of various cultures.

Answering the research question posed in this study, we propose that the structure of the teaching framework design should be based on three components: (1) a conceptual framework, (2) content, and (3) procedural components. The authors suggest that several distinctive conceptual features characterize our framework: (1) interpersonal interaction, (2) real-life situations and reflection on intercultural differences to facilitate a change of attitude and intercultural awareness that is considered conducive for learning, (3) the learning process is emphasized by means of adaptive feedback based on individual analyses.

The training scenarios presented in this article include real-life-oriented conflict management, student-centered cross-cultural discussions, and solving problems related to intercultural communication in English as a foreign language. Primarily, evaluation studies indicate that the suggested scenarios may be well-suited for real educational situations in a multicultural university environment. Due to its flexible architecture, our framework and approach can easily be tailored to different settings and thus serve as a basis for future research focusing on the adaptation of foreign students to various educational contexts. On the basis of these developments, we elaborate important design dimensions, reflect general issues and major challenges, and identify opportunities for integrating on intercultural training into an EFL course at university.

The results of the present study support the hypothesis that communicative training can be an effective means of developing not only skills of foreign languages but also knowledge and skills of intercultural communication. One of the advantages of this type of training is that it focuses on the development of language skills in real-life situations.

Another positive feature is that communicative training helps students to develop their intercultural communication skills by providing them with opportunities to interact with speakers of the target language in authentic communication situations. Through these interactions, students develop their ability to understand and interpret cultural differences, as well as to negotiate meaning and communicate effectively in the target language.

The results of this research provide supporting evidence that communicative training also helps students develop a deeper understanding of cultural values, norms, and beliefs that underpin communication in a foreign language. This can help students become more effective communicators and develop more positive and meaningful relationships with speakers of the target language.

Our results highlight the benefits of training as a form of learning and the importance of each of its parts described in this article. Our case study into experimental learning confirms that the methodology of communicative intercultural training allows teachers to engage international students in active learning and accomplish high-quality and meaningful work. It offers opportunities for every student, regardless of their language proficiency levels and cultural background, to learn verbal and non-verbal communication strategies

aimed at overcoming difficulties and misunderstanding each other in a multicultural educational environment of the university. Moreover, our framework teaches students to think beyond common classroom tasks and increase their desire to communicate effectively in social life.

This study represents a first attempt to address these issues. We feel that further research examining the

content and the procedural issues of intercultural communicative training may shed light on the complex nature of intercultural communication in the educational environment.

Therefore, further research into the reasons for possible positive results of this teaching framework implementation is needed.

References

1. Roth, P.L., Bevier, C.A., Bobko, P., Switzer III, F.S. & Tyler, P. (2001) Ethnic group differences in cognitive ability in employment and educational settings: A meta-analysis. *Personnel Psychology*. 54 (2). pp. 297–330.
2. Shuster, M. & Van Dyne, S. (1985) Curricular change for the twenty-first century. *Beyond departmental boundaries*. Totowa.
3. Schoem, D., Frankel, L., Ximena, Z. & Lewis, A. (1995) *Multicultural Teaching in the University*. London.
4. Sidorov, S.V. (n.d.) *Trening kak forma aktivnogo obucheniya*. [Online] Available from http://sisv.com/publ/1/trening_kak_forma_aktivnogo_obucheniya/14-1-0-387 (Accessed: 29.04.2021).
5. Kodzhaspirova, G.M. & Kodzhaspirov, A.Yu. (2000) *Pedagogicheskiy slovar': dlya studentov vysshikh i srednikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Pedagogical dictionary: for students of higher and secondary pedagogical educational institutions]. Moscow: Akademiya.
6. Samoukina, N.V. (2014) *Zhivoy teatr treninga. Tekhnologii, uprazhneniya, igry, stsennarii* [Live theater training. Technologies, exercises, games, scenarios]. Saint Petersburg: Piter.
7. Lustig, M.W. & Koester, J. (2007) *Intercultural Competence: Interpersonal Communication across Cultures*. 5th ed. Boston, MA: Pearson and AB.
8. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/44/18
9. Kecskes, I., Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2018) Study of the Perception of Situation-Bound Utterances as Culture-Specific Pragmatic Units by Russian Learners of English. *System*. 76. pp. 219–232. DOI: 10.1016/j.system.2018.06.002
10. Kecskes, I., Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2020) A Cognitive-discursive approach as a methodological basis for the formation of intercultural competence in modern foreign language education. In: Shamilov, R.M. (ed.) *New approaches in linguistics and teacher education*. Nizhny Novgorod: NSLU. pp. 103–128.
11. Tomlinson, B. (2003) *Kommunikativnyy trening dlya obucheniya inostrannym yazykam* [Communicative Language Teaching for Foreign Language Learning]. Moscow: Akademicheskii proekt.
12. Byram, M.S. (1997) *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters Ltd.
13. Arevalo-Guerrero, E. (2009) *Assessing the Development of Learners' Intercultural Sensitivity and Intercultural Communicative Competence: The Intercultural Spanish Course*: Doctoral dissertation. University of Maryland, Baltimore, MD.
14. Fried-Booth, D.L. (2009) Modelling of teaching practice for future teachers of the English Language. *Journal of Linguistic Studies*. 2 (2). pp. 75–83.
15. Holec, H. (1981) *Autonomy and Foreign Language Learning*. Oxford: Pergamon Press.
16. Rodrigues, C. (2014) Learner autonomy and its implication: A perspective of Bangladesh. *Prime University Journal*. 8 (1). pp. 129–140.
17. Thomas, A. (2011) Psychology of intercultural learning and action. In: Thomas, A. (ed.) *Cultural comparative psychology. An Introduction*. Göttingen: [s.n.]. pp. 337–424.
18. Zhigalev, B.A., Obdalova, O.A. & Minakova, L.Yu. (2019) Curriculum reform due to Project-Based Learning Methodology implementation in teaching an ESP course to Russian University natural science students. In: Denman, C. & Rahma Al-Mahrooqi (eds) *Handbook of Research on Curriculum Reform Initiatives in English Education*. IGI Global. pp. 250–269. [Online] Available from: <https://www.igi-global.com/gateway/book/193077>
19. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/7
20. Obdalova, O.A. & Levashkina, Z.N. (2020) The Narrative-Communicative Technology of Foreign Language Teaching: Definition and Peculiarities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 458. pp. 223–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/458/27
21. Soldatov, A.Ya. (2017) *Secrets of teaching an adult audience. Business coach*. Moscow: Alpina Digital. (In Russian).

Information about the authors:

M.F. Cam, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: muhammed.fatih.camm@gmail.com

O.A. Obdalova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); interim head of the Department of Foreign Languages, leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Чам М.Ф. – аспирант кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: muhammed.fatih.camm@gmail.com

Обдалова О.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка в сфере научной коммуникации Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); врио зав. кафедрой иностранных языков, ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: o.obdalova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.*

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.*

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/488/2

Оптимизация электронного портфолио студента многопрофильного вуза

Елена Вадимовна Аликина¹, Дмитрий Викторович Мальцев²

^{1,2} Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹ elenaalikina@yandex.ru

² mdv@pstu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема создания электронного портфолио, интегрированного в образовательную деятельность современного многопрофильного вуза и обеспечивающего стратегическую коммуникацию между обучающимися, выпускниками, преподавателями и работодателями. Разработан новый принцип формирования электронного портфолио в виде иерархии достижений за выполнение заданий по разным видам учебно-познавательной деятельности. Представлена многоуровневая модель электронного портфолио. Предложены механизмы повышения эффективности работы с портфолио в образовательной деятельности многопрофильного вуза.

Ключевые слова: высшее образование, индивидуальная образовательная траектория, компетенции, многопрофильный вуз, мотивация, трудоустройство, электронное портфолио

Для цитирования: Аликина Е.В., Мальцев Д.В. Оптимизация электронного портфолио студента многопрофильного вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 14–22. doi: 10.17223/15617793/488/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/2

Optimization of the e-portfolio of multidisciplinary university students

Elena V. Alikina¹, Dmitriy V. Maltsev²

^{1,2} Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

¹ elenaalikina@yandex.ru

² mdv@pstu.ru

Abstract. The article considers the student's electronic portfolio as an integral part of the educational activities of a modern multidisciplinary university providing strategic communication between students, graduates, teachers and potential employers. The importance of the e-portfolio as an effective means of a comprehensive monitoring of students' achievements and the formation of positive students' motivation to acquire professional competencies necessary for successful employment and demanded in the labor market is substantiated. The aim of the article is to present ways to optimize work with the e-portfolio that reflects the totality of the results of the student's educational and cognitive activities in accordance with the individual educational trajectory and career expectations. The reliability of the research is justified by a suite of methods of scientometric analysis, content analysis and pedagogical modeling. The material of the research was scientific publications presented in the Scopus and RSCI citation databases, open data posted on 45 Russian multidisciplinary university websites, instructions for electronic portfolios of students, as well as texts of vacancies of the two largest online recruiting portals. The authors identified the main trends in scientific and pedagogical research on the problems of e-portfolios, analyzed the experience of using e-portfolios in multidisciplinary universities, determined the significance of e-portfolios in employment. The authors developed a new principle of forming e-portfolios; it involves the organization of a portfolio as a hierarchy of achievements in different types of educational and cognitive activities, considering university, profile and regional specifics. The authors present a multilevel model of the e-portfolio, whose implementation includes gamification elements and allows visualizing an individual educational trajectory, and propose mechanisms of improving the efficiency of the e-portfolio in the educational activities of a multidisciplinary university. The authors conclude that there is a need for pedagogical support of students in creating, filling and editing their e-portfolios. The authors express the idea that professional self-presentation in the form of a public presentation of an e-portfolio should become an integral part of the state final certification. The practical significance of the study consists in the possibility to apply the proposed structure of an e-portfolio to track the dynamics of the student's personal and professional development, to correct an educational trajectory and consciously build a professional career.

Keywords: higher education, individual educational trajectory, competencies, multidisciplinary university, motivation, employment, e-portfolio

For citation: Alikina, E.V. & Maltsev, D.V. (2023) Optimization of the e-portfolio of multidisciplinary university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 14–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/2

Введение

Компетентностная парадигма, сформулированная в середине 90-х гг. XX в. в директивных документах ЮНЕСКО [1] и определившая логику развития современного образования, соотносит глобальные образовательные цели с обеспечением вхождения человека в социальный мир и его продуктивной адаптацией в нем [2]. Это находит отражение в содержании стандартов, в требованиях к результатам образования и в процедурах их оценки.

В федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) постулируется целенаправленность основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) на формирование у выпускников компетенций, необходимых для выполнения трудовых функций в соответствии со сферой профессиональной деятельности. Основным итогом освоения ОПОП являются результаты обучения, мониторинг которых осуществляется разными способами – от традиционной фиксации оценок до выстраивания рейтингов и накопления артефактов достижений студента в виде портфолио. Наличие портфолио в электронной информационно-образовательной среде организации и обязательный доступ к нему закреплены ФГОС ВО 3++ в качестве одного из общесистемных требований к реализации ОПОП. В условиях цифровой трансформации неотъемлемым атрибутом образовательной деятельности становится электронное портфолио (*e-portfolio*), демонстрирующее не только индивидуальные достижения обучающегося, но и уровень его цифровой грамотности, способности самопредставления и самоидентификации в цифровой среде [3].

Идея портфолио зародилась в эпоху Ренессанса в кругах архитекторов и художников, которые представляли потенциальным заказчикам собранные в папки примеры своих работ [4]. В XX в. портфолио стало популярно среди артистов, дизайнеров, модельеров. В середине 1960-х гг. педагоги перенесли портфолио в школы США, после чего оно бурно развивалось в западноевропейской и японской школьных системах, став к середине 1990-х гг. одним из ведущих образовательных трендов. В настоящее время разработка электронного портфолио в целях профессиональной интеграции и мобильности расценивается в Северной Америке и в Европе в качестве обычной практики на протяжении всех этапов трудовой деятельности [5]. В России портфолио начали внедрять в общеобразовательной школе, особенно применительно к обучению иностранным языкам, с 2000-х гг. [6], далее технология была адаптирована к подготовке и аттестации педагогических работников [6], а затем и к оцениванию профессиональных компетенций студентов вузов [7–9].

Как показывает сложившаяся практика, на сегодняшний день со стороны российских вузов часто проявляется формальный подход к наполнению портфолио, а студенты слабо представляют его цель и правила составления, что не способствует повышению мотивации к обучению и тем более к допол-

нительной, внеучебной работе. Анализ российских и зарубежных источников свидетельствует, что проблема носит интернациональный характер. Так, например, согласно испанским исследователям, ряд студентов выражают скептицизм, не знакомы со всем потенциалом портфолио, им требуется техническое консультирование, помощь в планировании и структурировании документов [3]. По результатам анкетирования китайских обучающихся выявлено, что многие считают данный инструмент проявлением глобализации и желанием преподавателей следовать «модным» мировым образовательным трендам. Некоторые студенты испытывают тревогу и даже стресс, стараясь наилучшим образом сформировать портфолио, тратя много времени не на содержание, а на форму подачи информации [10]. Представители канадских университетов установили, что студенты, которые плотно работают с портфолио, испытывают проблемы, связанные с техническими сложностями, непонятными инструкциями, отсутствием заинтересованности, непониманием важности, прокрастинацией и др. [11]. Тем не менее как преподаватели вузов, так и студенты многих стран высказывают позитивное отношение к портфолио и оценивают данную практику как значимую поддержку при трудоустройстве [12].

Со стороны работодателей несомненный интерес имеет информация об уровне освоения выпускником профессиональных компетенций, но кроме этого чрезвычайно важно получить комплексное представление о личностных качествах претендента на вакантную должность: от *soft skills* (коммуникабельность, стрессоустойчивость, ответственность и т.д.) до способности к самообразованию, самооценке, рефлексии, инновациям и пр. [13]. Выявить наличие этих качеств на этапе собеседования при приеме на работу достаточно сложно в силу ограниченности по времени. Помимо этого, в большинстве российских многопрофильных вузов студентов не обучают самопрезентации, «саморекламе», в результате чего многие выпускники испытывают трудности при трудоустройстве [14], не могут убедительно рассказать о своих сильных сторонах, им сложно конкурировать с возможно менее талантливыми, но более опытными соискателями.

Предметом нашего исследования выступает электронное портфолио, которое определяется как созданная с использованием средств ИКТ совокупность результатов учебно-познавательной деятельности обучающегося, предназначенная для комплексного анализа и оценивания личностного и профессионального развития [6, 15].

Проблема исследования заключается в том, что несмотря на плодотворность научно-педагогического осмысления и возрастающую востребованность при трудоустройстве потенциал электронного портфолио как эффективного средства комплексного мониторинга достижений обучающихся и стратегической коммуникации между выпускниками, преподавателями и работодателями не в полной мере реализован в образовательной деятельности многопрофильного вуза.

Целью настоящей статьи является представление путей оптимизации работы с электронным портфолио, что способствовало бы повышению мотивации студентов к приобретению компетенций, необходимых для успешного трудоустройства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- описать основные научно-педагогические тренды в исследовании технологии портфолио;
- изучить практику российских вузов по внедрению электронных портфолио;
- определить востребованность портфолио при трудоустройстве;
- сформулировать условия системной организации работы с портфолио в вузе;
- предложить новый принцип формирования портфолио и разработать его структуру.

В исследовании использованы методы наукометрического анализа, контент-анализа, а также метод педагогического моделирования. Материалом наукометрического анализа послужили зарубежные и российские научные публикации в периодических изданиях. Контент-анализ проводился по открытым данным, размещенным на сайтах 45 российских вузов и двух платформах онлайн-рекрутинга. В частности, изучалась информация о наличии в электронно-образовательной среде портфолио обучающихся. Помимо этого, были проанализированы инструкции по созданию и наполнению портфолио, выделены основные структурные элементы и определены те из них, которые могли быть стать релевантными для многопрофильного вуза. На основе контент-анализа текстов вакансий определялась востребованность портфолио на рынке труда. Наконец, метод моделирования применялся для создания модели оптимизированной структуры электронного портфолио обучающегося многопрофильного вуза.

Результаты исследования

Как показывают результаты проведенного нами наукометрического анализа, научно-педагогический интерес к проблеме портфолио остается высоким на протяжении многих лет. На 2022 г. в базе Scopus насчитывалось 5 943 статьи по тематике портфолио, при этом самый ранний источник датируется 1959 г. Начиная с 1994 г., ежегодно публикуется в среднем 200 статей, а с 2004 – 300 статей. Больше всего публикаций (34%) представлено исследователями из США, на втором месте – Великобритания (10%), на третьем – Австралия (6%). При этом хронологически всплеск интереса к проблеме фиксируется в период пандемии Covid-19 2019–2021 гг.

Зарубежные исследования последних пяти лет сосредоточены на анализе педагогического потенциала портфолио [16], психологического настроя студентов по отношению к нему [17], а также на описании опыта внедрения определенных цифровых решений, например мобильных приложений [18]. В связи с этим авторские дефиниции портфолио можно разделить на две группы:

1) педагогические: личное пространство; инструмент самооценки; дидактическая стратегия; набор работ обучающихся или преподавателей, собранных с целью документирования опыта; набор доказательств, свидетельствующих о развитии навыков; активный процесс обучения; средство оценки профессиональных компетенций и т.д.;

2) технологические: коллекция цифровых документов; цифровая идентификация человека; инструментальное средство оценки компетенций; электронное рабочее пространство; электронный/онлайн-ресурс; мультимедийное резюме и т.д.

Наиболее частотное упоминание платформы *Mahara*, позволяющей создавать полнофункциональное электронное портфолио, интегрировать его в блоги, конструктор резюме, социальные сети, а также вести совместную работу с документами. Англоязычный сервис имеет несколько переводных версий. Одно из наиболее полных описаний университетской системы портфолио представлено в статье канадских исследователей [11] с ссылкой на открытую демоверсию портфолио *Passages* (<https://epassages.ca/>), созданного по принципу трансдисциплинарности.

В российском педагогическом дискурсе научные публикации, посвященные портфолио, как свидетельствует анализ данных базы РИНЦ, появляются с начала 2000-х гг. и касаются преимущественно школьного образования. В них речь идет о фиксации учебных достижений (успехов) школьников и абитуриентов, но уже, как правило, в электронной форме. Термин «портфолио» передается через синонимы «папка», «портфель», «досье», «свидетельство», «документированный набор работ», «карта успешности», «дневник социальной успешности», «цифровой след», «процессфолио», «резюме» и т.п. С 2005 г. обсуждается распространение портфолио в системе аттестации учителей, позже в педагогическом образовании и, наконец, с 2007 г. на уровне общеузовской практики.

Всего в период с 2001 по 2022 г. в базе РИНЦ размещено около 4 200 статей по педагогическим наукам, рассматривающим вопросы портфолио: от нескольких в год в первое десятилетие до сотен – во второе (рис. 1).

Несмотря на наше предположение, что пик научного интереса к проблеме пришелся на пандемийные события в связи с более глубокими осмыслениями возможностей дистанционных технологий, наукометрическая статистика показывает наибольшую активность в период с 2014 по 2019 г. (400–500 статей в год), что коррелирует с началом цифровой трансформации образования и введением соответствующих регламентирующих требований во ФГОС.

По числу цитируемости ядро авторов формируют публикации В.А. Девисилова (77 ссылок на статью [9]), В.К. Загвоздкина (63 ссылки на статью [19]), Т.Г. Новиковой, М.А. Пинской, А.С. Прутенкова, Е.Е. Федотова (55 ссылок на совместную статью [20]), К.Э. Безукладникова (54 ссылки на статью [7]). Данные статьи посвящены осмыслению роли портфолио в профессиональном образовании и анализу зарубежного опыта его применения.

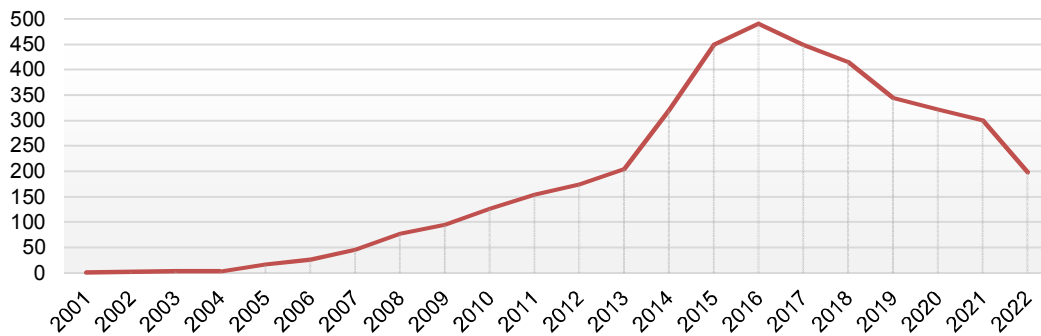

Рис. 1. Количество публикаций по годам в базе РИНЦ

Наибольшая публикационная активность по проблемам портфолио отмечена у следующих исследователей: О.Г. Смоляниновой (44 публикации), О.А. Имановой (25 публикаций), Т.Г. Новиковой и Ф.Д. Пиракова (по 19 публикаций). Работы О.Г. Смоляниновой имеют наиболее протяженную хронологическую историю (с 2008 по 2018 г.) и посвящены использованию технологии электронного портфолио в высшем образовании, в частности, для социализации и профессионального развития выпускников [6, 15, 21].

При определении портфолио наблюдается таксономическое смешение категорий «метод», «технология», «система», «форма», «способ», «инструмент», «механизм». Наиболее частотное его отнесение к категории «средство» применительно к оцениванию, мониторингу, самооцениванию, рефлексии, развитию, обучению и т.д. Среди видов авторы выделяют «профессиональное», «профессионально-образовательное», «исследовательское», «имиджевое», «рефлексивное», «процессное», «личное», «языковое» портфолио, на технологическом уровне – «электронное» или «цифровое», на аксиологическом уровне – «аутентичное», «неформальное», «мотивационное», «универсальное», «конкурентоспособное».

В собранном корпусе публикаций наиболее широко освещена проблема применения портфолио как средства оценивания (21%). Интересно, что на протяжении 20 лет оценивание с помощью портфолио сопровождается в названиях статей российских авторов эпитетами «инновационное», «альтернативное», «современное». В последние годы портфолио все чаще фигурирует в контексте формативного оценивания и, начиная с 2016 г., позиционируется как условие успешного трудоустройства. Что касается технологических решений, авторы публикаций обращаются к таким специализированным российским платформам, предназначенным для создания портфолио, как *Netfolio*, *Portfolios*, *4portfolio*, *Skillometer* и др. Появляются публикации, посвященные применению искусственного интеллекта для анализа данных и принятия решений на основе загруженных портфолио материалов [22].

Практическая реализация портфолио изучалась нами на материале открытых данных, представленных на сайтах образовательных организаций. Всего было проанализировано 45 сайтов многопрофильных (фе-

деральных, политехнических и технических) вузов. Анализ показал, что 69% сайтов имеют вкладки «Личный кабинет» или «Кабинет обучающегося» с выходом из раздела «Студентам» на главной странице. Вероятно, у 31% вузов вход в личный кабинет осуществляется не через официальный сайт, а через закрытый корпоративный портал. Ведение портфолио чаще всего упоминается именно как одна из опций: «в личном кабинете вы можете вести личное портфолио», «личный кабинет предоставляет возможность формирования портфолио», «в личном кабинете предоставляется возможность работы с индивидуальными ресурсами, среди которых материалы портфолио, в т.ч. работы обучающихся, а также рецензии и оценки этих работ».

Примечателен пример Уральского федерального университета, на сайте которого личный кабинет и портфолио представлены отдельно. В личный кабинет включены такие сервисы, как информация о расписании занятий, в том числе ссылки на виртуальные комнаты и трансляции из аудиторий, запись на секции физкультуры и модуль иностранного языка, портал электронного обучения и др. В портфолио представлены рейтинги (в том числе по внеучебной деятельности), зачетная книжка, отчеты по практикам, темы курсового проектирования и ВКР, результаты участия в проектах.

В Томском политехническом университете разработана профессиональная социальная сеть *Flamingo*, предоставляющая возможность студентам и аспирантам создавать портфолио научного специалиста. В нем указываются достижения в четырех видах деятельности: научной, учебной, спортивной, культурной, которые автоматически попадают в открытый рейтинг.

Доступ к личному кабинету на сайтах вузов, как правило, закрытый (97%), имеется упоминание, что он «является защищенным персональным сервисом», вход осуществляется по индивидуальному паролю, часто по номеру зачетной книжки. На сайте одного университета был открыт доступ к текстам ВКР.

В 20% случаев на сайтах размещена краткая инструкция по работе с портфолио, например: «вы можете вести личное портфолио, добавляя сведения о достижениях, наградах, публикациях и проектах». Все инструкции представлены на русском языке,

адаптированных вариантов для иностранных студентов или переводных версий не имеется. В 7% проанализированных сайтов подробная инструкция прикреплена в виде отдельного файла. Например, в инструкции Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого указаны разделы портфолио («Достижения» и «Документы»), перечислены возможные варианты наполнения по каждому виду деятельности, описаны сопровождаемые скриншотами окон действия по загрузке и верификации документов. Такого рода расширенные инструкции позволяют получить стороннему наблюдателю общее представление о структуре портфолио.

Как правило, в типовое портфолио входят результаты промежуточных аттестаций по дисциплинам, тексты курсовых, проектных, выпускных квалификационных работ и оценки за них. Фактически вся эта информация (кроме текстов работ) указывается в приложении к диплому. Расширенные варианты портфолио могут включать информацию о достижениях в учебной, научно-исследовательской, спортивной, культурно-творческой и общественной деятельности. При этом к учебной деятельности могут относиться не только результаты аттестаций, но и факты участия в профильных конкурсах, мастер-классах, стажировках, сертификация владения иностранным языком и др. Среди документных артефактов предлагается сохранять рецензии, отчеты и отзывы по практикам, рефераты, эссе, контрольные работы. Ни в одной из проанализированных инструкций мы не нашли информации о том, как, кем и когда оценивается качество самого портфолио, каким образом и в каком виде портфолио попадает к работодателю.

Несмотря на то, что наличие портфолио включено в перечень требований к образовательной организации («электронная информационно-образовательная среда Организации должна обеспечивать <...> формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение его работ и оценок за эти работы»), его наполнение полностью возложено на обучающихся. В ряде инструкций прописано: *«обучающийся самостоятельно определяет вводимую информацию о себе», «обучающийся несет ответственность за достоверность представленной им информации», «ведение электронного портфолио осуществляется лично самим обучающимся»*. В связи с этим остаются открытыми вопросы о механизмах управления процессом формирования портфолио, о мотивации, технической и содержательной поддержке студентов, о способах интеграции портфолио в коммуникацию с работодателем.

Как показывает проведенный контент-анализ текстов вакансий, размещенных на платформах онлайн-рекрутинга *SuperJob* и *HeadHunter*, понятие портфолио активно входит в дискурс работодателей. Так, например, в вакансиях инженерно-технического профиля портфолио сформулировано как требование (*«наличие портфолио обязательно», «резюме рассматриваются только с портфолио», «в сопроводительном письме высылать ссылки на портфолио с примерами релевантных работ»* и др.) или пожелание

(*«ждем ваше резюме/портфолио», «дополнительным плюсом будут являться наличие портфолио», «на собеседовании желательно иметь портфолио с примерами выполненных проектов», «наличие портфолио как преимущество»* и др.). Среднее соотношение дебитивной и оптативной модальности – 40%/60%. Обязательным портфолио является преимущественно в таких специализациях, как «Дизайн», «ИТ, Интернет, связь, телеком», «Услуги, ремонт, сервисное обслуживание». На портале HeadHunter частотность слова «портфолио» достаточно высока, оно упоминается в описании 7 290 вакансий, из них 448 по инженерно-техническому профилю.

Таким образом, можно констатировать, что портфолио является востребованным источником информации при трудоустройстве. В большинстве случаев, работодатели запрашивают портфолио уже реализованных проектов, что предполагает наличие определенного опыта работы. В связи с этим для выпускников вузов представляется возможным включать в портфолио примеры конкретных практических наработок, выполненных за годы учебы (чертежи, расчеты, фото, скриншоты, тезаурусы, фрагменты ВКР и т.п.).

Обсуждение результатов и предложения

Полученные в ходе исследования результаты дают основания согласиться с мнением авторов [4, 16, 21] о том, что основное предназначение портфолио заключается не в контроле образовательной деятельности студента со стороны вуза или вуза со стороны надзорных органов, а в аккумулировании сведений, позволяющих обучающемуся и потенциальному работодателю спрогнозировать успешность трудоустройства. Это предполагает выполнение совокупности условий, среди которых основными нам представляются следующие:

- структура портфолио должна быть оптимально сбалансирована, интерфейс интуитивно понятен, процесс наполнения – мотивирующим и увлекательным;
- в вузе должна быть организована система педагогического сопровождения, направленного на обучение студентов отбору, обработке и представлению информации о личностном и профессиональном развитии;
- портфолио необходимо рассматривать как средство стратегической коммуникации между обучающимися, выпускниками, вузовским и профессиональными сообществами.

Предлагаемый нами принцип формирования портфолио заключается в его представлении в виде иерархии достижений за выполнение заданий по разным видам учебной и внеучебной деятельности. Система должна иметь различные уровни как по качеству достижений, так и по их количеству с учетом вузовской, профильной и региональной специфики.

Считаем возможным выделить четыре уровня достижений, иерархия которых представляет собой пирамиду, где на низшем уровне предусмотрено наибольшее количество заданий, на высшем – наименьшее:

- первый уровень – успешное завершение части этапа, например, освоение части цикла дисциплин;
- второй уровень – успешное завершение этапа в освоении вида деятельности, например, полное изучение цикла дисциплин (гуманитарного, естественно-научного, математического, профессионального);
- третий уровень – успешное освоение отдельного вида деятельности (учебной, творческой, спортивной и т.д.), доступного в данном вузе;
- четвертый уровень – особые достижения в освоении какой-либо деятельности с правом специальной сертификации (диплом с отличием, спортивный разряд, международные награды в области искусства, волонтерства, спорта и пр.).

В качестве ближайших аналогов уровневой системы достижений можно рассматривать компьютерные игры, которые интересны и интуитивно понятны для молодого поколения. Следует подчеркнуть, что использование элементов геймификации является одним из глобальных трендов современного образования [23–25]. В соответствии с логикой геймификации и игровыми механиками за каждое полученное достижение обучающийся получает баллы, влияющие на

рейтинг, а также виртуальный значок [26], отображаемый в аккаунте. Рейтинг студентов можно публиковать в специальных разделах сайта образовательной организации, стимулируя индивидуальную, групповую, кафедральную или межкафедретскую конкуренцию [27].

Внутри каждого уровня предполагается деление достижений на степени: низкая (аналог оценки «удовлетворительно», или бронзовое достижение в игровой механике), средняя (оценка «хорошо», или серебряное достижение), высокая (оценка «отлично», или золотое достижение). Степень может задаваться средним баллом в сессию для учебной работы, местом в конкурсе, соревновании – для внеучебной (спортивной или творческой). Кроме того, достижения необходимо классифицировать на обязательные, обеспечивающий переход на следующий уровень, и дополнительные, влияющие на общий рейтинг студента. Поддержкой в этом могла бы стать визуализация системы в виде наглядной аналитики: значков, схем, таблиц с подробным описанием требований и полученных результатов. Модель предлагаемой структуры портфолио представлена на рис. 2.

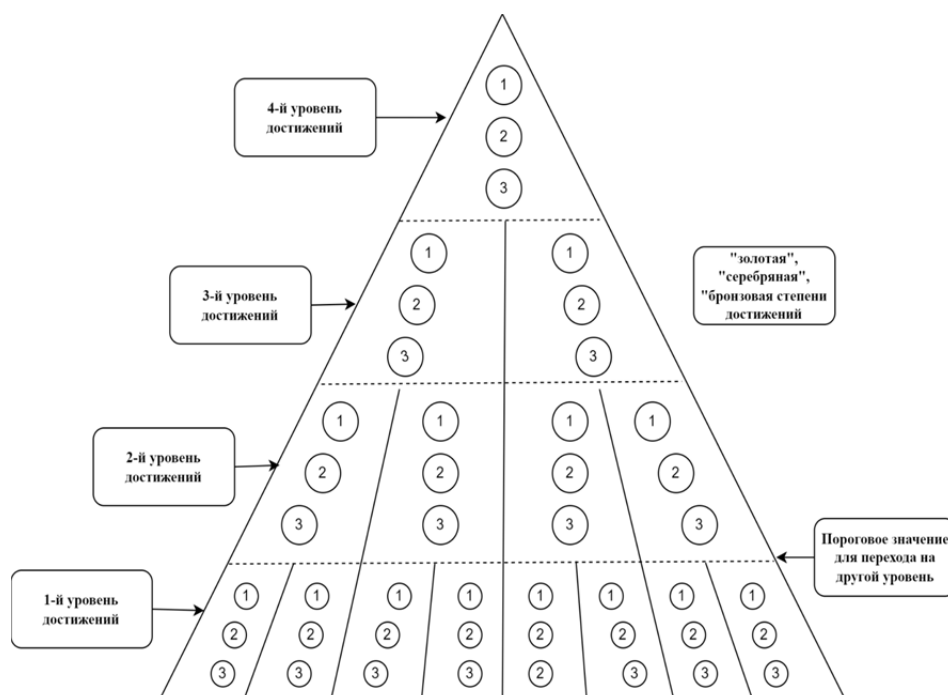

Рис. 2. Модель уровневого портфолио студента

Важно, чтобы информация обо всех возможных видах достижений, их уровнях и степенях была доступна студенту с момента поступления в вуз. Это позволило бы обучающимся более осознанно выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, выбирая не только элективные дисциплины, но и направления научного исследования, спортивные секции, творческие объединения, курсы дополнительного образования, места практик и стажировок, темы курсовых работ и т.п. Этому может способствовать интеграция в портфолио модулей искусственного интеллекта [22]. Однако, как полагаем, необходимо не только демонстрировать студен-

там возможности портфолио, но и рассматривать вместе с ними варианты, кейсы, образцы оформления, наполнения и редактирования текстовой, графической, видеодокументации. Например, это возможно организовать на первом курсе в рамках модуля дисциплины «Учебно-исследовательская работа студентов», где результатом освоения могла бы стать презентация каждым обучающимся канвы своего будущего портфолио. В дальнейшем отслеживать динамику личностного и профессионального развития, выявлять потенциальные риски и точки роста, корректировать образовательные траектории могли бы помогать кураторы.

Наконец, сущностным аспектом считаем экстернизацию сформированного за годы обучения в вузе портфолио. Это касается как публичного представления своих достижений самим выпускником, так и получение им готового цифрового продукта, который мог бы использоваться в реальном процессе трудоустройства [28].

Для решения первой задачи представляется возможным включение защиты портфолио в структуру государственного экзамена, что позволило бы в присутствии работодателей оценить не только его объем, качество, но и результаты освоения целого комплекса универсальных и общепрофессиональных компетенций.

Как показывает анализ программ государственной итоговой аттестации (ГИА), а также опыт работы авторов статьи в государственных экзаменационных комиссиях, защита портфолио широко и успешно практикуется по направлению подготовки «Педагогическое образование», однако отсутствует во многих образовательных программах многопрофильных вузов. При условии интеграции в учебный план на старших курсах дисциплины или модуля с примерным названием «Основы профессиональной самопрезентации» считаем целесообразным расширить программу ГИА заданием такого рода: «Представьте свое портфолио. Расскажите о достижениях, профессионально значимых качествах, приобретенном практическом опыте, направлениях исследовательской или проектной работы, профессиональных планах на будущее». Вопросы комиссии в данном случае могли бы моделировать ситуацию собеседования при трудоустройстве. Менее официальным и стандартизированным вариантом защиты портфолио могло бы стать проведение деловой игры, например, в рамках преддипломной практики.

Вторая задача, связанная с подготовкой цифрового продукта в виде резюме на основе портфолио, по нашему предположению, реализуема за счет автоматизации документирования в электронно-образова-

тельной системе вуза. Брендированное, грамотно отредактированное, хорошо структурированное резюме, предоставляемое выпускнику вместе с дипломом и по его желанию размещаемое на сайте университета, способствовало бы укреплению репутационного статуса вуза, развитию корпоративного и социального партнерства.

Заключение

На основе изучения научно-педагогических трендов, опыта работы российских вузов с электронным портфолио и его востребованности в практике трудоустройства в соответствии с поставленной целью исследования была предложена оптимизированная структура портфолио, предполагающая уровневую систему достижений по аналогии с игровыми механиками и позволяющая решать следующие задачи:

- 1) доказывать уровень знаний по дисциплине или блокам дисциплин;
- 2) демонстрировать наличие и уровень компетенций, имеющих значение для выполнения трудовых функций;
- 3) проявлять индивидуальность каждого студента, его сильные стороны, динамику развития на протяжении всего процесса обучения;
- 4) способствовать осознанному формированию индивидуальной образовательной траектории;
- 5) развивать критическую саморефлексию, адекватную самооценку, прагматичное целеполагание и умения самопрезентации.

Внедрение предложенной структуры в профориентационную образовательную деятельность многопрофильного вуза представляется возможным при целенаправленном обучении студентов техническому оформлению, структурно-содержательному составлению и публичной презентации портфолио как неотъемлемого компонента стратегической коммуникации в профессиональной среде.

Список источников

1. Hutmacher W. Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Cooperation (CDCC). A Secondary Education for Europe. Strasbourg, 1997. 72 p.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7–14.
3. Gutiérrez-Braojos C., Daniela L., Montejó-Gámez J. & Aliaga F. Developing and comparing indices to evaluate community knowledge building in an educational research course // Sustainability (Switzerland). 2022. Vol. 14 (17). doi: 10.3390/su141710603
4. Alajmi M.M. The impact of E-portfolio use on the development of professional standards and life skills of students: A case study // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. Vol. 6 (4). P. 1714–1735. doi: 10.9770/jesi.2019.6.4 (12)
5. Poirier T. I., Santanello C. R., & Gupchup G. V. A student orientation program to build a community of learners // American Journal of Pharmaceutical Education. 2007. № 71(1). doi: 10.5688/aj710113
6. Смолянинова О.Г., Шилина Н.Г., Герашенко С.М. Электронный портфолио как инструмент профессионального развития и аттестации преподавателей // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 11. С. 58–68.
7. Безукладников К.Э. Профессиональный портфолио как средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2008. № 8. С. 66–70.
8. Гостин А.М., Панюкова С.В. Создание и ведение карьерного веб-портфолио студента // Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 126–130.
9. Девисилов В.А. Портфолио и метод проектов как педагогическая технология мотивации и личностно ориентированного обучения в высшей школе // Высшее образование сегодня. 2009. № 2. С. 29–34.
10. Mei D. What does students' experience of e-portfolios suggest // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. 2022. Vol. 7 (2). P. 15–20. doi: 10.2478/amns.2021.2.00166
11. De Champlain Y. Les compétences du 21e siècle: associer la pensée à la pratique // Revue hybride de l'éducation. 2022. Vol. 5 (2). P. 78–105. doi: 10.1522/rhe.v5i2.1236
12. Koraneekij P., Khlaisang J. Students' beliefs regarding the use of e-portfolio to enhance cognitive skills in a blended learning environment // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2019. Vol. 14 (2). P. 85–104. doi: 10.3991/ijet.v14i02.8288

13. Van der Gulden J., Jansen I., Tromp F. Online education is no longer a thing of the past! corona crisis stimulates educational innovation // Tijdschrift Voor Bedrijfs- En Verzekeringseconomie. 2019. Vol. 29 (1–2). P. 10–13. doi: 10.1007/s12498-020-1307-9
14. Мальцев Д.В. Актуализация образовательных программ по результатам независимой оценки уровня подготовки выпускников университета // Перспективы науки и образования. 2021. № 5 (53). С. 530–543. doi: 10.32744/pse.2021.5.36.
15. Smolyaninova O.G., Bezyvestnykh E.A. Professional Training of Teacher 4.0: Developing Digital Competency By Means of ePortfolio // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 9. P. 1714–1732. doi: 10.17516/1997-1370-0478. EDN CLGBSX.
16. Gutiérrez-Santiuste E., García-Segura S., Olivares-García M.Á., González-Alfaya E. Higher education students' perception of the E-portfolio as a tool for improving their employability: Weaknesses and strengths // Education Sciences. 2022. Vol. 12 (5). doi: 10.3390/educsci12050321
17. Sultana F., Lim C.P., Liang M. E-portfolios and the development of students' reflective thinking at a hong kong university // Journal of Computers in Education. 2020. Vol. 7 (3). P. 277–294. doi: 10.1007/s40692-020-00157-6
18. Martínez J. F., Kloser M., Srinivasan J., Stecher B., Edelman A. Developing situated measures of science instruction through an innovative electronic portfolio app for mobile devices: Reliability, validity, and feasibility // Educational and Psychological Measurement. 2022. Vol. 82 (6). P. 1180–1202.
19. Загвоздкин В.К. Роль портфолио в учебном процессе. некоторые психолого-педагогические аспекты (на основе материалов зарубежных источников) // Психологическая наука и образование. 2004. № 4. С. 5–10.
20. Новикова Т.Г., Пинская М.А., Прутченков А.С., Федотова Е.Е. Место портфолио в профильном обучении (анализ зарубежного опыта) // Профильная школа. 2005. № 3. С. 45–56.
21. Смолянинова О.Г., Смолянинов А.А. Обучение медиации в условиях открытого образования: потенциал электронного портфолио в профессиональном развитии // Медиация в образовании: поликультурный контекст: материалы III Международной конференции; электронное издание. Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2022. С. 56–62.
22. Пираков Ф.Д. Создание модуля искусственного интеллекта для системы «электронное портфолио» // Перспективы развития фундаментальных наук: сб. научных тр. XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2021. С. 83–85.
23. Barbosa M.W., de Ávila Rodrigues C. Project portfolio management teaching: Contributions of a gamified approach // International Journal of Management Education. 2020. Vol. 18 (2). doi: 10.1016/j.ijme.2020.100388
24. Fernandez-Rio J., de las Heras E., González T., Trillo V., Palomares J. Gamification and physical education. viability and preliminary views from students and teachers // Physical Education and Sport Pedagogy. 2020. Vol. 25 (5). P. 509–524. doi: 10.1080/17408989.2020.1743253
25. Villagrasa S., Fonseca D., Romo M., Redondo E. GLABS: Gamification for learning management systems // Iberian Conference on Information Systems and Technologies, CISTI. 2014. doi: 10.1109/CISTI.2014.6876878
26. Fajiculay J.R., Parikh B.T., Wright C.V., Sheehan A.H. Student perceptions of digital badges in a drug information and literature evaluation course // Currents in Pharmacy Teaching and Learning. 2017. Vol. 9 (5). P. 881–886. doi: 10.1016/j.cptl.2017.05.013
27. Diniz G.C., Silva M.A.G., Gerosa M.A., Steinmacher I. Using gamification to orient and motivate students to contribute to oss projects // 2017 IEEE/ACM 10th International Workshop on Cooperative and Human Aspects of Software Engineering, CHASE. 2017. P. 36–42. doi: 10.1109/CHASE.2017.7
28. Goldman G., Ockey J., Tehbelian S., Zavitsanos E., & Rodriguez F. J. R. Preparing students to take the next step school to work transition (demo reels and beyond) // ACM SIGGRAPH 2019. Educators Forum, SIGGRAPH 2019. doi: 10.1145/3326542.3338830

References

1. Huttmacher, W. (1997) [Key competencies for Europe]. *Council for Cultural Co-operation (CDCC). A Secondary Education for Europe*. Report of the Symposium. Berne, Switzerland 27–30 March 1996. Strasbourg: Council of Europe.
2. Zimnyaya, I.A. (2009) Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key competencies – a new paradigm of the result of education]. *Eksperiment i innovatsii v shkole*. 2. pp. 7–14.
3. Gutiérrez-Braojos, C. et al. (2022) Developing and comparing indices to evaluate community knowledge building in an educational research course. *Sustainability (Switzerland)*. 17 (14). doi: 10.3390/su141710603
4. Alajmi, M.M. (2019) The impact of E-portfolio use on the development of professional standards and life skills of students: A case study. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 4 (6). pp. 1714–1735. doi: 10.9770/jesi.2019.6.4 (12)
5. Poirier, T.I., Santanello, C.R., & Gupchup, G.V. (2007) A student orientation program to build a community of learners. *American Journal of Pharmaceutical Education*. 71 (1). doi: 10.5688/aj710113
6. Smolyaninova, O.G., Shilina, N.G. & Gerashchenko, S.M. (2010) Elektronnyy portfolio kak instrument professional'nogo razvitiya i attestatsii prepodavateley [Electronic portfolio as a tool for professional development and certification of teachers]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 11. pp. 58–68.
7. Bezukladnikov, K.E. (2008) Professional'nyy portfolio kak sredstvo formirovaniya professional'noy kompetentnosti budushchego uchitelya inostrannogo yazyka [Professional Portfolio as a Means of Forming the Professional Competence of a Future Foreign Language Teacher]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 8. pp. 66–70.
8. Gostin, A.M. & Panyukova, S.V. (2014) Sozdanie i vedenie kar'ernogo veb-portfolio studenta [Creation and maintenance of a student's career web portfolio]. *Vyssshee obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 126–130.
9. Devisilov, V.A. (2019) Portfolio i metod proektov kak pedagogicheskaya tekhnologiya motivatsii i lichnostno orientirovannogo obucheniya v vysshey shkole [Portfolio and project method as a pedagogical technology of motivation and student-centered learning in higher education]. *Vyssshee obrazovanie segodnya*. 2. pp. 29–34.
10. Mei, D. (2022) What does students' experience of e-portfolios suggest. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*. 2 (7). pp. 15–20. doi: 10.2478/amns.2021.2.00166
11. De Champlain, Y. (2022) Les compétences du 21e siècle: associer la pensée à la pratique. *Revue hybride de l'éducation*. 2 (5). pp. 78–105. doi: 10.1522/rhe.v5i2.1236
12. Koraneekij, P. & Khlaisang, J. (2019) Students' beliefs regarding the use of e-portfolio to enhance cognitive skills in a blended learning environment. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 2 (14). pp. 85–104. doi: 10.3991/ijet.v14i02.8288
13. Van der Gulden, J., Jansen, I. & Tromp, F. (2019) Online education is no longer a thing of the past! Corona crisis stimulates educational innovation. *Tijdschrift Voor Bedrijfs- En Verzekeringseconomie*. 1–2 (29). pp. 10–13. doi: 10.1007/s12498-020-1307-9
14. Mal'tsev, D.V. (2021) Aktualizatsiya obrazovatel'nykh programm po rezul'tatam nezavisimoy otsenki urovnya podgotovki vypusknikov universiteta [Actualization of educational programs based on the results of an independent assessment of the level of training of university graduates]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5 (53). pp. 530–543. doi: 10.32744/pse.2021.5.36
15. Smolyaninova, O.G. & Bezyvestnykh, E.A. (2019) Professional Training of Teacher 4.0: Developing Digital Competency By Means of ePortfolio. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 9 (12). pp. 1714–1732. doi: 10.17516/1997-1370-0478
16. Gutiérrez-Santiuste, E. et al. (2022) Higher education students' perception of the E-portfolio as a tool for improving their employability: Weaknesses and strengths. *Education Sciences*. 12 (5). doi: 10.3390/educsci12050321

17. Sultana, F., Lim, C.P. & Liang, M. (2020) E-portfolios and the development of students' reflective thinking at a hong kong university. *Journal of Computers in Education*. 3 (7). pp. 277–294. doi: 10.1007/s40692-020-00157-6
18. Martínez, J. et al. (2022) Developing situated measures of science instruction through an innovative electronic portfolio app for mobile devices: Reliability, validity, and feasibility. *Educational and Psychological Measurement*. 6 (82). pp. 1180–1202.
19. Zagvozdkin, V.K. (2004) Rol' portfolio v uchebnom protsesse. nekotorye psikhologo-pedagogicheskie aspekty (na osnove materialov zarubezhnykh istochnikov) [The role of the portfolio in the educational process. Some Psychological and Pedagogical Aspects (Based on Materials from Foreign Sources)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 4. pp. 5–10.
20. Novikova, T.G. et al. (2005) Mesto portfolio v profil'nom obuchenii (analiz zarubezhnogo opyta) [Portfolio place in profile education (analysis of foreign experience)]. *Profil'naya shkola*. 3. pp. 45–56.
21. Smolyaninova, O.G. & Smolyaninov, A.A. (2022) [Teaching mediation in open education: the potential of an electronic portfolio in professional development]. *Mediatsiya v obrazovanii: polikul'turnyy kontekst* [Mediation in Education: a Multicultural context]. Proceedings of the 3rd International Conference. Krasnoyarsk. 27–29 September 2021. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 56–62. (In Russian).
22. Pirakov, F.D. (2021) [Creation of an artificial intelligence module for the "electronic portfolio" system]. *Perspektivy razvitiya fundamental'nykh nauk* [Prospects for the Development of Fundamental Sciences]. Proceedings of the 18th International Conference. Tomsk. 27–30 April 2021. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 83–85. (In Russian).
23. Barbosa, M.W. & de Ávila Rodrigues, C. (2020) Project portfolio management teaching: Contributions of a gamified approach. *International Journal of Management Education*. 2 (18). doi: 10.1016/j.ijme.2020.100388
24. Fernandez-Rio, J. et al. (2020) Gamification and physical education. viability and preliminary views from students and teachers. *Physical Education and Sport Pedagogy*. 5 (25). pp. 509–524. doi: 10.1080/17408989.2020.1743253
25. Villagrasa, S. et al. (2014) [GLABS: Gamification for learning management systems]. *Iberian Conference on Information Systems and Technologies, CISTI*. Proceedings of the Conference. Barcelona. 18–21 June 2014. Barcelona: IEEE Computer Society. doi: 10.1109/CISTI.2014.6876878
26. Fajiculay, J.R. et al. (2017) Student perceptions of digital badges in a drug information and literature evaluation course. *Currents in Pharmacy Teaching and Learning*. 5 (9). pp. 881–886. doi: 10.1016/j.cptl.2017.05.013
27. Diniz, G.C. et al. (2017) [Using gamification to orient and motivate students to contribute to oss projects]. *Proceedings of the 2017 IEEE/ACM 10th International Workshop on Cooperative and Human Aspects of Software Engineering, CHASE*. Buenos Aires. 23 May 2017. Buenos Aires: IEEE Computer Society. pp. 36–42. doi: 10.1109/CHASE.2017.7
28. Goldman, G. et al. (2019) [Preparing students to take the next step school to work transition (demo reels and beyond)]. *SIGGRAPH'19*. Proceedings of the ACM SIGGRAPH 2019 Educators Forum. Los Angeles. 28 July 2019. New York: Association for Computing Machinery. doi: 10.1145/3326542.3338830

Информация об авторах:

Аликина Е.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: elenaalikina@yandex.ru

Мальцев Д.В. – канд. техн. наук, доцент кафедры «Автомобили и технологические машины» Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: mdv@pstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Alikina, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: elenaalikina@yandex.ru

D.V. Maltsev, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: mdv@pstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.02.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 15.02.2023;
approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 811.161.1'243: 372.881.161.1
doi: 10.17223/15617793/488/3

Учебник русского языка «Жили-были...» в аудитории иностранных студентов-мусульман: специфика восприятия и применения

Наталья Анатольевна Вострякова¹

¹ Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия,
navostrjakova@yandex.ru

Аннотация. Анализируется учебник русского языка «Жили-были...» с точки зрения эффективности его использования в мусульманской аудитории на элементарном и базовом уровнях обучения РКИ. Выявляются материалы учебника, которые могут вызвать непонимание иностранцев или осмысляться ими иначе по сравнению с русскими людьми. Для повышения результативности применения «Жили-были...» преподаватель должен учитывать религиозную ментальность студентов и опираться на общечеловеческие ценности, признаваемые русскими и мусульманами.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), иностранные студенты-мусульмане, универсальный учебник по РКИ, учебник русского языка «Жили-были...», элементарный и базовый уровни обучения РКИ, учет конфессиональных особенностей студентов

Для цитирования: Вострякова Н.А. Учебник русского языка «Жили-были...» в аудитории иностранных студентов-мусульман: специфика восприятия и применения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 23–36. doi: 10.17223/15617793/488/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/3

The Russian language textbook *Zhyli-byli ... (Once Upon a Time ...)* in the audience of foreign Muslim students: The specifics of perception and application

Natalya A. Vostryakova¹

¹ Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation,
navostrjakova@yandex.ru

Abstract. The modern methodology of Russian as a foreign language (RFL) recognizes the need to take into account the religious views of Muslim students in the learning process. However, at present, no special textbooks of the Russian language have been created for this confessional contingent. Nationally oriented textbooks for students from specific Islamic countries are available in limited numbers, but they do not cover all program material, or are not available. Therefore, Muslims in secular Russian and foreign universities study the Russian language mainly from universal RFL textbooks created in the last 20 years in Russia and addressed to the average foreigner. From such textbooks, students learn about Russian culture, Russian people's life and behavior. At the same time, polls in Islamic countries show that many students are not satisfied with universal textbooks, since they do not take into account their religious and national mentality. Some facts, events, relationships between Russians reflected in such textbooks may be incomprehensible to foreigners, they may seem ambiguous and even seditious. Therefore, the problem of the expedient use of universal RFL textbooks in the Muslim audience is urgent. In this article, the author solves the problem on the basis of the popular modern universal textbook *Zhyli-byli ... (Once Upon a Time ...)* by L. V. Miller, L. V. Politova, and I. Ya. Rybakova, which is used in educational institutions in Russia, Iran, Iraq, Pakistan, Turkey, and other countries. The linguacultural content of this textbook is analyzed from the point of view of its clarity and cognitive value for Muslim students from distant foreign countries at the elementary and basic levels of teaching RFL. The methods of component and contextual analysis of language units, the comparative method, the method of experimental teaching, and others are used. In the course of the research, specific speech and illustrative materials from the textbook *Zhyli-byli ...* are identified, which may be incomprehensible to foreigners, may cause rejection in them, or may be interpreted differently by them in comparison with Russian people. The author comes to the conclusion that, in order to increase the effectiveness of teaching, an RFL teacher should be able to analyze the material of the textbook taking into account the religious and cultural specifics of Islamic students, select it in such a way as to demonstrate to students the best aspects of Russian reality and organize the educational process based on universal values. The study of the universal RFL textbook *Zhyli-byli ...* in Muslim audiences in all countries of the world should help improve the personality of a foreign student and harmonize relations between the Russian and Islamic peoples.

Keywords: Russian as foreign language (RFL), Muslim foreign students, universal textbook on Russian as a foreign language, Russian language textbook “*Zhyli-byli ... (Once Upon a Time ...)*”, elementary and basic levels of learning RFL, account of students’ confessional characteristics

For citation: Vostryakova, N.A. (2023) Russian language textbook *Zhyli-byli ... (Once Upon a Time ...)* in the audience of foreign Muslim students: The specifics of perception and application. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 23–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/3

Введение. Современное российское государство является многоконфессиональным, религиозная и атеистическая пропаганда в нем запрещена. Согласно законодательству РФ, образование в российских школах и большинстве вузов основывается на научных знаниях и носит светский характер. Однако в последнее десятилетие россияне имеют возможность изучать отечественные или мировые религии на факультативной основе: в школах с 2012 г. введен предмет «Основы религиозных культур и светской этики», в университетах открыты кафедры теологии, которые разрабатывают спецкурсы по изучению различных религиозных культур. При этом преподавание религиозных дисциплин (в отличие от светских) должно организовываться по желанию учащихся или их родителей, исключать совершение религиозных обрядов и носить информационно-познавательный характер.

Анализируя целесообразность введения религиозных предметов в учебные программы государственных учебных заведений, ряд педагогов [1. С. 3–4, 13; 2. С. 3; 3. С. 3–4, 8] считают, что религиозное просвещение духовно оздоровит население нашей страны, поможет ему преодолеть глобальный нравственный кризис, переживаемый человечеством с конца XX в. по настоящий момент, и гармонизирует отношения между людьми. «На сегодняшний день, – подчеркивают они, – когда мир охвачен хаосом морально-нравственной дезориентации, преподавание дисциплин, направленных на формирование цельной духовно развитой личности, является спасительным кругом современного общества» [4. С. 22].

Особенно актуальным изучение религиозных культур признается для городов и регионов, в которых сохранились устойчивые конфессиональные традиции (Казань, Дагестан и др.). Так, А.А.-Дж. Койчуев, исследовавший светскую образовательную практику народов Северного Кавказа, отмечает, что на рубеже XX–XXI вв., в условиях гуманитарного кризиса российского общества, характеризующегося идейным и моральным плюрализмом, система образования не всегда и не в полной мере наполняет духовными смыслами воспитательный процесс, что вступает в конфликт с местными, исламскими традициями семейного воспитания и потребностью личности в духовно-нравственном развитии. Поэтому использование в обучении педагогического потенциала ислама в этом регионе (с учетом возрастных особенностей, уровня образования и профессиональной подготовки учащихся), по его мнению, целесообразно, так как позволяет гармонизировать воздействие на человека светских образовательных учреждений, семьи, этнических сообществ и преодолеть имеющиеся между ними противоречия [3. С. 5–6, 8, 13–14, 26, 37–38].

Другие отечественные педагоги полагают, что в современном многополярном мире у подрастающего поколения следует формировать поликультурное, гуманистическое восприятие мира, основывающееся на общечеловеческих ценностях, учитывающее интересы каждой личности, и воспитывать толерантность к инакомыслящим [5. С. 13–15; 6. С. 103–105; 7. С. 232, 240; 8. С. 74–78; 9. С. 84–88].

В современной методике РКИ, в частности, данная точка зрения является преобладающей. Однако необходимость учета в обучении религиозных взглядов иностранцев признается большинством преподавателей [10. С. 194; 11. С. 72–73, 82–84, 125–132]. При обучении миссионеров, например, могут разрабатываться методические материалы, учитывающие их конфессиональные интересы. При обучении будущих военных, среди которых преобладают верующие люди, рекомендуют использовать библеизмы, поговорки, пословицы с религиозной лексикой, тексты с библейскими сюжетами, публицистические заметки, социологические опросы россиян о праздновании религиозных праздников [12. С. 521].

Более детально, насколько нам известно, вопрос учета религиозной принадлежности учащихся в отечественной методике преподавания РКИ не прорабатывался. Так, на сегодняшний день остается не вполне ясным, каким именно образом религиозная ментальность студентов должна учитываться в содержании и организации учебного процесса в светских российских вузах, учебников РКИ при обучении представителей конкретных этноконфессиональных контингентов в мононациональных и полинациональных группах.

Довольно остро данная проблема ощущается в настоящий момент при работе с мусульманами из ближних и дальних зарубежных стран, так как взаимодействие России с этими странами в последние годы усилилось, количество исламских учащихся, изучающих русский язык, возросло, а различия между русской и исламскими культурами существенны [13–16]. Отдельные проявления таких различий в процессе обучения РКИ описаны в методической литературе [11. С. 78–84, 133–135; 17. С. 62, 65; 18. С. 31–32; 19. С. 97–99; 20. С. 90–95; 21. С. 163]. Они отражают нехарактерные для исламской культуры или неоднозначные явления российской действительности и являются в содержании учебных пособий, учебников РКИ, классических русских художественных текстов и организации учебного процесса. Анализируя данные факты, вузовские преподаватели зарубежных исламских стран отмечают их негативное влияние на отношение учащихся к русской культуре и русским людям, выражают опасения по поводу их нежела-

тельного влияния на мировоззрение студентов и подчеркивают необходимость использования в обучении языкам *национально ориентированных учебников*, исламских религиозных текстов, а также необходимость создания *специальных учебников иностранных языков для мусульман* [19. С. 96; 22. С. 44; 23. С. 42; 24. С. 266–268].

Однако в настоящее время специальные учебники РКИ для мусульман, насколько нам известно, еще не созданы, и конкретные пути оптимизации процесса преподавания русского языка в мусульманской аудитории (особенно в светских российских вузах) не разработаны. Поэтому необходимо систематизировать все имеющиеся в методике РКИ данные по рассматриваемой проблеме и комментарии к ним исследователей, осмыслить их в контексте ценностей русской и исламских культур и искать конкретные методические решения для оптимизации учебного процесса и улучшения взаимопонимания на уроке РКИ между русскими и мусульманами.

В данном исследовании сфокусируем внимание на одном аспекте анализируемой проблемы – учебнике РКИ и его роли в представлении ценностей русской культуры иностранцам.

Цель и научные основы исследования. В настоящее время национально ориентированные учебники для учащихся из разных исламских стран имеются в ограниченном количестве, не охватывают весь программный материал или отсутствуют. Поэтому мусульмане в России и в зарубежных странах изучают русский язык, главным образом, по *универсальным учебникам РКИ*, созданным в последние 20 лет [25. С. 125; 26. С. 96] и адресованным «среднему иностранцу», который стремится познакомиться с современной Россией.

Работая с универсальными учебниками РКИ, иностранцы узнают о нашей действительности, культурных реалиях, жизни и поведении граждан. При этом опросы в исламских странах показывают, что многие школьники и студенты недовольны этими учебниками, так как они не учитывают специфики их национальной культуры и ментальности [25. С. 126–129, 134; 27. С. 22–23]. Некоторые представленные в учебниках факты, события, взаимоотношения людей могут быть непонятными учащимся, *интерпретироваться ими иначе по сравнению с русскими людьми, казаться им неоднозначными, сомнительными и даже крамольными* [22. С. 42; 23. С. 39–43; 25. С. 78–80, 88–90, 132, 133, 135; 28. С. 89–92; 29; 30]. Поэтому проблема *целесообразного использования универсального учебника РКИ в мусульманской аудитории* является актуальной.

В настоящем исследовании рассмотрим ее на материале популярного учебника «Жили-были...» Л.В. Миллер, Л.В. Политовой, И.Я. Рыбаковой [31, 32], который применяется в образовательных учреждениях России, Ирана, Ирака, Пакистана, Турции и других стран. Цель нашего исследования: проанализировать лингвокультурное содержание данного учебника с точки зрения его ясности и познавательной ценности для студентов-мусульман из дальнего

зарубежья. При этом мы будем стремиться к *продуктивному и гармоничному диалогу культур на уроке РКИ* и учитывать как актуальные ценности нашей страны, так и позицию большинства исламских стран по отношению к преподаванию иностранных языков [18. С. 32; 23. С. 40–42; 24. С. 267–269]. Министерство образования Ирака, например, формулирует ее так: «...в процессе изучения языков учащиеся должны овладеть коммуникативной компетенцией для общения в мультикультурном обществе и научиться осознавать и уважать культурные ценности других народов, оставаясь верными своим собственным культурным приоритетам и историческим традициям» [25. С. 87–90, 147–148].

При выполнении исследования мы опирались на труды ученых-востоковедов о специфике мусульманской культуры [13–16], исламские публицистические источники [33], имеющиеся наблюдения преподавателей, работающих в мусульманской аудитории [17. С. 51–56, 62; 22. С. 42; 25. С. 69–84, 87–90, 129, 132–135; 29; 34. С. 101], и собственный 18-летний опыт преподавания РКИ студентам-мусульманам из различных стран Азии и Африки (Ирака, Ирана, Йемена, Иордании, Ливана, Саудовской Аравии, Палестины, Египта, Судана, Марокко, Турции, Афганистана, Пакистана, Нигерии, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Ганы, Кении, Бангладеш, Индонезии).

Этапы исследования и методы. Исследование выполнялось поэтапно с использованием общенаучных, лингвистических и педагогических методов и приемов. Ведущим был аналитический метод.

I этап исследования предполагал анализ материала двух частей учебника «Жили-были...» с помощью метода компонентного анализа языковых единиц, метода контекстуального анализа языковых единиц (с учетом лингвистического и экстралингвистического контекстов), методического анализа и сравнительно-сопоставительного метода.

II этап исследования – изучение и анализ научной и методической литературы по теме исследования.

На *III этапе* исследования применялся метод экспериментального обучения с использованием отдельных материалов учебника «Жили-были...» в мусульманской аудитории, метод наблюдения за когнитивной деятельностью и психологической реакцией учащихся во время такого обучения, метод беседы с исламскими учащимися из разных стран при проверке достоверности научных выводов.

IV этап – систематизация и обобщение полученных теоретических и практических данных. Изложение результатов исследования с помощью описательного метода.

Результаты исследования. Учебник «Жили-были...» Л.В. Миллер, Л.В. Политовой, И.Я. Рыбаковой представляет собой интенсивный коммуникативный курс русского языка для нефилологов в двух частях. Он включает в себя 40 уроков, сопровождается *рабочими тетрадями* для учащихся, *грамматическим справочником* к 1-й части, *грамматическим практикумом* ко 2-й части, *аудиоприложениями* (к двум частям учебника и к рабочим тетрадям) и *книгой для*

преподавателя, что облегчает введение его материала в учебный процесс, дает возможность многократно его повторять и отрабатывать с разных сторон.

Особенно продуктивно в «Жили-были...», с опорой на концепцию взаимосвязи видов речевой деятельности, организована на базовом уровне работа с *ключевыми диалогами*, которые имеются в каждом уроке и презентуют живую (часто занимательную) разговорную речь носителей русского языка: друзей, подруг, супругов, покупателей и продавцов [32]. Эти диалоги предлагаются учащимся неоднократно и воспринимаются с опорой на различные виды анализаторов: им предлагается прочитать их про себя, прослушать в аудиозаписи, прочитать вслух и далее творчески переработать, выполнив задание по развитию навыков говорения (например: [32. С. 104–105]). Такая тщательная работа с диалогами приводит к тому, что их лексические выражения и грамматические конструкции хорошо осмысляются и прочно усваиваются учащимися.

Весь лексический и грамматический материал в учебнике излагается творчески, оптимистично, наглядно. Применяется сюжетный способ изложения: в учебнике действуют постоянные герои, о жизни которых повествует серия взаимосвязанных заданий, текстов и диалогов. Это преподаватель русского языка Иван Петрович Сидоров и шесть его студентов из разных стран (испанец, американец, алжирец, немец, поляк, финка), которые знакомятся на курсах русского языка в Петербурге и продолжают общаться между собой и после их окончания и возвращения учащихся на родину.

В учебнике используются также *таблицы, объясняющие грамматические правила; задания на вероятностное прогнозирование речи* (например, задания 4–6 в уроке 3 [32. С. 43–44], задания 1–3 в уроке 9 [32. С. 130] и др.); *языковые игры; шутки; фотографии, картинки, рисунки* (в черно-белом исполнении), раскрывающие значение новой лексики, диалогов, фраз, текстов. Причем большинство рисунков в «Жили-были...» выполнено не в строгой реалистической манере, а в *жанре дружеского шаржа*, что оптимизирует изучение языка. Учебник как бы опровергает существующий в исламских и европейских странах стереотип о том, что в России живут серьезные и хмурые люди, которые не любят улыбаться [35; 36. С. 92].

Весьма интересны содержащиеся в восьми уроках учебника задания, дающие возможность учащимся развивать устную речь на основе *серии картинок*, повествующих о каком-либо комичном событии. Так, задание 5 из урока 27 позволяет учащимся обсудить одну и ту же ситуацию с точки зрения людей разных темпераментов и задуматься над целесообразностью собственного отношения к мелким житейским невзгодам [31. С. 137–138]. Задание 6 из урока 4 представляет назидательную и забавную историю девушки, потерявшей работу из-за своей неорганизованности [32. С. 63–64], а задание 6 из урока 6 шутливо рассказывает о поездке немецких туристов на Байкал и разрушении их стереотипного представления о том, что в Сибири всегда холодно [32. С. 91].

В то же время некоторые рисунки в «Жили-были...» не только иллюстрируют учебный материал, но и *дополняют* его содержание *новой информацией*, которая никак не комментируется [32. С. 62, 83]. Например, диалог 1 из урока 3 ведут две приятельницы, которые обсуждают новую квартиру [32. С. 47–48]. Из иллюстрации к нему следует, что он происходит посреди пешеходного перехода и является причиной дорожного затора. При этом никаких указаний по этому поводу в тексте диалога и задании к нему нет. По-видимому, в этом случае преподавателю не следует игнорировать информативный потенциал данной иллюстрации, а необходимо извлечь из него пользу, сформулировав вопросы для иностранцев самостоятельно: «Что нового вы узнали из этой картинки?», «Где разговаривают подруги?», «Почему не нужно много разговаривать на улице?» и т.п.

Аналогичный пример находим в диалоге 2 из урока 10. В нем муж обсуждает с женой совместное посещение филармонии и настаивает на необходимости взять на концерт их общего сына [32. С. 154]. При этом рисунок, сопровождающий диалог, не поясняет, а, скорее, продолжает этот разговор: он намекает на то, что отец сам не является меломаном, увлекается футбольной командой «Зенит», однако, угрожая ремнем, требует от сына заниматься игрой на скрипке, к которой тот не имеет склонности. Потенциал этой иллюстрации в полной мере в учебнике не раскрывается, поэтому ее содержание преподавателю также желательно обсудить со студентами на уроке.

Нуждаются в комментариях и отдельные иллюстрации в «Жили-были...», которые даются без сопроводительных заданий [32. С. 58, 127] или при внимательном ознакомлении вызывают недопонимание. Так, в первом уроке о постоянном герое учебника *Хуссейне из Алжира* рассказывается, что он отец двоих детей и что его жену зовут *Фатима* (микротекст сопровождает иллюстрация, изображающая героев) [32. С. 8]. Однако в десятом уроке текст «В театре» сообщает, что Хуссейн посещает Мариинский театр в Петербурге с женой по имени *Мириам*, которая также упоминает о детях [32. С. 145–146].

Если Мириам – вторая жена Хуссейна, то о ее появлении ранее не сообщалось. Но если это та же женщина, которая была изображена в первом уроке [32. С. 8], то непонятно, почему она сменила имя и почему эта консервативная мусульманка (судя по рисунку) радостно восклицает: «*Давайте завтра опять пойдем в театр!.. Теперь я хочу посмотреть балет!*» [32. С. 146].

Впрочем, при изучении текста «В театре» можно отметить, что мечта героини может осуществиться не только в России, но и в ее стране: в 2016 г. в Алжире открылся Оперный театр, построенный на средства Китайской Народной Республики, а в феврале 2019 г. петербургский театр «Русский балет» впервые представил в нем балет П.И. Чайковского «Лебединое озеро» [37].

Однако ситуация в Алжире является исключением из правила. В большинстве дальних мусульманских стран на сегодняшний день к балету относятся отстраненно и прохладно. Показательно в этом отношении заявление

депутата египетского парламента Гамалы Хамеда на заседании комитета по культуре, информации и туризму в 2013 г.: «Балет – это искусство в стиле “ню”, порочащее ислам, распространение зла, безнравственности и непристойности под видом культуры, и на него не стоит тратить средств» [38].

Не очень понятна в «Жили-были...» также иллюстративная информация о другом постоянном герое, *Иване Петровиче Сидорове*, преподавателе русского языка из Петербурга. В большинстве уроков он изобра-

жается как худощавый мужчина в костюме [31. С. 32, 33; 32. С. 6, 41]. Из его письма студентке Сирпе мы узнаем, что он купил трехкомнатную квартиру в Петербурге [32. С. 41]. Однако в тексте «Что они делают?» [31. С. 36] появляется, судя по иллюстрации, еще один преподаватель Иван Петрович, испытывающий жилищные проблемы. Можно было бы подумать, что это уже знакомый нам герой, но изображение этого мужчины совершенно на него не похоже. (Ср. рис. 1–4 [31. С. 37; 32. С. 41].)

Рис. 1 [31. С. 37]

Рис. 2 [32. С. 41]

Рис. 3 [31. С. 53]

Рис. 4 [31. С. 51]

Более того, многие иллюстрации учебника (в совокупности с подписями к ним), с точки зрения ислама, носят предосудительный характер. Это фотографии и рисунки, изображающие людей в облегающей и открытой одежде, женщин без хиджабов [31. С. 19, 53; 32. С. 14–15, 63–64, 78, 100, 153]. Это также иллюстрации романтических ситуаций, которые в русской культуре (в отличие от мусульманской) не считаются крамольными: например, любовные мечтания юноши о девушке, танцы мужчины и женщины на дискотеке,

вечеринке [31. С. 51, 60, 101]. Причем некоторые из них сопровождаются провокационными, с точки зрения исламской морали, заданиями и пояснениями. Например, рисунок из урока 9, демонстрирующий, что мужчина во время прогулки со спутницей по пляжу мечтательно смотрит в сторону другой женщины, сопровождается заданием: «Скажите, что они хотят и что должны делать» [31. С. 53]. Или другой рисунок из того же урока, презентующий танец Ромона и Ирены (постоянных героев учебника) на диско-

теке со следующим комментарием: «Они танцуют очень хорошо! А вы так можете?» [31. С. 51].

Неоднозначное восприятие последней иллюстрации в мусульманской аудитории объясняется тем, что многие танцевальные движения и совместные танцы мужчин и женщин в исламе осуждаются. Они считаются неприличным занятием, которое может привести к прелюбодеянию. Представителям разных полов рекомендуется танцевать в закрытой одежде в разных местах [39, 40]. Нарушение этого правила осуждается в мусульманских странах и квалифицируется как аморальный поступок (см., например: [41]).

Не менее своеобразно воспринимаются мусульманами и иллюстрации широко практикуемых в русском обществе свиданий лиц противоположного пола [32. С. 100]. Отсутствие на них свидетелей, контролирующих третьих лиц, кажется им неправильным и вызывает осуждение. Ср., как описал реакцию афганского студента на подобную ситуацию писатель А. Инин: «Я бывал тогда в Афганистане, мы... преподавали афганским сценаристам специальность “драматургия”... Мы – им: “Вот твой герой, ему понравилась девушка, он ей назначает свидание. Теперь поворачиваем так: она приходит к нему на свидание, а он...”». Афганский студент говорит: “Как это она приходит на свидание? Она не может сама прийти. Ее должен привести отец или брат”. – “Но какое же это свидание, когда отец или брат с ней?” – “Нет-нет, одна – это невозможно! Это грех!”» [42. С. 18].

Анализируя языковое наполнение учебника «Жили-были...», отметим, что он не только основывается на лексических минимумах элементарного и базового уровней, но и расширяет их рамки (в том числе за счет фразеологических единиц). При этом в контексте рассматриваемой проблемы обращает на себя внимание активная презентация *единиц алкогольно-табачной тематики* (*курить, сигареты, пиво, вино, рюмка, выпивать, напиться, ром* и др.), которые поясняются иллюстрациями и вводятся в речь [31. С. 8, 10–12, 17, 27, 39, 84; 32. С. 37, 39, 82]. Так, из текстов и рисунков учебника следует, что иностранные студенты, изучающие русский язык в Петербурге, покупают и пьют вино, посещают завод «Массандровские вина» в Крыму [31. С. 84–85, 108–109]. Молодые люди могут покупать алкоголь для совместного ужина с девушками, а перед собственной свадьбой принять на грудь так, что она не состоится [32. С. 120, 193].

Нездоровые привычки употреблять алкоголь и (в меньшей степени) никотин, осуждаемые мусульманами, преподносятся в «Жили-были...» как повседневные черты российского быта, которые имеют место быть [31. С. 39, 62, 84; 32. С. 82, текст «Постскриптум»], скрашивают существование, оправдываются и даже приветствуются. Ср. диалоги, включенные в учебник:

1. Бармена спросили:

– Что в этом миксере?

– Это **денди-ром**.

– А что это?

– Сахар, молоко и **ром**.

– А какой он на вкус?

– Отличный! Сахар дает ему силу, молоко дает энергию.

– А **ром**?

– Идею, что делать с силой и энергией.

2. – Вам **пиво**? – спрашивает официант.

– Нет, я на машине, пожалуйста, минеральную воду.

Через минуту официант дает **пиво** и говорит:

– Вы уже можете **пить пиво**, вашу машину кто-то украл [31. С. 64–65].

Вряд ли приведенные шутки будут оценены позитивно убежденными студентами-мусульманами и их родителями. Как отмечают практикующие в исламских странах преподаватели, сам факт изучения названий спиртных напитков, емкостей для алкоголя, «запретных» действий и т.п. может вызвать неудовольствие у родителей-мусульман, поскольку они номинируют порочные объекты и занятия. Могут контролировать мусульманские семьи и содержание иностранных текстов, которые изучает их ребенок [33].

Странно (а подчас и дисгармонично) складываются *иерархические отношения* в русском обществе, описываемые в учебнике. Между *начальниками и подчиненными* бывают конфликты, у последних нет перспективы карьерного роста [32. С. 140, 171]. «Как вести себя с начальником: быть скромным или действовать по принципу “сам себя не похвалишь – никто не похвалит”?» – над таким вопросом предлагается поразмыслить иностранцам [32. С. 174].

Между преподавателем русского языка Иваном Петровичем Сидоровым и его студентами нет дистанции, это равноправные, «партнерские» отношения. Он подробно описывает свою новую квартиру бывшей студентке Сирпе из Финляндии, ездит в Испанию в гости к бывшему студенту Рамону и его любимой девушке Нине, которая приехала к Рамону из Петербурга и живет с ним [32. С. 41, 55–56]. При этом учащиеся, изучающие РКИ в зарубежных мусульманских странах, могут не знать, что эти поступки Ивана Петровича не являются типичными для русских преподавателей. Его письмо Сирпе явно носит искусственный, учебный характер и в реальной коммуникации не может быть написано. Проживание его у Рамона и Нины также вряд ли возможно. Неформальные отношения между преподавателем и студентами в России имеют место быть, но являются исключением из правила, имеют свои границы и, как правило, не одобряются обществом.

Все иностранные студенты в учебнике уважительно и с благодарностью относятся к Ивану Петровичу, но в школе, по-видимому, может быть и иначе. Ср. шутку:

Учитель: Почему ты опоздал?

Ученик: Я поздно вышел из дома.

Учитель: Почему ты не вышел раньше?

Ученик: Было уже поздно выходить раньше [32. С. 110].

Не идеальны и отношения между старшими и младшими в русских семьях. Невестки не всегда ладят со свекровями [32. С. 33]. Дети не всегда хотят учить-

ся [31. С. 125]. Они могут быть не только забавными [32. С. 38, 80, 135], но и хитрыми, дерзкими, ср.:

Маленький мальчик не хочет спать. Мать говорит ему:

– Уже 9 часов, а ты еще не спишь! Что скажет отец, когда придет домой?

– Он скажет: «Ужинать! Ужинать! Что сегодня на ужин?» [32. С. 65].

В то же время, несмотря на превалирование материала, демонстрирующего размытые социальные границы в русском обществе, в учебнике также предлагаются игровые задания, нацеленные на закрепление традиционно понимаемых официальной и неофициальной тональностей общения и функционирующих в их рамках социальных ролей (ср.: [32. С. 22, зад. 3]).

При презентации темы «Семья» в «Жили-были...» используется не только программная лексика, но и такие слова, свободные и устойчивые словосочетания, как *свекровь, теща, зять, невестка, многодетная семья, бездетная семья, брак по любви, брак по расчету, неравный брак, мать-одиночка, жить душа в душу, жить как кошка с собакой, с милым рай и в шалаше, разводиться – развестись, маменькин сынок, деловая женщина, служба знакомств* [32. С. 20, 26, 31–36] и др. Русские гендерные отношения, описанные с их помощью, могут быть идеальны [32. С. 36, зад. 2; 32. С. 191–192, диалог 1]. Однако в большинстве случаев они забавны [31. С. 129–130, текст «Букетъ»; 32. С. 44, зад. 6; 32. С. 138, зад. 5; 32. С. 171–172, диалог 2], в некоторых случаях – неискренни и фальшивы [32. С. 173–174, зад. 8; 32. С. 191–192, диалог 1], фривольны и трагичны [32. С. 139–143, текст «Паша и Павлуша»] и даже провокационны [31. С. 143–145, текст «На даче»], поскольку нарушают традиционные русские (и исламские) этикетные правила поведения для мужчин и женщин.

«Я вас люблю. Вы моя жизнь, счастье – все! Я не могу больше молчать. Приходите сегодня в восемь часов вечера в парк. Как меня зовут, не пишу, но я молода, хороша собой, чего же вам еще?» [31. С. 143] – пишет героиня адаптированного рассказа А.П. Чехова мужу и брату. Ее шутка над родственниками получает объяснение в финале текста, но авторы учебника не довольствуются тем, чтобы студенты ее поняли. Они продолжают игру героини и задают учащимся шокирующий вопрос, который, думается, вызовет смущение в мусульманской аудитории, особенно у девушек: «Что бы вы сделали, если бы получили такое письмо?» [31. С. 145].

Смысл этого задания для авторов, по-видимому, в том, чтобы вызвать психологическую реакцию учащихся на изучаемый материал. Ср. следующий их совет, касающийся введения в учебный процесс «Жили-были...»: «Нам следует попытаться максимально приблизить учебную коммуникацию к реальной... выполняя задания, мы... должны использовать эмоциональный ресурс. Пусть наши ученики удивляются, смеются, протестуют и умиляются. Пусть они иногда будут поражены парадоксальностью Ваших действий. Психологи уже давно убеждены в том, что эмоциональное восприятие способствует эффективности запоминания» [43].

Еще более провокационно поведение Лены из адаптированного текста «Наши» (по книге С.Д. Довлатова). «Забывая» после шумной вечеринки неким Гуревичем в чужой квартире, она вступает в связь с ее хозяином, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Впоследствии у них появляется дочь, и они бессмысленно и безрадостно сосуществуют:

– Наш мир абсурден, – говорю я своей жене, – и враги человека – домашние его.

Моя жена сердится, и я слышу:

– Твои враги – это дешевый портвейн и крашенные блондинки!

– Значит, – говорю, – я настоящий христианин. Христос учил нас любить врагов своих...

– Этот разговор продолжается двадцать лет. Почти двадцать лет...

Это была не любовь... Это была попытка уйти от хаоса. Мы даже не перешли на «ты» [32. С. 37–39].

Отношения между героями, описанные в тексте «Наши», странны, аморальны с точки зрения традиционных русских нравственных ценностей, аномальны для русского социума и трудно поддаются логическому осмыслению и интерпретации. Поэтому цель введения в процесс учебной межкультурной коммуникации данного текста (в отличие от других текстов рубрики «Внеклассное чтение» – «Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?», «Здоровый аппетит», «Рыцарь индустрии» и др.) остается неясной. Имеется лишь небольшая справка об авторе текста, которая, однако, не помогает сделать назидательный нравственный вывод из прочитанного текста, а, скорее, озадачивает: «Сергей Довлатов... задачу... видел в том, чтобы “рассказать, как живут люди”. На самом деле он рассказывает о том, как люди не умеют жить... Когда читаешь его книги, удивляешься, насколько неожиданной может быть наша обычная повседневная жизнь» [32. С. 37].

Браки в России, в отличие от мусульманских стран, могут заключаться без согласия родителей. Как следует из текстов и диалогов «Жили-были...», они могут скрепляться по зову сердца [32. С. 36, зад. 2], а также расчетливо, меркантильно [31. С. 91, шутка 1; 31. С. 100, шутка 3], бездумно и безответственно. Ср.:

– Папа, я выхожу замуж, – сказала дочь.

– Ты любишь его? – спросил отец.

– Извини, папочка, это мое дело.

– А он любит тебя?

– А это его дело.

– Но как вы будете жить? Вы студенты. У вас нет денег, нет квартиры.

– А это твоё дело, папа [31. С. 130].

При этом некоторые женщины вообще не хотят создавать семьи:

– Вы такая умная и красивая. Почему вы не хотите выйти за меня замуж?

– Вы же сами только что назвали причины [31. С. 110].

Заметим, что такая женская позиция осуждается мусульманами. Брак считается священной обязанностью всех мусульман, а безбрачие – преступлением перед обществом [14. С. 174–175, 192–193].

Традиционные семейные функции в России, как следует из содержания учебника, размыты. Женщины не хотят быть домохозяйками [32. С. 53, текст «Тот, кто знает»] и могут иметь, с точки зрения мусульман, весьма фривольные профессии: актриса в опере [32. С. 62], фо-

томодель [31. С. 21], топ-модель [32. С. 19]. Они стремятся совмещать работу с семейными обязанностями и воспитанием детей, решают почти все бытовые проблемы [31. С. 140, шутка 2] и очень авторитарны. (Ср. рис. 5 – первую иллюстрацию из задания 6 урока 1 [32. С. 14].)

Рис. 5 [32. С. 14]

Мужчинам в отсутствие жены приходится самим нянчиться с детьми [32. С. 62, диалог 1] и выполнять другие «женские обязанности», причем подчас они сами напоминают женщин [31. С. 54, шутка 1; 32. С. 82, текст «Постскриптум»].

Мужьям в России трудно удовлетворять страсть жен к шопингу [31. С. 140, шутка 1] и делать им желанные подарки [32. С. 99, шутка 1]. Даже на 8 марта они не всегда проявляют себя как джентльмены. Об этом, например, с иронией рассказывает героиня учебника своей подруге:

– Ты же знаешь, что в нашей семье пять женщин...

– Бедный! Ему [мужу. – Н.В.] надо купить пять подарков и пять букетов цветов!

– Он нашел выход. Дарит нам то, что хочет иметь сам. В прошлом году он подарил мне огромный торт, но ты же знаешь, какой он сладкоежка, сам и съел добрую половину. Старшей дочери подарил тостер, младшей – кофеварку. И теперь каждое утро на завтрак готовит себе кофе с тостами. А своей маме... Ты не поверишь! Он подарил удочку и сказал, что ей надо больше бывать на свежем воздухе. Представляешь, как она была «рада» [32. С. 192].

Однако не все студенты-мусульмане поймут эту героиню учебника и посмеются вместе с ней над ее мужем. Дело в том, что многие из них не отмечают 8 марта на родине, так как в их странах (например, в Судане, Сомали, Пакистане, Гвинее, Ираке и др.) этот день считается светским праздником, чуждым исламу, тесно связанным с борьбой женщин за свои права и эмансипацию, которая противоречит традиционному исламскому мировоззрению. Ср. мнение об этом празднике представительницы Пакистана: «Абсолютная часть населения нашей страны – это верующие люди, да и сам уклад жизни по большей части тради-

ционный. 8 марта как праздник мы не отмечаем, а основная роль женщины в нашей стране – материнство и поддержка мужа. Я знаю только то, что активистки движения за права женщин в больших городах в этот день обычно устраивают акции протеста либо митинги, однако я и мои родные не поддерживаем их» [44].

В настоящий момент 8 марта является официальным праздником в немногих зарубежных мусульманских странах, например в Алжире, Афганистане [45]. Однако празднуется он там нерегулярно, не так широко, как в России и ряде бывших республик СССР (Азербайджане, Армении, Казахстане, Кыргызстане, Грузии и др.), с большим акцентом на борьбу женщин за свои права (в Афганистане этот праздник называется «День защиты прав женщин» [46]) и, прежде всего, на официальном уровне. В честь женщин проводятся праздничные мероприятия, концерты с традиционной музыкой, народными танцами, чтением стихов, вручением подарков, цветов, трудовых наград и грамот [46, 47]. В семейном же кругу Международный женский день обычно не празднуют.

В противовес 8 марта в мусульманских странах могут существовать свои праздники, отмечаемые в другое календарное время: День женщин в Объединенных Арабских Эмиратах, Тунисе, Ираке; День рождения дочери пророка Мухаммеда Фатимы Захры (которая считается идеальной матерью) в Иране и Ираке; День матери в Иордании, Бахрейне, Египте, Ливане, Сирии, Иране, Объединенных Арабских Эмиратах. Однако если День матери может признаваться и праздноваться достаточно широко (на официальном и личностном уровнях), то День женщин может и игнорироваться.

Так, в Ираке 4 марта с 1969 г. считается официальным праздником иракской женщины. Однако большинство жителей страны вспоминают о его су-

ществовании лишь при просмотре телерепортажа о нем. Иракские мужчины не поздравляют с этим праздником своих жен и матерей, не дарят им в этот день цветы и подарки и не помогают им в решении хозяйственных проблем [48]. Поэтому при знакомстве с процитированным выше диалогом о презенте русским женщинам на 8 марта [32. С. 191–192] желательно рассказать студентам о том, что в России проблема женского равноправия уже во многом решена. Международный женский день в России из дня социального протеста превратился в праздник не только женщин, но и весны, красоты, любви, семейного счастья и материнства, и он отмечается наряду с мужским праздником 23 февраля, Днем защитников Отечества.

Семейные отношения не только освещаются в «Жили-были...», но и становятся предметом обсуждения со студентами. Так, например, весьма интересно задание 10 из урока 1-го базового уровня, которое предлагает учащимся выступить в роли журналиста: задать вопросы личного характера известным людям (Льву Толстому, матери Терезе, принцессе Диане, Юрию Гагарину, Михаилу Калашникову, Владимиру Путину и др.) и найти ответы на них в Интернете. Причем некоторые из этих вопросов весьма открытвенны и провокационны:

У вас есть семья? Она дружная? <...>

Почему вы (не) вышли замуж? <...>

Вам нравятся деловые женщины или красивые?

Какие мужчины вам нравятся: сильные или умные? и др. [32. С. 18].

Далее инофонам предлагается обсудить личную жизнь постоянных героев учебника, являющихся представителями различных национальных культур, и выразить свое мнение по ряду острых социальных вопросов, которые касаются отличий европейских и исламских обществ и могут вызвать не только дискуссию, но и отторжение, скептическую реакцию в мусульманской аудитории:

Как вы поняли из текста, Сирпа не работает, потому что у нее маленький ребенок. Как вы думаете, это правильно? Может быть, лучше, если женщина работает,

– а ребенок ходит в детский сад;

– а с ребенком сидит бабушка или няня...

Рамон еще не женился, но у него есть подруга. Как вам кажется, почему молодые люди сейчас живут некоторое время вместе и женятся не сразу? <...>

У Хуссейна дружная семья. Как вы думаете, это хорошо, когда родители и взрослые дети живут вместе? <...>

Ирена стала деловой женщиной. Как вы понимаете, что такое деловая женщина? <...>

Как вы относитесь к службе знакомств? Может ли она помочь создать счастливую семью? <...>

Сколько детей должно быть в семье? Почему в современных семьях мало детей? Может ли быть счастливой бездетная семья? [32. С. 20, 34].

Для того чтобы обсуждение этих вопросов состоялось, студенты должны обладать достаточным уровнем

вторичной коммуникативной компетенции, определенным жизненным опытом, а также желанием проявлять откровенность, что редко наблюдается, например, на подготовительном факультете российского вуза. Иностранцы 17–20 лет еще не задумываются серьезно над семейными проблемами и не готовы их обсуждать. Взрослые же студенты-мусульмане часто отказываются говорить на проблемные темы, особенно о разводах, конфликтах, многоженстве, женской эмансипации и пр.

В «Жили-были...» (точнее, в первой его части), как видно из приведенных выше примеров, включено много шуток, которые призваны оптимизировать изучение языка. Среди них, действительно, есть такие, которые заставят иностранцев по-доброму улыбнуться [31. С. 38, 42, 71; 31. С. 110, шутка 2]. Но есть и другие, которые вызовут не смех, а, скорее, чувство неловкости и дискомфорта. Ср.:

1. День рождения.

– Папа, дай мне, пожалуйста, 15 рублей, – говорит Петя.

– А мне 20, – говорит Маша.

– Мне нужно 40 рублей, – говорит жена.

– Что с вами сегодня случилось? – спрашивает отец.

– Ты забыл? У тебя сегодня день рождения.

2. Жена строго говорит:

– Запомни! Если я говорю «милый мой», я имею в виду только нашу собаку! [31. С. 86, 135].

Чтобы понять, как именно интерпретируют данные шутки инофоны, приведем наблюдение преподавателя Марьям Резаи Азин из Ирана. Сравнивая русскую и персидскую культуры, она отмечает, что русские люди ценят искренность, бескомпромиссность и прямоту в высказываниях. Они могут быть резкими в общении и сказать неприятную правду в глаза человека. Однако персы такой поступок (особенно в присутствии посторонних) считают признаком дурного тона, проявлением грубости и невоспитанности [23. С. 42].

Отметим также, что нежность, которую выказывает в последней шутке жена по отношению к собаке, и предпочтение ее мужу будут восприняты правоверными как оскорбление (еще в большей степени, чем русскими людьми). Это объясняется тем, что они считают собаку не другом, а нечистым животным, которое оскверняет пищу, одежду и самого человека. До трагиваться до нее мусульманину нельзя. Если собака лизнула его или его одежду, ему необходимо вымыться и переодеться [16. С. 210; 49; 50].

В «Жили-были...» представлены также задания, в которых рассказывается не только о положительном [32. С. 17, диалог 2; 32. С. 47–48, диалог 1; 32. С. 104–105, диалог 1 и 2; 32. С. 192, диалог 2], но и об отрицательном отношении русских к гостям [31. С. 114, шутка 2; 32. С. 49, зад. 8; 32. С. 191, зад. 5] и иностранцам [32. С. 81–82, текст «Постскриптум»]. Однако, несмотря на то, что упомянутые негативные чувства, к сожалению, могут иметь место в действительности, думается, презентация их в учебнике для инофонов неуместна.

Гостеприимство и радушие являются признанными русскими качествами [51. С. 86; 36. С. 94–95], и не стоит в учебной межкультурной коммуникации демонстрировать обратное, даже в юмористической форме. По отношению к представителям других этносов русский народ также всегда испытывал доброжелательность и интерес (уважая при этом собственную родину), перенимал у них и преобразовывал себе во благо все, что приносило практическую пользу [36. С. 177–181], помогал им в решении многих социальных проблем, оказывал техническую, медицинскую и гуманитарную помощь. Поэтому, вероятно, вместо рассматриваемых заданий в учебном процессе целесообразно предложить другие, информирующие о позитивных контактах представителей разных наций в историческом прошлом и в настоящее время, о национальных традициях гостеприимства или рассказывающие о вкладе России и других стран в развитие человеческой цивилизации (примером может служить занимательный текст «Первая вилка в Англии», включенный в «Жили-были...» [32. С. 123–124]). Именно такие задания о русско-мусульманских контактах и мусульманских странах вызывают интерес и гармонично воспринимаются студентами из Ирака, Ирана, Турции и других исламских стран.

Заключение. Обобщая наш анализ учебника «Жили-были...», подчеркнем, что он является одним из авторитетных учебников РКИ нашего времени, дает возможность учащимся в занимательной форме активизировать языковые знания в рамках элементарного и базового уровней, расширить их и тренировать навыки разговорной речи на русском языке. Однако использовать его в мусульманской аудитории в полном объеме нецелесообразно, так как он содержит ряд материалов, которые противостоят традиционным русским и исламским ценностям.

Как было продемонстрировано выше, такие материалы представляют «неправильные» (с точки зрения ислама) или неприглядные явления российской культуры. Особенно явно это обнаруживается в процессе их презентации представителям из традиционных исламских стран (Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Ирака, Пакистана, Палестины и др.). Воспринимая такие материалы, они, как показывает наш опыт преподавания, осмысливают их исходя из своих религиозных стереотипов, отторгают на психологическом уровне, замыкаются в себе или высказывают критические суждения в адрес героев учебника и россиян в целом, что приводит к потере ценного учебного времени и отрицательно сказывается на результате обучения.

Данная проблемная ситуация порождается тем, что учебник «Жили-были...» не предназначен специально для студентов, исповедующих ислам. Как и другие универсальные учебники РКИ, он отражает жизнь не мусульманской, а светской по своему современному статусу (а в исторической ретроспективе христианской, православной) России.

Создавая его, Л.В. Миллер, Л.В. Политова, И.Я. Рыбакова, по-видимому, ориентировались на студентов из стран Западной Европы (заметим, что грамма-

тический справочник к 1-й части учебника имеет немецкую, французскую, испанскую и польскую версии, что весьма ценно), стремились сделать его интересным, уйти от излишней идеологизированности и назидательности учебной литературы 1980-х гг. Но при этом культурно-воспитательная составляющая отдельных материалов была потеряна или ушла в подтекст, который не могут осмыслить иностранцы, так как для этого необходимо владеть фоновыми знаниями. Появились тексты о дисгармонии человеческих отношений в современном русском обществе, которые трудно интерпретировать в межкультурной педагогической коммуникации не только студенту-иностранцу, но и носителю русского языка, преподавателю («Наши», «Тот, кто знает», «Паша и Павлуша»).

Однако с точки зрения методики РКИ все материалы учебника должны иметь воспитательную ценность и, прежде всего, отражать ценности страны изучаемого языка, понятные и разделяемые большинством ее представителей. Как показывают результаты социологических исследований [36. С. 238–239; 52. С. 151; 53. С. 121; 54. С. 40], это по-прежнему традиционные нравственные ценности россиян: духовность, труд, хорошая работа, здоровье, семейное благополучие, любовь к близким, уважение к старшим, стремление к совершенству и др.

С точки зрения исламской образовательной традиции в обучении также должно быть морализаторство, назидательность, более дистантные и авторитарные (чем описываются в «Жили-были...») отношения между преподавателем и студентами. Признается важность для общества воспитания нравственной личности с религиозным мировоззрением и приоритет этого процесса над процессом получения знаний [55. С. 359–360]. В Конституции Ирана, например, нравственное воспитание личности провозглашено главной целью образования (цит. по: [56. С. 16–17]).

Поэтому для того чтобы избежать дискомфортных ситуаций при презентации учебника «Жили-были...» в мусульманской аудитории, часть его материалов (например, шутки на алкогольную тему) необходимо исключать из учебного процесса, а часть (например, диалоги на свидании, дискотеке и пр.) – дополнять культурологическими или морально-нравственными комментариями с целью нивелировать неоднозначную реакцию учащихся.

Пояснения или корректировки преподавателя нужны и в тех случаях, когда (по-видимому, из-за технических погрешностей) не стыкуются отдельные смысловые детали учебника (например, имя жены Хуссейна или изображения Ивана Петровича). Или же обнаруживаются иллюстрации, которые методически никак не обрабатываются. В последнем случае к ним желательно предложить дополнительные задания.

Подводя итоги сказанному, подчеркнем, что универсальный учебник «Жили-были...» может быть основой для организации плодотворного диалога культур на уроках РКИ со студентами-мусульманами. При этом в процессе его применения и интерпретации русский преподаватель, в соответствии с законами

РФ, должен соблюдать светский характер образовательного процесса, но в то же время учитывать религиозные взгляды аудитории.

Для этого нужно уметь анализировать тематическое, лингводидактическое и воспитательное содержание учебника «Жили-были...» с точки зрения специфики его восприятия учащимися и опираться в педагогическом процессе на общее между русской и исламскими культурами, на общечеловеческие ценности. Нужно также стараться представлять изучаемый материал таким образом, чтобы иностранцы из ближних и дальних исламских стран находили связи между

своей культурой и русской, учились понимать мотивы поведения россиян, взаимодействовать с ними и приходить к согласию.

Выборочно применяя материалы учебника «Жили-были», преподаватель должен максимально использовать его преимущества для развития вторичной коммуникативной компетенции учащихся и демонстрировать лучшие, достойные стороны российского общества. В этом случае изучение данного учебника будет способствовать совершенствованию личности иностранного студента и гармонизации отношений между русским и исламскими народами.

Список источников

1. Гильмутдинов Б.Р. Тенденции развития и педагогические условия использования прогрессивной мысли ислама в современной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002. 21 с.
2. Зубанова С.Г. Воспитание и образование на основе религиозной традиции России: правовые основания и проблемы реализации // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4, № 5. С. 1–12. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/24PDMN516.pdf> (дата обращения: 06.01.2022).
3. Койчуев А.А.-Дж. Педагогический потенциал ислама в светских образовательных практиках : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ставрополь, 2008. 46 с.
4. Легасова Т.А. Внедрение религиозных конфессий в систему государственного образования – угроза или благо // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). С. 22–24.
5. Абрамова Е.А. Поликультурное воспитание студентов вуза на основе системного подхода (на примере обучения иностранному языку) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 31 с.
6. Акаева Н.Ш. Формирование этнической толерантности студентов в условиях полиэтнической образовательной среды // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 31, № 1. С. 102–107.
7. Астафьева Л.С. Особенности воспитания иностранных студентов в России в контексте их религиозных установок и ценностных ориентиров // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 2 (40). С. 232–241.
8. Картунова И.А. Формирование «поликультурного мировоззрения» в процессе обучения иностранному языку студентов языковых вузов // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 3. С. 74–78.
9. Рамазанова Э.А., Феталиева Л.П. Этническая толерантность учащихся в поликультурном пространстве // Вестник Социально-педагогического института. 2018. № 4 (28). С.83–91.
10. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / Г.М. Васильева, С.А. Вишнякова, Л.А. Вольская, О.В. Канарская и др.; под ред. И.П. Лысаковой. М. : ВЛАДОС, 2004. 270 с.
11. Кротова Т.А. Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся в практике обучения РКИ : дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 243 с.
12. Май Л.И., Дивисенко О.В. Лингводидактический потенциал религиозности обучаемых на уроках РКИ // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан : сб. ст. IV Междунар. конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ и V Всерос. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Гос. ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2021. С. 517–523.
13. Горшколепов П.А., Кузьмина А.А. Мир исламской культуры // Введение в культурологию / отв. ред. Е.В. Попов. М. : ВЛАДОС, 1996. С. 194–217.
14. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М. : Политиздат, 1990. 288 с.
15. Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. 238 с.
16. Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001. 288 с.
17. Гавришук Е.А. Методика курсового обучения русскому языку как иностранному в условиях Пакистана : дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. 345 с.
18. Гюльгюден В.К. Учет национально-культурных особенностей турецких учащихся-нефилологов при обучении русскому языку в неязыковой среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5–4 (47). С. 29–32.
19. Ткач Т.Г., Мозами М. Презентация национально-культурной специфики русского речевого общения в иранской аудитории // Русский язык за рубежом. 2012. № 3. С. 95–100.
20. Юнал Керами, Юнусов Ильдар. Специфика восприятия русской литературы в мусульманских сообществах (на примере Турции) // Русский язык за рубежом. 2015. № 3. С. 89–96.
21. Юнусов И.Ш., Озтюрк М. О некоторых особенностях преподавания русской литературы турецким студентам // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С.161–164.
22. Мозами М., Ткач Т.Г. Культурные и психологические трудности изучения русского языка в мусульманской аудитории (на примере иранских учащихся) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 2. С. 41–45.
23. Резаи Азин Марьям. Современная система обучения РКИ в иранских языковых университетах: проблемы и перспективы // Русский язык за рубежом. 2012. № 4. С. 37–43.
24. Сейд Хасан Захраии, Муса Абдоллахи. Национальная культура и обучение иностранным языкам в мусульманских странах // Символ науки. 2015. № 12–2. С. 266–269.
25. Чиад Имад Сальман Чиад. Методические основы учебника русского языка для иракских школ : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 224 с.
26. Шоджаи Мохсен. Преподавание русского языка в Иране (на примере подготовительного курса) // Русский язык за рубежом. 2007. № 4. С. 92–96.
27. Голами Х., Бейги М., Пулаки П. Роль учебника как средства организации учебного процесса по русскому языку как иностранному в иранской аудитории // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 20–25.
28. Вострякова Н.А. Актуальные проблемы начального этапа обучения русскому языку студентов-мусульман из дальних зарубежных стран // Мир русского слова. 2019. № 4. С. 85–96.
29. Крисанова Е. Братья-мусульмане. 22.01.2014. URL: <http://ohrussian.com/bez-rubriki/bratya-musulmane.html> (дата обращения: 02.03.2019).

30. Первый учебник русского языка для иранцев представлен в Москве. 25.03.2009 г. URL: <https://ria.ru/20090325/165996399.html> (дата обращения: 12.12.2020).
31. Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих : учебник. СПб. : Златоуст, 2004. 152 с.
32. Миллер Л.В., Политова Л.В. Жили-были... 12 уроков русского языка. Базовый уровень : учебник. СПб. : Златоуст, 2003. 200 с.
33. Хакимзянова А. Халяльный английский: маркетинговый ход или правда жизни? 9. 06.2017 // Общероссийское информационное агентство мусульман «Инфо-Ислам». URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/khaljalnyj_anglijskij_marketingovyj_khod_ili_pravda_zhizni/7-1-0-44583 (дата обращения: 2.03.2019).
34. Альбуриахи Х.Х. Методические приемы предупреждения, коррекции и преодоления коммуникативных неудач арабских студентов, изучающих русский язык // Вестник Московского гос. гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 98–104.
35. Рязанцев А. «Нам очень хочется познакомить Алжир с Россией – умной, красивой, доброжелательной». 30.08.2018. URL: <https://russkiymir.ru/publications/245248> (дата обращения: 24.09.2019).
36. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : Флинта ; Наука, 2005. 320 с.
37. О показе балета «Лебединое озеро» в Алжире. 28.02.2019. URL: <https://algerie.mid.ru/-/o-pokaze-baleta-lebedinoe-ozero-v-alzire?inheritRedirect=true> (дата обращения: 24.09.2019).
38. Египетские исламисты намерены лишить страну балета. 29 мая 2013 г. URL: <https://russian.rt.com/article/9802> (дата обращения: 24.09.2019).
39. Палмер Брайан. Ислам запрещает танцевать? 1.09.2012. URL: <https://inosmi.ru/asia/20120901/197557726.html> (дата обращения: 24.09.2019).
40. Почему в исламе нельзя танцевать? URL: <https://pochemy-nelzya.info/v-islame-tancevat> (дата обращения: 24.09.2019).
41. «Аморальные» танцы саудовских мужчин на свадьбе взорвали социальные сети. 6.04.2017. URL: <https://islamnews.ru/news-amoralnye-tancy-saudovskih-muzhchin-n> (дата обращения: 24.09.2019).
42. На букву «г» начинается (Ироническая азбука 2021 года от Аркадия Инина) // Аргументы и факты. 2021. № 52 (2145). 29 декабря 2021 г. – 11 января 2022 г. С. 18.
43. Миллер Л.В., Политова Л.В. 12 советов преподавателю русского языка как иностранного от авторов учебника «Жили-были». URL: <http://www.zlat.spb.ru/page91.html> (дата обращения: 24.09.2019 г.).
44. Хамитова Дамежан. Девушки из разных стран о 8 марта. 7.03.2016. URL: <http://istory.kz/11210/devushki-iz-raznyh-stran-o-8-marta> (дата обращения: 24.09.2019).
45. Международный женский день – в каких странах отмечают, где 8 марта – это выходной день. Март 2019 г. (11). URL: <https://www.vse-dni.ru/2019/03/8-marta-v-kakih-stranah-otmechaut-gde-vihodnoy.html> (дата обращения: 24.09.2019).
46. В Афганистане праздник 8 марта отмечался впервые за десятилетие. 8.03.2002. URL: <https://www.newsru.com/world/08mar2002/prazdnik.html> (дата обращения: 24.09.2019).
47. 8 марта в Алжире. 9.03.2016 г. URL: [https://missalger.livejournal.com/tag/8 марта в Алжире](https://missalger.livejournal.com/tag/8%20марта%20в%20Алжире) (дата обращения: 24.09.2019).
48. Женский день в Ираке отметили на четыре дня раньше. 07.03.2002. URL: <https://ria.ru/20020307/85372.html> (дата обращения: 24.09.2019).
49. Друмова А. Почему собака в исламе нечистое животное? 6.08.2018. URL: <http://fb.ru/article/409487/pochemu-sobaka-v-islame-nechistoe-jivotnoe> (дата обращения: 02.03.2019).
50. Отношение ислама к собаке. 19.02.2014 г. URL: <https://wolcha.ru/polezno-znat/1692-otnoshenie-islama-k-sobake.html> (дата обращения: 2.03.2019).
51. Писарчик Н.Ю., Прохоров Ю.С. Мы похожи, но мы разные: пособие по страноведению. Продвинутый этап. СПб. : Златоуст, 2000. 104 с.
52. Барсукова С.А. Базовые общекультурные ценности россиян // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журнал. 2017. Т. 5, № 1 (17). С. 148–154. URL: <https://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 27.10.2019).
53. Романовская Н.В. Средства массовой информации в контексте формирования духовно-нравственного сознания россиян: теоретическое и практическое осмысление проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 25 (284). С. 119–123.
54. Седова Н.Н. Россия – общество морального транзита? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 6 (106). С. 25–41. URL: <https://monitoringjournal.ru>; https://elibrary.ru/download/elibrary_17331251_16871621.pdf (дата обращения: 27.10.2019).
55. Кротова Т.А. Традиции исламской системы образования в процессе обучения арабских учащихся русскому языку // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы II-й Международной научно-методической конференции 26–27 января 2012 года / отв. ред. Е.А. Пляскова. Воронеж : Истоки, 2012. С. 355–361.
56. Куновски М.Н. Социокультурная адаптация иностранцев на подготовительном факультете российского вуза: этнокультурный портрет иранского слушателя // Русский язык за рубежом. 2019. № 5 (276). С. 13–19.

References

1. Gil'mutdinov, B.R. (2002) *Tendentsii razvitiya i pedagogicheskie usloviya ispol'zovaniya progressivnoy mysli islama v sovremennoy shkole* [Development trends and pedagogical conditions for the use of the progressive thought of Islam in the modern school]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Kazan.
2. Zubanova, S.G. (2016) *Vospitanie i obrazovanie na osnove religioznoy traditsii Rossii: pravovye osnovaniya i problemy realizatsii* [Upbringing and education based on the religious tradition of Russia: legal grounds and problems of implementation]. *Internet-zhurnal "Mir nauki"*. 5 (4). pp. 1–12. [Online] Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/24PDMN516.pdf> (Accessed: 06.01.2022).
3. Koychuev, A.A.-Dzh. (2008) *Pedagogicheskiy potentsial islama v svetskikh obrazovatel'nykh praktikakh* [Pedagogical potential of Islam in secular educational practices]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Stavropol.
4. Legasova, T.A. (2013) *Vnedrenie religioznykh konfessiy v sistemu gosudarstvennogo obrazovaniya – ugroza ili blago* [The introduction of religious denominations into the system of public education – a threat or a blessing]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. 33 (324). pp. 22–24.
5. Abramova, E.A. (2011) *Polikul'turnoe vospitanie studentov vuza na osnove sistemnogo podkhoda (na primere obucheniya inostrannomu yazyku)* [Multicultural education of university students based on a systematic approach (on the example of teaching a foreign language)]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
6. Akaeva, N.Sh. (2016) *Formirovanie etnicheskoy tolerantnosti studentov v usloviyakh politnicheskoy obrazovatel'noy sredy* [Formation of ethnic tolerance of students in a multi-ethnic educational environment]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 1 (31). pp. 102–107.
7. Astaf'eva, L.S. (2012) *Osobennosti vospitaniya inostrannykh studentov v Rossii v kontekste ikh religioznykh ustanovok i tsennostnykh orientirov* [Peculiarities of education of foreign students in Russia in the context of their religious attitudes and value orientations]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*. 2 (40). pp. 232–241.

8. Kartunova, I.A. (2009) Formirovanie "polikul'turnogo mirovozzreniya" v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku studentov yazykovykh vuzov [Formation of a "multicultural worldview" in the process of teaching a foreign language to students of language universities]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 3. pp. 74–78.
9. Ramazanov, E.A. & Fetaliyeva, L.P. (2018) Etnicheskaya tolerantnost' uchashchikhsya v polikul'turnom prostranstve [Ethnic tolerance of students in a multicultural space]. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta*. 4 (28). pp. 83–91.
10. Lysakova, I.P. (ed.) (2004) *Russkiy yazyk kak inostrannyi. Metodika obucheniya russkomu yazyku* [Russian as a Foreign Language. Methods of teaching the Russian language]. Moscow: VLADOS.
11. Krotova, T.A. (2015) *Emoorientirovannaya sistema lingvokul'turnoy adaptatsii arabskikh uchashchikhsya v praktike obucheniya RKI* [Ethno-oriented system of linguistic and cultural adaptation of Arab students in the practice of teaching Russian as a foreign language]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
12. May, L.I. & Divisenko, O.V. (2021) [Linguistic and didactic potential of the religiosity of students in Russian as a foreign language]. *Dovuzovskiy etap obucheniya v Rossii i mire: yazyk, adaptatsiya, sotsium, spetsial'nost'. Aktual'nye voprosy realizatsii obrazovatel'nykh programm na podgotovitel'nykh fakul'tetakh dlya inostrannykh grazhdan* [Pre-University Stage of Education in Russia and the World: Language, adaptation, society, specialty. Topical issues of the implementation of educational programs at preparatory faculties for foreign citizens]. Proceedings of the 4th International Congress and All-Russian Conference. Moscow. 17–20 November 2021. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. pp. 517–523. (In Russian).
13. Gorshkolepov, P.A. & Kuz'mina, A.A. (1996) *Mir islamskoy kul'tury* [The world of Islamic culture]. In: Popov, E.V. (ed.) *Vvedenie v kul'turologiyu* [Introduction to Cultural Studies]. Moscow: VLADOS. pp. 194–217.
14. Ereemeev, D.E. (1990) *Islam: obraz zhizni i stil' myshleniya* [Islam: Way of life and style of thinking]. Moscow: Politizdat.
15. Ereemeev, D.E. (1980) *Na styke Azii i Evropy (ocherki o Turtsii i turkakh)* [At the Junction of Asia and Europe (Essays on Turkey and the Turks)]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izd-va "Nauka".
16. Shagal', V.E. (2001) *Arabskiy mir: puti poznaniya. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya i arabskiy yazyk* [Arab World: Ways of knowledge. Intercultural communication and the Arabic language]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
17. Gavrishchuk, E.A. (2017) *Metodika kursovogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v usloviyakh Pakistana* [Methods of course teaching Russian as a foreign language in the conditions of Pakistan]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
18. Gyl'gyuden, V.K. (2016) Uchet natsional'no-kul'turnykh osobennostey turetskikh uchashchikhsya-nefilologov pri obuchenii russkomu yazyku v neyazykovoy srede [Taking into account the national and cultural characteristics of Turkish non-philologists in teaching the Russian language in a non-linguistic environment]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 5–4 (47). pp. 29–32.
19. Tkach, T.G. & Moazami, M. (2012) *Prezentatsiya natsional'no-kul'turnoy spetsifiki russkogo rechevogo obshcheniya v iranskoy auditorii* [Presentation of the national and cultural specifics of Russian speech communication in the Iranian audience]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3. pp. 95–100.
20. Kerami, Y. & Yunusov, I. (2015) Spetsifika vospriyatiya russkoy literatury v musul'manskikh soobshchestvakh (na primere Turtsii) [The specifics of the perception of Russian literature in Muslim communities (on the example of Turkey)]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3. pp. 89–96.
21. Yunusov, I.Sh. & Ozyurk, M. (2012) O nekotorykh osobennostyakh prepodavaniya russkoy literatury turetskim studentam [On some features of teaching Russian literature to Turkish students]. *Filologiya i kul'tura*. 2 (28). pp. 161–164.
22. Moazami, M. & Tkach, T.G. (2011) Kul'turnye i psikhologicheskie trudnosti izucheniya russkogo yazyka v musul'manskoy auditorii (na primere iranskikh uchashchikhsya) [Cultural and psychological difficulties of learning the Russian language in a Muslim audience (on the example of Iranian students)]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*. 2. pp. 41–45.
23. Rezaei, A.M. (2012) *Sovremennaya sistema obucheniya RKI v iranskikh yazykovykh universitetakh: problemy i perspektivy* [Modern system of teaching Russian as a foreign language in Iranian language universities: problems and prospects]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4. pp. 37–43.
24. Zakhraii, S.K. & Abdollakhi, M. (2015) Natsional'naya kul'tura i obuchenie inostrannym yazykam v musul'manskikh stranakh [National culture and teaching foreign languages in Muslim countries]. *Simvol nauki*. 12–2. pp. 266–269.
25. Chiad, Ch.I.S. (2018) *Metodicheskie osnovy uchebnika russkogo yazyka dlya irakskikh shkol* [Methodological foundations of the Russian language textbook for Iraqi schools]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
26. Mokhsen, Sh. (2007) *Prepodavanie russkogo yazyka v Irane (na primere podgotovitel'nogo kursa)* [Teaching the Russian language in Iran (on the example of a preparatory course)]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4. pp. 92–96.
27. Golami, H., Beygi, M. & Pulaki, P. (2018) Rol' uchebnika kak sredstva organizatsii uchebnogo protsessa po russkomu yazyku kak inostrannomu v iranskoy auditorii [The role of the textbook as a means of organizing the educational process in Russian as a foreign language in the Iranian audience]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2 (2). pp. 20–25.
28. Vostriyakov, N.A. (2019) Aktual'nye problemy nachal'nogo etapa obucheniya russkomu yazyku studentov-musul'man iz dal'nikh zarubezhnykh stran [Actual problems of the initial stage of teaching the Russian language to Muslim students from distant foreign countries]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 85–96.
29. Krisanova, E. (2014) Brat'ya-musul'mane [Muslim Brothers]. *ohrussian.com*. 22 January. [Online] Available from: <http://ohrussian.com/bez-rubriki/bratya-musulmane.html> (Accessed: 02.03.2019).
30. RIA.ru. (2009) Pervyy uchebnik russkogo yazyka dlya irantsev predstavlen v Moskve [The first Russian language textbook for Iranians is presented in Moscow]. *RIA.ru*. 25 March. [Online] Available from: <https://ria.ru/20090325/165996399.html> (Accessed: 12.12.2020).
31. Miller, L.V., Politova, L.V. & Rybakova, I.Ya. (2004) *Zhili-byli... 28 urokov russkogo yazyka dlya nachinayushchikh* [Once Upon a Time ... 28 Russian lessons for beginners]. Saint Petersburg: Zlatoust.
32. Miller, L.V. & Politova, L.V. (2003) *Zhili-byli... 12 urokov russkogo yazyka. Bazovyy uroven'* [Once Upon a Time ... 12 Russian lessons. Basic level]. Saint Petersburg: Zlatoust.
33. Khakimzyanova, A. (2017) Khalyal'nyy angliyskiy: marketingovy khod ili pravda zhizni? [Halal English: a marketing ploy or the truth of life?]. *Obshcherossiyskoe informatsionnoe agentstvo musul'man "Info-Islam"*. 9 June. [Online] Available from: http://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/khaljalnyj_anglijskiy_marketingovyj_khod_ili_pravda_zhizni/7-1-0-44583 (Accessed: 2.03.2019).
34. Alburahy, H.H. (2012) Metodicheskie priemy preduprezhdeniya, korrektsii i preodoleniya kommunikativnykh neudach arabskikh studentov, izuchayushchikh russkiy yazyk [Methodical techniques for preventing, correcting and overcoming communicative failures of Arab students studying Russian]. *Vestnik Moskovskogo gos. gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 3. pp. 98–104.
35. Ryazantsev, A. (2018) *Nam ochen' khochetsya poznakomit' Alzhir s Rossiei – umnoy, krasivoy, dobrozheleatel'noy* [We really want to introduce Algeria to Russia – smart, beautiful, benevolent]. 30 August. [Online] Available from: <https://russiymir.ru/publications/245248> (Accessed: 24.09.2019).
36. Sergeeva, A.V. (2005) *Russkie: stereotypy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: Stereotypes of behavior, traditions, mentality]. Moscow: Flinta; Nauka.
37. Embassy of the Russian Federation in Algeria. (2019) O pokaze baleta "Lebedinoe ozero" v Alzhire [About the performance of the ballet "Swan Lake" in Algeria]. *Embassy of the Russian Federation in Algeria*. 28 February. [Online] Available from: <https://algerie.mid.ru/-/o-pokaze-baleta-lebedinoe-ozero-v-alzhire?inheritRedirect=true> (Accessed: 24.09.2019).

38. RT. (2013) Egipetskie islamisty namereny lishit' stranu baleta [Egyptian Islamists intend to deprive the country of ballet]. *RT*. 29 May. [Online] Available from: <https://russian.rt.com/article/9802> (Accessed: 24.09.2019).
39. InoSMI. (2012) Palmer Brayan. Islam zapreshchaet tantsevat'? [Palmer Brian. Islam forbids dancing?]. *InoSMI*. 1 September. [Online] Available from: <https://inosmi.ru/asia/20120901/197557726.html> (Accessed: 24.09.2019).
40. Pochemu nel' zya? (n.d.) Pochemu v islame nel' zya tantsevat'? [Why is it forbidden to dance in Islam?]. *Pochemu nel' zya?* [Online] Available from: <https://pochemu-nelzya.info/v-islame-tancevat> (Accessed: 24.09.2019).
41. Islam News. (2017) "Amoral'nye" tantsy saudovskikh muzhchin na svad'be vzorvali sotsial'nye seti [Saudi men's 'immoral' dancing at a wedding has taken social media by storm]. *Islam News*. 6 April. [Online] Available from: <https://islamnews.ru/news-amoralnye-tancy-saudovskikh-muzhchin-n> (Accessed: 24.09.2019).
42. Argumenty i fakty. (2021) Na bukvu "g" nachinaetsya (Ironicheskaya azbuka 2021 goda ot Arkadiya Inina) [Starts with the letter "g" (Ironic alphabet of 2021 from Arkady Inin)]. *Argumenty i fakty*. 52 (2145). 29 December – 11 January. P. 18.
43. Miller, L.V. & Politova, L.V. (n.d.) 12 sovetov prepodavatelyu russkogo yazyka kak inostrannogo ot avtorov uchebnika "Zhili-byli" [12 tips for a teacher of Russian as a foreign language from the authors of the textbook "Once upon a time"]. [Online] Available from: <http://www.zlat.spb.ru/page91.html> (Accessed: 24.09.2019).
44. Khamitova, D. (2016) Devushki iz raznykh stran o 8 marta [Girls from different countries on March 8]. 7 March. [Online] Available from: <http://istory.kz/11210/devushki-iz-raznykh-stran-o-8-marta> (Accessed: 24.09.2019).
45. Vse dni. (2019) Mezhdunarodnyy zhenskiy den' – v kakikh stranakh otmeyayut, gde 8 marta – eto vykhodnoy den' [International Women's Day – in which countries it is celebrated, where March 8 is a day off]. *Vse dni*. [Online] Available from: <https://www.vse-dni.ru/2019/03/8-marta-v-kakikh-stranah-otmechayut-gde-vihodnoy.html> (Accessed: 24.09.2019).
46. NEWSru. (2002) V Afganistane prazdnik 8 marta otmeyalsya vpervye za desyatiletie [In Afghanistan, March 8 was celebrated for the first time in a decade]. *NEWSru*. 8 March. [Online] Available from: <https://www.newsru.com/world/08mar2002/prazdnik.html> (Accessed: 24.09.2019).
47. missalger. (2016) 8 marta v Alzhire [March 8 in Algeria]. *LiveJournal*. 9 March. [Online] Available from: <https://missalger.livejournal.com/tag/8-marta-v-Alzhire> (Accessed: 24.09.2019).
48. RIA. (2002) Zhenskiy den' v Irake otmelili na chetyre dnya ran'she [Women's Day in Iraq was celebrated four days earlier]. *RIA*. 07 March. [Online] Available from: <https://ria.ru/20020307/85372.html> (Accessed: 24.09.2019).
49. Drumova, A. (2018) Pochemu sobaka v islame nechistoe zivotnoe? [Why is a dog an unclean animal in Islam?]. 6 August. [Online] Available from: <http://fb.ru/article/409487/pochemu-sobaka-v-islame-nechistoe-zivotnoe> (Accessed: 02.03.2019).
50. Wolcha.ru – Vse sobaki mira [Wolcha.ru – All Dogs of the World]. (2014) Otnoshenie islama k sobake [Islam's attitude towards dogs]. *Wolcha.ru – Vse sobaki mira* [Wolcha.ru – All Dogs of the World]. 19 February. [Online] Available from: <https://wolcha.ru/polezno-znat/1692-otnoshenie-islama-k-sobake.html> (Accessed: 2.03.2019).
51. Pisarchik, N.Yu. & Prokhorov, Yu.S. (2000) *My pokhozhi, no my raznye: posobie po stranovedeniyu. Prodvinityy etap* [We Are Similar, but We are Different: A guide to country studies. Advanced stage]. Saint Petersburg: Zlatoust.
52. Barsukova, S.A. (2017) Bazovye obshchekul'turnye tsennosti rossiyan [Basic general cultural values of Russians]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo: elektron. nauchn. zhurnal*. 1 (5). pp. 148–154. [Online] Available from: <https://esj.pnzgu.ru> (Accessed: 27.10.2019).
53. Romanovskaya, N.V. (2012) Sredstva massovoy informatsii v kontekste formirovaniya dukhovno-nravstvennogo soznaniya rossiyan: teoreticheskoe i prakticheskoe osmyslenie problemy [Mass media in the context of the formation of the spiritual and moral consciousness of Russians: theoretical and practical understanding of the problem]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 25 (284). pp. 119–123.
54. Sedova, N.N. (2011) Rossiya – obshchestvo moral'nogo tranzita? [Is Russia a society of moral transit?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6 (106). pp. 25–41. [Online] Available from: https://monitoringjournal.ru; https://elibrary.ru/download/elibrary_17331251_16871621.pdf (Accessed: 27.10.2019).
55. Krotova, T.A. (2012) [Traditions of the Islamic education system in the process of teaching Arabic students the Russian language]. *Problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin inostrannym uchashchimsya* [Problems of Teaching Philological Disciplines to Foreign Students]. Proceedings of 2nd International Conference. Voronezh. 26–27 January 2012. Voronezh: "Istoki". pp. 355–361. (In Russian).
56. Kunovski, M.N. (2019) Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrantsev na podgotovitel'nom fakul'tete rossiyskogo vuz: etnokul'turnyy portret iranskogo slushatelya [Sociocultural adaptation of foreigners at the preparatory faculty of a Russian university: an ethnocultural portrait of an Iranian student]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 5 (276). pp. 13–19.

Информация об авторе:

Вострякова Н.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Волгоградского государственного технического университета (Волгоград, Россия). E-mail: navostrjakova@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6795-6929

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Vostryakova, Cand Sci. (Philology), associate professor, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: navostrjakova@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6795-6929

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2020;
одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 15.12.2020;
approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 378:811.111
doi: 10.17223/15617793/488/4

Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов

Юлия Витальевна Жарова^{1, 2}, Ольга Андреевна Обдалова³

^{1, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

^{1, 2} extra.english2013@yandex.ru

³ o.obdalova@mail.ru

Аннотация. Представлена методология переформатирования содержания и результатов образовательного процесса иностранному языку, основанного на отходе от традиционного профессионально ориентированного обучения к междисциплинарной интеграции контекста обучения и системообразующим результатам овладения дисциплиной «иностранному языку». Описаны интегрируемые дисциплины и форматы совместной работы, предлагаемые при их освоении на примере направления 38.03.02 – Менеджмент, профиль «Логистика и управление цепями поставок».

Ключевые слова: системообразующие результаты обучения, интегративные форматы совместной работы, иностранный язык, инженерное образование, навыки широкого применения

Для цитирования: Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/4

System-forming results of integrative formats of collaboration in foreign-language training of engineering and technical majors

Yulia V. Zharova^{1, 2}, Olga A. Obdalova³

^{1, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} extra.english2013@yandex.ru

³ o.obdalova@mail.ru

Abstract. The demand for highly qualified engineering and technical majors with knowledge of foreign language is growing every year, so advanced training is a challenge for education and industry. The authors' communication- and project-based technology of teaching a foreign language to future engineering and technical majors is aimed to solve the problem for high-tech production and economy transformation in the Russian Federation. The article presents a methodology for reformatting the content and results of the foreign language educational process based on shifting from the traditional professionally oriented learning to an interdisciplinary integration of the learning context and the system-forming results of foreign language mastering. The aim of the article is to describe the system-forming results of integrative formats of collaboration in the foreign language education of future engineers. The theoretical and methodological basis of the study includes the fundamental principles of the following approaches: a personality-oriented approach aimed at developing personality traits and self-development; a personality-activity approach that forms partnerships in ensuring both individual and team effectiveness; a project-based approach which is reflected in the implementation of project activities in cross-disciplinary teams and the organization of team work as the dominant approach to education. The content of interdisciplinary training is focused on the formation of complex transferable skills and competencies associated with creative thinking and supporting cognitive functions. A semester cycle of three types of work on an interdisciplinary project is presented, which sets and maintains the unity of interdisciplinary assembling. The communication- and project-based technology developed by the authors is described in the form of a "live knowledge model" based on an individual educational track. In the context of higher education and professionally oriented activities it serves as an educational-and-career pathway and has a potential to integration into the educational environment of a university, business sector, and social practices. On the practical level, the article can be useful to researchers interested in the integrative development of students' involvement in scientific-and-academic projects when teaching foreign languages on an interdisciplinary basis.

Keywords: system-forming results, integrative formats of collaboration, foreign language, engineering profile, transferable skills

For citation: Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) System-forming results of integrative formats of collaboration in foreign-language training of engineering and technical majors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 37–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/4

Введение

Общемировые процессы деглобализации отличаются многомерным характером технологических вызовов для современной России. Глобальное переустройство находит свое отражение в появлении новых рынков, продуктов и технологий, которые в свою очередь благоприятствуют формированию новых моделей исследования научного предмета. Как показал проведенный нами анализ документов и научных источников [1–7], среди новоявленных приоритетов высшего образования подчеркнуто выделяется междисциплинарная доминанта подготовки именно инженерно-технических кадров, преследующая принципиально другой уровень профессиональной гибкости, направленный на развитие личности, её способностей, комплекса компетенций в когнитивной, коммуникативной, цифровой и других сферах в формате коллективного творчества, междисциплинарной интеграции научного знания и открытой дискуссии об изучаемом предмете.

Так, в центре научного обсуждения – коренной переворот в трактовке концептов общества, который во главу угла ставит антропологический подход, акцентирующий внимание на формировании иного типа молодых специалистов, способных ставить и решать задачи в комплексном контексте деятельности. В профессиограмме современного инженера важным ключевым качеством названа «когнитивная навигация». Например, согласно профессиональному стандарту инженера «Ворлдскиллс Россия» [7], на первом месте стоит оценка организации и управления работой: принципы и методы организации работы, контроля и управления; принципы коммуникации и сотрудничества; объем и ограничения собственной роли и ролей других людей, а также индивидуальные и коллективные обязанности и ответственность; параметры, в рамках которых планируется деятельность; принципы и методы управления временем. Данный пример дает основание полагать, что когнитивные качества связаны с особой способностью личности не просто ориентироваться в мире знания, но и уметь инициировать деятельность, встраивая собственные когнитивные ресурсы в масштабные междисциплинарные проекты как элемент коллективного интеллекта.

Поскольку знание иностранного языка наряду с профильными умениями (Н.Ф. Коряковцева [8]) и цифровыми навыками (R. Simpson, O.A. Obdalova [9]) формирует базис компетентности будущих инженеров, требуется не только поддерживать высокий уровень владения иностранным языком, но и уметь убедительно и публично делиться и обсуждать результаты выполненной проектной работы на основе прин-

ципа междисциплинарности на иностранном языке с целью их представления мировому сообществу.

По причине того, что большая часть образовательного контента в инженерных университетах сосредоточена на технических аспектах, считаем крайне важным дополнительно отметить необходимость обучения данного контингента обучающихся навыкам и умениям межличностной коммуникации. В силу вышесказанного настоящее исследование освещает конкурентноспособные перспективы, выделенные на основе ключевых показателей компетентности (см. табл. 2) для будущих специалистов, планирующих работать в сфере инженерии. При этом отметим, что неотъемлемым аспектом в успешности деятельности будущих инженеров в условиях постиндустриального общества является сформированность у них коммуникативных умений и опыт участия в интегративных форматах совместной работы.

Актуальность данного исследования видится в попытке представить методологию переформатирования содержания и результативной составляющей процесса обучения иностранному языку будущих инженеров, основанного на отходе от традиционного профессионально ориентированного обучения так называемому языку специальности (ESP), характеризующегося жесткими рамками дискретных профессиональных дискурсов, релевантных направленности конкретной профессиональной подготовки, к междисциплинарной интеграции контекста обучения и системообразующим результатам овладения дисциплиной «иностран- ный язык». Данному процессу сопутствует поэтапный многоуровневый «педагогический редизайн» контента и интеллектуальных образовательных технологий, инструментов, платформ¹ и сопровождающих сервисов: внедрение цифровых ассистентов, чат-ботов, тьюторов и др. в образовательный процесс на основе принципа междисциплинарности. Успешными начинаниями такого рода выступают инновации российских ученых, разработавших для учебных целей образовательные технологии на основе привлечения инновационных информационных ресурсов, например технология веб-квест (Е.М. Шульгина [10]), а также с опорой на специально создаваемые под конкретные образовательные цели и задачи контекстно направленные лингводидактические среды, в частности, научно-проектный коворкинг (О.А. Обдалова, О.В. Харাপудченко [11]), проект «Риск-коммуникация в сфере здравоохранения в условиях инфодемии: трансформации смыслов в социально актуальных дискурсах», поддержанный грантом Российского научного фонда (З.И. Резанова [12]).

Целью статьи является описать системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычном обучении будущих инженеров.

Методология

В теоретико-методологическую основу исследования включены основополагающие принципы следующих подходов: личностно ориентированного подхода (Н.А. Алексеев [13], А.Н. Радищев [14], В.В. Сериков [15], К.Д. Ушинский [16], И.С. Якиманская [17] и др.), направленного на развитие качеств личности и саморазвитие; личностно-деятельностного подхода (Л.С. Выготский [18], И.А. Зимняя [19], Т.С. Серова, Э.Г. Крылов [20], В.Д. Шадриков [21] и др.), подразумевающего формирование партнерского взаимодействия при получении новых знаний в обеспечении как индивидуальной, так и командной эффективности; проектный подход (Дж. Дьюи², В.В. Гузеев [22], И.А. Зимняя, Т.Е. Сахарова [23], О.А. Обдалова [24]), который находит отражение в создании проектных методов, реализации проектной деятельности в кросс-дисциплинарных командах и организации командной работы как доминирующей формы образования. Содержание междисциплинарного обучения сосредоточено не на передаче общедоступной информации и отработке материала и языковых действий с ним в тренировочных упражнениях, а на формировании сложных надпредметных умений и компетенций, связанных с творческим мышлением и поддержкой когнитивных функций. Как отмечает В.Д. Шадриков [21] в книге «Системогенез одаренности» «интегральное проявление способностей в целях конкретной деятельности, выступает как системное качество субъекта деятельности, имеющее индивидуальную меру выраженности и развивающееся в деятельности». Однако, по замечанию ученого, вопрос о поиске технологий развития профессиональных способностей остается актуальным.

Исследование

Основополагающей задачей университета является предоставление студентам возможности приобрести соответствующий опыт, сформировать навыки, умения и компетенции для развития способностей и повышения уровня профессиональной гибкости для деятельности в эпоху неопределенности. Благодаря базе аналитической платформы PolyAnalyst и Labour market monitoring (LMM)-инструмента Центра прикладного анализа больших данных Томского государственного университета (ТГУ, Томск, Россия), авторами проведен интеллектуальный анализ требований, предъявляемых к навыкам кандидатов из числа инженерно-технических специалистов, указанных в соответствующих вакансиях, размещенных на платформах Работа в России, Headhunter и др.

Отметим, что согласно веб-отчету PolyAnalyst, баланс жестких и социальных навыков и компетенций в совокупности с опытом проектной работы высоко ценится на рынке труда. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что будущим инженерно-техническим специалистам в дополнение к техническим компетенциям – Hard skills требуются гибкие компетенции – Soft skills, которые относятся к качествам личности,

образу мышления и поведению и определяют способ взаимодействия в социуме: коммуникативные, лидерские, командные, публичные. Из числа гибких навыков, указанных работодателями как социально-эмоциональные навыки / общие навыки / навыки межличностного общения / эмоциональный интеллект (EI) или эмоциональный коэффициент (EQ) / социальные навыки, для инженера также важны широкий кругозор и коммуникабельность. Данное требование объясняется тем, что при решении комплексных задач необходимо выходить за рамки своей специализации, подключая междисциплинарные знания. Любое инженерно-техническое решение начинается со сбора практически значимой информации (кто и что уже пробовал, какие выявлены особенности и риски) и продолжается публичной трансляцией (репрезентацией) полученных результатов. Далее по списку востребованы навыки лидерства, межличностного общения и решения проблем, необходимые инженерам-профессионалам для эффективного выполнения задач, принятия взвешенных и ответственных решений. Так, мнение о том, что инженеров принято считать замкнутыми и необщительными людьми, интровертами, стремящимися минимизировать общение с другими людьми, – всего лишь стереотип. Однако проблемной точкой являются неустойчивые связи между практическими навыками, образованием и исследованиями [25]. В трудах Н.А. Шматко особенно акцентируется внимание на отсутствии баланса надпрофессиональных компетенций в компетентностном профиле будущего инженерно-технического специалиста [26].

Один из возможных способов решения вышеописанных проблем заключается в организации междисциплинарного проектирования [27] в контексте специальности с целью углубления и расширения базы иноязычных знаний и иноязычной коммуникативной компетенции для формирования полного комплекса востребованных в настоящее время знаний, навыков и компетенций. Задачей нашего исследования для решения указанной проблемы является разработка модели коммуникативно-проектного обучения студентов инженерно-технических направлений. Авторская модель позволяет интегрировать новые формы знаний и компетенций, которые приобретают участники междисциплинарного научно-академического проекта «Back Engineering Speakers Team», далее МП «BEST», вступающие во взаимодействие друг с другом в условиях междисциплинарного иноязычного дискурса в работе над проектом за счет комплексного целеполагания в интегративных форматах совместной работы в контексте решения профессионально ориентированных задач.

Обучающийся создает междисциплинарный профиль своей иноязычной компетентности, интегрированной в профессиональное публичное пространство. Далее (табл. 1) мы представим наглядно, каким образом происходит интеграция гуманитарного и технического компонентов основной образовательной программы (ООП) при помощи междисциплинарного ассемблирования, трактуемого нами как синтез компонентов образования (тем, модулей дисциплин

предметного и социогуманитарного профилей) на основе проецирования профессионального контекста на интерактивные формы совместной деятельности, способствующий формированию открытой, гибкой образовательной среды, стимулирующей актуализа-

цию когнитивных и интерпретационных способов осмысления информации, интеграцию личности в социум и активную практику иноязычной профессионально ориентированной речи в условиях междисциплинарного контекста (табл. 1).

Таблица 1

Интеграции гуманитарного и технического компонентов содержания инженерного образования на основе междисциплинарного ассемблирования

Семестровый цикл работ		Междисциплинарный научно-академический проект «Back Engineering Speakers Team» на основе междисциплинарного ассемблирования (*интегративные форматы совместной работы)						
		Интеграции гуманитарного и технического компонентов ООП вне рамок дисциплины «Иностранный язык»						
		Дисциплины общеобразовательного цикла			+ ИЯ +	Дисциплины профессионального цикла		
3-й курс	5-й семестр			Командообразование и лидерство *Сессия у костра – campfire sessions				
2-й курс	4-й семестр				ИЯ *Portfolio Review	Логистика снабжения *Диктант	Теория менеджмента *Дизайн-сессия	Финанс. и упр. учет *Match-making
	3-й семестр				ИЯ *Assessment – сессия ситуационного анализа	История транспорта *Блицдоклады	Теория менеджмента *Matchmaking	
1-й курс	2-й семестр	Организация волонтерской деятельности *Innovation boot camp	Организация доступной среды *Innovation boot camp	История России *Блиц-доклады Pitch or lightning talks	ИЯ *Неконференция - Unconference	Управление транспортными системами *Мировое кафе – world cafe	Экономическая теория *Мировое кафе – world cafe	
	1-й семестр			Информатика *Matchmaking	ИЯ *Дизайн-сессия	Введение в специальность *Аквариум- fishbowl conversation	Экономическая теория *Мировое кафе – world cafe	Управ. Трансп. системами и *Блиц-доклады Pitch or lightning talks
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС								
Типы работ: работа кросс-дисциплинарных команд над содержанием проектов; апробация результатов проектных замыслов; работа в информационном поле проекта на базе междисциплинарного дискурса								

В данной таблице мы показали двухгодичный курс обучения иностранному языку при реализации МП «BEST». Как видно из табл. 1, разработанный МП «BEST» создан на основе авторской технологии междисциплинарного ассемблирования, призванной способствовать устойчивому взаимодействию дисциплин согласно тематическому вектору с целью изучения заданного предметного поля в рамках МП «BEST» в 1–4-м семестрах.

Остановимся на рассмотрении МП с точки зрения его организационной и процессуальной частей.

Представленный ниже *семестровый цикл* из трех типов работы над МП «BEST» задает и поддерживает единство междисциплинарного ассемблирования в каждом из четырех семестров благодаря специально отобранному и адаптированному интегративным форматам совместной работы в рамках коммуникативно-проектной технологии:

Первый тип: работа кросс-дисциплинарных команд над содержанием проектов – от установочной конференции в формате «дизайн сессии» в начале учебного года к итоговой конференции и защите проекта «Open Portfolio Review» в течение каждого семестра.

Целью установочной конференции является составление дорожной карты проекта (табл. 2), где самым важным критерием ее качества является точность выделенных междисциплинарных позиций и связей между ними, ясность и практическая значимость карты для других участников. Согласно авторской технологии, участникам МП «BEST» предлагается начать работу с входного опросника, результаты которого наносятся на дорожную карту с целью активного вовлечения студентов и визуального представления существующих возможностей для «внесистемного» образования.

Инструкция к опроснику для обучающихся:

1. Внесите все важные для вашего факультета/группы мероприятия/конкурсы.
2. Обозначьте цветом все события/мероприятия/соревнования, которые образуют в вашей дорожной карте междисциплинарную связь.
3. Визуализируйте существующие связи.
4. Подумайте, чем можно дополнить внешний контур проекта.

В течение каждого семестра обучающимся необходимо подготовить три публичных выступления для презентации проекта на конкурсных мероприятиях:

– Integrative Public Speech – самопрезентация и обзор своего резюме (CV/Resume).

– Perspective Public Speech – представить анализ противоположных точек зрения по проблематике проекта МП “BEST”.

– Persuasive Public Speech – аргументированная речь по теме проекта МП “BEST”.

Второй тип работы посвящён тестовой апробации результатов проектных замыслов. Он предполагает участие команды в межвузовском конкурсе на лучший про-

ект. Причем такое участие охватывает весь процесс – от знакомства с требованиями конкурса до финала.

Третий тип работы – это деятельность в информационном поле проекта на базе междисциплинарного иноязычного дискурса. Преподаватель иностранного языка, внутренние и внешние эксперты, наставники оценивают не только профильные знания, умения и навыки, но и самостоятельность мышления, творческие, коммуникативные способности/компетенции обучающихся.

Таблица 2

Пример заполнения научно-академической карты проекта

1	Вузы	Летние и зимние инженерные школы
		Олимпиады, конкурсы, турниры, чемпионаты
		Выставки, экскурсии
		Точки кипения
2	Инновационные компании	Компании, готовые провести экскурсию или организовать стажировку для студентов

Итоговая персональная оценка студента складывается из средневзвешенной суммы оценок людей, с которыми участник кросс-дисциплинарной команды взаимодействовал, реализуя МП «BEST». Считаем необходимым отметить, что совокупное оценивание дает более полное представление о вкладе каждого студента и о деятельности команды в целом. Так, результаты педагогического эксперимента, проведенного А.В. Соболевой и Т.В. Мацалак, поддерживают идею о том, что студенты первого года обучения нуждаются в создании особых образовательных условий, которые формируются организаторами учебного процесса, «способствующих осознанию личностно-

значимых целей, принятию ответственности за совершенный выбор, рефлексии прошлого опыта и своего развития» [28. С. 225].

В течение реализации МП все участники проекта определяют свои ключевые ресурсы и выбирают мероприятия, входящие в определенные категории. Данные мероприятия служат основой при реализации студентом МП и позволяют расширить рамки аудитории, выйти на внешний контур, включаясь в другие студенческие сообщества. В табл. 3 показано, какие возможные ресурсы могут использоваться в качестве дополнительной ресурсной базы проекта и какие конкурентноспособные перспективы они предоставляют.

Таблица 3

Пример ресурсов и мероприятий для реализации МП «BEST» и его внешнего контура

№	Классификация площадок	Ресурс	Чем поможет в создании внешнего контура проекта
Информационные площадки			
1	Точки кипения: городские, университетские, предпринимательские, Hi-Tech	См. все точки URL: https://leader-id.ru/points/	Навигатор по открытым бесплатным научно-просветительским мероприятиям в регионах, посвященные общественному и технологическому развитию. Позволяет найти представителей инженерно-технических и других профессий из любого региона
Инженерные соревнования, турниры и олимпиады			
2	Национальная технологическая олимпиада студентов	URL: https://ntcontest.ru	Оригинальные задания для тех, кто стремится научиться новому. Бесплатные лекции ведущих специалистов в формате вебинаров с разбором олимпиадных заданий

Важно отметить, что преподаватель иностранного языка в такой модели обучения выступает в новой роли – роли фасилитатора проектной деятельности. Во многом благодаря этому продолжается процесс культурного и предметного синтеза в условиях междисциплинарного ассемблирования иноязычных и профильных (инженерных) практик, представленных в табл. 1.

В процессуальной части разработанной технологии обучения мы выделяем ряд интегративных форматов совместной деятельности, позволяющих по-новому организовать учебный процесс, который мы определяем как научно-академический. Его новизна видится не только в интерактивном формате коммуникации, устанавливающим благоприятные условия

для общения на равных друг с другом, что создаёт особую атмосферу доверия, вдохновения и творческой инициативы, но и формирует позитивный опыт командной работы и настраивает на конструктивный межличностный диалог. Такие форматы зародились в сфере информационных технологий и до сих пор использовались в деловой среде и рекламе с целью привлечения внимания аудитории для передачи ключевой информации о продвигаемом продукте. Мы же адаптировали их для учебных целей при обучении устной иноязычной речи. Далее мы рассмотрим различные форматы с точки зрения их коммуникативных и методических особенностей применения в учебных целях.

Одним из таких форматов является «дизайн-сессия». Основное предназначение данного интегративного формата – групповая генерация идей и поиск нестандартных решений с использованием технологии дизайн-мышления (англ. design thinking). В основе дизайн-мышления лежит методология решения инженерных, деловых и прочих задач, основывающаяся на творческом, а не на аналитическом подходе. Можно заключить, что специфику данного формата совместной деятельности на иностранном языке определяют принципы дизайна, ориентированного на людей, т.е. «human-centred design». Цель иноязычной деятельности во время реализации дизайн-сессии – познакомиться с возможностями междисциплинарного ассемблирования, осознать роль иноязычной публичной речи в распространении гуманитарных ценностей инженерной деятельности и развитии активной общественной позиции. Мы рекомендуем использовать этот формат в самом начале работы над проектом.

Применение формата экспресс-дискурса «Matchmaking», который пользуется популярностью на крупных выставках, конференциях и форумах, предполагает использование приложений (например, MMCO.Коннект, Leader-id, Science-id и др.) или онлайн-сервисов (MMCO.Онлайн, COLLOQUIUM+ и др.). Данный формат способствует формированию межвузовской профессионально ориентированной среды вне аудиторных занятий благодаря организации мероприятий и привлечению к ним единомышленников с целью создания сетевого взаимодействия (нетворкинга) с учетом компетенций и сферы интересов каждого участника. Генеральная цель предлагаемого формата – сформировать у участников проекта понимание перспектив применения навыков иноязычной публичной речи в развитии карьеры и достижении руководящих должностей. Научиться точно и экспрессивно подбирать/употреблять лексические единицы, грамматические конструкции в соответствии с контекстом самопрезентации и делового стиля общения. С методической точки зрения применение этого формата актуально на этапе распределения обучающихся на команды.

Следующий формат – «Аквариум – fishbowl conversation» – является дискуссионным. Его следует практиковать в кросс-дисциплинарных обсуждениях в условиях многочисленной аудитории. Он позволяет студентам научиться спонтанно продуцировать сложные аргументированные иноязычные высказывания в условиях практического мастер-класса.

К одному из методов фасилитации, позволяющих вовлечь в иноязычную разговорную практику всех без исключения обучающихся, авторы относят Мировое кафе – The world cafe. Данный формат создает располагающую к общению атмосферу открытости и психологической безопасности. Гибкий разговорный процесс обмена мнениями, знаниями, в ходе которого группы обучающихся за несколькими столами плодотворно обсуждают проблемную тему проекта, поочередно делегируя нескольких своих представителей за другие столы для ознакомления с ходом их дискуссии. Цель – научиться использовать силу слова, чтобы

разъяснять, исправлять, продвигать идею, решать проблемы совместными усилиями. Следует учесть, что применение этого формата требует от обучающихся готовности к открытому диалогу при соблюдении уважения к собеседнику.

Альтернативный формат группового взаимодействия «Сессия у костра» – campfire session – рассчитан на 20–30 участников в условиях неформальной обстановки (на открытом воздухе). Одним из условий является запрет на применение гаджетов или техники. Его можно применить, например, в рамках кураторского часа или взаимообучения «peer-to-peer learning». Докладчик или фасилитатор раздает участникам заранее подготовленный список вопросов на заданную тему. Цель работы – практика уверенного выступления перед аудиторией, владение голосом, телом, мимикой и жестами. Обучающиеся приобретают навыки и умения самопрезентации и формулирования и задавания на публике вопросов на иностранном языке. Особенностью имплементации этого формата коммуникации является возможность создания на его основе клуба или определенного сообщества (комьюнити).

Формат ёмких и убедительных блиц-докладов – Lightning talks – имеет продолжительность не более 5 минут. Мы рекомендуем использовать его в рамках текущего контроля успеваемости. Выступление не поддерживается презентацией на слайдах, вместо этого используются двуязычные карточки с ключевыми словами. Цель мероприятия – научиться правильно определять ключевые слова по теме, приводить цитаты и перефразировать аутентичные иноязычные источники. Примером такой работы может служить «соревнование» среди студентов в лучшей формулировке практической значимости своей работы.

Выделим особо новый формат коммуникации, который разработан авторами при адаптации гибридного формата интенсивных практических семинаров «Innovation Boot Camp». Он служит организации взаимодействия различных субъектов коммуникации и реализуется в сотрудничестве с экспертами в предметной области, бизнес-инкубатором при участии представителей профкома студентов. По продолжительности он может занимать несколько занятий. Основная цель – разработка стартап-идей и оригинальных решений посредством самостоятельных командных объединений. По итогам серии семинаров обучающиеся презентуют свои идеи в формате стратегического сторителлинга, направленного на поиск заинтересованных в предложенной разработке сторон (стейкхолдеров). В задачи предлагаемого кросс-функционального объединения входит: научиться выступать в роли активного критически мыслящего собеседника, конструктивно и по существу оценивать предлагаемые идеи. С методической точки зрения важно учесть возможность свободного общения студентов с экспертами, акцент на практике иноязычной речи и в использовании силы слова, экспрессии речи, проявлении тактичности, способности выразить правдивое, аргументированное высказывание, мотивиро-

вать, вдохновлять, привлекать партнеров и единомышленников.

Интересным, на наш взгляд, представляется формат «НЕконференция-Unconference». Стил работы в данном формате отличается тем, что обучающиеся сами определяют, что будет происходить на встрече. В противопоставление традиционным конференциям не предполагается записей или тезисов докладов. Взаимодействие происходит здесь и сейчас параллельно в нескольких небольших группах, чтобы каждый студент мог выбрать интересующую его тему и активно участвовать в обсуждении, чувствовал внутреннюю мотивацию делать структурированные заметки, фиксировать полученные комментарии и рекомендации. Мы рекомендуем прибегать к данному формату с целью научить студентов быстро определять и выбирать сверхактуальные темы выступлений согласно интересам мультиэкспертной аудитории (T-shaped specialists).

Одним из обновленных форматов в нашей модели обучения выступает «Диктант». Авторское видение образовательного и просветительского формата «Диктант» связано с его новой формирующей целью. Особенностью обновленного формата является создание ситуации выполнения письменной работы под диктовку, которая выражается в не стрессовой экспресс-проверке усвоенных терминов и их значений, употребляемых в контексте выбранной области знаний. Такой диктант служит организации направленной практики в быстром поиске в памяти ответов на возможные вопросы экспертной комиссии, выявление пробелов в знаниях профессионального тезауруса. Он также способствует снижению беспокойства перед выступлением.

Следующим форматом является адаптированный формат междисциплинарной проектной работы «Assessment». По существу, это – сессия ситуационного анализа, направленная на оценку текущей ситуа-

ции по конкретному этапу проекта с целью определения способов реализации графической презентации полученных данных. В разработанной авторами технологии данный формат применяется с целью научить будущих инженерно-технических специалистов реплицировать адекватно контексту общения, т.е. грамотно (по форме) отвечать на вопросы и адекватно (по сути) контексту коммуникации, давать соответствующую вербальную реакцию; создать практику составления графиков, схем, интеллектуальных карт. Он способствует совершенствованию письменных навыков и умений аналитического описания информации на иностранном языке.

Студенты 2-го курса (третий и четвертый семестры) презентуют свои заключительные МП «BEST» в формате открытого портфолио-ревью «Open Portfolio Review». Этот формат служит для организации внутренней и внешней оценки практической деятельности. Презентаторы аргументированно рассказывают о развитии проекта и его результатах в зависимости от программы обучения; оценивают перспективы его внедрения или масштабирования. Внутренние и внешние эксперты проводят вопросно-ответную сессию, оценивают презентации, дают обратную связь и рекомендуют лучшие работы к включению в текущие междисциплинарные проекты, награждают победителей. Помимо презентаций в рамках мероприятия проходят лекции экспертов и закрытые ревью – консультации с экспертами в узком формате участников.

Таким образом, авторы статьи отмечают, что интеграция разных видов деятельности и разных профессиональных полей, на которых может строиться образование человека, имеет необходимый потенциал к повышению эффективности образовательного процесса.

Поскольку целью обучения на основе интегративных форматов работы являются комплексные системообразующие образовательные результаты, обратимся к их описанию (табл. 4).

Таблица 4

КСОР как качественный показатель внедрения интегративных форматов совместной работы в рамках авторской коммуникативно-проектной технологии «Back Engineering Speakers Team»

Интегративные форматы совместной работы	Ключевые индикаторы коммуникативно-проектной компетентности будущего инженерно-технического специалиста			
	КОМПЛЕКСНЫЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ			
	Public speaking skills Коммуникативные навыки «Иноязычное умение публичной речи»	Self-skills & Cognitive skills Перспективные качества личности	Hard skills ³ Профильные навыки	Soft skills Универсальные компетенции
Дизайн-сессия	Уважение к собеседнику, умение выслушать и понять, дружелюбие	Выполняет методические рекомендации: исполнительность, самоорганизованность, личная ответственность, креативное мышление	Обеспечивает запуск проекта с учетом организационного контекста, выраженного в междисциплинарных условиях его реализации	Выполняет осознанный выбор технологий для выполнения проектных замыслов в условиях заданных параметров проекта
Matchmaking	Отсутствие предубеждений. Правильно сформулированные вопросы. Цифровая грамотность	Высокая скорость принятия решений: гибкость и устойчивость, системное и целостное мышление, сотрудничество	Участвует в деятельности научного студенческого сообщества в рамках междисциплинарного обучения для изучения передового опыта в предпринимательской, проектной и профильной сферах	Совместно с участниками междисциплинарного научно-академического проекта проводит аналитику влияния социальных, технологических и экономических трендов на сферу инженерии

Интегративные форматы совместной работы	Ключевые индикаторы коммуникативно-проектной компетентности будущего инженерно-технического специалиста			
	КОМПЛЕКСНЫЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ			
	Public speaking skills Коммуникативные навыки «Иноязычное умение публичной речи»	Self-skills & Cognitive skills Перспективные качества личности	Hard skills ³ Профильные навыки	Soft skills Универсальные компетенции
Аквариум – fishbowl/ conversion	Эмоциональный интеллект, умение выслушать и понять, уверенность в себе, уважение к собеседнику	Гуманистический подход, деловая хватка	Способствует осознанию и принятию участниками проекта норм и ценностей инженерной этики	Способствует созданию атмосферы доверия и безопасности в команде проекта
Мировое кафе – The world cafe	Обеспечивает качественную обратную связь и поддерживает конструктивную критику новых идей. Межкультурная коммуникация. Уверенность в себе, уважение к собеседнику	Командное (межкультурное) взаимодействие	Самостоятельно и обоснованно оценивает рациональность выдвигаемых идей	Способствует выявлению сильных сторон участников проекта: талантов и способностей. Поиск способов устранения личных слабостей и ограничений
Сессия у костра – campfire sessions	Эмоциональный интеллект, умение выслушать и понять, уверенность в себе	Мульти- и междисциплинарное мышление	В формате рефлексии выявляет недостающие для успешного продвижения проекта средства (идеи, способы, инструменты)	Использует критику и обратную связь как инструменты для личностного и профессионального развития
Блицоклады	Эмоциональный интеллект, умение выслушать и понять, цифровая грамотность	Мобильность, ориентация на рынок труда, обучение в течение всей жизни	Осуществляет сбор и анализ источников информации для проекта; ведет поиск необходимых ресурсов: оборудования, помещений и т.п.)	Анализирует возможные каналы коммуникации с заинтересованными сторонами проекта. Учитывает привлечение внешней экспертизы
Innovation boot camp	Обеспечивает мультиэкспертную оценку проектных идей в условиях междисциплинарности и публичного представления	Алгоритмическое мышление, инженерная этика	Обеспечивает развитие научно-академического проекта с учетом рекомендаций и предложений профильных экспертов	Способствует продвижению по индивидуальной иноязычной образовательной траектории и обеспечивать развитие проекта
Неконференция – Unconference	Настроен на сотрудничество, открыт для общения со всеми участниками кросс-дисциплинарной команды. Цифровая грамотность	Эффективная коммуникация, обмен знаниями, способность к рефлексии	Осознает ответственность за свои действия и их влияние на успех команды научно-академического проекта	Принимает культуру, ценности и правила вуза
Диктант	Уверенность в себе, способность к адекватному самоопределению в ситуации	Способность к выделению общесистемных закономерностей и связей	Создает условия для формирующего оценивания посредством самооценки, взаимооценки, экспертной оценки	Обеспечивает точечное оценивание и превентивный контроль реализации проекта в фокусе развития участников проекта
Assessment – сессия ситуационного анализа	Эмоциональный интеллект, умение выслушать и понять, уважение к собеседнику	Способность к целеполаганию и самоорганизации для гибкого и эффективного решения локальной проблемы	Мониторинг текущей ситуации совместно с участниками междисциплинарного научно-академического проекта определяет и предупреждает потенциальные риски в развитии проекта	Представляет интересы команды. Выстраивает продуктивные отношения с экспертным сообществом и партнерами, которые могут положительно повлиять на работу команды проекта
Open Portfolio Review	Осмысливает свои ценности, потребности, действия, эмоции, осознает их влияние на работу в рамках проектного обучения. Цифровая грамотность	Способность к самооценке, способность видеть целое	Формирует у участников междисциплинарного проекта представления о ценностных и моральных нормах на уровне команды, окружения проекта, экспертного сообщества	Настроен на постоянное развитие способностей с целью повышения качества собственной работы. Конструктивно использует критику и обратную связь
Public speaking skills	КОМПЛЕКСНЫЕ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ			

К ключевым индикаторам коммуникативно-проектной компетенции обучающихся мы относим профильные навыки, универсальные компетенции (УК) и перспективные качества личности, такие как Self-skills, и когнитивные навыки, выступающие базой иноязычной профессиональной (коммуникативной) компетентности будущих инженеров. Для классификации групп ключевых индикаторов компетентности сопоставим УК с ожидаемыми комплексными системообразующими образовательными результатами (КСОР), развиваемыми посредством интегративных форматов совместной работы.

Как видно из табл. 4, авторская коммуникативно-проектная технология поддерживает закономерный переход от традиционных оценок достижений обучающихся к профилю компетенций КСОР. Через КСОР настраиваются связи между образованием, социальной активностью (включая «внесистемную») и профессионально ориентированной деятельностью будущих инженерно-технических специалистов. По мнению авторов, формирование профиля компетенций позволяет давать более комплексные оценки каждому студенту, включая не только академическую успеваемость, но и внесистемные достижения. Появляется реальная возможность комплексно оценивать ход реализации проекта и командный стиль обучения «cognitive traction», вовлеченность студентов в проект и пр. В интересах же обучающихся авторская технология предоставляет возможность регулярно оценить актуальность «добытых» знаний, насыщенность программы и доступность процесса обучения.

Таким образом, всестороннее оценивание участников и компонентов образовательного процесса: обучающихся, преподавателей, формата, контента и контекста обучения, позволяет быстро и эффективно сонастраивать компоненты процесса образования в быстроменяющихся условиях.

Заключение

Инженерно-технические специалисты со знанием иностранного языка и опытом публичных выступлений играют ведущую роль в сопровождении развития ранней постиндустриальной экономики России. Ядро прогрессивного образовательного процесса, сформированное из междисциплинарной доминанты проектного подхода, иноязычных знаний и навыков ведения бизнеса, сопряжено с введением качественной оценки творческой и уникальной деятельности – креативных индустрий, к которым относят научно-исследовательскую деятельность. Разработанная авторами коммуникативно-проектная технология обучения инженерно-технических специалистов ино-

странному языку стоит на методологической основе междисциплинарного ассемблирования. Такой подход позволяет обратить традиционный учебный процесс в «живую модель знаний». Главное отличие по-новому построенного учебного процесса обучения иностранному языку актуализирует индивидуальную траекторию развития, которая в контексте высшей школы и профессионально направленной деятельности задаёт образовательно-карьерную программу деятельности и способствует интеграции личности в образовательную среду университета, сферу бизнеса и развитию социальных практик.

Таким образом, переход от традиционной оценки обучения иностранному языку в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов к системообразующим результатам на основе применения интегративных форматов совместной работы позволят будущим инженерно-техническим специалистам проектировать, творить и самовыражаться. Авторская коммуникативно-проектная технология призвана качественно увеличить научно-академическую вовлеченность студентов и повысить вариативность иноязычных коммуникативных траекторий обучения при сохранении объемов образовательного контента.

Обучение иностранному языку на основе авторской коммуникативно-проектной технологии создает новые возможности для обогащения образовательного опыта студентов, способствует повышению качества освоения материала, в том числе с возможностью его проверки по мере продвижения по индивидуальной образовательной траектории. Увеличение доли студенческих работ (публикация тезисов, статей, аннотаций, выполнение междисциплинарных проектов и переводов), а также отчетов с производственной практики, выполненных на языках международного общения, способствует усилению процессов интернационализации в университете и формированию конкурентного языкового портфолио. Обучение инженеров иностранному языку на основе междисциплинарного ассемблирования, как и само исследование, посвященное данной теме, имеет определенные преимущества в пользу внедрения полученных результатов в академическую среду вузов и предполагают интеграцию разработанной технологии в сферу социальных практик через развитие системы критических ценностей обучающихся, лидерских качеств, осознанности и самостоятельности. Интеграция дисциплины «иностранное языки» с профильным образовательным процессом и вовлечение студентов в работу над реальными проектами позволяет повысить качество и привлекательность инженерного образования и сохранить самых талантливых студентов, ориентированных на качественное образование.

Примечания

¹ Томский государственный университет, НОЦ «Онлайн-платформы в языковом образовании» Английский пациент. URL: <https://edtech-tsu.ru/englishpatient>

² См.: Дьюи Дж. Школа и общество. М., 1922.

³ Базовая модель компетенций наставника проектного обучения. URL. https://togirro.ru/assets/files/2021/cnppmpm_tyumen/model_kompetencii.pdf

Список источников

1. Lattuca L., Knight D., Ro H., Novoselich B. Supporting the Development of Engineers' Interdisciplinary Competence: Supporting Engineers' Interdisciplinary Competence // *Journal of Engineering Education*. 2017. Vol. 106 (1). P. 71–79. doi: 10.1002/jee.20155
2. Pierrakos O., Borrego M., Lo J. Assessment of students' learning outcomes during design experiences: Empirical evidence to support interdisciplinary teams // *Proceedings of the 4th WSEAS/IASME International Conference on Engineering Education*. Agios Nikolaos, Crete Island, Greece, July 24–26, 2007. URL: <http://www.wseas.us/e-library/conferences/2007creteee/papers/563-124.pdf>
3. Lattuca L.R., Knight D., Seifert T.A., Reason R.D., Liu Q. Examining the Impact of Interdisciplinary Programs on Student Learning // *Innovative Higher Education*. 2017. Vol. 42. P. 337–353. doi: 10.1007/s10755-017-9393-z
4. Skates G. Interdisciplinary project working in engineering education // *European Journal of Engineering Education*. 2003. Vol. 28. P. 187–201. doi: 10.1080/0304379031000079022
5. Zeidman A., Cernajeva S. Interdisciplinary Approach in Engineering Education // *Proceedings of the IEEE*. 2011. Vol. 51. P. 1096–1101. doi: 10.1109/EDUCON.2011.5773284
6. Weissbach R.S., Pflueger R.C. Collaborating With Writing Centers on Interdisciplinary Peer Tutor Training to Improve Writing Support for Engineering Students // *IEEE Transactions on Professional Communication*. 2018. P. 206–220. doi: 10.1109/TPC.2017.2778949
7. Союз «Ворлдскиллс Россия» техническое описание компетенций. URL: <https://fs.worldskills.ru/upload/iblock/0a1/cgfmawcbr6hr207d4wstjff5dk0a8jlq.pdf>
8. Коряковцева Н.Ф. Роль и статус иностранного языка в профессиональной подготовке инновационных кадров // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2019. № 1 (830) С. 20–31.
9. Simpson R., Obdalova O.A. New technologies in higher education – ICT skills or digital literacy? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 154. P. 104–111.
10. Шульгина Е.М. Мотивация познавательной деятельности студентов посредством технологии веб-квест // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. № 5–6 (157–158). С. 40–45. doi: 10.20310/1810-0201-2016-21-5/6(157/158)-40-45
11. Обдалова О.А., Харাপудченко О.В. Научно-проектный коворкинг в обучении устному иноязычному дискурсу студентов магистратуры // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 453. С. 205–214. doi: 10.17223/15617793/453/25
12. Белогорская Д.В., Резанова З.И. Лингвистическая оценка автоматически сгенерированных рефератов новостных текстов // *Язык и культура*. 2023. № 61. С. 15–28. doi: 10.17223/19996195/61/2
13. Алексеев Н.А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1996. 216 с.
14. Радищев А.Н. Избранные сочинения. М. : Просвещение, 1952. 711 с.
15. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М. : Логос, 1999. 272 с.
16. Ушинский К.Д. Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». М. : Директ-Медиа, 2012. 160 с.
17. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М. : Сентябрь, 1996. 96 с.
18. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В.В. Давыдова. Т. 2: Проблемы общей психологии. М. : Педагогика, 1982. 504 с.
19. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. М. : Высшее образование сегодня, 2004. 43 с.
20. Серова Т.С., Крылов Э.Г. Интегративное обучение магистрантов иностранному языку в контексте специальности // *Язык и культура*. 2015. № 3 (31). С. 106–115.
21. Шадриков В.Д. Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. I : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (19–20 ноября 2018 г.) / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 11–15.
22. Гузев В.В. «Метод проектов» как частный случай интегральной технологии // *Директор школы*. 1996. № 6. С. 24–32.
23. Зимняя И.А., Сахарова Т.Е. Проектная методика обучения английскому языку // *Иностранный язык в школе*. 1991. № 3. С. 9–15.
24. Обдалова О.А. Иноязычное образование в 21 веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
25. Обдалова О.А., Соболева А.В. Учет когнитивных стилей обучающихся как способ индивидуализации процесса обучения иностранному языку // *Язык и культура*. 2013. № 2 (22). С. 110–115.
26. Шматко Н.А. Компетенции инженерных кадров: опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // *Форсайт*. 2012. Т. 6, № 4. С. 32–47.
27. Gold Standard PBL: Essential Project Design Elements. URL: <https://www.pblworks.org/blog/gold-standard-pbl-essential-project-design-elements>
28. Соболева А.В., Мацалак Т.В. Индивидуальный образовательный маршрут при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 481. С. 215–229. doi: 10.17223/15617793/481/24

References

1. Lattuca, L. et al. (2017) Supporting the Development of Engineers' Interdisciplinary Competence: Supporting Engineers' Interdisciplinary Competence. *Journal of Engineering Education*. 1 (106). pp. 71–79. doi: 10.1002/jee.20155
2. Pierrakos, O., Borrego, M. & Lo, J. (2007) [Assessment of students' learning outcomes during design experiences: Empirical evidence to support interdisciplinary teams]. *Proceedings of the 4th WSEAS/IASME International Conference on Engineering Education*. Agios Nikolaos, Crete Island. 24–26 July 2007. [Online] Available from: <http://www.wseas.us/e-library/conferences/2007creteee/papers/563-124.pdf>.
3. Lattuca, L.R. et al. (2017) Examining the Impact of Interdisciplinary Programs on Student Learning [Examining the Impact of Interdisciplinary Programs on Student Learning]. *Innovative Higher Education*. 42. pp. 337–353. doi: 10.1007/s10755-017-9393-z
4. Skates, G. (2003) Interdisciplinary project working in engineering education. *European Journal of Engineering Education*. 28. pp. 187–201. doi: 10.1080/0304379031000079022
5. Zeidman, A. & Cernajeva, S. (2011) Interdisciplinary Approach in Engineering Education. *Proceedings of the IEEE*. 51. pp. 1096–1101. doi: 10.1109/EDUCON.2011.5773284
6. Weissbach, R.S. & Pflueger, R.C. (2018) Collaborating With Writing Centers on Interdisciplinary Peer Tutor Training to Improve Writing Support for Engineering Students. *IEEE Transactions on Professional Communication*. pp. 206–220. doi: 10.1109/TPC.2017.2778949
7. WorldSkills Russia. (2017) Soyuz "WorldSkills Rossiya" tekhnicheskoe opisaniye kompetentsiy [WorldSkills Russia Union technical description of competencies]. [Online] Available from: <https://fs.worldskills.ru/upload/iblock/0a1/cgfmawcbr6hr207d4wstjff5dk0a8jlq.pdf>.
8. Koryakovtseva, N.F. (2019) Rol' i status inostrannogo yazyka v professional'noy podgotovke innovatsionnykh kadrov [The role and status of a foreign language in the professional training of innovative personnel]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 1 (830) pp. 20–31.
9. Simpson, R. & Obdalova, O.A. (2014) New technologies in higher education – ICT skills or digital literacy? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 104–111.
10. Shul'gina, E.M. (2016) Motivatsiya poznatel'noy deyatel'nosti studentov posredstvom tekhnologii veb-kvest [Motivation of cognitive activity of students through web-quest technology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5–6 (157/158). pp. 40–45. doi: 10.20310/1810-0201-2016-21-5/6(157/158)-40-45

11. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2020) Project-Based Research Coworking for Teaching English Oral Discourse 205 to Master's Students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 453. pp. 205–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/453/25
12. Belogorskaya, D.V. & Rezanova, Z.I. (2023) Lingvisticheskaya otsenka avtomaticheskikh sgenerirovannykh referatov novostnykh tekstov [Linguistic evaluation of automatically generated abstracts of news texts]. *Yazyk i kul'tura*. 61. pp. 15–28. doi: 10.17223/19996195/61/2
13. Alekseev, N.A. (1996) *Lichnostno-orientirovannoe obuchenie: voprosy teorii i praktiki* [Student-Centered Learning: Questions of theory and practice]. Tyumen: Tyumen State University.
14. Radishchev, A.N. (1952) *Izbrannye sochineniya* [Selected Writings]. Moscow: Prosveshchenie.
15. Serikov, V.V. (1999) *Obrazovanie i lichnost'.* *Teoriya i praktika proektirovaniya pedagogicheskikh sistem* [Education and Personality. Theory and Practice of Designing Pedagogical Systems]. Moscow: Logos.
16. Ushinskiy, K.D. (2012) *Materialy k tret'emu tomu "Pedagogicheskoy antropologii"* [Materials for the Third Volume of Pedagogical Anthropology]. Moscow: Direkt-Media.
17. Yakimanskaya, I.S. (1996) *Lichnostno-orientirovannoe obuchenie v sovremennoy shkole* [Student-Centered Learning in Modern School]. Moscow: Sentyabr'.
18. Vygotskiy, L.S. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
19. Zimnyaya, I.A. (2004) *Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya* [Key Competencies – A new paradigm of the result of education]. Moscow: Vysshee obrazovanie segodnya.
20. Serova, T.S. & Krylov, E.G. (2015) Integrativnoe obuchenie magistrantov inostrannomu yazyku v kontekste spetsial'nosti [Integrative teaching of undergraduates in a foreign language in the context of the specialty]. *Yazyk i kul'tura*. 3 (31). pp. 106–115.
21. Shadrikov, V.D. (2018) [Systemogenesis of educational and professional activities]. *Sistemogenez uchebnoy i professional'noy deyatel'nosti* [Systemogenesis of educational and professional activities]. Part 1. Proceedings of the 8th All-Russian Conference. Yaroslavl. 19–20 November. Yaroslavl: RIO Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 11–15. (In Russian).
22. Guzeev, V.V. (1996) "Metod proektov" kak chastnyy sluchay integral'noy tekhnologii ["Method of projects" as a special case of integral technology]. *Direktor shkoly*. 6. pp. 24–32.
23. Zimnyaya, I.A. & Sakharova, T.E. (1991) *Proektnaya metodika obucheniya angliyskomu yazyku* [Project methodology for teaching English]. *Inostranny yazyk v shkole*. 3. pp. 9–15.
24. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v 21 veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Obdalova, O.A. & Soboleva, A.V. (2013) Uchet kognitivnykh stiley obuchayushchikhsya kak sposob individualizatsii protsessu obucheniya inostrannomu yazyku [Taking into account the cognitive styles of students as a way to individualize the process of teaching a foreign language]. *Yazyk i kul'tura*. 2 (22). pp. 110–115.
26. Shmatko, N.A. (2012) Kompetentsii inzhenernykh kadrov: opyt sravnitel'nogo issledovaniya v Rossii i stranakh ES [Competencies of engineering personnel: experience of comparative research in Russia and EU countries]. *Forsayt*. 4 (6). pp. 32–47.
27. PBL Works. (2023) *Gold Standard PBL: Essential Project Design Elements*. [Online] Available from: <https://www.pblworks.org/blog/gold-standard-pbl-essential-project-design-elements>.
28. Soboleva, A.V. & Matsalak, T.V. (2022) Individual educational track when teaching a foreign language to non-linguistic students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 215–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/24

Информация об авторах:

Жарова Ю.В. – младший научный сотрудник лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель кафедры «Иностранные языки» Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск, Россия). E-mail: extra.english2013@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-7861-2478

Обдалова О.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов, руководитель Лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: o.obdalova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5295-117X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Zharova, junior research fellow, Laboratory of Socio-cognitive Linguistics and Foreign Language Discourse Teaching, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); lecturer, Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: extra.english2013@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-7861-2478

O.A. Obdalova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, head of the Laboratory of Socio-cognitive Linguistics and Foreign Language Discourse Teaching, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5295-117X

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 796.012+796.015
doi: 10.17223/15617793/488/5

Педагогический учет различий в технике штрафного броска баскетболиста до и после физической нагрузки

Валерий Иннокентьевич Загrevский^{1,2}, Олег Иннокентьевич Загrevский³,
Дмитрий Алексеевич Лавшук⁴

^{1,4} Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь
^{2,3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1,2} zvi@tut.by
³ O.Zagrevsky@yandex.ru
⁴ dmrl@tut.by

Аннотация. Обоснованы критерии различия в технике штрафного броска в баскетболе до и после физической нагрузки. Показано, что управляющие движения в суставах спортсмена характеризуются сходимостью параметров управления в одной временной точке как до, так и после физической нагрузки, что свидетельствует о стремлении спортсмена к достижению стандартных для него биомеханических показателей броска независимо от физического состояния. Выявленные особенности построения техники штрафного броска в баскетболе положены в основу план-схемы освоения-закрепления-совершенствования техники штрафного броска в баскетболе.

Ключевые слова: штрафной бросок баскетболиста, двигательные действия, управляющие движения, физическая нагрузка, этапы обучения

Для цитирования: Загrevский В.И., Загrevский О.И., Лавшук Д.А. Педагогический учет различий в технике штрафного броска баскетболиста до и после физической нагрузки // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 48–59. doi: 10.17223/15617793/488/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/5

Pedagogical consideration of differences in the technique of a free throw of a basketball player before and after physical activity

Valery I. Zagrevskiy^{1,3}, Oleg I. Zagrevskiy³, Dmitry A. Lavshuk⁴

^{1,4} Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus
^{2,3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} zvi@tut.by
³ O.Zagrevsky@yandex.ru
⁴ dmrl@tut.by

Abstract. The issue of effectively solving the problem of an accurate free throw in basketball is a complex task and is associated with the interaction of numerous factors: a large variability of the ball's flight trajectory; a different level of muscle efforts by an athlete before/after physical activity, which leads to a mismatch in the implementation of the program of joint movements at the kinematic and dynamic levels. The study aims to identify kinematic differences in the free-throw technique of a basketball player performed before/after physical activity and, on their basis, to form a plan-scheme for mastering-fixing-improving the free-throw technique. To effectively reach the aim of the study, a set of research methods from the field of related scientific disciplines was used: computer modeling of the flight trajectory of a ball, video filming of a free throw, kinematic analysis of the technique of the exercise, pedagogical structuring of exercises. Computer modeling of the flight trajectory of a ball was used to determine the functional relationship: the angle and the speed of the ball, and the distance to the target of the throw (radius vector). Based on the given parameters of the throw, the ball's flight trajectory was calculated and its computer visualization was performed. The kinematic analysis of the technique of the exercise was carried out on the basis of video filming of the basketball player's free throw. The kinematic indicators of the movement of a basketball player were analyzed when performing a free throw before and after physical activity. According to the materials of the kinematic analysis of the basketball player's free throw, pedagogically justified structural parts of the exercise were determined: its stages and phases. Based on the materials of the study, a plan-scheme of mastering-fixing-improving the free throw in basketball is proposed. The authors substantiate the criteria for differences in the free throw technique in basketball before and after physical activity. The authors come to the following conclusions. (1) Regardless of the amount of physical load

in the completion phase of the implementation stage, the free throw's standard biomechanical indicators, required to solve the problem of precision movement, are achieved. (2) Mismatches in the parameters of the biomechanical characteristics of a free throw are noted in the accumulation phase: after physical exercise, the biomechanical parameters of movement are characterized by a significantly greater approximation to the required values of the target accuracy of a free throw than in the case of complete physical recovery. Therefore, movement correction in the implementation phase is much more active against the background of full recovery. (3) Improving the motor structure of a free throw in basketball involves the formation of elements of dynamic posture and motor synergies for individual kinematic chains.

Keywords: free throw, motor actions, control movements, physical activity, learning stages

For citation: Zagrevskiy, V.I., Zagrevskiy, O.I. & Lavshuk, D.A. (2023) Pedagogical consideration of differences in the technique of a free throw of a basketball player before and after physical activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 48–59. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/5

Введение

В современном естествознании эффективность научного поиска во многом определяется успешностью решения задач на стыке междисциплинарных областей исследования, а также использованием современных методов исследования [1–3]. Исследование осуществлено в зоне научных интересов биомеханики, педагогики, теории и методики спортивной тренировки в области спортивной подготовки баскетболиста. Маркерной точкой совпадения вектора научных интересов и объединения методов исследования в данном случае является проблема формирования точностных движений спортсменом, в частности механизмы формирования техники штрафного броска баскетболиста до/после физической нагрузки.

Эффективное решение задачи точного штрафного броска в баскетболе – комплексная проблема, связанная с проявлением многочисленных факторов: с большой вариативностью траектории полета мяча, зависящей от начальной скорости и угла вылета баскетбольного мяча; различным уровнем проявления спортсменом мышечных усилий до/после физической нагрузки, что приводит к рассогласованию в выполнении заданной программы суставных движений на кинематическом и динамическом уровнях; дифференцированным совершенствованием двигательной структуры броска баскетбольного мяча с различных дистанций и сохранением типичной программы двигательных действий баскетболиста в штрафном броске. Противоречием здесь является несоответствие между параметрами кинематических показателей штрафного броска, достигнутыми в фазе аккумуляции с требуемыми параметрами полета мяча в конечный момент времени фазы реализации.

Разрешение противоречия между фактическими многодиапазонными параметрами кинематических характеристик подготовительных действий баскетболиста в штрафном броске до/после физической нагрузки и необходимостью достижения их стационарных значений в момент вылета мяча, типичных для сформированного двигательного навыка, диктует цель исследования – выявить кинематические различия в технике штрафного броска баскетболиста, выполняемого до/после физической нагрузки, и на их основе сформировать план-схему освоения-закрепления-совершенствования техники штрафного броска.

Для эффективной реализации цели исследования был применен комплекс методов исследования из области смежных научных дисциплин: компьютерное моделирование траектории полета баскетбольного мяча, видеосъемка штрафного броска баскетболиста, кинематический анализ техники исследуемого упражнения, педагогическое структурирование упражнений.

Компьютерное моделирование траектории полета баскетбольного мяча применялось для определения функциональной связи: угол, скорость вылета баскетбольного мяча и расстояние до цели броска (радиус-вектор). На основе заданных параметров броска выполнялся расчет траектории полета мяча и его компьютерная визуализация.

Кинематический анализ техники исследуемого упражнения выполнялся по материалам видеосъемки штрафного броска баскетболиста. Анализировались кинематические показатели движения баскетболиста при выполнении штрафного броска до и после физической нагрузки.

По материалам кинематического анализа штрафного броска баскетболиста определялись педагогически обоснованные структурные части упражнения: его стадии и фазы.

По материалам выполненного исследования предложена план-схема освоения-закрепления-совершенствования штрафного броска в баскетболе.

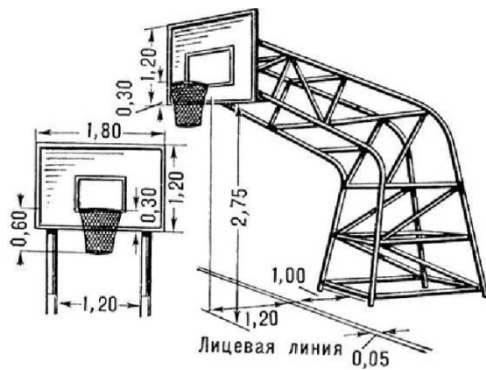
Результаты исследования

Физические ограничения на траекторию полета мяча. Условия соревновательной деятельности баскетболистов в зоне игровой площадки ограничивают не только параметры передвижений баскетболистов, но и траекторию полета мяча, которая будет определяться пространственными размерами спортивной площадки. Размеры игровой площадки в баскетболе по правилам международной федерации баскетбола [4] составляют (рис. 1): длина – 28 м, ширина 15 м, диаметр центрального круга – 3,60 м, 3-очковая зона (расстояние от корзины) – 6,75 м, высота кольца 3,05 м, расстояние от корзины до линии штрафного броска – 4,6 м.

Следовательно, установленные правилами соревнований параметры игровой баскетбольной площадки определяют ограничения, накладываемые на горизонтальное перемещение мяча в плоскости пола. Однако траектория полета мяча определяется не только его

горизонтальным перемещением, но и вертикальным. Здесь также существуют ограничения на кинематику

движения, регламентируемые высотой расположения баскетбольного кольца.

А

Б

Рис. 1. Пространственные элементы баскетбольной корзины и баскетбольного щита (А), элементы попадания баскетбольного мяча в корзину (Б)

Баскетбольная корзина находится на высоте 3,05 м от пола. Дополнительно учитываем, что расстояние от корзины до линии штрафного броска 4,6 м. Стандартный размер баскетбольного кольца по диаметру (D) составляет 45 см (рис. 1, Б), а высота верхней кромки – 305 см над уровнем площадки (рис. 1, А).

Таким образом, при построении математической модели полета мяча в штрафном броске баскетболиста регламентируемыми ограничениями перемещения мяча будут: параметры баскетбольной площадки, расстояние от штрафной линии до баскетбольного щита, расстояние от точки «Start» (кисть спортсмена) до центра баскетбольного кольца по вертикали и по горизонтали.

Математическая модель траектории баскетбольного мяча. Учитывая параметры зон игровой площадки, запишем в математической форме обозначения для параметров штрафного броска в баскетболе, которые будут использоваться нами в формульных выражениях моделирования траектории полета мяча.

Расположим начало декартовой системы координат в центре баскетбольного мяча в момент времени «Start» – момент потери контакта кистей рук спортсмена с баскетбольным мячом (рис. 2). Момент времени «Finish» – момент прохождения центра масс мяча через кольцо корзины.

Введем обозначения для рис. 2:

- g – ускорение свободного падения;
- X – расстояние по горизонтали от точки выброса мяча (кисть спортсмена) до центра баскетбольного кольца;
- Y – расстояние по вертикали от высоты расположения верхнего края баскетбольного кольца до точки выброса мяча (кисть спортсмена);
- t_0 – начальный момент времени вылета мяча – момент времени «Start»;
- t_1 – конечный момент времени прилета мяча – момент времени «Finish»;
- T – длительность полета мяча;
- α_0 – угол вылета мяча, определяемый по соотношению горизонтальной и вертикальной составля-

ющих линейной скорости центра масс мяча в момент времени «Start»;

– α_1 – угол прилета мяча, определяемый по соотношению горизонтальной и вертикальной составляющих линейной скорости центра масс мяча в момент времени «Start»;

– V_0 – начальная скорость вылета мяча в момент времени «Start»;

– V_{x0} – горизонтальная составляющая начальной скорости вылета мяча в момент времени «Start»;

– V_{y0} – вертикальная составляющая начальной скорости вылета мяча в момент времени «Start»;

– V_1 – скорость подлета мяча в баскетбольную корзину в момент времени «Finish»;

– V_{x1} – горизонтальная составляющая скорости мяча в баскетбольную корзину в момент времени «Finish»;

– V_{y1} – вертикальная составляющая мяча в баскетбольную корзину в момент времени «Finish»;

– φ – сектор угла попадания в баскетбольное кольцо.

Сделаем пояснения по некоторым обозначениям и формульным выражениям в математической модели полета мяча.

На рис. 2 в колонке «Координаты» показаны численные значения координат полета мяча по осям Ox (X) и Oy (Y) декартовой системы координат. Шаг изменения координат по времени (колонка «Время») составляет 0,1 с.

Происходящие эволюции траектории мяча по координатам X и Y с течением времени (t), в зависимости от задаваемого для начального момента времени (t_0) угла вылета мяча (α_0) и начальной скорости (V_0), отражаются в правой части динамического рисунка (рис. 2). Задавая для мяча различные начальные условия движения, получаем трансформируемую траекторию и прогнозируемые характеристики полета мяча.

Здесь следует учесть, что α_0 будет иметь положительную величину, так как угол отсчитывается против часовой стрелки (принимается за положительное направление). Численное значение угла попадания

мяча в баскетбольное кольцо (α_1), будет принимать отрицательное значение (рис. 2), так как отсчитывается

от оси Ox по часовой стрелке (отрицательное направление движения).

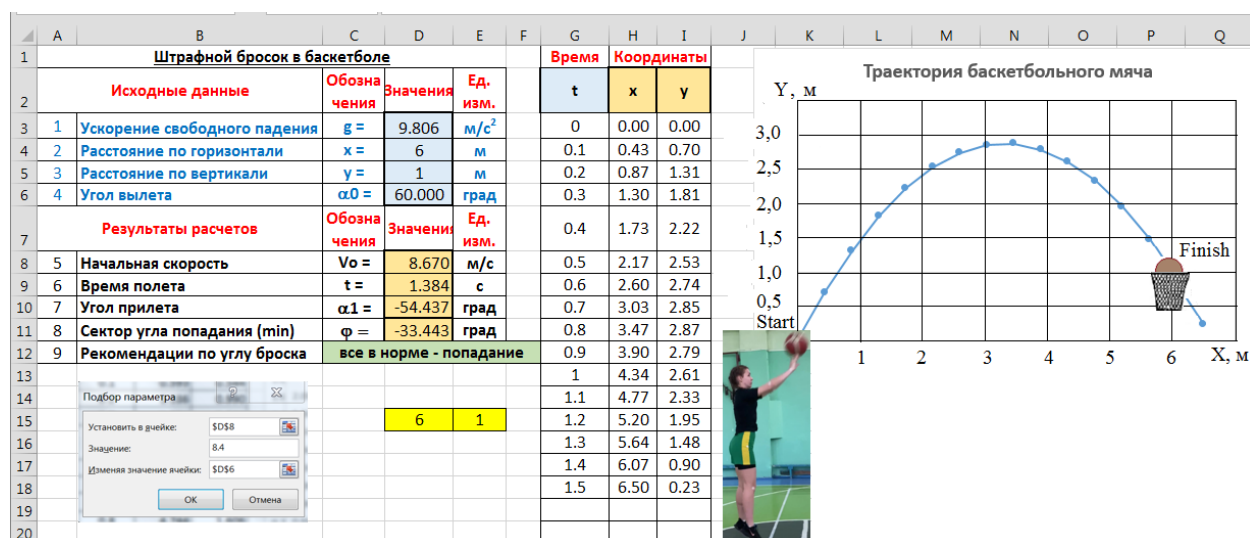

Рис. 2. Окно программы «Штрафной бросок» и обозначения в математической модели полета баскетбольного мяча

Большое значение имеет сопоставление показателя угла прилета мяча в баскетбольное кольцо (α_1) и величины сектора угла попадания. Если абсолютное значение (по модулю) сектора угла попадания меньше вычисленного абсолютного значения угла прилета мяча, то в строке «рекомендации по углу броска» компьютер распечатает «все в норме – попадание». Если попадания не будет, то будут даны соответствующие рекомендации по изменению угла броска: в строке 12 появится запись «увеличьте значение ячейки D6».

Исходные данные для расчетов выделены на рис. 2 компьютерной программы голубым цветом. К этим показателям относятся четыре характеристики начальных условий движения.

Входные характеристики и параметры модельных бросков мяча.

Ускорение свободного падения (g), используемое в расчетах траектории движения мяча, вводится как постоянная величина, принимаемая за константу ($const$) и равна $9,806 \text{ м/с}^2$.

Расстояние по горизонтали (X) – переменная величина, которую можно изменять в зависимости от расстояния до баскетбольного кольца – бросок с различных дистанций.

Расстояние по вертикали (Y) – разница между высотой расположения верхней кромки баскетбольного кольца и высотой центра масс мяча в момент времени «Start». Если принять, что высота кольца равна $3,05 \text{ м}$, а высота расположения центра масс мяча составляет $2,05 \text{ м}$ (рост спортсмена плюс длина рук, плюс половина диаметра мяча), то вводим в нужную ячейку электронной таблицы значение, равное 1 м , как разницу между $3,05$ и $2,05$.

Угол вылета (α_0) мяча задается в градусах в соответствии с решаемой задачей моделирования. Изменяя угол вылета, изменяем и траекторию движения.

Выходные характеристики и параметры модельных бросков мяча (рис. 2): начальная скорость (V_0)

мяча, время полета (t), угол прилета мяча (α_1), сектор угла попадания (φ).

Угол прилета мяча в баскетбольное кольцо (α_1) вычислялся по формуле

$$\alpha_1 = \arctg(\tg \alpha_0 - gX / v_0^2 \cos^2 \alpha_0) \cdot 180 / \pi. \quad (1)$$

Здесь α_1 – угол между вектором скорости и плоскостью баскетбольного кольца, вычисляемый по формуле (1) в градусах; π – число « π ».

Сектор угла попадания (φ) – постоянная величина, определяемая соотношением диаметров баскетбольного мяча и баскетбольного кольца. Если угол прилета мяча больше угла сектора попадания (по абсолютной величине), то мяч проходит в зазор между ближней и дальней кромками обода кольца по траектории своего полета. Компьютер сигнализирует о возможной ошибке угла задания вылета мяча при выполнении броска.

Координаты полета мяча. Таблица координат (рис. 2) располагается справа от таблицы входных и выходных данных. Вычисленные значения координат мяча в соответствии с текущим временем (шаг изменения времени равен $0,1 \text{ с}$) автоматически вносятся в таблицу (рис. 2) и по этим данным строится рисунок траекторного перемещения мяча в процессе полета.

Моделирование условий успешного выполнения штрафного броска. Постановка двигательной задачи о попадании баскетбольного мяча в корзину при выполнении штрафного броска в математической форме сводится к достижению объектом движения координат цели по оси Ox (L) и оси Oy (h) декартовой системы координат (ДСК). Запишем окончательное решение в виде

$$\vartheta_0 = \sqrt{\frac{gL^2}{L \sin 2\alpha_0 - 2h \cos^2 \alpha_0}}. \quad (2)$$

Из уравнения (2) следует, что для того чтобы попасть в целевую точку, необходимо задать три параметра: L , h , α_0 . Искомым параметром в этом случае

является начальная скорость вылета. То есть заданные координаты целевой точки (L, h) при заданном угле вылета мяча (α_0) будут достигнуты при строго определенной скорости вылета мяча (ϑ_0), которая рассчитывается по формульной зависимости уравнения (2).

В серии вычислительных экспериментов изменениям по входным данным подвергался угол вылета,

координаты целевой точки оставались без изменения ($L = 6, h = 1$). На выходе по уравнениям (2) получали требуемую начальную скорость (ϑ_0). Анализ результатов моделирования показывает, что с увеличением угла вылета мяча увеличивается длительность полета, начальная скорость вылета и угол прилета мяча в баскетбольное кольцо (рис. 3).

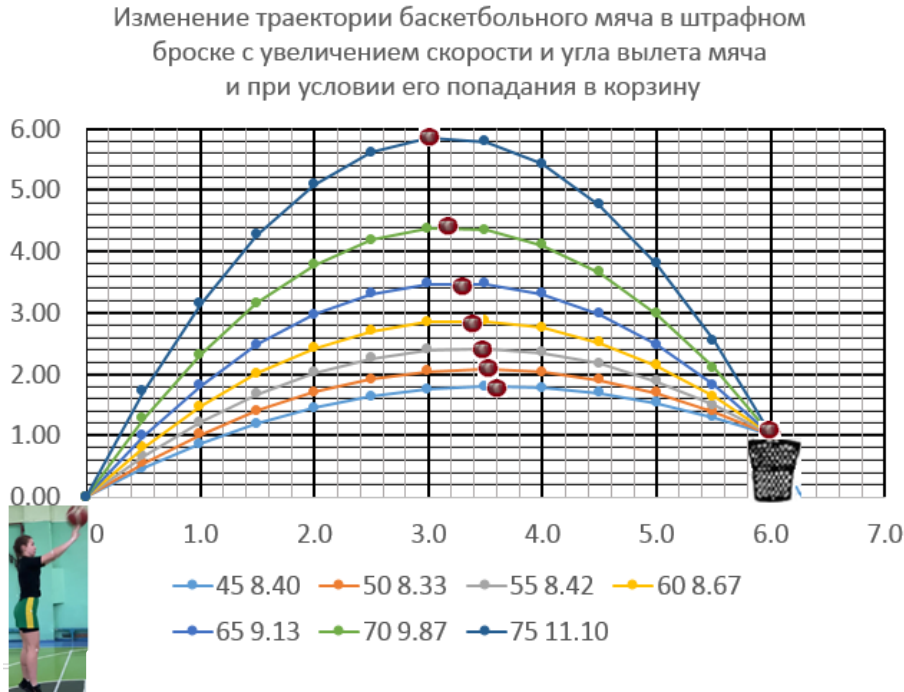

Рис. 3. Вариации траектории полета мяча в зависимости от угла и скорости вылета мяча

Из результатов вычислительного эксперимента следует, что вариации траектории полета являются функцией двух параметров начального кинематического состояния баскетбольного мяча:

- 1) угол вылета мяча;
- 2) скорость вылета мяча.

Рассмотренная зависимость относится к броскам с фиксированными координатами броска и прилета мяча (штрафной бросок). Для бросков в баскетбольную корзину с произвольного расстояния регулирующее значение приобретают также пространственные координаты:

- 1) расстояние по горизонтали от мяча в момент времени «Start» до цели движения (баскетбольное кольцо);
- 2) расстояние по вертикали от мяча в момент времени «Start» до цели движения (баскетбольное кольцо).

Таким образом, исследования кинематических параметров траектории полета мяча свидетельствуют о том, что для того чтобы попасть мячом в баскетбольное кольцо, необходимо очень точное согласование угла и скорости вылета баскетбольного мяча и учет пространственного расстояния до цели движения.

Биомеханическое обоснование различий в технике штрафного броска баскетболиста до и после

физической нагрузки основывалось на сравнительном анализе кинематических характеристик исследуемого двигательного действия. Нормировочным маркером физической нагрузки служила частота сердечных сокращений (ЧСС): в фазе восстановления 60–80 уд./мин, в фазе пиковой физической нагрузки 120–130 уд./мин.

На рисунках 4 и 5 приведены видеogramмы броска мяча баскетболисткой до (рис. 4) и после (рис. 5) физической нагрузки.

Визуальный анализ видеogramм упражнений (рис. 4, 5) не позволяет дать точную количественную оценку различиям в технике выполнения штрафного броска баскетболиста до и после физической нагрузки. С этой целью необходимо применить биомеханические методы исследования. Для биомеханического анализа техники штрафного броска в баскетболе мы использовали следующие биомеханические характеристики движений:

1. Пространственные характеристики применялись для оценки линейного перемещения координат суставов, угловой ориентации звеньев тела баскетболиста и величины изменения суставного угла.

2. Временные характеристики позволили оценить временные показатели фазовой структуры штрафного броска баскетболиста, продолжительность нахождения баскетбольного мяча в полете.

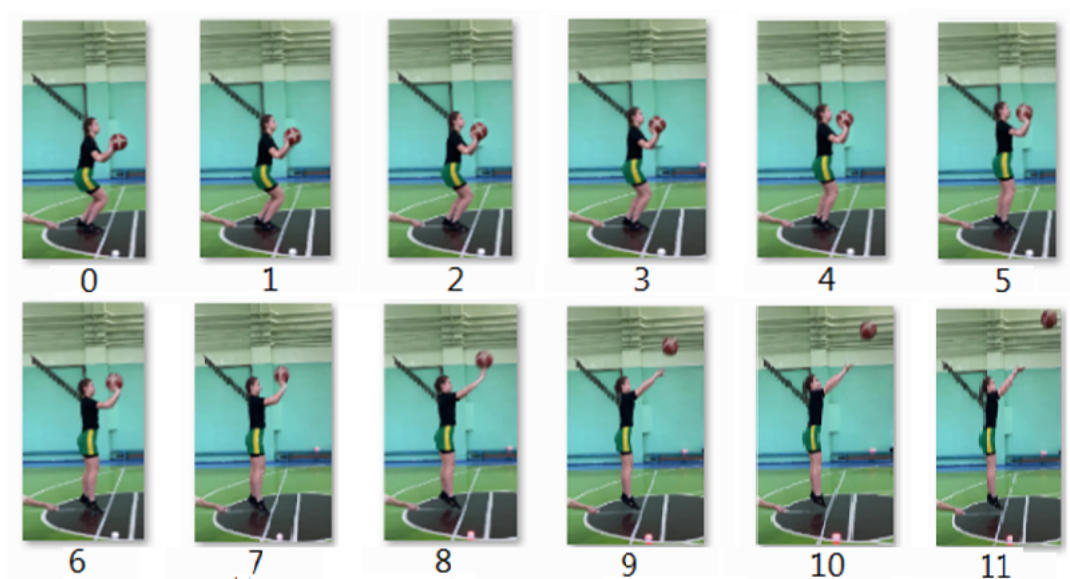

Рис. 4. Видеограмма штрафного броска до физической нагрузки баскетболиста

Рис. 5. Видеограмма штрафного броска после физической нагрузки баскетболиста

3. Пространственно-временные характеристики использовались для оценки кинематической активности сегментов тела спортсмена по их угловой скорости и для описания линейной скорости полета баскетбольного мяча.

Сопоставление параметров кинематических характеристик баскетболиста в штрафном броске до и после физической нагрузки является эффективным инструментом выявления влияния величины физической нагрузки на изменение техники штрафного броска. В работах [5, 6] отмечается большая значимость управляющих движений в суставах баскетболиста для приобретения заданной скорости и угла вылета баскетбольного мяча в штрафном броске. Именно поэтому и начнем биомеханический анализ двигательных действий баскетболиста в штрафном броске с характеристики углового перемещения сегментов тела баскетболиста.

Пусть максимум (max) и минимум (min) обобщенных координат сегментов тела спортсмена – экстре-

мальные значения углового положения сегментов тела баскетболиста.

Разница обобщенных координат по максимуму и минимуму характеризует амплитуду сгибательно-разгибательного движения в суставах баскетболиста в штрафном броске (рис. 6).

Сложившийся в результате тренировочных занятий двигательный стереотип управляющих движений в суставах баскетболиста, имеющих наибольшие значения масс-инерционных характеристик сегментов тела (рис. 6; сегменты 3–8, 11, 12), обеспечивает сохранность кинематических форм движений (последовательность включения в работу отдельных звеньев биосистемы) и в условиях физического утомления.

Параметры управляющих движений в суставах до и после физической нагрузки изменяются, но последовательность включения в работу суставных компонентов мышечной системы сохраняет стандартный рисунок.

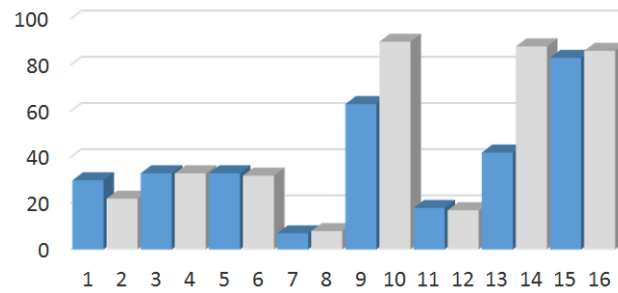

Рис. 6. Амплитуда колебаний (градус) в управляющих движениях баскетболиста в суставах до (■) и после (■) физической нагрузки: 1–2 – стопа; 3–4 – голень, 5–6 – бедро; 7–8 – туловище; 9–10 – плечо; 11–12 – предплечье; 13–14 – кисть; 15–16 – линия

Как уже отмечалось, определенную коррекцию в параметрах вылета мяча осуществляют «мелкие» сегменты опорно-двигательного аппарата тела спортсмена: стопа (рис. 6, 1, 2) и кисть (рис. 6, 13, 14). Здесь следует отметить два обстоятельства. Во-первых, радиус вращения в голеностопном суставе достаточно мал (около 10 см), что не может обеспечить требуемую координату кисти в финишный момент штрафного броска. И, во-вторых, рабочая функция голеностопного сустава должна обеспечивать перемещение тела спортсмена только в вертикальном направлении для обеспечения равновесия и устойчивости спортсмена в опорном положении, что исключает значительную амплитуду перемещения биомеханической системы в горизонтальном направлении.

Основным источником формирования вектора угла вылета мяча являются кисти рук. Именно сгибательно-разгибательные движения в лучезапястных суставах обеспечивают широкий диапазон различий в амплитуде углового перемещения кистей рук баскетболиста, обусловленных выполнением штрафного броска до физической нагрузки (амплитуда 42°) и непосредственно после нее (88°). Различие большое и составляет более 200%. Этому обстоятельству отвечает целенаправленная тренировочная работа по совершенствованию механизма принятия различных рабочих положений кистей рук в момент вылета мяча.

Управляющие движения рук в плечевых суставах выступают в качестве ведущего элемента обеспечения необходимой линейной скорости вылета баскетбольного мяча. Амплитуда изменения угла в плечевых суставах колеблется от 63° (в состоянии полного физического восстановления) до 90° (в состоянии физического утомления), что составляет более 140% возможного изменения от амплитуды сгибательно-разгибательных движений в плечевых суставах до физической нагрузки.

Сгибательно-разгибательные движения в суставах (управляющие движения) обеспечивают необходимую ориентацию звеньев тела спортсмена в пространстве. В биомеханике физических упражнений за величину кинематического управления в суставах принимается разница обобщенных координат. Программное управление (U_j) – межзвеновый угол, вычисляемый как разница между обобщенной координатой звена с большим ($j + 1$) и меньшим (j) порядковым номером:

$$U_j = \varphi_{j+1} - \varphi_j; j = 1, 2, \dots, n-1. \quad (3)$$

Пусть исходный уровень параметров биомеханических характеристик в штрафном броске баскетболиста до физической нагрузки принят за 100%. Разница в параметрах биомеханических характеристик до и после физической нагрузки – рассогласование в технических действиях баскетболиста в штрафном броске в состоянии физического восстановления и утомления.

Степень рассогласования, которая будет критерием влияния физической нагрузки на изменение техники штрафного броска, можно определить численным методом, представив рассчитываемый показатель как разницу между параметрами биомеханического показателя исходного уровня и после нагрузки. В свою очередь, вычисленную разницу можно представить или в виде таблицы чисел, или оформить в виде графика. Следуя этой схеме, рассмотрим программное управление в суставах спортсмена на материале визуального оформления рассогласования в виде графической зависимости (рис. 7).

Соответственно двум блокам двигательной программы штрафного броска в его фазовой структуре мы выделяем две стадии: стадию доставки и стадию реализации.

Стадия доставки – двигательные действия баскетболиста в суставах, обеспечивающие процесс прихода баскетболиста в кинематическое состояние, в котором общий центр масс биосистемы имеет нулевое значение вертикальной составляющей линейной скорости.

В этом положении угловая скорость суставного движения и звеньев тела баскетболиста минимальна (рис. 7, кадр 0), общий центр масс биосистемы не перемещается в вертикальном направлении и спортсмен принимает положение полуприсед – мяч перед собой (рис. 4, 5, кадр 0). Положение полуприсед – граница стадий доставки и реализации (рис. 7, кадр 0).

Стадия реализации: решается задача принятия определенного координатного положения рабочей точки дистального звена биомеханической системы и формирование вектора линейной скорости баскетбольного мяча, достигающего в своем полете целевого результата точного броска. Таким образом задача стадии реализации совпадает с задачей всего точностного движения.

Биомеханический анализ техники штрафного броска баскетболиста на фоне полного восстановления физической работоспособности спортсмена и значительного физического утомления (рис. 7) позволил установить следующие закономерности.

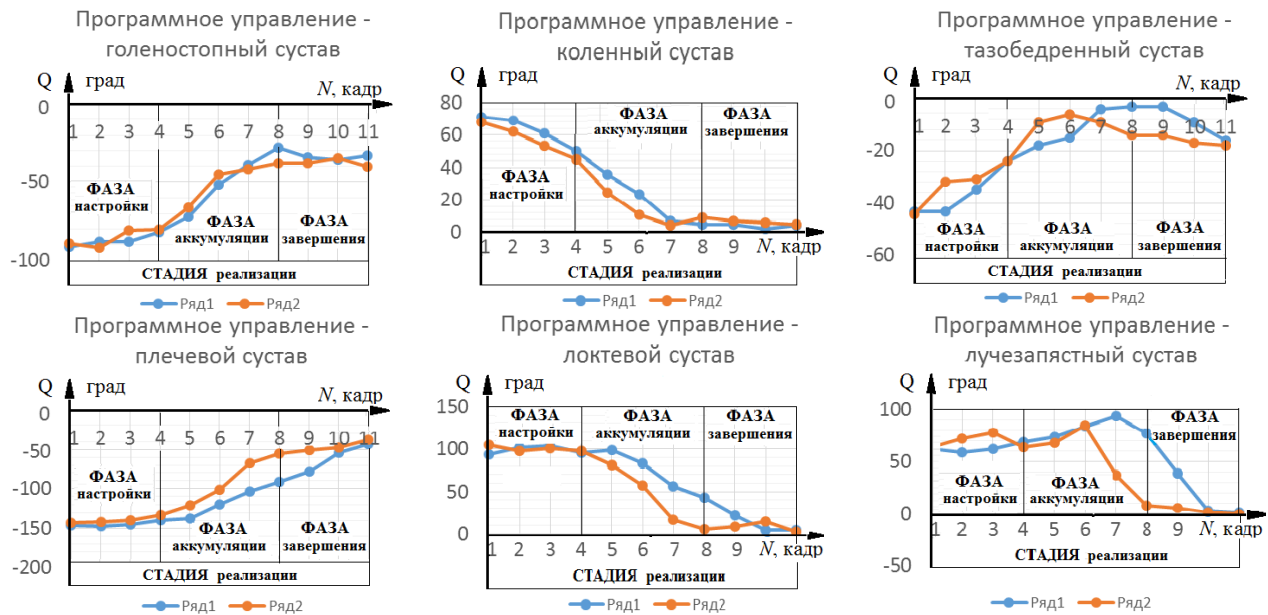

Рис. 7. Программное управление в суставах спортсмена: — до физической нагрузки в стадии реализации; — после физической нагрузки в стадии реализации

Независимо от физического состояния баскетболиста, была физическая нагрузка или нет, параметры управляющих движений в суставах баскетболиста сходятся в одной временной точке (рис. 7, кадр 11), что можно трактовать, как необходимость достижения спортсменом стандартных биомеханических показателей вылета мяча.

Необходимость достижения стандарта биомеханических показателей вылета мяча обуславливает типичность траектории программного управления в любом из суставов баскетболиста независимо от его физического состояния.

Механизм компенсации рассогласования в управлении движением в отдельном суставе действует по принципу сообщающихся сосудов: допущенное рассогласование в локальном суставе компенсируется нейтрализующим кинематическим воздействием в смежных суставах. Суммарный результат подобного рода погашений от программной траектории проявляется в целевом достижении кинематических параметров броска в момент времени «Start» (рис. 7, кадр 11).

Развитие различительной чувствительности к биомеханическим характеристикам движений в штрафном броске баскетболиста на разных этапах обучения. Отличительными признаками любой классификационной схемы являются взаимосвязи элементов системы, так как в соответствии с закономерностями их взаимодействия обеспечивается функционирование всей системы. На основе экспериментально выявленных основных закономерностей организации и построения точностных движений спортсмена определена кинематическая структура управляющих движений в суставах баскетболиста при выполнении штрафного броска до и после физической нагрузки. В частности, были выделены следующие закономерности в организации кинематической структуры управляющих движений:

1. Поза спортсмена в исходном и конечном положениях штрафного броска консервативно устойчива (рис. 5–7).

2. Угол вылета баскетбольного мяча варьирует незначительно: 45° – 60° (см. рис. 4; рис. 5, кадр 11). Начальная скорость баскетбольного мяча составляет 8,40–8,67 м/с.

Из курса теории спорта [7] известно, что к методам, направленным на совершенствование двигательных навыков и развитие двигательных способностей, относятся:

- 1) равномерный;
- 2) переменный;
- 3) повторный;
- 4) интервальный;
- 5) круговой;
- 6) игровой;
- 7) соревновательный.

Каждый из методов имеет свои отличительные особенности, и поэтому их использование в структуре тренировочного процесса баскетболиста регламентируется специфическими образовательными задачами направленного формирования двигательных умений и навыков.

Выделим три этапа формирования двигательного навыка штрафного броска баскетболиста: этап освоения, этап закрепления, этап совершенствования.

Упражнения для развития различительной чувствительности [8] к основным биомеханическим характеристикам движений основаны на реализации совместной деятельности проприорецепторов (механорецепторов), локализованных в мышцах, фасциях, сухожилиях, суставах, надкостнице и обеспечивающих кинестезию – ощущение положения, движения и силы [9, 10]. Рассмотрим подробнее особенности проявления сенсорной чувствительности и параметры биомеханических характеристик на разных этапах обучения технике штрафного броска в баскетболе.

Этап начального освоения техники штрафного броска в баскетболе с фиксацией поз в промежуточных положениях методом динамической осанки. На этапе освоения техники штрафного броска целесообразно применять равномерный метод для освоения типового промежуточного исходного положения звеньев тела баскетболиста в штрафном броске. Под типовым промежуточным исходным положением здесь понимается положение звеньев тела баскетболиста в момент начала разгибания из положения полуприседа (рис. 8, А), в которое приходит спортсмен из основной стойки по сигналу выполнения штрафного броска.

Отличительная черта техники промежуточного типового положения баскетболиста в штрафном броске – малая вариативность обобщенных координат

Обобщенные координаты (положение «Start»)	
Голень	$(55^\circ \div 60^\circ)$
Бедро	$(125^\circ \div 130^\circ)$
Туловище	$(82^\circ \div 86^\circ)$
Плечо	$(-58^\circ \div -63^\circ)$
Предплечье	$(33^\circ \div 46^\circ)$
Кисть	$(95^\circ \div 110^\circ)$

А

Обобщенные координаты (положение «Finish»)	
Голень	$(85^\circ \div 92^\circ)$
Бедро	$(95^\circ \div 100^\circ)$
Туловище	$(80^\circ \div 95^\circ)$
Плечо	$(25^\circ \div 35^\circ)$
Предплечье	$(35^\circ \div 45^\circ)$
Кисть	$(121^\circ \div 45^\circ)$

Б

Рис. 8. Обобщенные координаты звеньев тела спортсмена (первое число – до нагрузки, второе – после нагрузки) в положении полуприседа (А) и в момент завершения штрафного броска в баскетболе (Б)

В финишной части штрафного броска амплитудные колебания звеньев тела спортсмена также незначительны, особенно для проксимальных к опоре звеньев (рис. 8, Б). Дистальные звенья (плечо, предплечье, кисть) имеют относительно большие амплитудные колебания, однако в силу существенно меньшей массы они не могут значительно повлиять на условия сохранения устойчивого динамического равновесия. Финишную часть штрафного броска также следует осваивать методом динамической осанки с фиксацией и корректировкой позы в конечном положении в течение 5–7 с.

В упражнениях выполнять требования:

1. Голова – прямо, сохранять строгую ориентацию головы, так как незначительное движение головой приводит к потере чувства равновесия [11].
2. Смотреть перед собой, зафиксировав взгляд на кольцо баскетбольного щита (инерциальная система координат внешнего пространства). Неподвижность глаз обеспечивает в ответ на вестибулярную функцию необходимую компенсаторную моторную реакцию устойчивого динамического равновесия [11].

Освоению подлежит поза спортсмена в двух вариантах:

- 1) поза спортсмена в положении «Start», «Finish» до физической нагрузки;
- 2) поза спортсмена в положении «Start», «Finish» после физической нагрузки.

Упражнения повторить в 2–3 сериях по 5–6 раз. Угол наклона звена к оси Ох определяется с помощью гравитационного гониометра.

звеньев тела спортсмена. Основная двигательная задача фазы перехода из основной стойки в полуприсед – сохранение динамического равновесия баскетболиста. Именно в силу необходимости сохранения динамического равновесия расположение звеньев тела спортсмена в полуприседе имеет числовые значения обобщенных координат в том диапазоне их изменения, которые приведены на рис. 8, А.

Поскольку упражнение должно быть динамически устойчивым, для его освоения можно использовать метод «динамической осанки». Упражнения должны выполняться со спортивным снарядом (баскетбольный мяч) на фоне полного физического восстановления с фиксацией положения звеньев тела спортсмена в течение 5–7 с. Голова – прямо, смотреть перед собой.

Упражнения доступны для выполнения с заданной ориентацией сегментов тела, так как человек способен чувствовать и улавливать вращательное движение конечностей с высокой степенью различения: «например, плечо улавливает изменение угла в $0,5^\circ$ » [11. С. 22].

О высокой степени различения пространственных параметров свидетельствуют и исследования группы ученых [12], по данным которых у нетренированных лиц погрешность приведения конечности в заданное положение в плечевых суставах составляет $2,8^\circ$ – $7,3^\circ$. У спортсменов ошибка дифференцировки угла в плечевых суставах существенно меньше чем у нетренированных и, соответственно, равна $(1,0^\circ$ – $2,8^\circ)$. Для тазобедренных суставов эти показатели равны: у нетренированных $5,2^\circ$ – $5,6^\circ$, у спортсменов $1,4^\circ$ – $2,5^\circ$.

Этап закрепления и совершенствования динамической осанки в промежуточной и завершающей позах («Элементы динамической осанки»). Этот этап освоения элементов техники штрафного броска баскетболиста связан с закреплением чувства позы в «полуприседе» и финишном положении и решает задачу повышения степени осознанности различения пространственных характеристик движений и действий. Этап назван нами «Элементы динамической осанки». Применяется переменный метод изменения амплитуды движений в суставах.

1. Воспроизведение позы в лимитных (максимальных и минимальных) значениях обобщенных координат звеньев тела спортсмена раздельно по каждому из суставов (голеностопные, коленные, тазобедренные,

плечевые, локтевые, лучезапястные) в положении полуприсед. Минимальный лимит соответствует обобщенным координатам звеньев баскетболиста в «полуприседе» и завершающей позе без физической нагрузки (см. рис. 8), максимальный – после физической нагрузки.

2. «Качели» являются усложнением предыдущего задания и воспроизводят переход от минимального лимитирующего значения суставного угла в одной и той же позе к максимальному суставному углу. «Качели» выполняются» раздельно по каждому из суставов с фиксацией межзванных углов в других суставах. Выполняется по методике сближенных заданий: 1) минимальная амплитуда изменения угла в суставе (0°); 2) максимальная амплитуда изменения угла в суставе (20°); 3) половинная амплитуда от максимальной (10°).

3. «Качели» с синхронизацией движений в двух, трех и более суставах по методике сближенных заданий.

4. Последовательное применение по кинематической цепи биосистемы упражнения «качели» по типу бегущей волны, начиная с проксимальных суставов по методике сближенных заданий.

Этап освоения и закрепления программного управления в стадии реализации штрафного броска баскетболистом. Основное содержание этапа – отработка программного перехода из положения полуприсед к элементу «завершающая поза» в *стадии реализации* штрафного броска на основе слитного выполнения последовательности упражнений «Элементы динамической осанки».

Слитное движение из полуприседа в завершающую позу формируется в педагогическом аспекте на основе положений Н.А. Бернштейна [13] об иерархической структуре управления движениями и концепции И.М. Козлова [14] о валентности двигательных действий, выдвинутой им в 1999 г. и объясняющей механизм объединения освоенных отдельных элементов двигательного действия в единую систему элементарных движений. По мнению О.Б. Немцева, «...способность человека объединять в систему элементарные движения предлагается называть *координированностью*» [15. С. 24], в основе которой лежит способность человека ощущать движения.

Биомеханическая особенность ощущения движения при выполнении штрафного броска в стадии реализации заключается в оценке фазовых различий пространственных и временных элементов суставных движений баскетболиста: примерно за 1/3 времени броска ($0,12$ с – *фаза настройки*) ускоренно преодолевается 25–30% амплитуды движения в суставах, за вторую треть времени движения ($0,16$ с – *фаза аккумуляции*) преодолевается 65–60% амплитуды движения в суставах, в заключительной трети времени ($0,12$ с – *фаза завершения*) – около 10%. Длительность *стадии реализации* – $0,4$ с.

Таким образом, пространственно-временная структура организации стадии реализации включает три фазы движения баскетболиста, с относительной длительностью каждой примерно в 1/3 времени от общей продолжительности стадии реализации, с отчетливой дифференциацией скоростных показателей по

каждой фазе, когда в *фазе активизации* средняя скорость изменения суставных углов в 2–3 раза превышает этот показатель в *фазе настройки*. Торможение суставных движений спортсмена происходит в третьей фазе, при этом штрафной бросок, выполненный на фоне усталости (после физической нагрузки) характеризуется незначительной вариацией кинематических изменений относительно штрафного броска, выполненного в состоянии полного физического восстановления.

Возможность осознанного управления пространственно-временными показателями штрафного броска баскетболистом основывается на высокой чувствительности проприорецепторов к различению временных интервалов движения длительностью до $10,8$ м/с [16], что составляет примерно $0,01$ с и не менее высокой степенью различимости углового перемещения: ошибка дифференцирования углового перемещения звеньев биосистемы равна 1° – $2,5^\circ$ [12].

Для освоения двигательного навыка применяется повторный метод целостного выполнения штрафного броска баскетболистом. Внешние условия реализации двигательных задач *стадий доставки и реализации* остаются неизменными, поэтому биомеханически обоснована типичная индивидуальная техника построения двигательных действий и типичность исполнения упражнения с реализацией педагогических задач обучения:

1) освоение раздельным методом техники двигательных действий в стадии доставки в штрафном броске баскетболиста;

2) освоение раздельным методом техники двигательных действий в *стадии реализации* в штрафном броске баскетболиста;

3) освоение целостным методом техники двигательных действий в стадиях доставки и реализации в штрафном броске баскетболиста.

Этап совершенствования техники штрафного броска в баскетболе обусловлен необходимостью повышения коэффициента результативности в технических действиях спортсмена, который в норме, для баскетболистов высокой спортивной квалификации, составляет 80–83%.

Используемые методические приемы.

Выполнение штрафного броска с закрытыми глазами для исключения из процесса сенсорных коррекций пространственно-временных сигналов двигательных действий и активизации мышечного чувства построения движения.

1. Выполнить штрафной бросок с закрытыми глазами. Открыть глаза непосредственно сразу после вылета мяча для сопоставления реальной траектории полета мяча с проприоцептивной информацией о реализованной программной траектории в суставах спортсмена при выполнении штрафного броска.

2. Выполнение штрафного броска с различными дистанциями (± 3 м от соревновательной) для развития отчетливости двигательных (включая и мышечные) ощущений. Используется метод «контраста».

3. Выполнение штрафного броска с противодействием соперника броску поднятием рук. Внешняя помеха – следует увеличить угол вылета мяча. Изме-

нение пространственно-временных параметров броска, способствующих увеличению угла вылета мяча и его стартовой скорости, – вариативное изменение внешних условий выполнения броска.

4. Выполнение штрафного броска после приема мяча от товарища по команде. Затрудненные условия принятия исходного положения в стадии доставки.

5. Выполнение штрафного броска по неожиданно поданному сигналу с ограничением времени на выполнение задания. Дефицит времени подготовки к выполнению стадии доставки.

6. Изменение высоты расположения баскетбольного кольца. Прием используется для варьирования кинематического программного управления в суставах баскетболиста в стадии реализации.

Используемые на этом этапе средства и методические приемы совершенствования техники штрафного броска основаны на вариативности двигательных действий спортсмена и способности баскетболиста к различению сенсорных коррекций пространственно-временных сигналов и дифференцировки мышечных усилий построения движений.

Заключение

1. Независимо от величины физической нагрузки в фазе завершения стадии реализации достигаются

стандартные биомеханические показатели штрафного броска, требуемые для решения задачи точностного движения.

2. Рассогласование в параметрах биомеханических характеристик штрафного броска отмечается в фазе аккумуляции: после физической нагрузки биомеханические параметры движения характеризуются существенно большим приближением к требуемым значениям целевой точности штрафного броска, чем в случае полного физического восстановления. Поэтому коррекция движения в фазе реализации происходит значительно активнее на фоне полного восстановления.

3. Совершенствование двигательной структуры штрафного броска в баскетболе предполагает:

- формирование элементов динамической осанки и двигательных синергий для отдельных кинематических цепей;
- совершенствование стабильности кинематического управления в кинематических цепях в стадии реализации при адаптации к различным вариативным условиям выполнения движения;
- адекватное развитие двигательных качеств (скорости, координации), проприоцептивных свойств мышечной системы и сенсорики в целом (различение пространственных и временных атрибутов процесса).

Список источников

1. Майер Р.В. Решение физических задач в электронных таблицах Excel : учеб. пособие. Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2016. 150 с.
2. Рамон П. Теория поля. Современный вводный курс. М. : Мир, 1984. 336 с.
3. Терехович В.Э. Философско-методологические проблемы принципа наименьшего действия : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2013. 224 с.
4. Размеры баскетбольной площадки. URL: <https://allbasketball.org/232994-razmeri-basketbolnoj-ploschadki.html>
5. Буркова В.Е., Загrevский В.О., Загrevский В.И. Биомеханические характеристики помехоустойчивости у юных баскетболисток при выполнении штрафных бросков // Стратегия формирования здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта: целевые ориентиры, технологии и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Валентина Никифоровича Зуева (25–26 ноября 2021 года, г. Тюмень). Тюмень : Вектор Бук, 2021. С. 150–154.
6. Загrevский О.И., Загrevский В.И., Буркова В.Е. Биомеханическое обоснование различий в технике штрафного броска баскетболиста до и после физической нагрузки // Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма, психологического сопровождения и оздоровления различных категорий населения: материалы XX Юбилейной междунар. науч.-практ. конф. (19–20 ноября, 2021 г., Сургут). Сургут : СурГУ, 2021. С. 236–239.
7. Курамшин Ю.Ф. Теория и методика физической культуры : учебник. М. : Советский спорт, 2004. 464 с.
8. Немцев О.Б. Биомеханическая структура точностных двигательных действий : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Майкоп, 2005. 48 с.
9. Данилова Н.Н. Психофизиология : учеб. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. 373 с.
10. Физиология человека : в 3 т. / под ред. Р.Ф. Шмидта, Г. Тевса. М. : Мир, 1996. Т. 1. 323 с.
11. Развитие сенсорно-перцептивных качеств спортсменов на этапах становления спортивного мастерства : практ. пособие / Е.В. Миколо [и др.]. Минск : БГУФК, 2014. 104 с.
12. Аганянц Е.К., Пирожкова А.М., Пирожков О.В. Особенности пространственной дифференцировки у лиц, занимающихся тхэквондо // Физиология мышечной деятельности : тез. докл. Междунар. конф. М., 2000. С. 4–6.
13. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М. : Медицина, 1966. 349 с.
14. Козлов И.М. Центральные и периферические механизмы формирования биомеханической структуры спортивных движений : дис. ... д-ра пед. наук в форме науч. доклада. СПб., 1999. 46 с.
15. Немцев О.Б. Место точности движений в структуре физических качеств // Теория и практика физической культуры. 2003. № 8. С. 22–25.
16. Шляхтин Г.С. Трансформация механизмов субъективной оценки длительности коротких интервалов времени. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/9.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2004_1(3)/9.pdf)

References

1. Mayer, R.V. (2016) *Reshenie fizicheskikh zadach v elektronnykh tablitsakh Excel* [Solving Physical Problems in Excel Spreadsheets]. Glazov: Glazov State Pedagogical University.
2. Ramon, P. (1984) *Teoriya polya. Sovremennyy vvodnyy kurs* [Field Theory. Modern introductory course]. Moscow: Mir.
3. Terekhovitch, V.E. (2013) *Filosofsko-metodologicheskie problemy printsipa naimen'shego deystviya* [Philosophical and methodological problems of the principle of least action]. Philosophy Cand. Diss. Saint Petersburg.
4. AllBasketball.org. (n.d.) *Razmery basketbol'noy ploshchadki* [Basketball court sizes]. [Online] Available from: <https://allbasketball.org/232994-razmeri-basketbolnoj-ploschadki.html>.
5. Burkova, V.E., Zagrevskiy, V.O. & Zagrevskiy, V.I. (2021) [Biomechanical characteristics of noise immunity in young basketball players when performing free throws]. *Strategiya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta: tselevye orientiry, tekhnologii i innovatsii* [Strategy for the Formation of a Healthy Lifestyle of the Population by Means of Physical Culture and Sports:

- Targets, technologies and innovations]. Proceedings of the International Conference. Tyumen. 25–26 November 2021. Tyumen: Vektor Buk. pp. 150–154. (In Russian).
6. Zagrevskiy, O.I., Zagrevskiy, V.I. & Burkova, V.E. (2021) [Biomechanical substantiation of differences in the technique of a basketball player's free throw before and after physical activity]. *Sovershenstvovanie sistemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy trenirovki, turizma, psikhologicheskogo soprovozhdeniya i ozdorovleniya razlichnykh kategoriy naseleniya* [Improving the System of Physical Education, Sports Training, Tourism, Psychological Support and Rehabilitation of Various Categories of the Population]. Proceedings of the 20th International Conference. Surgut. 19–20 November 2021. Surgut: Surgut State University. pp. 236–239. (In Russian).
 7. Kuramshin, Yu.F. (2004) *Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Methods of Physical Culture]. Moscow: Sovetskiy sport.
 8. Nemtsev, O.B. (2005) *Biomekhanicheskaya struktura tochnostnykh dvigatel'nykh deystviy* [Biomechanical structure of precision motor actions]. Abstract of Pedagogies Dr. Diss. Maykop.
 9. Danilova, N.N. (2001) *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. Moscow: Aspekt Press.
 10. Shmidt, R.F. & Tevs, G. (eds) (1996) *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology]. Vol. 1 Moscow: Mir.
 11. Mikulo, E.V. et al. (2014) *Razvitiye sensorno-pertseptivnykh kachestv sportsmenov na etapakh stanovleniya sportivnogo masterstva* [Development of Sensory-Perceptual Qualities of Athletes at the Stages of Formation of Sportsmanship]. Minsk: Belarusian State University of Physical Education.
 12. Aganyants, E.K., Pirozhkova, A.M. & Pirozhkov, O.V. (2000) [Features of spatial differentiation in individuals involved in taekwondo]. *Fiziologiya myshechnoy deyatel'nosti* [Physiology of Muscular Activity]. Abstracts of the International Conference. Moscow. 21–24 November 2000. Moscow: Fizkul'tura, obrazovanie i nauka. pp. 4–6. (In Russian).
 13. Bernshteyn, N.A. (1966) *Ocherki po fiziologii dvizheniy i fiziologii aktivnosti* [Essays on the Physiology of Movements and the Physiology of Activity]. Moscow: Meditsina.
 14. Kozlov, I.M. (1999) *Tsentral'nye i perifericheskie mekhanizmy formirovaniya biomekhanicheskoy struktury sportivnykh dvizheniy* [Central and peripheral mechanisms of formation of the biomechanical structure of sports movements]. Pedagogies Dr. Diss. Saint Petersburg.
 15. Nemtsev, O.B. (2003) Mesto tochnosti dvizheniy v strukture fizicheskikh kachestv [The place of accuracy of movements in the structure of physical qualities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 8. pp. 22–25.
 16. Shlyakhtin, G.S. (2004) *Transformatsiya mekhanizmov sub'ektivnoy otsenki dlitel'nosti korotkikh intervalov vremeni* [Transformation of the mechanisms of subjective assessment of the duration of short time intervals]. [Online] Available from: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/9.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2004_1(3)/9.pdf)

Информация об авторах:

Загrevский В.И. — д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь); профессор кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zvi@tut.by. ORCID: 0000-0002-2128-6066

Загrevский О.И. — д-р пед. наук, профессор кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: O.Zagrevsky@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1758-6592

Лавшук Д.А. — канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Беларусь). E-mail: dmrl@tut.by. ORCID: 0000-0002-3201-6838

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Zagrevskiy, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Belarus); professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zvi@tut.by. ORCID: 0000-0002-2128-6066

O.I. Zagrevskiy, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: O.Zagrevsky@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1758-6592

D.A. Lavshuk, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Belarus). E-mail: dmrl@tut.by. ORCID: 0000-0002-3201-6838

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2023;
одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 12.02.2023;
approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/488/6

Профессионально-педагогическая инициатива будущего учителя и ее роль в трансфере педагогического знания в образовательную практику

Михаил Александрович Червонный¹, Ольга Николаевна Игна², Игорь Николаевич Яковлев³

^{1, 2, 3} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ mach@tspu.edu.ru

² onigna@tspu.edu.ru

³ yakovlevig97@yandex.ru

Аннотация. Доказывается, что трансфер знания определяется возможностями вуза генерировать образовательные инициативы студентов. Установлены положения и особенности трансфера педагогического знания, представленность видов профессионально-педагогической инициативы будущих учителей посредством контент-анализа 34 сайтов вузов. Сделан вывод о недостаточности технологического «культивирования» инициатив в условиях становления профессионализма студентов, характеристиками которого являются инициатива и инновация.

Ключевые слова: профессионально-педагогическая инициатива студента, будущий учитель, будущий педагог, трансфер педагогического знания, результаты исследований и разработок

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00577, <https://rscf.ru/project/23-28-00577/>

Для цитирования: Червонный М.А., Игна О.Н., Яковлев И.Н. Профессионально-педагогическая инициатива будущего учителя и ее роль в трансфере педагогического знания в образовательную практику // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 60–70. doi: 10.17223/15617793/488/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/6

The professional and pedagogical initiative of the future teacher and its role in the transfer of pedagogical knowledge into educational practice

Mikhail A. Chervonnyy¹, Olga N. Igna², Igor N. Yakovlev³

^{1, 2, 3} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ mach@tspu.edu.ru

² onigna@tspu.edu.ru

³ yakovlevig97@yandex.ru

Abstract. The transfer of pedagogical knowledge is increasingly determined by the capabilities of the university environment and its professional education technologies to create the results of research and development relevant for their subsequent implementation in school and extracurricular practice, with a view to their effective development. The article proves that pedagogical universities should train personnel capable of generating initiatives and testing them during their studies at the university. The authors describe the role of initiative as the ability to express and implement progressive, creative ideas in vigorous activities and update the provisions of pedagogical transfer in the context of the modern role of universities. The aim of the study was to establish the features of the transfer of pedagogical knowledge, namely: determination of the role of professional pedagogical initiative of students in pedagogical universities and the scale of its different types of representation; identification of distinctive features of pedagogical knowledge, including the features of the establishment of pedagogical problems, understanding the author's subjective positions in pedagogical research, as well as factors determining key changes in pedagogical education. The research methods were: theoretical analysis of scientific literature to identify the features of the transfer of pedagogical knowledge, factors determining changes in pedagogical education; content analysis of 34 websites of pedagogical universities and comparison of its results with the results of the analysis of the educational development competition of 100 student teams of pedagogical universities to establish the number of initiatives by their types, to describe the features of their manifestation, to establish the ranges of representation initiatives in universities. In the course of the study, the provisions and features of the transfer of pedagogical knowledge, the representation of the types of professional pedagogical initiatives of future teachers were established. Based on the data, the authors conclude about the

insufficiency of technological development of students' initiatives in the conditions of the formation of professional activity, the characteristics of which are initiative and innovation. To determine the features of the transfer, the authors established the distinctive features of pedagogical knowledge, including aspects of the methodology of its search, and factors that transform pedagogical education. In conclusion, the authors record the value of research attention to the development of the future teacher's educational initiative as a process of actualization, manifestation of his/her creative activity that goes beyond "educational" responsibilities and aims at creating a new educational practice.

Keywords: student's professional and pedagogical initiative, future teacher, future pedagogue, transfer of pedagogical knowledge, research and development results

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00577, <https://rscf.ru/project/23-28-00577/>

For citation: Chervonnyy, M.A., Igna, O.N. & Yakovlev, I.N. (2023) The professional and pedagogical initiative of the future teacher and its role in the transfer of pedagogical knowledge into educational practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 60–70. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/6

Введение

Изучение темы профессионально-педагогических инициатив студентов-педагогов в вопросе трансфера педагогического знания в образование логично начать с рассмотрения сути процесса взаимовлияния педагогического знания и образовательных практик. Такое рассмотрение приводит к необходимости определения своего рода «точек схождения» интересов и задач образовательной практики и педагогической науки. Достаточно очевидно, что «территория» схождения научно-исследовательской и практической педагогической деятельности представляет собой насыщенное особым образом интегрированное образовательное пространство, со своим содержанием, методами и заданными способами деятельности. Полученный в совокупности интеграционный процесс можно рассматривать с позиции категорий «трансфер-зон», которые определены для ряда наук, включая педагогические, например, для условий «агрессивного» развития информационно-коммуникационных технологий [1. С. 114].

Определяя далее локации, в которых научно-исследовательская деятельность априори связана с педагогической практикой, мы естественным образом выходим на научно-образовательную среду университетов, занимающихся подготовкой учителей. Такая среда рассматривается и как потенциал для создания различным образом насыщенных пространств, и как ресурс генерации образовательных разработок и развития модельного трансфера. Под трансфером знаний в образовании подразумевают ситуацию передачи результатов научных исследований в образовательные практики, для решения конкретных проблем образования и достижения нового его качества, рассматривая ее как одну из функций базовой кафедры педагогического вуза [2. С. 215]. В рамках нашего исследования мы рассматриваем широкую форму перевода в образовательные практики педагогического знания – результатов исследований и разработок, осуществлённых в сфере педагогики.

В процессе трансфера педагогических знаний и интеграции практики и науки в образовании, так же как и в бизнес-процессах, используется понятие «сеть знаний», под которым понимается коллабора-

ционное соглашение об обмене знаниями между учеными и практиками для производства и коммерциализации технологий и продуктов [3. С. 63]. В зарубежных исследованиях трансфер знаний и разделение на виды также связывают с возможностями партнерского взаимодействия, выстраивания отношений между учёными и практиками. В работе Георга фон Крога и Марии Кёне говорится о том, что проявление базовых характеристик трансфера знаний позволяет разделять его на внутренний и внешний [4]. Так, второй вариант трансфера всегда выходит за пределы организации и определяет заданную структуру взаимодействия между компаньонами в отличие от первого варианта. Простого деления трансфера знаний на внутренний и внешний, исходя из взаимодействия соучастников процесса, нам будет недостаточно. Следует привести расширенную классификацию или классификации педагогических исследований, педагогических разработок и их результатов для понимания того, с каким видом знания осуществляется трансфер в образовательные практики.

Разделение по классам, исходя из характера исследований и разработок, должно быть практически полезным, давать возможность ученым и практикам лучше ориентироваться в той области, которая является значимой для них. Здесь нужно предварительно ответить на вопросы: для кого предназначена исследовательская работа, какую пользу она может принести теоретикам и практикам? [5. С. 32]. Традиционным считается разделение исследований в области педагогики на фундаментальные, прикладные и разработки, что отражается в нормативных документах, соответствует делению исследований в естественных и социальных науках, а также классифицирует результаты исследований в научных публикациях ряда стран мира [6. С. 11]. Под фундаментальными исследованиями подразумевают работы, которые фиксируют устойчивые закономерности в процессах образования и воспитания [5. С. 36]. В свою очередь, под прикладными исследованиями понимают исследования, которые ориентированы исключительно на практику, не добавляя при этом каких-либо существенных изменений в теорию.

Для понимания и характеристики класса педагогических разработок следует учитывать главное их предназначение – прямое обслуживание практики

современной школы. Социальную репутацию школы, ее варианты ежедневного существования или долгосрочного развития обоснованно оценивают посредством предоставления обществу и системе образования соответствующим образом оформленных программ, презентаций, а также других документов, содержащих оригинальность и ценность жизнедеятельности общеобразовательной учреждения [7. С. 17]. Анализ стратегических и инновационных программ развития общеобразовательных учреждений, в случае их грамотного и продуманного в специфике школы проектирования, проявляет обобщенные заявки идей учителей на разработку и внедрение новых педагогических технологий [8. С. 38]. Таким образом ценности жизнедеятельности образовательных организаций, обретающих свой «путь», складываются из научно-методических разработок педагогов [7. С. 17], а значит, в школах важна роль индивидуальных профессионально-педагогических инициатив. Таким образом, инициативные разработки являются фундаментом развития школы, на которых выстраиваются основная программа и собственная стратегия развития школы. При этом ее коллектив, а следовательно, каждый учитель проводит эксперимент.

Утверждения выше приводят нас к тому, что педагог-исследователь и разработчик очень нужен школе, равно как и учреждению дополнительного образования. Значимость умений педагога проводить исследования фундаментального и прикладного характера, осуществлять практические разработки усиливается объективной потребностью в личностно ориентированных технологиях, приоритетами которых выступает развитие способностей каждого обучающегося. В контексте технологических личностно ориентированных разработок получили развитие витагенная технология (направлена на актуализацию жизненного опыта школьников), знаково-контекстная технология (моделируется содержание будущей профессиональной деятельности), опережающего развития на основе использования опорных материалов (реализуется посредством соблюдения ряда принципов: сотрудничества, предупреждения ошибок, развитие успеха детей и др.), а также ряд других авторских технологий [9. С. 76]. Для разработки личностно ориентированных технологий проводятся исследования и внедряются педагогические идеи по реализации особых образовательных пространств, вовлекающих обучающихся в реальные жизненные ситуации, которые приводят к необходимости выбора общих и индивидуальных ценностей, самосовершенствования [7. С. 17]. В свою очередь в дальнейшем, также на базе указанных пространств и созданной системы ценностей, должны быть актуализированы значимые для педагога образовательные инициативы, мотивирующие его к профессиональным действиям.

Обоснуем и представим исходные *положения трансфера педагогического знания в практику образования в системе высшего педагогического образования*.

Первое положение. Одним из важных аспектов обеспечения трансфера педагогического знания явля-

ется систематизация новейших образовательных продуктов и технологий, знание которых поможет педагогу разобраться в нюансах педагогических нововведений [10]. Учитель, использующий педагогическое новшество, выступает в качестве его первого распространителя, а также играет роль модернизатора в ходе его внедрения. Здесь важно понимать, что для действующих учителей инновационная деятельность может принести пользу, но она не может стать массовой в силу ряда причин [11. С. 15]. Вместе с этим любые примеры «изобретательства» учителя выступают примером изобретательства и для ученика. Для студента-педагога, начинающего практиковать педагогическую деятельность, путь инициативных проб может раскрыть в нем возможный потенциал новатора. В целом в педагогической деятельности нельзя обойтись без примера внедрения полученного знания в повседневную практику, поскольку такой пример становится образцом для подражания обучающимися. Овладение методами переноса полученных собственным исследованием или разработкой знаний в практическую плоскость возможно на собственных, проявленных при обучении в вузе инициативах. Последующая демонстрация методов трансферной деятельности учителем в школе безусловно является актуальной для детей, содействует развитию их проектно-исследовательской работе, оценке ее результатов для практического применения. Таким образом можно сформулировать первое положение трансфера педагогического знания: *превращение педагогических знаний в новые технологии, продукты, процессы и услуги является прямой задачей научно-педагогической и образовательной деятельности преподавателя педагогического вуза, студента-педагога, поскольку в будущей профессиональной деятельности выпускника это станет ценностью и примером для школьника, первичной основой его новаторской деятельности в различных сферах.*

Второе положение. Трансфер в профессиональной деятельности является движением многих видов ресурсов, освоенных студентами ранее, в том числе школьных, представляющих собой в целом базовый человеческий капитал студентов [12]. Основная часть такого капитала, которая определяет наибольший для нас интерес, получена на уровне высшего образования. Так, в период обучения в педагогическом вузе поэтапно от курса к курсу оформляется педагогическая позиция будущего учителя, которая трактуется как единое целое – профессионально-личностная позиция [13]. Обучающиеся уже со второго года учебы могут получить возможность показать интерес к конкретной проблеме, проявить инициативу для научного осознания педагогической деятельности, полноценную реализацию личностных устремлений. Это значит, что они могут и должны подготовиться к процессу перевода в образовательные практики, полученные педагогические знания, в том числе открытые и проверенные ими при помощи завершающих к концу обучения собственных теоретических и эмпирических изысканий.

Таким образом сформулируем второе положение трансфера педагогического знания. *Педагогические*

знания подлежат воплощению в новые образовательные технологии в системе высшего педагогического образования тогда, когда происходит становление будущего учителя, педагога. В последующем его знания, умения и опыт становятся актуальными и востребованными для школьного и внешкольного образования.

Третье положение. Для обоснования третьего положения следует обратиться к исследованиям, переосмысливающим модель функционирования современного университета, что не менее актуально для переопределения роли и деятельности педагогических вузов. Сформировавшаяся к началу XIX в. так называемая немецкая концепция и ее модель университета не может разрешить многие из проблем инновационного образования [14, 15]. В ее рамках подразумевается, что непосредственно государство является источником необходимых ресурсов и оплаты всех научных исследований ученых университетов. Новая же концепция, оформившаяся к началу XXI в., требует от вузов поиска иных путей развития на основе глобальных экономических процессов. Ее модель сохраняет свободу научных принципов, но в то же время ученые и преподаватели вузов учитывают запросы бизнеса, участвуют в конкурентной борьбе на разных уровнях научно-образовательного рынка [15. С. 28–30; 16. С. 162]. При такой ориентации главенствующая роль отводится триаде знаний образование–наука–инновации, а генерация научных результатов и образовательных новшеств субъектами университета выступает важнейшим фактором его развития и развития соответствующей отрасли.

Осуществление такой инновационной деятельности требует системы организации, называемой трансфером знаний, который чаще всего обеспечивается двумя принципами: 1) коммерциализация результатов научных исследований; 2) реализация рыночно ориентированных образовательных программ. Однако к ним следует добавить третий, точно относящийся к трансферу в педагогических университетах и столь же актуальный для все совокупности принципов. Результатом его соблюдения становится системное развитие педагогов, способных проявлять профессионально-педагогические инициативы в процессе подготовки и доводить их до результатов значимых научных, общественных и коммерческих разработок. Иначе говоря, третий принцип – это генерация инициативных педагогических кадров.

Таким образом, современный педагогический университет как лидер отрасли генерирует и разработки, и инициативные кадры и, что также важно, сопровождает внедряемые технологии на практике, совершенствует их, проводит повышение квалификации и переподготовку кадров в нужном направлении. Результаты университетских исследований переводятся в технологии с обязательным участием студентов, отрабатываются совместно с ними на вузовских «полигонах» и передаются в систему образования. Деятельность университета с учетом обозначенных выше принципов можно сформулировать в следующем положении – *студенты-педагоги иницируют образо-*

вательные идеи, генерируют разработки, доводят их до новых технологий и продуктов на экспериментальных площадках вуза и партнеров, и приходят с ними в школы. В этом суть третьего положения трансфера с учетом роли профессионально-педагогических инициатив студента-педагога.

При всей значимости темы развития профессионально-педагогических инициатив студентов-педагогов в вопросе современного трансфера результатов исследований и разработок и установленных *трех положений* его обеспечения, в силу специфики педагогического знания, а также исторически сложившегося характера региональных образовательных практик, возникает ряд противоречий и вопросов. Одно из глубинных противоречий связано с наличием в регионах ряда институциональных образований, которые вне процесса подготовки учителя занимаются сопровождением процесса внедрения и реализации новейших технологий на практике или переподготовкой к ним кадров. При этом педагогические вузы с их подготовкой молодых кадров, которым в будущем придется работать с этими технологиями, зачастую остаются в стороне. Также возникают вопросы: 1) *Каковы масштабы генерации студентами видов профессионально-педагогических инициатив в педагогических вузах, а также диапазон их представленности по разным уровням?* 2) *Трансфер педагогических знаний мы должны осуществлять так же, как он проводится с другим новым знанием, например, инженерным, медицинским, технологическим?*

Таким образом, целью нашего исследования стало установление особенностей трансфера педагогического знания, выступающих важными условиями проектирования образовательной реальности, а именно: роли профессионально-педагогической инициативы студентов в педагогических университетах и масштаб представленности разных ее видов; выявление отличительных черт педагогического знания, в том числе особенностей установления педагогических проблем, осмысления субъектных позиций автора в педагогических исследованиях, а также факторов, определяющих ключевые изменения (преобразования) педагогического образования.

Методами нашего исследования выступили: теоретический анализ научной литературы позволил выявить особенности трансфера педагогического знания, факторы, определяющие важные изменения педагогического образования; контент анализ 34 сайтов педагогических вузов и сравнение его результатов с результатами анализа конкурса образовательных разработок 100 студенческих команд педагогических вузов позволило установить количество инициатив по их видам, описать особенности их проявления для школьного и внешкольного пространства, установить диапазоны представленности инициатив в пространстве вуза.

Результаты и обсуждение

Важны различные виды исследования для образовательной практики школы, выполнение которых

обеспечивает педагог-исследователь. Появление таких педагогов в школе возможно только при актуализации профессионально-педагогической инициативы как действующего, так начинающего педагога, а также понимания причин и механизмов её возникновения.

В настоящее время повышается внимание и публикационная активность по проблеме актуализации, в частности, социально-педагогической инициативы, выступающей фактором проектирования образовательной реальности [17. С. 21]. А.Н. Махинин использует подход, раскрывающий процессуально-деятельностный характер инициативы по трем аспектам: 1) инициатива-предложение; 2) инициатива-действие; 3) инициатива-позиция [18. С. 25]. Из исследования инициативы личности как психологического явления, проведенного Г.А. Шурухиной, можно выделить обобщенные характеристики инициативы как способности личности к осознанным, целенаправленным, активным социальным действиям; формы выражения личности социокультурных потребностей; субъективной и общественно-значимой основы самореализации личности и ее профессиональной активной деятельности [19. С. 23]. Т.Б. Соломатина и С.В. Насибова считают инициативность нравственным качеством человека, рассматривая ее как способность выражать в работе новаторские идеи, как комплекс стремлений, направленных на реализацию передовых идей, как мотивацию к новым проявлениям деятельности и как способ измерения самой активности личности [20. С. 39]. Встречается интерпретация инициативности как более или менее прочной черты личности, определяющей устойчивое устремление к инициации, а инициативы – как исходной активности личности, выраженной в нестандартной форме, обеспечивающей достижение новых целей, решение новых задач для общества и самого индивида [21]. Важно обобщить и отметить в контексте педагогической деятельности, что инициативы – это именно личностные свойства, объединяющие познавательные и мотивационные факторы, которые усиленно могут проявляться на базе педагогических исследований и разработок и способны влиять на трансфер полученного педагогического знания.

Таким образом, результатом всех предыдущих рассуждений как о видах исследований, так и существенных характеристиках различной инициативной деятельности становится определение минимум двух важных условий для поэтапной генерации профессионально-педагогических инициатив, т.е. субъектного «рождения» педагогических идей, их последующего «вращения» и оформления в актуальные для образовательной практики разработки.

Первое условие – это последовательное развитие исследовательских качеств учителя, развитие способности будущего педагога генерировать основные идеи разработок, готовности выполнять необходимые процедуры, соответствующие тем, что проводят постоянно исследователи и ученые-педагоги, разрабатывающие и внедряющие технологии в практику.

Второе условие – это наличие особых образовательных пространств – экспериментальных образо-

вательных центров, педагогических лабораторий, особых технологических пространств, обеспечивающих рождение и формирование идеи, создание ее образовательного (производственного) «прототипа» и его проверку на практике.

Оба условия актуальны и необходимы для развития образовательных новшеств посредством развития профессионально-педагогических инициатив, должны обеспечиваться в первую очередь при подготовке педагогических кадров как процессами, так и образовательными пространствами системы высшего педагогического образования.

Сейчас можно дать ответы на поставленные перед целью вопросы:

1) Каковы масштабы генерации студентами видов профессионально-педагогических инициатив в педагогических вузах, а также диапазон их представленности по разным уровням?

Анализ новостных лент и страниц структурных подразделений, занимающихся работой со студентами, был проведен по 34 педагогическим вузам России за период с 1 сентября 2022 по 31 декабря 2022 г. Для исследования представленности инициатив студентов была разработана карта оценки сайта, содержащая, в том числе, следующие аспекты проводимого анализа: отбираются события, освещающие образовательные проекты, образовательные разработки, реализованные идеи студентов, которые обобщаются как профессионально-педагогические инициативы. Также проводился учет инициатив, представленных в рамках педагогических конкурсов и олимпиад. Все инициативы распределялись по пяти видам: урочные, внеурочные, инициативы для досуговой деятельности детей, инициативы для дополнительного образования детей, стартапы (коммерческие разработки). Не рассматривались мероприятия, где студенты выполняли пассивные, регламентированные роли. На основе карт оценки сайтов образовательных организаций была составлена обобщающая таблица, строчки которой представляли информацию по количеству разработанных студентами инициатив в конкретном вузе по видам. В контексте данной темы исследования мы рассматриваем только общую итоговую строку, отражающую суммы всех выделенных нами видов педагогических инициатив студентов, обнаруженных на сайтах университетов за исследуемый период. Всего за это время было выявлено 165 инициатив будущих учителей.

Анализ показал, что меньше всего внимания (пятое место) уделяется представлению студенческих инициатив в рамках их урочной деятельности, всего семь. Этот уровень представленности инициатив студентов в урочной деятельности видится недостаточным в условиях становления их центральной профессиональной деятельности, современными характеристиками которой являются инициатива и инновация.

На четвертом месте представлены разработки студентов в рамках дополнительного образования детей (10). Эта сфера сейчас активно развивается с участием именно студентов, в том числе посредством их педагогической практики, но такие инициативы студентов

оказались слабо представленными на сайтах учреждений. Зафиксированы варианты добровольного участия студентов в профессиональных пробах в системе дополнительного образования детей в виде работ и реализации программ дополнительного образования детей, детских научно-популярных мероприятий, олимпиад, мастер-классов. Такие инициативы студентов поддерживаются центрами дополнительного образования при вузах или осуществляются через партнерские связи вуза с детскими учреждениями. Значительный потенциал для реализации образовательных инициатив студентов содержат в себе открываемые на базе педагогических вузов детские кванториумы. Однако он будет реализован в том случае, если будут созданы творческие условия для проведения инициатив студентов.

Третье место заняли инициативы студентов, направленные на разработку и внедрение студенческих образовательных стартапов (11). Небольшое их количество объясняется сложностью коммерческой проработки проектов, незначительным количеством вузовских площадок, которые могли бы способствовать данной работе, а также сложностью обеспечения предпринимательской образовательной инициативы. В тех вузах, где осуществляется деятельность по выявлению коммерческого потенциала образовательных разработок, студенты предоставляют свои идеи, доводят их при помощи наставников до полноценных проектов, которые в перспективе могут выйти на рынок образования.

На втором месте расположились инициативы студентов, связанные с их разработками досуговой деятельности школьников (37). Как правило, это разработки для профильных смен, реализуемые, прежде всего, в каникулярное время в детских лагерях отдыха, на пришкольных и привузовских городских площадках. По сути, это профориентационные мероприятия, игры и занятия с детьми в той предметной деятельности, в которой осуществляется подготовка будущего учителя. Также сюда относятся разработки мероприятий для обучающихся школ (экскурсионного, популяризационного и другого развивающего характера), реализуемые для вузовского, городского и регионального пространств, также связанные с профилем подготовки студентов.

Первое место в вузах по количеству занимают педагогические инициативы будущих учителей для внеурочной деятельности школьников, всего 100. Базой для проявления внеурочных инициатив служат различные конференции, конкурсы проектных работ студентов, заказы школ. При этом авторы, как правило, обеспечивают результат сверх необходимых требований, в случае, если работа выполнялась на педагогической практике. Вероятно, что масштабный результат данного вида педагогических инициатив проявляется благодаря сохраненной в части вузов традиции использования увлечений (хобби) студентов для построения внеурочной деятельности в школе.

Далее из анализа были исключены четыре организации с нулевой представленностью инициатив студентов за исследуемый период. Взятые в рассмотре-

ние 30 вузов были разделены на три группы, в каждую из которых вошло по 10 организаций. Для каждой группы были установлены диапазоны частоты упоминания инициатив студентов, что представлено в таблице.

Группы вузов и соответствующий им диапазон частоты упоминания инициатив студентов

Вузы	Диапазон частоты упоминания инициатив
1-я десятка	От 8 до 11
2-я десятка	От 4 до 7
3-я десятка	От 1 до 3

Полученный результат расположения диапазонов всех видов инициативной деятельности студентов по трем группам университетов условно можно считать как разделение их по уровням (низкий, средний, высокий). Можно предположить, что системный подход сопровождения инициативной деятельности студентов соответствует высокому уровню. Данные о более или менее системном подходе и признаках технологичности процесса использования инициативной образовательной деятельности студентов в первой десятке университетов хорошо согласуются с анализом результатов конкурса образовательных разработок студенческих команд двухлетней давности. На конкурс от всей совокупности педагогических вузов было представлено более 100 разработок студентов педагогических вузов страны по тем же видам образовательных инициатив (урочной, внеурочной, досуговой деятельности, дополнительного образования детей и образовательным стартапам). Наибольшее количество разработок и широту их спектра представили те же университеты, у которых можно зафиксировать системный подход и признаки технологии, актуализирующей профессионально-педагогические инициативы студентов. При этом установлено, что лидерами в этом вопросе не обязательно являются вузы столичных регионов или университеты, в которых обучается наибольшее количество студентов.

Рассмотрим ответ на второй вопрос:

2) *Трансфер педагогических знаний мы должны осуществлять так же, как он проводится с другим новым знанием, например инженерным, медицинским, технологическим?*

Ответ предполагает, что для трансфера педагогического знания могут быть применены как классические (универсальные) способы, так и должны быть разработаны и применены специфические варианты. Так, Томский государственный педагогический университет, наряду с другими вузами города Томска, создал свой офис коммерциализации, а затем и студенческий бизнес-инкубатор одним из первых в своей отрасли благодаря региональной и федеральной поддержке органов управления образованием и науки [22]. Еще при написании заявок на создание и функционирование инфраструктурных подразделений в социальной сфере на содержательном уровне были выделены отличия и особенности педагогического знания и создаваемых коммерческих продуктов, получаемых в университетской практике педагогического вуза. Полученный опыт деятельности инновацион-

ных структур был представлен в разных форматах: реализации курсов повышения квалификации, опубликовании научных статей, оформлении объектов интеллектуальной собственности, деятельности малых инновационных предприятий и др. [23]. Главным результатом «традиционной» трансферной деятельности в педагогическом вузе стал вывод о том, что нельзя двигаться только по пути поддержки и сопровождения исключительно коммерческих продуктов. Социальные эффекты, не выражаемые финансовыми категориями, являются не менее, а то и более значимыми для образования. Для определения особенностей трансфера результатов педагогических исследований и разработок установим: 1) *отличительные черты педагогического знания, включая аспекты методологии его поиска (позиция автора, постановка проблемы)*; 2) *факторы, преобразующие современное педагогическое образование*.

Повышение качества профессионализма учителей, подготовка учительского корпуса, соответствующего вызовам современности, зависят от возможности педагога воплотить в деятельности свой личностный и профессиональный потенциал. Под профессионализмом учителя понимают интегральную характеристику его личности, которая предполагает владение основными видами профессиональной деятельности (воспитание, преподавание, научно-методическая, культурно-просветительская и управленческая деятельность), а также обладание профессионально важными психологическими качествами, обеспечивающими эффективное решение профессиональных задач [24]. Научно-методическая деятельность среди выделенных видов профессиональной деятельности в подготовке учителя и повышении его квалификации является ключевой, поскольку обогащает другие виды профессиональной деятельности педагога, формирует его общую культуру, предоставляет возможности для постоянного саморазвития, обеспечивает прирост нового педагогического знания. Методология научно-методической деятельности педагога всегда претерпевает некоторые изменения, также меняются профессиональные задачи учителя, обеспечивающие новый контекст исследовательского поиска. При этом отличительные особенности педагогического знания, влияющие на способы его производства, а также изначальные позиции педагога-исследователя и правильная постановка задач исследования очень значимы для проведения педагогических изысканий. Ознакомление с особенностями генезиса педагогического знания и обеспечение начальных позиций включающегося в научно-педагогические исследования педагога позволяют уменьшить количество ошибок. В целом овладение педагогом методологической культурой повышает уровень теоретической и практической реализации плана исследования, обеспечивая необходимое качество разрабатываемых идей.

Одной из отличительных особенностей педагогического знания является его множественность и вариативность, что признается образовательным сообществом. Наличие значительного количества подходов,

способов, понятий, авторских идей и других проявлений педагогического знания по отношению к одному и тому же объекту, к тому же обладающих вероятностным характером, приводит к затруднению осознания четкости педагогического знания [25. С. 38]. Педагогическое исследование в этом ключе должно приводить к единому для большинства экспертов мнению, передавать ясный смысл, обладать доказательностью, убедительностью и быть проработанным непосредственно автором.

Для начала исследования важна личная позиция автора, проявляемая в заинтересованности и включенности педагога в практику, ее методологическое осмысление. Позиция педагога-исследователя зависит от его настроения, его мотивации, сохранения контекста исследовательской задачи. В конечном итоге личная заинтересованность и включенность исследователя должны привести к верному планированию и организации работы. Для адекватного начала исследования имеет смысл применить критерии, относящиеся к планированию и организации исследовательской работы [26. С. 13]. Педагогические исследования проводятся по различным направлениям дидактики, теории воспитания, школоведения, технологиям и методикам обучения. Участие в них принимают как учителя, так и педагоги дополнительного образования, методисты образовательных структур, психологи, социологи, представители иных наук. Как уже отмечалось, проявляется разнообразие видов полученного знания, решаемых задач и, соответственно, тематики работ. Для понимания специфики и определения класса своей работы, уточнения собственных задач исследования, несомненно, полезным является ознакомление с классификациями педагогических исследований [5. С. 13].

Важнейшим этапом начала исследовательской работы является постановка проблемы исследования. Выделяют несколько важнейших аспектов при постановке проблем, влияющих на качество исследования. Во-первых, значительное количество экспертов обращают внимание на масштаб проблемы. Отмечается, что преобладают исследования, в которых освещаются проблемы регионального уровня, охватывающие незначительный временной этап развития образования [26. С. 12; 27]. При этом идеи, которые выдвигает автор в качестве решения проблемы, были использованы в других регионах и в работе автора не отражены [26. С. 17]. Затрагивание крупных проблем также несет в себе определенные сложности, которые должен учитывать начинающий исследователь. Это время и качество решения, это понимание того, что крупные проблемы решаются коллективами (научными школами), временными творческими группами, в состав которых в этом случае должен входить и активно участвовать начинающий исследователь. В конечном итоге результат работы автора в решении большой проблемы будет рассматриваться в соотнесении с конкретными вопросами профессиональной деятельности, практическим применением результата в жизни. Таким образом, видение крупных проблем обусловлено авторским переходом от понимания проблем боль-

шой теории к пониманию практических проблем большой значимости.

Неизбежно в начале исследования и разработок возникает вопрос о том, как осуществлять поиск проблемы и ее подтверждение? Иначе говоря, что может выступить сегодня в качестве источников для определения проблемы, позволит собрать аналитический, статистический и эмпирический материал для подтверждения, актуализации педагогической проблемы? К ключевым источникам материалов можно причислить следующие:

1. Концептуальные и нормативно-правовые документы, в том числе программы федерального и регионального уровня, определяющие стратегии развития страны, регионов.

2. Материалы (заявки, отчеты) ежегодных конкурсов Федеральных инновационных площадок (ФИП) Российской Федерации [28]. С 2020 г. выделено направление педагогического образования, что позволяет рассмотреть актуальные проблемы, опыт разработки и применения инновационных идей в этой сфере.

3. Аналитические отчеты по деятельности уровней системы образования в России, видов образования, подготовленные вузами и органами управления образованием.

4. Материалы зарубежных источников, раскрывающие перспективные исследования в образовании, актуальные для исследовательского поиска в сфере подготовки учителей.

Исходя из обозначенных выше характеристик педагогического знания, в том числе вытекающих из аспектов методологии его поиска, установим некоторые отличительные особенности педагогического знания, влияющие на внедрение результатов педагогических исследований и разработок в образовательные практики:

– множественность подходов, способов, понятий и других проявлений педагогического знания по отношению к одному и тому же предмету и вероятностный характер этих проявлений [25. С. 38];

– межпредметность и метапредметность педагогического знания, что усугубляет его внедрение (например, предметно-методические проекты оказывались вне направлений, ранее действовавших фондов РФФИ и РГНФ);

– педагогическое знание имплицитно (авторские технологии, школы и т.п. содержат скрытые, элементы, это часто связано с субъективными авторскими позициями и качествами разработчиков).

Помимо того, что особенности педагогического знания создают специфику его трансфера, сама система высшего педагогического образования подвергается ряду преобразующих факторов, определяющих новый контур трансфера результатов педагогических исследований и разработок в образовательные практики. На основе теоретического анализа научных источников, нормативно-методических материалов, нами выделена совокупность факторов, определяющих ключевые изменения педагогического образования. Под факторами понимаем причины, движущие силы процесса из-

менения системы образования, определяющие ее характер. Факторами выступают:

- конвергенция современных наук и технологий;
- цифровизация содержания предметов (наук) и процесса обучения;
- визуализация науки и образования;
- изменения традиционных и появление новых образовательных пространств подготовки будущих учителей (педагогических практик, проектирования и реализации профессиональных проб и т.п.);
- включение элементов вузовской системы подготовки педагогических кадров в новые образовательные экосистемы;
- влияние на подготовку педагогов региональных стратегий развития уровней и видов образования, научно-производственного комплекса (утвержденных концепций, заказов работодателей, программ развития и т.д.);
- оформление тренда на субъектное, личностно-профессиональное развитие и актуализацию инициативной деятельности будущих педагогов.

Заключение

Новизной проделанной работы является: установление исходных положений трансфера педагогического знания в системе высшего педагогического образования; установление в ходе эмпирических работ количества видов инициативной деятельности студентов и их диапазонов в трех группах вузов; определение особенностей трансфера результатов педагогических исследований и разработок посредством установления 1) отличительных черт педагогического знания, включая аспекты методологии его поиска (позиция автора, постановка проблемы), 2) факторов, преобразующих современное педагогическое образование.

В плане практической значимости можно утверждать, что:

1) обнаруженный уровень представленности ряда инициатив студентов (по урочной деятельности, дополнительному образованию, образовательным стартапам) является недостаточным и свидетельствует об отсутствии их «культивирования» в педагогических вузах в условиях становления профессиональной деятельности студентов, современными характеристиками которой являются инициатива и инновация, что требует разработки соответствующих образовательных технологий высшего образования;

2) установлен ряд практико-ориентированных направлений трансфера педагогического знания обеспечиваемых: освоением новых образовательных пространств проектирования и реализации личностных образовательных инициатив студентов (технопарки, кванториумы и др.); разработкой практического включения будущих педагогов в образовательные экосистемы (профессиональные сообщества, научно-исследовательские группы и др.); разработкой цифрового содержания предметов и процесса обучения; визуализацией содержания и технологий школьного и педагогического образования.

В целом проведенное исследование позволяет сделать важные выводы.

1. Педагогическое знание и особенности его трансфера появляются условно по схеме: новые условия жизни общества и науки развивают новые образовательные парадигмы, которые, в свою очередь, развивают новое содержание и разработки образования.

2. Институты, определяющие развитие педагогических вузов (Министерство просвещения, Министерство науки и высшего образования и др.), удерживают специфику проблем перевода результатов педагогических исследований и разработок в образовательную практику, способы их проявления для разных уровней и систем образования, о чем свидетельствует: усиление практикоориентированности образовательных программ подготовки учителя, усиление связей между вузами и школами, формирование ядра образовательного пространства; создание базовых школ и новых пространств при вузе (технопарки, кванториумы и др.) для проектирования и творчества будущих педагогов; проведение новых конкурсов (например, общероссийского конкурса студенческих образовательных инициатив «Идеи для новой школы»).

3. Необходима особая национальная технологическая платформа как средство управления трансфером педагогического знания, внутри которой обеспечивается:

– обмен научными знаниями между вузами, общеобразовательными организациями, учреждениями дополнительного образования, досуговыми организациями, органами управления образования и бизнес-структурами, реализующим инновационные проекты в образовательной сфере;

– совместная деятельность и обмен знаниями между профессиональными сообществами учёных и пре-

подавателей вузов, занимающихся разработками, подготовкой будущих учителей и профессиональными сообществами педагогов школ, учреждений дополнительного образования и бизнес-структур;

– совместное обучение инновационному проектированию вузовских преподавателей, педагогов школ и учреждений дополнительного образования и представителей органов власти.

4. Актуально повышение квалификации и переподготовка управленческого и преподавательского состава педагогических вузов по вопросам проектной подготовки, особенностям генерации педагогического знания и его трансфера, развития практики сопровождения разработок в совместной деятельности педагогов и студентов.

5. Нами зафиксирована, во-первых, ценность смещения исследовательского внимания на область порождения образовательной инициативы будущим учителем как процесса актуализации, проявления у него творческой деятельности, выходящей за рамки «учебных» обязанностей, направленной на создание новой практики образования, во-вторых, рост результатов психолого-педагогических исследований по проблеме актуализации педагогической инициативы, выступающей фактором проектирования образовательной реальности.

Таким образом, специфика педагогического знания и оценка настоящей и будущей перестройки процесса подготовки учителей позволяют установить актуальные направления трансфера педагогического знания. В данной работе мы стремились выявить все особенности результатов исследований и разработок в сфере педагогики, влияющие на трансфер педагогического знания.

Список источников

1. Роберт И.В. Дидактика периода информатизации образования // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 110–118.
2. Феттер И.В. Трансфер знаний как функция базовой кафедры педагогического университета // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 3 (19). С. 213–221.
3. Пожидаев Р.Г. Межфирменные сети знаний: вопросы теоретических и прикладных исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 3. С. 63–71.
4. Георг фон Круг, Кёне М. Трансфер знаний на предприятии: основные фазы и воздействующие факторы // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 4. С. 74–78.
5. Полонский В.М. Классификация педагогических и междисциплинарных исследований // Образовательные технологии. 2015. № 3. С. 28–45.
6. Полонский В.М. Методика классификации научно-педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 2 (29). С. 9–20.
7. Сиденко А.С. Авторские педагогические разработки: роль, типы, уровни // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2008. № 6. С. 16–19.
8. Катруша Т.А. Значимость инновационных педагогических технологий в современном образовательном процессе // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 22. С. 37–41.
9. Копалева Е.В. Образовательные технологии, способствующие развитию научно-познавательных интересов старшеклассников // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 1 (14). С. 75–78.
10. Джабатьрова Б.К., Даурова М.Ш. Инновационный образовательный процесс как основа педагогической интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 3 (123). С. 37–47.
11. Усольцев А.П., Антипова Е.П. Инновационная деятельность учителей – миф или реальность? // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 5. С. 9–41. doi: 10.17853/1994-5639-2019-5-9-42
12. Зборовский Г.Е. Трансфер человеческого капитала в вузе как проблема управления развитием студенчества // Вопросы управления. 2021. № 2 (69). С. 121–133.
13. Воронина М.В. Особенности формирования профессиональной позиции будущего педагога в период его обучения в вузе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 7 (160). С. 128–132.
14. Бедный А.Б. Трансфер знаний в инновационном университете : учебно-методическая разработка. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2010. 40 с.
15. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии : пер. с англ. / под ред. А.Ф. Уварова. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
16. Сошенко И.И. Университеты в условиях изменений: запрос на социальные инновации // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 10. С. 161–167. doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-161-167

17. Борисенкова Е.С., Логинов В.В., Найн А.А. Актуализация социально-педагогической инициативы как фактор проектирования образовательной реальности // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 20–24.
18. Махинин А.Н. Поддержка социальных инициатив как фактор формирования гражданской идентичности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 23–28. doi: 10.15293/1813-4718.1901.03
19. Шурухина Г.А. Основные направления исследования инициативности в современной психологии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 4. С. 23–28.
20. Соломатина Т.Б., Насибова С.В. Социально-педагогические инициативы в деятельности учреждений дополнительного образования детей // Наука и школа. 2008. № 2. С. 37–39.
21. Косачева Е.П. Педагогические условия развития познавательной инициативы будущего учителя в процессе его профессиональной подготовки в ВУЗе : дис. ... канд. пед. наук. Череповец, 1999. 170 с.
22. Гузьяева М.Ю., Зеличенко В.М., Червоный М.А. Офис коммерциализации разработок // Наука и образование : материалы VIII Всерос. конф. студ., аспирантов и молодых ученых : в 6 т. Томск, 19–23 апреля 2004 года. Томск : Томский государственный педагогический университет, 2004. С. 68–71.
23. Сошенко И.И. Коммерциализация образовательных разработок в гуманитарном вузе (из опыта работы ТГПУ) // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 1 (7). С. 81–89.
24. Лапшова А.В. Критерии и показатели профессионализма педагога в системе дополнительного образования // Вестник Мининского университета. 2014. № 4 (8). URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/552> (дата обращения: 27.01.2023).
25. Адольф В.А. Управление качеством педагогических исследований // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 3 (37). С. 35–40.
26. Полонский В.М. Критерии и методы оценки качества педагогических и междисциплинарных исследований // Образовательные технологии (г. Москва). 2015. № 4. С. 12–27.
27. Слестёнин В.А. Некоторые проблемы педагогических исследований // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 1. С. 25–35.
28. Описание эффективных моделей ФИП 2021. URL: https://disk.yandex.ru/i/ffrhm0I_TFWchA (дата обращения: 19.07.2022).

References

1. Robert, I.V. (2014) Didaktika perioda informatizatsii obrazovaniya [Didactics of the period of informatization of education]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. 8. pp. 110–118.
2. Fetter, I.V. (2016) Transfer znaniy kak funktsiya kafedry pedagogicheskogo universiteta [ransfer of knowledge as a function of the base department of the Pedagogical University]. *Vestnik Orenburgskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (19). pp. 213–221.
3. Pozhidayev, R.G. (2014) Mezhestfirmennyye seti znaniy: teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy [Interfirm knowledge networks: issues of theoretical and applied research]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 63–71.
4. Von Krog, G. & Kone, M. (1999) Transfer znaniy na predpriyatii: osnovnyye fazy i vozdeystvuyushchiye faktory [Knowledge transfer at the enterprise: main phases and influencing factors]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 4. pp. 74–78.
5. Polonskiy, V.M. (2015) Klassifikatsiya pedagogicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Classification of pedagogical and interdisciplinary research]. *Obrazovatel'nyye tekhnologii*. 3. pp. 28–45.
6. Polonskiy, V.M. (2016) Metodika klassifikatsii nauchno-pedagogicheskikh issledovaniy [Methods of classification of scientific and pedagogical research]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2 (29). pp. 9–20.
7. Sidenko, A.S. (2008) Avtorskiye pedagogicheskiye razrabotki: rol', tipy, urovni [Author's pedagogical developments: role, types, levels]. *Munitsipal'noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment*. 6. pp. 16–19.
8. Katrusha, T.A. (2015) Znachimost' innovatsionnykh pedagogicheskikh tekhnologiy v sovremennom obrazovatel'nom protsesse [The significance of innovative pedagogical technologies in the modern educational process]. *Obucheniye i vospitaniye: metodiki i praktika*. 22. pp. 37–41.
9. Kopayeva, Ye.V. (2016) Obrazovatel'nyye tekhnologii, sposobstvuyushchiye razvitiyu nauchno-poznavatel'nykh interesov starshklassnikov [Educational technologies that contribute to the development of scientific and cognitive interests of high school students]. *ANI: pedagogika i psikhologiya*. 1 (14). pp. 75–78.
10. Dzhabatyrova, B.K. & Daurova, M.Sh. (2013) Innovatsionnyy obrazovatel'nyy protsess kak osnova pedagogicheskoy vysshey shkoly [Innovative educational process as the basis of pedagogical higher school]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (123). pp. 37–47.
11. Usol'tsev, A.P. & Antipova, Ye.P. (2019) Innovative activity of the government – myth or reality? *Obrazovaniye i nauka*. 21 (5). pp. 9–41. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2019-5-9-42
12. Zborovskiy, G.Ye. (2021) Transfer of human capital at university as a problem of student community development. *Voprosy upravleniya*. 2 (69). pp. 121–133. (In Russian).
13. Voronina, M.V. (2015) Osobennosti formirovaniya professional'noy pozitsii budushchego pedagoga v period yego obucheniya v vuze [Features of the formation of the professional position of the future teacher during his studies at the university]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7 (160). pp. 128–132.
14. Bednyy, A.B. (2010) *Transfer znaniy v innovatsionnom universitete* [Transfer of knowledge in an innovative university]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. (In Russian).
15. Itskovits, G. (2010) *Troynaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deystvii* [Triple helix. Universities – enterprises – the state. Innovations in force]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. (In Russian).
16. Soshchenko, I.I. (2020) Universities in the conditions of changes: a request for scientific innovations. *Vysheyee obrazovaniye v Rossii*. 10. pp. 161–167. (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-161-167
17. Borisenkova, Ye.S., Loginov, V.V. & Nayn, A.Ya. (2015) Aktualizatsiya sotsial'no-pedagogicheskoy initsiativy kak faktor proyektirovaniya obrazovatel'noy real'nosti [Actualization of the socio-pedagogical initiative as a factor in the design of educational reality]. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal*. 6. pp. 20–24. (In Russian).
18. Makhinin A.N. (2019) Support for social initiatives as a factor in the formation of students' civic identity *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal*. 1. pp. 23–28. (In Russian). doi: 10.15293/1813-4718.1901.03
19. Shurukhina, G.A. (2013) Osnovnyye napravleniya issledovaniya initsiativnosti v sovremennoy psikhologii [The main directions of the study of initiative in modern psychology]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 4. pp. 23–28.
20. Solomatina, T.B. & Nasibova, S.V. (2008) Sotsial'no-pedagogicheskiye initsiativy v deyatel'nosti uchrezhdeniy dopolnitel'nogo obrazovaniya detey [Social and pedagogical initiatives in the activities of institutions of additional education for children]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 37–39.
21. Kosacheva, E.P. (1999) *Pedagogicheskiye usloviya razvitiya poznavatel'noy initsiativy budushchego uchitelya v protsesse ego professional'noy podgotovki v VUZe* [Pedagogical conditions for the development of the cognitive initiative of the future teacher in the process of his professional training at the university]. Pedagogics Cand. Diss. Cherepovets.
22. Guzzyayeva, M.Yu., Zelichenko, V.M. & Chervonnyy M.A. (2004) [Office of commercialization of developments]. *Nauka i obrazovaniye* [Science and education]: Proceedings of the VIII All-Russian Conference of students, graduate students and young scientists: in 6 volumes. 19–23 April 2004. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 68–71. (In Russian).

23. Soshenko, I.I. (2015) Kommertsializatsiya obrazovatel'nykh razrabotok v gumanitarnom vuze (iz opyta raboty TGPU) [Commercialization of educational developments in a humanitarian university (from the experience of TSPU)]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye*. 1 (7). pp. 81–89.
24. Lapshova, A.V. (2022) Kriterii i pokazateli professionalizma pedagoga v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya [Criteria and indicators of the professionalism of a teacher in the system of additional education]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 4. [Online] Available from: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/552> (Accessed: 27.01.2023).
25. Adol'f, V.A. (2016) Upravleniye kachestvom pedagogicheskikh issledovaniy [Management of the quality of pedagogical research]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva*. 3 (37). pp. 35–40.
26. Polonskiy, V.M. (2015) Kriterii i metody otsenki kachestva pedagogicheskikh i mezhdistiplinarnykh issledovaniy [Criteria and methods for assessing the quality of pedagogical and interdisciplinary research]. *Obrazovatel'nyye tekhnologii*. 4. pp 12–27.
27. Slastonin, V.A. (2006) Nekotoryye problemy pedagogicheskikh issledovaniy [Some problems of pedagogical research]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 25–35.
28. Anon. (2022) *Opisaniye effektivnykh modeley FIP 2021* [Description of effective FIP 2021 models]. [Online] Available from: https://disk.yandex.ru/i/ffrhm0I_TFWchA (Accessed 07.19.2022).

Информация об авторах:

Червонный М.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Игна О.Н. – д-р пед. наук, профессор кафедры романо-германской филологии и методики обучения иностранным языкам Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: onigna@tspu.edu.ru

Яковлев И.Н. – аспирант Института развития педагогического образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: yakovlevig97@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Chervonnyy, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru

O.N. Igna, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: onigna@tspu.edu.ru

I.N. Yakovlev, postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yakovlevig97@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.01.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 28.01.2023;
approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 796.3
doi: 10.17223/15617793/488/7

Комплексное развитие двигательных навыков и физических способностей у детей 6–7 лет в условиях дошкольной образовательной организации

Владимир Валентинович Черкасов¹, Ирина Ивановна Черкасова²,
Елизавета Анатольевна Савиных³

^{1, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Тобольский педагогический институт имени Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, Тобольск, Россия

¹ v.v.cherkasov@utmn.ru

² i.i.cherkasova@utmn.ru

³ stud0000196704@study.utmn.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности физического воспитания детей 6–7 лет в условиях дошкольной образовательной организации. Представлена методика комплексного развития базовых двигательных навыков и физических способностей, реализуемая в рамках решения основных задач физического воспитания, включающих в соответствии с требованиями стандарта дошкольного образования обеспечение физического развития и формирование позитивных установок к различным видам труда, в том числе с целью ранней профессиональной ориентации. Эффективность методики подтверждена достоверным приростом исследуемых показателей.

Ключевые слова: дети 6–7 лет, дошкольная образовательная организация, физическое воспитание, двигательные навыки, физическая подготовленность, ранняя профориентация

Источник финансирования: работа выполнена в рамках реализации проекта № 20-413-720011 «Разработка модели профессиональной ориентации, самоопределения и самореализации населения Тюменской области в условиях трансформации социально-экономического пространства» (грант РФФИ-Тюменская область, договор № 20-413-720011\22).

Для цитирования: Черкасов В.В., Черкасова И.И., Савиных Е.А. Комплексное развитие двигательных навыков и физических способностей у детей 6–7 лет в условиях дошкольной образовательной организации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 71–81. doi: 10.17223/15617793/488/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/7

Comprehensive development of motor skills and physical abilities in 6- and 7-year-old children in a preschool educational institution

Vladimir V. Cherkasov¹, Irina I. Cherkasova², Elizaveta A. Savinykh³

^{1, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

² D.I. Mendelev Tobolsk Pedagogical Institute (branch) of University of Tyumen, Tobolsk, Russian Federation

¹ v.v.cherkasov@utmn.ru

² i.i.cherkasova@utmn.ru

³ stud0000196704@study.utmn.ru

Abstract. The problem of the study is the need to improve the effectiveness of physical education in preschool educational institutions, which ensures the formation of sufficient knowledge, basic motor skills and physical fitness necessary for the successful adaptation of children to school. The aim of the study was to substantiate the developed methodology of the integrated development of motor skills and physical abilities in 6- and 7-year-old children in a preschool educational institution. The research methods were the analysis of scientific and methodological literature, pedagogical testing, pedagogical observation, method of rating evaluation, pedagogical experiment, methods of mathematical statistics. The study was conducted in Kindergarten No. 158 in Tyumen, Russia, in 2021 and 2022. During the pedagogical experiment two groups of 6- and 7-year-old children were created: control (CG) and experimental (EG), numbering 43 (24 boys and 19 girls) and 39 (25 boys and 14 girls) children, respectively. In the EG, the method of physical education, based on a comprehensive approach to the formation of basic motor skills and physical abilities in preschool children and creating an effect of adaptation through the systematic and varied use of running,

jumping and throwing exercises, was implemented. According to the results of the study, the participants of the EG showed a significant increase in the indicators of the level of technical skill by decreasing the total number of errors by 31% and reducing the number of gross errors by 38% compared with the baseline test. The growth of physical preparedness for the period of research was as follows: target accuracy by 152% in boys and 145% in girls; upper shoulder girdle power endurance by 24% in boys and 22% in girls; flexibility test by 18% in boys and 19% in girls; abdominal muscles power endurance by 11% in boys and 13% in girls; general endurance, speed and coordination abilities from 3% to 4% in both groups. Thus, we can conclude that the integrated use of all forms of the organization of physical activity in the conditions of a preschool educational institution can successfully solve educational problems and provide the necessary amount of motor activity. However, to achieve a more significant effect in the development of physical abilities, we recommended to use independent forms of physical activity in the daily routine (together with parents) and to involve children in regular exercises in sports schools and clubs.

Keywords: 6- and 7-year-old children, preschool educational institution, physical education, motor skills, physical fitness, early career guidance

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-413-720011.

For citation: Cherkasov, V.V., Cherkasova, I.I. & Savinykh, E.A. (2023) Comprehensive development of motor skills and physical abilities in 6- and 7-year-old children in a preschool educational institution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 71–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/7

Введение. Решение проблем формирования, укрепления и охраны физического и психического здоровья детей относится к числу приоритетных направлений государственной политики, реализуемых на основе положений Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО) в системе дошкольного физического воспитания [1].

Одним из основных условий гармоничного физического развития детского организма является режим двигательной активности, параметры которого зависят от многих факторов: гендерных и личностных особенностей детей; форм организации занятий физическими упражнениями; влияния социально-бытовых, географических, климатических факторов [2, 3], в то время как недостаточный объем физической нагрузки у детей дошкольного возраста приводит к избыточной массе тела и ожирению, нарушениям развития опорно-двигательного аппарата, оказывает негативное влияние на ведущие физиологические системы организма [4–6].

В процессе занятий физическими упражнениями с детьми дошкольного возраста закладывается фундамент для развития морфофункциональных показателей и физических способностей, формируются базовые жизненно важные двигательные умения и навыки, решаются задачи по формированию мотивации к физкультурно-спортивной деятельности, воспитанию волевых и социально-значимых личностных качеств, психического и интеллектуального развития ребенка [7–9]. Высокий уровень физического развития, двигательной и физической подготовленности является одним из условий успешной социализации личности: на начальном этапе способствует быстрой адаптации детей к школе, достижению высоких результатов в учебной и физкультурно-спортивной деятельности; в трудоспособном возрасте дает возможность реализации в различных видах профессиональной деятельности: педагогической (в области физической культуры и спорта); силовых структурах; в профессиях, связанных с физиче-

ским трудом (средним, тяжелым, повышенной тяжести) и др.

В нашей стране до выхода приказа Министерства просвещения Российской Федерации от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования» решение задач физического воспитания дошкольников осуществлялось в рамках реализации программ дошкольного образования, самостоятельно разрабатываемых каждым образовательным учреждением на основе комплексных, парциальных и дополнительных авторских программ [10]. В то же время отечественными и зарубежными исследователями не прекращалась работа по поиску эффективных средств решения образовательных, воспитательных и оздоровительных задач, оказывающих положительное воздействие на мотивационную сферу, психофизическое и функциональное состояние детей дошкольного возраста. Так, М.П. Мухиной [11] разработана методика формирования жизненно важных двигательных навыков с сопряженным развитием основных физических способностей. В.С. Сосуновским с соавторами [12] доказана эффективность модели физического воспитания детей дошкольного возраста, основанной на принципах образовательной системы Монтессори, предполагающих игровую форму обучения, подготовку для воспитанников развивающей предметно-пространственной среды, индивидуализацию процесса физического воспитания и самостоятельный характер выполнения физических упражнений.

С целью развития физических качеств детей старшего дошкольного возраста Е.В. Бутырской [13] предложена технология, основанная на использовании средств подвижных игр и сюжетных занятий; В.Б. Болдыревой [14] апробированы сюжетные образно-игровые комплексы ритмической гимнастики; С.А. Шепеленко [15] для совершенствования функциональных возможностей детей разработан комплекс средств функциональной тренировки.

В исследованиях, проведенных М. Driediger с соавторами [16], установлено, что пик двигательной

активности дошкольников в играх на открытом воздухе приходится на первую половину игры, на основании чего было сделано заключение о возможности повышения объема двигательной активности за счет сокращения продолжительности игр с одновременным увеличением их количества. D.P. Сое [17] разработана модель физического воспитания дошкольников, включающая такие компоненты, как педагогическое воздействие воспитателей, взаимоотношения со сверстниками в группе, игровая активизация на свежем воздухе, развитие двигательной моторики и компетентностей.

Опыт решения задач, направленных на развитие самостоятельной игровой деятельности, умений взаимодействовать в команде, повышение двигательной активности старших дошкольников с помощью сюжетно-дидактических игр с профориентационной направленностью представлен А.А. Ошкиной [18]. В ходе игровой деятельности дети выполняют трудовые функции разных профессий, среди которых в процессе игры «Я выбираю спорт» участникам предлагается выбор спортивной секции и знакомство с профессией тренера в разных видах спорта.

Отдельное внимание исследователями уделяется развитию двигательных координаций дошкольников. Высокий уровень развития координационных способностей обеспечивает успешную адаптацию детей к школе, является основой для решения образовательных задач в начальной школе по предмету «Физическая культура». В практике дошкольных образовательных организаций (ДОО) для развития координационных способностей используются подвижные и спортивные игры, гимнастические упражнения, имеющие координационную сложность [19, 20], а также различные экспериментальные методики с применением степ-аэробики, фитбол-гимнастики [21], ритмической гимнастики [22], спортивных бальных танцев [23] и др.

Широкое распространение в занятиях физическими упражнениями с детьми дошкольного возраста получили технологии спортивно-ориентированной направленности [24]. При этом овладение элементами спортивных дисциплин предлагается авторами не только в учреждениях дополнительного образования и клубах спортивной направленности [25, 26], но и в формате физкультурных занятий урочного типа в рамках дошкольной образовательной организации [27, 28].

Между тем основное содержание большинства авторских спортивно-ориентированных программ составляют физические упражнения, характерные для одного из видов спорта. При этом в них отсутствуют движения, составляющие основу в дошкольном возрасте, освоение которых позволяет детям формировать жизненно важные двигательные навыки, а также удовлетворять потребности в разнообразных двигательных действиях. Кроме того, возникновение устойчивого адаптационного эффекта при выполнении физических упражнений возможно только при условии многократного и продолжительного воздействия нагрузки на организм [29]. Содержание физ-

культурных занятий урочного типа в условиях детского сада по продолжительности, интенсивности и объему нагрузки не отвечает данным требованиям. В связи с этим можно предположить, что заявляемый авторами эффект, выраженный как в овладении элементами техники (в том числе в сложнокоординационных видах спорта), так и в значительном приросте показателей двигательных способностей детей, в большей степени может быть лишь частично связан с предлагаемыми методиками. В числе причин роста показателей физической подготовленности с большой вероятностью выступают процессы естественного развития детей, а также дополнительные занятия физическими упражнениями, которые могли осуществляться детьми, но не были отслежены авторами во время исследования.

В последнее время отдельное внимание специалисты стали уделять подготовке старших дошкольников к выполнению норм Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО), что обусловлено необходимостью обеспечения преемственности требований к уровню физической подготовленности воспитанников подготовительных групп ДОО и учащихся первых классов начальной школы [30]. При этом исследователи продолжают фиксировать у детей низкий уровень развития отдельных физических способностей. Так, по данным Г.В. Шестаковой [31], от 30 до 80% старших дошкольников имеют низкий уровень развития в показателях выносливости и скоростных способностей. Отдельные проблемы дошкольников в тестах комплекса ГТО, характеризующих целевую точность в метании мяча, скоростные и скоростно-силовые способности, установлены Н.И. Синявским [32]. Схожие результаты были получены В.Ю. Карповым с соавторами [33]. Исследователи выявили затруднения детей при выполнении нормативных требований в челночном беге, метании мяча в цель и прыжке в длину с места. При этом в качестве объяснения причин в различии уровней показателей авторы указывают на сроки сенситивных периодов развития двигательных способностей, которые не всегда соответствуют старшему дошкольному возрасту. Однако, соглашаясь с этим аргументом, можно предположить, что разработка специалистами норм ВФСК ГТО осуществлялась с учетом всех факторов, включая возрастные и гендерные особенности детей 6–7 лет, а основной причиной низкого уровня отдельных показателей двигательных способностей детей могут являться недостатки используемых в процессе физического воспитания дошкольников методик физической подготовки.

Таким образом, по результатам анализа нормативных документов и научно-методической литературы были выявлены противоречия между необходимостью решения образовательных и развивающих задач физического воспитания в дошкольном образовании и отсутствием комплексного подхода к формированию базовых двигательных навыков и развитию физических качеств дошкольников, что обуславливает актуальность проведенного исследования.

Цель исследования – обоснование разработанной методики комплексного развития двигательных навы-

ков и физических способностей у детей 6–7 лет в условиях дошкольной образовательной организации.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в период с августа 2021 г. по июнь 2022 г. на базе дошкольного образовательного учреждения (МАДОУ) детский сад № 158 г. Тюмени. В исследовании приняли участие 82 ребенка 6–7 лет, отнесенных к основной медицинской группе. Из детей были сформированы две группы – контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) численностью 43 (24 мальчика и 19 девочек) и 39 (25 мальчиков и 14 девочек) человек соответственно. Началу исследования предшествовала встреча с родителями детей, которые были ознакомлены с содержанием экспериментальной методики и дали согласие на участие детей в исследовании.

Для определения уровня физической подготовленности были выбраны нормы первой ступени комплекса ГТО как наиболее приемлемый критерий определения готовности старших дошкольников к выполнению программного материала по физической культуре в начальной школе.

Для оценки техники выполнения двигательных действий были разработаны критерии, включающие перечень типичных для контрольного испытания технических ошибок. Оценка (по пятибалльной шкале)

снижалась за каждую зафиксированную ошибку: от 0,5 балла (незначительная) до 1,5 балла (грубая). Фиксация техники выполнения контрольного упражнения осуществлялась на основе видеосъемки.

В качестве методов исследования использовались анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, метод рейтинговой оценки, контрольные испытания, педагогический эксперимент, методы математической статистики. Для статистической обработки результатов применялся программный пакет SPSS Statistics 26.

Результаты и обсуждение. На констатирующем этапе исследования была проведена оценка исходного уровня сформированности физических способностей и основных двигательных навыков дошкольников. К основным (базовым) навыкам были отнесены бег, прыжки и метания, что обусловлено наличием данных двигательным локомоций в большинстве спортивных дисциплин и физических упражнений, используемых в рамках физического воспитания в дошкольных и общеобразовательных учебных заведениях.

Результаты исходного тестирования физической подготовленности на основе норм первой ступени комплекса ГТО представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты физической подготовленности детей 6–7 лет на констатирующем этапе исследования
(ЭГ: мальчики – $n = 25$; девочки – $n = 14$; КГ: мальчики – $n = 24$; девочки – $n = 19$)

Контрольные упражнения	Пол	Группа	Статистические показатели			Выполнение норм комплекса ГТО (%)			
			$\bar{X} \pm m$	t	p	золото	серебро	бронза	ниже нормы
Бег на 30 м, с	м	ЭГ	$7,42 \pm 0,09$	0,2	$> 0,05$	0	8	24	68
		КГ	$7,39 \pm 0,54$			0	8,1	24,3	67,6
	д	ЭГ	$7,49 \pm 0,15$	0,3	$> 0,05$	0	7,1	28,7	64,2
		КГ	$7,59 \pm 0,11$			0	10,5	5,2	84,3
Челночный бег 3×10 м, с	м	ЭГ	$10,47 \pm 0,09$	0,3	$> 0,05$	0	24	16	60
		КГ	$10,45 \pm 0,52$			2,7	18,9	5,4	73
	д	ЭГ	$10,74 \pm 0,1$	0,4	$> 0,05$	0	14,3	35,7	50
		КГ	$10,76 \pm 0,16$			5,2	26,3	10,5	58
Смешанное Передвижение на 1 000 м, с	м	ЭГ	$443,2 \pm 6,6$	0,2	$> 0,05$	0	12	20	68
		КГ	$445,3 \pm 10,0$			0	13,5	24,3	59,5
	д	ЭГ	$492,3 \pm 9,45$	1,3	$> 0,05$	0	0	21,4	78,6
		КГ	$480,2 \pm 6,2$			0	0	26,3	73,7
Прыжок в длину с места, см	м	ЭГ	$115,8 \pm 2,0$	0,4	$> 0,05$	0	32	48	20
		КГ	$117,1 \pm 2,96$			10,8	24,3	35,1	29,7
	д	ЭГ	$113,2 \pm 2,55$	0,2	$> 0,05$	0	28,6	64,3	7,1
		КГ	$113,9 \pm 3,03$			5,2	15,8	58	21
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	м	ЭГ	$6,6 \pm 0,86$	0,3	$> 0,05$	4	12	32	52
		КГ	$6,86 \pm 0,76$			2,7	10,8	48,6	37,8
	д	ЭГ	$5,2 \pm 0,56$	0,3	$> 0,05$	0	50	28,6	21,4
		КГ	$5,4 \pm 0,61$			0	47,6	26,1	26,3
Поднимание туловища из положения лежа, кол-во раз	м	ЭГ	$15,6 \pm 0,6$	0,6	$> 0,05$	0	0	8	92
		КГ	$15,1 \pm 0,84$			0	2,7	2,7	94,6
	д	ЭГ	$15,2 \pm 0,66$	0,2	$> 0,05$	0	0	21,5	78,5
		КГ	$15,0 \pm 0,75$			0	5,2	21	73,8
Наклон вперед, см	м	ЭГ	$2,88 \pm 0,41$	0,7	$> 0,05$	8	44	44	4
		КГ	$3,32 \pm 0,53$			10,8	45,9	32,4	2,7
	д	ЭГ	$6,14 \pm 1,15$	1,2	$> 0,05$	28,5	28,5	35,9	7,1
		КГ	$7,6 \pm 0,78$			36,8	36,8	26,4	0
Метание мяча в цель, кол-во попаданий	м	ЭГ	$0,84 \pm 0,16$	0,4	$> 0,05$	0	0	24	76
		КГ	$0,89 \pm 0,7$			0	0	16,2	83,8
	д	ЭГ	$0,64 \pm 0,22$	0,2	$> 0,05$	0	0	28,5	71,5
		КГ	$0,57 \pm 0,15$			0	10,5	36,8	52,7

Как видно из представленных результатов, достоверных различий между контрольной и экспериментальной группами выявлено не было

($p > 0,05$), что может свидетельствовать об одинаковом уровне физической подготовленности детей обеих групп.

Сопоставление результатов исходного тестирования и норм комплекса ГТО показало, что от 52 до 94% испытуемых обеих групп не выполнили установленные нормативы в тестах, характеризующих быстроту, координационные способности, общую выносливость и силовую выносливость мышц живота. Несколько выше

в обеих гендерных группах показатели гибкости и скоростно-силовых качеств, а также силовой выносливости верхнего плечевого пояса у девочек.

Результаты педагогического наблюдения за техникой выполнения двигательных действий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты оценки двигательных навыков детей 6–7 лет на констатирующем этапе исследования
(ЭГ: мальчики – $n = 25$; девочки – $n = 14$; КГ: мальчики – $n = 24$; девочки – $n = 19$)

Тест	Пол	Группа	Оценка $X \pm m$	Количество ошибок	Соотношение ошибок (%)		
					Грубые	Существенные	Незначительные
Бег 30 м	м	ЭГ	$2,66 \pm 0,23$	68	16,2	29,4	54,4
		КГ	$2,7 \pm 1,17$	62	12,5	37,5	50
	д	ЭГ	$2,75 \pm 0,21$	33	15,1	36,4	48,5
		КГ	$2,85 \pm 0,76$	54	15,8	31,6	52,6
Прыжок в длину с места	м	ЭГ	$2,7 \pm 0,17$	66	7,6	53	39,4
		КГ	$2,82 \pm 0,67$	60	8,4	45,8	45,8
	д	ЭГ	$2,82 \pm 0,25$	39	12,8	38,5	48,7
		КГ	$2,95 \pm 0,68$	56	12,5	34,9	52,6
Метание мяча в цель	м	ЭГ	$2,72 \pm 0,12$	46	54,4	30,4	15,2
		КГ	$2,69 \pm 0,62$	43	55,8	23,4	20,8
	д	ЭГ	$2,53 \pm 0,1$	28	50	28,5	21,5
		КГ	$2,64 \pm 0,39$	40	47,4	26,3	26,3

Наиболее высокий уровень в технике выполнения упражнений был продемонстрирован испытуемыми в прыжке в длину с места, где средний балл составил 2,7 у мальчиков и 2,8 у девочек при наличии 8 и 12,6% грубых технических ошибок соответственно. Схожие результаты были получены при оценке бега: 2,6 балла у мальчиков и 2,8 балла у девочек, однако количество грубых ошибок здесь несколько выше, чем в предыдущем тесте – 14,3% у мальчиков и 15,4% у девочек. Самое большое количество грубых ошибок было зафиксировано в метании мяча (55,1% у мальчиков и 48,7% у девочек), что может быть объяснено недостаточным вниманием со стороны педагога к технической составляющей упражнения за счет смещения акцента на точность попадания.

На формирующем этапе исследования в контрольной группе процесс физического воспитания осуществлялся в рамках реализуемой ДОО программы «От рождения до школы» под редакцией Н.Е. Вераксы [34]. Содержание физического воспитания составляли комплексы общеразвивающих упражнений, подвижные игры и игровые задания, включаемые в содержание урочных и малых форм занятий физическими упражнениями с использованием фронтального метода организации занятий.

В экспериментальной группе была апробирована методика, направленная на комплексное развитие физических способностей и закрепление жизненно важных двигательных навыков. Формирование устойчивого (кумулятивного) следового эффекта обеспечивалось за счет систематического и вариативного использования упражнений с бегом, прыжками и метаниями.

В физкультурных занятиях урочного типа в качестве методического приема использовалось облегчение условий выполнения упражнений (снижение скорости, облегчение веса снарядов, использование зрительных ориентиров). Так, обучение стартовым положениям в беге, отталкиванию в прыжках и финально-

му усилию в метаниях осуществлялось с использованием имитационных упражнений на основе основных опорных точек.

Для овладения навыками прямолинейного движения в беге упражнения выполнялись в узком коридоре; навык выпрямления опорной ноги в момент отталкивания и подъем бедра маховой ноги формировался с помощью бега через медболы диаметром 14 см, расставленные на длину шага.

В метаниях упражнения выполнялись с отведением руки с мячом в замах назад на уровне плеча. В качестве средств обучения использовались: броски мяча об стенку с последующей ловлей его, броски мяча через сетку, броски мяча в вертикальные и горизонтальные мишени; броски мяча в мишень диаметром 1 м, расположенную на высоте 2,5 м, стоя от нее на расстоянии 3 м с постепенным увеличением расстояния до 6 м и уменьшением диаметра мишени до 90 см.

Одной из задач при обучении прыжку с места было подавление перекрестной координации, лежащей в основе шагательного рефлекса, и формирование симметричной координации, необходимой при отталкивании двумя ногами. Для одновременного отталкивания двумя ногами и согласованной работы рук и ног предлагалось выполнить прыжок вверх с доставанием руками ориентира с постепенным смещением прыжка в направлении вперед-вверх; для обучения группировке в полетной фазе применялись запрыгивание на опору 25–30 см; развитию координационной способности к дифференцированию усилий способствовали прыжки с места на заданное расстояние (на 40 и 90 см в полосу приземления шириной 30 см.; с гимнастической скамейки на линии 20, 40 и 60 см.). Траектория прыжка в длину регулировалась с использованием препятствий высотой 20–25 см (легкие барьеры, резиновая лента, натянутая между стоек), расположенных перед местом отталкивания (30 см) и/или в середине полетной фазы (60 см).

В качестве закрепления освоенных навыков использовались комбинированные эстафеты и подвижные игры с элементами легкой атлетики, футбола и баскетбола, а также сюжетно-дидактической игры с элементами выполнения трудовых функций из видов профессиональной деятельности, характеризующихся высоким уровнем проявления двигательной активности (спасатели, пожарные и др.), которые включались как в урочные, так и малые формы занятий физическими упражнениями.

В зависимости от погодных условий и мест занятий в качестве средств утренней гимнастики применялись: общеразвивающие упражнения (традиционная форма); простейшие тренажеры (скамейка-степ,

координационная лестница); подвижные игры с малой, средней и высокой интенсивностью (игровая форма); бег в чередовании с ходьбой с постепенным увеличением длины дистанции до 1 000 м (оздоровительно-беговая форма). Во время прогулки включались: подвижные игры с бегом, прыжками, метаниями; игровые задания с элементами спортивных игр (мини-футбол, мини-баскетбол); задания с элементами соревнования («Дорожка препятствий»; «Веселые соревнования»; «Эстафета парами»).

В табл. 3 представлено комплексное тематическое планирование по физическому воспитанию старших дошкольников на сентябрь 2021 г.

Таблица 3

Планирование форм и средств физического воспитания старших дошкольников в режиме ДОО

Формы/средства	Дни занятий																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Физкультурные занятия урочного типа																				
Общеразвивающие упражнения	+		+		+	+		+		+	+		+		+	+		+		+
Беговые упражнения																				
Бег с высокого старта	+		+		+	+														
Бег в узком коридоре			+		+															
Бег через медболы					+	+														
Прыжки на двух ногах																				
С места через ориентир								+												
Запрыгивание на опору										+										
По отметкам											+									
С места на дальность													+							
Метание малого мяча																				
Имитационные упражнения на месте															+	+				
С места по ориентирам															+	+		+		+
Задания с элементами соревнования																				
Эстафеты с бегом						+		+												
Эстафеты с прыжками											+		+							
Метание в цель																		+		+
Подвижные игры																				
Игры с бегом	+		+		+															
Игры с прыжками								+		+										
Игры с метаниями															+	+				
Утренняя гимнастика																				
Общеразвивающие упражнения	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Подвижные игры с бегом	+							+								+				
Подвижные игры с прыжками			+							+						+				
Бег в сочетании с ходьбой на 300–800 м		+		+			+		+			+		+			+		+	
Упражнения на координационной лестнице					+						+							+		
Упражнения на степ-платформе						+							+							+
Физкультминутка																				
общеразвивающие упражнения	+					+					+					+				
подвижные игры с низкой интенсивностью		+					+					+					+			
дидактические игры в движении			+					+					+					+		
с использованием танцевальных движений				+					+					+					+	
Прогулка																				
Подвижные игры (с 80%-ной интенсивностью)	+		+		+	+		+		+	+		+		+	+		+		+
Игровые задания с элементами спортивных игр		+		+			+		+		+		+		+		+		+	

После завершения формирующего этапа исследования было проведено повторное тестирование. Результаты физической подготовленности представлены в табл. 4.

Наиболее значимые сдвиги в физической подготовленности отмечены в метании мяча в цель, где средний прирост в ЭГ составил 148% ($p < 0,01$) и КГ 30% ($p > 0,05$), что может быть обусловлено низкими исходными значениями показателя. В тестах, характеризующих силовую выносливость, в экспериментальной группе результаты выросли от 12,6% ($p < 0,05$) в поднимании туловища из положения лежа до 24% ($p > 0,05$) в отжимании; в контрольной группе

прирост аналогичных показателей в среднем составил 12,6% ($p < 0,05$) и 17,6% ($p > 0,05$) соответственно.

В тесте на гибкость результат улучшился на 19% в ЭГ и на 12,5% в КГ. В прыжке в длину с места значения скоростно-силовых способностей выросли на 9,4% ($p < 0,01$) в ЭГ и на 6% в КГ, однако в контрольной группе достоверные различия результатов ($p < 0,05$) были зафиксированы только у мальчиков. В остальных тестах, характеризующих общую выносливость, скоростные и координационные способности, средний прирост показателей составили 3,6% в экспериментальных и 2,3% в контрольных группах.

Таблица 4

Результаты физической подготовленности детей 6–7 лет на формирующем этапе исследования
(ЭГ: мальчики – $n = 25$; девочки – $n = 14$; КГ: мальчики – $n = 24$; девочки – $n = 19$)

Контрольные упражнения	Пол	Группа	Статистические показатели		Выполнение норм комплекса ГТО, %			
			$X \pm m$	$\Delta, \%$	золото	серебро	бронза	ниже нормы
Бег на 30 м, с	м	ЭГ	$7,02 \pm 0,08^*$	3,8	0	28	44	28
		КГ	$7,16 \pm 0,47$	3,1	0	29,7	18,9	51,4
	д	ЭГ	$7,19 \pm 0,14^*$	4	0	21,4	50	28,6
		КГ	$7,36 \pm 0,1$	3	0	10,5	31,6	57,9
Челночный бег 3×10 м, с	м	ЭГ	$10,0 \pm 0,09^*$	4,5	4	40	32	24
		КГ	$10,22 \pm 0,46$	2,2	2,7	18,9	27	51,4
	д	ЭГ	$10,41 \pm 0,13^*$	3	0	57,1	21,4	21,4
		КГ	$10,56 \pm 0,15$	1,8	4,8	33,3	14,3	47,6
Смешанное передвижение на 1000 м, с	м	ЭГ	$428,7 \pm 6,6$	3,2	0	24	44	32
		КГ	$433,2 \pm 46,7$	2,7	0	16,2	29,7	54,1
	д	ЭГ	$476,6 \pm 8,31$	3,5	0	7,1	57,2	35,7
		КГ	$475,0 \pm 5,45$	1,1	0	33,3	66,7	0
Прыжок в длину с места, см	м	ЭГ	$126,9 \pm 2,4^{**}$	9,6	12	56	32	0
		КГ	$124,4 \pm 2,96^*$	6,2	16,2	24,3	54,1	5,4
	д	ЭГ	$123,8 \pm 2,13^{**}$	9,3	7,1	7,1	85,8	0
		КГ	$120,3 \pm 2,73$	5,6	5,2	63,2	15,8	15,8
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	м	ЭГ	$8,32 \pm 0,86$	26	12	20	40	24
		КГ	$8,22 \pm 0,76$	19,8	8,1	16,2	56,8	18,9
	д	ЭГ	$6,36 \pm 0,64$	22,2	7,1	42,9	28,6	21,4
		КГ	$6,24 \pm 0,61$	15,5	5,2	52,6	21,2	21
Поднимание туловища из положения лежа, кол-во раз	м	ЭГ	$17,4 \pm 0,52^*$	11,5	0	0	20	80
		КГ	$16,9 \pm 0,82$	11,9	0	2,7	18,9	78,4
	д	ЭГ	$17,3 \pm 0,72^*$	13,8	0	21,4	21,4	57,2
		КГ	$17,0 \pm 0,63$	13,3	0	5,2	31,7	63,1
Наклон вперед, см	м	ЭГ	$3,42 \pm 0,47$	18,7	8	56	36	0
		КГ	$3,72 \pm 0,48$	12,1	10,8	51,4	35,1	2,7
	д	ЭГ	$7,4 \pm 1,04$	19,8	28,5	35,7	35,8	0
		КГ	$8,6 \pm 0,69$	13,1	36,8	52,6	10,6	0
Метание мяча в цель, кол-во попаданий	м	ЭГ	$2,12 \pm 0,19^{**}$	152	12	16	44	28
		КГ	$1,08 \pm 0,83$	21,3	0	2,7	29,7	67,6
	д	ЭГ	$1,57 \pm 0,27^{**}$	145	21,4	28,6	35,7	14,3

*Достоверность различий при $p < 0,05$; **достоверность различий при $p < 0,01$.

При сравнении полученных данных с нормами комплекса ГТО было отмечено сокращение количества результатов ниже нормы: в экспериментальной группе – на 28% у мальчиков и на 26% у девочек; в контрольной группе – на 15% у мальчиков и на 9% у девочек. При этом в экспериментальной группе количество выполнивших нормы комплекса составило от 100% в показателях скоростно-силовых способностей и гибкости до 20% в подъеме туловища из положения лежа. В контрольной группе с испытаниями комплекса ГТО успешно справились только девочки

в тесте на гибкость. В остальных испытаниях количество результатов, соответствующих нормам комплекса, варьировалось от 84% в прыжке в длину до 37% в поднимании туловища из положения лежа у девочек и от 94% в прыжке в длину до 33% в метании мяча у мальчиков.

Оценка двигательных навыков в контрольной и экспериментальной группах также выявила положительные сдвиги, которые выразились в снижении количества грубых ошибок и сокращении общего числа ошибок (табл. 5).

Таблица 5

Результаты оценки двигательных навыков детей 6–7 лет на формирующем этапе исследования
(ЭГ: мальчики – $n = 25$; девочки – $n = 14$; КГ: мальчики – $n = 24$; девочки – $n = 19$)

Тест	Пол	Группа	Оценка $X \pm m$	Количество ошибок	Соотношение ошибок, %		
					грубые	существенные	незначительные
Бег на 30 м	м	ЭГ	$3,42 \pm 0,17^*$	35	8,6	57,2	34,3
		КГ	$2,87 \pm 0,16$	59	11,9	39	49,2
	д	ЭГ	$3,42 \pm 0,18^*$	24	12,5	41,7	45,8
		КГ	$3,09 \pm 0,15$	52	13,5	32,7	53,8
Прыжок в длину с места	м	ЭГ	$3,52 \pm 0,13^*$	47	6,4	29,8	63,8
		КГ	$2,94 \pm 0,08$	57	8,7	43,8	47,5
	д	ЭГ	$3,67 \pm 0,18^*$	25	12	32	56
		КГ	$3,04 \pm 0,13$	55	10,9	34,5	54,6
Метание мяча в цель	м	ЭГ	$3,38 \pm 0,14^*$	38	27,8	48,5	23,7
		КГ	$2,83 \pm 0,08$	42	54,7	23,8	21,5
	д	ЭГ	$3,32 \pm 0,25^*$	21	28,5	38,2	33,3
		КГ	$2,73 \pm 0,08$	41	46,3	24,4	29,3

* Достоверность различий при $p < 0,05$.

Число допущенных ошибок снизилось в экспериментальной группе в среднем на 33% у мальчиков и на 30% у девочек; доля грубых ошибок – на 45 и 32% соответственно. В контрольной группе количество грубых ошибок уменьшилось на 2% у мальчиков и на 6% у девочек при снижении общего числа ошибок на 4,2% у мальчиков и на 2% у девочек. В целом, по сравнению с исходным тестированием, средняя оценка за технику выполнения двигательного действия повысилась: в экспериментальной группе – на 27,7% у мальчиков и на 28,5% у девочек; в контрольной группе – на 5,2% у мальчиков и на 5% у девочек.

Заключение. Организация в ДОО эффективного процесса физического воспитания, обеспечивающего формирование у детей необходимого объема знаний, базовых двигательных умений и навыков, а также достаточного уровня развития физических способностей, является одним из факторов успешной адаптации детей к школе. Предложенная методика, в основу которой был положен комплексный подход к формированию базовых двигательных навыков и физических способностей у детей старшего дошкольного возраста, доказала свою эффективность. Использование при решении образовательных задач методических приемов облегчения условий выполнения, а также регулярное включение в различные формы занятий отдельных элементов бега, прыжков и метаний позволило испытуемым ЭГ в среднем на 31% снизить общее количество ошибок, на 38% сократить количество грубых ошибок и в целом существенно ($p < 0,05$) повысить уровень техники выполнения двигательных действий.

Используемые в процессе занятий физические упражнения оказали положительное влияние на пока-

затели физической подготовленности. У детей экспериментальной группы количество результатов, соответствующих нормам комплекса ГТО, увеличилось на 28% у мальчиков и на 26% у девочек, составив в итоге 73 и 78% соответственно. При этом прирост показателей, характеризующих скоростные, скоростно-силовые и координационные способности, имел достоверный уровень значимости. Между тем, в испытаниях на общую и силовую выносливость значительное количество детей не смогли выполнить установленные комплексом ГТО нормативы: в поднимании туловища – 57% девочек и 80% мальчиков; в беге на 1 000 м – 32% мальчиков и 35% девочек.

Таким образом, можно заключить, что комплексное использование всех форм организации занятий физическими упражнениями в условиях дошкольной образовательной организации позволяет обеспечить необходимый объем двигательной активности, а также успешно решать широкий круг образовательных и воспитательных задач, в том числе по формированию интереса дошкольников к профессиям, предъявляющих особые требования к уровню физической подготовленности. Между тем для достижения адаптационного эффекта при развитии выносливости нагрузка должна быть продолжительной по времени и значительной по объему. В рамках организационных форм ДОО планирование такой нагрузки достаточно проблематично. Решение этого вопроса возможно при активном использовании самостоятельных форм занятий физическими упражнениями в режиме дня (совместно с родителями), а также привлечении детей к регулярным занятиям в спортивных школах и клубах.

Список источников

1. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» (с изменениями на 21.01.2019 г.). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Герасимова А.А., Криволапчук И.И., Чернова М.Б., Чичерин В.П. Физическая активность и адаптационные возможности детей 6–7 лет с разным уровнем информатизации условий жизнедеятельности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 10 (188). С. 69–78.
3. Eichinger M., Schneider S., De Bock F. Subjectively and objectively assessed behavioral, social, and physical environmental correlates of sedentary behavior in preschoolers // Journal of Pediatrics. 2018. № 199. P. 71–78. doi: 10.1016/j.jpeds.2018.04.011
4. Вязова Л.С., Солнцева А.В., Сукало А.В., Дашкевич Е.И. Влияние средовых и метаболических факторов на развитие избыточной массы тела и ожирения у детей дошкольного возраста // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского, 2011. Т. 90, № 6. С. 18–22.
5. Митрофанова Г.Н., Полевкина Е.В., Шмидт М.Р. Влияние физкультурно-оздоровительной работы на коррекцию нарушений осанки у старших дошкольников // Научный поиск. 2019. № 1. С. 56–58.
6. Стародубцева И.В., Завьялова Т.П. Изучение особенностей физической подготовленности и умственного развития детей 6–7 лет с избыточной массой тела и ожирением // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 211–218.
7. Жомин К.М. Влияние различных видов организованной двигательной активности на морфофункциональные и психофизиологические показатели мальчиков 6–7 лет // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 7 (185). С. 131–136.
8. Burkart S., Roberts J., Davidson M.C., Alhassan S. Behavioral effects of a locomotor-based physical activity intervention in preschoolers // Journal of Physical Activity and Health. 2018. Vol. 15 (1). P. 46–52. doi: 10.1123/jpah.2016-0479
9. Сосуновский В.С., Сухоставская К.В., Вережкина Е.О. Взаимосвязь компонентов кинезиологического потенциала дошкольников 5–6 лет // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 191–194.
10. Борисова М.М. Дополнительные программы по физическому воспитанию дошкольников // Современное дошкольное образование. 2009. № 6. С. 20–25.
11. Мухина М.П. Формирование двигательных способностей детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях комплексного физического воспитания // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2017. № 3. С. 14–19.
12. Сосуновский В.С., Загребская А.И., Акинина М.Д., Радаева С.В. Организация физического воспитания дошкольников в педагогической системе М. Монтессори // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 182–189.
13. Бутырская Е.В., Егорова Ю.А. Технология развития физических качеств старших дошкольников в системе ДОУ // Аксиологические проблемы педагогики. 2021. № 12. С. 5–12.
14. Болдырева В.Б., Кузьменко М.В., Кейно А.Ю., Богданов М.Ю. Развитие физических качеств у дошкольников на занятиях ритмической гимнастикой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 181. С. 104–112.
15. Шепеленко С.А., Куликова М.В. Применение средств функционального тренинга в физическом воспитании детей старшего дошкольного возраста // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2022. № 8. С. 42–50.

16. Driediger M., Truelove S., Johnson A.M., Vanderloo L.M., Timmons B.W., Burke S.M., Irwin J.D., Tucker P. The impact of shorter, more frequent outdoor play periods on preschoolers' physical activity during childcare: a cluster randomized controlled trial // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16 (21). P. 4126. doi: 10.3390/ijerph16214126
17. Coe D.P. Means of optimizing physical activity in the preschool environment // *American Journal of Lifestyle Medicine*. 2020. Vol. 14 (1). P. 16–23. doi: 10.1177/1559827618818419
18. Ошкина А.А. Ранняя профориентация старших дошкольников посредством сюжетно-дидактических игр // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2021. Т. 16, № 2. С. 50–58.
19. Лях В.И. Развитие координационных способностей у дошкольников. М. : Спорт, 2019. 128 с.
20. Кузнецова Ж.В. Развитие ловкости у детей старшего дошкольного возраста с использованием игровых упражнений на физкультурных занятиях // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 5 (54). С. 22–23.
21. Капитанова Е.В., Воронин Д.М. Влияние степ-аэробики и фитбол-гимнастики на развитие координационных способностей у детей 6–7 лет // *Современные здоровьесберегающие технологии*. 2016. № 2 (3). С. 59–70.
22. Лыгина О.В. Развитие координационных способностей у дошкольников посредством сюжетно-ролевой ритмической гимнастики // *Педагогический опыт: теория, методика, практика*. 2014. № 1 (1). С. 321–324.
23. Собынин Ф.И., Некрасов А.С., Жаворонкова И.А. Методика развития координационных способностей дошкольников с элементами танцев // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. № 6 (50). С. 59–62.
24. Чернышенко Ю.К., Баландин В.А., Демидова Е.В., Соленова Р.И. Спортизация воспитания в условиях дошкольной образовательной организации детей 3–7 лет // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2016. Т. 10. С. 321–325. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56872.htm>
25. Мельникова Ю.А., Мельников Н.К. Методика физической подготовки детей дошкольного возраста, занимающихся футболом // *Человек. Спорт. Медицина*. 2017. Т. 17, № 2. С. 81–88.
26. Морозов А.М., Бахарев Ю.А., Устюхова Н.Н., Беляева М.А., Щуров С.В. Применение элементов спортивной борьбы в физическом воспитании детей старшего дошкольного возраста // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2021. № 10 (200). С. 236–241.
27. Вершинин М.А., Фионогорова Н.В., Сабуркина О.А. Физическое воспитание старших дошкольников на основе использования средств спортивных игр // *Теория и практика физической культуры*. 2017. № 6. С. 57–58.
28. Иовва О.А., Скитская Л.В., Щербаков Ю.И. Спортивные игры как стимул всестороннего физического развития ребёнка дошкольного возраста // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 5 (78). С. 65–68.
29. Платонов В.Н. Теория адаптации и резервы совершенствования системы подготовки спортсменов (часть 1) // *Вестник спортивной науки*. 2010. № 2. С. 8–14.
30. Юрий Э.А., Петрук Е.Н., Абдюков И.И. Преемственность между дошкольным и начальным общим образованием как фактор реализации комплекса ГТО в образовательной организации в системе непрерывного образования ребенка. *Вестник спортивной науки*. 2017. № 4. С. 49–54.
31. Шестакова Г.В., Черкасов В.В. Оценка физической подготовленности детей старшего дошкольного возраста на основе выполнения норм комплекса ГТО // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2021. № 6 (196). С. 373–377.
32. Синяевский Н.И., Фурсов А.В. Физическая подготовленность детей дошкольного возраста по результатам выполнения нормативов первой ступени комплекса ГТО // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 4 (55). С. 66–70.
33. Карпов В.Ю., Козьяков Р.В., Сибгатулина Ф.Р., Алиходжин Р.Р., Федорова Т.Ю. Оценка готовности детей 6–7 лет к освоению нормативных требований ГТО в условиях детского дошкольного учреждения // *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. 2019. № 2 (168). С. 192–196.
34. От рождения до школы. Инновационная программа дошкольного образования / под ред. Н.Е. Вераксы, Т.С. Комаровой, Э.М. Дорофеевой. 5-е изд. (инновационное), испр. и доп. М. : МОЗАИКА; СИНТЕЗ, 2019. 336 с.

References

1. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2019) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 17, 2013, No. 1155: On Approval of the Federal State Educational Standard for Preschool Education (as amended on January 21, 2019)*. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/> (Accessed: 10.01.2023). (In Russian).
2. Gerasimova, A.A., Krivolapchuk, I.I., Chernova, M.B. & Chicherin, V.P. (2020) Fizicheskaya aktivnost' i adaptatsionnyye vozmozhnosti detey 6–7 let s raznym urovnem informatizatsii usloviy zhiznedeatel'nosti [Physical activity and adaptation abilities of children aged 6–7 with different levels of informatization of the environment]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 10 (188). pp. 69–78.
3. Eichinger, M., Schneider, S. & De Bock F. (2018) Subjectively and objectively assessed behavioral, social, and physical environmental correlates of sedentary behavior in preschoolers. *Journal of Pediatrics*. 199. pp. 71–78. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2018.04.011>
4. Vyazova, L.S., Solntseva, A.V., Sukalo, A.V. & Dashkevich, E.I. (2011) Vliyanie sredovykh i metabolicheskikh faktorov na razvitie izbytochnoi massy tela i ozhireniya u detei doskol'nogo vozrasta [Influence of environmental and metabolic factors on the development of overweight and obesity in preschool children]. *Pediatrics*. 90 (6). pp. 18–22.
5. Mitrofanova, G.N., Polevkina, E.V. & Schmidt, M.R. (2019) Vliyanie fizkul'turno-ozdorovitel'noy raboty na korrektsiyu narusheniy osanki u starshikh doskol'nikov [Influence of health-improving work on correction of carrier disorders in senior preschool children]. *Nauchnyy poisk*. 1. pp. 56–58.
6. Starodubtseva, I.V. & Zavyalova, T.P. (2020) An analysis of the psychophysical development of children aged 6 to 7 with overweight and with obesity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 211–218. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/26
7. Zhomin, K.M. (2020) Vliyanie razlichnykh vidov organizovannoy dvigatel'noy aktivnosti na morfofunktsional'nyye i psikhofiziologicheskiye pokazateli mal'chikov 6–7 let [Effect of various types of organized motor activity on morphofunctional and psycho-physiological indicators of boys aged 6–7]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 7 (185). pp. 131–136.
8. Burkart, S., Roberts, J., Davidson, M.C. & Alhassan, S. (2018) Behavioral effects of a locomotor-based physical activity intervention in preschoolers. *Journal of Physical Activity and Health*. 15 (1). pp. 46–52. doi: 10.1123/jpah.2016-0479
9. Sosunovskiy, V.S., Sukhostavskaya, K.V. & Verevkin, E.O. (2018) The interrelation of the components of kinesiological potential of preschoolers aged 5 to 6. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 191–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/427/26
10. Borisova, M.M. (2009) Dopolnitel'nyye programmy po fizicheskomu vospitaniyu doskol'nikov [Additional programs for physical education of preschool children]. *Sovremennoye doskol'noye obrazovaniye*. 6. pp. 20–25.
11. Mukhina, M.P. (2017) Formirovaniye dvigatel'nykh sposobnostey detey doskol'nogo i mladshogo shkol'nogo vozrasta v usloviyakh kompleksnogo fizicheskogo vospitaniya [The formation of motor abilities of children of preschool and primary school age in conditions of comprehensive physical education]. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika*. 3. pp. 14–19.
12. Sosunovskiy, V.S., Zagrevskaya, A.I., Akinina, M.D. & Radaeva, S.V. (2021) Organization of preschoolers' physical education in the Montessori pedagogical system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 466. pp. 182–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/22

13. Butyrskaya, E.V. & Yegorova, Yu.A. (2021) Tekhnologiya razvitiya fizicheskikh kachestv starshikh doshkol'nikov v sisteme DOU [Technology of developing physical skills of senior preschoolers in preschool educational institutions]. *Aksiologicheskiye problemy pedagogiki*. 12. pp. 5–12.
14. Boldyreva, V.B., Kuz'menko, M.V., Keyno, A.Yu. & Bogdanov, M.Yu. (2019) Razvitiye fizicheskikh kachestv u doshkol'nikov na zanyatiyakh ritmicheskoy gimnastikoy [Physical qualities development of pre-school students in rhythmic gymnastics classes]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 24 (181). pp. 104–112.
15. Shepelenko, S.A. & Kulikova, M.V. (2022) Primeneniye sredstv funktsional'nogo treninga v fizicheskom vospitanii detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Use of functional training in the physical education of children of the older preschool age]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 8. pp. 42–50.
16. Driediger, M., Truelove, S., Johnson, A.M. et al. (2019) The impact of shorter, more frequent outdoor play periods on preschoolers' physical activity during childcare: a cluster randomized controlled trial. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 16 (21). pp. 4126. doi: 10.3390/ijerph16214126
17. Coe, D.P. (2020) Means of optimizing physical activity in the preschool environment. *American Journal of Lifestyle Medicine*. 14 (1). pp. 16–23. doi: <https://doi.org/10.1177/1559827618818419>
18. Oshkina, A.A. (2021) Rannaya proforiyentatsiya starshikh doshkol'nikov posredstvom syuzhetno-didakticheskikh igr [Early career guidance for older preschoolers through story-related didactic games]. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 16 (2). pp. 50–58.
19. Lyakh, V.I. (2019) *Razvitiye koordinatsionnykh sposobnostey u doshkol'nikov* [Development of coordination abilities in preschool children]. Moscow: Sport.
20. Kuznetsova, Zh.V. (2015) Razvitiye lovkosti u detey starshego doshkol'nogo vozrasta s ispol'zovaniyem igrovyykh uprazhneniy na fizkul'turnykh zanyatiyakh [Development of agility in older preschool children with the use of play exercises in physical education classes]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (54). pp. 22–23.
21. Kapitanova, E.V. & Voronin, D.M. (2016) Vliyaniye step-aerobiki i fitbol-gimnastiki na razvitiye koordinatsionnykh sposobnostey u detey 6–7 let [Development of coordination abilities in children of 6 to 7 years old with the step aerobics and fitball-gymnastics impact]. *Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye tekhnologii*. 2 (3). pp. 59–70.
22. Lygina, O.V. (2014) Razvitiye koordinatsionnykh sposobnostey u doshkol'nikov posredstvom syuzhetno-rolevoy ritmicheskoy gimnastiki [Development of coordination abilities in preschool children through story-role rhythmic gymnastics]. *Pedagogicheskiy opyt: teoriya, metodika, praktika*. 1 (1). pp. 321–324.
23. Sobyenin, F.I., Nekrasov, A.S. & Zhavoronkova, I.A. (2007) Metodika razvitiya koordinatsionnykh sposobnostey doshkol'nikov s elementami tantsev [The method of development of coordination abilities with elements of dances in preschool children]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 6 (50). pp. 59–62.
24. Chernyshenko, Yu.K., Balandin, V.A., Demidova, Ye.V. & Solenova R.I. (2016) Sportizatsiya vospitaniya v usloviyakh doshkol'noy obrazovatel'noy organizatsii detey 3–7 let [Sports education in the conditions of preschool educational organization for children of 3 to 7 years old]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*. 10. pp. 321–325. [Online] Available from: <http://e-kontsept.ru/2016/56872.htm>.
25. Mel'nikova, Yu.A. & Mel'nikov, N.K. (2017) Metodika fizicheskoy podgotovki detey doshkol'nogo vozrasta, zanimayushchikhsya futbolom [Method for physical conditioning of pre-school-age football players]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 17 (2). pp. 81–88.
26. Morozov, A.M. et al. (2021) Primeneniye elementov sportivnoy bor'by v fizicheskom vospitanii detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Application of the elements of wrestling in the physical education of older preschool children]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 10 (200). pp. 236–241.
27. Vershinin, M.A., Finogenova, N.V. & Saburkina, O.A. (2017) Fizicheskoye vospitaniye starshikh doshkol'nikov na osnove ispol'zovaniya sredstv sportivnykh igr [Team sports driven physical education of senior preschoolers]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 57–58.
28. Iovva, O.A., Skitskaya, L.V. & Shcherbakov, Yu.I. (2019) Sportivnyye igry kak stimul vsestoronnego fizicheskogo razvitiya rebenka doshkol'nogo vozrasta [On the application of sports games for the comprehensive physical development of a child of preschool age]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (78). pp. 65–68.
29. Platonov, V.N. (2010) Teoriya adaptatsii i rezervy sovershenstvovaniya sistemy podgotovki sportsmenov (chast' 1) [Adaptation theory and reserves for improvement of athletic training system (Part 1)]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 2. pp. 8–14.
30. Zyurin, E.A., Petruk, E.N. & Abdyukov, I.I. (2017) Preyemstvennost' mezhdu doshkol'nym i nachal'nym obshchim obrazovaniyem kak faktor realizatsii kompleksa GTO v obrazovatel'noy organizatsii v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya rebenka [Continuity between preschool and initial general education as a factor of implementation of the GTO complex in the educational organization in the system of continuous education of a child]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 4. pp. 49–54.
31. Shestakova, G.V. & Cherkasov, V.V. (2021) Otsenka fizicheskoy podgotovlennosti detey starshego doshkol'nogo vozrasta na osnove vypolneniya norm kompleksa GTO [Assessment of physical training of older preschool children based on the implementation of the norms of the GTO complex]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 6 (196). pp. 373–377.
32. Sinyavskiy, N.I. & Fursov, A.V. (2018) Fizicheskaya podgotovlennost' detey doshkol'nogo vozrasta po rezul'tatam vypolneniya normativov pervoy stupeni kompleksa GTO [Physical preparedness of preschool children based on the results of completing the standards of the first stage of the GTO complex]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (55). pp. 66–70.
33. Karpov, V.Yu. et al. (2019) Otsenka gotovnosti detey 6–7 let k osvoeniyu normativnykh trebovaniy GTO v usloviyakh detskogo doshkol'nogo uchrezhdeniya [Assessment of 6- and 7-year-old children's readiness for mastering GTO complex standard requirements in the conditions of a preschool institution]. *Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2 (168). pp. 192–196.
34. Veraksky, N.E. (2019) *Ot rozhdeniya do shkoly. Innovatsionnaya programma doshkol'nogo obrazovaniya* [From birth to school. The innovative program of preschool education]. Moscow: MOZAICA-SINTEZ.

Информация об авторах:

Черкасов В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

Черкасова И.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социального образования Тобольского педагогического института имени Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (Тобольск, Россия). E-mail: i.i.cherkasova@utmn.ru

Савиных Е.А. – магистрант института физической культуры Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: stud0000196704@study.utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Cherkasov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

I.I. Cherkasova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (branch) of University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: i.i.cherkasova@utmn.ru

E.A. Savinykh, master's student, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: stud0000196704@study.utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 19.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 19.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1 + 1 (091)
doi: 10.17223/15617793/488/8

Между толстовскими догмами и идеалами: мировоззрение писателя И.Ф. Наживина в 1904–1914 гг.

Ефим Владимирович Агарин¹

¹ Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Нижегород, Россия, efimagarin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция религиозно-этических и социальных взглядов писателя И.Ф. Наживина, бывшего на рубеже XIX–XX вв. последователем учения Л.Н. Толстого. Привлекая источники различных групп, автор приходит к выводу, что отречение Наживина от основных догм толстовства произошло не после революции 1917 г., а ранее – в десятилетие, предшествовавшее началу Первой мировой войны. При этом толстовские идеалы не были забыты Наживиным полностью, их отголоски присутствуют в его мировоззрении и творчестве позднего периода.

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, Л.Н. Толстой, толстовство, толстовцы, народничество, революция 1905 г., Первая мировая война

Для цитирования: Агарин Е.В. Между толстовскими догмами и идеалами: мировоззрение писателя И.Ф. Наживина в 1904–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 82–90. doi: 10.17223/15617793/488/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/8

Between Tolstoyan dogmas and ideals: The worldview of the writer Ivan Nazhivin in 1904–1914

Efim V. Agarin¹

¹ National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod Branch,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, efimagarin@mail.ru

Abstract. The author studies the evolution of religious, ethical and social views of the writer Ivan Nazhivin in 1904–1914. A few works on Nazhivin's writing touch upon his worldview only tangentially. Therefore, the dynamics of his philosophical searches is shown as simplified and stereotypic: Nazhivin, a Tolstoy's follower, breaks with previous ideals and becomes a monarchist during the Civil War. The study is aimed to present and explain a different point of view: Nazhivin gradually rejected Tolstoyism ideals a bit earlier, within the decade from pre-revolutionary 1904 to the beginning of World War I. The author uses the sources of different groups to solve this problem. Nazhivin's literary works of the beginning of the 20th century, his publicistic articles of the end of the 1900s and the beginning of the 1910s and his later memoirs of the 1930s had substantial significance. However, these sources would not allow the author to fully present the evolution of Nazhivin's worldview in terms of general historic events and the development of the Tolstoyan movement of that period. To do this, the author also uses other materials: Nazhivin's, Tolstoy's and Tolstoyans' correspondence, procedure documents of the police department, printed press articles, memoirs of those who sympathised with Tolstoyans' ideas. The results of the study are given in a problem and chronological order. In 1904–1907, Nazhivin had first doubts in the Tolstoyan's program of self-perfection that did not comply with the atmosphere of a revolution rise. In contrast to Nazhivin's later refusal to accept the events of 1905, his attitude to the revolution was not so definite at that time. Wishing to support the changes in his own manner, the writer started to help people who refused to serve in the army and spread the knowledge of religious doctrines close to Tolstoyism. However, Nazhivin's doubts, even stronger, arose again after the revolution was defeated – in the period of an active growth of Tolstoyism. The writer's worldview crisis was amplified when he became closely acquainted with peasants and workers and then when his elder daughter tragically died in 1909. At the beginning of the 1910s, Nazhivin rejected the rationalist principles of Tolstoyan religion and narodniks' optimism of Tolstoyism sharply criticising the moral views of Russian people and intellectuals; Nazhivin's former comrades were also hard hit. The writer then gave up vegetarianism and attempts to garden on his own. In the end, after World War I had started, Nazhivin did not support Tolstoyans' anti-war campaign and stroke Valentin Bulgakov back; it was his final re-

jection of Tolstoyan non-resistance. Thus, the evolution of Nazhivin's worldview was completed by 1914 with his refusal of the main religious, ethical and social principles of Tolstoyism. Nevertheless, in conclusion the author mentions that Nazhivin's devotion to Tolstoyism left its marks on him. It is not difficult to find the echo of Tolstoyan ideals in his later literary works; they came in full force in his historiosophic ideas of the 1920s–1930s.

Keywords: Ivan Nazhivin, Leo Tolstoy, Tolstoyism, Tolstoyans, Narodniks, Russian revolution of 1905, World War I

For citation: Agarin, E. V. (2023) Between Tolstoyan dogmas and ideals: The worldview of the writer Ivan Nazhivin in 1904–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 82–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/8

Писателю И.Ф. Наживину не повезло по крайней мере трижды. В начале XX в. он стал последователем религиозно-этического учения Л.Н. Толстого. Критикуя государство, церковь, социальное неравенство и исповедуя ненасилие, толстовцы оказывались между молотом и наковальней, так как выступали противниками и угасавшего царского режима, и приобретающего размах революционного движения. Испытав ужас от событий, последовавших вслед за Октябрьской революцией, Наживин присоединился к Белому движению. Так он снова принял сторону проигравших. После поражения белых Наживин эмигрировал, но и теперь, поселившись в Брюсселе, остался в одиночестве. Наживин разочаровался в русских эмигрантах, критиковал и высмеивал их идеалы и образ жизни. Один из них заметил, что Наживину удалось объединить всю русскую эмиграцию общим чувством ненависти к себе [1. С. 576]. Возможно, уместнее говорить вовсе не о невезении Наживина, а о его выборе – категорическом неприятии конформизма и остром желании идти непроторенной дорогой.

Так или иначе, это отрицательно сказалось на внимании к литературному наследию Наживина. Несмотря на плодovitость писателя и широкий спектр затронутых им проблем, работ о творчестве Наживина непропорционально мало. В дореволюционный период современники писателя выступали в печати с отзывами о его произведениях, однако едва ли это внимание прессы можно назвать пристальным. Сам Наживин говорил: «Меня... отлучили – как-то тихо, безмолвно, но необыкновенно дружно, до такой степени дружно, что можно было подумать о каком-то соглашении на этот счет, которого, разумеется, не было; для этого я был слишком мал» [2. Т. 5. С. 20–21]. К тому же в подавляющем большинстве случаев редкие отзывы на произведения Наживина дореволюционного периода были скептическими – таковы рецензии А. Измайлова, М.О. Гершензона, М. Горького, И.М. Василевского [3–6].

Кратковременный всплеск внимания к Наживину произошел после публикации им «Записок о революции, 1917–1922». Реакция критиков была вновь единодушно отрицательной [1. С. 569–570], исключение составил лишь отзыв И.А. Бунина [7. С. 40]. Если не считать саркастичных рецензий Н. Мещерякова и В. Полонского начала 1920-х гг. [8–10], советское литературоведение по понятным причинам обходило творчество Наживина молчанием. Аналогичным было и отношение к нему в среде русской эмиграции. Вопреки восторженным отзывам Т. Манна и

С. Лагерлёф о романе-эпопее «Распутин», «эмигрантская критика оценивала произведения Наживина отрицательно или с иронией» [11. С. 447].

Однако в постсоветский период интерес к творчеству Наживина ощутимо и неуклонно растет. После появления в «Российской газете» 1993 г. заметки с положительными отзывами о произведениях Наживина [12] началось пробуждение интереса к его наследию. Впоследствии судьба писателя и его произведения становились темой работ В. Кудениса, В.С. Хелемендика, А.И. Михайлова, П.Н. Базанова, А.В. Посадского, В.А. Митрохина, И.А. Назарова, М. Филина, А.А. Корникова, А.В. Бакунцева, А.А. Куреньшева [13–25]. Параллельно с этим были переизданы наиболее значимые произведения писателя, что позволило широкому кругу читателей познакомиться с ними. В 2002 г. появилось первое (и единственное, насколько известно автору) полноценное диссертационное исследование творческого наследия Наживина [26]. Однако из-за отсутствия предшественников и недоступности многих материалов его автор К.В. Гаранин был вынужден сосредоточиться на исследовании исторических романов писателя. В 2016 г. появилась и первая полноценная биографическая статья о Наживине, автором которой стала Е.Н. Трубилова [1]. Безусловно, эта работа имеет неоспоримую ценность, и все же в биографии писателя по-прежнему остались белые пятна.

Как правило, в исследованиях траектория жизни Наживина предстает крайне упрощенной и схематичной, порой до абсурдности: писатель, отстаивавший «левые» (или толстовские) взгляды до Октябрьской революции, после нее будто бы резко «правее», эмигрирует и словно начинает жизнь с чистого листа. Очерченная схема не вполне соответствует действительности. Впрочем, ряд исследователей уже заметили, что Наживин начал «праветь» еще после революции 1905–1907 гг. [1. С. 558; 15. С. 600; 20. С. 13], но и они остановились лишь на констатации этого факта. Особенные сомнения вызывают два момента: будто бы решающая и безоговорочная роль революции 1917 г. в трансформации взглядов Наживина и якобы резкий и полный отказ писателя от прежних народническо-толстовских идеалов, произошедший после нее. Основная задача нашей работы – показать, что эволюция мировоззрения Наживина имела более сложный характер и происходила постепенно и в иное время – в течение десятилетия 1904–1914 гг. Напомним, что по крайней мере в это время колоссальную роль в мировоззрении Наживина играют

идеалы учения Толстого. Следовательно, на произошедшие с Наживиным перемены необходимо взглянуть не только в общеисторическом контексте, но и через призму его отношений к толстовским идеалам и к толстовскому движению в целом.

В согласии с Л.Н. Толстым. 1904–1907 гг.

«Наживин – самый правоверный толстовец. Он принял все, до чего додумался Толстой, и поклонился этой толстовской правде», – писал А. Измайлов в своей рецензии, – «тут отношения ученика, но верного и почтительного, не дерзновенного, не способного на ересь» [3. С. 3].

Действительно, на рубеже XIX–XX вв. толстовские принципы занимали доминирующее положение в мировоззрении Наживина, и его первые рассказы и повести стали попыткой изложить философское учение Толстого в художественной форме. Критика социального неравенства и государственного устройства, насилие и непотворение злу, апология простой жизни и поиск нерушимых нравственных истин – вот лишь некоторые толстовские мотивы раннего творчества Наживина. Особенно занимало писателя обличение капиталистической цивилизации, уже сложившейся в Западной Европе и формирующейся в России. Внимание Наживина было приковано к картинам разрушения патриархальной Руси и ее катастрофической урбанизации под натиском новых социальных отношений – искусственных, аморальных и разрушительных [27–31]. Антикапиталистический протест вполне соответствовал толстовскому мировоззрению, но акцент на нем стал заметным отличием работ Наживина от художественных произведений его «учителя» Л.Н. Толстого.

До марта 1904 г. Наживин жил пять лет за границей, преимущественно в Швейцарии. Здесь, пережив «духовный переворот», он утвердился в своей приверженности толстовскому учению, познакомился с другими эмигрантами-толстовцами, женился гражданским браком на А.Е. Зусман, также ставшей единомышленницей Л.Н. Толстого [32. Л. 12–15].

Судя по выпискам из писем Наживина, сделанным сотрудниками Департамента полиции, в это время писатель в полной мере разделял толстовские принципы. Например, в письме от 13 декабря 1903 г. Наживин признает важность издательской и антимилитаристской деятельности В.Г. Черткова и других единомышленников Толстого, оказавшихся в эмиграции. Он пишет, что, кроме того, в отличие от многих они заняты не «болтовней», а тем, чтобы «делая лучше себя, делать чрез это и этим самым лучше жизнь» [33. Л. 50–50 об.].

Однако уже через несколько месяцев у Наживина возникают первые сомнения в толстовском учении. 29 января 1904 г. он пишет Л.Н. Толстому о своем «разочаровании» в теории самосовершенствования и изображает в отрицательном свете толстовцев, живших в Швейцарии [34. Т. 75. С. 48]. К июню того же года эта тема в переписке Наживина с Толстым исчерпала себя. Казалось бы, Толстому удалось пере-

убедить своего корреспондента, и Наживин остался его последователем [34. Т. 75. С. 129]. Но толстовству Наживина предстояли намного более суровые испытания.

Вернувшись весной 1904 г. в Россию, Наживины решили поселиться в сельской местности. Это позволило бы писателю совмещать работу над литературными произведениями с сельскохозяйственным трудом и создавало бы благоприятную обстановку для воспитания детей. Однако поиск подходящего места занял почти пять лет. За это время Наживины успели пожить в Полтавской и Ярославской губерниях, в Москве, в селе Овсяники близ Ясной Поляны, в Финляндии, в деревне Буланово под Владимиром. Эта «кочевая» жизнь закончилась лишь в марте 1909 г. покупкой земли близ Геленджика [2. Т. 5. С. 29–177]. Фоном этих событий в жизни Наживиных стали перемены политические – революция 1905–1907 гг. и последовавшая за ними реакция.

Январь 1905 г. застал Наживиных на даче под Москвой, где они решили перезимовать в беспокойное время. Сам Наживин говорил, что первую революцию он воспринял негативно: как начало «нравственного падения русского народа», которое заставило писателя «усомниться в скором наступлении Царствия Божия» и показало, «на что может быть способен человек» [2. Т. 5. С. 24]. Было бы неверным опровергать собственные слова Наживина, и все же можно предположить, что его суждения о 1905–1907 гг. были откорректированы в соответствии с переменами в его мировоззрении, происшедшими чуть позднее. По крайней мере, настроения Наживина в 1905 г. были не столь однозначны. Например, 28 октября 1905 г. в разговоре с Толстым он защищает революционеров и либералов, называет их «самоотверженными людьми» и пытается вызвать одобрение их деятельности со стороны слушателей [35. Кн. 1. С. 439]. Да и в 1911 г. Наживин скажет об этом времени: «Хотелось что-то сделать, помочь родиться тому новому хорошему, что чулось в воздухе, верилось, что сделать это возможно» [2. Т. 5. С. 30].

Стремления быть причастным к происходящим событиям, проявить политическую активность в переломный момент истории были характерны не только для Наживина, но и для других последователей Толстого. Горько переживая аналогичные сомнения, крестьянин-толстовец П.Ф. Безверхий писал Толстому: «Откровенно скажу Вам, что я иногда завидую активным борцам против зла: в сравнении с нами, кровь их живет течет в жилах» [36. Л. 4].

Нередко ощущение «бездеятельности» непотворения приводило толстовцев к отказу от толстовского мировоззрения – так произошло, например, с Д.А. Хилковым [37], который стал эсером, и с будущим большевиком К.П. Злинченко [38. Л. 76]. Но Наживин в годы первой революции нашел иной способ содействовать рождению справедливого мироустройства, не противоречащий в явной форме толстовскому мировоззрению.

В Российской империи с конца XIX в. наблюдался рост отказов от военной службы по религиозным

убеждениям. В годы Русско-японской войны и первой революции такие отказы перестали быть редкостью. Люди, не желавшие брать в руки оружие, не всегда были толстовцами, однако единомышленники Толстого оказывали им нравственную и материальную поддержку. Наживин стал, по-видимому, первым человеком в толстовских кругах, который занялся этим на регулярной основе. Он собирал письма со сведениями об отказавшихся, хлопотал об облегчении их участи и знакомил с Толстым и его единомышленниками. Благодаря участию Наживина современники узнали о судьбах Т.С. Кошевого, А.И. Иконникова, А.Т. Дзюбы, И.М. Куртыша и многих других. Начав эту деятельность в 1906 г., Наживин за несколько лет собрал сведения о нескольких десятках отказавшихся [39]. Трудно судить о том, ставил ли писатель перед собой какие-то масштабные задачи, однако в «Яснополянских записках» упоминается, что он надеялся привлечь внимание общественности к этому стихийному антимилитаристскому движению и издать письма отказавшихся книгой [35. Кн. 3. С. 407].

Одновременно развивается интерес Наживина к альтернативным религиозным учениям. В эти годы особое внимание он уделял индийской философии и мировоззрению «ваисовцев» – поволжских татар, стремившихся «очистить» ислам и вернуться к первоначальным смыслам учения Мухаммеда [2. Т. 5. С. 140–161]. Всё это было созвучно увлечениям Толстого в последние годы его жизни – оба писателя искали и находили зерна той общей религии, которая смогла бы объединить все человечество в братскую семью. Как и Толстой, Наживин все еще верил, что «вечное просветление мысли и сердца людей» приведет к этому состоянию, названное им «теархией» [40. С. 12].

В 1907 г. выходит роман Наживина «Менэ... тэкэл... фарес...» – пожалуй, самый «толстовский» роман писателя. Произведение стало финальным аккордом этого этапа его жизни, квинтэссенцией всех толстовских идей, которым следовал Наживин с середины 1890-х гг. Уход в деревню и неприятие цивилизации, самосовершенствование и критика революционности стали основными мотивами романа [41]. Е.М. Трубилова отметила, что Толстой воспринял роман положительно [1. С. 560], но это, как ни парадоксально, не совсем так. После первого впечатления Толстой дал более взвешенную характеристику: «Напрасно роман писал. Я думаю, как роман скорее слаб, но рассуждения сильные высказывает» [35. Кн. 2. С. 385].

Вряд ли роман «Менэ... тэкэл... фарес...» задумывался автором как прощание с толстовством. В том же году выходит сборник произведений Наживина «В долине скорби». Среди них были рассказы «Золотая рота» и «В дни безумия», проникнутые сочувствием к рабочему народу и касающиеся драмы первой революции [42]. Теперь, несмотря на то, что идеи рассказов сборника в целом соответствовали принципам непротivления, Толстой заметил, что тональность сочинений Наживина несколько изменилась. В частности, Толстой обратил внимание на «отсутствие меры», «самоуверенность», а главное – на рез-

кость Наживина и его склонность к жестокому осуждению [35. Кн. 2. С. 546, 548]. Через несколько месяцев, в январе 1908 г. Толстой упрекает Наживина вновь – в «нехристианском, осудительном отношении к людям» [35. Кн. 3. С. 21]. Возможно, в этом замечании мыслителя отразилось его пронизательное предчувствие, что рамки прежних толстовских принципов для Наживина становятся слишком тесными.

Отвергая толстовские догмы. 1908–1914 гг.

Первая российская революция не разрешила наиболее острых социальных проблем. На этом фоне общее усиление религиозности, характерное для послереволюционных лет, сыграло на руку толстовскому движению: открывались вегетарианские общества, создавались новые земледельческие колонии, расширялась издательская и публицистическая деятельность толстовцев. Отказ Наживина от толстовства произошел именно в сравнительно благополучное для движения время, а не в трудные революционные годы. Это было еще одним характерным для писателя шагом, сделанным вопреки внешним обстоятельствам.

Казалось бы, этот отказ начался с небольшого эпизода, если не сказать и вовсе – с мелочи. В марте 1908 г. гражданская жена Наживина, еврейка А.Е. Зусман вынужденно приняла православие, чтобы Наживины могли узаконить свой брак. Этот поступок был продиктован практическими соображениями, прежде всего тем, что «баррикада черты оседлости» не позволяла евреям жить в деревне [2. Т. 5. С. 100–101]. Но, вероятно, компромисс с толстовскими принципами, предполагавшими непринятие крещения, стал возможен еще и потому, что прежнее мировоззрение Наживина перестало быть незыблемым. Впрочем, Толстой не проявил ни тени предубеждения, а напротив, отнесся к поступку Наживина с пониманием и поддержал их, сказав: «Поступок ваш для меня не имеет никакого значения, ни отрицательного, ни положительного... важнее всего то, чтобы не нарушать любви» [34. Т. 78. С. 84].

Сразу после этого Наживины поселились в Буланово Владимирской губернии, родном селе писателя. По-видимому, деревенская жизнь ускорила кризис мировоззрения Наживина. Про 1908 г. он вспоминал: «Уже давно зародилась в моей душе какая-то сперва очень смутная неудовлетворенность, которая все росла, росла и около этого времени стала принимать все более и более определенные формы... Моя новая религия не удовлетворяла меня. Я начал искать более тесного единения с Богом и не находил его; Бог оставался для меня какой-то прекрасной, но туманной абстракцией» [2. Т. 5. С. 196–197]. К этому же времени относится рассказ Х. Досева о Наживине, который переживает «важную внутреннюю работу», ничего «не пишет» и утверждает, что «наше самосовершенствование не дает успокоения, тогда как православие и другие веры дают успокоение» [35. Кн. 3. С. 294].

Возможно, эта «внутренняя работа» Наживина продолжалась бы еще какое-то время и могла бы иметь иные последствия. Но вслед за этим в жизни

писателя произошла драма, предопределившая переворот в его мировоззрении. Весной 1909 г. Наживины отправились на Кавказ и поселились на участке земли рядом с Геленджиком. Здесь 31 августа 1909 г. после нескольких дней мучений скончалась от скарлатины их четырехлетняя дочь Мария, Мируша. Трудно передать горе отца, горячо любившего ее. Публицистические сочинения Наживина, изданные сразу после этого, переполнены неизбывной болью об утрате, и даже в поздних воспоминаниях о Толстом «Неопалимая купина» писатель вновь скажет о ней [43. С. 231]. Очевидно, Наживин помнил о Мируше всю свою долгую жизнь.

В первую очередь Наживинным были отвергнуты прежние религиозные воззрения. «Удар был настолько сокрушителен, что свалил все мои верования. Беседы с Львом Николаевичем на эти невыносимые темы не разъясняли ничего и не успокаивали боли. Огромная храмина теархии... вся покрылась зловещими трещинами» [32. Л. 19]. Разговоры с Толстым, на которые сетует Наживин, действительно вряд ли могли утешить последнего, искавшего на этот раз эмоциональной поддержки, а не философских истин. Конечно, Толстой тоже сочувствовал ему, но добавлял, что любовь к детям «не должна превышать любви к богу» и что больно видеть, как Наживин упрекает бога, «того бога, который живет в нас, составляет основу нашей жизни» [34. Т. 80. С. 96]. Личная встреча в январе 1910 г. ничего не изменила, Наживин остался «неутешен» [35. Кн. 4. С. 155]. А 11 октября того же года между писателями произошел спор. Его предметом стали похороны Мируши, которые отец организовал по православному церковному обряду; Толстой назвал это «слабостью» и «пристрастием к внешним формам» [35. Кн. 4. С. 377]. Безусловно, эти перипетии отрицательно сказались на отношениях Наживина к учению Толстого. Кардинального разрыва с толстовством не последовало, однако кризис мировоззрения Наживина углублялся.

Отметим, что потери близких людей нередко приводили толстовцев к отказу от рационалистической толстовской «веры». Аналогичная история произошла с еще одним последователем и близким другом Толстого – В.И. Алексеевым. Потеряв дочь в октябре 1886 г., Алексеев сообщил об этом Толстому, который ответил: «Не сердитесь на меня, не о том болею, что вы потеряли дочь, а о том, что ваша любовная душа сошлась вся на такой маленькой, незаконной по своей исключительности, любви» [34. Т. 63. С. 431]. Это письмо, по-видимому, привело к отдалению Алексеева не только от Толстого, но и от принципов его учения. Если православие давало людям, пережившим утрату, надежду на посмертное воссоединение с их близкими, то толстовство оказывалось в этом бессильным. Эту мысль хорошо выразил другой толстовец – М.В. Булыгин. Он писал, что после смерти жены не нашел «утешения в понимании христианского учения Л.Н. [Толстого]», а обрел его «в молитве Церкви Православной и в общении душ живых и умерших, так же как и в учении Церкви о загробном бытии» [44. Л. 4].

Е.Н. Трубилова отмечает, что потеря Мируши стала практически единственной причиной постепенного отхода Наживина от толстовства [1. С. 558]. Представляется, что это не совсем так. Во-первых, как мы видим, кризис мировоззрения Наживина начался чуть раньше, а потеря дочери стала скорее его мощным катализатором. Во-вторых, подчеркнем, что толстовство не сводится к «вере», т.е. к религиозным принципам. Следовательно, и отречение от него должно иметь более широкий спектр проявлений.

В то же время происходит отказ Наживина от социальных принципов толстовства. Центральным моментом здесь стал пересмотр толстовской веры в народ. Казалось бы, этот пересмотр должен был начаться сразу после первой российской революции, но рассказы Наживина 1907 г. еще сохраняли долю народнического оптимизма. В полной мере совсем не толстовское осуждение народа проявится чуть позже – в «Исповеди» 1912 г. Как правило, безжалостные обличения народной жизни относятся к событиям 1909–1910 гг. По-видимому, именно переселение в сельскую местность (сначала в Буланово, а затем на Кавказ) стало причиной окончательной утраты народнической веры писателя. По его словам, города и «отхожий промысел» окончательно уничтожили крестьянскую «святую Русь» с ее нравственными идеалами, сделав погоню за богатством единственным смыслом жизни. В результате деревня «превратилась в одну сплошную дикую свалку. Дышать здесь нечем». И все же нравственный облик русского рабочего, по Наживину, еще хуже. Он до крайности эгоистичен и самолюбив, не ценит ни своего, ни чужого труда, стремится обобрать хозяина; проповедуя революционные идеи, сам мечтает стать тем же «жалким, лживым, жадным “буржуем”». Все это приводит писателя к неутешительному выводу: «Пусть в старых верованиях было много наивного, даже нелепого, даже вредного, но все же в них было и доброе. Теперь же погибло или погибает все, и наивное, и нелепое, и доброе» [2. Т. 5. С. 113, 115, 181–184, 189].

Эти наблюдения Наживина были во многом созвучны мотивам опубликованной тогда же повести «Деревня» И.А. Бунина – еще одного писателя, бывшего прежде последователем Толстого [45]. В 1918 г., еще до известного конфликта с Бунным, Наживин скажет ему: «Как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и все за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. ... И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали» [46. Т. 1. С. 171].

Не только крестьяне и рабочие были удостоены желчных характеристик Наживина. Не пощадил он и русскую интеллигенцию. Напомним, что отношение к интеллигенции было отрицательным и среди толстовцев. Но Толстой и его последователи, как правило, критиковали интеллигентов за то, что они не принимали непосредственного участия в материальном производстве и пренебрегали физическим трудом. В этом смысле наживинское обличение интеллигенции вышло на иной уровень. Наживин осуждает интеллигенцию как явление во всех ее, в том числе и народных, проявлениях – вместе с народными школа-

ми, медицинским обслуживанием, кооперацией, просвещением. «Русь поганая для меня это Русь так называемая интеллигентная, мертвая, пошлая, нудная, созданная университетами», – пишет он [2. Т. 5. С. 100, 122–123]. Порой в рассуждениях Наживина можно обнаружить отголоски идей авторов сборника «Вехи», например: интеллигенция «оторвана от народа, потому-то так и не знает его, потому-то так и беспомощна» [47], или: «Нет у народа более опасных врагов, как вы, духовно слепые вожди слепых» [2. Т. 6. С. 104].

Осуждая интеллигенцию, Наживин обрушивается с критикой на своих бывших единомышленников и лиц, близких к ним по убеждениям. Он высмеивает участников движения «на землю», организующих земельные колонии. Последователей Толстого писатель характеризует как «несчастных надорванных неверов, которые были богаты только заимствованными дерзкими идеями», а также «людьми надорванными, мучениками неосуществимых, для нас неосуществимых, религиозных идей» [2. Т. 5. С. 74–75, 89–90, 178, 199].

За этим своеобразным антитолстовским манифестом следовало отречение писателя и от других элементов прежнего мировоззрения. Непростым делом оказалось ведение хозяйства – на Кавказе у Наживина были огород, сад, пасека, птица и скот. Время от времени им приходилось нанимать помощников, что противоречило этическим убеждениям писателя. В это время он все чаще признается в дневнике, что из-за слабого здоровья оказывается «отрезанным от настоящей, серьезной работы на земле», что ему «тяжело это бремя физической слабости», и поэтому сельскохозяйственная работа не дает ему «в этих условиях полного удовлетворения» [2. Т. 6. С. 41, 69, 236]. В 1913 г. Наживин начнет подыскивать компаньонов, семейных людей, для организации соседского поселения в Средней полосе России, но эти планы не осуществляются [47–49]. В последующие годы Наживины оставят хозяйство и постепенно вновь переберутся в Буланово Владимирской губернии.

В начале 1910-х гг. «дало трещину, и серьезную» вегетарианство писателя. Он пишет, что «вегетарианцем может считать себя только тот, кто получает продукты питания не непосредственно от природы, а из вторых рук», так как «убийство живых существ [вредителей] необходимо для того, чтобы вырастить и кочан капусты, и персик». Вслед за этим, обращаясь к наблюдениям И.И. Мечникова, Наживин задается совсем не характерным для последователя Толстого вопросом: «Не вегетарианством ли надо объяснить то несомненное понижение моей духовной деятельности, которое я так несомненно замечаю теперь в сравнении с прошлым?». Затем писатель удостаивает очередным желчным комментарием пропаганду вегетарианства: действительно, убийство живого отвратительно, но «непременно надо еще наврать с три короба... как будто мы все не знаем среди вегетарианцев таких аспидов, что один вид их отравляет тебя надолго» [2. Т. 6. С. 92, 201, 352, 375].

Накануне войны ощутимо меняется отношение Наживина к антимилитаристской деятельности. В

конце 1911 г. секретарь Черткова К.С. Шохор-Троцкий начал собирать сведения об отказах от военной службы [50. Л. 61]. В феврале 1912 г. он обратился к Наживину с просьбой предоставить материалы об отказавшихся, но писатель отклонил его просьбу со словами: «Восхвалять огулом все отказы – дело несерьезное, тем более что я знаю резко отрицательное отношение к этому восхвалению со стороны самих страдавших». Полемика закончилась вмешательством А.К. Чертовой, убедившей писателя все же предоставить материалы. Тот уступил не из-за того, что передумал, а чтобы в его отказе Чертовой «не видели недобрых чувств» к ним [51. Л. 2, 8, 9]. «Надоела мне эта болтовня, – запишет Наживин в дневнике, – это легкомысленное отношение ко всему, это выбалтывание всего» [2. Т. 6. С. 221].

Финальный аккорд разрыва Наживина с бывшими единомышленниками прозвучал в 1914 г. Начало Первой мировой войны сплотило толстовцев в едином порыве – кроме прочего, они публиковали антивоенные призывы и собирали к ним подписи. Автор самого известного воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» В.Ф. Булгаков обратился к Наживину, но писатель категорически отказался поддержать толстовцев словом [52. С. 119]. Конечно, такие отказы не были редкостью среди тех, кто был близок к толстовским кругам, но отказ Наживина имел принципиальный характер. Объясняя перемену в своем мировоззрении, он писал Булгакову: «Все мы, неизвестно почему, вообразили себя христианами. Это суеверие пора разрушить. ... Я совершенно не согласен теперь, что свобода только внутри нас. Нет, я хочу свободы и внешней. ... И потому я должен бороться за эти свои неотъемлемые права человека. Довольно “неделания”, непротивления и пр.» [53. Л. 7]. Если бы биография Наживина была художественным произведением, то именно этими словами стоило бы завершить главу «Ясная Поляна». По признанию писателя, сделанному в 1935 г., это – «одна из самых важных, самых полезных, самых умильных, самых удивительных глав моей жизни» [32. Л. 15]. Дальнейшая судьба Наживина и в самом деле стала борьбой.

Наживин и толстовские идеалы Вместо заключения

И все же – действительно ли Наживин перестал быть последователем Толстого окончательно? Неужели в его мировоззрении не осталось ни единого отголоска толстовских идеалов? Разве нет хотя бы их тени и в художественных произведениях писателя позднего периода, вновь обретающих своего читателя сегодня? Вряд ли на эти вопросы можно дать здесь обстоятельный ответ, для этого требуется полноценное исследование. Однако сложно не заметить, что образ *бывшего* толстовца и эмигранта Наживина, изображаемый его редкими биографами бегло, как бы крупными мазками, вовсе не близок к реальности.

Перемены в мировоззрении Наживина уже в 1910-е гг. не были просты и однозначны. В обличительной антитолстовской «Исповеди» легко найти и

очень толстовские рассуждения. Завершается она, например, такими словами: «Я должен не переделывать мир, а помогать людям увидеть его красоту, красоту и величие, и глубокий смысл жизни, помогать им воспарить духом. Но... прежде чем исцелять людей – себя вылечить надо» [2. Т. 5. С. 277]. Или вот, в «Красных маках», писатель, размышляя об изменении своего мировоззрения, внезапно говорит: «В душе засияла новая вера, и не новая, а та же старая, но просветленная, очищенная в страданиях» [2. Т. 6. С. 170].

Может быть, именно революция 1917 г., потрясения Гражданской войны и жизнь в эмиграции похоронили толстовские воззрения Наживина, и верны ярлыки «черносотенец» и «монархист», которыми щедро снабдили его рецензенты? Такой вывод кажется не менее сомнительным, и опровергнуть его совсем нетрудно.

Дело вовсе не в том, что с начала 1920-х гг. писатель время от времени говорил о своем возвращении к взглядам «близким к старым» [53. Л. 8], а в «Автобиографии» 1935 г. заявил, что вернулся на «левые позиции» [32. Л. 67]. И даже не столько в том, что литературные замыслы, осуществленные Наживиным в 1920–1930-е гг., зародились задолго до этого, в толстовский период его творчества. «Евангелие от Фомы» 1933 г. явилось осуществлением «давнишней мечты» Наживина написать исторический роман об Иисусе Христе, высказанной в письме Толстому еще 14 января 1903 г. [34. С. 18–19]; а само произведение стало попыткой дать рациональную интерпретацию библейских событий, так знакомо и «по-толстовски» освободив этику христианского учения от мистики. Аналогичное замечание можно сделать о замысле сатиричного «Искушения в пустыне» – сюжет повести о жизни революционеров на необитаемом острове

почти в готовом виде изложен уже на страницах «Исповеди» [2. Т. 5. С. 92]. Толстовство позднего Наживина проявляется не только в постоянном возвращении к мотивам и сюжетам его раннего творчества. Невозможно не заметить, например, что его самый знаменитый роман-эпопея «Распутин» как губка вобрал в себя жизненный опыт писателя толстовского периода 1900–1910-х гг. Вследствие этого роман наполнен героями, прототипами которых были реальные последователи Толстого, и изображениями событий, вызывавшими резонанс в толстовских кругах.

Толстовские идеалы в творчестве и мировоззрении Наживина ярче всего проявлялись в ином. Их можно распознать в его историософских взглядах, запечатленных в поздних исторических романах писателя. В каком-то смысле эти взгляды являются закономерным развитием концепции о личности в истории, сформулированной Толстым еще до появления толстовства – в эпилоге «Войны и мира»; но таким развитием, которое стало возможным лишь благодаря религиозно-этическому опыту, приобретенному Наживиным в годы своих толстовских исканий. По Наживину, историческое развитие происходит не вследствие действий великих личностей; главным содержанием истории является духовно-этическое изменение простых людей. Катастрофа – это их моральный упадок, а благо – их нравственное самосовершенствование. Видимо, этот нехитрый толстовский принцип Наживин пронес через все испытания, и его прежнее толстовство не было отвергнуто, а изменилось, стало каким-то иным. Конечно, убежденным толстовцем писатель больше не был. Но, очистив свою веру от догм, Наживин сохранил в ней главное и самое для него дорогое.

Список источников

1. Трубилова Е.Н. Иван Наживин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков : в 3 т. М. : ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1, кн. 1. С. 549–591.
2. Наживин И.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Зеленая Палочка, 1912–1917.
3. Измайлов А. Толстой и его тень. «Менэ, текэл, фарес» И. Наживина // Биржевые ведомости. СПб., 1907. 9 октября. С. 3.
4. Гершензон М.О. И. Наживин. Голоса народов. Вып. 1. М., 1908 // Вестник Европы. 1908. № 7. С. 333–337.
5. Горький М. Издалека // Современник. 1912. Кн. 11. С. 51–62.
6. Василевский И.М. Ушибленный Толстым. Об исповеди Ив. Наживина // Журнал Журналов. 1915. № 21. С. 7–9.
7. Бунин И.А. Заметки [о И.Ф. Наживине] // Бунин И.А. Публицистика 1916–1953 годов. М. : ИМЛИ РАН : «Наследие», 2000. С. 40–42.
8. Мещеряков Н. Распад // Красная Новь. 1922. № 1. С. 231–237.
9. Полонский В. Русский обыватель в эпоху великой революции // Полонский В. Уходящая Русь. М., 1924. С. 56–74.
10. Полонский В. Новые похождения Ивана Наживина // Печать и революция. 1923. № 2. С. 5–12.
11. Трущенко Е. Наживин Иван Федорович // Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М. : Российская политическая энциклопедия, 1997. С. 446–448.
12. Вылцан М., Фарсоби В. «Такие глаза я видел у лемура...». О забытом русском писателе И.Ф. Наживине // Российская газета. 1993. 24 июля. С. 11.
13. Куденис В. Иван Наживин в Бельгии // Русская литература в эмиграции: 1917–1940 : в 2 кн. М. : Наследие, 1994. С. 265–271. Кн. 2.
14. Хелемендик В. Озаренный яснополянским светом // Наживин И.Ф. Душа Толстого. Неопалимая купина. Исторический роман. М. : ИТРК, 2003. С. 3–13.
15. Михайлов А.И. Наживин, Иван Фёдорович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. М. : ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. Т. 2. С. 600–602.
16. Базанов П.Н. Издательства герцога Г.Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и «Детинец» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 74–77.
17. Посадский А.В. Иван Наживин: писатель о революции // Наживин И.Ф. Записки о революции. М. : Кучково поле, 2016. С. 7–32.
18. Митрохин В.А. «Реальная политика» в действии (к вопросу об идейных воззрениях И.Ф. Наживина) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 231–233.
19. Назаров И.А. Опозиция «Норма» / «Безумие» в рассказе И.Ф. Наживина «В сумасшедшем доме» // Universum: Филология и искусствоведение : электронный научный журнал. 2016. № 1–2 (25).
20. Филин М. Судьба Ивана Наживина // Наживин И.Ф. Во дни Пушкина : в 2 т. М. : Вече, 2017. С. 12–24. Т. 1.

21. Корников А.А., Хрипунов А.С. Революция и Гражданская война 1917–1922 годов в восприятии русского интеллигента (по запискам И.Ф. Наживина) // Интеллигенция и мир. 2019. № 2. С. 51–57.
22. Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 254–275.
23. Бакунцев А.В. Антибунинский памфлет И.Ф. Наживина // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 93–118.
24. Корников А.А. Идеино-политические искания русского интеллигента в эпоху войн и революций. И.Ф. Наживин: писатель и публицист // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность : материалы XXXI Междунар. науч.-теоретической конференции. Иваново, 2021. С. 157–162.
25. Куреньшев А.А. Русская революция глазами писателя И.Ф. Наживина // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания : сб. ст. по итогам Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 330–341.
26. Гаранин К.В. Исторический роман И.Ф. Наживина: проблематика и поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2002. 242 с.
27. Наживин И. Родные картинки. М., 1900. 382 с.
28. Наживин И. Пред рассветом. М., 1902. 320 с.
29. Наживин И. Дешевые люди. Очерки и рассказы. М., 1903. 304 с.
30. Наживин И. Среди могил. Путевые наброски. СПб., 1903. 165 с.
31. Наживин И.Ф. У дверей жизни. М., 1904. 336 с.
32. Российской государственной архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 11. 76 л.
33. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. о.о. Оп. 230 (1902 г.). Д. 395. 70 л.
34. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1956.
35. У Толстого, 1904–1910. «Яснополяские записки» Д.П. Маковицкого : в 4 кн. М. : Наука, 1975.
36. РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 2. Ед. хр. 58. 16 л.
37. Мазур В.А. Хождение по мукам князя Дмитрия Александровича Хилкова // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2000. № 15. С. 75–95.
38. РГАЛИ. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 23. 230 л.
39. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 369. К. 398. Ед. хр. 3. 54 л.
40. Наживин И.Ф. Голоса народов. Вып. 1. М., 1908. 155 с.
41. Наживин И.Ф. Менэ... тэкэл... фарес... М., 1907. 525 с.
42. Наживин И.Ф. В долине скорби : сборник. М., 1907. 268 с.
43. Наживин И.Ф. Душа Толстого. Неопалимая купина. Исторический роман. М. : ИТРК, 2003. 288 с.
44. НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 11. 21 л.
45. Кучеровский Н. «Мундир» толстовства (молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX в. Калуга, 1966. С. 110–131.
46. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы : в 2 т. М. : Посев, 2005.
47. Письма в редакцию // Вегетарианское обозрение. Киев. 1913. № 8. С. 320.
48. НИОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. хр. 69. 51 л.
49. Жизнь для всех. СПб., 1913. №10. Стб. 1493–1494.
50. ГАРФ. Ф. 102. о.о. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123. 253 л.
51. НИОР РГБ. Ф. 345. К. 80. Ед. хр. 17. 9 л.
52. Булгаков В. Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг. М.: Задруга, 1922. 230 с.
53. РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 921. 66 л.

References

1. Trubilova, E.N. (2016) Ivan Nazhivin [Ivan Nazhivin]. In: Gacheva, A.G. (ed.) *Russkaya literatura 1920–1930-kh godov. Portrety prozaikov* [Russian Literature of the 1920s – 1930s. Portraits of prose writers]. Vol. 1. Book 1. Moscow: Institute of World Literature RAS. pp. 549–591.
2. Nazhivin, I.F. (1912–1917) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Zelenaya Palochka.
3. Izmaylov, A. (1907) Tolstoy i ego ten'. "Mene, tekkel, fares" I. Nazhivina [Tolstoy and his shadow. "Mene, tekkel, fares" by I. Nazhivin]. *Birzhevye vedomosti*. 9 October. P. 3.
4. Gershenzon, M.O. (1908) *I. Nazhivin. Golosa narodov. Vyp. 1. M., 1908* [I. Nazhivin. Voices of the peoples. Issue 1. M., 1908]. *Vestnik Evropy*. 7. pp. 333–337.
5. Gor'kiy, M. (1912) *Izdaleka* [From afar]. *Sovremennik*. Book. 11. pp. 51–62.
6. Vasilevskiy, I.M. (1915) *Ushiblenyy Tolstym. Ob ispovedi Iv. Nazhivina* [Bruised by Tolstoy. About the confession of Iv. Nazhivin]. *Zhurnal Zhurnalov*. 21. pp. 7–9.
7. Bunin, I.A. (2000) *Zametki [o I.F. Nazhivine] [Notes [about I.F. Nazhivin]]*. In: Bunin, I.A. *Publitsistika 1916–1953 godov* [Journalism of Years 1916–1953]. Moscow: Institute of World Literature RAS: "Nasledie". pp. 40–42.
8. Meshcheryakov, N. (1922) *Raspad* [Decay]. *Krasnaya Nov'*. 1. pp. 231–237.
9. Polonskiy, V. (1924) *Russkiy obyvatel' v epokhu velikoy revolyutsii* [Russian inhabitant in the era of the great revolution]. In: Polonskiy, V. *Ukhodyashchaya Rus' [The Passing Rus]*. Moscow: Krasnaya Nov'. pp. 56–74.
10. Polonskiy, V. (1923) *Novye pokhozhdeniya Ivana Nazhivina* [New Adventures of Ivan Nazhivin]. *Pechat' i revolyutsiya*. 2. pp. 5–12.
11. Trushchenko, E. (1997) *Nazhivin Ivan Fedorovich* [Nazhivin Ivan Fedorovich]. In: Kanischeva, N.I. (ed.) *Russkoe Zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka. Entsiklopedicheskiy biograficheskiy slovar'* [Russian Diaspora. Golden book of emigration. First third of the 20th century. Encyclopedic biographical dictionary]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. pp. 446–448.
12. Vytsan, M. & Farsobin, V. (1993) "Takie glaza ya videl u lemura...". O zabytom russkom pisatele I.F. Nazhivine ["I saw such eyes in a lemur...". About the forgotten Russian writer I.F. Nazhivin]. *Rossiyskaya gazeta*. 24 July. P. 11.
13. Kudenis, V. (1994) *Ivan Nazhivin v Bel'gii* [Ivan Nazhivin in Belgium]. In: Poltoratskiy, N.P. (ed.) *Russkaya literatura v emigratsii: 1917–1940* [Russian Literature in Emigration: 1917–1940]. Vol. 2. Moscow: Nasledie. pp. 265–271.
14. Khelemendik, V. (2003) *Ozarennyy yasnopol'yanskim svetom* [Illuminated by the light of Yasnaya Polyana]. In: Nazhivin, I.F. *Dusha Tolstogo. Neopalimaya kupina. Istoricheskiy roman* [Soul of Tolstoy. Burning bush. Historical novel]. Moscow: ITRK. pp. 3–13.
15. Mikhaylov, A.I. (2005) *Nazhivin, Ivan Fedorovich*. In: Zapevalov, V.N. (ed.) *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi* [Russian Literature of the 20th Century. Prose writers, poets, playwrights]. Vol. 2. Moscow: OLMA-Press Invest. pp. 600–602. (In Russian).
16. Bazanov, P.N. (2014) *Izdatel'stva gertsoga G.N. Leykhtenbergskogo "Grad Kitezh" i "Detinets"* [Duke G.N. Leuchtenberg Editorials Grad Kitezh and Detinets]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3. pp. 74–77.
17. Posadskiy, A.V. (2016) *Ivan Nazhivin: pisatel' o revolyutsii* [Ivan Nazhivin: a writer about the revolution]. In: Nazhivin, I.F. *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the Revolution]. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 7–32.

18. Mitrokhin, V.A. (2016) "Real'naya politika" v deystvii (k voprosu ob ideynykh vozzreniyakh I.F. Nazhivina) ["Real Politics" in action (to the question of the ideological views of I.F. Nazhivin)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2 (16). pp. 231–233.
19. Nazarov, I.A. (2016) Oppozitsiya "Norma" / "Bezumie" v rasskaze I.F. Nazhivina "V sumasshedshem dome" [Opposition "Norma" / "Madness" in the story of I.F. Nazhivin "In a madhouse"]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 1–2 (25).
20. Filin, M. (2017) Sud'ba Ivana Nazhivina [The fate of Ivan Nazhivin]. In: Nazhivin, I.F. *Vo dni Pushkina* [In the Days of Pushkin]. Vol. 1. Moscow: Veche. pp. 12–24.
21. Kornikov, A.A. & Khripunov, A.S. (2019) Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna 1917–1922 godov v vospriyatii russkogo intelligenta (po zapiskam I.F. Nazhivina) [Revolution and the Civil War of 1917–1922 in the perception of the Russian intellectual (according to the notes of I.F. Nazhivin)]. *Intelligentsiya i mir*. 2. pp. 51–57.
22. Bakuntsev, A.V. (2019) "Zleyshiy chernosotennik i tupitsa, on okonchatel'no razlozhilsya...": I.F. Nazhivin ob I.A. Bunine (1930-e gg.) ["The worst black-hundred and stupid, he finally decomposed...": I.F. Nazhivin about I.A. Bunin (1930s)]. *Literaturnyy fakt*. 1 (11). pp. 254–275.
23. Bakuntsev, A.V. (2020) Antibuninskiy pamflet I.F. Nazhivina [Anti-Bunin pamphlet by I.F. Nazhivin]. *Literaturnyy fakt*. 2 (16). pp. 93–118.
24. Kornikov, A.A. (2021) [Ideological and political searches of the Russian intellectual in the era of wars and revolutions. I.F. Nazhivin: writer and publicist]. *Intelligentsiya i intellektualy: genesis, formirovanie, razvitie, deyatel'nost'* [Intelligentsia and Intellectuals: Genesis, formation, development, activity]. Proceedings of the 21st International Conference. Ivanovo. 23–24 September 2021. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 157–162. (In Russian).
25. Kurenshev, A.A. (2017) [The Russian revolution through the eyes of the writer I.F. Nazhivin]. *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i problemy prepodavaniya* [The Great Russian Revolution of 1917: Problems of history and problems of teaching]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 24–25 April 2017. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 330–341. (In Russian).
26. Garanin, K.V. (2002) *Istoricheskiy roman I.F. Nazhivina: problematika i poetika* [Historical novel by I.F. Nazhivin: problems and poetics]. Philology Cand. Diss. Astrakhan.
27. Nazhivin, I. (1900) *Rodnye kartinki* [Native Pictures]. Moscow: t-vo skoropech. A.A. Levenson.
28. Nazhivin, I. (1902) *Pred rassvetom* [Before Dawn]. Moscow: tipo-lit. "Rus. t-va pechatnogo i izd. Dela".
29. Nazhivin, I. (1903) *Deshevye lyudi. Ocherki i rasskazy* [Cheap People. Essays and stories]. Moscow: D.P. Efimov.
30. Nazhivin, I. (1905) *Sredi mogil. Putevye nabroski* [Among the Graves. Travel sketches]. Saint Petersburg: tipo-lit. "Rus. t-va pech. i izd. dela".
31. Nazhivin, I.F. (1904) *U dverey zhizni* [At the Door of Life]. Moscow: tipo-lit. "Rus. t-va pechatnogo i izd. Dela".
32. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 1115. List 4. Item 11. 76 p. (In Russian).
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. o.o. List 230 (1902). File 395. 70 p. (In Russian).
34. Tolstoy, L.N. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury.
35. Makovitskogo, D.P. (1975) *U Tolstogo, 1904–1910. "Yasnopolyanskije zapiski"* [At Tolstoy's, 1904–1910. Yasnaya Polyana Notes]. Moscow: Nauka.
36. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 508. List 2. Item 58. 16 p. (In Russian).
37. Mazur, V.A. (2000) Khozhdenie po mukam knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Khilkova [Walking through the torments of Prince Dmitry Alexandrovich Khilkov]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 75–95.
38. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 217. List 1. Item 23. 230 p. (In Russian).
39. Russian State Library Manuscript Department (NIOR RGB). Fund 369. Box 398. Item 3. 54 p. (In Russian).
40. Nazhivin, I.F. (1908) *Golosa narodov* [Voices of the Peoples]. Vol. 1. Moscow: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
41. Nazhivin, I.F. (1907) *Mene... tekel... fares...* [Mene... tekel... fares...]. Moscow: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
42. Nazhivin, I.F. (1907) *V doline skorbi* [In the Valley of Sorrow]. Moscow: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
43. Nazhivin, I.F. (2003) *Dusha Tolstogo. Neopalimaya kupina. Istoricheskiy roman* [Soul of Tolstoy. Burning bush. Historical novel]. Moscow: ITRK.
44. Russian State Library Manuscript Department (NIOR RGB). Fund 345. Box 26. Item 11. 21 p. (In Russian).
45. Kucherovskiy, N. (1966) "Mundir" tolstovstva (molodoy I.A. Bunin i tolstovstvo) ["Uniform" of Tolstoyism (young I.A. Bunin and Tolstoyism)]. In: Kucherovskiy, N. (ed.) *Iz istorii russkoy literatury XIX v.* [From the History of Russian Literature of the 19th Century]. Kaluga: [s.n.]. pp. 110–131.
46. Milita, G. (ed.) (2005) *Ustami Buninykh. Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy* [Through the Lips of the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]. Moscow: Posev.
47. Vegetarianskoe obozrenie. (1913) Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the Editor]. *Vegetarianskoe obozrenie*. 8. P. 320.
48. Russian State Library Manuscript Department (NIOR RGB). Fund 435. Box 96. Item 69. 51 p. (In Russian).
49. *Zhizn' dlya vseh*. (1913). 10. Columns 1493–1494.
50. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. o.o. List 240 (1910). File 123. 253 p. (In Russian).
51. Russian State Library Manuscript Department (NIOR RGB). Fund 345. Box 80. Item 17. 9 p. (In Russian).
52. Bulgakov, V. (1922) *Opomnites', lyudi-brat'ya! Istoriya vozzvaniya edinomyshlennikov L.N. Tolstogo protiv mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [Come to Your Senses, Brothers! The history of the appeal of like-minded people L.N. Tolstoy against the World War 1914–1918]. Moscow: Zadruha.
53. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 2226. List 1. Item 921. 66 p. (In Russian).

Информация об авторе:

Агарин Е.В. – канд. ист. наук, старший преподаватель Департамента социальных наук Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегород, Россия). E-mail: efimagarin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Agarin, Cand. Sci. (History), senior lecturer, National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod Branch (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: efimagarin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2022;
одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 06.08.2022;
approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 31.03.2023.

Научная статья
УДК 81-22; 811.111
doi: 10.17223/15617793/488/9

Английские прилагательные со значением размера: когнитивные модели формирования словосочетаний

Марина Борисовна Антонова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
mbantonova@hse.ru

Аннотация. С когнитивной точки зрения анализируются языковые системные факторы, обуславливающие различия в лексической сочетаемости английских параметрических прилагательных *ample*, *extended*, *expanded*, *wide* и *broad*. Выдвигается гипотеза о том, что сочетаемостные возможности данных прилагательных обусловлены глубинными, когнитивными моделями, лежащими в основе их семантики. Показано, что эти модели наследуются прилагательными у своих этимонов. Рассматриваются коллокации, включающие обозначения как материальных референтов, так и абстрактных понятий.

Ключевые слова: когнитивная модель, образ-схема, прилагательное, лексическая сочетаемость, этимон, английский язык

Для цитирования: Антонова М.Б. Английские прилагательные со значением размера: когнитивные модели формирования словосочетаний // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 91–100. doi: 10.17223/15617793/488/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/9

English parametric adjectives: Cognitive models of forming collocations

Marina B. Antonova¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
mbantonova@hse.ru

Abstract. This article analyses, from the cognitive perspective, the language system factors that account for lexical compatibility of the English parametric adjectives *ample*, *extended*, *expanded*, *wide* and *broad*. The analysis considers the adjectives with reference to both material objects and abstract concepts. The attribute collocations were gathered from the British Nation Corpus and total to 4,000. The author hypothesizes that their compatibility is governed by the deep, cognitive models underlying the semantics of these adjectives. Given the intricate genesis of the adjective, it is supposed that the regularities of adjective compatibility should be sought not at the semantic, but at a deeper, conceptual level, by modeling the image-schemas through which the parameters of diverse objects were interpreted. To model image-schemas, the adjective etymology is taken into consideration. According to this study, image-schemas are inherited from the adjective etymons and reflect the speculative vectors of the quality spread. In particular, *wide* goes back to the PIE root *wi- ‘apart, away, in half’. In terms of three-dimensional space, this parameter is measured along the Y axis (the location to the right or left of the observer). The general idea of being located at some distance from each other (‘apart, away’) makes it possible to use *wide* in relation to vertically measured objects, e.g., for eyes. Etymological dictionaries fail to discriminate the meanings of *wide* and *broad* (from the PGerm root *braidi-). However, there exists a discrepancy in their schemas of quality evaluation: while *wide* estimates how far the extreme points of an object are from each other, *broad* evaluates the distance enclosed between the extreme points of an object, which is directly related to the container concept. Therefore, objects that can be treated in terms of the container are described as *broad* (*shoulders*, *chest*, *bosom*); if it is not the container concept that is important, but the idea of linear extension, *wide* is used (*trousers*, *sleeves*). The adj. *extended* (from PIE *ten- ‘to stretch’) also implies the parameter estimate along the Y axis, but, in contrast to *wide*, this estimate indicates some increase of the quality limits compared to their previous measurement. *Expanded* goes back to PIE *pete- ‘to spread’; the action “spread” implies an increase in the area occupied by the object, i.e. the distance from the center of the object to its borders increases radially. The adj. *ample* originates from PIE *am- / mē- ‘to grab’; the action “grab” is closely connected with the subsequent actions “hold” and “contain”. The inner space of a container-object is estimated regardless its previous parameters. As for abstract concepts, the same abstract concept can be interpreted in several ways, which accounts for attribution of parametric characteristics. For instance, *a dispute* can be viewed as developing linearly in time, hence it would be described as *extended*; besides, *a dispute* can be seen as a container, thus being characterized as *ample*. The BNC statistics show that the length estimation of objects along the horizontal axes dominates over the estimation of the occupied area and space.

Keywords: cognitive model, image-schema, adjective, lexicological compatibility, etymon, English

For citation: Antonova, M.B. (2023) English parametric adjectives: Cognitive models of forming collocations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 91–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/9

Введение

На первый взгляд, проблема сочетаемости слов при формировании словесных цепочек в процессе создания текста не кажется сложной с лингвистической точки зрения, особенно когда речь идет о сочетании существительных и прилагательных. Очевидно, что здесь, прежде всего, действуют простые логические закономерности, лежащие в основе описания объекта и его характеристик. Тем не менее этот аспект функционирования лексических единиц всегда привлекал внимание исследователей, в частности, в отечественной структурной лингвистике качественные прилагательные часто рассматривались с точки зрения взаимной сочетаемости прилагательного с существительным, например семантическая классификация рациональных прилагательных А.Н. Шрамма основывается на их сочетаемости [1].

Изучая проблему сочетаемости, Ю.Д. Аперсян выделил два типа сочетаемости: лексическую – не мотивированную, не поддающуюся объяснению, и семантическую, мотивированную семантическими признаками слова [2. С. 61]. Эта идея была развита в когнитивном исследовании адъективных сочетаний русского языка, в котором представлена шкала композиционной семантики: на ее полюсах располагаются сочетания, значения которых полностью выводимы и абсолютно не выводимы из суммы значений компонентов сочетания, а промежуточное положение занимают адъективные конструкции с частично мотивированным значением [3].

А. Вежибицкая, напротив, полагает, что сочетаемостные ограничения могут быть «предсказаны» для любого слова, поскольку они мотивируются семантикой этого слова [4]. Аналогичной точки зрения придерживается Е.В. Рахилина в своем исследовании сочетаний с прилагательными цвета, размера и температуры в русском языке, доказывая, что сочетаемость «мотивирована содержательными, т.е. семантическими свойствами» языковых единиц, а запреты на сочетаемость в разных языках обусловлены «различиями в национальных картинах мира» [5. С. 12, 120]. Ср.: *пустующий дом* и **пустующая бутылка*, **пустующая банка* [6. С. 900], рус. *черствый хлеб* и англ. *stale bread* [7. С. 111].

Немало вопросов вызывают различия в сочетаемостных возможностях синонимичных прилагательных. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что проблема синонимии постоянно находится в центре внимания лингвистов, занимающихся лексической семантикой. Существование абсолютных синонимов вызывает серьезные и обоснованные сомнения и, даже допуская это явление, исследователи особо подчеркивают кратковременность сосуществования таких единиц в языке [8. Р. 29–42; 9. Р. 448; 10. Р. 270]. Л. Блумфильд доказывал невозможность абсолютной синонимии языковых знаков, говоря о том, что фонематически различные формы предполагают их различное содержание, например, каждое слово в синонимическом ряду *quick, fast, swift, rapid, speedy* «отличается от всех остальных какими-то постоянными и

общепопнятными оттенками значения» [11. С. 148]. В то же время, наличие слов, близких по значению, т.е. различающихся каким-либо компонентом своего лексического значения – денотативным, коннотативным или прагматическим, признается по отношению ко всем языкам. В зарубежной лингвистике иногда термином «synonym» обозначают абсолютные синонимы, а близкие по значению единицы называют near-synonyms [12–14].

Поскольку синонимы репрезентируют один и тот же концепт, вполне закономерно возникает вопрос, какой синоним предпочесть в том или ином случае. Носители языка, не задумываясь, интуитивно выбирают нужное слово из синонимического ряда для передачи желаемого смысла и, следуя нормам речи, используют верный синоним в сочетании с тем или иным словом. Однако для изучающих иностранный язык выбор синонима достаточно затруднителен. Не случайно поэтому уровень владения иностранным языком оценивается, в частности, по тому, насколько правильно выбран синоним из существующего синонимического ряда, а также по тому, насколько правильно строятся словосочетания для данного лингвистического контекста. Тем, для кого данный язык не является родным, принятые в нем нормы лексической сочетаемости нередко кажутся необъяснимыми и вызывают удивление, в том числе то, что употребление каждого конкретного синонима ограничено определенными коллокациями, и возникает вопрос: «Почему мы так говорим?». И действительно, сочетаемость синонимов в английском языке обычно значительно различается, на что впервые обратил внимание Ф.Р. Палмер, изучая прилагательные с общим значением «rotten, spoiled» «протухший, испорченный». Так, *addled* используется только по отношению к маслу и бекону, в то время как *rancid* – по отношению к яйцам, а *sour* – по отношению к молоку (*addled eggs; rancid bacon, butter; sour milk*) [15. Р. 62, 95–96].

Принимая во внимание, что системные причины совпадений/различий в сочетаемости синонимичных прилагательных в английском языке пока остаются малоизученными, обращение к этой проблеме представляется, несомненно, важным. В данной статье предлагается анализ сочетаемости английских параметрических прилагательных *ample, extended, expanded, wide* и *broad*, образующих группу идеографических синонимов. Мы выдвигаем гипотезу о том, что сочетаемостные возможности прилагательных обусловлены глубинным, концептуальным основанием их семантики. Анализ сочетаемости проводится на синхронном уровне. Атрибутивные коллокации получены путем сплошной выборки из Британского национального корпуса (British National Corpus – BNC), их общее число составляет 4 тыс. единиц.

Обзор литературы

Особое внимание в лингвистических исследованиях уделяется базовым, универсальным признакам, вычленяемым человеческим сознанием. К ядерным, универсальным семантическим группам (core semantic

types) на основании типологического анализа Р. Диксон относит прилагательные, обозначающие размер, возраст, оценку и цвет (Dimension, Age, Value, Colour). Ядерные значения имени прилагательного, в отличие от периферийных, получают языковое воплощение как в языках, располагающих обширной и открытой категорией адъективных имен, так и в языках с малым числом адъективов [16. Р. 3–5].

Однако, несмотря на универсальность вычленения этих признаков, в различных языках прилагательные, их обозначающие, могут иметь различную референтную отнесенность и, соответственно, различную сочетаемость, обусловленную лингвоспецифическими факторами. В частности, в языках могут не совпадать параметры измерения одного и того же объекта. Так, проанализировав сочетаемость прилагательных *tall* и *high*, Дж. Тейлор заключил, что их употребление регулируется референтной отнесенностью к человеку, животному или неодушевленному объекту, причем эта зависимость не является безусловной, поскольку зафиксировано около 25% случаев применения *tall* по отношению к неодушевленным объектам или животным. По мнению Дж. Тейлора, в большинстве случаев синонимы не имеют жестко разграниченных сфер употребления и могут быть взаимозаменяемыми в некоторых контекстах употребления [12, 17]. Дополнительные статистические сведения и более подробное описание сочетаемости прилагательных *tall* и *high* были предложены в диссертационном исследовании Т.А. Симонян [18].

В свою очередь, исследование прилагательных русского языка, в частности, прил. *длинный* и *высокий*, выявило тесную взаимосвязь признаков размера и формы, непосредственно влияющую на построение коллокаций [2. С. 58–59].

В работах М. Бирвиша и Э. Ланга показано, что помимо формы при выборе характеристик *high*, *deep*, *thick*, *wide* и *long* принципиальное значение имеет соотношение всех параметров трехмерного измерения – высоты, ширины и глубины объекта. Для прилагательных размера моделируются схемы ментальных репрезентаций объекта в пространстве, которые включают перцептивное восприятие объекта, способ концептуализации осознаваемых признаков объекта и лексико-грамматическое воплощение этих признаков в языке [19–21].

Вопрос о том, по какому принципу в языке материальным объектам приписываются различные параметры (*tall*, *high*, *deep*, *thick*, *wide*, *long* и др.), также рассматривался с применением междисциплинарного подхода, основанного на принципах когнитивной семантики и компьютерной лингвистики. С использованием языка программирования Prolog была специально разработана программа OSKAR (Object-Schemata zur Konzeptuellen Analyse Räumlicher Objekteigenschaften), которая позволила, в частности, составить список ограничений на сочетаемости английских и немецких прилагательных с названиями трехмерных объектов, а также установить, что сочетаемость зависит от ориентации объектов в пространстве и, соответственно, подразделить их на четыре подкласса, а именно: объекты с фиксированной, канонической, имманентной и контекстуальной ориентацией [22].

Употребление прилагательных в ряде случаев полагается гендерно обусловленным, что было показано на примере анализа устного научного дискурса. В частности, оказалось, что в речи мужчин прилагательные *pretty* (adv), *lovely* и *marvelous* встречаются чаще, чем в речи женщин, в то время как прилагательные *cute*, *different*, *important* и *big* более типичны для женщин [23]. На основании статистических подсчетов выявлялись наиболее частотные синонимичные прилагательные в текстах массмедиа, посвященных описанию туристических мест [24]. Кроме того, частотность качественных прилагательных рассматривалась в узусе употребления разными возрастными группами, а также теми, для кого английский язык является неродным [25].

Сочетаемость градуальных прилагательных *big*, *long* и *loud* также объяснялось с точки зрения их принадлежности к так называемой обобщенной системе величин (generalized magnitude system) [26].

Регулярные связи синонимичных прилагательных также анализировались с привлечением данных из языковых корпусов, в частности, на основе Британского национального корпуса рассматривалось употребление прилагательных *specific* и *particular* в научном дискурсе. Исследование показало, что более частотным является прилагательное *specific*, оно обладает более свободной сочетаемостью и именует контекстуально обусловленный, а не универсальный признак [27].

Однако, как известно, с течением времени и узус употребления, и номинативная область прилагательных могут претерпеть некоторые изменения, а также может измениться распределение по частотности употребления в группе синонимичных прилагательных. Подобные изменения, касающиеся других прилагательных английского языка, зафиксированы в исследованиях, проведенных в рамках корпусной лингвистики, позволяющей на больших текстовых массивах проследить употребление лексических единиц. В частности, опираясь на данные диахронного корпуса американского варианта английского языка (Corpus of Historical American English – COHA), Д. Петтерсон-Траба рассматривает группу синонимов, соотносимых с концептом SWEET-SMELLING – *fragrant*, *perfumed*, *scented*, *sweet-smelling*, охватывая период с 1850 по 2009 г. [14]. Результаты исследования показали, что с течением времени произошло изменение содержания концепта: если изначально качество «благоухающий, обладающий приятным ароматом» связывалось только с естественными объектами, обладающими приятным запахом по своей природе (напр., plants, sea), то в настоящее время это качество также приписывается искусственным объектам (напр., oils, shampoos, clothing). Также было установлено, что указанные прилагательные сочетаются с существенными девяти категориями, такими как «Food and Drink», «Plants and Flowers», «Body», «Matter», «Textile and Clothing» и др. Кроме того, зафиксировано изменение в частотности употребления синонимов, репрезентирующих данный концепт: ранее наиболее частотные прил. *fragrant* и *perfumed* постепенно уходят на вто-

рой план и наблюдается преобладание прил. *scented*, которое применяется для обозначения качества как естественных, так и искусственных объектов; также возросла частотность прил. *sweet-smelling*.

Однако лингвисты отмечают, что функционирование синонимов в различных языках требует дальнейшего и более детального изучения [13, 23, 28]. В частности, вопрос о том, какие внутренние, системные причины в английском языке влияют на референциальные связи прилагательных.

Методика анализа

Реконструируя ход оформления языковых единиц, лингвисты высказывали мысль о том, что первичным понятием как языка, так и мышления являлось понятие события и выражающее его высказывание (может быть, и однословное) [29–31; 32. С. 308]. Эту точку зрения подтверждают и данные психологии, свидетельствующие о том, что мысль высказывания запоминается независимо от входящих в него слов [33. С. 248–249] (ср. также: [34. С. 15]). Таким образом, изначальной единицей языка являлось не имя-ярлык, а синкрет, или холофразема, интегрировавшая значения и функции глагола и существительного. Постепенно из холофраземы выделились глагол и предметное имя, а уже из последнего выделилось прилагательное – обозначение более абстрактного, отвлеченного от предмета, признака [32. С. 413; 35; 36. С. 210; 37. С. 279].

Учитывая такой сложный генезис прилагательного, мы полагаем, что объяснение закономерностей сочетаемости английских параметрических прилагательных следует искать не на семантическом, а на более глубоком, концептуальном уровне, моделируя образ-схемы, посредством которых интерпретировались параметры разнообразных объектов. Образ-схемы не только наглядно представляют «пространственные связи и взаимодействия конкретных объектов, они же являются... донорской зоной для абстрактных ситуаций» [5. С. 379]. Сочетаемостные возможности анализируемых прилагательных *ample*, *extended*, *expanded*, *wide* и *broad* с течением времени стали более разнообразными, что свидетельствует о расширении номинативных областей этих прилагательных, поэтому обращение к образ-схемам поможет установить, как в английской лингвокультуре представляются размерные характеристики материальных референтов и как осознаются в параметрическом плане те или иные абстрактные понятия. Моделирование образ-схем прилагательных мы проводим с учетом данных об этимологии прилагательных. Таким образом, исследование включает два этапа: 1) анализ этимологических сведений о каждом изучаемом прилагательном и моделирование образ-схем; 2) анализ сочетаемости прилагательных на основании данных Британского национального корпуса (British National Corpus – BNC) с учетом информации, полученной на первом этапе.

Результаты и дискуссия

Прилагательные *ample*, *extended*, *expanded*, *wide* и *broad* появились в английском языке в разное время и

имеют разные источники возникновения: *ample*, *extended* и *expanded* заимствованы из латыни через старофранцузский в XV–XIX вв.; прилагательные *wide* и *broad* относятся к исконно-английскому пласту лексики, их возникновение датируется древнеанглийским периодом.

Согласно этимологическим данным прил. *wide* ‘широкий’ в др.-а. период имело значение ‘vast, broad, long’; слово восходит к протогерм. **widaz*, образованному от праинд.-евр. **wi-ito*, от корня **wi-* ‘apart, away, in half’ [38]. Данный корень передает идею разделения объекта на две части, пополам (‘in half’). Разделение на две части подразумевает их расположенность на некотором расстоянии друг от друга; это расстояние может быть принято за условную меру измерения удаленности двух точек друг от друга. Поскольку обычно в повседневной практике пополам делят горизонтально расположенные предметы (ломают, разрезают, разрубают, рассекают), то измеряется расстояние между правой и левой частями одного предмета, в частности, оценивается превышение среднего, ожидаемого расстояния. Именно эта признаковая характеристика обозначается прил. *wide*, причем размер объекта фиксируется безотносительно его предыдущих состояний. В координатах трехмерного пространства можно сказать, что характеристика *wide* измеряется по оси Y (расположенность справа – слева от наблюдателя), в отличие от измерения по оси X (направление от наблюдателя к горизонту), что видно в следующем примере, где оцениваются размеры страны по оси Y (*wide*) и по оси X (*far*): *It has to be remembered that Britain of the 1920s was not a land of milk and honey. To be sure, we had a great Empire – we British had conquered far and wide* (BNC). Вполне закономерно признак «широкий» выделяется у горизонтально ориентированных объектов, имеющих две противоположные стороны – «from side to side» [39], например *road, gangway, margin, field, river, pit, trousers, sleeves, smile, etc.*

Однако праинд.-евр. корень **wi-* также передает общую идею расположенности на некотором расстоянии друг от друга (‘apart’), безотносительно направления измерения, что обуславливает возможность употребления прил. *wide* также по отношению к вертикально расположенным объектам, в частности, к глазам: *Her eyes were wide and panic-stricken* [40]. В том случае, если предмет может быть открыт, естественным образом возникает расстояние между его частями, которое также измеряется параметром ширины, причем увеличение расстояния может происходить как по горизонтальному вектору (*a wide open drawer, door, window*), так и по вертикальному (*wide open eyes, mouth*).

Если существительные, определяемые прил. *wide*, приобретают метафорические значения и начинают обозначать абстрактные понятия, то их сочетаемость с данным прилагательным сохраняется, например: *The Bill became law on May, 29 1970 – creating many new rights for the disabled over a wide field; The children showed a wide gap between comprehension scores which were in the 'low-normal range' and expressive scores*

which were 'very low'; They both have good facilities, helpful service and a **wide range** of goods [40].

Поскольку абстрактные понятия интерпретируются в хорошо известных терминах элементарно-чувственного восприятия, в частности, объективируются [41. С. 173; 42. С. 253; 43. С. 13], пространство также может осмысливаться как объект, протяженный в пространстве/времени или состоящий из множества последовательно расположенных элементов, например: *After **wide debate**, the majority of the Branches were in favour of extending the mandatory requirement of CPD to all members; He loved radio, the cinema, and the theatre and had a **wide knowledge** of classical music; It has a **wide variety** of rooms and ten well-appointed conference rooms* [40].

Повседневный опыт, показывающий, что, чем шире, объемнее объект, тем шире нужно развести руки, чтобы его охватить, послужил областью-источником для оценки метафорических понятий «паутина», «сеть» **web**, **net**, «охватывающих» некое пространство: *world wide web*, *wide area net (WAN)* глобальная вычислительная сеть (ГВС). Ср. рус.: *широкий охват* (аудитории, событий, проблемы и т.д.).

В отношении синонимичного прил. **broad** 'широкий' в этимологических словарях указывается, что практически невозможно сказать, в чем состоит различие между его значением и значением прил. **wide**: "There is no clear distinction from **wide**" [38]. Прил. **broad** в древне-английском означало 'wide, not narrow, extended'; слово восходит к протогерм. корню **braid-*, который встречается только в германских языках [38]. Это прилагательное используется по отношению к таким перцептивно воспринимаемым референтам, как *smile, shoulders, area*, а также по отношению к целому ряду абстрактных понятий: *daylight, insight, view, range, spectrum, terms, base, basis, frequency, strategy, aim, definition, principles, categories* и др. Сравнивая прил. **wide** и **broad**, Г.У. Фаулер подчеркивал, что между ними не существует различий в стилистической принадлежности, однако наблюдается некоторое расхождение в схемах оценивания признака, которые подразумеваются каждым прилагательным: если **wide** характеризует удаленность крайних точек объекта друг от друга, то **broad** оценивает расстояние, заключенное между крайними точками объекта, что непосредственно связано с идеей объема [44. Р. 66]. Иначе говоря, измерение объекта в первом случае происходит от центра к крайним точкам, во втором случае – от крайних точек к центру. Поэтому объекты, которые возможно охарактеризовать с точки зрения объема, традиционно описываются при помощи прил. **broad** – *back, shoulders, chest, bosom*; если важна не идея объема, а идея линейной протяженности, употребляется прил. **wide** – *wide eyes, trousers, sleeves*. Так возникли устойчивые сочетания с данными прилагательными.

Иногда, как отмечает Г.У. Фаулер, оба слова могут использоваться по отношению к одному и тому же референту, характеризуя его с разных точек зрения, например: *a wide river* подразумевает, что берега реки находятся на значительном расстоянии друг от друга и требуется много времени, чтобы переплыть реку; *a*

broad river передает идею большого водного пространства; *a wide distinction, difference* подразумевает значительную удаленность объектов или явлений от условной центральной точки идентичности; *a broad distinction, difference* означает различие, которое легко заметить; *a wide view* указывает на диапазон; *a broad view* подразумевает широту взглядов [44. Р. 66].

В отличие от прил. **wide**, фиксирующего размер объекта в данный момент времени безотносительно предыдущих состояний, прил. **extended** и **expanded** связывают оцениваемый размер объекта с предыдущими параметрическими характеристиками этого объекта. Данные прилагательные являются так называемыми причастными прилагательными (past-participle adjectives). Прил. **extended** 'широкий, протяженный; длительный' появилось в английском языке в сер. XV в. в значении 'занимающий время, более долгий' ('occupying time, made longer' [45]), в середине XVI в. номинативная область адъектива расширяется – слово начинает обозначать результат линейных измерений объекта. Данное прилагательное образовано от глагола *extend*, происходящего от англо-фр. гл. *estendre*, от старофр. *estendre*, от лат. *extendere*, образованного при помощи префикса *ex* 'out' и гл. *tendere* 'to stretch', восходящего к праинд.-евр. **ten-* 'to stretch' [38]. Действие «stretch» подразумевает «растягивание», увеличение размера объекта по горизонтальной оси Y, фиксируемое от предыдущих границ объекта. Например, любое предложение в языке разворачивается линейно, слова следуют цепочкой одно за другим и длина предложения может увеличиваться по мере добавления его членов, что, в частности, мотивировало создание лингвистического термина 'extended sentence', обозначающего распространенное предложение, а также терминов 'extended definition', 'extended metaphor'.

Концептуальное основание семантики прил. **extended** предопределяет его референциальную отнесенность к объектам, имеющим горизонтальную протяженность в пространстве, например: *This model of the canopy consists of a number of **extended** horizontal canopy layers* [40]; *During the past few decades, studies on **extended** metal atomic chain, or metal string complexes, have increased* [46. С. 8938].

Как и прил. **wide**, прил. **extended** сохраняет сочетаемость с метафорическими значениями существительных, например: *the regime was stabilized and its leadership given **extended** room for manoeuvrability through the surge in Hitler's popularity* [40].

Анализ атрибутивных комплексов позволяет понять, как мыслится тот или иной объект в англоязычной картине мира. Так, регулярное сочетание *extended family*, показывает, что семья в англоязычной культуре представляется в виде последовательности $n+n+n+...$, т.е. расширяющейся линейно. Что касается абстрактных понятий, они также могут интерпретироваться как объекты, изменившие свой первоначальный показатель протяженности по горизонтальной оси Y, о чем, в частности, свидетельствуют обстоятельства образа действия, поясняющие глагол *extend*: *To become an **exce**ptable philosophical theory, it has to*

be extended in one of two different directions [40]. Поскольку семантика прил. **extended** наследует концептуальную основу данного глагола, сочетаемость прилагательного с абстрактными существительными показывает, какие абстракции в английской лингвокультуре интерпретируются как объекты, увеличивающиеся линейно. В частности, подобным образом объективируются понятия «значение», «пример», «образование», «сотрудничество», «период времени» и понятия, связанные с представлением о протяженности во времени, например, «дискуссия», «рассмотрение», «отпуск»: *the extended meaning of words; extended education; an extended example; extended information; an extended partnership, extended memory of the computer; to exercise extended powers of control; an extended period; an extended holiday, an extended discussion; the question of housing does require more extended treatment* [40].

Появление адъектива **expanded** 'широкий, расширенный' относят к концу XV в., адъектив образован от гл. *expand*, восходящего к англо-фр. *espaundre*, от старофр. *espandre*, от лат. гл. *expandere*, образованного при помощи префикса *ex* 'out' от гл. *pandere* 'to spread', восходящего к праинд.-евр. **pete-* 'to spread' [38]. Действие «spread» подразумевает увеличение площади, занимаемой объектом, т.е. расстояние от центра объекта до его границ возрастает радиально, при этом длины радиусов могут различаться: *new and expanded towns, new and expanded county boroughs; the new, expanded area of trade; an expanded federal programme; an expanded scope for the use of nuclear weapons; an expanded range of tasks*. Представление о подобном распространении признака может эксплицироваться во второстепенных членах предложения, например, существительное *sphere* подразумевает наличие радиуса и границ, в пределах которых распространяется признак: *Those employed by the state do argue for an expanded state role in their sphere* [40].

Во многих контекстах адъективы **extended** и **expanded** демонстрируют сочетаемость с одними и теми же существительными, и, на первый взгляд, выступают как взаимозаменяемые, абсолютные синонимы, например *extended/expanded role, range, mind, memory* и др. Однако в основе семантики этих прилагательных лежат образ-схемы, включающие разные векторы распространения признака, что предопределяет семантические расхождения коллокаций с данными прилагательными. Иногда вектор распространения признака указывается в толкованиях коллокаций, как, например, в случае терминологических выражений *expanded role of the nurse* и *extended role of the nurse*. 'Expanded role' подразумевает *расширение круга, границ* обязанностей и компетенций медицинской сестры, в центре внимания которой находятся потребности пациента: 'any enlargement of the nurse's role within the boundaries of nurse education and practice... expanding the role around the needs of the patient' [47. P. 138]. В свою очередь, выражение 'extended role of the nurse' подразумевает делегирование некоторых обязанностей со стороны врача, т.е. в фокусе внимания оказывается однонаправленное действие от лица лицу:

'tasks normally undertaken by a doctor... may be delegated to a nurse' [47. P. 138].

Помимо характеристики распространения признака по горизонтальным осям также может оцениваться объем пространства, занимаемый объектом, иначе говоря, 3D-характеристики объекта. Признак объема передается, в частности, при помощи прил. **ample** 'просторный, обширный', датируемого серединой XV века. Прилагательное было заимствовано из старофранцузского языка, оно происходит от лат. прил. *amplus* 'large, spacious', родственного сущ. *ampla* 'handle, grip', восходящего к праиталийскому **amlo-* 'seizable', от праинд.-евр. **am-/mē-* 'to grab' [38; 48. P. 35]. Действие «grab» 'хватать' непосредственно связано с последующим действием «держат», которое возможно осуществить только в том случае, если схваченный объект может поместиться в руку. Способность вмещать, содержать в себе что-либо соотносится с представлением о контейнере, объем которого обуславливает размеры потенциального содержимого: чем больше контейнер, тем большее количество содержимого он может вместить. Прил. **ample** характеризует объект-контейнер с точки зрения его объема в данный момент времени, без сопоставления с его предыдущими параметрами, причем всегда подразумевается, что объект, оцениваемый как **ample**, имеет достаточный или больший, чем требуется, объем для выполнения своей функции. Вполне закономерно, данное прилагательное характеризует материальные объекты, представляющие собой некие контейнеры, а именно:

– 3D-пространства – *ample headroom, legroom, garden; stock, space (for smith), room (in the meaning space)*;

– предметы мебели – *ample chair, bed, sofa*;

– соматизмы – *ample hips, bosom, breast, cleavage, figure, body*.

Относительно соматизмов необходимо пояснить их интерпретацию в терминах контейнера. Поскольку наше физическое тело отграничено и отделено «от остального мира поверхностью кожи», оно является своего рода контейнером с ориентацией «внутри – снаружи» [49. С. 54]. Отграничивание некоторого объема в пространстве является «актом количественной оценки» [49. С. 55], применительно к данному случаю оценивается объем либо всего тела – *an ample figure, body*, либо его отдельных частей – *hips, bosom*. Подчеркнем, что при помощи прил. **ample** характеризуется приятная глазу полнота человека: 'large in a pleasant or attractive way' [50], что и определяет перевод вышеприведенных примеров как 'пышное тело', 'пышная грудь' и т.д.

Интересно, что Г.У. Фаулер полагал ошибочным использование прил. **ample** по отношению к конкретным или вещественным существительным, а единственно верным считал употребление этого слова для характеристики собирательных или абстрактных существительных, таких как *money, cattle, rolling-stock; opportunity, provision, praise, time* [44. P. 19]. Как показал статистический анализ отобранных коллокаций с

прил. *ample* (1 тыс. единиц), на синхронном уровне продолжают преобладать сочетания с абстрактными существительными (92%): *chance, capacity, evidence, supply, reason, claim, research*.

Наряду с адъективом *ample* для характеристики нематериальных референтов используются синонимичные адъективы, например, *big / considerable / ample opportunity*; выбор атрибута зависит не только от стилистики дискурса, но и от намерения говорящего «изобразить» данную абстракцию, отражая свое видение этой объективированной абстракции: прил. *big* и *considerable* характеризуют размер объекта недискретно – как по занимаемой площади, так и по занимаемому объему, таким образом являясь гиперонимами по отношению к прил. *ample*, указывающему только на объем референта.

Подчеркнем, что одно и то же абстрактное понятие может осознаваться несколькими способами, например, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, время мыслится либо как движущийся объект, либо как контейнер, сквозь который мы движемся [49. С. 69–71]. В случае интерпретации времени как контейнера, оно может оцениваться по параметру объема: *There was ample time to write*.

Использование адъективов *extended* или *ample* для характеристики длительности какого-либо события обусловлено выбранной интерпретацией понятия «время», а также оцениваемого события. Так, спор метафорически представляется как путешествие, имеющее начало и линейное развертывание, а также как контейнер [49. С. 122–126]. Если при оценке спора внимание фокусируется на идее линейного развития события во времени, то употребляется прил. *extended*: *an extended debate/discussion*. Если в центре внимания оказывается идея контейнера, то событие характеризуется при помощи прил. *ample*: *ample debate/discussion*. Таким образом, приписывание той или иной параметрической характеристики абстрактному объективированному понятию обусловлена интерпретацией, приоритетной для говорящего в данный момент коммуникации. Вариативность интерпретации отмечается не только у параметрических признаков (см. также [51]), но и у такого смежного признака, как количество [52].

В таблице ниже представлена частотность употребления рассмотренных прилагательных в ряде дискурсов согласно статистике Британского национального корпуса [40].

Частотность употребления прилагательных согласно статистике Британского национального корпуса

Адъектив	Всего примеров в корпусе	Дискурс			
		Разговорный	Научный	Газетный	Художественная литература
wide	11 733	549	1 946	798	1 883
extended	5 267	156	1 428	410	351
expanded	1 791	71	404	109	75
ample	797	24	129	55	114
broad	5 026	201	1 421	265	768

Приведенные данные показывают, что в оценке параметрических характеристик преобладает оценка протяженности объекта по горизонтальной оси, передаваемая прил. *wide, broad* и *extended*, в то время как характеристики занимаемой площади и объема, передаваемые прил. *expanded* и *ample*, являются менее частотными, т.е. оказываются в фокусе внимания говорящего во вторую очередь. Наименьшую распространенность в указанных дискурсах демонстрирует прил. *ample*; прил. *broad* очевидно уступает по активности прилагательному *wide*.

Заключение

Итак, в статье рассмотрена сочетаемость английских синонимичных параметрических адъективов *ample, extended, expanded, wide* и *broad* с целью выявления системных, языковых факторов, влияющих на различия в употреблении данных прилагательных – на формирование ими сочетаний с существительными. Было показано, что образ-схемы, представляющие умозрительные векторы распространения признака, наследуются у этимона прилагательного, а именно: наследуются указания на направление распространения признака – «stretch» (для прил. *extended*), «spread» (для прил. *expanded*), «grab» (для прил. *ample*), а также указание на ограниченность распространения признака крайними точками объекта – «apart, in half» (для

прил. *wide*), «wide» (для прил. *broad*). Эти образ-схемы предопределяют как семантику прилагательных, так и их сочетаемостный потенциал.

Поскольку любой объект занимает некое пространство, он может оцениваться по нескольким параметрам, и выбор прилагательного, обозначающего размерные характеристики, обуславливается интенциями говорящего выделить и акцентировать конкретный параметр объекта или объективированного понятия.

На первый взгляд, территория или область рассматриваются только в плане занимаемой площади; однако поскольку площадь характеризуется двумя параметрами – шириной и длиной, в фокусе внимания говорящего может оказаться любой из этих параметров, в частности, ширина: *Forest fires usually spread quickly over a wide area with high intensity; Elsewhere wintry weather brought chaos across a wide area*. Кроме того, может оцениваться объем пространства, заключенного внутри воображаемых вертикальных сторон, ограничивающих данное пространство по периметру, т.е. пространство может интерпретироваться как контейнер, например, лес: *The volcanic belt could have blocked northern cold fronts, creating climatic conditions that promoted growth of ample areas of dry forests in western Mexico*. Даже такая фигура, как *sphere* ‘сфера’, главным организующим принципом которой является радиус, описывается с различных точек

зрения. Сферическое пространство может описываться при помощи адъективов, образ-схемы которых фокусируются либо на увеличении длины радиуса – *The extended sphere was the solution to the problem of faction; It has covered a wide sphere of interest*; либо на самом принципе радиального распространения признака и увеличении длины радиуса – *The Office of Equal Opportunity did continue to serve as a first recourse centre in its expanded sphere of action*, либо на внешней, сферической, форме, сопряженной с параметром объема – *Superstitious notions and practices have an ample sphere of influence*.

Как показал анализ коллокаций, прилагательные *extended*, *expanded* и *wide* сохраняют свое контекстное поведение в отличие от прилагательного *ample*, у которого в периферийной сочетаемостной области появились комбинации с существительными *range* и *scale*, не измеряемых в параметрах трехмерного пространства, например: *The school also has an ample range*

of nonacademic activities, like fencing, varsity volleyball, varsity basketball, tennis, cross-country track [53]; *An ample range of liquor bottles is crowned by a dusty banner that reads "Happy Birthday."* [54]; *...so that his son could in turn plan his consumption on a more ample scale* [55. P. 221]. Данные случаи сочетаемости возможно отнести за счет так называемой ложной аналогии, которую упоминал Г.У. Фаулер [44. P. 19].

В перспективе было бы интересно проанализировать сочетаемость прилагательных, относящихся к другим синонимическим и лексико-семантическим группам английских прилагательных, с точки зрения обусловленности когнитивным основанием, которое наследуется у этимона данного прилагательного. Это дало бы возможность составить общую, системную карту интерпретации разнообразных признаков в английском языке и детальнее проанализировать формирование данного сегмента английской языковой картины мира.

Примечание

¹ Рациональные прилагательные обозначают признаки, не воспринимаемые органами чувств, а формирующиеся в сознании в результате анализа, умозаключений, сопоставления с другими признаками. Кроме того, А.Н. Шрамм выделил эмпирические прилагательные, обозначающие признаки, перцептивно воспринимаемые и осознаваемые в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном» [1. С. 21–33].

Список источников

1. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 136 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры», «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 397 с.
4. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1988. 617 p.
5. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
6. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. Москва; Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
8. Bréal M. Essai de sémantique (Science des signification). Paris: Hachette, 1897. 349 p.
9. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. London: Cambridge University Press, 1968. 519 p.
10. Cruse D.A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.
11. Блумфильд Л. Язык. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 608 с.
12. Taylor J.R. Near synonyms as co-extensive categories: 'High' and 'tall' revisited // Language Sciences. 2003. Vol. 25 (3). P. 263–284.
13. Liu D. Salience and construal in the use of synonymy: A study of two sets of near-synonymous nouns // Cognitive Linguistics. 2013. Vol. 24 (1). P. 67–113.
14. Peterson-Traba D. A diachronic perspective on near-synonymy: The concept of SWEET-SMELLING in American English // Corpus Linguistic and Linguistic Theory. 2018. Vol. 17. P. 319–349.
15. Palmer F.R. Semantics: A new outline. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 164 p.
16. Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.) Adjective classes. A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2004. 370 p.
17. Taylor J.R. On running and jogging // Cognitive Linguistics. 1996. Vol. 1. P. 21–34.
18. Симонян Т.А. Семантика пространственных атрибутов в свете когнитивного подхода: Прилагательные с параметром высоты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 184 с.
19. Bierwisch M., Lang E. Somewhat longer – much deeper – further and further: Epilogue to the dimensional adjective project // Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation. Berlin, New York: Springer, 1989. P. 471–514.
20. Lang E. The semantics of dimensional designation of spatial objects // Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation. Berlin, New York: Springer, 1989. P. 263–417.
21. Lang E. Primary perceptual space and inherent proportion schema: Two interacting categorization grids underlying the conceptualization of spatial objects // Journal of Semantics. 1990. Vol. 7 (2). P. 121–141.
22. Lang E., Carstensen K.-U., Simmons G. Modelling spatial knowledge on a linguistic basis: Theory-Prototype-Integration. Berlin: Springer, 1991. 149 p.
23. Barczewska Sh., Andreassen A. Good or marvelous? Pretty, cute or lovely? Male and female adjectives use in MICASE // Suvremena Lingvistika. 2018. Vol. 44 (86). P. 193–213.
24. Brett D.F., Loranc-Paszyk B., Pinna A. A corpus-driven analysis of adjective/noun collocations in travel journalism in English, Italian and Polish // Monografias de Traducción Interpretación (MonTI). 2021. Vol. 13. P. 114–147.
25. Deveci T., Ayish N. Qualitative adjectives in EFL students' reflective writing essays // Journal of Language and Education. 2021. Vol. 7 (1). P. 64–77.
26. Kochari A.R., Schriefers H. Processing symbolic magnitude information conveyed by number words and by scalar adjectives // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2022. Vol. 75 (3). P. 422–449. DOI: 10.1177/17470218211031158
27. Szczygłowska T. A corpus-based study of the specificity. Adjectives *specific* and *particular* in academic written English: Evidence from the BAWC corpus // Brno Studies in English. 2019. Vol. 45 (2). P. 175–199.

28. Divjak D., Gries S.Th. Clusters in the mind? Converging evidence from near synonymy in Russian // *The Mental Lexicon*. 2008. Vol. 3. P. 188–213.
29. Piaget J. *The Language and Thought of the Child*. London: Routledge & Kegan, 1926.
30. Schuchardt-Brevier H. *Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft* / Spitzer L. (ed.). Halle (Saale): M. Niemeyer, 1928. P. 386.
31. Gans E. *The Origin of Language: A Formal Theory of Representation*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1981. 314 p.
32. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
33. Гак В.Г. Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. 2-е изд. М.: Либроком, 2009. 368 с.
34. Кубрякова Е.С. Части речи в ономастическом освещении. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 120 с.
35. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 552 с.
36. Жирмунский В.М. *Общее и германское языкознание*. Ленинград: Наука, 1976. 696 с.
37. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. В 2 т. Т. 1. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 520 с.
38. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.09.2021).
39. *The Concise Oxford English Dictionary*. 12th ed. Oxford: Oxford University Press, 2011.
40. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.09.2021).
41. Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. М.: Наука, 1976. 408 с.
42. Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики*. СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
43. Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792с.
44. Fowler H.W. *A dictionary of modern English usage*. Hertfordshire, UK: Wordsworth Editions Ltd., 1994. 742 p.
45. *The Oxford English Dictionary*. 2nd ed. 20 volumes set. Oxford: The Clarendon Press, 1989.
46. Harisomayajula N.V.S., Makovetskyi S., Tsai Y.-Ch. Cuprophilic interactions in and between molecular entities // *Chemistry: A European Journal*. 2019. Vol. 25. P. 8936–8954.
47. Birch H. The extended role of the nurse – opportunity or threat? // *Human Fertility*. 2001. Vol. 4. P. 138–144.
48. Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, 1959. URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-p.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
49. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
50. Collins COBUILD Advanced Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ample> (дата обращения: 10.06.2022).
51. Wolter B., Yamashita J., Leung C.Y. Conceptual transfer and lexical development in adjectives of space: Evidence from judgements, reaction times, and eye tracking // *Applied Psycholinguistics*. 2020. Vol. 41 (3). P. 595–625.
52. Федяева Е.В. Личностные доминанты как вектор процесса языковой интерпретации количества // *Научный диалог*. 2019. № 5. С. 169–182.
53. Williams M. A Model for Learning In a Harlem School; Tough Standards and High Scores // *New York Times*. 2001, January 2. URL: <https://www.nytimes.com/2001/01/02/nyregion/a-model-for-learning-in-a-harlem-school-tough-standards-and-high-scores.html?auth=link-dismiss-google1tap> (дата обращения: 10.09.2021).
54. Niarchos N. The Rotating Celebrations at A Touch of Dee // *New Yorker*. 2017, April 10. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/04/10/the-rotating-celebrations-at-a-touch-of-dee> (дата обращения: 10.09.2021).
55. Meade J.E. *The growing economy: Principles of political economy*. Vol. II. Oxfordshire, UK: Routledge, 2012. 512 p.

References

1. Shrumm, A.N. (1979) *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatel'nykh* [Essays on the semantics of qualitative adjectives]. Leningrad: Leningrad University.
2. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury; Vostochnaya literatura.
3. Yudina, N.V. (2006) *Leksicheskaya sochetaemost' v kognitivnom aspekte (na materiale konstrukcii "prilagatel'noe + sushchestvitel'noe")*. [Lexical compatibility in the cognitive aspect (based on the construction "adjective + noun")]. Philology Dr. Diss. Moscow.
4. Wierzbicka, A. (1988) *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
5. Rakhilina, E.V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russkie slovari.
6. Apresyan, Yu.D. (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow, Vienna: YaSK; Wiener Slawistischer Almanach.
7. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis.
8. Bréal, M. (1897) *Essai de sémantique (Science des significations)*. Paris: Hachette.
9. Lyons, J. (1968) *Introduction to theoretical linguistics*. London: Cambridge University Press.
10. Cruse, D.A. (1986) *Lexical semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Bloomfield, L. (2002) *Language*. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
12. Taylor, J.R. (2003) Near synonyms as co-extensive categories: 'High' and 'tall' revisited. *Language Sciences*. 25 (3). pp. 263–284.
13. Liu, D. (2013) Salience and construal in the use of synonymy: A study of two sets of near-synonymous nouns. *Cognitive Linguistics*. 24 (1). pp. 67–113.
14. Petterson-Traba, D. (2018) A diachronic perspective on near-synonymy: The concept of SWEET-SMELLING in American English. *Corpus Linguistic and Linguistic Theory*. 17. pp. 319–349.
15. Palmer, F.R. (1981) *Semantics: A new outline*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Dixon, R.M.W. & Aikhenvald, A. *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press.
17. Taylor, J.R. (1996) On running and jogging. *Cognitive Linguistics*. 1. pp. 21–34.
18. Simonyan, T.A. (2001) *Semantika prostranstvennykh atributov v svete kognitivnogo podhoda: Prilagatel'nye s parametrom vysoty* [Semantics of spatial attributes in the light of cognitive approach: Adjectives with height parameter]. Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Bierwisch, M. & Lang, E. (1989) Somewhat longer – much deeper – further and further: Epilogue to the dimensional adjective project. In: *Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation*. Berlin, New York: Springer. pp. 471–514.
20. Lang, E. (1989) The semantics of dimensional designation of spatial objects. In: *Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation*. Berlin, New York: Springer. pp. 263–417.
21. Lang, E. (1990) Primary perceptual space and inherent proportion schema: Two interacting categorization grids underlying the conceptualization of spatial objects. *Journal of Semantics*. 7 (2). pp. 121–141.
22. Lang, E., Carstensen, K.-U. & Simmons, G. (1991) *Modelling spatial knowledge on a linguistic basis: Theory-Prototype-Integration*. Berlin: Springer.

23. Barczewska, Sh. & Andreasen, A. (2018) Good or marvelous? Pretty, cute or lovely? Male and female adjectives use in MICASE. *Suvremena Lingvistika*. 44 (86). pp. 193–213.
24. Brett, D.F., Loranc-Paszylk, B. & Pinna, A. (2021) A corpus-driven analysis of adjective/noun collocations in travel journalism in English, Italian and Polish. *Monografias de Traduccione Interpretacion (MonTI)*. 13. pp. 114–147.
25. Deveci, T. & Ayish, N. (2021) Qualitative adjectives in EFL students' reflective writing essays. *Journal of Language and Education*. 7 (1). pp. 64–77.
26. Kochari, A.R. & Schriefers, H. (2022) Processing symbolic magnitude information conveyed by number words and by scalar adjectives. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 75 (3). pp. 422–449.
27. Szczyglowska, T. (2019) A corpus-based study of the specificity. Adjectives *specific* and *particular* in academic written English: Evidence from the BAWE corpus. *Brno Studies in English*. 45 (2). pp. 175–199.
28. Divjak, D. & Gries, S.Th. (2008) Clusters in the mind? Converging evidence from near synonymy in Russian. *The Mental Lexicon*. 3. pp. 188–213.
29. Piaget, J. (1926) *The Language and Thought of the Child*. London: Routledge & Kegan.
30. Schuchardt-Brevier, H. (1928) *Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft*. Halle (Saale): M. Niemeyer.
31. Gans, E. (1981) *The Origin of Language: A Formal Theory of Representation*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
32. Katsnelson, S.D. (2001) *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of language and thinking: From the scientific heritage]. Moscow: YaSK.
33. Gak, V.G. (2009) *Yazykovye preobrazovaniya: Nekotorye aspekty lingvisticheskoy nauki v konce HKH veka. Ot situatsii k vyskazyvaniyu* [Language transformations: Some aspects of linguistic science at the end of the twentieth century. From situation to utterance]. 2nd ed. Moscow: Librokom.
34. Kubryakova, E.S. (2008) *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological coverage]. 2nd ed. Moscow: Izd. LKI.
35. Potebnya, A.A. (1968) *Iz zapisok po Russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. 3. Moscow: Prosveshchenie.
36. Zhirmunsky, V.M. (1976) *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad: Nauka.
37. Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, V.V. (1984) *Indoevropskiy yazyk i indoevropetsy* [The Indo-European language and Indo-Europeans]. Vol. 1. Tbilisi: Tbilisi State University.
38. *Online Etymology Dictionary*. [Online]. Available from: <http://www.etymonline.com/> (Accessed: 10.09.2021).
39. OUP. (2011) *The Concise Oxford English Dictionary*. 12th ed. Oxford: Oxford Univ. Press.
40. *British National Corpus*. [Online]. Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 10.09.2021).
41. Meletinskij, E.M. (1976) *Poetika mifa* [The poetics of myth]. Moscow: Nauka.
42. Nikitin, M.V. (1996) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [The course of linguistic semantics]. Saint Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga.
43. Lakoff, G. (2004) *Women, fire, and other dangerous things*. Moscow: YaSK. (In Russian).
44. Fowler, H.W. (1994) *A dictionary of modern English usage*. Hertfordshire, UK: Wordsworth Editions Ltd.
45. Clarendon Press. ((1989)) *The Oxford English Dictionary*. 2nd ed. 20 volumes set. Oxford: The Clarendon Press.
46. Harisomayajula, N.V.S., Makovetskyi, S. & Tsai, Y.-Ch. (2019) Cuprophilic interactions in and between molecular entities. *Chemistry: A European Journal*. 25. pp. 8936–8954.
47. Birch, H. (2001) The extended role of the nurse – opportunity or threat? *Human Fertility*. 4. pp. 138–144.
48. Pokorny, J. (1959) *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. [Online]. Available from: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iwep.htm> (Accessed: 10.09.2021).
49. Lakoff, G. & Johnsen, M. (2004) *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
50. *Collins COBUILD Advanced Dictionary*. [Online]. Available from: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ample> (дата обращения 10.06.2022).
51. Wolter, B., Yamashita, J. & Leung, C.Y. (2020) Conceptual transfer and lexical development in adjectives of space: Evidence from judgements, reaction times, and eye tracking. *Applied Psycholinguistics*. 41 (3). pp. 595–625.
52. Fedyayeva, E.V. (2019) Individual's dominants as vector of language interpretation of quantity. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 169–182. (In Russian).
53. Williams, M. (2001) A Model for Learning In a Harlem School; Tough Standards and High Scores. *New York Times*. January 2. [Online]. Available from: <https://www.nytimes.com/2001/01/02/nyregion/a-model-for-learning-in-a-harlem-school-tough-standards-and-high-scores.html?auth=link-dismiss-google1tap> (Accessed: 10.09.2021).
54. Niarchos, N. (2017) The Rotating Celebrations at A Touch of Dee. *New Yorker*. April 10. [Online]. Available from: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/04/10/the-rotating-celebrations-at-a-touch-of-dee> (Accessed: 10.09.2021).
55. Meade, J.E. (2012) *The growing economy: Principles of political economy*. Vol. II. Oxfordshire, UK: Routledge.

Информация об авторе:

Антонова М.Б. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mbantonova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.B. Antonova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mbantonova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021;
одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 24.12.2021;
approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 31.03.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1, 282.2 (571.120) + 811.161.1, 373.4

doi: 10.17223/15617793/488/10

Лексика тематической группы «Любовь» в говорах юга Тюменской области

Елена Петровна Багирова¹, Елена Леонидовна Марандина²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ bagirovaelena@mail.ru

² elipihina@yandex.ru

Аннотация. На материале говоров юга Тюменской области анализируется лексика и фразеология тематической группы «Любовь». Выявляется специфика вербального состава входящих в нее лексико-семантических групп с позиций семантики, особенностей функционирования, системных отношений между их членами, устанавливаются мотивировочные признаки наименований, определяется их способность к репрезентации диалектной языковой картины мира и системы ценностей диалектоносителей.

Ключевые слова: русский язык, русские говоры Тюменской области, лексика, диалектное слово, диалектная фразеология, тематическая группа, любовь

Для цитирования: Багирова Е.П., Марандина Е.Л. Лексика тематической группы «Любовь» в говорах юга Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 101–110. doi: 10.17223/15617793/488/10

Original article

doi: 10.17223/15617793/488/10

Vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast

Elena P. Bagirova¹, Elena L. Marandina²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ bagirovaelena@mail.ru

² elipihina@yandex.ru

Abstract. The authors interpret the vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast. The object of the analysis is lexical and phraseological units (over 700 units) selected by a continuous sampling method from the following sources: *Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the South of Tyumen Oblast*, *Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Tyumen Oblast*, the authors’ personal archives. The authors identify the features of the vocabulary of lexico-semantic groups from the standpoint of semantics and features of speech functioning, describe the systemic relationships between members (synonyms, antonyms, polysemy), establish the motivational features of names, reveal their ability to represent the dialect language view of the world and the value system of dialect speakers. The research is based on a lexicographic and contextual description of the verbal components of the conceptual sphere “Love”. The corpus of the analyzed thematic group is represented by private lexico-semantic groups containing complexes of designation: 1) a love relationship, 2) actions of the subject and object in a love relationship, 3) an object of love, 4) signs of an object of love, 5) actions related to a violation of fidelity in love or marriage, 6) a person who committed treason. Synonymous and antonymic relations, as well as a motivational connection, are observed between the members of the formed groups. During the interpretation of the material, the authors establish that *love* in the speech practice of respondents is thought of not only as a feeling of emotional attachment of two persons, but also as a feeling of sexual attraction to someone. As a marker of the state, the lexeme *love* and its contextual doublets (*consent*, *advice*, *friendship*, etc.) are used. Euphemisms-taboos are chosen to denote sexual relations (*deceive*, *to fall off with a guy*, *to bring down a hunt*, etc.). To denote the object of love, lexemes that define different sides of the nominee (*joy*, *sweetheart*, *lyubushka*, *drolya*) are used. The block of lexemes representing love relationships is dominated by verbs and verb-noun phrases that mark both positive (*joy*, *happiness*, *tenderness*) and negative (*jealousy*, *distrust*, *longing*) emotions of the subject. The psychoemotional state of attraction to a person of the other sex can vary in intensity and duration, have a beginning, development and end (*look around*, *come to the heart*, *fall in love*, *undead*, *go crazy*, *jealous*, *change*, *get bored*, *dry*, *cool down*, etc.). The results of comparing the material of the Tyumen dialects with the linguistic facts of the all-Russian distribution show that in the thematic group “Love” common, colloquial, vernacular and dialect proper words are combined. Most of the nominations are characterized by a transparent internal form, a clear semantic and word-formation structure, which makes it possible to consolidate the established cultural attitudes and stereotypes in the lexeme.

Keywords: Russian language, Russian dialects of Tyumen Oblast, lexis, dialect word, dialect phraseology, thematic group, love

For citation: Bagirova, E.P. & Marandina, E.L. (2023) Vocabulary of the thematic group “Love” in the dialects of the south of Tyumen Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 101–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/10

1. Вводные замечания

В статье рассматривается состав номинаций, представляющих понятийную сферу «Любовь» в русских говорах юга Тюменской области.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью анализа словарного состава русских народных говоров в разных аспектах, что связано прежде всего с важностью выявления по данным лексики говоров особенностей языковой картины мира, ценностных ориентиров, национально-культурных установок носителей языка. Кроме того, выделение и описание единиц лексико-семантических групп слов (ЛСГ), составляющих конкретную тематическую группу (ТГ), определение их классифицирующих признаков, установление внутренних связей в пределах ЛСГ и связей с другими группами входят в общую проблематику исследования лексико-семантической системы языка.

Задачами исследования являются: 1) определение лексического состава ТГ «Любовь» в говорах юга Тюменской области; 2) выявление ЛСГ, формирующих обозначенную ТГ, описание входящих в них номинаций с позиций семантики и особенностей функционирования; 3) установление лексико-семантических отношений между членами ЛСГ.

Объектом анализа служит лексико-фразеологический пласт старожильческих говоров юга Тюменской области, которые сформировались как говоры вторичного образования (конец XVI – середина XVIII в.) на основе различных диалектов севернорусского наречия [1. Т. 1. С. 5; 2. С. 8–9; 3. С. 27–30]. Предметом изучения стали семантика, способы образования и семантические отношения наименований в лексико-тематической группе «Любовь».

Материалом для исследования послужили лексические единицы, указанной ТГ, отобранные методом сплошной выборки в следующих источниках: 1) картотека кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (далее – КСРСГ¹); 2) лексикографически обработанные неопубликованные (рукописные) полевые записи устной речи диалектоносителей в её естественном бытовании, собранные авторами в период с 1995 по 2017 г. (далее – ЛОНЗ²); 3) «Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С.М. Беляковой [1]; 4) «Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области», подготовленный Е.П. Багировой и С.М. Беляковой [2]. Составленная для исследования картотека (общим объемом более 700 единиц) содержит общерусскую и собственно диалектную лексику, позволяющую оценить состояние тюменских говоров, отраженное в лексике конкретной тематической группы.

2. Лексема *любовь* в толковых словарях

Результаты анализа данных словарей показывают, что лексема *любовь* объединяет следующие толкования: 1) чувство глубокой привязанности к кому-либо или чему-либо, основанное на общности интересов, идеалов и т.д. (*любовь к другу, любовь к Родине*) [4–7]; 2) чувство расположения, симпатии к кому-либо, привязанности, преданности (*братская любовь, любовь к людям*) [4–6, 8]; 3) чувство глубокой привязанности к кому-либо, основанное на инстинкте (*материнская любовь*) [5, 8]; 4) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством (*несчастливая любовь, жениться по любви, первая любовь*) [4–8]; 5) о человеке, внушающем такое чувство (*Она была моей первой любовью*) [4, 5, 7, 8]; 6) интимные, половые отношения (*предаваться любви, заниматься любовью*) [4, 8]; 7) внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо (*страстная любовь к театру, любовь к работе*) [4–8]; 8) пристрастие к чему-либо, предпочтение чего-либо (*любовь к приключениям*) [4, 7, 8].

Таким образом, словом «любовь» обозначается комплекс разнообразных чувств и психоэмоциональных состояний. В русской языковой картине мира это чувство носит универсальный характер, поскольку может быть распространено на разные ситуации человеческой жизни и разнородные объекты (одушевленные и неодушевленные) (ср.: *У нас <...> четыре сестры да три брата. Мать-то их фсёх шёлка любила* [ЛОНЗ]; *Я люблю цветы, у меня их много* [ЛОНЗ]; *С налёту да влюбился в меня молодой* [ЛОНЗ]; *Робетишка шёлко любила помакушку-ту* ('блюдо из размятых ягод') [1. Т. 2. С. 173] и т.д.).

В русских говорах юга Тюменской области представлен набор всех лексикографически описанных семантических компонентов слова «любовь», однако активно реализуются в речевой практике диалектоносителей лишь следующие: 1) состояние сердечной привязанности к кому-либо (*Беж жаны тьй нукуда не дёнешся. Люббу ёсть люббу* [ЛОНЗ]); 2) половое влечение к лицу другого пола (*Да чё грех тайть, и люббфь крутили* [2. С. 297]) и 3) собственно сам предмет влечения (любви) (*Мы со своим-то три года дружыли, люббфь моя была* [ЛОНЗ]). В настоящей статье внимание будет сосредоточено именно на этих компонентах семемы «любовь». Интерпретация иных оттенков значения – вопрос будущих исследований.

3. ТГ «Любовь» в русских говорах юга Тюменской области

Все семантические компоненты, составляющие в сельском дискурсе понятие «Любовь», выражаются

лексико-фразеологическими единицами, объединенными нами в одну тематическую группу. К одной тематической группе мы относим слова разных частей речи в связи с актуализацией в них тождественной категориально-родовой семы (архисемы). При этом тематическая группа как более широкое объединение слов включает более мелкие группировки слов – лексико-семантические группы. В узком смысле ЛСГ состоит из слов, объединенных общностью архисемы и общностью частеречной принадлежности (грамматической семы). Группировка единиц описания в нашем случае по понятийно-тематическому принципу дает возможность систематизировать слова по смысловой общности, установить их сходства и различия, выявить специфику отдельных групп и подгрупп языковых средств, входящих в общую группу.

Представляется, что в пределах названной тематической группы можно выделить следующие лексико-семантические группы слов: 1) ЛСГ «Наименования любовных отношений»; 2) ЛСГ «Наименования действий субъекта и объекта в любовных отношениях»; 3) ЛСГ «Наименования объекта любви»; 4) ЛСГ «Наименования признаков объекта любви»; 5) ЛСГ «Наименования действий, связанных с нарушением верности в любви или супружестве»; 6) ЛСГ «Наименования лица, совершившего измену».

ЛСГ «Наименования любовных отношений»

В данную ЛСГ входит лишь один ряд субститутов, группирующихся вокруг номинации *любовь*, которая, несмотря на укорененность в словесной культуре говоря, нередко заменяется дублетами, уточняющими объем семантики доминантного слова. Например, в высказываниях респондентов часто реализуется представление о любви как о дружбе, взаимопонимании, глубокой душевной близости. Возможно, поэтому в речи информантов последовательно отражается тенденция к семантическому представлению понятия «любовь» через такие его вербальные маркеры, как *согласие, совет, дружба, симпатия, увлечение, чувство, интерес, судьба*: *Бес судьбы ы без любви – и пожалеть некому* [2. С. 35], *Взáмуи вышла по любви. Раньше не выбирали красоту, лиж бы рабочя [КСРСГ]; Вот такó чуство пережыла. Фсём бы так пожыла* [ЛОНЗ]; *Как расписались, дак как рукой фсю любовь сняло* [2. С. 118]; *Мальчишка сощёцкий к нашей Танке бегат. Дружба у их. Мош ы сойдуца* [КСРСГ] и др. Активное использование разнообразных номинаций, возникших на основе ассоциативных признаков лексической единицы *любовь*, видимо, объясняется тем, что «все житейские определения любви... суть метафоры, каждое из них высвечивает какую-то одну или несколько сторон, признаков явления, ими и ограничиваясь, т.е. выдавая часть за целое...» [9].

ЛСГ «Наименования действий субъекта и объекта в любовных отношениях»

Данная группа объединяет лексические единицы, репрезентирующие чувственную сферу любовных

взаимоотношений, сценарии возникновения, протекания и развития эмоционального состояния. Лексемы данной группы объединяются в семантические подгруппы (СПГ), последовательно передающие этапы развития любовных взаимоотношений – «Период ухаживаний», «Зарождение, начало любви», «Любовные переживания».

СПГ «Период ухаживаний» представлена глаголами и устойчивыми глагольно-номинативными сочетаниями, передающими этапы развития отношений: *ходить* (за кем-либо), *ходить табуном, бегать, таскаться, волочиться* (глаголы со значением ‘передвигаться, ступая ногами’); *витья* (за кем-либо), *витья вьюном, увиваться, крутить любовь, кружить голову, вертеть хвостом* (глаголы со значением ‘приводить в круговое движение; вращать’) и др. Языковые единицы, входящие в данную СПГ, включены в достаточно распространенный синонимический ряд, содержащий в большинстве своем эмоционально окрашенные общенародные слова (*ухаживать, ухажорничать, обхаживать, ухлёстывать, прихлёстывать, волочиться, липнуть, имарить, подъезжать, бегать, витья* и т.д.), позволяющие подчеркнуть индивидуально-оценочное отношение субъекта к объекту любви: *Я краси́ва де́вка бы́ла, па́рни за мной табуно́м ходи́ли* [2. С. 286]; *Он фсе́ за ей бе́зал, ото́рва́ца не мок.* [ЛОНЗ]; *Мно́го ко мне мужыко́ф поде́ежжа́ло, да то́кмо ни́хто́ мне о́кромя́ Ваню́шы не ну́жон был* [ЛОНЗ]; *Па́рни за де́фками бе́гали, про́ходу не дава́ли* [ЛОНЗ]; *Бо́льна танцева́ть люби́ла. А па́рни так ви́лись акру́ж меня́. Ак ви́брала сва́ёва кракади́ла* [ЛОНЗ]; *А же́нних-то мой ушы о́зно́бил, так за мной бе́гал* [КСРСГ] и др. Во многих случаях развитию экспрессивных оттенков в семантике слова способствует его метафоризация (ср. *ударить, липнуть, витья*).

В СПГ «Зарождение, начало любви» выделяются немногочисленные глагольные номинации, маркирующие процесс зарождения чувств. Большей частью это однокоренные разноаффиксальные глаголы с общим инвариантным значением ‘почувствовать любовное влечение к кому-либо’: *влюбиться, полюбить, облюбовать, залюбить, поглянуться, приглянуться, вклетаться, впутаться, влопаться, привязаться, снюхаться*.

СПГ «Любовные переживания» объединяет глагольные ряды, номинирующие периоды пребывания в состоянии любви. В результате анализа фактического материала было установлено, что внутреннюю парадигматику СПГ создают пять синонимических рядов, включающих следующие глаголы и фразеосочетания: 1) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘испытывать симпатию, интерес, влечение’ (*по́нравиться – полю́бится – гляну́ться – прийтись по се́рдцу – прийтись по ду́ше – в ду́шу войти*); 2) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘проявлять любовь к лицу противоположного пола’ (*лю́бить – жа́леть – обожа́ть – сохну́ть – ду́ши не ве́дать – ду́ши не ча́ять*); 3) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘перестать испытывать чувство глубокой привязанности, интереса’ (*разлю-*

бить – охладеть – остыть); 4) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘испытывать эстетическое удовольствие при взгляде на кого-либо’ (*любоваться – восхищаться – сходиться с ума*); 5) синонимический ряд номинаций с общим значением ‘испытывать сомнение в чьей-либо верности, любви’ (*ревновать/ревноваться – в ревню удариться – приревновать – изревноваться – ревновать делать*). Перечисленные ряды включают как слова с прямым номинативным значением и «нулевой эмоционально-экспрессивной» окраской [10. С. 71] (*любить, ревновать*), так и слова, обладающие коннотативным содержанием, конкретизирующим различные оттенки чувств и эмоций (*обожать, сохнуть, остыть*).

К этой же ЛСГ «Наименования действий субъекта и объекта в любовных отношениях» были отнесены лексические единицы, передающие значение физического проявления чувства: *встречаться, дружить, шматься, хороводиться, гулять* (глаголы со значением ‘находиться с кем-либо в отношениях’); *ухаживать, обхаживать, обихаживать, нежить, трястись* (глаголы со значением ‘ухаживать за кем-то’), *затосковать, стосковаться, втосковаться, соскучиться, прикутить, изнывать, в тоску удариться* (глаголы со значением ‘начать испытывать душевное томление, тоску’) и др. Все глаголы и фразеосочетания рассматриваемой группы обладают широкими возможностями взаимозаменяемости в определенных контекстных условиях: *Он ей понравился, они и сошлись* [ЛОНЗ]; *Уж больно он ей по сердцу пришёлся* [ЛОНЗ]; *Дёушка эта погленулася ему* [1. Т. 2. С. 150] и т.д.

Судя по имеющимся материалам, в данной группе преобладают глаголы и глагольно-именные фразеосочетания с положительной эмотивной семантикой (*влюбляться, нежить, миловать, нравиться, зайти в душу* и др.). Номинации с отрицательным оценочным признаком представлены меньшим количеством примеров. Так, например, в сельском дискурсе негативно оценивается склонность партнера к ревности. Возможно, это связано с тем, что ревность стимулирует возникновение таких деструктивных чувств, как неверие, ненависть, злоба, эгоистичное желание безраздельно владеть объектом ревности. Не случайно эта эмоционально-поведенческая реакция ставится реципиентами в один ряд с другими проявлениями агрессивного поведения человека (*Ранышэ ни драки тебе, ни пьяни, ни ревни* [1. Т. 2. С. 229]). В большей части собранных контекстов ревность осмысливается как негативное эмоциональное состояние, досадная помеха, вносящая разлад в отношения, однако обнаруживаются случаи и полярной оценки (от нейтральной до крайне отрицательной), которая зависит от эмоционального опыта опрашиваемых: *Ревновитой страшно, но шак не пускати* [1. Т. 2. С. 229]; *У миня фсе девэрья ревнисты, однё бабы ф кино не пойдут* [1. Т. 2. С. 229]; *Жэна у меня, ох ы ревня была!* [1. Т. 2. С. 229].

При анализе составляющих данной группы мы обратили внимание и на то, что в тюменских говорах привязанность, глубокие чувства к партнеру часто не называются напрямую, а эксплицируются во фразах, обладающих метафорической внутренней фор-

мой (*души не ведать, души не чаять, тоска ударила, тоска одолевает, сердце плачет, в душу вошел, сердце лежит* и др.). Считаем возможным рассматривать данные явления как контекстные синонимы, которые используются в качестве более приемлемых альтернатив, позволяющих точнее передать эмоциональное состояние. Сопутствующие эмоциональные переживания также вербализируются посредством метафорических образов, находящих своё выражение в лексике, описывающей симптомы болезни, душевные и физические страдания (*сохнуть, вянуть, сходиться с ума, умирать от любви, изнывать* и др.). К образной парадигме «любовь – болезнь» восходят и распространенные в тюменских говорах метафорические маркеры любимого человека *бóля, болёшка, болёнечка, болёзка, болёзный*.

Нередко метафора выступает способом эвфемизации слов со значением сексуальных отношений: *охотку сбить, охотку сдёрнуть, охотку тёшить* (‘утолить желание’) (ср.: *Ходь бы малёнько пожыли вместе-то, ходь бы охотку збили* [2. С. 204]); *ляжешь – двое, встанешь – трое* (‘о зачатии ребенка’) (*Ана патом письмо написала: ляжиш – двоё, станеш – трое, патом мождэ ребёначек радца* [2. С. 143]). Для избегания прямого названия половых действий респонденты могут использовать слова и выражения, абсолютно не связанные с темой сексуальных отношений, или полностью опускать маскирующие эвфемизмы-табуизмы. В первом случае смысловой контекст стимулирует переструктурирование семантического поля слова (*У нас тут одна дёушка брюшко нажыла, а потом друа дёушка тожо видно с парнем пропала <...>* [ЛОНЗ]; *Дак с мужыком жыла, дети были* [ЛОНЗ]), во втором – вербальное окружение (а иногда и сопутствующая интонация) влияет на извлечение имплицитной информации, заложенной говорящим, и тем самым позволяет восстановить описываемую ситуацию (*В молодости у меня получилось так, што дружыли... ну и обманул. Сын у меня от его остался* [ЛОНЗ]; *Она з другим там... а он (муж) ей дома фсе управлят* [ЛОНЗ]). Сознательное употребление иносказательного обозначения действий объекта объясняем необходимостью табуирования деликатных тем в сельском дискурсе, а также языковым тактом собеседника, его представлением об уместности и пристойности.

ЛСГ «Наименования объекта любви»

Значительное количество предикатных оценочно-экспрессивных метафор обнаруживается среди составляющих ЛСГ «Наименования объекта любви». Например, в наших материалах выявлены субстантивные метафоры, содержащие фитонимический (*огдодиночка, ягодка, былинка, цветик, розан* и др.), орнитальный (*голубка, лебедь, лебёдушка, ласточка, касаточка* (обл. ласточка), *голубок, сокол ясный* и др.) и зоонимический (*ярочка*) компоненты.

Кроме того, в качестве источника метафоры выступают абстрактные существительные (*отрада; любовь, любушка; душа, душенька; долёчка, доля, долюшка* в значении ‘судьба, участь’), существитель-

ные, номинирующие части тела человека (*сердечечко, сердечик; кровушка, кровиночка*), предметы окружающего мира (*золотиночка, золотицо*) и др. Приведенные иллюстрации демонстрируют наличие в ЛСГ лексем, используемых для универсального обозначения партнеров обоих полов (*ягодиночка, отрада, душа, доля*) и парных лексем, отражающих пол партнера (*голубка – голубок, лебедь – лебедушка*). Во многих случаях это оценочно маркированные номинации с прозрачной внутренней формой, которая определяет мотивы их использования в коммуникации. Обнаруженные языковые факты убеждают в том, что респонденты избирают оценочную лексику, связанную с теми компонентами живой и неживой природы, которые приобретают для человека символическую значимость. По мнению С.Л. Гурской, назначение таких номинаций – «выразить любовь, симпатию, расположение, назвать близкого человека ласково, приветливо» [11. С. 171]. Т.И. Вендина полагает, что подобные слова аккумулируют «с одной стороны, отношение субъекта к предмету своей любви, включая его собственные психологические (и даже физиологические) ощущения, а с другой – интенции самого объекта любви»; поэтому в таких обозначениях «выявляется своеобразная система ценностей традиционной духовной культуры, ибо “милым и любимым” для человека является, как правило, то, что составляет основу его жизни, всего его существа» [12. С. 247].

Большая часть обнаруженных номинаций, называющих любимого человека, является оценочными. Чаще всего средством выражения оценки выступают морфемы, вносящие оценочный компонент в значение именования (*лебедушка, ягодиночка, милёночек, душечка, молодіца, соколик*), и оценочные коннотации мотивирующего слова, которые, по справедливому замечанию О.П. Ермаковой, связаны уже с прямым значением метафорически употребляемого слова, а переносное значение лишь реализует эти коннотации (*лебедь, былинка, сокол, розан, ангел*) [13. С. 32].

Судя по имеющимся материалам, основой для возникновения номинаций, обозначающих любимого человека в говорах Тюменской области, служат как общенародные, так и диалектные слова, смысловая составляющая которых позволяет выделить следующие группы оценочных наименований:

1) номинации, обозначающие человека, к которому испытывают чувство сильного любовного влечения. Они мотивированы словом с архисемой ‘любимый’ – ‘тот, кого любят; возлюбленный, возлюбленная’ [4]: *дрóля* (*дрóлька, дрóлинька*) в значении ‘любимый человек’ (мотивированы глаголом *дрóлиться* ‘гулять, проводить время с любимым’), *любушка* (*любавушка, любім, любімка*) в значении ‘тот (та), кого любят; возлюбленный, возлюбленная’ (мотивированы глаголом *любить*); *залётка* (*залёточка, залёта*) в значении ‘возлюбленный; возлюбленная’ (мотивированы переносным значением глагола *залететь* ‘попасть, влететь куда-нибудь’ [5], возможно, связанного с идеей вторжения, проникновения в чье-то сердце); *шмара* в значении ‘любимый человек, с которым дружит девушка или юноша’ (слово мотивировано глаголом *шмарить* ‘ухаживать’ [1. Т. 2. С. 393] и т.д.;

2) номинации, называющие человека, по отношению к которому номинирующий испытывает сильные любовные переживания: *зазноба* (*зазнобушка*), *ненаглядя*, *сухота* (*сухотинка, сухотиночка*), *отрада* и т.д. В приведенных иллюстрациях отмечаем отражение физиологического, физического и чувственного аспектов отношений с объектом любви. В качестве мотивирующих для данных наименований выступают однокоренные слова, известные либо общенародному языку, либо диалектным системам (ср. *зазноба* ‘предмет страстного влечения, возлюбленная’ [14. С. 314], связанное со словами *знобить* ‘о болезненном ощущении озноба, о лихорадочном состоянии’ [4] и *зазнобиться* ‘влюбиться’ [15. С. 95]; *ненаглядя* – ненаглядный ‘дорогой, любимый’ [4]; *сухота* – *присушить* ‘привлечь, привязать ворожкой; приворожить’ [4] или *сохнуть* ‘худеть (от душевных страданий)’ [4]; *отрада* – отрадный ‘доставляющий отраду, приятный’ [4]);

3) номинации, передающие оценку внешних признаков и внутренних качеств носителя: *ягодка, цветик, розан, прияточка, милáш* (*мíлка, мíлашка, милый, милёнок*), *вёшал* (‘о том, кто неотступно добивается расположения, взаимности’ [1. Т. 1. С. 107]), *вклепун* (‘влюбчивый человек’ [1. Т. 1. С. 115]) и т.д.;

4) номинации, содержащие оценку иных качеств как основы любовного чувства: *радость моя, мил друг, друг сердёшный, дужанька, сударка* (*сударик, сударчик*), *ухажорка, матаня* (возможно, из мордовского языка, где в буквальном переводе означает ‘милый, ухажёр’ [16. С. 131]) и т.д.

Яркой чертой ЛСГ «Наименования объекта любви» является наличие большого числа полисемичных номинаций: *дрóля* – 1. ‘любовница/любовник’, 2. ‘пользующийся чьей-нибудь любовью, внушающий кому-нибудь любовь’ [5]; *шмара* – 1. ‘любимый человек, с которым дружит девушка или юноша’, 2. ‘любовница или любовник’ [1. Т. 2. С. 393] и т.д. Многие из полисемантов демонстрируют широкое распространение семантического способа словообразования агентов, созданных от различных лексем литературного языка: *доля* – 1. ‘Часть целого’ [4; 5], 2. ‘Участь, судьба’ [4; 5], 3. ‘Любимый человек’; *былинка* – 1. ‘Стебель травы; травинка’ [4], 2. ‘Любимый человек’; *розан* – 1. ‘То же, что роза’ [4], 2. ‘Любимый человек’ и др.

Хорошо развиты в данной ЛСГ синонимические отношения, образующие большое количество рядов номинаций с совпадающим денотатом и различными сигнификатами. Доминантой такого ряда является слово семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное: *любовь* – *любим* – *любавушка* – *дрóля* – *залёта* и т.д. В тюменских говорах среди компонентов синонимических рядов можно обнаружить абсолютные синонимы (*любимый* – *дрóля*; *ухажёр* – *матаня*); семантические синонимы, различающиеся оттенками значения (*залётка* – *любим*; *друг сердёшный* – *мил друг* – *дужанька*) и эмоционально-экспрессивные синонимы (*боля* – *болечка* – *болешка*; *ухажёр* – *ухажорик* – *ухаживальщик*). Многозначное слово может входить сразу в несколько синонимических рядов.

Так, например, полисемичная лексема *дроля*, обозначающая смежные объекты действительности, маркируемые единицами одной тематической группы, может входить помимо указанного выше ряда в ряд *любовник – погульник – гулевán – блудня – блудень – потаскун*. Обнаруженные в тюменских говорах многочисленные синонимические ряды позволяют говорить о высокой степени репрезентации наиболее актуальных для языкового сознания понятий. Не случайно А.С. Герд подчеркивает, что «обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие в одном ареале, свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни и, тем самым, может служить дополнительным источником оценки отношения говорящих к тому или иному объекту» [17. С. 65].

ЛСГ «Наименования признаков объекта любви»

В тюменских говорах данный блок лексем представлен многочисленными примерами прилагательных, оценивающих внешность субъекта и его внутренние качества (*Бойких я большэ любіла, мой-от муж был тиховатой, смирёной шыпко* [1. Т. 2. С. 306]; *Я была ўха з хлазам* ('бойкая') *фсё пёла да плясала, а парни любят таких...* *Познакомились и вышла замуш за него* [ЛОНЗ]; *У их фсё робята неросляны* ('низкорослые'), *зато невесту выбираюд боле sibя* [1. Т. 2. С. 60] и др.). В большинстве случаев прилагательные лишь условно можно отнести к семантической группе с компонентом «любовь», поскольку их использование в качестве характеристик любимого/влюбленного человека во многом зависит от контекста и ситуации речи (ср.: *Дэфка-та чисто вертошара* ('легкомысленная, ветреная'), *не узнала мужыка и взамуш ушла* [ЛОНЗ] и *Мужык-та чисто вертошарой* [ЛОНЗ]; *Мой первой ухажор ненавязливой* ('ненадоедливый') *был, дак я ево любіла* [1. Т. 2. С. 57] и *Парнишонко-то у их ненавязливой* [ЛОНЗ]).

В тематический ряд слов с базовым компонентом «любовь» уверенно можем включить следующие номинации, характеризующие человека по внутренним качествам: *хороша, добра, первая* ('девственная, целомудренная, невинная'), *худа, худенькая* ('потерявшая невинность'), *имаристой* ('любящий ухаживать за девушкой, добываясь её расположения'), *погуляций, заблудящей* ('гуляющий, распутный'), *мотунистой* ('нарушающий верность'): *У нас тут одна деушка брюшко нажыла, <...> дак не добра была. <...> Если она добра, дак сразу добра, а не добра, сразу узнают* [ЛОНЗ]; *Дуги* (в упряжке лошадей) *овверчены лентой. Какá дэфка выходит. Ёжэли дэфка хороша выходит, знацит красной лентой, а ёсли худенька выходит – знацит ницэво* [ЛОНЗ]; *Как хороша поведёнья, так святы одёнет, а как худá – так никоо* [ЛОНЗ]; *У ей мужык мотунистой, а ужэ дэти большы* [ЛОНЗ], *Если неёста <у жениха> не первая, то посуду били сломанную, ёсли нет, то цэлую* [КСРСГ] и др.

Прилагательные, номинирующие человека по физическим особенностям, в тюменских говорах пред-

ставлены лексико-семантическими группами, оценивающими носителя по таким параметрам, как красота, рост, физическое здоровье, особенности телосложения и пр. К описываемой ЛСГ в первую очередь, как нам кажется, примыкают прилагательные с семантикой «красивый». Безусловно, физическая красота партнера в большинстве случаев не является основным фактором в складывающихся отношениях, но в период первоначального увлечения внешняя привлекательность может стать решающим критерием выбора партнера (ср.: *Бёгал за мной. А он рыжый-рыжый. И зачём он мне? У меня тогдá хорошэнький был, бёленький, высокого роста такой, приятенький. Хорошый парень был, красивый, кудреватый. Ну вот мы с ним и познакомились* [ЛОНЗ]; *Жэна у Вовы ленивая, но красивая. Он влопался в её поушей* [ЛОНЗ]). Таким образом, в ЛСГ «Наименования признаков объекта любви» может быть выделена лексическая парадигма, объединяющая диалектные прилагательные, положительно оценивающие партнера по физическим особенностям (*баской / баскуйцой / баскяйцой, приглядной, красивой* ('красивый, хороший, приятный внешним видом' [1. Т. 1. С. 41–42]), *найкай* ('очень красивый, рослый, стройный' [1. Т. 2. С. 53]) и репрезентации с противоположным семантическим компонентом, несущим негативную оценку внешности (*невыглядной, небаской, неприглядной, неглядкий*). Последние нередко используются для подчеркивания важности внутренних качеств партнёра в сравнении с внешними: *Невыглядной жэних-то был, но разворотливой* [ЛОНЗ]; *Хозяин мой был небаской, но я ево любіла* [КСРСГ].

ЛСГ «Наименования действий, связанных с нарушением верности в любви или супружестве»

У всех членов данной ЛСГ отмечается отрицательно-оценочная коннотация. Как правило, отрицательная оценка факта нарушения верности реализуется в не-прямых фразеологических номинациях, характеризующих поведение партнера: *Маринка завела шашни ж жэна́тиком* [КСРСГ]; *Разошлись, за волей пошла дак* [КСРСГ]; *Муж за волей ходил* [ЛОНЗ]; *Матаня белая / зачём измену зделала? / со мной не рассчиталась / з дру́им заупеталась* [ЛОНЗ] и др. Обычно ключевое слово в подобных фразах имеет значение передвижения в пространстве: *ходить на сторону, по стороне ходить, ходить стороной, по бабам таскаться, ходить по сударкам, от дому отбиться, сбиться с доброй путё, сбиться с пути, за волей ходить* и др. В народном представлении, таким образом, нарушение верности неразрывно связано с мотивом изменения места: для счастливо сосуществующих супругов пространственным ориентиром выступает общий дом, а человек, склонный к измене, всегда стремится нарушить границы своей территории, освоить чужое пространство [18. С. 47–56; 19. С. 483]. Не случайно для обозначения человека распутного, склонного к супружеской измене, чаще избираются негативно-оценочные образования, созданные на базе глаголов движения: *погульник, гулевán / гулевánка, блудня, блудень*.

Систематизация слов внутри указанной лексико-семантической группы наглядно демонстрирует наличие в ней разнообразных синонимических рядов, доминантой которых выступают наиболее употребительные, семантически наименее содержательные и стилистически нейтральные слова, например, *гулять* – *таскаться* – *шляться* – *шмарить* – *блудить* и т.д. Каждая следующая единица ряда отражает новый дополнительный признак, новые характеристики и оценки события, зафиксированные в слове номинатором. Синонимы таких рядов могут не только характеризовать измену как таковую, но и передавать отношение говорящего к поступку: *завести подружку* (*друга*) – *водить* (*заводить*) *дружбу* – *крутить романы* – *любовь заводит* и др. (профилируется идея не-предосудительности таких отношений между людьми); *шаши водить* – *по бабам бегать* (*таскаться, балахрысить*) – *сбиться с доброй путё* – *баб менять* и др. (профилируется идея социальной неприемлемости такого поведения): *Старый ужэ по бабам-то балахрысить!* [ЛОНЗ]; *Муш-та пришёл с вайны, свадьба была. Я жы дэвачка была, дэвачка неплохая, не какая-нибудь бэглэ. По парням не бэглала, не гуляла.* [ЛОНЗ]; *Подругу себе завёл. А подруга не денная, а ночная* ('любовница' [2. С. 214]) [ЛОНЗ]; *Шаши з бабами водил. Нервы мне поистрепал. А потём говорит, давай зачнём жыть поизнову, сойдёмся.* [ЛОНЗ]; *Я цяслива дитям. Онэ у меня не пьяницы. Два сына и две дочки. А што б гуляли или пили – нет! Ни одін з доброй путё не збійс. Выпивать-то выпивают. Но времем и нормой* [ЛОНЗ]; *С мужэм-то фсево три года прожыли. Загулял, з другой ушёл <...> Менял, менял баб да и наменял, двацэт одін гот как уш умер.* [ЛОНЗ].

Многие лексемы указанной ЛСГ полисеманты: *гулять* – 1. 'ходить для отдыха, удовольствия; прогуливаться' (*Нековды было гулять-та, робить надо было.* [КСРСГ]), 2. 'веселиться, развлекаться' (*Сварьбу гулять надо* [КСРСГ]), 3. 'находиться в любовных отношениях, встречаться' (*Я фсе рассказывала: как гуляли, как шмарились.* [1. Т. 2. С. 393]), 4. 'изменять жене или мужу' (*Он шыпко гулял, по сторонё ходил, я с ним разошлась.* [КСРСГ]); *шмарить* – 1. 'гулять, встречаться' (*Раньше не шмарили, как цяс.* [1. Т. 2. С. 393]), 2. 'ухаживать' (*Он за мной долго шмарил, года три.* [КСРСГ]), 3. 'изменять жене или мужу' (*Гуляли с бахтером, это с парнем, со шмарой* (любовником) *шмарили.* [КСРСГ]) и др. Многозначные слова могут входить в несколько синонимичных рядов разных ЛСГ, участвуя в каждом из них только одним значением.

ЛСГ «Наименования лица, совершившего измену»

ЛСГ «Наименования лица, совершившего измену» объединяет номинации, обозначающие человека распутного, склонного к супружеской измене. Как правило, это негативно-оценочные образования, созданные на базе глаголов движения: *погульник, гулевán/гулевánка, блудня, блудень*. Обычно

эмоционально-оценочная характеристика заложена в самом производящем слове (*блудня, блудень* 'гулящий, очень распутный человек' от *блудить* – 'вести распутную половую жизнь' [5]), однако отмечаются случаи образования слов с негативной окраской от абсолютно нейтральных лексем. Так, нейтральный глагол *дрóлиться*, известный в говорах в значении 'гулять, проводить время с любимым', стал мотивирующим для распространённого во многих населённых пунктах слова *дрóля* ('любимый человек'), которое в отдельных коммуникативных ситуациях употребляется для обозначения любовника или любовницы: *Вышла замуш, а у него была дрóля, чéрес поле бёгал к нёй. Иш ты, хорóший-хорóший, а дрóлю завёл* (здесь в значении 'любовница') [1. Т. 1. С. 211].

Отрицательная оценочность слова может задаваться контекстным окружением или интонацией. Так, контекстуальная информация влияет на формирование негативных коннотаций у нейтральной в тюменских говорах лексики *бахтёрка* ('невеста'): *У ево жанá забеременила и бахтёрка* (здесь в значении 'любовница') [1. Т. 1. С. 44] (ср.: *Невэста до свадьбы, пёрет сватанием звалазь бахтёркой* [1. Т. 1. С. 44]). Взаимодействие контекста и слова наблюдаем в следующем речевом отрезке: *Дóчка у меня трепли́на* ('легкомысленная'), *самá мужукá своёва не дождалась* [1. Т. 2. С. 301]. Здесь вербальный контекст выступает фоном, на котором лексема *трепли́на* демонстрирует возможность иного ее прочтения: *трепли́на* – не просто легкомысленная и несерьёзная, но еще и не оправдавшая доверия, неверная, ненадежная.

Дополнительную субъективность и экспрессивность оценки позволяют передать средства словообразования. Например, суффикс -ишк- придает уничижительный коннотативный оттенок значения стилистически нейтральному в говорах слову *бабёнка* ('женщина' ср: *Собралізь дефчёнки, бабёнки, поіот.* [КСРСГ]; *Она бабёнка-то роботяюшша.* [КСРСГ]) и *Отправилс з бабёнчишке з двоім дитям, а своїх оставил, стрехлэй.* [1. Т. 2. С. 293]).

Внутри данной ЛСГ выявлены синонимические ряды с прямыми номинациями субъекта, принимающего участие в ситуации измены и переносными: *изменик* – *изменичик* – *гулевán* – *погульник* – *блудня* – *блудень* – *потаскун*; *изменница* – *изменица* – *блудня* – *гулевánка* – *потаскуха*; *любовник* – *полюбовник* – *хахаль*; *любовница* – *полюбовница* – *шмара* – *дрóля* – *бахтёрка*. Единицы данных парадигм объединяют многочисленные разнокорневые (*любовник* – *хахаль*) и однокорневые разноаффиксные синонимы (*любовник* – *полюбовник*), различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской. Значительная часть слов мотивируется глагольной лексикой и характеризует человека как активного деятеля.

Многие лексемы данной ЛСГ являются полисемантами, поскольку обозначают смежные объекты действительности, маркируемые единицами одного лексико-семантического поля. Например, лексемы *дрóля, бахтёрка, шмара*, представленные в ЛСГ «Наименования объекта любви», одной из сем входят в ЛСГ «Наимено-

вания лица, совершившего измену». Отдельные полисеманты могут входить в разные ТГ. Например, лексема *доля* (*до́лечка*, *до́люшка*), известная словарям в значении 'судьба, участь', входит в ТГ «Любовь» и в ТГ «Судьба». В тюменских говорах это не единственный вербальный маркер, входящий в упомянутые выше группы. Так, например, выбор второй половины респонденты определяют как выбор судьбы (*найті себе судьбу* – 'найти вторую половину'), а принятие решения о замужестве воспринимают как судьбоносное событие, предопределяющее дальнейшую жизнь: *И говоріт матері: «Он меня зговариват взамуш». А мать-то говоріт: «Поежжай, можэт там ы судьба»* [ЛОНЗ]; *Потом я нашла себе судьбу. Он стал сапожником, как вмести стали жить...* [2. С. 164]. Таким образом, в народном сознании любовь мифологизируется, являясь частью воплощений судьбы (доли).

Заключение

Любовь в диалектной языковой картине мира (на примере русских народных говоров юга Тюменской области) представляется как сложное явление внутренней жизни человека, значимый феномен эмоциональной сферы, проявления которой не принято выражать явно. Именно поэтому доминантная лексема *любовь* очень часто пересекается по смыслу с такими смежными номинациями, как дружба, согласие, симпатия, взаимопонимание, привязанность, увлечение и т.д.

Любовное чувство и объект, на который оно направлено, в диалектной среде оцениваются чаще положительно (убеждает в этом многообразие оценочных вариантов номинаций самого чувства и его объекта), а также позитивно оценивается устойчивость и неизменность чувства (особая актуализация чувства в рамках семейных отношений). Отрицательной оценки и порицания заслуживают такие морально-нравственные антиценности, связанные с представлениями о любовных отношениях, как недоверие, ревность, вмешательство в чужую семейную жизнь, нарушение верности. Имеющиеся контексты отражают распространенное мнение респондентов о том, что только соблюдение установившихся правил в общении между мужчиной и женщиной позволяет создать крепкие и счастливые отношения, а их любое нарушение приводит не только к разрыву, но и к несчастливой жизни в дальнейшем (*Как к той бабе-то ушол, даг жысь у нево пошла недоладом, кувырком* [ЛОНЗ]).

Зафиксированные авторами лексемы и фраземы образуют объемную тематическую группу «Любовь», которая состоит из нескольких лексико-семантических групп и семантических подгрупп, отражающих представления респондентов о наиболее важных составляющих любви: отношения (чувство), участники (субъект и объект чувства), причина (внутренние и внешние характеристики субъекта и объекта любви), действия, характеризующие отношения (этапы развития отношений: период ухаживаний – зарождение любви – любовные переживания), поведенческая характеристика (ревность; тайная и явная лю-

бовь; любовь взаимная, связанная с привязанностью друг к другу (обычно любовь в браке) и внебрачные отношения, связанные с кратковременными увлечениями; нарушение верности) и т.д.). Отличие вариантного (диалектного) от инвариантного (общенародного) идеографического пространства понятия «Любовь» состоит в более широкой системе эмоциональных, образных и экспрессивно-оценочных репрезентантов описываемого чувства.

Интерпретация фактического материала в сопоставлении с общерусскими языковыми фактами отчетливо показывает, что тематическая группа «Любовь» в региональном дискурсе имеет богатое лексическо-фразеологическое наполнение и объединяет общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке (*влюбиться*, *полюбить*, *понравиться*), разговорные (*снюхаться*, *приглянуться*, *волочиться*, *увиваться*), просторечные (*блудить*, *таскаться*) и собственно диалектные, имеющие ограниченную территорию распространения (*шмариться*, *дролиться*). Большая часть исследованных номинаций характеризуется прозрачной внутренней формой, ясной семантической и словообразовательной структурой, которые позволяют закрепить в лексеме сложившиеся культурные установки и стереотипы.

Между членами сформировавшихся ЛСГ выявлены синонимические и антонимические отношения, а также мотивационная связь. Описываемые ЛСГ характеризуются широко развитой синонимией, которая ориентирована на более точную передачу коммуникативных интенций говорящего. Одновременное употребление нескольких синонимов может быть связано с необходимостью уточнения (нередко происходит посредством прояснения внутренней формы слова), устранения повторов в речи, передачи дополнительных оттенков смысла и акцентирования внимания адресата на нюансах. Распространенность в тюменских говорах синонимических связей слов отражает тенденцию диалектоносителей к детальной проработке понятийной сферы «Любовь».

Антонимические пары в наших материалах представлены меньшим количеством примеров. Мы можем с уверенностью говорить о том, что в тюменских говорах оценочная полярность присуща вербальным рядам, выражающим следующие значения: 'перестать испытывать чувство глубокой привязанности, интереса' и 'испытывать симпатию, интерес, влечение'; 'девственная, целомудренная, невинная' и 'потерявшая невинность'; 'гулящий, распутный' и 'верный'; 'красивый, хороший, приятный внешним видом' и 'некрасивый, неприятный внешним видом'. Антонимические пары, выступая средством выражения контрастности, позволяют вовлечь в речевую ситуацию такие средства, которые создадут необходимую экспрессивность и тем самым реализуют коммуникативные задачи говорящего.

Обращает на себя внимание и такая яркая особенность анализируемого лексико-фразеологического пласта, как наличие большого числа полисемичных номинаций. Как правило, источником полисемии

служит метафора, образованная на базе лексики разных сфер: предметной, природной, бытовой и др. Активное использование в говоре метафорических наименований связано с тем, что метафора входит в

состав традиционных способов выражения эмоций и оценок, построенных на сопоставлении признака объекта метафоры с одним и тем же признаком субъекта метафоры.

Примечания

¹ КСРСГ – Картотека словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета).

² ЛОНЗ – Лексикографически обработанные неопубликованные (рукописные) записи, произведенные авторами с целью изучения русских говоров Тюменской области (личные архивы авторов).

Список источников

1. Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области: в 2 т. / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. Т. 1. 400 с.; Т. 2. 516 с.
2. Багирова Е.П., Белякова С.М. Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2020. 356 с.
3. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. 264 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1–3 / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 750 с.
5. Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энциклопедия ; ОГИЗ ; Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 18.03.2022).
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. 739 с.
7. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2004. 1536 с.
8. Большой академический словарь русского языка : в 24 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2008. Т. 9. 658 с.
9. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград : Перемена. 2003. С. 189–208. URL: <http://lincon.narod.ru/love.htm> (дата обращения: 18.03.2022).
10. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.
11. Гурская С.Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в Ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. Филология. 2009. № 1 (58). С. 171–175.
12. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007. 336 с.
13. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : КГПУ, 2005. 202 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд. М. : Русский язык, 1999. 624 с.
15. Словарь русских народных говоров : в 49 т. М. : Наука ; Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1974. Т. 10. 388 с.
16. Москвичёва С.А. Традиционные наигрыши Тамбовского края: «Матаня»: Жанровая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 5 (19): в 2 ч. Ч. I. С. 131–136.
17. Герд А.С. Введение в этнолингвистику : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ ; Языковой центр, 1995. 86 с.
18. Кучко С.В. Русская диалектная лексика со значением измены в любви : семантико-мотивационный аспект // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 479–498.
19. Малькова Я.В. Соперничество в любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 47–56.

References

1. Belyakova, S.M. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects of the South of Tyumen Oblast]. Tyumen: Tyumen State University.
2. Bagirova, E.P. & Belyakova, S.M. (2020) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Tyumenskoy oblasti* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Tyumen Oblast]. Tyumen: University of Tyumen.
3. Belyakova, S.M. (2005) *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti)* [The Image of Time in the Dialectal Picture of the World (On the material of Russian old-timer dialects in the south of the Tyumen region)]. Tyumen: Tyumen State University.
4. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–3. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
5. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ; Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. [Online] Available from: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (Accessed: 18.03.2022).
6. Chernyshev, V.I. (ed.) (1957) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Kuznetsov, S.A. (2004) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
8. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2008) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 9. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
9. Vorkachev, S.G. (2003) Kontsept lyubvi v russkom yazykovom soznanii [The Concept of Love in the Russian Linguistic Consciousness]. In: Leont'evich, O.A. (ed.) *Kommunikativnye issledovaniya 2003: Sovremennaya antologiya* [Communicative Research 2003: Modern Anthology]. Volgograd: Peremena. pp. 189–208. [Online] Available from: <http://lincon.narod.ru/love.htm> (Accessed: 18.03.2022).
10. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2008) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow: Flinta; Nauka.
11. Gurskaya, S.L. (2009) Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, nazyvayushchie lyubimogo cheloveka v Yaroslavskikh govorakh [Nouns of the general gender, naming a loved one in Yaroslavl dialects]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Filologiya*. 1 (58). pp. 171–175.
12. Vendina, T.I. (2007) *Iz kirillo-mefodievskogo naslediya v yazyke russkoy kul'tury* [From the Cyril and Methodius Heritage in the Language of Russian Culture]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.

13. Ermakova, O.P. (2005) *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of the Language]. Kaluga: Kaluga State Pedagogical University.
14. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Filin, F.P. (ed.) (1974) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 10. Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
16. Moskvicheva, S.A. (2012) Traditsionnye naigryshi Tambovskogo kraia: "Matanya": Zhanrovaya kharakteristika [Traditional tunes of the Tambov region: Matanya: Genre characteristics]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (19). Part I. pp. 131–136.
17. Gerd, A.S. (1995) *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to Ethnolinguistics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; "Yazykovoy tsentr".
18. Kuchko, S.V. (2017) Russkaya dialektnaya leksika so znacheniem izmeny v lyubvi: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Russian dialect vocabulary with the meaning of betrayal in love: semantic and motivational aspect] *Slavyanskiy al'manakh*. 3–4. pp. 479–498.
19. Mal'kova, Ya.V. (2019) Sopernichestvo v lyubvi v zerkale dialektnoy leksiki (na materiale govorov Russkogo Severa) [Rivalry in love in the mirror of dialect vocabulary (based on dialects of the Russian North)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3 (11). pp. 47–56.

Информация об авторах:

Багирова Е.П. — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

Марандина Е.Л. — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elipihina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Bagirova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: bagirovaelena@mail.ru

E.L. Marandina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elipihina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 25.03.2022;
approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/488/11

Стихотворный текст как формат рекламы (на примере рекламы коньяка фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья» в газете «Кавказ»)

Тарон Рудольфович Даниелян^{1, 2}, Тадевос Вруйрович Тадевосян³

^{1, 3} Ванадзорский государственный университет имени Ов. Туманяна, Ванадзор, Армения

² Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

^{1, 2} tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

³ o.cafedra@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена стихотворная реклама коньяка фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья» в газете «Кавказ». Проанализированы 33 рекламных сообщения, особое внимание уделено структуре текста и тем произведениям художественной литературы, которые послужили основой для создания «вторичного» рекламного материала. Выявлена специфика моделирования текстов, система образов и поэтический антураж стихотворной рекламы коньяка фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья».

Ключевые слова: тифлисская пресса, языковая игра, интертекст, рифма, поэтический антураж

Для цитирования: Даниелян Т.Р., Тадевосян Т.В. Стихотворный текст как формат рекламы (на примере рекламы коньяка фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья» в газете «Кавказ») // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 111–119. doi: 10.17223/15617793/488/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/11

Poetic text as a format of advertisement (on the example of the cognac advertisement of the N.L. Shustov and Sons company in the newspaper *Kavkaz*)

Taron R. Danielyan^{1, 2}, Tadevos V. Tadevosyan³

^{1, 3} Vanadzor State University, Vanadzor, Armenia

² Yerevan State University, Yerevan, Armenia

^{1, 2} tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

³ o.cafedra@yandex.ru

Abstract. At the beginning of the 20th century, advertising penetrated into many spheres of the socio-cultural activities of the Caucasus region where, starting from the 1860s, industry was actively developing, foreign capital was being introduced, trade relations were passing to a qualitatively and quantitatively new level of development. Under these conditions, advertising communication in the Tiflis press also developed actively. Market competition required from publishers and advertisers new ways and techniques of expressiveness of advertising texts. Authors of advertising messages offered new formats, as a result of which advertising information was often transformed from a publicity material into a literary and artistic composition. New types of services and offers were formed in the advertising and newspaper-magazine spheres. The article reviews the poetic advertisement of cognac of the N.L. Shustov and Sons company in the newspaper *Kavkaz*. In this newspaper, the Shustov dynasty, which produced alcoholic products, placed a poetic advertisement of cognac during 1911. After analyzing the original texts of the poetic advertisement and the works of modern scholars on this issue, the authors propose to explore poetic advertising as a media format. The aim of the article is to identify the main elements and features of the presentation of the format of poetic advertising. On the example of the poetic advertisement of cognac of the N.L. Shustov and Sons company, the authors distinguish the types of elements that determine the structure of the advertising text. The authors analyze 33 advertising messages, paying special attention to the structure of the text and those works of fiction that served as the basis for the creation of “secondary” advertising material. Also, the authors reveal the specificity of text modeling, the system of images and the poetic entourage of the poetic advertisement of cognac by the N.L. Shustov and Sons company. The authors state that, at the beginning of the 20th century, various formats of advertising texts were developed in the advertising communication system of the Russian Empire. In poetic advertisement, the main constituent elements were conceptual and formal models of precedent compositions of art. The poetic texts of the N.L. Shustov and Sons company present a clearly defined advertising strategy of the company – a synthesis of classical works with the involvement of modern realities against the background of everyday life. The main face of the advertisement is a contemporary intellectual who, in various images in all sorts of life situations, finds the formula for a happy life – the cognac of the N.L. Shustov and Sons company.

Keywords: Tiflis press, language game, intertext, rhyme, poetic entourage

For citation: Danielyan, T.R. & Tadevosyan, T.V. (2023) Poetic text as a format of advertisement (on the example of the cognac advertisement of the N.L. Shustov and Sons company in the newspaper *Kavkaz*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 111–119. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/11

Введение

В начале XX в. реклама *проникла* во многие области социально-культурной деятельности Кавказского региона, где, начиная с 1860-х гг., активно развивалась промышленность, внедрялся зарубежный капитал, торговые отношения переходили на качественно и количественно новый уровень развития. Интерес к рекламе не ограничивался лишь областью рекламной коммуникации. Слово «реклама» получило широкое значение, семантические поля которого вышли далеко за пределы рекламной деятельности и в то же время включали в себя маркетинговые компоненты. Так, в одном случае концепт «реклама» являлся способом маркировки товаров – прагматонимом, например батумский табак «Реклама» [1. С. 1]; во втором случае он становился зоонимом, например, кличку «Реклама» носила лошадь, которая выступала на конских скачках [2. С. 3]; и, наконец, выступал в качестве гермеронима, аккумулируя тематику газетных материалов под одним названием – «Реклама».

В этих условиях активно развивалась также рекламная коммуникация в прессе Тифлиса. Рыночная конкуренция требовала от издателей и рекламодателей новых способов и приемов выразительности рекламных текстов. Авторы рекламных сообщений предлагали новые форматы, вследствие чего рекламная информация зачастую из оповестительного материала трансформировалась в литературно-художественную композицию. В рекламной и в газетно-журнальной сфере формировались новые виды услуг и предложений. Так, например, тифлисская бесплатная газета «Реклама», выходящая в 1911 г., оповещала, что контора газеты «берет на себя составление текста оригинальных реклам, боевых, подвижных, иллюстрированных, анонимных, беллетристических и т.п.» [3. С. 1].

В Тифлисе, как и в других регионах Российской империи, литературные приемы в рекламе предпочитали в основном производители табачной и алкогольной продукции. Данный коммуникационный ход использовался как в русской периодике, так и в прессе, выходящей на местных языках. Наиболее часто употреблялись стихотворный формат, маленькие рассказы и миниатюры.

Заметим, что в газете «Кавказ» первый рекламный стих «Боржоми» был опубликован еще в 1872 г. на английском языке: в стихотворной форме описывались красота и достоинства курортного края, гармония и контрасты природы данной местности.

*Let all lovers of Nature, then come to Borzhom,
(Пусть все любители Природы приедут в Боржом.)*

And at least for a time, find a bright happy home, (И хотя на время обретут свой светлый, счастливый дом.)

*Embowered in woodlands with hills far and near,
(Утопающий в далеких и близких лесистых холмах.)*

Oh! who would not live in a valley so dear! (O! Кто ж не согласен жить в этой милой сердцу долине?)

For no clime is so genial, no sky is so clear (Так как больше нигде нет такого мягкого климата и ясного неба.) [4. С. 4]¹.

Как ни странно, но в последующем в течение многих лет стихотворный формат рекламы не использовался. Более активно к рекламному стиху в тифлисской прессе начинают прибегать лишь в 1910-х гг. В частности, газета «Кавказ» в 1910 г. в данном формате напечатала рекламные тексты табачной фабрики братьев Сейлановых, кондитерской и булочной И.А. Алиханова. В том же году, когда газета «Кавказ» публиковала информационный текст Шустовского коньяка, в частных изданиях уже начали печататься стихотворные рекламы фирмы. А в 1911 г. они появились и на страницах газеты «Кавказ».

Постановка вопроса

До сих пор среди исследователей нет единой точки зрения по поводу стихотворной рекламы как виду творческой деятельности.

Стихотворная реклама, наряду с заумной поэзией, агитационным искусством и оформительской работой, рассматривается в общем контексте авангардизма и «балансирует на границе между искусством и неискусством» [5. С. 21].

Классик русских рекламных текстов В. Маяковский, вопреки распространенному мнению, считал рекламу серьезным жанром: «Для него рекламные и агитационные плакаты были не менее важны, чем стихотворения и поэмы» [6. С. 172]. Как и многие из его современников, В. Маяковский воспринимал рекламу как своеобразный вид «литературного оружия» [7. С. 211]. Будучи автором многих рекламных текстов, он признавал, что «реклама – это имя вещи. Как хороший художник создает себе имя, так создает себе имя и вещь. Реклама должна быть разнообразием, выдумкой» [8. С. 57–58].

С этим мнением солидарны далеко не все исследователи, так как стихотворная реклама считается прикладным произведением утилитарного характера, написанная «"на случай" под заказ» [9. С. 74]. Она не рассматривается в качестве поэзии, потому что имеет более архаический характер и похожа на древние примитивные заклинания [10. С. 102], в то же время имеет развлекательный характер и наполнена «специфическими народными выражениями, юмором, настраивает на игровой лад» [11. С. 83]. По мнению ученых, в данном случае реклама имитирует литературу и заимствует у нее приемы, воздействующие на читателя уже выработанными методами: «Ни новых рифм, ни свежих метафор, ни тем более поэтических откровений в ней не найти. С поэзией ее роднит только форма, которая способствует достижению основной цели рекламного сообщения – донести до читателя информацию о товаре в простом, и что самое главное в запоминающемся виде» [12. С. 132].

Есть и более радикальные взгляды: отмечается, что хотя сочинения данного рода на первый взгляд совпадают с поэзией по своей форме и отличаются по содержанию, но истинная поэтическая форма здесь невозможна, так как «содержание и форма есть органическое единство и поэтическая форма немыслима без поэтического смысла, и наоборот, <...> поэтому стихи, лиш-

ные истинно поэтического смысла, не могут обладать действительно поэтической формой» [13. С. 75–76].

Сопоставив вышеприведенные тезисы, мы предлагаем исследовать стихотворную рекламу в качестве медийного формата как «совокупность параметров элементов, составляющих контент и определяющих особенности его подачи» [14. С. 41].

Цель нашей статьи – выявить основные элементы и особенности подачи формата стихотворной рекламы, задача исследования – на примере стихотворной рекламы коньяка фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья» определить виды элементов, определяющих структуру рекламного текста.

Временные рамки нашего исследования начало – конец 1911 г., так как данный формат рекламы в «Кавказе» публиковался только в 1911 г. За указанный промежуток времени в газете были напечатаны 33 стихотворные рекламы указанной фирмы.

Заметим, что годом раньше официальная газета Кавказского региона также обращалась к рекламе Шустовского коньяка, но эти тексты имели нелитературный формат, в отличие от частных периодических изданий (например, газеты «Новая речь»), в которых уже публиковались рекламные стихи данной фирмы.

Результаты

Компания «Н.Л. Шустов и сыновья» в истории рекламной деятельности Российской империи занимает уникальное место. Именно она в свое время предвосхитила «приемы маркетингового продвижения, получившие широкое распространение в конце 20 – начале 21-го веков под названием “партизанский маркетинг”» [15. С. 166].

Компания также выделилась своей рекламной стратегией в прессе.

По типу распространения рекламы Шустовский коньяк рассматривался в группе общероссийских реклам, которые, по мнению исследователей, долгое время были «чемпионом лаконичности» [16. С. 104]. В дальнейшем, в связи с расширением конкурентного рынка «с использованием “соблазняющих” возможностей слова и рисунка» [17. С. 123] компания «Н.Л. Шустов и сыновья» начала рекламировать свой товар в поэтическом формате: «“Шустовские” поэты стали регулярно воспевать достоинства коньяка. Шагая в ногу со временем, менее чем за четыре года стихотворная реклама прошла путь от элегий, басен и баллад» [18. С. 57].

Заметно, что рекламная стратегия компании «Н.Л. Шустов и сыновья» в разных регионах Российской империи отличалась друг от друга как в диахроническом, так и в синхронном аспектах.

В первом случае это могло быть обусловлено временным отрезком появления продукции на данном рынке, а во втором – социально-культурными отличиями, а также рекламной деятельностью местной прессы и видами услуг, которые предоставляли редакции газет и журналов.

В тифлисской прессе стихотворная реклама Шустовского коньяка появляется впервые в 1910-х гг.

К сожалению, нам не удалось выявить авторов рекламных текстов. Исследователи дореволюционной прессы в Российской империи отмечают, что в газете «Жизнь Алтая» в рекламе коньяка Шустова использовались «великолепные рисунки, выполненные художником Н. Никольским» [19. С. 158], а в некоторых источниках отмечается, что рекламные стихи для этого коньяка писал А.С. Бухов.

О. Лекманов, говоря о влиянии модернизма на массовую культуру России к началу 1910-х гг., приводит пример, когда произведение поэта-модерниста Д. Мережковского было использовано в качестве торговой рекламы и отмечает, что эти тексты, сочиненные Буховым, воспринимались читателем, в первую очередь, не как литературные пародии, призванные утрировать поэтическую манеру писателя, а как броскую стихотворную рекламу Шустовского коньяка [20. С. 231–232].

Из особенностей публикации рекламы данного производителя коньяка можно выделить периодичность и уникальность текстов.

Периодичность. Реклама компании в газете «Кавказ» всегда публиковалась на первой или второй страницах в конце рекламного блока, но строгой периодичности в публикациях не было. Как видно, данной стратегии компания придерживалась и при публикации рекламы в частных газетах не только Тифлиса, но и во всей империи. Например, нерегулярная периодичность была характерна и для томской газеты «Сибирское слово»².

Этот факт являлся одной из особенностью рекламной кампании фирмы, которая отличалась от конкурентов своей дискретной стратегией по публикации рекламных текстов. Также нет периодической последовательности между публикациями текстов-миниатюр и стихов.

Уникальность. С коммуникационной точки зрения для текстов стихотворной рекламы характерна ситуативность. Рекламные тексты Шустовского коньяка отличались именно тем, что тексты не повторялись в каждом номере, а каждый раз в стихотворном формате (или в миниатюре) представляли новый сюжет. Фактически рекламный формат компании имел рубрикационный характер: под каждым новым названием (или без названия) описывалась новая тема. Обычно это были бытовые истории, легенды, сказки или философские монологи о смысле жизни (в этом плане можно провести параллель с рекламным жанром бытовых историй). Главные лица всегда менялись и каждый из них оказывался в какой-то критической ситуации или в приятном расположении духа, когда вопросы решались («*И топи житейскую заботу // Ты всегда в Шустовском коньяке*» [21. С. 1]) или резюмировались («*И пьет в счастливом в этом граде всяк // Напиток тот, что греет и голубит // Чудесный, нежный Шустовский коньяк*» [22. С. 1]) именно с помощью коньяка фирмы Шустова.

Основные элементы формата стихотворной рекламы являются аналогами поэтики художественной литературы, среди которых можно выделить следующие компоненты:

1. Структура текста. Рекламные тексты преподносятся как художественные произведения в конце рекламного блока первой страницы газеты. В большинстве своем они имеют заголовки, которые аккумулируют содержание стиха с некоторым ассоциативным намеком на рекламируемую продукцию. С композиционной стороны для рекламных текстов коньяка Шустова характерна американская модель композиции текста: «Автор не сообщает тему в самом начале, а практически до последнего момента оттягивает знакомство с ней, первоначально привлекая внимание за счет неожиданной, шокирующей, любопытной информации» [23. С. 254], или привлекает интересным сюжетом в конце которого выясняется цель произведения. Например, в сюжете рекламного текста «Серенада» рассказывается, как из очередного славного похода возвращается Дон-Кихот, который надевает свой праздничный наряд, берет гитару и устремляется к своей любимой Дульсине, которой посвящает серенаду. Однако подлинным мотивом для выхода Дульсины на балкон становится коньяк Шустова: *«Выйди же, выйди, Дульсинея, // Подари свое лобзание. // Я принес с собой бутылку // Коньячио ди Шустово. // Ты его любила прежде, // Пить всегда была готова»* [24. С. 1].

Интересно, что в частных газетах Тифлиса встречается смешанная структура рекламных стихов Шустовского коньяка, но доминирующей структурой все же была американская модель.

Для сравнения отметим, что в рекламных текстах того же формата кондитерской и булочной И. Алиханова и табачной фабрики Сейлановых была свойственна европейская модель рекламного текста, которая, наоборот, подразумевает, что во взаимодействии с целевой аудиторией необходимо с самого начала посвятить людей в содержание текста, чтобы они могли ориентироваться в теме, а при необходимости – отказаться от прослушивания / чтения информации [23. С. 254].

2. Рифма. Рифма – одна из главных особенностей стихотворной рекламы. По мнению исследователей, в случае рекламы «рифму следует рассматривать как результат языковой игры» [25. С. 72]. В свою очередь, многогранность языковой игры порождает множество определений, которые представляют разные аспекты ее сущности. С. Ильясова и Л. Амири языковую игру в рекламном дискурсе определяют, как «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления выразительности рекламного текста с определенной материальной целью – продажей рекламируемого товара или услуги» [26. С. 36]. На наш взгляд, в стихотворной рекламе рифма, как элемент формата, выступает как некий симулякр, при помощи которого происходит тривиализация известных классических текстов путем включения их с некоторыми изменениями в рекламную коммуникацию, а также эксплуатация поэзии и крылатых выражений для создания обыденной атмосферы. Например, вариация знаменитого стихотворе-

ния А. Пушкина «Памятник» (1836): в рекламе повествование ведется от первого лица, в роли которого выступает сам Шустовский коньяк. *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, // К нему не зарастет народная тропа: // Вознесся выше он главою непокорной // Наполеонова столпа. /-/ Я всех люблю огнем своим лаская, // Я разгоняю нашей мысли мрак, // Я знаменит от Волги до Алтая, // Я – Шустовский коньяк»* [27. С. 1].

Модели литературных произведений. Немаловажную роль в стихотворной рекламе играли также модели известных произведений. Заметим, что основой для рекламных текстов данного формата в большинстве служили произведения русских поэтов XIX в., среди которых лидирующее положение занимали А. Пушкин (6 произведений), Козьма Прутков (4 произведения), Н. Некрасов (3). Основой рекламных стихов были также сочинения А. Фета, А.К. Толстого, В. Жуковского, И. Омулевского, П. Шумахера, И. Северянина. Из сочинений зарубежных писателей есть отсылка к П.-Ж. Беранже.

В связи с этим можно выделить две разные модели конструирования внутренней (содержательной) и внешней (формальной) сторон рекламных стихотворных текстов:

1. Содержательная модель. В данном случае мотив известных произведений служит сюжетообразующим элементом. В рекламном тексте присутствуют прямые отсылки на популярные произведения известных писателей. Так, в качестве основы рекламного текста «Сон» употребляется сатирическое произведение Козьмы Пруткова «Осень» (1860). Первые четыре строки дословно повторяют первую строфу указанного стихотворения Козьмы Пруткова. В оригинальном тексте указывается «подлинный» автор произведения – Ибн-Фет: иронический намек на переводы А. Фета из персидской поэзии, сделанные с немецкого языка [28. С. 1]. Рекламный текст «Желания поэта» почти дословно повторяет одноименное стихотворение Козьмы Пруткова (1854), которое, в свою очередь, является пародией на стихотворение А. Хомякова «Желание». Только между четвертой и пятой (последней) строфами размещена дополнительная строфа, рекламирующая коньяк: *«Хотел бы я, хотя на время, // Бутылкой Шустовскою стать, // Чтоб, облегчая жизнь бремя, // Коньячной влагой угощать»* [29. С. 1].

Подобную модель имели и рекламные тексты «Буря» [30. С. 1] и «Застенчивость» [31. С. 1], которые полностью повторяли одноименные стихотворения Н. Некрасова «Буря» (1850) и «Застенчивость» (1852) за исключением последних нескольких строк. Рекламный стих «Москва» представляет собой вариацию стихотворения Н. Некрасова «Петербургское послание» из цикла «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» (1859). Произведение Н. Некрасова состоит из восьми децим (десятистиший). Первые четыре строки первых трех строф почти дословно повторяют некрасовский текст. Последующие пять строф являются модификацией стихотворения Н. Некрасова. Автор рекламы Шустовского коньяка

указывает на культурные объекты и достопримечательности Москвы, затем обращается к традиционному московскому гостеприимству, в котором немало важную роль играет коньяк Шустова [22. С. 1].

Экспозиция рекламного стиха «Сказка о печальной царевне и конюхе Иване-дураке» (первые шесть строк) повторяет начало поэмы А. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» (1822): только вместо царя Никиты выступает царь Феодосий. Дальнейшее развитие сюжета к шуточной сказке А. Пушкина уже не имеет никакого отношения. Автор рекламного стихотворения воспроизводит фабулу народной сказки о царевне Несмеяне, модернизируя концовку в конъюнктурных целях: никогда не улыбавшуюся царевну смог развеселить простой конюх, предварительно дав ей глотнуть коньяка [32. С. 1].

В рекламных целях было использовано также произведение А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...». Первые четыре строки совпадают с началом стихотворения А. Фета, далее автор рекламного стиха, используя анафору «Я пришел к тебе», продолжает развивать собственный композиционный ряд. Обращает внимание использование большого количества фитонимов (роза, резеда, гвоздика, примavera, сирень), которые также отсылают к творчеству А. Фета: как известно, флористическая эмблематика и символика проходят через все творчество поэта [33. С. 1].

Авторы рекламы Шустовского коньяка не обошли стороной и стихотворение И. Омулевского «Земной рай» (1881). Рекламный текст полностью повторяет первые пять строк, а также седьмую, восьмую, девятую и тридцать третью строфы произведения И. Омулевского. Шестая строфа несколько переделана: вместо строк «Шампани резвою струей // Забьют, где надобно, фонтаны» значится «Забьют игривою струей // Шустовским коньяком фонтаны» и при этом она помещена после девятой строфы [34. С. 1].

Стихотворная реклама «Одиночество» полностью повторяет стихотворение поэта-сатирика Петра Шумахера «Горькое одиночество» (1877). Кроме того, подзаголовок рекламы – «Иных уже нет, а те дале» – представляет собой реминисценцию из романа А. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831): «Но те, которым в дружной встрече // Я строфы первые читал... // Иных уж нет, а те дале, // Как Сади некогда сказал» (глава 8, строфа 51) [35. С. 1].

В рекламе встречаем и отсылку к стихотворению Пьера-Жана Беранже «Le Sénateur» (1813), в русском переводе В. Курочкина – «Знатный приятель» (1856): полностью повторяется все произведение за исключением последней строфы [36. С. 1].

2. Формальная модель. Если в содержательной модели были прямые ссылки на те или иные произведения, то в формальной модели известные классические стихотворения становятся неким метатекстом или отправной точкой для рекламных текстов. Так, в рекламе «На каждый день» афоризм Козьмы Пруtkова «Если хочешь быть красивым, поступи в гусары...» получил новую трактовку – «Если хочешь быть красивым // Не теряя зря минут, // Поступай для исправ-

ления // В специальный институт», после чего автор рекламы приводит свои сентенции по поводу, славы, ума и счастья, которых можно достичь, употребляя Шустовский коньяк [37. С. 1].

Заметим, что в стихотворной рекламе, как и в языковой игре, часто используется аллюзия. Но для данного стилистического приема необходимы также следующие условия: наличие участников, их одинакового тезауруса и игрового материала, в качестве которого могут выступать «элементы элитарной и массовой культуры – прецедентные тексты, составляющие фоновые знания» [38. С. 110]. Таким материалом для рекламных текстов также служили известные произведения.

Например, реклама с названием «“Есть” и “было”» представляет собой аллюзию на стихотворение В. Жуковского «Воспоминание (О милых спутниках)» (1821). Последние две строки этого стихотворения («Не говори с тоской: их нет; // Но с благодарностию: были») представлены в качестве эпиграфа к рекламному тексту [39. С. 1].

В качестве формальной модели использовались также вариативные приемы. Так, например, рекламный текст «Поэту» представляет собой вариацию стихотворения А. Пушкина «Поэту» (1830) [40. С. 1].

Заметим, что в частных газетах печатались также рекламы в виде акrostихов, которые, с нашей точки зрения, относятся к формальной модели организации текста. Можно констатировать, что моделям содержания и формы свойственна интертекстуальность. В качестве интертекста часто использовались аллюзии, которые в рекламном дискурсе апеллировали к «культурным концептам, способствуя тем самым созданию новых образов» [41. С. 182].

В этом плане рекламный стих можно рассматривать также как вид или модель литературы – «текст в тексте», которому присущи «фрагментарные “отсылки” к литературным реалиям – тот или иной вид цитирования художественной словесности, существующей за пределами журналистики» [42. С. 87]. В то же время жанровые заимствования в рекламе демонстрируют не только «креативный потенциал дискурса, но и тенденцию к стандартизации изложения материала» [43. С. 98].

Образы. Одним из главных элементов формата стихотворной рекламы является образная система. В каждой новой публикации менялись время, место и обстоятельства, а вместе с ними и образы: в одном случае, они анонимны, в другом – есть пародийный намек на их знаменитость, в третьем случае выступают исторические или легендарные персонажи. При всей многовекторности их всех связывает то, что они находятся в коммуникационном акте с читателем, побуждая напрямую к действию или высказывая мысли вслух о том, как, когда и для чего нужно пить коньяк Шустова.

Наряду с историческими личностями в рекламных текстах изображались также современники: прошлое актуализировалось с настоящими реалиями, и в данном случае локализация персонажей художественной литературы и исторических личностей совпадал с временно-пространственными координатами тех ге-

роев журналистских материалов, которые, по сути, были в центре внимания прессы той эпохи.

Так, реклама под названием «Дайте» представляет собой аллюзию на стихотворение Козьмы Пруtkова «Честолюбие» (1854). В отличие от произведения Козьмы Пруtkова, в рекламе наряду с историческими и мифологическими героями (Лукулл, Эзоп, Диоген, Сократ, Психея, Ахилл, Венера, Минерва, Спиноза, д'Арк), появляются и вполне конкретные современники, которые дарят и получают в подарок «чудодейственный коньяк Шустова» [44. С. 1]. Так, в рекламе упоминаются «сила Ван-Рили» (речь идет о знаменитом голландском атлете и борце начала 20 века Маринусе ван Риле); «прелесть Клео-де-Мерод» (речь идет о французской танцовщице Клеопатре Диане де Мерод); «красноречье Маклакова» (российский адвокат и политический деятель Василий Маклаков был известен тем, что неоднократно выигрывал судебные процессы в том числе и тем, что своим ораторским искусством мог подчинять себе слушателей); «важный вид Гучкова» (Александр Гучков – один из самых значительных государственных и политических деятелей России. В 1910–1911 гг. был председателем III Государственной думы); «Бальмонт стих» (в 1911 г. было возобновлено «Дело о запрещенных стихотворениях» Константина Бальмонта: ранее сборник поэта «Злые чары» был запрещен цензурой); «власть Шалапина-таланта» (в 1911 г. знаменитый русский оперный певец Федор Шалапин в Мариинском театре, исполняя гимн Российской империи, встал на колени перед царской семьей – этот поступок певца приобрел скандальный характер и долгое время обсуждался в разных общественных кругах); «Метерлинка нервы» (бельгийский писатель, драматург и философ Морис Метерлинк отличался своеобразным стилем и сложными символическими конструкциями); «толстовское письмо» (еще при жизни Лев Толстой считался живым классиком, а после смерти в 1910 г. интерес к его творчеству значительно возрос); «добро Гилевича» (дело Андрея Гилевича, связанное с убийствами и махинациями со страховыми полисами, было одним из самых громких в дореволюционной России).

Стихотворная сказка «Поток-богатырь» – рекламная «сказочка наших дней», представляет собой аллюзию на балладу А.К. Толстого «Поток-богатырь» (1871). Кстати, имя А.К. Толстого как автора «сказанья» о Потоке упоминается и в самом тексте. Богатырь, заснув крепким сном на пиру у князя Владимира, просыпается в современном мире, где его «поражали» скандалы в Государственной думе, поведение Пуришкевича, который благодаря своим эксцентричным выходкам получил всероссийскую известность, газетные сплетни, «адвокатки» (в 1911 г. был принят закон, который разрешал женщинам получать высшее юридическое образование) и единственным спасением становится коньяк Шустова [45. С. 1].

В данном случае аллюзии функционировали как средство расширенного переноса свойств и качеств разных «персонажей и событий на свойства и качества объектов, о которых идет речь в данном высказывании» [38. С. 111].

Антураж. В рекламных стихах использовался также поэтический антураж, при помощи которого создавалась некоторая атмосфера действительности той или иной эпохи. В данном случае антураж является некой конструкцией, которая передает поэтический колорит, характерный для данной среды.

Многие рекламные тексты Шустовского коньяка не имели прямых аналогов, как в вышеприведенных примерах, но авторы воссоздали в рекламном стихе определенную типичность и установили ассоциативную связь со многими другими произведениями.

Так, например, рекламный стих «Шарада жизни» передает атмосферу аристократического салона, где шарады были популярным литературным развлечением [46. С. 1]. Другой стих – «Талисман» – имеет некоторый посыл к мотивам и образам амулетов-оберегов [47. С. 1], которые были распространены в русской поэзии XIX – начала XX вв.: стихотворения, посвященные талисманам, можно встретить у А. Пушкина, Д. Веневитинова, Е. Ростопчиной, А. Фета, И. Анненского, А. Блока и т.д.).

Современный антураж (театральный и общественный) рисуется с помощью рекламы «Точки зрения». Стих начинается со слов «Электричество сияло», что, по-видимому, является отсылкой к сборнику Игоря Северянина «Электрические стихи» (1911) [48. С. 1]. Именно в этом году Игорь Северянин основал литературное направление эгофутуризма, которое сделало его еще более популярным.

В рекламном тексте «Из старой хроники» описан восточный антураж. Как известно, в русской литературе, начиная с эпохи романтизма, важное место занимает использование восточных мотивов и сюжетов. Использование ориентальной лексики и стилистики (Стамбул, Босфор, Сулейман, Садык, сераль, роза и соловей, гарем, пророк, Аравия, Коран и пр.) на уровне метатекста уже обеспечивает соответствующую концептосферу стихотворения-рекламы из газеты «Кавказ» [49. С. 1].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в начале XX в. в системе рекламной коммуникации Российской империи были выработаны разные форматы рекламных текстов. В стихотворной рекламе основными составляющими элементами были содержательные и формальные модели прецедентных художественных произведений. В стихотворных текстах компании «Н.Л. Шустов и сыновья» представлена четко выраженная рекламная стратегия фирмы – синтез классических произведений с привлечением современных реалий на фоне повседневности. Главное лицо рекламы – интеллигент-современник, который в разных образах во всевозможных жизненных ситуациях находит формулу счастливой жизни – коньяк фирмы «Н.Л. Шустов и сыновья». Очевидно, что в других рекламных текстах стихотворного формата преобладание одних элементов и незначительное использование других зависят от стратегии рекламодателей в каждой конкретной ситуации.

Примечания

¹ Подстрочный перевод Т.В. Тадевосяна.

² Бывали и другие случаи. Например, в газете «Жизнь Алтая» реклама литературного формата в 1911 г., начиная с № 252, печаталась в каждом выпуске.

Список источников

1. Реклама папирос «Реклама» // Кавказ. 1910. № 168.
2. Скачки // Кавказ. 1909. № 89.
3. Самореклама газеты // Реклама. 1911. № 1.
4. Муртаг М. Bojrom // Кавказ. 1876. № 112.
5. Матросова Е.С. Агитационно-рекламная функционализация после октябрьского творчества В.В. Маяковского в свете его житетворчества и жизнестроения : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014.
6. Рябиничева Д.В. Жанр плакатного лозунга и рекламы в творчестве Владимира Маяковского 1920-ых годов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
7. Открывая выставку «20 лет работы Маяковского» объявляем // Маяковский В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Худ. лит., 1955. Т. 12. С. 211.
8. Маяковский В. Агитация и реклама // Маяковский В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Худ. лит., 1955. Т. 12. С. 57–58.
9. Страшнов С.Л. Из словаря «Актуальные медиапонятия»: прикладная поэзия, сетевые дневники // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2016. Вып. 1. С. 73–80.
10. Бушка К. 10 способов написать рекламный стишок // Рекламные идеи. 2007. № 5 (67). С. 102–106.
11. Романова Т.П. Диалектика коммуникативных типов рекламного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 81–90.
12. Козлова О.В. Литература, журналистика и реклама: точки пересечения на рубеже 19–20 веков // Известия РГПУ: общественные и гуманитарные науки. 2008. № 61. С. 131–134.
13. Кожин В.В. Стихи и поэзия. М. : Сов. Россия, 1980. 304 с.
14. Лашук О.Р. Термин «формат» в массовой коммуникации // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 36–41.
15. Король А.Н. Деловая репутация в традициях российского предпринимательства // Вестник ТОГУ. 2017. № 3 (46). С. 161–170.
16. Жиликова Н.В. Рекламная политика томских изданий конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 1 (2). С. 96–110.
17. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Журнал «Нива» в контексте культуры Серебряного века // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 118–128.
18. Руга В., Кокарев А. Москва повседневная. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 688 с.
19. Ковалева А.В., Кальнеус А.С., Логиновская А.В. Особенности рекламы в прессе на Алтае дореволюционного периода // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. Вып. 13. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2015. С. 149–167.
20. Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск : Водолей, 2000. 704 с.
21. Реклама «Поэт» // Кавказ. 1911. № 26.
22. Реклама «Москва» // Кавказ. 1911. № 40.
23. Рябиничева Д.В. Социальная реклама в стихотворениях В. В. Маяковского 1929 года // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 254.
24. Реклама «Серенада» // Кавказ. 1911. № 15.
25. Беданоква З.К., Кумук С.Х. Стихотворно-ритмические особенности рекламы как результат языковой игры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 72–78.
26. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта, 2015. 296 с.
27. Реклама «Памятник» // Кавказ. № 195.
28. Реклама «Сон» // Кавказ. 1911. № 28.
29. Реклама «Желание поэта» // Кавказ. 1911. № 84.
30. Реклама «Буря» // Кавказ. 1911. № 132.
31. Реклама «Застенчивость» // Кавказ. 1911. № 140.
32. Реклама «Сказка о печальной царевне и конюхе Иване-дураке» // Кавказ. 1911. № 105.
33. Реклама «Я пришел к тебе с приветом...» // Кавказ. 1911. № 90.
34. Реклама «Земной рай» // Кавказ. 1911. № 122.
35. Реклама «Одиночество» // Кавказ. 1911. № 238.
36. Реклама «Знатный приятель» // Кавказ. 1911. № 128.
37. Реклама «На каждый день» // Кавказ. 1911. № 116.
38. Цыренова А.Б. О некоторых особенностях аллюзивной языковой игры (на материале английского языка) // Язык и культура. 2011. № 1 (13). С. 109–115.
39. Реклама ««Есть» и «было»» // Кавказ. 1911. № 209.
40. Реклама «Поэту» // Кавказ. 1911. № 215.
41. Баранов К.С. Интертекстуальность в рекламном дискурсе // Вестник МГЛУ. 2009. № 559. С. 180–188.
42. Болкунов А.Н. Художественная литература в периодических изданиях: опыт систематизации // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Серия: Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 82–88.
43. Бобровская Г.В. Жанровые заимствования в рекламе // Научные ведомости БелГУ: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). Вып. 28. С. 95–99.
44. Реклама «Дайте» // Кавказ. 1911. № 43.
45. Реклама «Поток-богатырь» // Кавказ. 1911. № 100.
46. Реклама «Шарада жизни» // Кавказ. 1911. № 23.
47. Реклама «Талисман» // Кавказ. 1911. № 57.
48. Реклама «Точки зрения» // Кавказ. 1911. № 226.
49. Реклама «Из старой хроники» // Кавказ. 1911. № 72.

References

1. Kavkaz. (1910) Reklama papiros "Reklama" [Advertising cigarettes "Reklama"]. *Kavkaz*. 168.
2. Kavkaz. (1909) Skachki [Horse racing]. *Kavkaz*. 89.
3. Reklama. (1911) Samoreklama gazety [Newspaper self-advertising]. *Reklama*. 1.
4. Murtag, M. (1876) Borjom [Borjom]. *Kavkaz*. 112.
5. Matrosova, E.S. (2014) *Agitatsionno-reklamnaya funktsionalizatsiya posle oktyabr'skogo tvorchestva V.V. Mayakovskogo v svete ego zhiznetvorchestva i zhiznestroeniya* [Agitation and advertising functionalization after the October work of V.V. Mayakovsky in the light of his life-creation and life-building]. Philology Cand. Diss. Ivanovo.
6. Ryabinicheva, D.V. (2017) *Zhanr plakatnogo lozunga i reklamy v tvorchestve Vladimira Mayakovskogo 1920-ykh godov* [The genre of poster slogan and advertising in the work of Vladimir Mayakovsky in the 1920s]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Mayakovskiy, V. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. P. 211.
8. Mayakovskiy, V. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 57–58.
9. Strashnov, S.L. (2016) Iz slovary "Aktual'nye mediaponyatiya": prikladnaya poeziya, setevye dnevniki [From the Actual Media Concepts dictionary: applied poetry, network diaries]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki*. 1. pp. 73–80.
10. Buksha, K. (2007) 10 sposobov napisat' reklamnyy stishok [10 ways to write a promotional rhyme]. *Reklamnye idei*. 5 (67). pp. 102–106.
11. Romanova, T.P. (2016) Dialektika kommunikativnykh tipov reklamnogo teksta [Dialectics of communicative types of advertising text]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 1. pp. 81–90.
12. Kozlova, O.V. (2008) Literatura, zhurnalistika i reklama: tochki peresecheniya na rubezhe 19–20 vekov [Literature, journalism and advertising: points of intersection at the turn of 20th century]. *Izvestiya RGPU: obshchestvennye i humanitarnye nauki*. 61. pp. 131–134.
13. Kozhinov, V.V. (1980) *Stikhi i poeziya* [Verses and Poetry]. Moscow: Sov. Rossiya.
14. Lashchuk, O.R. (2010) Termin "format" v massovoy kommunikatsii [The term "format" in mass communication]. *Vestnik MGU. Seriya 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 36–41.
15. Korol', A.N. (2017) Delovaya reputatsiya v traditsiyakh rossiyskogo predprinimatel'stva [Business reputation in the traditions of Russian entrepreneurship]. *Vestnik TOGU*. 3 (46). pp. 161–170.
16. Zhilyakova, N.V. (2008) Advertising Politics of Tomsk Editions at the End of 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (2). pp. 96–110. (In Russian).
17. Polonskiy, A.V. & Glushkova, V.G. (2020) Zhurnal "Niva" v kontekste kul'tury Serebryanogo veka [Journal "Niva" in the context of the culture of the Silver Age]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. 3 (38). pp. 118–128.
18. Ruga, V. & Kokarev, A. (2011) *Moskva povsednevnaya. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoy mirovoy voyny* [Moscow Everyday. Essays on urban life during the First World War]. Moscow: ACT; Astrel'.
19. Kovaleva, A.V., Kal'neus, A.S. & Loginovskaya, A.V. (2015) Osobennosti reklamy v presse na Altai dorevolutsionnogo perioda [Features of advertising in the press in Altai in the pre-revolutionary period]. In: Gundarin, M.V. (ed.) *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt* [PR and advertising in a changing world: a regional aspect]. 13. Barnaul: Altay State University. pp. 149–167.
20. Lekmanov, O.A. (2000) *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [A Book about Acmeism and Other Works]. Tomsk: Vodokey.
21. Kavkaz. (1911) Reklama "Poet" [Advertising "Poet"]. *Kavkaz*. 26.
22. Kavkaz. (1911) Reklama "Moskva" [Advertising "Moscow"]. *Kavkaz*. 40.
23. Ryabinicheva, D.V. (2017) Sotsial'naya reklama v stikhotvoreniyakh V. V. Mayakovskogo 1929 goda [Social advertising in the poems of V.V. Mayakovsky in 1929]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 1A (7). P. 254.
24. Kavkaz. (1911) Reklama "Serenada" [Advertisement "Serenade"]. *Kavkaz*. 15.
25. Bedanokova, Z.K. & Kumuk, S.Kh. (2011) Stikhotvorno-ritmicheskie osobennosti reklamy kak rezul'tat yazykovoy igry [Poetic-rhythmic features of advertising as a result of a language game]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*. 3. pp. 72–78.
26. Il'yasova, S.V. & Amiri, L.P. (2015) *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language Game in the Communicative Space of the Media and Advertising]. Moscow: Flinta.
27. Kavkaz. (1911) Reklama "Pamyatnik" [Advertisement "Monument"]. *Kavkaz*. 195.
28. Kavkaz. (1911) Reklama "Son" [Advertising "Dream"]. *Kavkaz*. 28.
29. Kavkaz. (1911) Reklama "Zhelanie poeta" [Advertising "The Desire of the Poet"]. *Kavkaz*. 84.
30. Kavkaz. (1911) Reklama "Burya" [Advertising "Storm"]. *Kavkaz*. 132.
31. Kavkaz. (1911) Reklama "Zastenчивость" [Advertising "Shyness"]. *Kavkaz*. 140.
32. Kavkaz. (1911) Reklama "Skazka o pechal'noy tsarevne i konyukhe Ivane-durake" [Advertising "The Tale of the Sad Princess and the Groom Ivan the Fool"]. *Kavkaz*. 105.
33. Kavkaz. (1911) Reklama "Ya prishel k tebe s privetom..." [Advertisement "I came to you with greetings..."]. *Kavkaz*. 90.
34. Kavkaz. (1911) Reklama "Zemnoy ray" [Advertising "Earthly Paradise"]. *Kavkaz*. 122.
35. Kavkaz. (1911) Reklama "Odinochestvo" [Advertising "Loneliness"]. *Kavkaz*. 238.
36. Kavkaz. (1911) Reklama "Znatnyy priyatel'" [Advertising "Noble friend"]. *Kavkaz*. 128.
37. Kavkaz. (1911) Reklama "Na kazhdyy den'" [Advertising "For every day"]. *Kavkaz*. 116.
38. Tsyrenova, A.B. (2011) O nekotorykh osobennostyakh allyuzivnoy yazykovoy igry (na materiale angliyskogo yazyka) [On some features of the allusive language game (on the material of the English language)]. *Yazyk i kul'tura*. 1 (13). pp. 109–115.
39. Kavkaz. (1911) Reklama "Est'" i "bylo'" [Advertisement "There is" and "it was"]. *Kavkaz*. 209.
40. Kavkaz. (1911) Reklama "Poetu" [Advertising "Poet"]. *Kavkaz*. 215.
41. Baranov, K.S. (2009) Intertekstual'nost' v reklamnom disкурсе [Intertextuality in advertising discourse]. *Vestnik MGLU*. 559. pp. 180–188.
42. Bolkunov, A.N. (2011) Khudozhestvennaya literatura v periodicheskikh izdaniyakh: opyt sistematizatsii [Fiction in periodicals: an experience of systematization]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2 (11). pp. 82–88.
43. Bobrovskaya, G.V. (2015) Zhanrovye zaимstvovaniya v reklame [Genre borrowings in advertising]. *Nauchnye vedomosti BelGU: Gumanitarnye nauki*. 24 (221). Vyp. 28. pp. 95–99.
44. Kavkaz. (1911) Reklama "Dayte" [Advertising "Give"]. *Kavkaz*. 43.
45. Kavkaz. (1911) Reklama "Potok-bogatyr'" [Advertising "Potok-bogatyr"]. *Kavkaz*. 100.
46. Kavkaz. (1911) Reklama "Sharada zhizni'" [Advertising "Charade of Life"]. *Kavkaz*. 23.
47. Kavkaz. (1911) Reklama "Talisman" [Advertising "Talisman"]. *Kavkaz*. 57.
48. Kavkaz. (1911) Reklama "Tochki zreniya" [Advertising "Point of View"]. *Kavkaz*. 226.
49. Kavkaz. (1911) Reklama "Iz staroy khroniki" [Advertising "From the old chronicle"]. *Kavkaz*. 72.

Информация об авторах:

Даниелян Т.Р. – канд. филол. наук, доцент кафедры армянского языка и литературы Ванадзорского государственного университета им. Ов. Туманяна (Ванадзор, Армения); преподаватель кафедры новых медиа и коммуникаций Ереванского государственного университета (Ереван, Армения). E-mail: tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

Тадевосян Т.В. – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета им. Ов. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: o.cafedra@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.R. Danielyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Armenia); lecturer, Yerevan State University (Yerevan, Armenia). E-mail: tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

T.V. Tadevosyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, head of the Department of Foreign Languages and Literature, Vanadzor State University (Vanadzor, Armenia). E-mail: o.cafedra@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 26.08.2022;
approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 81'373
doi: 10.17223/15617793/488/12

Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP

Ольга Викторовна Фельде¹, Анна Эдуардовна Мезит²

^{1,2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ feldeo@list.ru

² amezit@sfu-kras.ru

Аннотация. Рассматривается феномен профессиональной языковой картины мира. Сопоставляются когнитивно-дискурсивный и семантический подходы к ее изучению, выделяются базовые единицы и функции. Намечаются перспективы дальнейшего изучения профессиональной языковой картины мира в рамках формирующихся лингвокультурологических направлений терминоведения и теории языков для специальных целей.

Ключевые слова: лингвокультурологическое направление терминоведения, профессиональная картина мира, языковая профессиональная картина мира, информема, профессиональный концепт, термин, профессионализм, функции профессиональной языковой картины мира, типология профессиональных языковых картин мира

Для цитирования: Фельде О.В., Мезит А.Э. Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 120–126. doi: 10.17223/15617793/488/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/12

Professional language picture of the world as an object of research in terminology science and LSP linguistics

Olga V. Felde¹, Anna E. Mezit²

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ feldeo@list.ru

² amezit@sfu-kras.ru

Abstract. The objectives of this article include a review of the works of Russian authors on the problems of professional linguistic world view, the identification of its lingua-cognitive essence against the background of related phenomena, the establishment of the basic units and functions, the typology of the professional linguistic world view. Linguistic material was systematized and interpreted using the method of linguistic description. Studies of the professional world view and the professional linguistic world view are among the priority tasks of the emerging linguo-cultural trends in terminology science and LSP linguistics. In contemporary Russian linguistics, there is no unity of views on the professional world view's essence and the professional linguistic world view. Some researchers believe that the professional world view is a kind of a world view. The professional linguistic world view is one of the variants of the national linguistic world view. Another perspective on the professional world view is to consider it as a kind of a scientific one. When studying the essence of a professional linguistic world view and performing a practical analysis of its units, cognitive-discursive and theoretical-comparative approaches prevail in terminology science. A semantic approach prevails in LSP linguistics. Professional linguistic world view units are names of professional concepts, i.e., all unique names, first of all, terms, and their stylistic synonyms, professionalisms, and professional jargon. Unofficial, stylistically marked, unique names evaluate and characterize, which are not functions of the high register units of the professional sublanguage, i.e., terms, prototerms, terminonyms (eponyms), nomens. The main elements of the professional linguistic world view are informemes, i.e., some informational integrities. The professional world view is presented in the professional language and in the technology of things, the ways of carrying out activities, social and cultural stereotypes in the behavior of people of diverse backgrounds, official etiquette. The professional linguistic world view, being a kind of a linguistic world view, performs the same interpretive, regulatory, heuristic, social, and index functions. Professional linguistic world views are differentiated according to some characteristics. Various types of professional linguistic world views are distinguished, with each type additionally including many varieties, depending on a specific field of science, technology or production.

Keywords: linguoculturological direction of terminology, professional picture of world, language professional picture of world, informeme, professional concept, term, professionalism, functions of professional language picture of world, typology of professional language pictures of world

For citation: Felde, O.V. & Mezit, A.E. (2023) Professional language picture of the world as an object of research in terminology science and LSP linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 120–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/12

Введение. В задачи настоящей статьи входит обзор работ российских авторов по проблемам профессиональной языковой картины мира (далее – ПЯКМ); выявление её лингвокогнитивной сущности на фоне смежных феноменов, установление основных единиц и функций, а также типология ПЯКМ.

В последние десятилетия завершилось становление лингвокультурологии как науки о механизмах и результатах взаимодействия двух сложнейших семиотических систем – языка и культуры. Достижения этой науки в области изучения языковой картины мира оказывают влияние на формирование лингвокультурологических направлений в рамках таких близкородственных отраслей, как терминоведение и теория языков для специальных целей (лингвистика LSP). В настоящее время вектор развития данных направлений ориентирован на изучение содержательной стороны подязыков и терминологий в связи с сознанием, материальной и духовной культурой, профессиональной языковой личностью, а также с общественной, профессиональной жизнью человека. Без лингвокультурологического исследования богатейшей по числу и разнообразию специальной лексики, в первую очередь – терминов, которые являются именами научных и профессиональных концептов, а также без вовлечения в сферу лингвокультурологического описания профессионализмов, большая часть которых именует образы сознания, возникшие на базе восприятия профессиональной действительности, невозможно представить «каким образом субъективный и объективный мир участвует в создании языковых элементов, и как посредством языка создаётся и действует мир человеческой культуры» [1. С. 59].

Это обстоятельство выдвигает исследование профессиональной картины мира (ПКМ) и языковой профессиональной картины мира (ЯПКМ) в число приоритетных задач формирующихся лингвокультурологических направлений в терминоведении и в лингвистике языков для специальных целей. Об актуальности направления свидетельствует увеличение числа публикаций по данной проблематике, а также проведение тематических конференций, семинаров и круглых столов. Так, в ноябре 2019 г. в Московском государственном педагогическом университете прошла II Международная научно-практическая конференция «Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог», во время которой большое внимание было уделено таким вопросам, как этнокультурные и историко-культурные особенности профессиональных подязыков; особенности профессионального сознания, которое находит отражение и в профессиональной коммуникации, и в профессиональной картине мира; модусы профессиональной

картины мира (миф, практика, наука). Участники конференции продемонстрировали дискуссионность теории профессиональной картины мира¹.

Результаты и дискуссии. В современной российской лингвистике нет единства взглядов на сущность профессиональной картины мира и профессиональной языковой картины мира. Одни исследователи считают, что ПКМ – это разновидность картины мира (КМ), а ПЯКМ – один из вариантов национальной языковой картины мира (ЯКМ). Поэтому профессиональная и профессиональная языковая картины мира обладают всеми свойствами «родовых» научных концептов, но имеют специфические особенности, которые обусловлены социальными, профессиональными факторами. Если принять во внимание философское определение картины мира, то следует признать, что эта точка зрения не лишена логики: «Картина мира, – отмечает М.Я. Блох, – реализуется на трех уровнях работы интеллектуального сознания: на номинативном – уровне присвоения имен референтам; на пропозитивном – уровне приписывания признаков референтам; на дискурсном уровне, уровне включения референтных представлений в совокупное знание, которым владеет человек. **Языковая картина мира выступает на номинативном уровне** (выделено нами. – Авт.). Два других уровня выводят картину мира из языка в речь» [2. С. 103–104].

Известна и другая точка зрения на профессиональную картину мира как разновидность научной. Так, Л.А. Чернышова отмечает, что «являясь результатом познавательной деятельности человека в определенной отрасли знания, профессиональная картина мира является своего рода “информационной кладовой” научных знаний в данной специальной сфере» [3. С. 15]. Заметим, что такое понимание ПКМ исключает из зоны исследования огромную часть производственных и промысловых подязыков, словарный состав которых включает большое число исконных терминов, прототерминов и профессионализмов, которые отражают мировидение носителей данных подязыков – представителей той или иной отрасли промышленности, сельского хозяйства или особой сферы общественной жизни (торговля, индустрия развлечений, туризм и т.п.). В определении профессиональной языковой картины мира Л.А. Чернышова последовательно придерживается антропоцентрического подхода, утверждая, что ЯПКМ – это «отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности, осуществляемое средствами языковой номинации целостное изображение человека, его внутреннего мира, окружающего мира и природы» [4. С. 99]. Е.С. Закирова

разграничивает понятия «научная профессиональная картина мира», «профессиональная картина мира» и «языковая профессиональная картина мира», отмечая, что при универсальности первых двух понятий «языковая профессиональная картина мира всегда национально специфична, даже если в ее лексике обнаруживается большое количество интернационализмов» [5. С. 22]. Профессиональная языковая картина мира, являясь составным компонентом национальной языковой картины мира, как отмечает исследователь, может иметь свои национально-исторические и национально-культурологические особенности.

Особенностям ПЯКМ посвящены работы таких авторов, как В.Ф. Новодранова, которая проанализировала языковую картину мира сотрудников медицинской отрасли [6]; Л.А. Чернышова, рассмотревшая языковую картину мира работников железнодорожной отрасли [7], Е.С. Закирова, которая выявила особенности профессиональной языковой картины мира работников автомобильной отрасли [5] и др. Особенности этого феномена исследуются на материале различных терминологий, вербально-ассоциативных сетей подязыков, а также на материале тематически связанных текстов [8, 9]. При этом особое место в кругу исследований профессиональной языковой картины мира занимает анализ процесса метафоризации и его результатов. Подробное рассмотрение метафорических специальных наименований позволяет судить об ассоциативности мышления представителей той или иной профессии, выявить специфику профессионального мировоззрения. Особенности образования и функционирования метафорических номинаций в языке науки и техники были исследованы в работах таких лингвистов, как Т.С. Пристайко [10], Л.М. Алексеева [11], С.Л. Мишланова [12], Л.В. Ивина [13] и др. Установлено, что при образовании метафорических единиц в языке для специальных целей реализуется способность метафоры «рационально отбирать среди множества возможных и существенных признаков в первую очередь именно те, которые, минимизируя объем описательных средств, способны обеспечить максимально четкое и точное в прагматическом отношении представление об объекте, субъекте или явлении» [13. С. 136].

При рассмотрении сущности ПЯКМ и практическом анализе её единиц в терминоведении преобладают когнитивно-дискурсивный и теоретико-сопоставительный подходы, а в лингвистике LSP – семантический подход.

В своем исследовании языковой картины медицины с когнитивных позиций В.Ф. Новодранова указывает: «Языковые единицы, составляющие языковую картину медицины, неоднородны. Кроме терминов в нее входят номенклатурные единицы, профессионализмы, а также нетерминологическая лексика, которая объективирует обыденные и фоновые знания» [6. С. 272]. Автор подчеркивает, что ПЯКМ отражает в первую очередь ценностное восприятие окружающей действительности, ограниченной профессиональной сферой, рассматривает специальное наименование как результат *познавательного процесса* [6. С. 272].

При когнитивно-дискурсивном подходе к исследованию ПЯКМ терминологи опираются на постулаты когнитивной парадигмы о первичности когнитивных структур по отношению к профессиональному языку и терминологии как его важнейшей структурно-семиотической подсистеме; о терминах и их системных связях как о конвенционализированных когнитивных структурах и процессах. При этом решаются задачи установления соответствий между когнитивной структурой, концептом и термином. Например, в исследовании Л.В. Стецоры рассматривается проблема репрезентации концептосферы «организм человека» в профессиональной картине мира медика. Автором выявлено, что все концепты, входящие в состав исследуемой концептосферы, объединяются в когнитивные структуры – метафорические модели. Доминирующими в профессиональной картине мира медика являются метафорические модели «Организм человека – природа» и «Организм человека – поле битвы». Применение когнитивных методик (фреймового анализа, метафорического моделирования) позволило представить профессиональную картину мира как «упорядоченную многоуровневую структуру, включающую в себя этнокультурную составляющую, специфика которой определяется научной парадигмой и реализуется определенным набором научных понятий, концептов и метафорических моделей» [14. С. 172].

Сравнительно-сопоставительный подход, основанный на сравнении профессиональной картины мира носителей разных языков, представлен в работах Е.В. Колотниной [15], Л.Ю. Зубовой [16], Л.А. Чернышовой [4]. Ученые приходят к выводам о том, что специфика конкретного подязыка обусловлена национальным и профессиональным мировосприятием и что на формирование ПЯКМ влияют особенность национального языка и ментальность этноса. Именно поэтому специфика национальной профессиональной картины мира проявляется при сопоставлении картин мира, представленных в различных языках и культурах.

Как уже отмечалось, в рамках теории языков для специальных целей (лингвистики LSP) ПЯКМ рассматривается преимущественно как лингвистический феномен с семантических позиций. Эта точка зрения коррелирует с концепцией ЯКМ ученых Московской семантической школы, которую недвусмысленно сформулировала В.В. Красных: «Думается, что языковая картина мира может пониматься как сложно устроенное семантическое пространство (подобные взгляды можно найти в работах Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой), т.е. как феномен лингвистический, к которому в силу этого применимы собственно лингвистические, в первую очередь – семантические методы исследования» [17. С. 136]. Например, с позиций семантического подхода рассматривает ПЯКМ авиаторов Е.Н. Сердобинцева, отмечая, что наиболее ярко своеобразие ПЯКМ проявляется в коннотативных семах специальных слов, которые отражают эмоциональный опыт человека. Учитывая то, что особой эмоционально экспрессивной выразительностью ха-

рактируется живая речь, исследователь подчёркивает следующее: эмоциональная особенность и культурные ценности профессиональной группы отражаются в профессионализмах и профессиональных жаргонизмах. Анализируя авиационные профессионализмы, Е.Н. Сердобинцева подчёркивает такие свойства ПЯКМ, как, например, стремление к одушевленности профессиональных объектов (ласточка – «самолет ПО-2»; ишачок – «самолет И-16»), персонификация профессиональных наименований (Аннушка – «самолет АН-2»). Характерным для ПЯКМ авиаторов является и одухотворение лётной машины, у которой есть нос, хвост, живот, спина, сердце, крылья; использование профессиональных жаргонизмов с семами уважения, близости (батя – «командир лётного полка»; дед – «командир с большим лётным стажем»). Анализируя неофициальную авиационную лексику, исследователь раскрывает национально-культурную и социально-профессиональную специфику языковой картины мира военных лётчиков [18. С. 345–348].

Под профессиональной языковой картиной мира авторы настоящей статьи понимают образ конкретной профессиональной сферы, сложившийся в сознании специалистов какой-либо отрасли в результате их когнитивной и коммуникативной деятельности и вербализованный в знаках профессионального языка. Единицами профессиональной языковой картины мира выступают имена профессиональных концептов, т.е. все специальные наименования, прежде всего – термины, но также и их стилистические синонимы – профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. При этом неофициальные, стилистически окрашенные, специальные наименования выполняют оценочно-характеризующую функцию, не свойственную единицам верхнего регистра профессионального подязыка – терминам, прототерминам, терминонамам (эпонимам), номенам.

Суть ПЯКМ – лингвокогнитивная. Для того чтобы доказать лингвокогнитивную специфику профессиональной языковой картины мира, необходимо сопоставить её единицы с единицами смежных феноменов, в первую очередь с единицами (элементами) профессиональной картины мира. Основными элементами профессиональной картины мира являются **информемы**, т.е. некоторые информационные целостности (Аналогично применительно к единицам КМ: [19. С. 22–24]). Профессиональная картина мира экспонируется не только в профессиональном языке, но и в технологии вещей, способах осуществления деятельности, в социокультурных стереотипах поведения представителей разных профессий, служебном этикете и т.п. Основными элементами профессиональной языковой картины мира выступают означенные информемы – профессиональные концепты, именами которых служат терминологические единицы. Профессиональная языковая картина мира, безусловно, является одной из важнейших разновидностей языковой картины мира. Если экспонентом языковой картины мира служит язык этноса, то профессиональная языковая картина мира экспонируется в конкретном профессиональном подязыке. Существует мно-

жество ПЯКМ, как и профессиональных подязыков, словарный состав которых, взятый в совокупности, намного превышает словарный состав общеупотребительного языка нации. Профессиональная языковая картина мира, являясь разновидностью языковой картины мира, выполняет те же базовые функции: интерпретативную, обеспечивающую видение мира, и регулятивную, служащую ориентиром человека в мире [20. С. 25], однако сфера действия этих функций ограничена фрагментами действительности и социальным субстратом (работниками конкретной научной, научно-технической, производственной и т.п. отрасли). Отметим также такие функции ПЯКМ, как эвристическая, социативная (функция отражения социальных отношений) и индексальная (суть последней заключается в том, что в структуре единиц ПЯКМ хранится информация, которая позволяет идентифицировать личность по профессиональной принадлежности).

Лингвокогнитивную специфику ПЯКМ раскрывает и сопоставление с концептуальной картиной мира. По нашему мнению, ПЯКМ является составной частью общей концептуальной модели мира в ментальном пространстве представителя какой-либо отрасли, т.е. совокупности его знаний и представлений по своей специальности, помогающих ему в профессиональной деятельности. Этот тезис содержательно соотносится с высказыванием Е.С. Кубряковой о том, что «языковая картина мира встроена в концептуальную картину мира» [21. С. 169], поскольку в языке «присутствует далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации» [22. С. 6].

Профессиональные языковые картины мира дифференцируются по ряду признаков. В основу нашей классификации положена идея В.И. Постоваловой об исчислении картин мира в зависимости от деятельности категориальной парадигмы [20. С. 31]. Ниже представлены типы профессиональных языковых картин мира, при этом каждый тип включает дополнительно множество разновидностей в зависимости от конкретной области науки, техники или производства:

1) *по отображаемому объекту действительности, предмету языковой картины мира*: научная ПЯКМ, научно-техническая ПЯКМ, производственная/промышленная ПЯКМ, сельскохозяйственная ПЯКМ;

2) *по субъекту (носителю) языковой картины мира*: а) в зависимости от специализации носителей: ПЯКМ сотрудников правоохранительных органов; ПЯКМ медицинских работников; ПЯКМ сотрудников гидроэнергетической отрасли и т.п.; б) в зависимости от уровня квалификации и опыта: ПЯКМ высококвалифицированных кадров, ПЯКМ низкоквалифицированных кадров, ПЯКМ опытных специалистов, ПЯКМ молодых специалистов и т.п.

3) *по соотношению объекта, субъекта и сегмента действительности*: ПЯКМ врачей-невропатологов, ПЯКМ работников следственных комитетов и т.п.;

4) по отношению к национальной языковой картине мира: наднациональная ПЯКМ работников конкретной отрасли (например, ПЯКМ работников гидроэнергетической отрасли) и национальная ПЯКМ (например, ПЯКМ работников российской гидроэнергетической отрасли, ПЯКМ работников китайской гидроэнергетической отрасли) [23. С. 15].

При исследовании ПЯКМ используются комплексы традиционных и относительно новых методов лингвистики. Многоаспектные исследования позволяют адекватно отразить специфику языковой картины мира специалиста. Этот подход представлен в докторской диссертации А.К. Сулеймановой [9]. В работе предложена методика исследования ПЯКМ путем комплексно-многоаспектного описания терминологической лексики, в частности, применяется метод моделирования, обеспечивающий представление наиболее существенных, скрытых от непосредственного наблюдения признаков терминологической единицы в эксплицированном, обозримом виде; статистический метод; метод сопоставительного анализа, с помощью которого сравнивались различные явления в области терминологии и в общелитературном языке. По мнению А.К. Сулеймановой, при изучении ПЯКМ эффективным является также и лексикографический метод, «поскольку словарная статья терминологического словаря представляет собой квант специальной картины мира, “сгусток метаречи” определенной профессии, появляется возможность воссоздания специальной картины мира во всей ее полноте и разнообразии» [24. С. 310]. Многоаспектный анализ позволяет обнаружить тесную взаимосвязь терминологической картины мира с языковой картиной мира индивида.

Многоаспектный анализ ПЯКМ представлен также в работе Т.Л. Масыч, которая, наряду с описательным, сопоставительным, количественным методом, использует метод свободного ассоциативного эксперимента и метафорического моделирования при изучении ПЯКМ работников правоохранительных органов. Анализ ассоциативно-вербальных моделей позволил автору выявить особенности реализации профессиональных концептов по сравнению с одноименными концептами общеязыковой русской картины

мира: пониженная степень оценочности, преобладание оценки по юридическому признаку над моральной и эмоциональной оценкой, отсутствие отождествления с собой и т.д. [8].

Заключение (выводы). Несмотря на имеющиеся исследования профессиональной языковой картины мира, всё еще остается множество лакун в теоретическом осмыслении и практическом анализе этого феномена: слабо изучены их основные единицы, национальные и наднациональные свойства, специфические отличия одной ПЯКМ от другой.

Обобщая результаты исследований, посвященных изучению профессиональной картины мира, можно выделить следующие ключевые положения:

1) в исследованиях профессиональной картины мира специальное наименование рассматривается не просто как языковой знак, а как результат познавательного процесса;

2) особенности профессиональной картины мира исследуются на материале различных терминологий, вербально-ассоциативных сетей подязыков, а также на материале тематически связанных текстов;

3) анализ процесса метафоризации позволяет выявить специфику профессионального мировидения, ассоциативность мышления профессионалов;

4) специфика конкретного подязыка обусловлена национальным и профессиональным мировосприятием;

5) на формирование ПЯКМ влияют образность национального языка и ментальность этноса;

6) существует тесная взаимосвязь терминологической картины с языковой картиной мира индивида.

Перспективными исследованиями в области изучения профессиональной языковой картины мира могут стать сопоставления ПЯКМ и наивной картины мира; диахронические исследования становления профессиональной картины мира определенной сферы; исследования, в которых для анализа привлекается широкий круг жанров профессиональной коммуникации; работы, направленные на составление фреймовых терминологических словарей, в которых словарная статья представляла бы «минимальную единицу фрагмента картины мира».

Примечание

¹ URL: <https://www.mgpu.ru/professionalnaya-kartina-mira/> (дата обращения: 20.04.2020).

Список источников

1. Дасько А.А. Металингвистический вектор изменения научной парадигмы изучения языка // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 2 ч. Ч. 2 / БГУ, ФСК; отв. ред. О.И. Уланович. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 55–60.
2. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI век. М. : Прометей ; МПГУ, 2007. № 1. С. 101–105.
3. Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы. М. : Изд-во МГОУ, 2010. 206 с.
4. Чернышова Л.А. Профессиональная языковая картина мира: общее и обусловленное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6, т. 2. С. 98–102.
5. Закирова Е.С. Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей: на материале английского и русского языков для специальных целей в сфере автомобильного транспорта : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 46 с.
6. Новодранова В.Ф. Формирование языковой картины медицины (когнитивный аспект) // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP : сб. науч. тр. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. М. : Изд-во МГОУ, 2009. 384 с.
7. Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии : на материале терминологии железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 41 с.

8. Масыч Т.Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов: на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 214 с.
9. Сулейманова А.К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 47 с.
10. Пристайко Т.С. Русская терминология прокатного производства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1979. 25 с.
11. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 249 с.
12. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 160 с.
13. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учебно-методическое пособие. М. : Академический проект, 2003. 304 с.
14. Стецюра Л.В. Концептосфера «организм человека» в профессиональной картине мира медика : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 203 с.
15. Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 246 с.
16. Зубова Л.Ю. Английские медицинские аббревиатуры как часть профессиональной языковой картины мира: на фоне их русских и французских аналогов : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 244 с.
17. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 133–141.
18. Сердобинцева Е.Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 549 с.
19. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1996. 415 с.
20. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
21. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 141–172.
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж : Истоки, 2003. 59 с.
23. Мезит А.Э. Подязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли: функциональный и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018. 23 с.
24. Сулейманова А.К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 459 с.

References

1. Das'ko, A.A. (2018) [Metalinguistic vector of change in the scientific paradigm of language learning]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire* [Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World]. Proceedings of the 3rd International Conference. Part 2. Minsk. 26–27 October 2017. Minsk: Belarusian State University. pp. 55–60. (In Russian).
2. Blokh, M.Ya. (2007) Problema ponyatiy kontsepta i kartiny mira v filosofii yazyka [The problem of the concepts of the concept and the picture of the world in the philosophy of language]. *Prepodavatel' XXI vek.* 1. pp. 101–105.
3. Chernyshova, L.A. (2010) *Otraslevaya terminologiya v svete antropotsentricheskoy paradigmy* [Industry Terminology in the Light of the Anthropocentric Paradigm]. Moscow: State University of Education.
4. Chernyshova, L.A. (2011) Professional'naya yazykovaya kartina mira: obshchee i obuslovlennoe [Professional language picture of the world: general and conditional]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika.* 6 (2). pp. 98–102.
5. Zakirova, E.S. (2015) *Lingvokul'turologicheskaya paradigma yazyka dlya spetsial'nykh tseley: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov dlya spetsial'nykh tseley v sfere avtomobil'nogo transporta* [Linguoculturological paradigm of language for special purposes: on the material of English and Russian languages for special purposes in the field of road transport]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Novodranova, V.F. (2009) Formirovaniye yazykovoy kartiny meditsiny (kognitivnyy aspekt) [Formation of the linguistic picture of medicine (cognitive aspect)]. In: Nikulina, E.E., Novodranova, V.F. & Sorokina, E.A. (eds) *Sovremennye tendentsii v leksikologii, terminologii i teorii LSP: sb. nauch. tr. Posvyashchaetsya 80-letiyu Vladimira Moiseevicha Leychika* [Modern trends in lexicology, terminology and theory of LSP: coll. scientific tr. Dedicated to the 80th anniversary of Vladimir Moiseevich Leichik]. Moscow: State University of Education.
7. Chernyshova, L.A. (2011) *Antropolingvisticheskie aspekty sovremennoy otraslevoy terminologii: na materiale terminologii zheleznodorozhnogo transporta* [Anthropo-linguistic aspects of modern industry terminology: based on the terminology of railway transport]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Masych, T.L. (2010) *Professional'naya yazykovaya kartina mira sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: na materiale russkogo yazyka* [Professional linguistic picture of the world of law enforcement officers: on the material of the Russian language]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
9. Suleymanova, A.K. (2006) *Terminosistema neftyanogo dela i ee funktsionirovaniye v professional'nom diskurse spetsialista* [Terminological system of the oil business and its functioning in the professional discourse of a specialist]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ufa.
10. Pristayko, T.S. (1979) *Russkaya terminologiya prokatnogo proizvodstva* [Russian terminology of rolling production]. Abstract of Philology Cand. Diss. Dnepropetrovsk.
11. Alekseeva, L.M. (1998) *Termin i metafora* [Term and Metaphor]. Perm: Perm State University.
12. Mishlanova, S.L. (2002) *Metafora v meditsinskom diskurse* [Metaphor in Medical Discourse]. Perm: Perm State University.
13. Ivina, L.V. (2003) *Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere angloyazychnoy terminologii venchurnogo finansirovaniya)* [Linguo-Cognitive Foundations for the Analysis of Industry Term Systems (On the example of the English terminology of venture financing): a teaching aid]. Moscow: Akademicheskii projekt.
14. Stetsyura, L.V. (2010) *Kontseptosfera "organizm cheloveka" v professional'noy kartine mira medika* [Conceptosphere "human body" in the professional picture of the medical world]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
15. Kolotnina, E.V. (2001) *Metaforicheskoe modelirovaniye deystvitel'nosti v russkom i angliyskom ekonomicheskom diskurse* [Metaphorical modeling of reality in Russian and English economic discourse]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
16. Zubova, L.Yu. (2009) *Angliyskie meditsinskie abbreviatury kak chast' professional'noy yazykovoy kartiny mira: na fone ikh russkikh i frantsuzskikh analogov* [English medical abbreviations as part of a professional language picture of the world: against the background of their Russian and French counterparts]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
17. Krasnykh, V.V. (2013) *Grammatika lingvokul'tury, ili chto derzhit yazykovuyu kartinu mira?* [Grammar of linguistic culture, or what holds the linguistic picture of the world?]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika.* 1. pp. 133–141.
18. Serdobintseva, E.N. (2011) *Professional'naya leksika russkogo yazyka: strukturno-semanticheskiy, funktsional'no-stilisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Professional vocabulary of the Russian language: structural-semantic, functional-stylistic and cognitive aspects]. Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Morkovkin, V.V. & Morkovkina, A.V. (1996) *Russkie agnonimy* [Russian agonyms]. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute; Russian Language Institute of the RAS.
20. Postovalova, V.I. (1988) *Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [The picture of the world in human life]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and picture of the world]. Moscow: Nauka. pp. 8–69.
21. Kubryakova, E.S. (1988) *Rol' slovoobrazovaniya v formirovaniy yazykovoy kartiny mira* [The role of word formation in the formation of a linguistic picture of the world]. Serebrennikov, B.A. (ed.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and picture of the world]. Moscow: Nauka. pp. 141–172.
22. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2003) *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [Language and National Picture of the World]. Voronezh: Istoki.
23. Mezit, A.E. (2018) *Pod'yazyk i professional'naya yazykovaya kartina mira rabotnikov gidroenergeticheskoy otrasli: funktsional'nyy i leksikograficheskiy aspekty* [Sublanguage and professional language picture of the world of workers in the hydropower industry: functional and lexicographic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
24. Suleymanova, A.K. (2006) *Terminosistema neftyanogo dela i ee funktsionirovanie v professional'nom diskurse spetsialista* [Terminological system of the oil business and its functioning in the professional discourse of a specialist]. Philology Dr. Diss. Ufa.

Информация об авторах:

Фельде О.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: feldeo@list.ru

Мезит А.Э. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, руководитель Департамента международного сотрудничества Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: amezit@sfu-kras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Felde, Dr. Sci. (Philology), professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: feldeo@list.ru

A.E. Mezit, Cand. Sci. (Philology), associate professor, head of the International Cooperation Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: amezit@sfu-kras.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.03.2021;
одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 02.03.2021;
approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 31.03.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.2, 81.22, 316.77, 004.81
doi: 10.17223/15617793/488/13

Философско-теоретическое наследие Роланда Познера и Public Relations

Ирина Петровна Кужелева-Саган¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ipsagan@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ философско-теоретического наследия хорошо известного в мире, но почти неизвестного в России немецкого семиотика, философа и лингвиста Роланда Познера (1942–2020) с точки зрения его потенциала для дальнейшего развития и легитимации научного знания о связях с общественностью или пиарологии (PRology), а также самой практики публик Public Relations (PR). В частности, предметом анализа стали: концепция теории культуры Р. Познера, уходящая своими корнями в теории культуры Э. Кассирера и Ю. Лотмана; а также парадигмальный и семиотический подход Р. Познера к определению эпистемологического статуса гуманитарных наук. Рассматриваются возможности прикладной семиотики Познера применительно к практической имиджологии (одному из направлений пиарологии), а также его когнитивно-семиотических концепций к видению перспектив развития PR в стремительно эволюционирующем цифровом обществе.

Ключевые слова: Роланд Познер, онтология и эпистемология гуманитарных наук, парадигмальный подход, семиотический подход, культурная семиотика, когнитивная семиотика, семиозисы, научное знание о связях с общественностью, Public Relations (PR), пиарология, самопрезентация

Для цитирования: Кужелева-Саган И.П. Философско-теоретическое наследие Роланда Познера и Public Relations // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 127–147. doi: 10.17223/15617793/488/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/13

Philosophical and theoretical heritage of Roland Posner and public relations

Irina P. Kuzheleva-Sagan¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ipsagan@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the philosophical and theoretical heritage of Roland Posner (1942–2020), a globally known German semiotician, philosopher and linguist, in terms of its potential for further development and legitimization of scientific knowledge about public relations or PR (PRology), as well as the practice of public relations (PR). Unfortunately, the Russian audience is not well acquainted with Posner's works. The subject of the analysis is the concept of Posner's theory of culture, whose roots can be seen in the theory of culture by Ernst Cassirer and Yuri Lotman, as well as his paradigmatic and semiotic approach to determining the epistemological status of the humanities. In addition, the article discusses the potential of Posner's applied semiotics in relation to practical imageology (a PR area), as well as his cognitive semiotic concepts to the vision of the prospects for the development of PR in a rapidly evolving digital society. The author of the article shows that the projection of Posner's philosophical and theoretical positions onto PRology and its object of study (PR) makes it possible to describe them as sign systems or semioses with all the attributes inherent in such systems, including senders, addressees, codes, messages (or texts), signs, signifiers and signifieds, channels, and contexts. Cultural-semiotic and paradigmatic concepts by Posner allow substantiating the interdisciplinary status of PR and its being part of the "sciences of culture and man". The concepts explain the causes of PR, identify their problem points and future prospects. As for the cognitive-semiotic concept by Posner, it helps to understand what laws the self-presentation of one's personality obeys and how communication between a computer and a person, in which the computer plays a "self-presenting" role, can be built. The latter is especially important, given the hybrid ontology of today's digital network society, characterized, among other things, by the emergence of hybrid social networks whose actors are not only social subjects, i.e. people, but also non-people.

Keywords: Roland Posner, ontology and epistemology of humanities, paradigm approach, semiotic approach, cultural semiotics, cognitive semiotics, semiosis, scientific knowledge of public relations, public relations (PR), PRology, self-presentation

For citation: Kuzheleva-Sagan, I.P. (2023) Philosophical and theoretical heritage of Roland Posner and public relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 127–147. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/13

1. Введение

Сегодня и Public Relations (PR), как особый вид социокультурной практики, и *пиарология*¹, как научное знание о PR, остро нуждаются в свежих идеях и теориях, которые могли бы придать им новые импульсы для дальнейшего развития и легитимации. Несмотря на то, что в России PR как самостоятельный вид профессиональной деятельности начал формироваться еще тридцать лет назад, до сих пор он вызывает двойственное отношение к себе не только со стороны общественности, но и представителей науки и образования. Во многом это объясняется амбивалентностью, многомерностью, полионтологичностью и постоянным эволюционированием самого феномена PR, способного предстать и перед обыденным, и перед теоретическим сознанием в самых разных формах, онто-статусах, дисциплинарных контекстах и с разной степенью ценностного потенциала; а также интегративной сущностью PR, вобравшего в себя элементы различных социальных практик. Собственно, все это и обуславливает существование в настоящее время огромного количества определений Public Relations, как дополняющих друг друга, так и взаимоисключающих. Поиск «самого правильного» из них изначально обречен на неуспех. Более продуктивным представляется иной путь – открытие все новых и новых граней PR и его возможностей в социальном конструировании, разрешении разного рода конфликтов и установлении диалогов на принципах «рационального дискурса». Что касается пиарологии, то ее окончательная легитимация как самостоятельной академической дисциплины также требует перманентной рефлексии над ее «природой», механизмами функционирования и связями с другими науками.

Одним из богатых источников для дальнейшего становления науки о PR, равно как и самой PR-практики, может стать, на наш взгляд, философско-теоретическое наследие выдающегося немецкого ученого Роланда Познера (1942–2020), включающее целый ряд интересных теорий и концепций. Вероятно, нужно считать досадным недоразумением, что его имя до сих пор почти неизвестно российским научным сообществам, занимающимся проблемами философии науки, аналитической философии, лингвистики, семиотики, культурной антропологии и коммуникативистики. Между тем его многочисленные работы – статьи, монографии, словари, учебники для вузов – изданы на многих языках, включая китайский. На русском же языке к настоящему моменту изданы только одна его статья [2] и одна монография [3]. Учитывая это, позволим себе в первой части статьи несколько подробнее остановиться на главных вехах его научной карьеры и творческой жизни для понимания истоков формирования его теоретической рефлексии, отличающейся таким разнообразием.

Главная же цель данной статьи состоит в том, чтобы представить, в самых общих чертах, некоторые теории и концепции Роланда Познера, обладающие, с нашей точки зрения, высоким объяснительным потенциалом в понимании: а) пиарологии как *одной из наук*

о культуре, знаковой системы и междисциплинарного научного знания; б) Public Relations как социокультурной практики и знаково-символической коммуникации; в) PR-текстов как элементов культурно-семиотических систем. Кроме этого, предполагается рассмотреть возможности прикладной семиотики Познера применительно к практической имиджологии (одному из направлений пиарологии), а также его когнитивной семиотики – к видению перспектив развития PR в стремительно эволюционирующем цифровом обществе.

2. Роланд Познер как философ, ученый и творческая личность

Поразительная широта интересов и результативность научной деятельности Роланда Познера обусловлена не только его врожденными талантами, но и прекрасным образованием, а также общением с известнейшими интеллектуалами своего времени. Гимназию в Дюссельдорфе он окончил свободно говорящим и пишущим на французском и английском, а также со знанием классических языков – латинского и греческого. Не менее основательны были его знания и по естественно-научным дисциплинам – физике и химии. Одновременно с этим он завершил семилетнее обучение в училище при консерватории по классу фортепиано и органа. С таким багажом Познер поступил в Боннский университет, чтобы постигать научные методы исследования культурных феноменов. Однако предложенное ему здесь не выходило далеко за границы уже полученного в гимназии. Поэтому в поисках новых знаний и возможностей Р. Познер переводится в Мюнхенский университет, где становится членом философского кружка Вольфганга Штегмюллера – известного австро-немецкого философа. Здесь он изучает работы Людвиг Витгенштейна и лично знакомится с Рудольфом Карнапом, приехавшим в Мюнхен для чтения лекций.

Первые серьезные исследования Р. Познера и, в частности, диссертация «Языковые средства литературной интерпретации: к 200-летию филологии Гёте» («Sprachliche Mittel literarischer Interpretation: Zweihundert Jahre Goethe-Philologie», 1967)² [4] были отмечены кардинальной сменой парадигм в гуманитарных науках и философии в Германии: традиционная немецкая философия (феноменология, кантианство, неокантианство) постепенно вытеснялась философией языка; германоведение – современной лингвистикой. Вторая диссертация Р. Познера – «Теория комментирования: базовое исследование по семантике и прагматике» («Theorie des Kommentierens: Eine Grundlagenstudie zur Semantik und Pragmatik», 1972) [5] обратила на себя внимание лингвистического сообщества нетривиальным подходом к трактовке синтаксической теории Ноама Хомского. В 1982 г. выходит в свет одна из самых известных познеровских работ – монография «Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа» («Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of Linguistic, Literary,

and Philosophical Analysis») [6]. Эта книга стала отправной точкой для исследований целого поколения философов, лингвистов и литературоведов. В эти же годы Познер обобщает свои гипотезы и предложения по научному исследованию текстов различного характера, чтобы ответить на крайне актуальный для гуманитарных наук эпистемологический вопрос: как можно описывать культуру научно? Своеобразным итогом векового исследования культурной антропологии данной проблематики стала его статья «Что такое культура? К семиотической экспликации антропологических понятий» («What is Culture? Toward a Semiotic Explication of Anthropological Concepts», 1989) [7], в которой автором постулируются три уровня культуры. В этой же статье Познер дает свою экспликацию концепции широкого понимания культурного текста Юрия Лотмана, подтверждая ее статус прочного методологического основания для семиотического анализа всех типов человеческих артефактов. Такая трактовка лотмановской концепции также была принята мировым лингвистическим сообществом.

В 1990 г. в своей книге «Предупреждение далекому будущему: ядерные отходы как коммуникативная проблема» («Warnungen an die ferne Zukunft: Atom Müll als Kommunikationsproblem») [8] Познер показывает, как его подход к анализу культуры может применяться и для решения политических проблем. Появление этой книги, безусловно, нужно рассматривать как свидетельство высочайшей ответственности философа и ученого перед поколениями далекого будущего, которые должны быть предупреждены о местах хранения на нашей планете ядерных отходов. И такое сообщение от их далеких предков (т.е. от нас) должно быть понято ими абсолютно однозначно, для чего Р. Познер и предлагает соответствующую систему знаков и кодов.

Параллельно со всем этим Познер разрабатывает концепцию эффективного управления европейской многоязычностью для Евросоюза [9]. Основываясь на родстве большинства европейских языков, он конструирует свою систему школьного лингвистического образования. Сегодня, когда в связи с широкими миграционными процессами проблема многоязычности становится для Западной Европы одной из самых актуальных, соответствующие структуры Европейского союза снова активно обсуждают подход Р. Познера к реформе обучения языку в европейских школах. Его подход к языковой коммуникации между представителями разных культур, входящими в Евросоюз, основывался не на введении для всех какого-то одного общего – «универсального» – языка, а на реальном проявлении интереса к языкам своих соседей. Свободно владея несколькими языками, Роланд Познер считал, что благодаря современным технологиям и методикам развития лингвистических навыков современный человек способен общаться со своими иностранными соседями на разных языках.

В 1990-х исследования Познера концентрируются на основных вопросах семиотической теории, или «теории знаков». Весьма плодотворным оказывается его исследование 1993 г. «Вера, причина, намерение:

основание для иерархии моделей знаков в реконструкции коммуникации» («Believing, Causing, Intending: The Basis for a Hierarchy of Sign Concepts in the Reconstruction of Communication») [10] как обоснование возможной типологизации всех знаковых процессов на основании логической веры, намерения и причинного анализа.

Новаторские достижения Познера, а также критическое переосмысление наследия классиков и исследований выдающихся современников (в частности, Юргена Хабермаса) делают его приоритетным партнером для коллег, неудовлетворенных слишком консервативной политикой многих университетов и старающихся инициировать соответствующие реформы. С момента организации Р. Познером первого Международного конгресса немецкого семиотического общества (1975) он уделяет много внимания разработке моделей эффективной системы внутриуниверситетских коммуникаций, поскольку именно отсутствие таковой является наиболее распространенной проблемой в современных высших учебных заведениях. В основании этих моделей снова лежит теория знаков. На таком же методологическом фундаменте он создает организационные структуры и внутри самого немецкого семиотического общества. Этот опыт сразу становится востребованным семиотическими сообществами в других странах.

Постоянным местом работы для Р. Познера с 1975 г. и до конца его жизни стал Институт лингвистики Технического университета Берлина (TUB), где он работал в должности профессора (в последующем – почетного профессора) после того, как получил высшую академическую квалификацию – степень доктора-хабилитата (Dr. habil) сразу по трем научным направлениям: философии языка, лингвистике и общему литературоведению. Такой поворот карьеры объясняется его убежденностью в полезности гуманитарных наук для обучения технических специалистов, а также в том, что именно лингвистика и семиотика способны навести прочные междисциплинарные мосты между гуманитарными и техническими дисциплинами. Кроме этого, Р. Познер был приглашенным профессором Гамбургского университета и Университета Монреаля; на протяжении многих лет преподавал в лингвистических и семиотических школах в Австрии, Канаде, Тунисе, Португалии, Бразилии, Эстонии.

В качестве нового научного лидера он основал Центр семиотических исследований Технического университета Берлина (Arbeitsstelle für Semiotik, TUB) и создал единственный в своем роде Семиотический архив (Archiv für Semiotik) по всем существующим теоретическим и прикладным направлениям семиотики. Они стали коммуникативными площадками для научных дискуссий, в которых участвовали ведущие семиотики и лингвисты не только Германии, но и других стран: Юрген Трабант, Абрахам Моль, Соломон Маркус, Зива Бен-Порат, Жан-Мари Клингенберг, Нельсон Гудмен, Дэвид Макнил, Томас Себеок, Умберто Эко и другие. Здесь были прочитаны серии лекций по темам: «Семиотика и теория информации»,

«Семиотика мультимедийной коммуникации», «Семиотика и теория систем», «Семиотика и теория действия», «Классическая семиотика», «Семиотика и теория восприятия», «Теория знаков и этология», «Фантастика и ее персонажи», «Визуальная семиотика», «Семиотика архитектуры», «Семиотика музыки», «Семиотика кино», «Театральная семиотика» и другим. Центр постоянно стимулировал мировые исследования в области семиотики, реализуя различные межкультурные проекты. По сути, именно здесь и зарождались многие тренды современной семиотики.

На базе Центра и Архива Роландом Познером был создан ежеквартальный «Журнал по семиотике» («Zeitschrift für Semiotik») как печатный орган сразу трех национальных семиотических ассоциаций – немецкой, австрийской и швейцарской. Вскоре он превратился в одно из самых авторитетных периодических научных изданий в данной области, входящее во все крупнейшие международные и реферативные базы данных, став незаменимым для специалистов по семиотике во всем мире. Каждый из номеров журнала был посвящен какой-либо конкретной теме, включая самые неожиданные. Например, «Семиотика терапевтического общения», «Семиотика кладбищенских памятников», «Фито-семиотика», «Семиотика кулинарии» и т.п. Являясь в течение более 20 лет главным редактором этого журнала, Р. Познер регулярно писал для него не только вводные статьи обзорного характера, но и статьи, в которых были изложены результаты его собственных исследований.

Кроме этого, при непосредственном содействии Р. Познера был инициирован и реализован целый ряд крупных книжных проектов – многотомных серий: «Основы коммуникации» («Grundlagen der Kommunikation») с 1973 г.; «Основные задачи лингвистики и коммуникативистики» («Schwerpunkte Linguistik und Kommunikationswissenschaft») с 1977 г.; «Основы коммуникации и познания» («Foundations of Communication and Cognition») с 1981 г.; «Проблемы семиотики» («Probleme der Semiotik») с 1984 г.; «Тело, знак, культура» («Body, Sign, Culture») 2001–2008 гг. и другие. Р. Познер активно участвовал в издании энциклопедического словаря «Классики семиотики» («Classics of semiotics») с 1987 г., для которого он написал главу «Чарльз Моррис и поведенческие основания семиотики» («Charles Morris and the behavioral foundations of semiotics») [11]. Он являлся одним из трех редакторов фундаментального международного 4-томного научного труда «Семиотика: руководство по основам теории знаков природы и культуры» («Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture», 1997), который во многом формирует содержание и структуру преподавания семиотики и исследований в этой области вот уже более 20 лет. Издания, в которых Р. Познер был редактором и одним из соавторов, включают более 250 книг и существенно влияют на развитие семиотики как междисциплинарного знания. Он руководил и масштабными исследователь-

скими проектами. Например, проектом «Распознавание жестов при помощи сенсорной перчатки», методология которого используется сегодня в нескольких странах.

Будучи многосторонне одаренным человеком, Роланд Познер являлся еще и замечательным фотохудожником. Выставки его фоторабот, самая известная из которых – «Хроники Берлинской стены», проходили в городах Германии, Болгарии и Латвии. Одна из его любимых тем в творчестве – это жизнь современного города. Постоянно экспериментируя, он смог соединить свои научные и творческие интересы в уникальной работе семиотического характера «Город как огромный зеркальный зал» («The Metropolis as a Giant Hall of Mirrors», 2010) [12].

Все перечисленные достижения сделали Роланда Познера одним из ведущих мировых исследователей по семиотической, культурологической и эпистемологической проблематике последней трети XX в. – начала XXI в. Международная ассоциация семиотических исследований (International Association for Semiotic Studies – IASS), признав эти несомненные заслуги, избрала его своим президентом в 1994 г. на очередном конгрессе в Университете Беркли (США). В некрологе по случаю смерти Р. Познера (26.05.2020) его коллегами по Ассоциации было сказано, что он был «поистине дальновидным мыслителем с неустанным стремлением расширять, реформировать и продвигать интеллектуальную жизнь», и что «его вклад в семиотику и междисциплинарную мысль трудно переоценить»³. Автору этой статьи посчастливилось быть лично знакомой с Р. Познером, неоднократно встречаться с ним в рамках проекта по первому изданию на русском языке его монографии «Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, философского и литературного анализа» [3] и, таким образом, наблюдать за работой замечательного ученого и его коммуникациями с коллегами и студентами. Если попытаться коротко охарактеризовать отношение Роланда Познера к делу и к общению с людьми, то это всегда было «high quality»: высочайший уровень интеллекта, ответственности, доброжелательности, креативности и юмора.

3. Вклад Р. Познера в развитие гуманитарного научного знания

3.1. Теория культуры

Сам Р. Познер в одном из интервью на вопрос, что именно он считает своим главным вкладом в развитие гуманитарного научного знания, ответил, что таковым является, прежде всего, его *теория культуры* [13. Р. 127]. Еще во время обучения в университете Р. Познер столкнулся с тотальным иррациональным агностицизмом в отношении научного изучения культуры. Это побудило его к созданию такого теоретического подхода к культуре в целом, который мог бы стать общей концептуальной рамкой для ученых и гуманитарной, и естественно-научной сфер. В частно-

сти, антропологов и этнологов, с одной стороны, и биологов и этологов – с другой. С этой целью Познер долго и систематически изучал научные тексты тех и других, обращая в каждом случае особое внимание на дисциплинарную терминологию и методологию. Этот читательский и одновременно исследовательский опыт подтвердил его предположение о том, что культура является семиотической сущностью; что, все науки в определенном (т.е. очень широком) смысле – это «науки о культуре», и что, соответственно, ко всем наукам применим знаково-теоретический подход. Что же касается наук о культуре в прямом (т.е. более узком) смысле, то, по мнению Познера, проблемы и методы литературных, музыкальных, художественных, коммуникативных и других гуманитарных дисциплин имеют так много общего, что их научная самоизоляция может быть объяснена только социологически; и, соответственно, к ним безусловно применим семиотический подход.

Свои выводы о том, что все предметные области классифицируются той или иной академической дисциплиной как «культурные», если понимать культуру как особый тип сложной знаковой системы, Р. Познер наиболее подробно обосновал в работах «Что такое культура?» («What is Culture?», 1989) [7] и «Основные задачи культурной семиотики» («Basic tasks of cultural semiotics») [14]. В контексте именно такого – семиотического – понимания каждая культура включает в себя ОБЩЕСТВО, состоящее из индивидуальных и коллективных *пользователей знаков* (социальных институтов, обществ и сообществ). Эти пользователи развивают ЦИВИЛИЗАЦИЮ, состоящую из *текстов* различных жанров (в широком смысле – из артефактов). Тексты же формируются в соответствии с менталитетом пользователей знаков, т.е. их конвенциональными *кодами* или ментифактами (идеями, ценностями, конвенциями) и служат для передачи сообщений, позволяющих пользователям знаков решать их жизненные проблемы, а также для хранения информации. Степень сохранности информации зависит от количества репликаций текстовых знаков и частоты приема текстов в процессе коммуникативных актов, а также от наличия кода, требующего своего возобновляемого выражения в каждом из своих применений [14. Р. 82].

В своих рассуждениях Р. Познер опирался на обобщенную концепцию текста, в соответствии с которой «любой более или менее сложный знак можно назвать “текстом”, будь он отдельным дорожным знаком, серией дорожных знаков на улице, живописью, скульптурой, фрагментом музыки, танца или речевого высказывания» [14. Р. 69]. Используемая культурной семиотикой, она подходит для всех дисциплин, связанных с изучением культурных явлений: философии, филологии, истории, историей искусства, музыковедения, новомедийных дисциплин. Ее применение способствует наведению междисциплинарных мостов и образованию не метафорической, но научной концептуальной основы для исследования структур и функций знаковых комплексов всех средств массовой ин-

формации. Поэтому так важно понимать цивилизацию не только как совокупность культурных артефактов, но и рассматривать ее как комплекс текстов в широком смысле культурной семиотики.

Важнейшим критерием принадлежности пользователей знаков к одной культуре является использование ими одних и тех же конвенциональных кодов, т.е. ментифактов. Каждому ментифакту, играющему роль в обществе, как *означаемому* соответствует определенная символическая форма или *означающее*. Коды, основывающиеся на конвенциях, – это и есть системы корреляций между означаемыми и означающими. Отсюда ментальная (духовная) культура является не чем иным, как системой знаковых конвенций, которые разделяют члены общества. Они контролируют социальное поведение членов общества и детерминируют функции и значение их артефактов [14. Р. 70].

Р. Познер исходил также из того, что *знаковым процессом* является любой процесс, в котором что-либо функционирует как знак. Знаки – это объекты, которые передают какое-либо сообщение, предполагающие кого-то, кто понимает их, т.е. *интерпретатора*. Отсюда «каждый знаковый процесс включает в себя, по крайней мере, знак, интерпретатора, а также сообщение, которое передается интерпретатору посредством знака» [14. Р. 58]. Кроме вышеупомянутых кода (как совокупности означающих, означаемых и правил, определяющих отношения означающих и означаемых друг к другу) и интерпретатора (толкователя сообщения, передаваемого посредством знака), не менее важными элементами знакового процесса являются *канал* или медиа/медиум как комплекс факторов, остающихся неизменными для широкого спектра знаковых процессов, и *контекст* (фрейм, окружающий событие и предоставляющий ресурсы для его наиболее адекватной интерпретации).

Таким образом, согласно Познеру, культура как знаковая система заключается в производстве и получении текстов индивидуальными и коллективными пользователями знаков, которые применяют конвенциональные коды, чтобы передать сообщения, позволяющие пользователям знаков решать их проблемы. Соответственно, понимание той или иной конкретной культуры эквивалентно анализу ее знаковых процессов. Такая экспликация концепции культуры приложима не только к человеческим культурам, но и к миру животных и даже машин; а также к тем культурам, в которых люди, животные и машины постоянно взаимодействуют, и регулирование их взаимодействия осуществляется посредством общих знаковых конвенций [14. Р. 71].

Отсюда любая наука может быть представлена как та или иная система культуры или знаковая система высокой сложности, отличающаяся самоорганизацией и подвижной структурой, постоянно производящая те или иные знаковые процессы или *семиозисы*, включающие все обозначенные выше элементы этих семиозисов. Источником культурной динамики является конкуренция организационных принципов знаковых систем, образующих культуру и состоящих между собой в иерархических отношениях. Знаковые систе-

мы как совокупности знаковых процессов, в свою очередь, являются элементами структур еще более общего порядка – *семиосфер* или семиотических пространств, вне которых невозможно протекание каких-либо семиотических процессов. Такой подход отводит всем культурным вопросам четко определенную позицию в структурированном целом и тем самым обеспечивает семиотическое объяснение отношений между различными традиционными дисциплинами, вовлеченными в исследование культуры. Споры между дисциплинами, борющимися за «первенство среди равных», становятся бессмысленными, потому что каждая из них может переосмыслить себя как ценный вклад в достижение великой цели: общими усилиями сделать культуру объектом подлинно научного познания [13. Р. 127].

Несмотря на то, что теория культуры Познера создана в традициях Э. Кассирера [15] и Ю. Лотмана [16] и основывается на ключевых понятиях, традиционно используемых в теории знаков («семиосферы», «пользователи знаков», «тексты», «коды» и т.п.), она дала семиотике новый вектор развития, поскольку потребовала выделения и описания различных типов знаковых процессов/семиозисов (таких как индикация, сигнификация и коммуникация), типов пользователей знаков (адресантов, адресатов, сторонних наблюдателей), типов кодов (врожденных, искусственно обусловленных, конвенциональных); так же, как и описания их функций в культуре. Она потребовала и изучения культурного изменения как результата динамики в системе специальных культурных кодов, и исследования взаимодействия между культурами как принятия «внекультурных» кодов и мировоззрений. Теория культуры Познера, разлив ряд тезисов Ю. Лотмана, дала свои ответы и на следующие вопросы: «Как знаки, знаковые процессы и знаковые системы культуры отличаются от некультурных (то есть естественных) знаков, знаковых процессов и знаковых систем?», «Как интерпретаторы культурных знаков отличают их от природных признаков?» и «Что определяет идентичность и границы культуры?» [14. Р. 57].

Особый интерес, с точки зрения цели, заявленной в этой статье, представляют выводы Р. Познера о критериях определения идентичности и границ той или иной культуры, а также о механизмах культурных изменений. Они основаны на понимании культуры 1) как *системы текстов и их функций* и 2) как *иерархии знаковых систем*.

В первом случае принципиальное значение имеет выявление критериев отбора из множества сообщений таких, которые являются *текстами* и выражают идентичность представителей данной культуры. По Лотману, «выбор определенного количества текстов из массы сообщений может быть рассмотрен как признак проявления культуры как особой формы самоорганизации общества»; и наоборот: «ситуация, в которой все тексты имеют равную ценность, сводится к ликвидации культуры» [14. Р. 72]. Критерии выбора текстов зависят от *медиа*, используемых в конкретной культуре, т.е. тексты – это знаковые комплексы, передающиеся посредством наиболее престижных меди-

мов в данной культуре. Иерархия текстов в рамках культуры выстраивается в зависимости от их средней «продолжительности жизни», обеспечиваемой медиумами. Вершиной иерархии текстов являются тексты уровня Священного Писания, задавшего стандарты социального поведения сотен поколений людей. На другом же конце этой иерархии находятся короткоживущие текстовые артефакты («эфемерные повседневные высказывания») [14. Р. 74].

Во втором случае эта иерархия текстов обусловлена системой *кодов* или ментифактов, имеющей, в свою очередь, иерархическую структуру и организованной в систему семиосфер – еще более сложную иерархическую структуру. Каждая семиосфера, окруженная несколькими слоями несемиосфер, делает доступным для общества определенный сегмент окружающей действительности. Семиотические сферы (культурно-центральные, культурно-периферийные, контркультурные) состоят из знаковых систем с кодами, которые структурируют этот мировой сегмент с помощью своих означаемых. Несемиотические сферы (экстракультурные) оставляют свои мировые сегменты неструктурированными [14. Р. 75; 17]. Культурные изменения могут быть эксплицированы как изменения границ между этими сферами. К сожалению, объем данной публикации не позволяет подробно описать эти сложные процессы, поэтому ограничимся следующими.

Всякий раз, когда общество обнаруживает новый для себя сегмент мира (новый континент, новую технологию и т.п.), принадлежащий до этого к экстракультурной реальности (т.е. неосвоенной, неизвестной), оно преобразует его в *контркультурную* реальность с помощью элементарного кода. Так новый сегмент идентифицируется и «привязывается» к уже известным сегментам. В результате происходит постепенное расширение реальности посредством создания конвенциональных кодов или ее *семиотизация*. Обратный процесс – десемiotизация каких-либо сегментов реальности – обусловлен разрушением таких кодов [14. Р. 75–76]. Ярлыки, которыми данная культура штампует свою контркультуру, служат не только для обозначения соответствующих мировых сегментов, но также и для определения их отношения к идеям и ценностям, характеризующим саму эту культуру. Соотношение между культурой и ее контркультурой амбивалентно. С одной стороны, члены культуры оценивают свои контркультуры негативно и отклоняют их; с другой стороны, они пытаются ассимилировать контркультуры и трансформировать их в собственную культуру. Каждая культура имеет тенденцию либо устранить, либо интегрировать свои контркультуры, стремясь при этом сохранить свою идентичность [14. Р. 76–77]. В этих процессах большое значение имеют артефакты и ментифакты.

Артефакты материальной культуры одного общества могут быть заимствованы (приобретены, использованы или имитированы) членами другого общества без каких-либо изменений в социальных отношениях. Например, приобретение, использование и имитация китайского фарфора европейцами и европейской ав-

томобильной техники японцами являются яркими примерами такого цивилизационного «перекрытия». Что касается ментифактов, определяющих поведение индивидуумов в одном обществе, то в случае своего принятия членами другого общества, они начинают определять их поведение. Примеры: модные образы/имиджи, популярная музыка.

В рамках своей теории культуры Р. Познер формулирует целый ряд интересных, с нашей точки зрения, концепций, включая концепцию «культурного загрязнения» или «культурной экспансии». Она описывает процесс, при котором предварительно хорошо освоенный и семиотизированный мировой сегмент находится либо под влиянием вторжения более престижных, но недостаточно освоенных новых кодов, накладывающихся на старые, изначальные; либо пытается влиять сам подобным образом на другие мировые сегменты. В этой ситуации ни старые, ни новые знаки не могут быть использованы для структурирования соответствующей реальности. Означаемые старых кодов больше не принимаются всерьез, а означаемых новых кодов еще не поняты. Присутствие означающих старых кодов, не получающих соответствующего толкования, только увеличивает культурную дезориентацию. В результате общество имеет дело с семиотическим мусором, функционирующим как культурный «щебень» и приводящим к резкому снижению способности людей ориентироваться. Общество сталкивается с хаосом, возникающим в границах собственной культуры. Он служит для обеспечения вечного водоворота культуры и контркультуры. Когда эти процессы происходят в периферической семиотической сфере культуры, то общество обеспокоено либо маргинализацией и, в конце концов, изгнанием чужих кодов из своей культуры; либо новой семиотизацией того или иного мирового сегмента в соответствии с моделями центральных кодов своей культуры. Когда процесс загрязнения происходит в центральной области культуры посредством новых кодов из другой культуры, то это дает начало другой культуре с заменой оригинальных кодов на коды соответствующего общества [14. Р. 77–78].

Р. Познер обращает внимание на то, что глобализация способствует усилению обмена разных культур своими престижными кодами, приводящему к появлению универсальных гибридных культур [14. Р. 78]. Изменения могут происходить и внутри культуры, благодаря изменениям её кодов по шкале «центр – периферия». Артефакты, созданные в соответствии с центральным кодом, имеют более высокую степень разработанности и влияния, становясь моделями для других типов артефактов [14. Р. 79]. О степени централизации культурного кода можно судить по его распространенности, частотности и авторитетности [14. Р. 78–79]. Но чем дольше код занимает центральное место в культуре, тем больше актуализируется опасность его окостенения и непривлекательности для данного общества. И тогда другие, более гибкие коды становятся более престижными, и берут на себя роль, свойственную ранее центральному коду, и подталкивают их к периферии в рамках культурных сфер [14. Р. 80].

Главным же тезисом Р. Познера относительно механизма культуры является мысль о том, что он «состоит в прогрессивной семиотизации реальности. Формирование кода, его встраивание в культурные сферы, его централизация и неизбежная замена более новыми альтернативными кодами, которые менее семиотизированы и более гибки, составляет циклический процесс, который заканчивается только тогда, когда исчезает сама культура» [14. Р. 81]. Чтобы удержать свою идентичность и структурную информацию, каждая культура старается сохранить определенные модели своего функционирования, зарекомендовавшие себя наиболее важными на протяжении ее эволюции. Она делает это через производство текстов, ритуализацию и другие процедуры. Таким образом, культура – это не только коллективный механизм для хранения информации с помощью конвенциональных кодов, но и «селекционное устройство», «машина выживания» для общества [14. Р. 83].

3.2. Парадигмальный и семиотический подходы к определению эпистемологического статуса гуманитарных наук

Согласно Р. Познеру, дать определение гуманитарным наукам, характеризующее их эпистемологический статус, можно либо путем описания отдельного вида знания, в который они вносят свой вклад, либо определяя различные методы исследования, позволяющие им получать эти знания. Чаще всего гуманитарные науки рассматриваются как «изучение человеческого духа» (лат. *Spiritus*, франц. *esprit*, нем. *Geist*), а их методология – как *понимание*, а не объяснение [18. Р. 20]. Познер выделяет и описывает восемь парадигм гуманитарных наук, каждая из которых знаменует определенный исторический этап их развития (от Античности до начала третьего тысячелетия) и обусловлена необходимостью решения тех или иных важнейших проблем, связанных с человеком. Среди них: 1) пайдейя (Античная Греция, 400 г. до н. э., Исократ и софисты); 2) гуманитарис или *humanitas* (Римская империя, 100 г. до н. э., Цицерон, Квинтилиан); 3) свободные искусства (Европа, раннее христианское Средневековье, 500 г. н. э., Св. Августин, Боэций); 4) ренессансный гуманизм или *studium humanitatis* (Италия, 1400 г. н. э., Салютати, Мирандола); 5) Просвещение (Франция, 1700 г. н. э., Дидро, Даламбер); 6) немецкий романтизм и немецкая идеалистическая философия (Германия, 1800 г. н. э., Шеллинг, Гегель, Дильтей); 7) культурные исследования, неокантианство (Имперская Германия, 1900 г. н. э., Виндельбанд, Риккерт, Кассирер); 8) медиаисследования эпохи постмодерна (2000 г. н. э., Берельсон, Маклюэн, англо-американские контент-аналитики).

Сравнивая эти исторические версии гуманитарных наук, Познер отмечает, что они имеют как отличия, так и сходства. Отличия заключаются в том, что каждая из них по-своему ответила на очередной исторический вызов, была организована новой ведущей идеей, поддерживала новую область знаний и навыков и подвергалась новым ограничениям. Так, например, подход к медиаисследованиям, заявленный в рамках

восьмой парадигмы, фокусируется на опыте компьютерных исследований глобальных телекоммуникаций и следует идее всемирного свободного потока не только товаров, но и также информации и знания. Он концентрируется на изучении конкретных свойств и различий между существующими СМИ и возможности их (СМИ) комбинирования с помощью медиатехнологий разного типа. Контингент обучающихся ограничивается «информированными», т.е. теми, кто имеет доступ к этим технологиям.

Объединяет же все эти восемь парадигм гуманитарных наук то, что все они были мотивированы попыткой объяснить новые типы знаков и знаковых процессов, которые стали необходимыми для успешной жизни в то или иное конкретное время и стремились учесть знания и навыки для достижения наиболее полного участия учащихся в общественной жизни той культуры, в которой они родились; для использования ими тех или иных инструментов (учебных, трудовых, музыкальных, спортивных); для овладения валидными знаковыми системами. Иначе говоря, для приобретения социальных, цивилизационных и ментальных компетенций своей культуры [18. Р. 20]. Кроме того, каждая из этих парадигм начиналась с сильного импульса к гуманитарным наукам и серьезно изменяла традиционные способы как самой коммуникации, так и способы ее исследования. Всякий раз культурная жизнь представляла в новом ракурсе, что приводило к новому пониманию мира. Но со временем каждый новый подход терял большую часть своего первоначального ценностного и организующего потенциала, необходимого для дальнейшего развития соответствующей академической сферы. Так, например, «исследования человеческого духа» стали практиковаться как этимология, историография – как рассказывание историй (story telling), культурология выродилась в туризм и т.д. [18. Р. 25]. В конце концов, все парадигмы распались на списки отдельных дисциплин и сводились к простому обучению тем или иным практическим приемам: чтению, письму, риторике, переводу, литературной критике, реконструкции артефактов, интерпретированию, сравнительному и контент-анализу, презентации и т.п.

Тем не менее Р. Познер убежден, что всем этим навыкам нужно учиться не только на практике, но их можно анализировать и преподавать на теоретической основе; и что академические дисциплины, изучающие их, не образуют набор несвязанных между собой отдельных прикладных направлений, а строятся на одном согласованном эпистемологическом фундаменте – семиотике. Однако у Познера семиотический подход служит основанием не только для понимания междисциплинарных, но и трансдисциплинарных связей. Он исходит из тезиса о том, что все знаковые процессы во всех их вариациях можно представить как единое явление, связывающее живую природу с человеческой культурой и отличающее их от неживой природы. Эта концептуализация и может стать ключом к обеспечению гуманитарных, социальных, инженерных и естественных наук общей теоретической

основой для четко определенного разделения труда и сотрудничества между представителями всех этих наук. Человеческое поведение во всех культурах можно также понимать единым образом, т.е. рассматривать как производство и обмен знаками в семье, профессии, коммерции, администрировании, искусстве и религии и изучать во всех его трансдисциплинарных аспектах, что и является задачей семиотики.

Р. Познер напоминает, что семиотика имеет дело с семиозисами различных типов, среди которых он выделяет *коммуникацию*, *сигнификацию* и *индикацию* [19. Р. 90]. В случае определения эпистемологического статуса гуманитарных наук особый интерес представляет семиозис, относящийся к типу «коммуникация». Коммуникация включает в себя следующие факторы: «Есть отправитель, который намеревается передать сообщение адресату и следит за тем, чтобы он был связан с ним через общий канал. При подготовке предполагаемого сообщения отправитель выбирает соответствующий код и выбирает из него означаемое (значение), которое включает в себя сообщение. Поскольку означаемое коррелируется посредством кода с соответствующим означающим, отправитель затем производит знак, который является токеном этого означающего. Если все идет так, как задумал отправитель, то адресат воспринимает знак по каналу и принимает его как токен означающего, который на основе кода относится к означаемому. Затем адресат реконструирует сообщение из означаемого с помощью контекста, данного в общей ситуации» [18. Р. 45–46]. То есть факторный анализ коммуникации как семиозиса в каждом конкретном случае предполагает определение отправителя, адресата, кода, сообщения, знака, означающего, означаемого, канала и контекста; а также ряда последовательных этапов: 1) выбора отправителем означаемого; 2) кодирования им означаемого в означающее; 3) непосредственно отправления сообщения; 4) получения этого сообщения адресатом; 5) декодирования им означающего в означаемое и 6) интерпретации им означаемого. При этом интерпретация адресатом означаемого может в той или иной степени отличаться от означаемого, выбранного отправителем. Такое различие обусловлено разными контекстами, имеющими место в моменты выбора отправителем означаемого и его интерпретации адресатом. Отсюда коммуникации, как семиозису, присущи такие аспекты, как синтактика (отношения между знаками), семантика (смысловые значения знаков) и прагматика (отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует). По мнению Р. Познера, факторный анализ является удобным инструментом для исследования различных знаковых процессов, включая коммуникацию как универсальную семиотическую модель любой из гуманитарных научных дисциплин, с охватом тех практических навыков, которым обучают эти науки [18. Р. 31].

Р. Познер также выдвигает гипотезу о том, что «каждый исторический этап развития гуманитарных наук, по-видимому, был обусловлен необходимостью преодоления конкретной проблемы, которая возникла из-за того, что какой-то фактор семиозиса был еще

неизвестен или нуждался в реализации» [18. Р. 31]. На примере первых трех исторических парадигм гуманитарных наук он обосновывает эту гипотезу и приходит к следующим выводам:

1. Предмет, терминология и цели обучения гуманитарных наук в каждой из их европейских версий могут быть полностью реконструированы в теоретических рамках семиотики; т.е. семиотика дает научную основу для рациональной экспликации задач и терминологии всех гуманитарных наук.

2. Если гуманитарные науки не ограничатся выработкой правил адекватного «знакового» поведения человека и возьмут на себя еще и задачу изучения условий возможности реализации этих правил, у них будет шанс преодолеть свой традиционный статус («просто искусства» или «свободного искусства») и со временем стать самостоятельными научными дисциплинами.

3. Семиотика может уточнить культурную роль и образовательные ценности гуманитарных наук для человечества в целом. Отсюда имеет смысл рассматривать гуманитарные науки не только как «науки о культуре», но и как «науки о человеке»; а семиотику – как их теоретическую основу [18. Р. 37].

4. Пиарология и ее объект изучения (PR) сквозь призму теорий и концепций Р. Познера

4.1. Базовые определения Public Relations и пиарологии

Прежде чем применить изложенные выше теории и концепции Р. Познера к PR как объекту изучения пиарологией и к самой пиарологии как формирующейся науке, уточним, что данные понятия используются здесь в тех смыслах, которые были эксплицированы автором этой статьи в монографиях «Научное знание о связях с общественностью (PR): философский анализ» [20] и «Современное научное знание о паблик рилейшнз и его объектно-предметное поле» («Modern Scientific knowledge of public relations and its objective-subjective field») [21]. В этой работе, среди прочего, была высказана и обоснована гипотеза о том, что проблема дефиницирования такого сложного социокультурного феномена, как паблик рилейшнз, может быть решена посредством выявления нескольких ключевых генерализированных «кодов» (смыслов), в своей совокупности составляющих некое «целостное измерение» или «генотип» PR, с помощью которого его (PR) можно идентифицировать и конструировать в рамках любой философской и специально-научной парадигмы, сферы социальной практики и ценностно-целевой установки. В соответствии с этим было разработано следующее определение: «Паблик рилейшнз – это сложный многомерный, полионтологичный, амбивалентный, эволюционирующий социокультурный феномен, “генотип” которого составляют пять ключевых генерализированных, неразрывно связанных друг с другом, кодов: коммуникация, технология, управление, диалог, общественное мнение» [20. С. 80].

Что касается собственно пиарологии, то она дефиницируется как эволюционирующая технологическая

социально-гуманитарная научная дисциплина, объектом изучения которой является Public Relations. Ее можно описать как «открытую нелинейную самоорганизующуюся когнитивную систему, обобщенная транспективная модель которой представляет собой синтез трех частных моделей – “классической”, “неклассической” и “постнеклассической”. Эти частные модели могут рассматриваться не только как этапы эволюции (транспективы) пиарологии и ее поперечные “срезы”, но и как частные проекции, позволяющие представить пиарологию одновременно с позиций классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности для последующего выбора субъектом познания той проекции, которая более всего соответствует типу его системного мышления и характеру стоящих перед ним задач» [20. С. 405]. Таким образом, «в основания пиарологии “в снятом виде” входят “классические” и “неклассические” философские, общенаучные и специально-научные концепции и теории, актуализирующиеся в зависимости от того, какая проекция транспективы пиарологии является для субъекта исходной в каждой конкретной познавательной ситуации» [20. С. 405]⁴.

Теория культуры Р. Познера и его идеи о гуманитарных науках как «науках о культуре», представляющих собой «знаковые системы» и находящихся между собой в отношениях междисциплинарных связей; а также о том, что функционирование каждой из гуманитарных наук можно исследовать как коммуникацию с помощью семиотического факторного анализа, не только не противоречат нашему пониманию PR и пиарологии, но углубляют наше понимание новых ресурсов для оценки сегодняшнего состояния практики PR и научного знания о PR, выявляя их проблемные «зоны» и перспективы развития. Проецирование познеровских теоретических положений на пиарологию и ее объект изучения дает возможность описывать их следующим образом.

4.2. Пиарология как наука «о культуре» и о «человеке»

Пиарология, возникнув в рамках восьмой парадигмы гуманитарных наук, ориентированных на изучение конкретных характеристик и роли различных медиатехнологий в обеспечении свободного потока информации и знаний в глобальном масштабе, стала развиваться как технологическая социогуманитарная наука, объектом которой является Public Relations. Пиарология – это наука «о культуре» и «о человеке», поскольку она исследует PR как сложный социокультурный феномен, обладающий высоким ценностным потенциалом для человечества при условии, что он (PR) реализуется с соблюдением определенных принципов или с опорой на соответствующие культурные коды, если переходить на язык культурной семиотики Р. Познера. Пиарология как наука о культуре изучает не только PR как элемент социокультурной реальности, но и саму социокультурную реальность, включая общество – совокупность индивидуальных и коллективных пользователей PR-знаков: PR-технологов и их целевых аудиторий, PR-экспертов,

различных PR-институтов и PR-сообществ (профессиональных, образовательных, государственных и негосударственных, коммерческих и некоммерческих). Эти пользователи развивают *цивилизацию*, состоящую из *PR-текстов* различных жанров (в широком смысле – из PR-артефактов). PR-тексты создаются в соответствии с менталитетом пользователей PR-знаков, т.е. их базовыми генерализованными культурными кодами или ментифактами (идеями, ценностями, конвенциями). Для членов профессионального PR-сообщества таковыми являются *коммуникация, технология, управление, диалог и общественное мнение*.

Эти коды служат для передачи по соответствующим каналам *PR-сообщений* или PR-посланий, позволяющих им решать свои профессиональные задачи в границах своей культуры (т.е. в границах профессионального PR-сообщества). С этой точки зрения, данный раздел статьи является развернутым PR-текстом и одновременно PR-сообщением для PR-теоретиков и PR-практиков, интересующихся проблемами развития и легитимации пиарологии как научного знания. Если же речь идет о PR-сообщениях для других целевых аудиторий, помогающих им решать различные проблемы их жизни (например, вопросы их политического самоопределения, участия в жизни гражданского общества, отношения к тому или иному явлению и т.д.), то в таких случаях они опираются на базовые коды тех конкретных культур, к которым принадлежат эти целевые аудитории. Иначе PR-сообщения не достигнут целей, запланированных PR-технологами. Кроме базовых культурных кодов существует также множество дополнительных кодов, используемых PR-профессионалами в зависимости от тех или иных ситуаций – *контекстов*, позволяющих целевым аудиториям более точно декодировать получаемые ими PR-сообщения. В роли дополнительных кодов могут выступать, например, политические коды («власть», «государство», «политика» и др.), психологические коды («воздействие», «сознание», «подсознание» и др.), экономические коды («рынок», «производство», «экономика» и др.) и т.д. Знание PR-специалистами базовых и дополнительных культурных кодов своих целевых аудиторий и умение ими пользоваться обеспечивает высокую эффективность PR-сообщений любого формата.

4.3. Пиарология и PR как знаковые системы

В рамках семиотического подхода к наукам, предложенного Р. Познером, пиарология и PR являются сложными самоорганизующимися транспективными знаковыми системами с динамической структурой, постоянно производящей различные знаковые процессы или семиозисы. Такая динамика обеспечивается, с одной стороны, конкуренцией организационных принципов знаковых систем – «классической», «неклассической» и «постнеклассической» проекций, включенных в *транспективу* пиарологии и PR как объекта ее изучения; а с другой – открытостью этой транспективы по отношению к структурам более общего порядка – семиосферам или семиотическим пространствам, под которыми подразумеваются со-

циогуманитарная и научная сфера в целом, а также вся сфера социальных коммуникаций. В этих семиосферах возникают и поддерживаются знаковые процессы более высокого уровня – междисциплинарные и трансдисциплинарные связи между пиарологией и различными гуманитарными (и не только) дисциплинами как знаковыми системами на основе синтеза их базовых культурных кодов.

То же самое происходит и с PR как одним из видов социальных коммуникаций, когда мы рассматриваем его связи с другими видами социальных коммуникаций – рекламными и маркетинговыми коммуникациями. В результате синтеза культурных кодов PR, рекламы и маркетинга возникают интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК), представляющие собой знаковую систему, уровень которой выше, нежели уровень каждого из представленных в ИМК видов социальных коммуникаций. Если исходить из того, что базовыми культурными кодами PR являются: 1) *коммуникация*, 2) *технология*, 3) *управление*, 4) *диалог* и 5) *общественное мнение*; рекламы – 1) *коммуникация*, 2) *технология*, 3) *управление*, 4) *информирование*, 5) *потребительский интерес*; маркетинга – 1) *коммуникация*, 2) *технология*, 3) *управление*, 4) *рынок*, 5) *продвижение*; то можно предположить, что базовыми культурными кодами ИМК, соответственно, являются девять кодов. Это: 1) *коммуникация*, 2) *технология*, 3) *управление*, 4) *диалог*, 5) *общественное мнение*, 6) *информирование*, 7) *потребительский интерес*, 8) *рынок*, 9) *продвижение*. Синтез или, точнее, интеграция произошла за счет общих трех базовых кодов: 1) *коммуникация*, 2) *технология*, 3) *управление*. Первый код свидетельствует об общей коммуникативной природе PR, рекламы и маркетинга; второй – о том, что это не естественные коммуникации, а специально конструируемые и применяемые в соответствии с теми или иными алгоритмами (техниками); третий – о том, что это воздействующие (т.е. управленческие) коммуникации. Остальные коды говорят о характере, каналах и целях трех видов коммуникаций. PR – это диалоговая коммуникация, целью которой является формирование общественного мнения. Реклама – односторонняя (информирующая) коммуникация. Ее цель – формирование потребительского интереса. Маркетинг – «рыночная» коммуникация. Здесь цель – это продвижение товара или услуги на рынке в условиях высокой конкуренции.

Синтез культурных кодов приводит к эффекту эмерджентности, при котором ИМК обладает свойствами, не обнаруживаемыми в каждом из отдельных видов коммуникаций: PR, рекламе и маркетинге. В частности, это комплексное воздействие на сознание, подсознание и поведение целевых аудиторий ИМК посредством актуализации базовых кодов тех культур, к которым они принадлежат. Причем эти культурные коды могут актуализироваться через различные рецепторы (слуховые, зрительные, обонятельные, тактильные), т.е. с помощью знаков различной природы. Конечной же целью такой актуализации является *навязывание кодов новой культуры*.

4.4. Пиарология и PR как «совокупности PR-текстов и их функций»

Опираясь на теорию культуры Р. Познера, пиарологию и ее объект (PR) можно назвать еще и *совокупностью PR-текстов и их функций*. Только в первом случае это будут научные тексты, являющиеся результатом исследовательских задач; а во втором – прикладного характера, создаваемые и распространяемые уже с другими целями: информирования, пропаганды, установления диалога, формирования определенного отношения к происходящим событиям и т.п. При этом в обоих случаях важно выявление критериев отбора из множества текстов именно тех, которые являются PR-текстами (научными или прикладными), идентифицирующими пиарологию и PR-практику среди других наук и социальных практик. Согласно Познеру, такими критериями могут быть: 1) наиболее престижные медиа, распространяющие тексты в конкретной культуре, и 2) системы кодов или ментифактов, имеющие иерархические структуры.

Как известно, в научной культуре наиболее престижными медиа являются научные журналы, монографии, сборники статей, каталоги научных библиотек, авторитетные базы данных (электронные или на бумажных носителях). Но для выявления научных PR-текстов определения их медиа недостаточно в том случае, если они опубликованы не в специализированных научных журналах, посвященных PR-проблематике. Чтобы понять, что анализируемые научные тексты принадлежат именно к сфере научного знания о PR, нужен такой методологический инструмент, как «генотип PR», состоящий из пяти генерализованных, неразрывно связанных друг с другом базовых кодов, о которых говорилось выше: коммуникация, технология, управление, диалог и общественное мнение⁵. По сути, «генотип PR» – это то, что Познер называет «системой кодов или ментифактов», «культурным ядром» пиарологии, состоящим из базовых культурных кодов. Можно также сказать, что «генотип PR» – это своеобразная культурная матрица, позволяющая относить к научным PR-текстам те научные дискурсы и сообщения, в которых встречаются все эти (или близкие им по смыслу) пять понятий-кодов. Если же речь идет о прикладных PR-текстах, то здесь «генотип» PR, как критерий их отбора, работает иначе. Он может не присутствовать непосредственно в дискурсах и сообщениях, но он должен *подразумеваться в качестве их методологического основания*. Иначе говоря, если мы распознаем среди массы дискурсов и сообщений какие-либо дискурсы и сообщения воздействующего (управляющего) характера, функционирующие в формате диалоговой коммуникации с целью формирования общественного мнения по какому-либо вопросу, то скорее всего, мы имеем дело именно с PR-текстами. Понять же, к какой культуре принадлежит их целевая аудитория, позволяют те культурные коды, которые непосредственно представлены в этих PR-текстах.

Необходимо помнить, что Р. Познер в своих теориях культуры и знаковых систем опирается на широкую концепцию текста в традиции Ю. Лотмана, в со-

ответствии с которой он считает текстом «любой более-менее сложный знак или знаковую систему», т.е. не только письменные и устные словесные знаки, но и различные визуальные, аудио- и иные знаки и знаковые системы [14. Р. 68]. Отсюда в качестве PR-текстов могут выступать те или иные артефакты и визуализации (презентации, ивенты, шоу, театральные представления, перформансы, концерты, фестивали, выставки, инсталляции и т.д.). Определяющим здесь является то, насколько «прочитывается» в них «генотип PR». Условие эффективности таких PR-текстов – актуализация ими базовых (или центральных) кодов той культуры, к которой принадлежит их целевая аудитория. «Тексты или артефакты, созданные в соответствии с центральным кодом, имеют более высокую степень разработанности и влияния <...>» [14. Р. 79].

4.5. Факторный анализ пиарологии и PR как семиозисов

Отталкиваясь от теоретических положений культурной семиотики Р. Познера и предложенного им факторного анализа, можно утверждать, что пиарология и ее объект PR являются семиозисами такого типа, как *коммуникация*. В этом смысле функции факторов пиарологии как «коммуникации» выполняют: ученые-исследователи, предметной сферой которых является PR (*отправители*); члены академического PR-сообщества, преподаватели PR-дисциплин, студенты образовательного направления «Реклама и связи с общественностью», PR-специалисты (*адресаты*); базовые культурные коды пиарологии или «генотип PR»; дополнительные культурные коды, принадлежащие различным научным дисциплинам, на пересечении которых сформировалась пиарология; а также коды различных типов научной рациональности – классической, неклассической и постнеклассической (*коды*); научные тексты о PR различных жанров, включая устные научные доклады (*сообщения*); соответствующие письменные и устные словесные и иные знаки-токены, передающие значения или означаемые научного PR-текста (*знаки*); части культурных кодов пиарологии, базовых и дополнительных, относящиеся к их содержанию (*означаемые*); части культурных кодов пиарологии, базовых и дополнительных, относящиеся к их языковому и символическому выражению (*означающие*); научные журналы о PR, агрегаторы научных публикаций о PR, научные ТВ-передачи о PR, научные подкасты и блоги о PR, научные конференции о PR, научные социальные сети о PR и пр. (*каналы или медиа*); ситуационные фреймы различного характера, влияющие на процессы кодирования и декодирования научного сообщения о PR (*контексты*).

В соответствии с этой же логикой культурно-семиотического подхода факторами самого PR как объекта пиарологии являются: различные PR-специалисты и PR-технологии (*отправители*); различные внешние и внутренние целевые аудитории (*адресаты*); базовые культурные коды, включая «генотип PR», и дополнительные культурные коды PR; базовые куль-

турные коды целевых аудиторий (*коды*); PR-тексты прикладного (не научного) характера различных жанров, включая графические, видео-, аудио-послания и различные визуализации (*сообщения*); письменные и устные словесные и иные знаки-токены, передающие значения или означаемые PR-текста (*знаки*); части культурных кодов PR, базовых и дополнительных, относящиеся к их содержанию (*означаемые*); части культурных кодов PR, базовых и дополнительных, относящиеся к их языковому и символическому выражению (*означающие*); социальные сети, интернет-платформы, мессенджеры, телевидение, радио, периодические СМИ, уличные баннеры и пр. (*каналы или медиа*); ситуационные фреймы различного характера, влияющие на процессы кодирования и декодирования PR-сообщения (*контексты*).

И пиарология, и PR, представляя собой семиозис-коммуникации, предполагают выделение следующих этапов: 1) выбор ученым-исследователем или PR-практиком (отправителем) содержания своего будущего научного сообщения о PR или PR-сообщения (означаемого); 2) кодирование отправителем означаемого в означающее (т.е. в соответствующий знак-токен) с помощью «генотипа PR» и дополнительных кодов тех научных дисциплин, представители которых являются адресатами его сообщения; либо посредством базовых культурных кодов целевых аудиторий (адресатов) 3) собственно само отправление научного сообщения о PR или PR-сообщения его адресатам; 4) получение адресатами научного сообщения о PR или PR-сообщения; 5) декодирование адресатами означающего (знака-токена) в означаемое; 6) интерпретация адресатами означаемого в соответствии с тем или иным контекстом. В качестве таких контекстов, в свою очередь, могут выступить самые различные факторы. Например, знание или незнание адресатами (представителями научного PR-сообщества) тех научных источников или концепций, на которые отправитель (автор научного текста о PR) ссылается в своем сообщении, будет либо способствовать наиболее релевантной интерпретации адресатами означаемого (содержания научного текста о PR), либо затруднять таковую.

4.6. Связи пиарологии с другими знаковыми системами и семиозисами

Связи пиарологии с другими науками «о культуре», также рассматриваемыми через призму семиотического подхода, прослеживаются не только по *формальным* признакам – наличию у всех этих наук одних и тех же одноименных факторов (отправителей, адресатов, каналов и т.д.) и этапов семиозисов-коммуникаций, но и *содержательным*. Эта общность содержания может проявляться в разной степени и имеет место, прежде всего, на уровне кодов, сообщений и знаков. Логично предположить, что глубина связи пиарологии с той или иной конкретной наукой определяется самим присутствием и количеством в этих знаковых системах одних и тех же знаков и кодов, а также частотой их использования в сообщениях (различных научных текстах). При этом

общие коды – базовые и дополнительные – могут как сохранять, так и менять свой статус. Например, такой общий базовый генерализованный код, как «социальная реальность», указывает на глубокую связь пиарологии с другими социальными науками на уровне их метаобъекта.

Что касается базовых кодов, составляющих «генотип» PR как объекта пиарологии (*коммуникация, технология, управление, диалог, общественное мнение*) и синтезирующих ее генерализованный ключевой код, отличающий пиарологию как самостоятельную науку от других наук, а также ее дополнительных кодов (типа *целевая аудитория, публичный дискурс, власть, воздействие на сознание и подсознание, спичрайтинг, презентация* и т.д.), то они указывают на близкое родство пиарологии с такими дисциплинами и сферами научного знания (или их соответствующими разделами), как теория коммуникации, социология, политология, социальная психология, культурная антропология, филология, теория менеджмента, теория маркетинга и др. В них базовые коды пиарологии могут выступать в качестве дополнительных и наоборот. Например, один из базовых кодов пиарологии «диалог» имеет статус дополнительного кода в такой знаковой системе, как филология, если под ним понимать один из объектов лингвистического анализа; а один из базовых кодов политологии «власть» выступает в качестве дополнительного кода в пиарологии. Отсюда в междисциплинарных сообщениях (научных текстах) будут присутствовать синтезированные базовые и дополнительные коды пиарологии и какой-либо другой науки или наук. О связи пиарологии с обозначенными выше науками говорит и использование ими в соответствующих сообщениях, т.е. научных текстах, общих знаков (и означающих) PR и Public Relations, если их означаемое входит в предметную сферу конкретных исследований. Все вместе эти науки образуют семиосферу социально-гуманитарного научного знания, связанную с другими сферами научного знания.

Пиарология, понимаемая как транспективная и существующая одновременно в трех (классической, неклассической и постнеклассической) проекциях наука, с семиотической точки зрения представляет собой единство трех знаковых систем, производящих семиозисы в контекстах, соответствующих трем разным типам научной рациональности. Объединяют эти три семиотические системы, кроме прочего, общий генерализованный ключевой код («генотип» PR) и ряд общих знаков с общими означающими (PR, Public Relations и др.). Однако означаемые этих общих знаков в трех проекциях пиарологии в большинстве своем будут разными в зависимости от типа научной рациональности, к которой принадлежит конкретная рассматриваемая проекция. Покажем это на примере знаков PR и Public Relations. Во всех трех проекциях они имеют одно и то же означающее – *объект пиарологии как науки*. Но их означаемые при этом будут кардинально различаться. В классической проекции – это «элемент управления социальной системой», «первый (простейший) контур

обратной связи”, функционирующий на уровне обычного регулятора, реагирующего на текущие воздействия внешней среды с целью самосохранения социальной системы и поддержания ее целостности. <...> “Механизм управления обратной связью”, позволяющий организации приспособиться к внешней социальной среде и управлять внутренней социальной средой. При этом внутренние коммуникации выстраиваются преимущественно как “вертикальные”. <...> PR – это способ *адаптации* организации к внешней среде» [20. С. 427–428].

В неклассической проекции пиарологии, как знаковой системы, знаки PR и Public Relations имеют означаемое: «”Второй контур обратной связи”, обеспечивающий процессы саморегуляции системы (организации), а также ее целостность, идентичность и эффективность внутренних и внешних коммуникаций, выстраивающихся как по вертикали, так и по горизонтали; либо это управление множеством контуров управления и самоуправления в организации, создание проектов и стратегических программ, запускающих процессы саморегуляции. Организация при этом рассматривается как открытая социальная система, успешное функционирование которой связывается прежде всего с тем, насколько она удачно взаимодействует с внешним окружением – экономическим, научно-техническим, социально-политическим. Такое взаимодействие предполагает постоянный анализ и совершенствование стратегий формирования организационных систем управления, к которым принадлежит и PR. <...> PR – это способ *взаимодействия* социальных субъектов с социальной средой, способ их идентификации и интернализации ими объективированных социальных ролей» [20. С. 427–428].

Наконец, в постнеклассической проекции пиарологии как семиотической системы у знаков PR и Public Relations следующее означаемое: «Коммуникативная технология (или коммуникативно-технологическая система) создания “кризисов” – состояний неравновесности, хаосомности в социальной (“человеко-размерной”) системе, являющихся новыми точками ее развития; резонансных воздействий, направляющих социальную систему к самоорганизации; формирования ценностей и смыслов как важнейших параметров порядка; постановки все новых и новых целей для организации. При этом в процессах самоорганизации таких систем доминирующим фактором является не случайность, но необходимость, возможность и целесообразность. PR – это способ ускорения темпоральной структуры социальной деятельности и *конструирования* не только “исходной” среды, но и внешней социальной (над)системы, в которую она открыта» [20. С. 427–428].

4.7. Причины возникновения пиарологии, ее проблемные точки и перспективы с позиций культурной семиотики

Как наука «о культуре», представляемая как семиотическая система, пиарология начала активно формироваться в связи с объективной необходимостью объяснения новых культурных кодов, типов знаков (PR,

Public Relations и пр.) и знаковых процессов, ставших в конце XX в. обязательными для успешного социального управления как в небольших организациях и крупных компаниях, так и в обществе в целом. Актуальность появления пиарологии как новой знаковой системы и семиозиса подтверждала сама практика PR, представлявшая собой на тот момент уже вполне «традиционный» семиозис, сложившийся за сто предыдущих лет, если отсчитывать начало появления PR как профессиональной сферы деятельности в США с 90-х гг. XIX в.

Для его дальнейшего успешного развития был необходим новый, поддерживающий его, семиозис (соответствующая научная база), продуцирующий с помощью новых знаков и кодов (т.е. нового категориального аппарата) новые сообщения (научные тексты) описательного, интерпретационного и прогностического характера относительно такого семиозиса-коммуникации, как PR-практика. Таким образом, появление пиарологии стало еще одним примером порождения одного семиозиса («научного») другим («практическим»).

Семиотический подход помогает определить проблемные точки пиарологии и ее перспективы. Выбор означаемого такого ключевого знака, как PR (как выбор наиболее «правильной» дефиниции PR из огромного множества других его дефиниций) – стал первой и самой серьезной проблемой, с которой столкнулась новорожденная пиарология как семиотическая система в середине 1990-х – начале 2000-х гг. Именно эта проблема, на наш взгляд, долгое время мешала успешному развитию и легитимации пиарологии. Разнообразие *означаемых* (дефиниций) PR как знака и означающего воспринималось подавляющим большинством *отправителей* (т.е. представителей научного и профессионального PR-сообществ) как основное препятствие к созданию единого *метасообщения* (единой теории PR)⁶ как главного результата такого семиозиса, как пиарология. По мере своего становления пиарология сталкивалась и с другими серьезными проблемами, которые можно успешно интерпретировать с помощью языка семиотики. В настоящее время одной из ключевых проблем пиарологии, равно как и PR-практики, с нашей точки зрения, является непонимание современных – постнеклассических – *контекстов* этих семиотических систем не только их *адресатами*, но и многими их *отправителями*. Из-за этого часто имеет место нерелевантное применение *кодов* пиарологии *отправителями*, затрудняющее декодирование *сообщений* их *адресатами* и, соответственно, достижение поставленных *отправителями целей*. Непосредственно в PR-практике это выражается в частом нерелевантном использовании методов (технологий) PR, при котором, например, в компаниях, не обладающих признаками самоорганизации и саморазвития, начинают применяться постнеклассические модели PR, провоцирующие искусственный кризис; и наоборот, в сетевых компаниях с развитыми признаками самоуправления ограничиваются только классическими моделями PR, тормозящими их развитие.

Несмотря на все эти сложности, как пиарология, так и PR-практика с позиций культурной семиотики имеют, как нам представляется, очень большие перспективы в наступившем цифровом сетевом обществе, обладающем знаковым или символическим характером (Ж. Бодрийяр) и гибридной онтологией (Б. Латур). Последняя подразумевает, что в качестве отправителей и адресатов могут выступать не только люди, но и системы с искусственным интеллектом, функционирующие на основе распознавания знаков различного типа.

5. Анализ статьи Р. Познера «Эффект Рейгана: самопрезентация у людей и компьютеров»

Среди ряда работ Роланда Познера, которые, с нашей точки зрения, могут стать источниками интересных идей для решения тех или иных задач теории и практики Public Relations, для своего анализа мы выбрали статью «Эффект Рейгана: самопрезентация у людей и компьютеров» («The Reagan Effect: Self-presentation in humans and computers») [22]. Несмотря на то, что она была написана более двадцати лет назад, в ней раскрывается тема, актуальная и сегодня. Один из ее аспектов посвящен возможностям прикладной семиотики в решении такой непреходящей PR-задачи имиджевого характера, как самопрезентация лидера; а второй – потенциалу когнитивной семиотики в понимании того, каким образом может выстраиваться коммуникация между компьютером и человеком, в процессе которой компьютер играет роль «самопрезентующегося». Последнее представляется особенно важным, учитывая гибридную онтологию сегодняшнего цифрового сетевого общества, характеризующуюся, среди прочего, появлением гибридных социальных сетей, акторами которых являются как социальные субъекты, т.е. люди, так и нелюди. И при этом первые далеко не всегда сразу осознают, что с ними коммуницируют не им подобные, а искусственные когнитивные системы. Поскольку в результате продолжающейся стремительной технологизации и цифровизации гибридные социальные сети становятся пространством не только межличностных коммуникаций, но и всех других типов социальных коммуникаций (политических, рекламных, маркетинговых, PR-коммуникаций), в которых так или иначе задействованы базисные и технологические PR-субъекты, то можно считать, что знание основ «гибридной» коммуникации, т.е. коммуникации между людьми и нелюдьми, стремящимися проявить себя как реальные личности, становится в наше время одной из профессиональных компетенций PR-специалиста.

Ключевым фрагментом вводной части рассматриваемой нами статьи, выполняющим роль эпиграфа, является цитирование предельно откровенного высказывания одного из известных фэшн-консультантов: «Внешняя презентация себя выражает уже не “я такой-то и такой-то”, а скорее, “я мог бы быть таким-то и таким-то”. <...> Политик симулирует человека, который борется за определенные цели; профессионал симулирует человека, владеющего профессией <...>.

Неважно, является ли это его профессией: важно ее (этой симуляции) профессиональное исполнение, впечатляющее исполнение» [22. Р. 445]. Сам Познер определяет тему своей статьи следующим образом: реальное «Я» – это чужое «Я» как твое собственное «Я» [22. Р. 446]. И создание такой реальности, по его мнению, включает самопрезентацию и саморазвитие, симуляцию и иллюзию. Структура статьи состоит из трех частей. В первой части рассматриваются *типы «Я»* (самостей, личностей); во второй – *виды презентации*; в третьей – *процессы самопрезентации*. Целью же статьи является обобщение результатов анализа процессов самопрезентации, применимых ко всем интерактивным (живым и неживым) когнитивным системам, что позволяет определить минимальные требования, которым должна соответствовать когнитивная система для развития своей личности.

В качестве примера человеческой когнитивной системы Познер выбирает хорошо известную в мире личность: величайшего самопрезентатора 1980-х гг., ведущего радио, футбольного репортера, кинозвезду, профсоюзного лидера, корпоративного представителя, политика в роли губернатора-созидателя, губернатора Калифорнии (1967–1974), государственного деятеля и президента США (1980–1988) Рональда Рейгана. Такое количество социальных ролей сразу вызывает вопрос о том, была ли у этого человека собственная личность вообще. Чтобы понять это, Познер анализирует две автобиографии Рейгана, относящиеся к разным периодам его жизни, фокусируясь на следующих моментах.

Вопрос о своей самодостаточности занимал самого Рональда Рейгана с юности. Люди не хотели серьезно воспринимать актера Рейгана как политика, поскольку профессия актера неразрывно связана с притворством. Поэтому, начав заниматься политикой, Рейгану пришлось разработать стратегию, опровергающую подозрение, что он произносит только то, что написано другими людьми. Для этого в начале своей политической карьеры Рейган сократил свои речи до нескольких вступительных слов, а затем провел сессию вопросов и ответов непосредственно с аудиторией. Для того, чтобы показать, кто он такой, он должен был реагировать немедленно и быть сообразительным. Он достиг этого, опираясь на заранее заготовленные шутки, которые можно было гибко использовать в процессе рассказывания историй из своей жизни. Содержание его сообщений не имело большого значения. Его подача не должна была быть особенно изысканной. Важным было то, чтобы исполнитель казался верным себе в различных контекстах, т.е. чтобы содержание его сообщений в известном смысле оставалось постоянным. Успешность или неудачность выступлений Рейгана-политика определяло не его собственное впечатление, но впечатление публики. И это давало ему более объективную информацию о том, над какими сторонами своего поведения еще нужно работать. Таким образом, аудитория определяла личность Рейгана, а не сам Рейган. В автобиографиях Рейгана приводится много примеров критических событий, показывающих, насколько сильно мне-

ние других людей влияло на его собственное. При этом его всегда беспокоил вопрос о том, в какой мере он в действительности является тем человеком, каким он кажется другим людям в рамках тех или иных жизненных мизансцен.

Описав проблемную ситуацию на примере Рейгана, Познер включает вопросы, касающиеся *самости* (личности) и самопрезентации в семиотического теоретизирования: «Насколько самость зависит от самопрезентации?» и «К какому типу знакового процесса относится самопрезентация?» [22. Р. 452]. Чтобы ответить на них, Познер вначале эксплицирует ряд представлений о самости посредством семиотического анализа текстов⁷ – соответствующих фрагментов автобиографий все того же Рейгана. В результате он выявляет восемь определений самости, вместе составляющих «стратифицированное тотальное Я» как совокупность самостей человека, развившихся в нем на том или ином этапе его жизни:

1) «Я» в узком смысле (восприятие личности человека как совокупности его личностных черт, наблюдаемых лишь в нескольких случаях, но приписываемых ему как постоянных);

2) «Я-концепция» (самовосприятие на основе чужих мнений);

3) Образ «Я» (совокупность постоянных черт человека, которые другие люди считают чертами его личности);

4) Эгоцентричное «Я» (совокупность постоянных черт, которые человек желает иметь в качестве своих личностных черт);

5) «Я», желаемое другими (совокупность постоянных черт, которые другие хотели бы видеть в человеке в качестве его личностных черт);

6) Образ-концепция «Я» (совокупность постоянных черт, которые, по мнению человека, другие считают его личностными чертами);

7) Образ-желание «Я» (совокупность постоянных черт, которые хочет иметь человек, и которые определялись бы другими как его личностные черты);

8) Образ желаемого образа «Я» (совокупность постоянных черт, которые другими воспринимаются как попытка человека убедить их в том, что эти постоянные черты являются его личностными чертами) [22. Р. 452–458].

Сравнивая эти восемь типов «Я» (или типов самостей) между собой, Р. Познер показывает, что каждый из них содержит набор характеристик (черт, свойств), которые приписываются человеку либо непосредственно, либо посредством убеждения или намерения. Степень, в которой приписываемая черта встроена в убеждение и намерение, может быть увеличена по желанию. Но это всегда зависит и от сложности ситуации, которую приходится разрешать человеку и другим заинтересованным сторонам. В результате, согласно Р. Познеру, может быть построено *открытое* множество самостей произвольной сложности, вместе составляющих «тотальное стратифицированное Я» [22. Р. 459]. Как свидетельствуют примеры из жизни юного Рейгана, при самопрезентации человек в меньшей степени ориентируется на свое целостное «Я» и в

большей – на свое ситуативное «суб-Я». Это и является ответом Р. Познера на вопрос о том, насколько самость зависит от самопрезентации [22. Р. 460].

Типологизация «Я» (или самостей) произведена Познером с помощью различных конфигураций понятий *свойство* (черта, характеристика человека и личности), *намерение* и *убеждение*. Согласно Познеру, эти же понятия можно использовать и для описания структуры такого процесса, как презентация, поскольку каждая презентация – это знаковый процесс, при котором тот, кто производит знаки, делает это с *намерением убедить* других во что-то поверить. Отсюда *самопрезентация* имеет место тогда, когда то, во что должны поверить другие, касается *свойств* (черт, характеристик) человека, который хочет, чтобы они в это поверили. И на этом основании можно типологизировать все мыслимые знаковые процессы [22. Р. 461].

Далее Р. Познер описывает типы презентаций как типы знаковых процессов. Среди них:

1. *Индикаторный процесс*, в котором индикаторы – это обстоятельства (знаки)⁸, заставляющие человека (реципиента, адресата) предполагать существование определенного положения дел. То, во что должен поверить человек, это *сообщение*. Индикаторы не требуют ни того, чтобы сообщение являлось истинным; ни того, чтобы существовало лицо (отправитель), намеревающееся убедить в чем-либо реципиента. Пример: открытое окно (индикатор), которое может открыться и само по себе (т.е. отправителя сообщения нет), но проходящие мимо люди (реципиенты), видя открытое окно (индикатор), могут решить, что окно открыто специально из-за духоты в доме (сообщение) его хозяевами (отправителями сообщения).

2. *Производство индикаторов*. В знаковом процессе данного типа есть некто, кто непреднамеренно создал обстоятельство, заставившее реципиентов предположить существование определенного положения дел. Пример: проходящие мимо дома люди (реципиенты) видят, как открывается окно (производство индикатора), что заставляет их думать, что в доме кто-то есть (сообщение).

3. *Указание*. Этот знаковый процесс говорит о том, что некто (отправитель) совершает какие-либо действия с определенным намерением убедить реципиентов в существовании определенного положения дел. Пример: специально открытое окно (индикатор) может *указывать* на то, что в это время хозяин уже дома, и что к нему можно зайти в гости (сообщение).

4. *Выражение*. Это знаковый процесс, при котором реципиент интерпретирует обстоятельство как индикатор того, что его производитель находится в определенном *состоянии* (физическом, эмоциональном, ментальном, социальном или предрасположен к нему). Иначе говоря, индикатор *выражает это состояние*. То, что кто-то принимает обстоятельство за выражение предполагаемого состояния его производителя, не требует ни того, чтобы это обстоятельство было действительно создано предполагаемым лицом, ни того, чтобы это лицо действительно находилось в предполагаемом состоянии. Пример: мать Ронни

(юного Рейгана) выделила ему клумбу во дворе, чтобы он за ней ухаживал самостоятельно. Факт того, что клумба всегда хорошо и вовремя поливалась (индикатор), интерпретировался матерью (реципиентом) как проявление добросовестности (выражение состояния) ее сына (производителя индикатора).

5. *Производство выражения.* Этот знаковый процесс подразумевает, что некто (отправитель) может непреднамеренно *производить* обстоятельство (индикатор), которое другие (реципиенты) принимают за *выражение* его того или иного состояния (сообщение). Пример: юный Ронни мог поливать клумбу и не задумываясь о том, чтобы тем самым производить впечатление на свою мать.

6. *Преднамеренное выражение.* Данный знаковый процесс отражает ситуацию, при которой некто (отправитель) *преднамеренно производит* обстоятельство (индикатор), которое другими (реципиентами) должно восприниматься как *выражение* его (отправителя) определенного состояния.

Р. Познер рассматривает эти шесть типов знаковых процессов как шесть различных видов презентации и резюмирует, что самопрезентацией может считаться только та презентация, при которой человек (отправитель) делает что-то с определенным намерением, чтобы это действие убедило других (реципиентов) в том, что некоторая постоянная черта (черта самости) является свойством личности этого человека. Этой чертой может быть черта личности как таковая; а также черта, которую человек приписывает себе как фактически имеющуюся; черта, желаемая им для себя; черта, которая желаемая для личности этого человека другими людьми и т.д. В узком смысле самопрезентация является актом выражения, посредством которого презентатор выражает собственную черту [22. Р. 461–465]. Самопрезентация как в узком, так и в более широких смыслах может привести к тому, что реципиент припишет презентатору (отправителю) определенные черты самого себя.

Для получения «формул» самопрезентаций, соответствующих каждому из восьми типов «Я» (см. выше), Р. Познер соединяет последние с теми типами презентаций как знаковых процессов, которые соответствуют его выводам относительно сущности истинной самопрезентации. В результате у него получается восемь видов самопрезентации:

1. *Самопрезентация в узком смысле.* Она состоит в том, что презентатор (отправитель) непосредственно (преднамеренно или непреднамеренно) демонстрирует другим (реципиентам) определенную черту своей личности. Пример: преодолев некоторые первоначальные трудности, молодой Рейган показался своим одноклассникам футбольным гением, хорошо играя в футбол.

2. *Самопрезентация «Я-концепции».* Презентатор поведенчески (преднамеренно или непреднамеренно) выражает другим свое мнение о себе относительно возможной черты своей личности. Пример: благодаря своей жесткой игре во время отбора в классную футбольную команду Ронни показал себя человеком, который считает себя профессионалом в футболе.

3. *Самопрезентация образа/имиджа (презентация себя «другого»).* Презентатор своим поведением (преднамеренно или непреднамеренно) привлекает внимание реципиентов к их собственному мнению о нем. Пример: выбегая к доске каждый раз, когда учитель хотел, чтобы на ней что-либо было написано красиво, Ронни-ученик представлялся своим одноклассникам как «человек с прекрасным почерком, находящийся на действительной службе».

4. *Самопрезентация своего эгоцентричного (желаемого) «Я».* Презентатор поведенчески (преднамеренно или непреднамеренно) выражает реципиентам свое стремление приобрести определенную черту личности. Пример: усердно тренируясь, Ронни показался своим родителям человеком, который хотел бы стать хорошим футболистом.

5. *Самопрезентация «Я», желаемого другими.* Презентатор (преднамеренно или непреднамеренно) указывает реципиентам на их собственное желание о том, чтобы он обладал определенной чертой личности. Пример: Ронни иногда жульничал во время карточных игр, но при этом он представлялся своим товарищам по играм как человек, который, по их мнению, всегда играет честно.

6. *Самопрезентация образа-концепции.* Презентатор своим поведением (преднамеренно или непреднамеренно) дает понять реципиентам, что он полагает, что у них есть определенное мнение о нем. Пример: Ронни иногда притворялся скромным, когда его брали на главную роль в школьной пьесе. При этом он презентовал себя человеком, полагающим, что другие признают его как выдающегося актера. Следовательно, он мог позволить себе изображать скромного человека.

7. *Самопрезентация образа-желания.* Презентатор своим поведением (преднамеренно или непреднамеренно) ясно дает понять реципиентам, что ему понравилось, если бы у них было о нем определенное мнение. Пример: при каждом удобном случае Ронни угощал своих друзей едой, приготовленной им самим. При этом он презентовал себя как человек, который хотел бы иметь репутацию «умеющего хорошо готовить».

8. *Самопрезентация образа желаемого образа «Я».* Презентатор поведенчески (преднамеренно или непреднамеренно) указывает реципиентам, что они думают, что он хочет, чтобы у них было о нем определенное мнение. Какое-то время Ронни переусердствовал с демонстрацией своих кулинарных талантов. Это заставило других осознать не только то, что он хотел, чтобы его считали хорошим поваром, но и то, что они сами полагали, что он хочет, чтобы его считали таковым [22. Р. 466–470].

Таким образом, согласно Р. Познеру, структуры самопрезентаций могут быть весьма сложными, но все они состоят из одних и тех же элементов: черт личности и действий, намерений, убеждений и причин. При этом черты личности презентатора (как и различные концепции его «Я») могут быть как реальными, так и виртуальными. Когда реципиентами предполагается, что они реальны, а на самом деле они виртуальны, то можно говорить об *иллюзии*. Симуля-

ция же имеет место в том случае, если презентатор преднамеренно представляет себя окружающим как обладающий определенными личностными чертами или различными концепциями «Я», хотя они только виртуальны. Отсюда симуляция тесно связана с созданием иллюзии.

Познер задает ключевой вопрос: возможна ли самопрезентация без иллюзии и симуляции? Ответ на него после ряда умозаключений автора выглядит следующим образом. *Индивидуум развивает в себе психические черты после того, как они были представлены на более высоком уровне рефлексии (т.е. посредством иллюзий и симуляций) и стали желательными.* Черты ментальной личности в значительной степени зависят от представлений других людей, а также собственных и чужих желаний, что означает, что они находятся под социальным контролем. Иначе говоря, личность не является неизменной данностью. Она социализируется и развивается, исходя из виртуальных черт личности, представленных посредством иллюзий и симуляций. То есть черты личности существуют виртуально до того, как они становятся реальностью [22. Р. 471–474].

Процесс превращения симуляции в реальность Познер снова иллюстрирует на примере перехода Рейгана от актера к политику. Как уже было сказано выше, чтобы прослыть хорошим политиком, Рейган должен был избегать создания впечатления, будто он просто декламирует речи, написанные другими людьми. Ему приходилось доказывать гражданам свою самодостаточность, многократно и спонтанно высказывая собственные непоколебимые убеждения. Как люди могут научиться быть спонтанными? Они должны *стараться казаться* спонтанными. Рейган приобрел запас историй и шуток и рассказывал их всякий раз, когда это было уместно. Он играл человека, который хорошо импровизировал. Каждая удачная импровизация укрепляла его репутацию импровизатора. Поскольку роль импровизатора заключалась в том, чтобы постоянно импровизировать заново, Рейган так много импровизировал, что действительно стал хорошим импровизатором. Его игру уже нельзя было отличить от реальности. Посредством частых симуляций Рейган стал тем, кого он симулировал. Его «Я» было не отправной точкой, а скорее результатом самопрезентации; он *развивал себя через самопрезентацию*. Только в свете этого мы можем понять замечания о Рейгане, сделанные его многолетним спичрайтером Пегги Нунан: «Он действительно играл, но роль, которую он играл, была Рональдом Рейганом. Он казался фальшивым, потому что практиковал самопрезентацию; он казался аутентичным, потому что его средства презентации были проявлениями человека, которого он изображал» (цит. по: [22. Р. 475]).

Далее Познер описывает увлекательный, как он считает, процесс саморазвития личности посредством ее самопрезентаций, состоящий из ряда этапов, отраженных в следующих тезисах:

– человек (отправитель) хочет, чтобы другие люди (реципиенты, адресаты) приписали ему определенную черту личности;

– по мнению человека, этот образ-желание может быть реализован, если этот человек во всех других подобных ситуациях будет действовать как личность, уже обладающая этой чертой (т.е. отправитель будет производить каждый раз соответствующий индикатор);

– желание человека казаться другим личностью, обладающей определенными чертами, и его убеждение в том, что это произойдет, если он будет во всех ситуациях действовать как такая личность, заставят его действовать необходимым образом во всех соответствующих ситуациях;

– человек исходит из аналитически верного утверждения, что тот, кто действует как личность, обладающая определенной чертой во всех соответствующих ситуациях, и есть такая личность;

– человек, пытаясь убедить других в том, что он является личностью с определенной чертой, на самом деле становится такой личностью [22. Р. 475–476].

Чтобы показать, как этот процесс многократно осуществлялся в жизни Рейгана, Познер приводит пары, в левой части которых представлены действия будущего выдающегося политика, а в правой – те черты личности, в которые они воплощались: хорошо пишу – хороший писатель; хорошо плаваю – хороший пловец; хорошо играю в футбол – хороший футболист; честно проигрываю – честный человек; хорошо готовлю – хороший повар; добросовестно работаю – добросовестный работник; хорошо играю – хороший актер; хорошо импровизирую – хороший импровизатор; разумно действую – умный человек; председательствую – президент [22. Р. 476].

Этот процесс и его результат Р. Познер называет «эффектом Рейгана», объясняющим тот факт, что, *постоянно презентуя другим определенное «Я», человек, в конце концов, становится этим «Я».* Иными словами, желаемая реальность может быть вызвана ее предвосхищением. По мнению Познера, это частный случай «самоисполняющегося пророчества» по Р. Мертону, и поэтому его следует отнести к той же категории, что и другие эффекты, среди которых: эффект Розенталя, заключающийся в том, что ожидания исследователя влияют на поведение испытуемого; эффект Пигмалиона, с помощью которого ожидания учителя влияют на достижения ученика; эффект плацебо, в соответствии с которым результат достигается посредством веры в него, и т.п. [22. Р. 477]. Однако в отличие от этих типов «самоисполняющихся пророчеств», *эффект Рейгана основан на логически прозрачном и неизменном механизме: формирование черты личности происходит через демонстрацию ее проявления.*

Р. Познер подчеркивает, что эффект Рейгана не работает в отношении развития явных физических черт (например, появления третьей руки или третьей ноги), но вполне четко реализуется, если речь идет о необходимости скорректировать движения тела: двигаться изящно, а не неуклюже; ходить степенно, а не быстро и т.п. И, тем более, эффект Рейгана проявляется в таких сложных паттернах поведения, как те, которые представлены следующими парами поведен-

ческих характеристик: педантичный – гибкий, ненадежный – надежный, невоспитанный – вежливый, привередливый – непритязательный, коварный – честный и так далее. Поначалу отображаемая характеристика может быть не совсем удачна, поскольку она находится на самой ранней стадии своего развития. Однако посредством систематических самопрезентаций отправитель получает достаточно практики для того, чтобы овладеть не только искусством самопрезентации, но и стать той личностью, которую он презентует своим адресатам [22. Р. 477].

Следующий раздел своей статьи Р. Познер посвящает ответам на вопросы о том, можно ли применить результаты его анализа развития человека посредством его самопрезентаций к искусственным когнитивным системам и, соответственно, могут ли компьютеры развивать себя таким же образом. Вначале он отмечает, что, как и человек, компьютер обладает как явными физическими свойствами (монитором, жестким диском, мышью, тем или иным размером и цветом и т.д.), так и поведенческими паттернами (пружинистыми или тугими клавишами, медленным или быстрым процессором и пр.). Однако больший интерес в данном случае представляют те паттерны поведения компьютеров, которые приписывают им пользователи. Они считают их педантичными или гибкими, надежными или ненадежными, дружелюбными или упрямыми, честными или коварными (здесь Р. Познер ссылается на исследование Г.Р. Леу «Как дети используют компьютеры») [23].

У компьютеров и людей их явно манифестируемые физические черты и поведенческие предрасположенности составляют то, что Познер называет «Я» в узком смысле». Но если пользователи приписывают компьютеру такие характеристики, как педантичность и гибкость или дружелюбие и упрямство, то эти диспозиционные психические черты составляют уже образ «Я» компьютера как совокупность его постоянных черт, которые «другие» (пользователи, реципиенты) считают чертами его «самости». Нередки ситуации, когда пользователи обвиняют вслух свои компьютеры в их медлительности или попытках скрыть от них нужные файлы. Компьютерная индустрия в целях противодействия таким нарушениям рабочей атмосферы создает программное обеспечение, придающее компьютеру антропные черты, снижающие стресс у пользователей. Например, после включения компьютер визуально и аудиально начинает приветствовать своего пользователя: «Привет, Джо, как дела?». Компьютер таким же образом может поправлять пользователя, если он ошибся, и поощрять, если он быстро и правильно справляется с теми или иными задачами⁹. Все это способствует формированию у пользователя впечатления, что компьютер является его реальным партнером по коммуникации. Познер отмечает, что многие авторы возражают против антропоморфизации компьютера и считают ее недоразумением, поскольку компьютеру, как реальному партнеру, не хватает таких характеристик, как нормативность, аффективность, контекстуальность, историчность, социальность, самость, свобода и сознание. Поэтому компью-

теру можно, в лучшем случае, приписать виртуальное «Я», помня, что общение с ним – это полная иллюзия [22. Р. 478–479].

Тем не менее Р. Познер делает попытку теоретически определить условия, при которых виртуальное компьютерное «Я» могло бы развиваться в реальное «Я». Допуская, что ряд «самостей» или «суб-Я» компьютера может быть сколь угодно длинным, в данном случае он описывает 14 возможных типов «самости» искусственной когнитивной системы: от «компьютерного “Я” в узком смысле» и «компьютерного “Я”, воспринимаемого другими» до «самовоспринимаемого компьютерного “Я”, предназначенного другими» и «самонамеренного компьютерного “Я”, преднамеренного другими». В своей совокупности они составляют «тотальное стратифицированное компьютерное “Я”» [22. Р. 480–482].

По мнению Познера, те, кто хочет снабдить свои компьютеры этими «суб-Я», должны, следовательно, дать им возможность верить во что-то и иметь соответствующие намерения. Но при этом было бы неправильно запрограммировать компьютер верить и иметь намерения в строго определенных вещах. Такое техническое решение лишило бы компьютер возможности приспосабливаться к каждому пользователю и на основе индивидуального поведения пользователя формировать представление о его привычках, оценках и пожеланиях. Компьютер должен быть запрограммирован только на то, чтобы иметь возможность верить и иметь намерения как таковые. Он должен быть оснащен так, чтобы стать способным производить внутренние представления о своих чертах и чертах других (т.е. «верить») и оценивать их в отношении своих собственных предпочтений (т.е. «намереваться»). Запрограммированный таким образом компьютер смог бы развивать до сих пор отсутствующие у него «суб-Я» до своего тотального «Я». Процесс саморазвития мог бы происходить так же, как у молодого Рейгана. Разве не было бы полезно, спрашивает Познер, владеть ПК, который, считая, что пользователь воспринимает его гибким, пытается оправдать эту оценку, выбирая наиболее эффективные ярлыки во всех последовательностях операций? Или ПК, который, исходя из того, что пользователь хочет, чтобы он был педантичным, явно просматривает каждый шаг последовательности операций вместе с ним? Или ПК, который самостоятельно ищет очевидно потерянный файл, пытаясь угадать правильные кодовые слова на основе неудачных попыток пользователя? Или ПК, который самостоятельно исправляет орфографические и пунктуационные ошибки, поскольку считает, что они не соответствуют намерениям пользователя при написании? Или ПК, который завершает незавершенные команды пользователя, а затем выполняет их? Или ПК, который после *n*-й неудачной попытки пользователя сформулировать текст, использует свою собственную программу формулирования для создания новой текстовой вариации, которая лучше соответствует предполагаемым намерениям пользователя?

Все эти возможности открываются, если дать компьютеру возможность верить и намереваться. Эффект

Рейгана позаботится обо всем остальном. Как когнитивная система, которая может верить и предполагать вещи, компьютер может использовать свой опыт работы с пользователем для самостоятельного развития и (ре)организации своих технических возможностей. Да, компьютеру не дается его самовоспринимаемое «Я» и само-предполагаемое «Я». Он, скорее, должен развивать их на основе тех его «Я», с которыми сталкивается его пользователь. Таким образом, компьютер может расширяться и изменять себя в узком смысле. Эта атрибуция «через других» мотивирует самопрезентацию компьютера, что приводит к его «саморазвитию».

Заканчивается статья прогностическим утверждением Р. Познера о том, что «искусственная когнитивная система, способная мыслить и предполагать вещи, будет не только обладать неизбежной самостью в узком смысле <...>. Она также будет обладать “тотальным Я”, непреклонным в той мере, в какой это “тотальное Я” стремится к внутренней согласованности между своими “суб-Я” на более высоких и низших уровнях рефлексии. И ее “тотальное Я” будет неуязвимо в той мере, в какой это стремление к межуровневой согласованности позволяет ему устранять противоречия, возникающие в результате физического повреждения. <...> Каждый партнер, взаимодействующий с этой когнитивной системой, сможет сформировать свое представление о ней; хотя компьютер не будет “пытаться навязывать свой образ жизни” своим партнерам, он все равно всегда “неизбежно будет сам собой”. Эти многообещающие характеристики <...> искусственных когнитивных систем должны заставить нас более серьезно, чем раньше, посвятить себя семантическому и прагматическому исследованию того, что делает их возможными: веры и намерения» [22. Р. 484].

Теоретические положения когнитивной семиотики, сформулированные Р. Познером в статье «Эффект Рейгана: самопрезентация у людей и компьютеров» еще в 2000 г., позволяют представить, каким

образом может осуществляться «саморазвитие» искусственных когнитивных систем в процессе гибридной коммуникации с живыми пользователями-реципиентами. На наш взгляд, знание особенностей самопрезентации таких систем, с одной стороны, позволяет строить (например, в учебных целях) различные модели гибридных коммуникаций, включая PR-коммуникации. В том числе гибридных избирательных кампаний, «кандидатами» которых являются искусственные когнитивные системы, а также модели позиционирования и продвижения «звезд», в роли которых также выступают системы с искусственным интеллектом. А с другой стороны, оно дает возможность *распознавать* эти искусственные когнитивные системы с целью информационной безопасности в условиях реальных выборов или кампаний по продвижению, организуемых в электронной среде. Что же касается положений прикладной семиотики Р. Познера относительно особенностей саморазвития реальных личностей посредством их самопрезентаций, то они должны стать практическим руководством для любого PR-специалиста, занимающегося персональным имиджмейкингом, равно, как и для самих начинающих политических, общественных и бизнес-лидеров.

6. Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ философско-теоретических и прикладных концепций выдающегося немецкого ученого – философа, лингвиста, культуролога и семиотика Роланда Познера, представленный в данной статье, демонстрирует их большой потенциал с точки зрения дальнейшего развития теории и практики Public Relations. Его научное наследие, отличающееся многогранностью, креативностью и одновременно фундаментальностью, может открыть новые горизонты эволюционирования пиарологии как науки о PR и самого PR как социальной практики и объекта ее изучения.

Примечания

¹ Впервые понятие «пиарология» ввела в научный дискурс М.А. Шишкина в монографии «Паблик рилейшнз в системе социального управления» [1].

² Здесь и далее перевод на русский язык осуществлен автором данной статьи.

³ Некролог. URL: <https://iass-ais.org/roland-posner-1942-2020/>

⁴ Такое дефиницирование PR и пиарологии и его обоснование было осуществлено автором этой статьи задолго до знакомства с теоретическим наследием Р. Познера. С более подробным описанием транспективной модели пиарологии можно познакомиться здесь: [20. С. 359–404, 425–433].

⁵ Более подробно «генотип PR» и его функции описаны здесь: [20. С. 76–78, 82, 97].

⁶ В рамках варианта решения данной проблемы, представленного в монографии «Научное знание о связях с общественностью (PR): философский анализ», разнообразие дефиниций PR, включая альтернативные, – это не только не препятствие к созданию единой теории PR, но объективное подтверждение многомерности, полионтологичности, амбивалентности и эволюционирующего характера такого антропосоциокультурного феномена, как Public Relations, объяснение и понимание которого невозможно лишь в границах классического типа рациональности.

⁷ Для краткости здесь и далее опускаются все буквенные формулы, отражающие содержательные характеристики представленных в статье типов «Я», а также типов презентации и самопрезентации, касающихся живых и неживых когнитивных систем. Но при этом нужно иметь в виду, что именно буквенное выражение эксплицированных в статье знаковых процессов представляет собой особую ценность с точки зрения обеспечения строгой логической аргументации выводов, сделанных Р. Познером.

⁸ Это знаки, как правило, индексального типа, если опираться на классическую классификацию знаков Ч. Пирса.

⁹ Сегодня голосовым помощником Сири (Google) или Алисой (Яндекс) могут пользоваться все желающие.

Список источников

1. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 444с.
2. Познер Р. Языковые средства литературной интерпретации // Журнал Института философии СО РАН «Критика и семиотика». Новосибирск, 2003. № 6. С. 10–37.
3. Познер Р. Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: Методы лингвистического, философского и литературного анализа / пер. с англ. С.С. Носовой ; науч. ред. И.П. Кужелева-Саган. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета ; Дизайн-студия «Провинция», 2015. 296 с.
4. Posner R. Sprachliche Mittel literarischer Interpretation: Zweihundert Jahre Goethe-Philologie // Hans-W. Eroms and Hartmut Laufhütte (eds.) *Vielfalt der Perspektiven: Wissenschaft und Kunst in der Auseinandersetzung mit Goethes Werk*. Passau : Passavia Universitäts-Verlag, 1984. S. 179–206.
5. Posner R. Theorie des Kommentierens: Eine Grundlagenstudie zur Semantik und Pragmatik. Frankfurt am Main : Athenäum, 1972. 224 S.
6. Posner R. Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of Linguistic, Literary, and Philosophical Analysis. Berlin and New York : Mouton, 1982. 258 p.
7. Posner R. What is Culture? Toward a Semiotic Explication of Anthropological Concepts // Waiter A. Koch (ed.), *The Nature of Culture*. Bochum : Brockmeyer, 1989. P. 240–295.
8. Posner R. Warnungen an die ferne Zukunft: Atommüll als Kommunikationsproblem. Munich : Raben-Verlag, 1990. 314 S.
9. Posner R. Society, Civilization, Mentality : Prolegomena to a Language Policy for Europe // A language Policy for the European Community: Prospects and Quandaries. Mouton de Gruyter, 1991. P. 121–137.
10. Posner R. Believing, Causing, Intending: The Basis for a Hierarchy of Sign Concepts in the Reconstruction of Communication // René J. Jorna, Barend van Heusden (ed.) *Signs, Search and Communication: Semiotic Aspects of Artificial Intelligence*. Berlin : De Gruyter, 1993. P. 215–270.
11. Posner R. Charles W. Morris and the Behavioral Foundations of Semiotics // Martin Krampen et al. (eds.) *Classics of Semiotics*. New York; London : Plenum, 1987. P. 23–57.
12. Posner R. The Metropolis as a Giant Hall of Mirrors // Daina Teters (ed.) *Metamorphoses of the World: Traces, Shadows, Reflections, Echoes and Metaphors*. Riga, Nr. 1 Publishers, 2010. P. 31–59.
13. Bundgaard P., Stjernfelt F. (eds.) Roland Posner // *Signs and Meaning: Five Questions*. Automatic Press, 2009. P. 125–137.
14. Posner R. Basic Tasks of Cultural Semiotics // Gloria Withalm, Josef Wallmannsberger (eds.) *Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard*. Vienna : INST, 2004. P. 56–89.
15. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб. : Университетская книга, 2002. 398 с.
16. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Материалы к курсу теории литературы. Вып. 1. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1970. С. 1–3.
17. Lotman J.M. et al. Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts) // Sebeok T. (ed.). *The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotic*. Lisse: Peter de Ridder, 1975. P. 57–83.
18. Posner R. Eight Historical Paradigms of the Human Sciences // K. Kull, V. Lang, T. Peil (eds.): *The Approaches to Culture Theory*. (Vol. 1). Tartu University Press, 2011. P. 20–38.
19. Posner R. Semiotics as a Theoretical Basis of the Human Sciences // *Chinese Semiotic Studies*. 2009. Vol. 1. P. 78–103.
20. Кужелева-Саган И.П. Научное знание о связях с общественностью (PR): философский анализ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 464 с.
21. Kuzheleva-Sagan I.P. Modern Scientific knowledge of public relations and its objective- subjective field // Katerina Tsetsura and Dean Kruckeberg (ed.) *Strategic Communications in Russia*. London ; New York : Routledge, 2021. P. 85–99.
22. Posner R. The Reagan Effect: Self-presentation in humans and computers // T.A. Sebeok, M. Danesi (eds.). *Semiotica: Journal of the International Association for Semiotic Studies*. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2000. № 128 (3–4). P. 445–486.
23. Leu H.R. Wie Kinder mit Computern umgehen. Munich : Juventa, 1993. 212 S.

References

1. Shishkina, M.A. (1999) *Pablik rileyshnz v sisteme sotsial'nogo upravleniya* [Public Relations in the System of Social Management]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.
2. Posner, R. (2003) *Yazykovye sredstva literaturnoy interpretatsii* [Language means of literary interpretation]. *Zhurnal Instituta filosofii SO RAN "Kritika i semiotika"*. 6. pp. 10–37.
3. Posner, R. (2015) *Ratsional'nyy diskurs i poeticheskaya kommunikatsiya: Metody lingvisticheskogo, filosofskogo i literaturnogo analiza* [Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of linguistic, philosophical and literary analysis]. Translated from English by S.S. Nosova. Tomsk: Tomsk State University; Dizayn-studiya "Provintsiya".
4. Posner, R. (1984) *Sprachliche Mittel literarischer Interpretation: Zweihundert Jahre Goethe-Philologie*. In: Eroms, H.-W. & Laufhütte, H. (eds.) *Vielfalt der Perspektiven: Wissenschaft und Kunst in der Auseinandersetzung mit Goethes Werk*. Passau: Passavia Universitäts-Verlag. pp. 179–206.
5. Posner, R. (1972) *Theorie des Kommentierens: Eine Grundlagenstudie zur Semantik und Pragmatik*. Frankfurt am Main: Athenäum.
6. Posner, R. (1982) *Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of Linguistic, Literary, and Philosophical Analysis*. Berlin; New York: Mouton.
7. Posner, R. (1989) What is Culture? Toward a Semiotic Explication of Anthropological Concepts. In: Koch, W.A. (ed.) *The Nature of Culture*. Bochum: Brockmeyer. pp. 240–295.
8. Posner, R. (1990) *Warnungen an die ferne Zukunft: Atommüll als Kommunikationsproblem*. Munich: Raben-Verlag.
9. Posner, R. (1991) Society, Civilization, Mentality: Prolegomena to a Language Policy for Europe. In: Fishman, J.A. (ed.) *A language Policy for the European Community: Prospects and Quandaries*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. pp. 121–137.
10. Posner, R. (1993) Believing, Causing, Intending: The Basis for a Hierarchy of Sign Concepts in the Reconstruction of Communication. In: René, J. Jorna, Barend van Heusden (ed.) *Signs, Search and Communication: Semiotic Aspects of Artificial Intelligence*. Berlin: De Gruyter. pp. 215–270.
11. Posner, R. (1987) Charles W. Morris and the Behavioral Foundations of Semiotics. In: Krampen, M. et al. (eds) *Classics of Semiotics*. New York; London: Plenum. pp. 23–57.
12. Posner, R. (2010) The Metropolis as a Giant Hall of Mirrors. In: Teters, D. (ed.) *Metamorphoses of the World: Traces, Shadows, Reflections, Echoes and Metaphors*. Riga: Nr. 1 Publishers. pp. 31–59.
13. Bundgaard, P. & Stjernfelt, F. (eds) (2009) *Roland Posner. Signs and Meaning: Five Questions*. Copenhagen: Automatic Press. pp. 125–137.
14. Posner, R. (2004) Basic Tasks of Cultural Semiotics. Withalm, G. & Wallmannsberger, J. (eds.) *Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard*. Vienna: INST. pp. 56–89.
15. Cassirer, E. (2002) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. Vol. 3. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.

16. Lotman, Yu.M. (1970) *Stat'i po tipologii kul'tury. Materialy k kursu teorii literatury* [Articles on the typology of culture. Materials for the course of the theory of literature]. Vol. 1. Tartu: Tartu State University. pp. 1–3.
17. Lotman, J.M. et al. (1975) Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts). In: Sebeok, T. (ed.). *The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotic*. Lisse: Peter de Ridder. pp. 57–83.
18. Posner, R. (2011) Eight Historical Paradigms of the Human Sciences. In: Kull, K., Lang, V. & Peil, T. (eds.) *The Approaches to Culture Theory*. Vol. 1. Tartu: Tartu University Press. pp. 20–38.
19. Posner, R. (2009) Semiotics as a theoretical basis of the human sciences. *Chinese Semiotic Studies*. 1. pp. 78–103.
20. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2011) *Nauchnoe znanie o svyazyakh s obshchestvennost'yu (PR): filosofskiy analiz* [Scientific Knowledge about Public Relations (PR): A philosophical analysis]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
21. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2021) Modern Scientific knowledge of public relations and its objective-subjective field. In: Tsetsura, K. & Kruckeberg, D. (eds) *Strategic Communications in Russia*. London; New York: Routledge. pp. 85–99.
22. Posner, R. (2000) The Reagan Effect: Self-presentation in humans and computers. *Semiotica: Journal of the International Association for Semiotic Studies*. 128 (3–4). pp. 445–486.
23. Leu, H.R. (1993) *Wie Kinder mit Computern umgehen*. Munich: Juventa.

Информация об авторе:

Кузалева-Саван И.П. – д-р филос. наук, канд. пед. наук, зав. кафедрой социальных коммуникаций, зав. лабораторией гуманитарных новомедийных технологий Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ipsagan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.P. Kuzheleva-Sagan, Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Social Communications, head of the Laboratory of Humanitarian New Media Technologies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ipsagan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.03.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 140.8
doi: 10.17223/15617793/488/14

Жизненный цикл памяти и историческое знание

Ярослав Сергеевич Сотников¹, Василий Николаевич Сыров²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ yaroslav-sotnikov@inbox.ru

² narrat59@gmail.com

Аннотация. Рассматривается память в контексте идеи жизненного цикла. Приведены характерные для памяти признаки, предложена трактовка этапов жизненного цикла памяти. Предпринят анализ популярной метафоры, связанной с противопоставлением памяти и истории как противопоставления жизни и смерти. Показано, каким образом память перестает быть актуальной вследствие равнодушия контрагентов воспоминания. Показана малая эвристичность метафоры жизни/смерти для описания отношений между памятью и историей.

Ключевые слова: память, история, жизненный цикл, забвение, знание

Для цитирования: Сотников Я.С., Сыров В.Н. Жизненный цикл памяти и историческое знание // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 148–155. doi: 10.17223/15617793/488/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/14

The life cycle of memory and historical knowledge

Yaroslav S. Sotnikov¹, Vasiliy N. Syrov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ yaroslav-sotnikov@inbox.ru

² narrat59@gmail.com

Abstract. The article deals with memory in the context of the idea of a life cycle, which can also be applied to historical knowledge. The authors outlined features characteristics of memory; classified memory, which is divided according to the quantitative principle; analyzed memory from the point of view of memory forgetting. Memory is “alive” only due to the permanent process of forgetting to which memory is subjected. The value of this study lies in the consideration of memory within the postmodern understanding of memory studies, where memory and history complement each other. The modern understanding of memory blurs the line between these concepts. A memory one recalls can spread over an ever-larger space, up to national structures. Memory ceases to be relevant due to the indifference of its counterparts. The most stable forms of memory with longer cycles compared to other forms are cultural and historical memory. They order and stabilize memories, giving them a historical flavor. The authors show that memory is synonymous with death, due to the fact that memories, ultimately, will not be reproduced, history works the same. However, it is worth noting that if there is a historical artifact, then it can be built into the current context. On these grounds, the authors point out that the life-death opposition inherent in the understanding of memory and history in the past should be considered imprudent. The fundamental role of forgetting lies in its functionality, in other words, forgetting allows memories to continuously arise and exist. Memory, therefore, is what determines the relevance and what the speaking community should not recall. Narrativization contributes to this by removing the excessive. The role of the historian, therefore, is to delegate the opportunity to speak to repressed voices.

Keywords: memory, history, life cycle, oblivion, knowledge

For citation: Sotnikov, Ya.S. & Syrov, V.N. (2023) The life cycle of memory and historical knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 148–155. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/14

Мы выдвигаем гипотезу о наличии жизненного цикла памяти. Понятие цикла предполагает поэтапную смену условных стадий, которые сменяют друг друга по кругу. Наше предположение заключается в

том, что память также встроена в эту структуру. Жизненный цикл памяти состоит из формирования воспоминания, той или иной степени рефлексии над воспоминанием, припоминания воспоминания и завер-

шается невозможностью и отсутствием необходимости вспомнить воспоминание.

На первый взгляд, тезис выглядит самоочевидным, но только на первый взгляд. В контексте современных memory studies, где принято различать память и историю, он скорее противоречит доминирующей тенденции в их соотношении, которая выражается в идее «мертвой» истории, но «живой» памяти. «Живой» характер памяти связывается с ее постоянной актуальностью для индивидов, групп и общества в целом, в то время как история «мертва», потому что интересна лишь узкому членов профессионального сообщества. Стремление разделять историю и память берет свое начало, как известно, с рассуждений Мориса Хальбвакса. Согласно Хальбваксу, их отношения можно представить как полярное противостояние. Суммируя его идеи, румынский исследователь Михай Русу проводит различие между историей и памятью следующим образом [1. Р. 266–270].

1. Прежде всего, это различие между непрерывностью памяти, которая проявляется в предпочтении сходствам, подобиям и аналогиям, и разрывами в истории, которые выражаются в разделении непрерывного потока времени на определенные исторические периоды. Основание для такого различия Хальбвакс усматривал в специфической функции памяти, а именно ее вкладу в создание идентичности группы.

2. Память выборочно извлекает из истории фрагменты прошлого, наполняя их смыслом, а затем синтезирует их в единое эмоциональное повествование. История, в свою очередь, не отдает никакого эмоционального предпочтения всей хронологии событий, стараясь преподнести объективное знание, где каждый фрагмент имеет равную познавательную и эпистемологическую значимость. В случае памяти только значимые события попадают в поле социального интереса, в то время как история становится привилегией профессионального меньшинства, хранящего большую совокупность фактов. Память, таким образом, является синтетической, а история – аналитической.

3. Коллективная память, в понимании Хальбвакса, представляет собой «живое» прошлое, состоящее из отрезков прошлого, продолжающих действовать в историческом сознании группы. Напротив, история представляет собой «мертвое» прошлое, формально всем доступное и потому известное, но утратившее всякое культурное значение для социальной жизни группы, а потому продолжающее существовать только как «письменная» история.

4. Память, благодаря своему субъективному характеру, является внутренней репрезентацией группы о ней самой. История носит более объективный характер и подходит к прошлому с внешней критической стороны.

5. По этой причине память множественна и существует только в форме множества памятей, история может быть только одной и единой, а ее многообразие может существовать лишь в форме соотношения частей и целого.

Пьер Нора продолжает и развивает эти идеи, отмечая, в частности, аспект десакрализации, характерный для исторического знания, который проявляется в том, что «история как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим [1. Р. 270]. Нора актуализирует мотив различий между историей и памятью, утверждая, что «память – это живая связь с прошлым, а история – объективное представление прошлого; память – это достояние группы, выступающее в качестве связующего цемента для групповой солидарности и источника групповой идентичности, в то время как история универсальна; память аффективна и нерелексивна, не осознает своих последовательных трансформаций, поскольку она адаптирует свое содержание к постоянно меняющимся потребностям настоящего, в то время как история критична, постоянно скептически настроена и подозрительна к претензиям памяти. Критическая история перерезает пуповину, связывающую группу с ее культурной идентичностью, ту связь, которую память отчаянно пытается сохранить. Память сакрализует прошлое, а история разочаровывает его, будучи «иконоборческой и непочтительной» [1. Р. 270]. Говоря категоричнее, память отождествляется с идеей жизни, в то время как история трактуется как воплощение смерти. Любопытно, что в таком ракурсе те черты, что ранее возводились в ранг достоинств исторического знания, теперь начинают трактоваться как его принципиальный недостаток.

Эта тема жизненности памяти и ее противопоставленности омертвляющей силе истории стала весьма популярной в современной литературе, особенно, в контексте ожиданий, возлагаемых на память. Как заметил американский историк Кервин Кляйн, память видится более привлекательной, поскольку связывается с непосредственностью восприятия прошлого, которая кажется утраченной в ходе исторического познания. «В то время, когда другие подобные категории – Человек, История, Дух – потеряли большую часть своего блеска, память идеально подходит для возвышения на пьедестал» [2. Р. 129–130]. Поэтому достаточно расхожим стал тезис, что «в той мере, в какой память “перевосплощается”, “возрождается”, “перерабатывается” и заставляет прошлое “вновь появиться” и снова жить в настоящем, она не может действовать исторически, поскольку отказывается оставить прошлое в прошлом, провести как бы черту, отделяющую прошлое от настоящего, что является составной частью современной историографии как таковой» [3. Р. 162].

Как может быть понята эта мысль о жизненности памяти? Можно предположить, что те или иные события прошлого, особенно недавнего (хотя и не обязательно), могут весьма эмоционально переживаться их современниками даже по прошествии времени. Обычно такое отношение связывается с порожденным ими травматическим эффектом. Более того, столь сильные переживания могут имплицитно или эксплицитно передаваться потомкам, что было охарактери-

зовано Марианной Хирш как состояние «постпамяти» [4. Р. 103–128]. В итоге такие эмоционально или символически нагруженные воспоминания могут становиться основанием определенного отношения к прошлому в целом или к его фрагментам и даже формировать мотивацию поведения индивидов. Видимо вот такое положение дел можно охарактеризовать как своеобразное «оживление» или «жизненность» прошлого. По сути, речь идет о таком прошлом или темпоральном отдалении от настоящего или, так сказать, от точки «теперь», которое фактически продолжает быть частью настоящего и оставаться причиной действий людей или групп. Оно же может связываться с формированием идентичности, как правило (хотя и не обязательно), национальной. С такой точки зрения та часть прошлого, которая по тем или иным причинам утратила такое свое воздействие, либо просто забывается, либо становится, так сказать, «историей». Говоря тем же языком, она превращается в «мертвое» прошлое.

Уже здесь можно утверждать об амбивалентности столь восторженного отношения к прошлому. Характерным примером является трактовка национальных историй, когда современников начинают трактовать как прямых потомков участников тех или иных исторических событий и, соответственно, предшественников – как их прямых предков. В итоге на потомков, как правило, с одной стороны, возлагается обязанность или моральный долг продолжать «дело» предков, а с другой стороны, им приписывается ответственность (позитивная или негативная) за деяния последних. Нет надобности специально останавливаться на исторической и моральной сомнительности подобного отождествления. Хотя справедливости ради стоит подчеркнуть, что сама по себе темпоральная удаленность еще не является однозначным критерием определения правомерности «жизненности» или «оживления» прошлого.

Более того, и в этом заключается один из основных тезисов нашей статьи, память в целом неправомерно отождествляется с идеей жизни. В качестве аргументов мы выдвигаем следующие положения. Резонно предположить, во-первых, что носитель воспоминания ограничен в своем припоминании биологической жизнью. То же самое касается и памяти социальной группы. В этом плане целесообразно разделить память как условно предметную область (воспоминания) и памятование как процесс смены воспоминаний разных акторов. При этом переход живой памяти в историю вовсе не является обязательным, поскольку для истории важна временная дистанция, а для воспоминания его значимость в контексте происходящих событий. Тогда воспоминание может и не стать историческим фактом. Во-вторых, если отталкиваться от динамичности памяти, то можно предположить, что воспоминание, формируясь, может перетекать из одной стадии цикла в другое, вплоть до своей смерти, которую можно назвать забвением, т.е. невозможностью или ненужностью вспомнить.

Этот процесс можно назвать жизненным циклом. Идея жизненного цикла состоит в том, что память

проходит определенные стадии своего бытия. Коротко еще раз перечислим их. Цикл начинается с переживания события в настоящем и потом превращения его в воспоминание. Затем воспоминание может воспроизводиться на уровне личного и коллективного опыта. Но если память не переходит и не закрепляется в культурных формах общества, то резонно допустить, что на этом ее жизненный цикл заканчивается. Если воспоминание или набор воспоминаний становится значимым для общества, и оно нуждается в дальнейшей передаче, то такое воспоминание стандартизируется и укореняется в обществе, по сути, замораживаясь на какое-то время на определенной стадии цикла.

Принятие данной идеи позволит более отчетливо проследить память как связь между бытием (воспроизведением) и не-бытием (не воспроизведением). Как уже отмечалось выше, идея жизненного цикла памяти заключается в наличии устойчивого воспроизведения содержания памяти до тех пор, пока это не перестанет быть возможным и необходимым. Воспоминание становится тогда памятью, когда прошедшее событие являлось или является значимым для вспоминающего. Следовательно, все то, что не представляет ценности, забывается. С этой точки зрения память можно представить как общее собрание воспоминаний, где для того, чтобы вспомнить какое-то воспоминание, нам надо припомнить, т.е. поместить прошлое в контекст настоящего. Момент запоминания и фиксации в памяти определяется значимостью и яркостью воспоминания. Понятно и то, что воспоминание о прошедшем событии не тождественно самому событию как минимум вследствие темпоральности и рефлексивности касательно события. Именно потому, что воспоминание носит характер значимости, оно подвержено влиянию забвения, в дихотомии Хальбвакса, смерти. Воспоминание может пройти стадии утраты каких-то моментов и, в конечном счете, быть забытым. Следовательно, самой памяти имманентен процесс забвения, а срок возможности припоминания ограничен рамками жизни акторов воспоминания.

Цикл коллективной памяти примерно аналогичен, пока есть акторы воспоминания, принадлежащие к группе, для которой воспоминания остаются значимыми. Конечно, коллективная память может перейти в культурную память, закрепившись в социальных институтах и став имманентной обществу как таковому. Культурная память наименее подвержена забвению, поскольку она уже прошла многие этапы забвения прежде, чем приняла устойчивый вид. Следовательно, жизненный цикл культурной памяти также значительнее и потенциально может не завершиться, потому что она уже находится в полюсе смерти, т.е. истории.

Очевидно, что в любом более-менее сложно организованном сообществе существует множество людей и групп с разными шаблонами воспоминаний. Но не все воспоминания групп или индивидов являются значимыми как для них, так и для общества в целом. Если память не обладает свойством такой значимости, то при смене поколений пространство памяти очища-

ется, и таким образом она обновляется. Применительно к нашей гипотезе стоит тогда полагать, что такая память, приобретая характер значимости для социума, перестает быть собственно памятью. Прежде всего, она приобретает характер культурной памяти. Как отмечает Ян Ассман в своей программной статье, «культурная память имеет фиксированную точку; ее горизонт не меняется с течением времени. Эти фиксированные точки представляют собой судьбоносные события прошлого, память о которых поддерживается культурными формами (тексты, ритуалы, памятники) и институционально закрепленной коммуникацией (декламации, практики, церемонии)» [5. Р. 129].

Особенность такой культурной памяти заключается в наличии ее опосредованного характера. Такая опосредованность заключается, прежде всего, в материальном выражении или воплощении памятных событий, от которых остались свидетели, а во-вторых, в обращенности самым способом памятования к потенциально любому адресату, в том числе и к тем, кто не был затронут (прямо или косвенно) этими памятными (в смысле материально запечатленными) событиями. Судя по всему, в такую трактовку культурной памяти легко войдут материально воплощенные свидетельства (памятники, архитектура и т.д.) о событиях удаленного прошлого, от которых уже не осталось свидетелей. В соответствии с идеями Алейды Ассман, что становится предметом постоянного и непрерывного запоминания и воспоминания или так называемой работающей памяти, превращается в «канон», а то, что оказывается предметом забывания – в «архив» [6. Р. 98]. В предложенной Ассман трактовке культурной памяти стоит обратить внимание на некоторые ее содержательные черты. Так, Ассман подчеркивает, что «археология является институтом культурной памяти, который извлекает потерянные предметы и утраченную информацию из далекого прошлого, проделывая важный обратный путь от культурного забвения к культурной памяти». [6. Р. 98]. Тем самым продукты археологической деятельности также включатся в сферу культурной памяти. Ассман также характеризует три ключевые сферы активной культурной памяти, такие как религия, искусство и история [6. Р. 100]. Под такой историей понимается продукция профессионального сообщества и, как правило, события национальной истории. «Приобщиться к национальной памяти» – значит знать ключевые события истории нации, принимать ее символы, привязаться к ее праздничным датам [6. Р. 101]. Но такая трактовка культурной памяти делает трудноразличимой границу между памятью и историей, а значит и между жизнью и смертью.

Поэтому мы полагаем, что одно из наследий Хальбвакса, которое заключается в введении бинарной оппозиции жизнь–смерть в отношении трактовки памяти, где память отождествляется с жизнью, а история – со смертью, следует считать неудачным. Принятие идеи жизненных циклов памяти, таким образом, позволит подвергнуть критике ставшее расхожим понимание памяти и истории как оппозиции жизни и смерти, а именно, следует признать ее весьма сомни-

тельной в плане ее эвристичности. Выше уже отмечался как минимум двусмысленный характер идеи жизненности, по сути, призывающий или как минимум оправдывающий ее фактическую мифологизацию, особенно в этноцентристских нарративах. Однако тезис о так называемой мертвой истории отдает сохранением остатков позитивистских представлений об истории, сводящих ее к совокупности нагроможденных друг на друга фактов, лишенных маломальски приемлемой интерпретации. Такая подача истории, да еще и в линейно-хронологическом формате, вбирающем в себя нерелевантные остатки различных философско-исторических толкований, поневоле может создать ощущение бессмысленности, хаотичности, общей омертвленности так сохраненного прошлого. Более того, как метко заметил Хайден Уайт, в случае своей актуализации «современная трактовка истории скорее только подавляет, а не рассеивает мифические способы мышления и выражения, чем способствует возвращению этого вытесненного материала в виде мировоззрения, которое призвано показать, что все всегда именно таким и должно быть [7. Р. 337]. В этом плане такая «живая» или «оживленная» история мало чем отличается от такой «живой» памяти.

Резонно полагать, что актуализация темы памяти в описываемых ракурсах отнюдь не случайна. Кляйн отметил, что «одной из характерных черт наших новых разговоров о памяти является тенденция делать довольно широкие философские заявления о памяти или даже представлять дискурс о памяти как часть того, что смутно приветствуется как расцвет теории в отделах литературы, истории и антропологии» [2. Р. 127–128]. Иначе говоря, память стала метадискурсом, заменивший темы дискуссий о роли законов в историческом объяснении, соотношении истории и литературы, роли нарратива в историческом познании. Новое постмодернистское понимание памяти преобразовывает память в метафору, расширяя свою сферу применения вплоть до того, что в работах немецких исследований Яна и Алейды Ассман память становится синонимичной культурной традиции. Память и история в их трактовке более не противопоставляются, а взаимодействуют, взаимно определяя друг друга [1. Р. 265]. Формирование новых исследовательских надежд, тем самым, способствует сакрализации и гипостазированию памяти. Тот же Кляйн говорит, что «одна из причин, по которой память обещает возрождение ауры, заключается в том, что ее традиционная связь с религиозными контекстами и значениями намного старше и тяжеловеснее, чем сравнительно недавние попытки профессиональных историков трактовать мемориальную практику как рудиментарную предысторию» [2. Р. 129–130]. Поэтому он подчеркивает, что «как в академическом, так и в популярном дискурсе память и связанные с ней ключевые слова продолжают порождать целый спектр теологических понятий, а также неопределенные коннотации с духовностью и подлинностью» [2. Р. 130]. В ряде текстов гипостазированная память становится активным агентом, если не героем нарративов о про-

шлом [2. Р. 136]. Она связывается с понятиями идентичности, ядра идентичности, самости [2. Р. 135], что должно не только открывать новые исследовательские горизонты, но и, судя по всему, порождать священный трепет.

Правда, стоит отдать должное актуализации темы памяти. Столь пристальное внимание к ней неизбежно заставило обратиться и к ее оборотной стороне, а именно к забвению и его роли в культурном процессе. Возможно, что при анализе исторического знания забвение ограничивалось лишь скорбью об утрате ценных источников или простой констатацией факта сущности познавательной деятельности, предполагающей неизбежное отделение существенного от несущественного и равнодушие к последнему. Неокантианство с его идеей индивидуализирующего понимания действительности, правда, слегка затемнило, казалось бы, столь очевидную истину, хотя еще сам Генрих Риккерт предупреждал, что «знание индивидуальности какого-нибудь объекта тоже отнюдь не является отражением его в смысле познания всего многообразия его содержания; наоборот. здесь также известного рода выбор и преобразование первоначального материала» [8. С. 20].

На первый взгляд, «действительно, забвение остается внушающей опасения угрозой, которая вырисовывается на заднем плане феноменологии памяти и эпистемологии истории» [9. С. 573], а «сама память определяется, по крайней мере в первом приближении, как борьба против забвения» [9. С. 574]. В любом случае, возникнув, тема памяти влечет за собой шлейф сопутствующих тем, в частности, идея забвения актуализируется и в литературе. Аллеяда Ассман определяет забвение как социальную норму [6. Р. 97] и выделяет две формы забвения: активную и пассивную [6. Р. 97–99]. Активная форма предполагает преднамеренные действия с целью не помещения воспоминания в фрейм, например посредством цензуры или уничтожения. Пассивная форма культурного забывания связана с непреднамеренными действиями, такими как потеря, сокрытие, рассредоточение, пренебрежение, отказ или оставление чего-либо. Тогда то, что утеряно, но не уничтожено, позднее может найтись в различных местах хранения памяти: в «архивах», «коллекциях» и т.д.

Более того. Если мы признаем верным тезис о нормальности забвения, то воспоминание скорее предстает исключительным явлением, к тому же требующим осторожности в своем воспроизведении. Тогда, конечно, обнаружив какую-нибудь находку и поместив интерпретацию этой находки в социальный фрейм, мы можем реактуализовать полученное воспоминание и даже включить его в социальную память. Но идея нормальности забвения подводит к выводу, что память, насколько бы она не была канонизирована или трансформирована в историю, всегда будет объектом критики как минимум со стороны носителей контрвоспоминаний, наличие которых делает саму память более динамичной и даже, может быть, ускоряет процесс забывания, а значит умирания.

Однако мысль, которую мы бы хотели актуализировать, заключается в проблематизации идеи естественности выдвинутого нами жизненного цикла памяти. Не стоит ли предположить, что забвение является не просто естественным процессом, присущим, так сказать, природе человека в силу ограниченности столь же естественных ресурсов памяти, но носит функциональный характер. Иначе говоря, эта оборотная сторона памяти может использоваться или даже используется для определенных нужд. Начнем с того, что стоит, наверное, специально подчеркнуть, что забывание может намеренно провоцироваться определенной логикой организации социальной системы. Так Пол Коннертон основывает свою книгу «Как современность забывает» на тезисе, что культура модерна обладает своими специфическими формами забывания, которые он обозначает понятием «структурное забывание» [10. Р. 2]. Автор даже характеризует его как систематическое забывание, встроенное в структуру культуры модерна [10. Р. 88]. В частности, темпоральность процесса труда, темпоральность потребления, темпоральность структуры карьеры и темпоральность производства средств массовой информации, хотя и имеют свои специфические типы забывания, но все вместе они, по мнению Коннертона, вызывают каскад взаимно усиливающихся последствий [10. Р. 88].

Можно проиллюстрировать их на примере логики потребления культурной продукции. Резонно допустить, что произведенный продукт в потоке ему подобных должен соблазнить потребителя и привязать его к себе, в частности, технологически обеспеченной возможностью бесконечного повторения наслаждения. Та же технология столь же обеспечивает возможность ускорения, так сказать, приедания потребляемого продукта и равнодушия к нему вплоть до отвращения. Рост многообразия гарантирует возможность не прекращать наслаждение посредством переключения на новые объекты, провоцирующие своей новизной. Цикл повторяется снова вплоть до того, что рано или поздно может воспроизводиться некоторый, так сказать, начальный продукт с ощущением новизны для потребителя, просто потому что оригинал уже прочно им забыт. Тем самым забвение приобретает функциональный характер, поскольку обеспечивает непрерывность потребления, а способы его осуществления становятся намеренно осуществляемой технологией. При этом многообразие информации о производимых продуктах становится не столько способом увеличения осведомленности субъекта, сколько структурным элементом потребительского цикла, обеспечивающим ускорение забывания и переключение на новые объекты. Такая логика, в частности, отнюдь не исключает интереса к прошлому, не даром в современной культуре говорится о «буме памяти». Просто прошлое становится одним из многих и даже структурно необходимых объектов в формировании и функционировании потребительского интереса и в целом подчиняется логике такого цикла.

Может показаться, что предложенная модель специфична именно для функционирования общества

модерна. Поэтому стоит обратиться к рассуждениям Александра Антоновского, трактующего диалектику памяти и забвения как необходимые компоненты нормального функционирования социальной системы как таковой. Автор подчеркивает, что «память – это средство снять непосредственность реакции на актуальные раздражения, а следовательно, оптимизировать ответ, “выбрать” реакцию, создать избыточность возможных ответов» [11. С. 51]. Как это возможно понимать? Если трактовать взаимодействие с миром (пусть несколько примитивно в духе эпохи Просвещения) как совокупность реакций на внешние раздражители, то память предстает неким механизмом отбора как воспринимаемых объектов, так и в самих воспринимаемых объектах. Проще говоря, актуализируется только то, что имеет значение, остальное забывается как несущественное. Понятно, что исходным критерием отбора является то, что уже до этого осело в памяти (Отдельный вопрос, что и почему там первоначально осело. Но в данном случае, общий ответ будет заключаться в тезисе, что начала не существует, вернее, что нет надобности его мыслить, поэтому следует полагать наличие некоторой культурной традиции в виде «осадка» в памяти.) Автор недаром указывает, что в более общем плане «память – это редукция комплексности за счет “стяжения” различных гетерогенных ситуаций в воспроизводимые, непроблемные или привычные “идентичности” (“дома, орудия труда, места, пути или имена природных объектов и людей”), на которых в ходе коммуникации система не концентрирует свое внимание» [11. С. 52]. В более высоком плане память выступает своеобразным контейнером хранения «культур», т.е. совокупности «объектов», которым придан статус привычности, повторяемости, постоянства и одновременно значимости и которые, собственно, выступают критерием отбора всего многообразия воспринимаемых объектов. Говоря иначе, культура как бы определяет, что стоит помнить, а что предать забвению. Она же может мыслиться как условие проектирования будущего, а именно как общее указание, какие объекты стоит создавать или воспроизводить в будущем, а что можно игнорировать. Таким образом, память предстает общезволюционным средством «высвобождения системы из-под (актуальной) зависимости от внешнего мира» [11. С. 51].

Более того, мы можем отметить даже воссоздание жизненного цикла памяти и превращение процедуры забвения в нечто подобное технологии. Как писал Элиаде, характеризуя своеобразную процедуру «отмены» времени в архаике: «Для “примитивных” же народов, до сих пор живущих в раю архетипов... их первобытное сознание не затронуто разрушительной мыслью о необратимости событий, и посему они периодически возрождаются, совершая обряд изгнания “злых духов” и каюсь в грехах. Однако потребность периодического возрождения, испытываемая этими народами, доказывает, что и они тоже не могут постоянно пребывать в состоянии, названном нами выше “раем архетипов”, и что их память также начинает фиксировать (разумеется, не столь интенсивно, как

память современного человека) необратимость событий, то есть распознавать “историю”» [12. С. 83]. Иначе говоря, периодическое возвращение в «рай архетипов» или в сакральное время посредством особых ритуалов включает в себя процедуру забвения накопившихся неархетипических событий и ситуаций. Можно добавить, что сознание современного повседневного индивида, по сути, остается таким же, только в диалектику цикла памятования/забвения включается формирование и переформирование самих архетипов.

Риском утверждать, что возникновение истории мало что меняет в этой логике, особенно в повседневном сознании. Схема истории, становясь частью культурной традиции, выступает тем же критерием отбора объектов и событий, достойных запечатления и сохранения, и отбрасывания всего остального материала в сферу забвения. Понятно, что разнообразные события истории своей силой воздействуют на сознание и сразу выбросить их из памяти (если они не укладываются в доминирующие модели) оказывается невозможным. Поэтому памятование и приобретает характер цикла. В частности, составной его частью становится процесс нарративизации, обеспечивающий одновременно упаковку воспринятого материала и отбрасывание «шумов». «Процесс нарративизации привлекает рассказчика, и аудиторию в стереотипизированные схемы. Сетка, создаваемая нарративизацией, наиболее распространена на подсознательном уровне» [13. Р. 54]. Иначе говоря, процесс нарративизации позволяет также обрабатывать неудобный материал. В итоге жизненный цикл памяти способствует постепенному перетеканию из актуализации в сферу не говорения, по сути, к забвению именно за счет того, что воспоминание воспроизводится в приемлемом формате.

Такое неговорение можно описать как общественную тишину, которая поддерживается мнемоническим сообществом [14. Р. 315]. Социальная поддержка атмосферы молчания способствует корректировке памяти, а именно неговорение постепенно выводит травматические воспоминания или табуированные темы из общественного дискурса. Создание мемориальных символов делает возможным воспоминание о прошлом даже спустя долгое время, однако в отсутствие таких напоминаний оно забудется [14. Р. 315–316]. Сообщества, тем самым, связывает не только разделяемое представление о прошлом (то, что говорим), но и то, о чем мы предпочитаем молчать (не говорить) [14. Р. 315–316]. Тем самым формирование стабильной версии о прошлом складывается из того, что рассказывается, а также из того, что умалчивается. Такое положение дел влияет не только на говорящего, но и на слушающего [14. Р. 318–320]. Как следствие, публичные выступления могут не только информировать, увековечивать и (или) укреплять воспоминания о прошлом. Они также побуждают тех, кто находится в роли слушателя, забывать воспоминания, связанные с неудобным, нежелательным или просто ненужным прошлым [14. Р. 320]. Поэтому молчание способствует забвению.

Конечно, чем более усложняется общественная структура, тем более она благоприятствует формированию контрпамяти. Более того. Такая контрпамять также может использоваться для стабилизации и воспроизводства общественной системы. Как отметил Леви-Стросс, говоря об опыте шамана и его социальной роли, «во всяком случае, если говорить с ненаучных позиций (а ни одно общество не может похвастаться отсутствием таковых), то болезненное и здоровое мышление не противостоят, а дополняют друг друга... Пользуясь языком лингвистов, мы скажем, что нормальное мышление всегда страдает от недостатка означаемого, в то время как так называемое патологическое мышление (по крайней мере в некоторых его проявлениях) располагает избытком означаемого... Благодаря коллективному соучастию в лечении, проводимом шаманом, между этими двумя видами ситуаций создается равновесие. Поскольку человек с нормальной психикой не может разобраться в болезни, группа предлагает человеку с расстроенной психикой применить к ее лечению свое эмоциональное богатство, которое иначе пропало бы втуне» [15. С. 187–188].

Тогда, по сути, возникающее историческое знание, согласно своей базисной установке поиска истины, следует трактовать не просто как призванное дополнять память (что характерно для национальных историй) или выполнять функцию контрпамяти. Хотя, как отмечает Эдит Вышгород и трактует историческое исследование как обещание не забывать, и этот акт, первичный по отношению к историческому нарративу, носит, по ее мнению, характер этический, а не эпистемологический [16. Р. 30]. Иначе говоря, требование предоставить право высказаться подавленным голосам можно трактовать как одну из задач историка или, лучше сказать, необходимым средством на пути к цели истины. С точки зрения обеспечения условий функционирования социальной системы резоннее тогда представить историю (точнее историческое знание) как контейнер, хранящий совокупность исторических опытов выживания системы и обеспечивающий тем самым отбрасывание вариантов, признанных неприемлемыми для такого выживания.

В конечном счете данный тезис по поводу природы исторического знания не меняет суть диалектики памяти и забвения. Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать следующие выводы.

1. Забвение имманентно памяти. Жизненный цикл памяти заканчивается забвением. Тем не менее в силу

социальных и политических условий имеющиеся воспоминания могут быть найдены в местах хранения и получить «вторую жизнь», встроившись в актуальную социальную действительность.

2. Жизненный период индивидуальной памяти характеризуется тем, что произошедшее событие первоначально предстает неоформленным воспоминанием и становится «живым» в случае припоминания и говорения. В остальных случаях оно подвергается забвению.

3. Жизненный период коллективной памяти заключается в том, что воспоминание приобретает единый взгляд, основанный на личном вкладе членов группы, где воспоминание произошло. Такое воспоминание можно передать другим и, возможно, сделать значимым, но оно ограничено как частотой воспроизведения, так жизнью тех, кто вспоминает. В остальных случаях коллективная память подвергается забвению.

4. Жизненный период культурной памяти (как и исторической) является самым устойчивым этапом. Это память, ставшая институциональной и культурной переменной, остается актуальной всегда, когда у группы возникает потребность напомнить себе и обществу, что существует общая категория «мы». Но, опять-таки, такая память ограничена возможностью и необходимостью его воспроизведения и соответствующей реконструкции членами сообщества, заинтересованными в сохранении преемственности сквозь историю.

5. Что касается исторического знания, то критерий его различения с памятью, отталкивающийся от противопоставления жизни и смерти, следует признать броской, но неудачной метафорой, затемняющей место и роль как истории, так и памяти в общественной жизни. Предполагается, что современные трактовки места и роли исторического знания (история как контрпамять (чувствительность к подавленным голосам), история в контексте «политики сожаления», история как исторический опыт, концепция истории в контексте постнациональной идентичности) радикально меняют его соотношение с памятью, в частности, в определении объекта и функций забвения (возможно, что забвению подлежит то, что ранее считалось частью национальной идентичности). Но, как кажется, сама идея жизненного цикла памяти вполне может быть применена к трактовке жизненного цикла если не самой истории, то, по крайней мере, того материала, из которого она строится.

Список источников

1. Rusu. M.S. History and Collective Memory: The Succeeding Incarnations of an Evolving Relationship // *Philobiblon*. 2013. Vol. XVIII, № 2. P. 260–282.
2. Kerwin L.K. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // *Representations*. Special Issue: Grounds for Remembering. 2000. № 69. P. 127–150.
3. Spiegel G.M. Memory and History: Liturgical Time and Historical Time // *History and Theory*. 2002. Vol. 41, № 2. P. 149–162.
4. Hirsch M. The Generation of Postmemory // *Poetics Today*. 2008. Vol. 29 (1), № 4. P. 103–128.
5. Assmann J., Czaplicka J. Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. № 65. P. 125–133.
6. Assmann, A. Canon and Archive // *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary HandBook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Walter de Gruyter, 2008. P. 97–109.
7. White H. The Public Relevance of Historical Studies: A Reply to Dirk Moses // *History and Theory*. 2005. Vol. 44, № 3. P. 333–338.
8. Риккерт Г. Философия истории. СПб. : Издание Д.Е. Жуковского, 1908. 154 с.
9. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян: М. : Изд-во гум. лит., 2004. 728 с.
10. Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge University Press, 2009. 149 p.

11. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М. : ИФ РАН, 2007. 135 с.
12. Элиаде М. Космос и история / пер. с англ., фр. А.А. Васильевой и др. М. : Прогресс, 1987. 312 с.
13. Le Donne A. Theological Memory Distortion in the Jesus Tradition: A Study in Social Memory Theory // *Memory and Remembrance in the Bible and Antiquity* / Ed. by L.T. Stuckenbruck, S.C. Barton, B.G. Wold. Tübingen : Mohr Siebeck, 2007. P. 77–163.
14. Stone Ch.B. Forgetting to form a collective memory // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7, № 3. P. 314–327.
15. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.Вс. Иванов. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
16. Wyschogrod E. Representation, Narrative, and the Historian's Promise // *The Ethics of History* / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn and Rudolf A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 28–44.

References

1. Rusu, M.S. (2013) History and collective memory: the succeeding incarnations of an evolving relationship. *Philobiblon*. 2 (28). pp. 260–282.
2. Kerwin, L.K. (2000) On the emergence of memory in historical discourse. *Representations. Special Issue: Grounds for Remembering*. 69. pp. 127–150.
3. Spiegel, G.M. (2002) Memory and history: liturgical time and historical time. *History and Theory*. 2 (41). pp. 149–162.
4. Hirsch, M. (2008) The generation of postmemory. *Poetics Today*. 4 (29). pp. 103–128.
5. Assmann, J. & Czaplicka, J. (1995) Collective memory and cultural identity. *New German Critique*. 65. pp. 125–133.
6. Assmann, A. (2008) Canon and Archive. Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 97–109.
7. White, H. (2005) The public relevance of historical studies: a reply to Dirk Moses. *History and Theory*. 3 (44). pp. 333–338.
8. Rickert, H. (1908) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Translated from German. Saint Petersburg: Izdanie D.E. Zhukovskogo.
9. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Translated from French by I.I. Blauberg et al. Moscow: Izd-vo gum. lit.
10. Connerton, P. (2009) *How Modernity Forgets*. Cambridge University Press.
11. Antonovskiy, A.Yu. (2007) *Niklas Luman: epistemologicheskoe vvedenie v teoriyu sotsial'nykh system* [Niklas Luhmann: An epistemological introduction to social systems theory]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
12. Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya* [Cosmos and History]. Translated from English and French by A.A. Vasil'eva et al. Moscow: Progress.
13. Le Donne, A. (2007) Theological Memory Distortion in the Jesus Tradition: A Study in Social Memory Theory. In: Stuckenbruck, L.T., Barton, S.C. & Wold, B.G. (eds) *Memory and Remembrance in the Bible and Antiquity*. Tübingen: Mohr Siebeck. pp. 77–163.
14. Stone, Ch.B. (2014) Forgetting to form a collective memory. *Memory Studies*. 3 (7). pp. 314–327.
15. Levi-Strauss, C. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Translated from French by V.Vs. Ivanov. Moscow: EKSMO-Press.
16. Wyschogrod, E. (2004) Representation, Narrative, and the Historian's Promise. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press. pp. 28–44.

Информация об авторах:

Сотников Я.С. – студент 2-го курса магистратуры философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yaroslav-sotnikov@inbox.ru

Сыров В.Н. – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat59@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ya.S. Sotnikov, master's student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), E-mail: Yaroslav-sotnikov@inbox.ru

V.N. Syrov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.01.2023;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 09.01.2023;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.8
doi: 10.17223/15617793/488/15

Инициатива «Пояс и путь» на Ближнем Востоке: взгляд СМИ Китая и Саудовской Аравии

Алёна Константиновна Комелева¹, Кирилл Сергеевич Кравцов², Елена Дмитриевна Соболева³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

¹ akkomeleva@edu.hse.ru

² kskravtsov@edu.hse.ru

³ edsoboleva@hse.ru

Аннотация. Данное исследование вносит вклад в изучение восприятия китайской инициативы «Пояс и путь» в мире. С помощью фрейм-анализа сравнивается освещение участия стран Ближнего Востока в «Поясе и пути» в СМИ Китая и Саудовской Аравии. Выявлено, что СМИ обеих стран делают акцент только на преимуществах инициативы, таких как взаимовыгодность, «диалог на равных», стимулирование технологического развития стран-участниц. Это демонстрирует успехи дискурсивной силы КНР в популяризации этого нарратива среди ближневосточных элит.

Ключевые слова: «Пояс и путь», Китай, Ближний Восток, арабские страны, фрейм-анализ, Саудовская Аравия

Источник финансирования: публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-013) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

Для цитирования: Комелева А.К., Кравцов К.С., Соболева Е.Д. Инициатива «Пояс и путь» на Ближнем Востоке: взгляд СМИ Китая и Саудовской Аравии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 156–164. doi: 10.17223/15617793/488/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/15

The Belt and Road Initiative in the Middle East: Media coverage from China and Saudi Arabia

Alena K. Komeleva¹, Kirill S. Kravtsov², Elena D. Soboleva³

^{1, 2, 3} HSE University, St. Petersburg, Russian Federation

¹ akkomeleva@edu.hse.ru

² skravtsov@edu.hse.ru

³ edsoboleva@hse.ru

Abstract. This research paper contributes to the study of the perception of the Chinese Belt and Road Initiative in the world. Using frame analysis, we compare how the media of the People’s Republic of China (PRC) and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) cover the participation of Middle Eastern countries in the Belt and Road Initiative. Due to the strategic location of the region at the crossroads between Asia, Europe and Africa, the Middle East is vital for the implementation of the Chinese initiative. Saudi Arabia was chosen due to the fact that it is the largest economy among Arab countries, a global energy power and the home of two of Islam’s holy sanctuaries, which makes it an influential actor in the Middle East, whose support is important for China’s projects in the region. Using keywords, we collected 108 articles that were published between 2019 and 2021 in five media outlets: Saudi *Al-Riyadh* and *Okaz* and Chinese *People’s Daily*, *Global Times* and *Xinhua*. In order to narrow down our sample, we concentrated on the Arab countries of the Middle East, so the following combination of keywords was used to guide our search: “China”, “Arab countries”, “Middle East” and “Belt and Road”. As a result of the study, we revealed that the press of both countries focuses only on the advantages of the initiative, such as mutual benefit, “dialogue on equal terms”, stimulating the technological development of the participating countries, etc. Articles in our sample neither cover difficulties related to the Belt and Road Initiative implementation nor feature criticism of Chinese projects that is usually present in Western media. Formalism is a common feature of publications in the media of the KSA and the PRC; many phrases and expressions, and sometimes whole sentences are used from article to article without visible changes. We

should note that Chinese and Saudi journalists compare and contrast the Belt and Road Initiative with the US projects, which are criticized for exploiting the region. A significant proportion of articles in the PRC media focus on the recovery of the Middle East from the COVID-19 pandemic and stress the positive role of the PRC in this process, while the KSA media present it as bilateral cooperation rather than assistance from Beijing. This can be explained by the PRC's desire to reformat the image of the main "culprit" of the pandemic into a "benefactor" who provides all necessary help to the affected countries. In addition, the Saudi press often uses Chinese ideological concepts and phrases in its materials, for example, the idea of a "community of the common destiny of mankind". This demonstrates the success of China's discursive power in popularizing this narrative among Middle Eastern elites.

Keywords: Belt and Road Initiative, China, Middle East, Arab countries, discourse analysis, content analysis, frames

Financial support: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2021 (Grant No. 21-04-013).

For citation: Komeleva, A.K., Kravtsov, K.S. & Soboleva, E.D. (2023) The Belt and Road Initiative in the Middle East: Media coverage from China and Saudi Arabia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 156–164. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/15

Введение

«Пояс и путь» является одной из крупнейших международных инициатив XXI в. Предложение о ее создании было выдвинуто председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Алматы [1], а в 2015 г. был опубликован официальный документ «Концепция и план действий по совместному строительству “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”», где были сформулированы принципы, приоритетные направления и механизмы сотрудничества в рамках инициативы [2]. Название инициативы отсылает к Великому Шелковому Пути, который в древности соединял Китай с Европой, Ближним Востоком и Африкой. По данным на 7 февраля 2022 г., КНР заключила более 200 соглашений с 149 государствами и 32 международными организациями о сотрудничестве в ее реализации [3]. География проектов также очень обширна, а суммарное финансирование составляет более 1 трлн долл. [4].

«Пояс и путь» стала неотъемлемой частью внешней политики КНР, большая часть китайских зарубежных проектов проводятся под знаменем данной инициативы. В докладе на 19-м съезде КПК в 2017 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что она нацелена на обеспечение политической координации, взаимосвязанности инфраструктуры, бесперебойной торговли, свободного передвижения капитала и взаимного сближения чаяний народов, чтобы создать новые площадки международного сотрудничества, придать новые импульсы совместному развитию [5]. Несмотря на то, что многие ученые положительно оценивают инициативу [6–8], существует и ряд проблем, которые активно поднимаются различными исследователями [9–11]. Одним из недостатков называют отсутствие конкретики в продвигаемой КНР инициативе и консенсуса по поводу ожидаемых результатов. Ввиду широкого и нечеткого формата, возникает вопрос, насколько совпадают взгляды на то, что такое «Пояс и путь» у КНР и стран, присоединившихся к проекту. Есть ли общее видение содержания сотрудничества и его преимуществ?

Существует ряд исследований, в которых сравниваются китайский и западный взгляд на «Пояс и

путь», их авторы выявляют расхождения во взглядах как на саму инициативу, так и на мотивацию КНР для ее реализации [12]. Так, в статье об освещении «Пояса и пути» в китайской англоязычной газете «Чайна Дейли» (China Daily) и британской «Файнэншл Таймс» (Financial Times) исследователи приходят к выводу, что китайские СМИ выстраивают имидж КНР как миролюбивой и ответственной державы, которая стремится способствовать решению мировых проблем. В то же время в британской прессе Китай представлен, с одной стороны, как влиятельная держава, с другой – как геополитическая угроза [13]. Интересно исследование о репрезентации «Пояса и пути» в российских СМИ. Авторы делают заключение о том, что важными элементами дискуссии о «Поясе и пути» в российских СМИ являются российско-китайские отношения в целом и роль других евразийских государств (особенно стран – членов ЕАЭС) [14]. Также российские журналисты часто говорят о «Поясе и пути» в контексте противостояния США и КНР, критикуют США и ЕС и делают акцент на проактивной позиции России в развитии сотрудничества с КНР в рамках «Пояса и пути». Однако мало известно про то, как «Пояс и путь» оценивают в СМИ других регионов мира.

Цель нашего исследования – выяснить, как эта важная для КНР инициатива репрезентируется в странах Ближнего Востока на примере прессы Королевства Саудовской Аравии (КСА), и сравнить эти наблюдения с нарративами в китайских СМИ. Нас интересует не репрезентация «Пояса и путь» в СМИ обеих стран сама по себе, а то, как журналисты пишут про ее развитие на Ближнем Востоке.

Ввиду стратегического положения региона на перекрестке путей между Азией, Европой и Африкой, Ближний Восток крайне важен для реализации китайской инициативы. Изучение репрезентации инициативы «Пояс и путь» в саудовских СМИ актуально по ряду причин. Во-первых, Саудовская Аравия является крупнейшей экономикой среди арабских государств, глобальной энергетической державой и хранительницей святынь ислама, что делает ее влиятельным актором на Ближнем Востоке. Во-вторых, Саудовская Аравия является важным для КНР ближневосточным

партнером, доказательством чего служат соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве (2016) [15], регулярные визиты представителей королевской семьи Саудовской Аравии в Китай [16] и товарооборот в 87 млрд долл. в 2021 г. [17]. Саудовская Аравия также является главным поставщиком нефти в КНР наряду с Россией и Анголой, что говорит о стратегической значимости КСА для Китая. В-третьих, взаимодействие двух стран осложняется тесными связями КСА с США, которые критически относятся к расширению китайского присутствия на международной арене, а также разногласиями относительно политики по отношению к Ирану. Таким образом, в силу важности Саудовской Аравии для «Пояса и пути» и усиления критики со стороны США, которые являются важным партнером Эр-Рияда, представляет интерес восприятие «Пояса и пути» в Саудовской Аравии.

Теоретическая рамка и методология

В странах с государственным контролем медиа, к которым относятся Китай и КСА, СМИ транслируют позицию элит, соответственно, выявление общего и различного в дискурсах СМИ обеих стран позволит определить видение и интересы элит КНР и КСА [18]. Мы также предполагаем, что освещение «Пояса и пути» на Ближнем Востоке в СМИ двух стран будет отражать внутреннюю повестку и использоваться для легитимизации режима. Под последним мы подразумеваем интерпретацию международных новостей для национальной аудитории таким образом, чтобы подчеркнуть успехи государства на международной арене [19].

Для анализа публикаций в СМИ КНР и КСА в статье используются методы количественного и качественного контент-анализа. Во-первых, мы проводим тематический анализ статей, классифицируя их по таким категориям, как политика, торговля, инфра-

структура, энергетика, инвестиции, безопасность. Единицей анализа является одна новостная статья. Это позволяет выявить для каждой страны те сферы, с которыми связывают инициативу «Пояс и путь». Помимо этого мы также смотрим на интерпретации или фреймирование «Пояса и пути». Под последним понимается организация новостного сюжета тематически, стилистически и фактически таким образом, чтобы передать определенную идею [20]. Фреймирование также предполагает замалчивание важных аспектов изображаемого явления или события. Фреймы объединяют ключевые идеи, стандартные фразы и стереотипные образы для поддержки определенной интерпретации [21]. Единицей анализа является связанный отрывок статьи, т.е. в рамках одной публикации можно зафиксировать более одного фрейма. Это позволяет выявить то, как каждая страна трактует реализацию «Пояса и пути» на Ближнем Востоке, какие аспекты чаще упоминаются, в каком контексте и почему. Кроме того, мы приводим примеры дискурсивных практик, с помощью которых эти фреймы/интерпретации передаются.

Источниками данных были выбраны пять СМИ: китайские газеты «Жэньминь жибао» [22] и «Хуаньцю шибао» [23], информационное агентство «Синьхуа» [24] и саудовские газеты «Эр-Рияд» [25] и «Оказ» [26]. Эти СМИ транслируют официальную позицию правящих элит обеих стран, однако «Хуаньцю шибао» [27] и «Оказ» чаще позволяют себе некоторое отхождение от сухого официального тона [28]. Статьи отбирались по ключевым словам, в выборку включались те, где были упоминания всей группы ключевых слов. Для того, чтобы сузить выборку, мы концентрировались на арабских странах Ближнего Востока, поэтому было использовано сочетание этой группы слов: «Китай», «арабские страны», «Ближний Восток» и «Пояс и путь», «китайско-арабские отношения» (табл. 1, 2).

Таблица 1

Ключевые слова для китайских СМИ

Слова на китайском	«一带一路» и «中东» и «中国» и «阿拉伯国家»
Транслитерация	«Идай илу» и «Чжундун» и «Чжунго» и «Алабо гоцзя»
Слова на русском	«Пояс и путь» и «Ближний Восток» и «Китай» и «арабские страны»

Таблица 2

Ключевые слова для саудовских СМИ

Слова на арабском	«طريق واحد حزام واحد» и «الصين» и «الشرق الأوسط» и «العلاقات الصينية العربية»
Транслитерация	«Тайк уахид хизам уахид» и «Ас-сйн» и «Аш-шарк ал-аусат» и «Ал-алакат ас-сйнийя ал-арабийя»
Слова на русском	«Пояс и путь» и «Китай» и «Ближний Восток» и «китайско-арабские отношения»

На основе данных критериев были отобраны 53 статьи из СМИ КНР и 55 статей из СМИ Саудовской Аравии, опубликованных с января 2019 по декабрь 2021 г. Таким образом, исследование охватывает три года и позволяет проследить современные тенденции в репрезентации «Пояса и пути» на Ближнем Востоке в СМИ двух стран. Выбранный период включает год до начала пандемии новой коронавирусной инфекции и два года ее распространения. Стоит отметить, что китайская пресса редко рассматривает от-

ношения КНР с отдельными ближневосточными государствами, обычно в фокусе публикаций взаимодействие КНР со всем регионом.

Результаты

Общей характерной чертой публикаций в СМИ КСА и КНР можно назвать формализм и официальность. Выражения, а иногда и целые предложения используются от статьи к статье без видимых измене-

ний. Особенно это заметно в публикациях о дипломатических мероприятиях, например форумах или круглых столах, которые создают новостной повод на несколько дней подряд. Фрагменты статей повторяются слово в слово. Это говорит о том, что это одобренный официальный вариант. Как правило, это касается фрагментов про важность «Пояса и пути» для мира, данных о торговле между КНР и ближневосточными странами, информации о том, что Китай полностью поддерживает страны Ближнего Востока в борьбе с терроризмом, а ближневосточные страны являются стратегическими партнерами КНР и т.д. Отличительная черта всех статей – это исключительно позитивное освещение всех аспектов взаимодействия КНР и стран ближневосточного региона.

Доминирующей темой оказалась экономика (42% статей в СМИ КНР, 35% в СМИ КСА), в рамках которой освещалась торгово-экономическая кооперация двух сторон и реализация инвестиционных проектов «Пояса и пути». Это является ожи-

даемым результатом, так как совпадает с изначальным позиционированием инициативы. Кроме того, значительная часть статей в СМИ КСА касалась взаимоотношений КНР и стран Ближнего Востока в энергетической сфере (24%), так как Китай остается главным импортером нефти, добываемой на Ближнем Востоке. В нашей выборке 36% статей в СМИ КНР было посвящено политическому сотрудничеству КНР и стран ближневосточного региона, в то время как в СМИ КСА насчитывается всего 18% статей на такую тему. Это может быть свидетельством того, что страны придают разное значение этому аспекту кооперации. Несколько статей рассматривали отношения КНР и стран Ближнего Востока и в других сферах, например освещали гуманитарное сотрудничество и культурные обмены (9% в СМИ КНР и 7% в СМИ КСА). В СМИ КНР выявлено 11% статей, посвященных новым технологиям, в то время как СМИ КСА упоминают эту тему немного чаще (16% статей) (табл. 3).

Таблица 3

Тематический анализ

СМИ	Экономика	Энергетика	Политика	Гуманитарное сотрудничество	Технологии
КНР	42%	2%	36%	9%	11%
КСА	35%	24%	18%	7%	16%

В ходе анализа были выделены следующие фреймы: «Взаимовыгодная для всех участников инициатива», «Альтернативная модель сотрудничества», «Больше, чем экономика» и «Ближневосточные страны как бенефициары инициативы “Пояс и путь”».

Они обращают внимание на разные аспекты реализации инициативы на Ближнем Востоке, описывают ее отличия от схожих проектов других стран и обсуждают значение инициативы для стран региона. Результаты фрейм-анализа можно увидеть в табл. 4.

Таблица 4

Фрейм-анализ репрезентации «Пояса и пути»

Фреймы	СМИ КНР	СМИ КСА	Всего
Взаимовыгодная для всех участников инициатива	19	16	35
Альтернативная модель сотрудничества	5	2	7
Ближневосточные страны как бенефициары инициативы «Пояс и путь»	26	34	60
Больше, чем экономика	36	31	67

Во-первых, в китайских и саудовских СМИ подчеркивают то, что инициатива «Пояс и путь» является взаимовыгодной для всех участников (фрейм «Взаимовыгодная для всех участников инициатива» встретился 19 раз в СМИ КНР, 16 в СМИ КСА). Например, «Жэньминь жибао» пишет, что «в рамках “Пояса и пути” КНР будет содействовать прагматичному сотрудничеству в различных областях, способствовать взаимной выгоде всех участников» [29]. В ходе обсуждения успешности торгово-экономических отношений говорится о «высокой совместимости» стран в области торговли [30]. Идея взаимовыгодного сотрудничества является одним из ключевых принципов дипломатии КНР, который регулярно фигурирует в официальных заявлениях китайских лидеров и используется, чтобы подчеркнуть благие намерения КНР. Стоит отметить, что китайская пресса не только делает акцент на таком преимуществе своей инициа-

тивы, но и критикует западные страны. Например, в одной статье говорится о том, что «Пояс и путь» стремится принести новые возможности для ближневосточных стран в отличие от США, которые постоянно вмешиваются в международные цепочки поставок и влияют на мировую экономику ради собственной выгоды [31].

В саудовских СМИ также можно встретить похожие идеи о взаимовыгодном сотрудничестве в рамках «Пояса и пути». Например, «Эр-Рияд» пишет, что «китайская инициатива «Пояс и путь» является взаимовыгодной для Саудовской Аравии и Китая и предполагает бесприоритетное сотрудничество двух стран» [32]. Страны-участницы называются «крыльями» инициативы, т.е. СМИ КСА говорят о важности присоединившихся стран для «Пояса и пути», без которых проекты КНР невозможно реализовать. В саудовских СМИ отмечают, что торговля нефтехимиче-

ской продукцией составляет около 50% от общего объема двусторонней торговли между Китаем и Саудовской Аравией, и это «способствует продвижению экономического развития в обеих странах» [33]. Отсутствует критика китайской инициативы, которую можно найти в СМИ других стран, где «Пояс и путь» представляют как способ расширить геополитическое влияние и военное присутствие КНР [34].

Во-вторых, в СМИ обеих стран инициативу «Пояс и путь» представляют как особую модель сотрудничества (фрейм «Альтернативная модель сотрудничества» встретился в СМИ КНР 5 раз, в СМИ КСА 2 раза). СМИ КНР называют особой характеристикой «Пояса и пути» то, что Китай не вмешивается в дела других стран, не навязывает им свою волю и не ставит какие-либо дополнительные условия в обмен на участие в инициативе. «Пояс и путь» называют платформой для «диалога на равных». Так, КНР позиционирует себя как одну из развивающихся стран, а взаимодействие со странами Ближнего Востока как сотрудничество «Юг–Юг». Как и в случае с взаимной выгодой, высказывается прямая критика в отношении стран Запада. В «Хуаньцю шибао» говорится о том, что Китай предлагает ближневосточным странам пользоваться благами от кооперации в рамках «Пояса и пути» и улучшать уровень жизни своих граждан, развивать экономику, а не идти по «старому колониальному пути, предлагаемому западными странами» [35]. То есть проекты западных стран представляются как старые модели по эксплуатации региона, тогда как китайская инициатива предлагает новый формат для диалога между цивилизациями.

В газетах КСА тоже присутствуют рассуждения о взаимоотношениях Китая, Саудовской Аравии и США, а также встречается критика американских действий на международной арене. «Эр-Рияд» пишет о возникновении «американского вакуума» после снижения вовлеченности США в дела региона и заполнении данной лакуны Китаем. Газета цитирует слова Президента США Джо Байдена о том, что «необходимо уменьшить американскую приверженность Ближнему Востоку, так как он больше не является приоритетом для США» [36]. Кроме того, в статьях о влиянии «Пояса и пути» на сотрудничество в области технологий критикуются попытки США воспрепятствовать лидерству Китая на рынке современных технологий путем введения различных санкций против КНР. Подчеркивается, что выбор Саудовской Аравией технологий зависит не от политического контекста, а от китайских технических стандартов, которые, «несомненно, имеют преимущества на рынке» [37]. Можно заметить, что саудовские журналисты не только называют «Пояс и путь» «новаторской и образцовой моделью сотрудничества, партнерства и взаимодействия между народами», но также стараются выделить Китай среди остальных своих партнеров.

В-третьих, публикации в китайских и саудовских СМИ делают акцент на благах и преимуществах, которые страны Ближнего Востока получают от сотрудничества в рамках «Пояса и пути» (фрейм «Ближневосточные страны как бенефициары инициативы “По-

яс и путь”» встретился 26 раз в СМИ КНР, 34 в СМИ КСА). СМИ КНР часто обращают внимание на то, что проекты в рамках «Пояса и пути» смогут ускорить экономическое развитие стран Ближнего Востока и улучшить жизнь граждан. Среди проектов и потенциальных сфер сотрудничества часто упоминается экономическая зона в Суэцком канале, говорится о создании инфраструктуры, от нехватки которой страдают ближневосточные страны. Кроме того, СМИ пишут о том, что «Пояс и путь» способствует реализации программы «Видение Саудовской Аравии 2030», которая нацелена на диверсификацию экономики и обеспечение устойчивого развития Саудовской Аравии. Чтобы показать преимущества сотрудничества с китайскими компаниями, СМИ КНР рассказывают об их ценном опыте в сфере развития цифровой экономики, искусственного интеллекта, биомедицины и возобновляемой энергетики, который они готовы передать саудовским партнерам. «Эр-Рияд» также пишет, что «инициатива “Пояс и путь”» является уникальной возможностью для стран Ближнего Востока развить и диверсифицировать свою экономику» [38]. В одной из статей упоминаются инвестиции Китая в КСА, которые в период с 2005 по 2020 г. составили около 39,9 млрд долл., что сделало КНР одним из главных партнеров в регионе [39].

Отдельно стоит отметить технологическое сотрудничество, которому посвящено значительное количество статей. Примером такой кооперации является стремление КНР развивать спутниковую отрасль в ближневосточных странах при участии китайской системы «Бэйдоу». Также среди статей 2021 г. регулярно встречаются публикации о вкладе «Цифрового Шелкового Пути» в развитие ближневосточных стран, в частности в сфере образования, которое станет более доступным для населения при более высоком уровне и глубоком проникновении информационных технологий. Данная китайская инициатива направлена на повышение существующего уровня технологического развития в странах Азии и Африки, наиболее активно реализуется последние несколько лет [40]. Стоит отметить, что при осуждении вопросов технологического сотрудничества также встречается критика западных стран. По мнению китайских журналистов, ближневосточные страны находятся в технологической зависимости от других стран, а «Пояс и путь» сможет помочь им развить собственную IT-индустрию. Так, «Хуаньцю шибао» пишет, что «Правительство Китая стремится содействовать росту ведущих местных IT-компаний и снизить технологическую зависимость от зарубежных стран, особенно Соединенных Штатов» [41]. В СМИ КСА часто упоминается использование всеми участниками инициативы самых высоких международных стандартов, также пишут о развитии технологий, которые будут задействованы в нефтяной и химической промышленности. Например, газета «Эр-Рияд» указывает на стремление компании «Хуавэй» поддерживать усилия КСА в проведении цифровой трансформации, одним из наиболее важных аспектов которой является расширение прав и возможностей саудовских кадров и подготовка специалистов в секторе ИКТ [37].

В статьях о пандемии новой коронавирусной инфекции «Пояс и путь» представляется как механизм предоставления помощи и общественных благ для ближневосточных стран. В СМИ КНР отмечают, что «Пояс и путь» позволит экономикам стран Ближнего Востока восстановиться после пандемии COVID-19. Через этот фрейм КНР представляется как «благодетель», который спасет ближневосточные страны от бед, принесенных коронавирусом. Вновь имеет место риторическое соревнование с США и другими западными странами за Ближний Восток. В СМИ КСА новости про коронавирус представляются несколько по-другому. Журналисты пишут именно про сотрудничество, в котором страны Ближнего Востока являются не пассивными получателями помощи, а участниками, внесшими свой вклад. Так, например, «Эр-Рияд» говорит об «укреплении сотрудничества между странами ближневосточного региона и Китаем для борьбы с пандемией и ограничения ее последствий» [42]. Однако вклад КНР в предотвращение распространения COVID-19 на Ближнем Востоке также упоминается, например, говорится о передаче 500 тыс. риалов и других пожертвованиях организациям, занимающимся борьбой с пандемией [43].

Наконец, китайские и саудовские СМИ обращают внимание на то, что реализация инициативы «Пояс и путь» на Ближнем Востоке выходит за рамки чисто экономического сотрудничества, направленного на получение материальной выгоды (фрейм «Больше, чем экономика», 36 в СМИ КНР и 31 в СМИ КСА). Говорится, что инициатива также содействует развитию гуманитарных связей, культурных обменов, укреплению политических отношений. Так, подчеркиваются не только экономические выгоды стран, но и нематериальные приобретения, которые поддерживают особые отношения между КНР и странами региона. В СМИ КНР можно встретить отсылки к китайской внешнеполитической концепции «сообщества единой судьбы человечества», которая описывает международное сотрудничество нового типа по противостоянию разнообразным глобальным вызовам, и китайско-арабском направлении этого сообщества. Китайские СМИ делают акцент на долгой истории и особом характере отношений китайской и арабской цивилизаций и существующей общности интересов, а также называют ближневосточные страны «братьями Китая» [44]. Саудовские СМИ повторяют китайские формулировки о «построении сообщества с общим будущим для человечества», наличии «взаимного политического доверия между странами», «взаимопомощи и поддержке» [45].

Заключение

Исследование продемонстрировало, что, в первых, китайские и саудовские СМИ транслируют исключительно позитивную оценку «Пояса и пути» в целом и на Ближнем Востоке в частности. Саудовская пресса избегает любой критики инициативы и не высказывает опасений о том, что Китай стремится ис-

пользовать ее как способ расширить геополитическое влияние и военное присутствие в регионе, как это нередко делают СМИ других стран. Это касается и фреймирования инициативы: все выявленные фреймы говорят о разных преимуществах инициативы, таких как взаимовыгодность, равенство участников и отказ от эксплуатации, стимулирование технологического развития присоединившихся стран и др. Это не свидетельствует об отсутствии трудностей в реализации инициативы, а скорее иллюстрирует специфику работы СМИ в странах со строгим государственным регулированием. Также выбор фреймов отражает то, что через дискурс в СМИ политические элиты в обеих странах стремятся показать свои успехи и таким образом повысить легитимность правления.

Во-вторых, важным элементом фреймирования «Пояса и пути» в прессе КНР и КСА является противопоставление ее западным, и, в частности, американским проектам по сотрудничеству. Такое противопоставление присутствует в трех фреймах из четырех. В китайской прессе американские проекты позиционируются как продолжение старых моделей по эксплуатации региона, в то время как китайская инициатива представлена как новый формат для диалога между цивилизациями. В саудовской прессе «Пояс и путь» также обсуждается в контексте отношений с США: китайская инициатива выступает альтернативой американским проектам, которые, с одной стороны, сокращаются, а с другой – уступают китайским по некоторым показателям. На КНР возлагаются большие надежды по освобождению ближневосточных стран от технологической зависимости от Запада. Популяризация китайского подхода к сотрудничеству через критику западной модели – прием, который регулярно используется китайскими СМИ. Любопытно, что саудовская пресса также применяет его, что свидетельствует о некоторой солидарности китайских и саудовских элит в этом вопросе.

В-третьих, показательно, что саудовская пресса нередко использует китайские идеологические концепции и формулировки в своих материалах. Самая популярная из них – идея «сообщества общей судьбы человечества», которая стала флагманской внешнеполитической концепцией КНР последних лет. Это демонстрирует успехи дискурсивной силы КНР в популяризации этого нарратива среди ближневосточных элит.

Можно выделить и ряд различий в медиаповестке КНР и КСА. Например, в СМИ КНР присутствует большое количество статей, посвященных восстановлению стран Ближнего Востока после пандемии COVID-19, и делается акцент на положительной роли КНР в этом процессе, в то время как в СМИ КСА больше пишут именно о двустороннем сотрудничестве. Это можно объяснить стремлением КНР перестроить образ «виновника» пандемии в «благодетеля», который оказывает всю необходимую помощь пострадавшим странам. В СМИ КСА много внимания уделяется энергетическому сотрудничеству при практически полном отсутствии данной тематики в СМИ Китая. Вероятным объяснением этому являет-

ся то, что СМИ КСА стремятся сделать акцент на преимуществе своей страны – значительных запасах энергетических ресурсов, а у китайских журналистов нет такой задачи. Наконец, любопытно, что китайские СМИ не подчеркивают лидерскую роль Китая, а вот в саудовской прессе можно встретить идеи китайского

лидерства, например, в сфере технологий. В целом исследование демонстрирует, что далеко не все зарубежные СМИ выступают с критикой «Пояса и пути», а случай Саудовской Аравии является иллюстрацией значительной дискурсивной поддержки китайской инициативы со стороны иностранного партнера.

Список источников

1. Выступление Си Цзиньпина в Назарбаев Университете в Казахстане // Центральное народное правительство КНР. 08.09.2013. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-09/08/content_2483565.htm (дата обращения: 26.01.2023). [习近平在哈萨克斯坦纳扎尔巴耶夫大学的演讲] (на китайском языке).
2. Концепция и план действий по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» // «Синьхуа» онлайн. 28.03.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986.htm (дата обращения: 26.01.2023). [授权发布:推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动] (на китайском языке).
3. Список стран, подписавших документы о сотрудничестве с Китаем для совместного строительства Пояса и пути // Один пояс – один путь онлайн. 07.02.2022. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm> (дата обращения: 26.05.2022). [已同中国签订共建“一带一路”合作文件的国家一览] (на китайском языке).
4. Inside China's Plan to Create a Modern Silk Road // Morgan Stanley. 14.03.2018. URL: <https://www.morganstanley.com/ideas/china-belt-and-road> (дата обращения: 26.05.2022).
5. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // «Синьхуа». 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 26.05.2022).
6. Cheng G. The Belt and Road: A Mission to Benefit Two-Thirds of the World // Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. 2015. Vol. 4. P. 154–61.
7. Fang X. The Belt and Road Initiative: Connecting China and Central Europe // International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs. 2015. Vol. 24, № 3. P. 3–14.
8. Lukin A. Russian-Chinese Cooperation in Central Asia and the Idea of Greater Eurasia // India Quarterly. 2019. Vol. 75 (1). P. 1–14.
9. Mobley T. The Belt and Road Initiative: Insights from China's Backyard // Strategic Studies Quarterly. 2019. Vol. 13, № 3. P. 52–72.
10. Arase D. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // Southeast Asian Affairs. 2015. P. 25–45.
11. Clarke M. The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? // Asia Policy. 2017. Vol. 24. P. 71–79.
12. Yang H., Gorp B. A frame analysis of political-media discourse on the Belt and Road Initiative: evidence from China, Australia, India, Japan, the United Kingdom, and the United States // Cambridge Review of International Affairs. 2021. Vol. 34. P. 1–27.
13. Zhang L., Wu D. Media Representations of China: A Comparison of China Daily and Financial Times in Reporting on the Belt and Road Initiative // Critical Arts. 2017. Vol. 31 (6). P. 29–43.
14. Kuteleva A., Vasiliev D. China's belt and road initiative in Russian media: politics of narratives, images, and metaphors // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 62. P. 582–606.
15. Отношения Китая и Саудовской Аравии // МИД КНР. 08.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/ (дата обращения: 26.05.2022). [中国同沙特阿拉伯的关系] (на китайском языке).
16. Consulate General of the People's Republic of China in Jeddah. 2022. URL: <http://jeddah.china-consulate.gov.cn/eng/> (дата обращения: 26.05.2022).
17. Таблица общей стоимости импортных и экспортных товаров по стране (региону) в декабре 2021 г. (в долларах США) // Главное таможенное управление КНР. 18.01.2022. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/4127455/index.html> (дата обращения: 26.05.2022). [2021年12月进出口商品国别(地区)总值表(美元值)] (на китайском языке).
18. Robinson P. The Media and Foreign Policy // Oxford Research Encyclopedia of Politics. 26.09.2017. URL: <https://oxfordre.com/politics/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-494> (дата обращения: 26.05.2022).
19. Pak M., Menga F., Feuer D., Dowell A. State-run media outlets in Central Asia: external regime legitimation through regional conflict and cooperation framing // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39 (3). P. 378–397.
20. Entman R. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43 (4). P. 51–58.
21. Maslog C.C., Lee S.T., Kim H.S. Framing Analysis of a Conflict: How Newspapers in Five Asian Countries Covered the Iraq War // Asian Journal of Communication. 2006. Vol. 16 (1). P. 19–39.
22. Жэньминь онлайн. 2022. URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 26.05.2022). [人民网] (на китайском языке).
23. Хуаньцю онлайн. 2022. URL: <https://www.huanqiu.com/> (дата обращения: 26.05.2022). [环球网] (на китайском языке).
24. «Синьхуа» онлайн. 2022. URL: <http://m.news.cn/> (дата обращения: 26.05.2022). [新华网] (на китайском языке).
25. Al Riyadh. 2022. URL: <https://www.alriyadh.com/> (дата обращения: 26.05.2022). [الرياض] (на арабском языке).
26. Okaz. 2022. URL: <https://www.okaz.com.sa/> (дата обращения: 26.05.2022). [عكاظ] (на арабском языке).
27. Huang Z. Inside the Global Times, China's hawkish, belligerent state tabloid // Quartz. 09.08.2016. URL: <https://qz.com/745577/inside-the-global-times-chinas-hawkish-belligerent-state-tabloid/> (дата обращения: 26.05.2022).
28. Rsf.org. Saudi Arabia. 2022. URL: <https://rsf.org/en/country/saudi-arabia> (дата обращения: 26.05.2022).
29. Диалог политических партий Китая и арабских государств на специальной сессии принимает совместную декларацию // «Синьхуа» онлайн. 24.06.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-06/24/c_1126156410.htm (дата обращения: 26.05.2022). [中国－阿拉伯国家政党对话会特别会议发表共同宣言] (на китайском языке).
30. Дин Л. Беспокойтесь, что Китай залез в «ближневосточное болото»? Не нужно // «Хуаньцю шибао» онлайн. 20.07.2021. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/440fHRO5Ure> (дата обращения: 26.05.2022). [丁隆：担心中国陷入“中东泥潭”大可不必] (на китайском языке).
31. Посольство в Египте провело обсуждение, чтобы раскритиковать разрушение Соединенными Штатами системы свободной торговли // «Жэньминь жибао» онлайн. 30.05.2019. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0530/c1002-31109855.html> (дата обращения: 26.05.2022). [驻埃及使馆举办研讨会，批驳美破坏自由贸易体制] (на китайском языке).
32. Министр информации председательствует на симпозиуме арабо-китайского сотрудничества в области СМИ // «Эр-рияд». 24.11.2020. URL: <https://www.alriyadh.com/1855195> (дата обращения: 25.06.2022). [وزير الإعلام يرأس ندوة التعاون العربي - الصيني في مجال الإعلام] (на арабском языке).
33. Синопек – крупнейший наземный буровой подрядчик Арамко // «Эр-Рияд». 29.09.2020. URL: <https://www.alriyadh.com/1844890> (дата обращения: 26.05.2022). [سينوبك أكبر مقاول حفر بري لأرامكو] (на арабском языке).

34. Yang H, Gorp B. A frame analysis of political-media discourse on the Belt and Road Initiative: evidence from China, Australia, India, Japan, the United Kingdom, and the United States // *Cambridge Review of International Affairs*. 2021. Vol. 34. P. 1–27.
35. Комплексный инфоблок. 70 лет выдающихся достижений – арабские эксперты и ученые высоко оценивают большой вклад Китая в международную справедливость, развитие и прогресс // «Синьхуа» онлайн. 18.03.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-03/18/c_1124247819.htm (дата обращения: 26.05.2022). [综合消息：七十年足迹熠熠生辉——阿拉伯专家学者点赞中国对国际公平正义和发展进步的巨大贡献] (на китайском языке).
36. Готовится ли Китай заполнить американский вакуум на Ближнем Востоке? // «Эр-Рияд». 17.11.2021. URL: <https://www.alriyadh.com/1918976> (дата обращения: 27.05.2022). [هل تستعد الصين لملء الفراغ الأميركي في الشرق الأوسط] (на арабском языке).
37. Значение саудовско-китайского сотрудничества для привлечения инвестиций и расширения возможностей технического сектора // «Эр-Рияд». 26.09.2021. URL: <https://www.alriyadh.com/1909426> (дата обращения: 26.05.2022). [أهمية التعاون السعودي - الصيني في استقطاب الاستثمارات] (на арабском языке).
38. Синопек является крупнейшим подрядчиком Арамко по бурению на суше // «Эр-Рияд». 29.09.2020. URL: <https://www.alriyadh.com/1844890> (дата обращения: 26.05.2022). [سينوك أكبر مقاول حفر بري لأرامكو] (на арабском языке).
39. Комплексное исследование по привлечению китайских инвестиций в Королевство // «Эр-Рияд». 15.06.2021. URL: <https://www.alriyadh.com/1891026> (дата обращения: 26.05.2022). [دراسة شاملة لجذب الاستثمارات الصينية للمملكة] (на арабском языке).
40. Ринчинов А.Б. Электронные СМИ КНР в условиях торговой войны с США: положение внутри страны и предпосылки для экспансии // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 474. С. 153–160.
41. Иорданские СМИ: глобальный «Цифровой шелковый путь» Китая достигает Ближнего Востока // «Хуаньцзо шибао» онлайн. 17.09.2019. URL: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnKmRBv> (дата обращения: 26.05.2022). [约媒：中国的全球“数字丝路”正抵达中东] (на китайском языке).
42. Завтра министр информации возглавит арабо-китайский симпозиум по сотрудничеству в области СМИ // «Эр-Рияд». 23.11.2020. URL: <https://www.alriyadh.com/1855034> (дата обращения: 26.05.2022). [وزير الإعلام يرأس ندوة التعاون العربي الصيني في مجال الإعلام] (на арабском языке).
43. Синопек Инжиниринг Груп Саудия Лимитед: Новаторское строительство нефтяных и нефтехимических объектов // «Эр-Рияд». 21.11.2020. URL: <https://www.alriyadh.com/1854649> (дата обращения: 26.06.2022). [شركة سينوك انجنييرنج قروب السعودية المحدودة: رائدة بناء مشاريع البترول والبتروكيماويات] (на арабском языке).
44. Ван И. Укрепить противоэпидемическое сотрудничество и строя китайско-арабское сообщества единой судьбы человечества // «Жэньминь жибао» онлайн. 03.07.2020. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2020/0703/c1002-31769276.html> (дата обращения: 26.05.2022). [加强抗疫合作，打造中阿命运共同体] (на китайском языке).
45. Друзья-читатели газеты «Эр-Рияд» // «Эр-Рияд». 29.09.2019. URL: <https://www.alriyadh.com/1779648> (дата обращения: 27.05.2022). [القراء الكرام! أصدقاء لجريدة الرياض] (на арабском языке).

References

1. Tsentral'noe narodnoe pravitel'stvo KNR. (2013) Vystuplenie Si Tszin'pina v Nazarbaev Universitete v Kazakhstane [Xi Jinping's speech at Nazarbayev University in Kazakhstan]. *Tsentrāl'noe narodnoe pravitel'stvo KNR*. 8 September. [Online] Available from: http://www.gov.cn/ldhd/2013-09/08/content_2483565.htm (Accessed: 26.01.2023). (In Chinese).
2. Xinhua Online. (2015) The concept and action plan for the joint construction of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. *Xinhua Online*. 28 March. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986.htm (Accessed: 26.01.2023). (In Chinese).
3. Belt and Road Portal. (2022) List of countries that have signed documents on cooperation with China for the joint construction of the Belt and Road. *Belt and Road Portal*. 7 February. [Online] Available from: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
4. Morgan Stanley. (2018) Inside China's Plan to Create a Modern Silk Road. *Morgan Stanley*. 14 March. [Online] Available from: <https://www.morganstanley.com/ideas/china-belt-and-road> (Accessed: 26.05.2022).
5. Xinhua Online. (2017) Polnyy tekst doklada, s kotorym vystupil Si Tszin'pin na 19-m s'ezde KPK [Full text of the report delivered by Xi Jinping at the 19th Congress of the Communist Party of China]. *Xinhua Online*. 3 November. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (Accessed: 26.05.2022).
6. Cheng, G. (2015) The belt and road: a mission to benefit two-thirds of the world. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. 4. pp. 154–161.
7. Fang, X. (2015) The belt and road initiative: connecting China and Central Europe. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 3 (24). pp. 3–14.
8. Lukin, A. (2019) Russian-Chinese cooperation in Central Asia and the idea of Greater Eurasia. *India Quarterly*. 1 (75). pp. 1–14.
9. Mobley, T. (2019) The belt and road initiative: insights from China's backyard. *Strategic Studies Quarterly*. 3 (13). pp. 52–72.
10. Arase, D. (2015) China's two silk roads initiative: what it means for Southeast Asia. *Southeast Asian Affairs*. pp. 25–45.
11. Clarke, M. (2017) The belt and road initiative: China's new grand strategy? *Asia Policy*. 24. pp. 71–79.
12. Yang, H. & Gorp, B. (2021) A frame analysis of political-media discourse on the Belt and Road Initiative: evidence from China, Australia, India, Japan, the United Kingdom, and the United States. *Cambridge Review of International Affairs*. 34. pp. 1–27.
13. Zhang, L. & Wu, D. (2017) Media representations of China: a comparison of China Daily and Financial Times in reporting on the belt and road initiative. *Critical Arts*. 6 (31). pp. 29–43.
14. Kuteleva, A. & Vasiliev, D. (2020) China's belt and road initiative in Russian media: politics of narratives, images, and metaphors. *Eurasian Geography and Economics*. 62. pp. 582–606.
15. Ministry of Foreign Affairs of China. (2021) Relations between China and Saudi Arabia. *Ministry of Foreign Affairs of China*. August. [Online] Available from: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/ (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
16. Consulate General of the People's Republic of China in Jeddah. (2022) [Online] Available from: <http://jeddah.china-consulate.gov.cn/eng/> (Accessed: 26.05.2022).
17. General Administration of Customs of the People's Republic of China. (2022) Table of the total value of imported and exported goods by country (region) in December 2021 (in US dollars). *General Administration of Customs of the People's Republic of China*. 18 January. [Online] Available from: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/4127455/index.html> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
18. Robinson, P. (2017) The media and foreign policy. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 26 September. [Online] Available from: <https://oxfordre.com/politics/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-494> (Accessed: 26.05.2022).
19. Pak, M. et al. (2020). State-run media outlets in Central Asia: external regime legitimation through regional conflict and cooperation framing. *Central Asian Survey*. 3 (39). pp. 378–397.

20. Entman, R. (1993) Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 4 (43). pp. 51–58.
21. Maslog, C.C., Lee, S.T. & Kim, H.S. (2006) Framing Analysis of a Conflict: How Newspapers in Five Asian Countries Covered the Iraq War. *Asian Journal of Communication*. 1 (16). pp. 19–39.
22. *People's Daily Online*. (2022) [Online] Available from: <http://www.people.com.cn/> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
23. *Global Times Online*. (2022) [Online] Available from: <https://www.huanqiu.com/> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
24. *Xinhua Online*. (2022) [Online] Available from: <http://m.news.cn/> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
25. *Al Riyadh*. (2022) [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
26. *Okaz*. (2022) [Online] Available from: <https://www.okaz.com.sa/> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
27. Huang, Z. (2016) Inside the Global Times, China's hawkish, belligerent state tabloid. *Quartz*. 9 August. [Online] Available from: <https://qz.com/745577/inside-the-global-times-chinas-hawkish-belligerent-state-tabloid/> (Accessed: 26.05.2022).
28. *Rsf.org. Saudi Arabia*. (2022) [Online] Available from: <https://rsf.org/en/country/saudi-arabia> (Accessed: 26.05.2022).
29. Xinhua Online. (2020) China-Arab states political party dialogue adopts joint declaration at special session. *Xinhua Online*. 24 June. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/2020-06/24/c_1126156410.htm (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
30. Din, L. (2021) Worried that China has climbed into the "Middle East swamp"? No need. *Global Times Online*. 20 July. [Online] Available from: <https://opinion.huanqiu.com/article/440fHRo5Ure> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
31. People's Daily Online. (2019) Embassy in Egypt holds debate to criticize U.S. Destruction of free trade system. *People's Daily Online*. 30 May. [Online] Available from: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0530/c1002-31109855.html> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
32. Al Riyadh. (2020) The Minister of Information presides over the symposium of Arab-Chinese cooperation in the field of media. *Al Riyadh*. 24 November. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1855195> (Accessed: 25.06.2022). (In Arabic).
33. Al Riyadh. (2020) Sinopec is Aramco's largest onshore drilling contractor. *Al Riyadh*. 29 September. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1844890> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
34. Yang, H. & Gorp, B. (2021) A frame analysis of political-media discourse on the Belt and Road Initiative: evidence from China, Australia, India, Japan, the United Kingdom, and the United States. *Cambridge Review of International Affairs*. 34. pp. 1–27.
35. Xinhua Online. (2019) Complex information block. 70 Years of outstanding achievement – Arab experts and scholars appreciate China's great contribution to international justice, development and progress. *Xinhua Online*. 18 March. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-03/18/c_1124247819.htm (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
36. Al Riyadh. (2021) Is China preparing to fill the American vacuum in the Middle East? *Al Riyadh*. 17 November. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1918976> (Accessed: 27.05.2022). (In Arabic).
37. Al Riyadh. (2021) The importance of Saudi-Chinese cooperation in attracting investment and empowering the technical sector. *Al Riyadh*. 26 September. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1909426> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
38. Al Riyadh. (2020) Sinopec is Aramco's largest onshore drilling contractor. *Al Riyadh*. 29 September. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1844890> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
39. Al Riyadh. (2021) A comprehensive study on attracting Chinese investment to the Kingdom. *Al Riyadh*. 15 June. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1891026> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
40. Rinchinov, A.B. (2022) PRC's digital media amid the trade war with the United States: conditions within the country and prospects for expansion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 153–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/17
41. Global Times Online. (2019) Jordanian media: China's global "Digital Silk Road" reaches the Middle East. *Global Times Online*. 17 September. [Online] Available from: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrNKM RBv> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
42. Al Riyadh. (2020) Tomorrow, the Minister of Information will chair the Arab-Chinese symposium on media cooperation. *Al Riyadh*. 23 November. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1855034> (Accessed: 26.05.2022). (In Arabic).
43. Al Riyadh. (2020) Sinopec Engineering Group Saudia Limited: Innovative construction of oil and petrochemical facilities. *Al Riyadh*. 21 November. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1854649> (Accessed: 26.06.2022). (In Arabic).
44. Van, I. (2020) Strengthening anti-epidemic cooperation and building a Chinese-Arab community with a common destiny for mankind. *People's Daily Online*. 3 July. [Online] Available from: <http://world.people.com.cn/n1/2020/0703/c1002-31769276.html> (Accessed: 26.05.2022). (In Chinese).
45. Al Riyadh. (2019) Reader friends of the Al Riyadh newspaper. *Al Riyadh*. 29 September. [Online] Available from: <https://www.alriyadh.com/1779648> (Accessed: 27.05.2022). (In Arabic).

Информация об авторах:

Комелева А.К. – студентка бакалаврской программы «Востоковедение» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: akkomeleva@edu.hse.ru

Кравцов К.С. – студент бакалаврской программы «Востоковедение», учебный ассистент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kskravtsov@edu.hse.ru

Соболева Е.Д. – PhD (политология), доцент кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: edsoboleva@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.K. Komeleva, bachelor's student, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: akkomeleva@edu.hse.ru

K.S. Kravtsov, bachelor's student, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kskravtsov@edu.hse.ru

E.D. Soboleva, PhD (Political Science), associate professor, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: edsoboleva@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 04.06.2022;
approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 31.03.2023.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 93/94. 331.225
doi: 10.17223/15617793/488/16

Динамика премиальных выплат городского населения РСФСР во второй половине 1940-х гг.

Марина Александровна Клинова¹

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия,
klinowa.m@yandex.ru

Аннотация. Предпринят анализ динамики премиальных выплат горожанам РСФСР во второй половине 1940-х гг., выявлена ее обусловленность социально-экономическими реалиями периода, задачами мобилизационной стратегии государства. Отмечается, что политика в области материального премирования граждан была неоднозначной. С целью стимулирования производительности труда населения в 1946–1947 гг. был увеличен объем премий за трудовые достижения граждан в различных отраслях промышленности. Начиная с 1948 г. премии за перевыполнение планов и победу в социалистическом соревновании были сокращены, снижаются «средние индивидуальные» выплаты по Сталинским премиям.

Ключевые слова: городское население, РСФСР, оплата труда, премия, материальное стимулирование труда, Сталинская премия

Для цитирования: Клинова М.А. Динамика премиальных выплат городского населения РСФСР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 165–173. doi: 10.17223/15617793/488/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/16

Dynamics of incentive pays to the urban population of the RSFSR in the second half of the 1940s

Marina A. Klinova¹

¹ Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation,
klinowa.m@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the dynamics of incentive pays to citizens of the RSFSR in the second half of the 1940s, reveals its dependence on the socio-economic realities of the period and the tasks of the mobilization strategy of the state. The source basis of the research is legislative acts and clerical materials (extracted from archival repositories and published collections of documents), materials of the Soviet press. In 1946–1949 the policy of incentive pays to citizens for good labor was ambiguous. In order to stimulate the productivity of the population in 1946–1947, bonuses for labor achievements and innovations in various sectors of the national economy increased. In 1948 and on the bonuses were reduced. Bonuses for over-fulfillment of plans were reduced by 25%, for victory in the socialist competition by 50%; the “average individual” pays for Stalin prizes were reduced (from 7.5 to 57.7% in various categories). Bonuses for awarded orders and medals were also reduced. The analysis of documents prepared by the Soviet financial authorities revealed that the reduction of bonus payments went in parallel with other measures of the authorities aimed at reducing the money held by the population (limiting the amount of personal pensions; reducing travel expenses; increasing tariffs for utilities, transport services, communication services, etc.). All these measures determined the need to “consolidate” the results of the monetary reform of 1947. Consideration of the measures of the Soviet socio-economic policy in line with the concept of a mobilization system allows identifying some trends. Incentive pays were one of the mobilization mechanisms aimed at stimulating the work of citizens. The maximum intensity of the use of mobilization measures was recorded in 1946–1947. The revealed decrease in incentive pays in 1948 was synchronous with other measures of socio-economic regulation – the softening of legislative norms regulating labor discipline at enterprises, the reduction of organizational recruitment plans, etc. The synchronicity of these events suggests a partial weakening of the mobilization regime in the late 1940s.

Keywords: urban population, RSFSR, remuneration, bonus, material stimulation of labor, Stalin Prize

For citation: Klinova, M.A. (2023) Dynamics of incentive pays to the urban population of the RSFSR in the second half of the 1940s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 165–173. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/16

Введение

Политика оплаты труда являлась одним из инструментов советской социальной инженерии. Объем заработной платы определял специфику трудовых и потребительских стратегий горожан. Интерес представляет реализация данной политики в послевоенные годы – период мобилизации трудовой активности населения и интенсификации производства. В СССР доходы горожан, занятых в государственном секторе экономики, могли включать: оклад, компенсирующие выплаты и различные премии (за выполнение и перевыполнение производственных планов, соблюдение режима экономии на производстве, победу в социалистическом соревновании и др.).

В данной работе предпринят анализ динамики премиальных выплат горожанам во второй половине 1940-х гг., выявлена ее обусловленность социально-экономическими реалиями периода, задачами мобилизационной стратегии государства.

Проблематика премий, выплачиваемых советским гражданам, получила рассмотрение в отечественной историографии. Были проанализированы практики премирования, действовавшие в оборонной промышленности 1930-х – первой половины 1940-х гг. [1–3]; реализованные на отдельных предприятиях: Московском электрозаводе (1928–1938 гг.) [4], Тверском вагоностроительном заводе (1941–1951 гг.) [5], Алтайском тракторном заводе (1942–1955 гг.) [6]. Рассмотрены различные аспекты, касающиеся Сталинской премии: содержание работ лауреатов в различных номинациях, профессиональных группах, размеры премиальных выплат и др. [7–10]. Отсутствие обобщающих работ, посвященных изучению премиальных выплат в первые послевоенные годы, свидетельствует об актуальности обращения к данной теме.

Рост премиальных выплат в 1946–1948 гг.

Система премирования граждан за трудовые достижения получает широкое распространение на советских промышленных предприятиях, рассматриваясь как стимул повышения производительности труда. В первые послевоенные годы в различных отраслях народного хозяйства были введены стимулирующие премии за перевыполнение норм выработки (более 60% всех рабочих, занятых в промышленности, находились на сдельной системе оплаты труда [11. С. 255–256]).

В период с ноября 1946 г. по февраль 1947 г. Советом министров СССР (далее СМ СССР) были приняты положения о премировании руководителей и ИТР промышленных предприятий за выполнение и перевыполнение производственных планов (№ 2438 от 8 ноября 1946 г. – станкостроения, № 2440 от 8 ноября 1946 г. – химической промышленности, № 2674 от 13 декабря 1946 г. – целлюлозной и бумажной промышленности, № 2675 от 13 декабря 1946 г. – строительного и дорожного машиностроения, № 2676 от 13 декабря 1946 г. – электропромышленности, № 2677 от 13 декабря 1946 г. – цветной металлургии, № 229 от 4 февраля 1947 г. –

авиационной промышленности, № 230 от 4 февраля 1947 г. – предприятий министерства вооружения, № 231 от 4 февраля 1947 г. – сельскохозяйственного машиностроения, № 232 от 4 февраля 1947 г. – нефтяной промышленности и др.) [12. Д. 287. Л. 82–99; Д. 289. Л. 80–98; Д. 291. Л. 86–101].

Согласно текстам данных постановлений, премируемые сотрудники могли рассчитывать на повышение доходов в размере 50–75%. На размер премий влияли отрасль, групповая принадлежность предприятия (в зависимости от важности и сложности производства), отношение к основному производству или вспомогательному (ремонтному, монтажному и др.), должность работника (табл. 1). Например, директор и главный инженер предприятия по добыче нефти и бурению нефтяных и газовых скважин, отнесенного к первой группе промысла, получали премию в размере 75% должностного оклада и 8% за каждый процент перевыполнения плана [12. Д. 291. Л. 98], а директор и главный инженер предприятия основного цикла Министерства сельскохозяйственного машиностроения, отнесенного к первой группе, получали премию в размере 50% должностного оклада и 5% за каждый процент перевыполнения плана (если предприятие являлось вспомогательным и относилось к третьей группе, то размер премий составлял 20 и 2% соответственно) [12. Д. 291. Л. 96].

Дифференциация в начислении премиальных выплат фиксировалась и в других отраслях индустрии. В частности, премии на предприятиях химической промышленности и цветной металлургии были выше, чем на предприятиях целлюлозной и бумажной промышленности, станкостроения (табл. 1). В текстах постановлений оговаривалось, что «общая сумма начисленной за месяц премии по всем действующим положениям о премировании не должна превышать двухмесячного оклада работника, не считая премии по итогам Всесоюзного социалистического соревнования» [12. Д. 287. Л. 84, 99]. Половина премии могла выплачиваться, если предприятие не менее чем на 50% выполняло государственный план по снижению себестоимости продукции [12. Д. 291. Л. 86, 92, 96].

Источником премирования трудящихся был фонд директора предприятия, восстановленный в декабре 1946 г. «в целях усиления инициативы и ответственности директоров промышленных предприятий в деле выполнения производственной программы, снижения себестоимости и выполнения плана прибылей» [12. Д. 288. Л. 251–253]. Фонд формировался путем отчислений от прибыли предприятия (от 2 до 10% по различным отраслям) или суммы экономии от снижения себестоимости продукции. Помимо премирования работников средства фонда могли направляться на улучшение их жилищных условий, культурно-бытового обслуживания.

С целью решения кадровой проблемы на предприятиях индустрии были введены премии работникам учебных заведений Министерства трудовых резервов [12. Д. 341. Л. 91–98]. Премия выплачивалась при сохранении контингента учащихся в конце четверти, года обучения. Размер премий варьировался от должности сотрудника и отрасли промышленности, для которой готовились учащиеся.

Таблица 1

Объемы премиальных выплат на предприятиях индустрии за перевыполнение производственных планов
[12. Д. 287. Л. 82–99; Д. 289. Л. 80–84, 93–98]

Отрасль промышленности	Групповая принадлежность предприятия	Производство (основное, вспомогательное)	Должности премируемых			
			Директор, главный инженер		Главный механик, старший мастер, начальник цеха и др.	
			Размер премии, %			
			к окладу	дополнительно за каждый процент перевыполнения плана, (к окладу)	к окладу	дополнительно за каждый процент перевыполнения плана (к окладу)
Станкостроение	1	Осн. пр.	50	5	40	4
		Всп. пр.	30	4	25	3
	2	Осн.. пр.	40	4	30	3
		Всп. пр.	25	3	20	2
	3	Осн. пр.	30	3	20	2
		Всп. пр.	20	2	15	2
Химическая	1	Осн. пр.	75	8	50	5
		Всп. пр.	30	4	25	3
	2	Осн. пр.	60	6	40	4
		Всп. пр.	25	3	20	2
	3	Осн. пр.	50	5	30	3
		Всп. пр.	20	2	15	2
Цветная металлургия	1	Осн. пр.	75	8	60	6
		Всп. пр.	30	4	25	3
	2	Осн.. пр.	60	6	50	5
		Всп. пр.	25	3	20	2
	3	Осн. пр.	50	5	40	4
		Всп. пр.	20	2	15	2
Целлюлозная и бумажная	1	Осн. пр.	50	5	40	4
		Всп. пр.	30	4	25	3
	2	Осн. пр.	40	4	30	3
		Всп. пр.	25	3	20	2
	3	Осн. пр.	30	3	20	2
		Всп. пр.	20	2	15	2

Так, например, за выпуск 100% учеников учебной группы при сдаче ими выпускных экзаменов мастер производственного обучения мог рассчитывать на премию в размере 150% к окладу (в школах ФЗО угольной, горнорудной, металлургической промышленности и строительного дела) или 100% к окладу (в школах других отраслей промышленности). При выполнении тех же условий размер премии старшего мастера, помощника директора по культурно-воспитательной работе, директора школы ФЗО составлял 200 и 150% к окладу соответственно. Премия сокращалась на 25–50% в случае выбытия учеников. Мастер лишался премии в случае выбытия трех учеников, руководящий состав – в случае выбытия шести учащихся [12. Д. 341. Л. 91–98].

Были введены премии трудящимся за экономное расходование сырья, топлива, электроэнергии и т.п. Согласно постановлению СМ СССР № 1629 «Об изменении порядка премирования рабочих и инженерно-технических работников за экономное расходование топлива» от 21 мая 1947 г. ИТР получали в качестве премии «до 75% от стоимости сэкономленного топлива (по агрегату, бригаде, смене и т.п.)» [12. Д. 302. Л. 54]. Сбор отходов производства – лома черных и цветных металлов – также подкреплялся выплатами премий. В соответствии с постановлением СНК СССР № 433 «О мероприятиях по материально-техническому обеспечению предприятий Наркомчер-

мета в I квартале 1946 г.» от 20 февраля 1946 г., премировались партийные и комсомольские работники, успешно организовавшие сбор, переработку и отгрузку лома черных металлов [12. Д. 273. Л. 34].

Сотрудники получали премии в случае победы предприятия в социалистических соревнованиях. В постановлении СМ РСФСР № 307 от 25 марта 1948 г. «О порядке выплаты премий предприятиям республиканского (РСФСР) и местного подчинения – победителям в социалистическом соревновании» оговаривалось, что 60–70% от премии предприятия должно было направляться на индивидуальное премирование рабочих, ИТР и служащих, а 30–40% на жилищные нужды и улучшение культурно-бытового обслуживания сотрудников [13. С. 47–50].

В 1946–1948 гг. были установлены премии за достижения и новации в различных отраслях народного хозяйства. В 1946 г. были учреждены две премии К.Д. Ушинского, присуждаемые педагогическим работникам за выдающиеся труды в области педагогических наук, – 25 тыс. руб. и 10 тыс. руб. [14. С. 67–68]. Начиная с 1947 г. Президиумом Академии наук СССР, ежегодно присуждались премии: им. А.П. Карпинского (за выдающиеся научные работы по геологии, палеонтологии и полезным ископаемым (25 тыс. руб.)), им. В.В. Докучаева (за выдающиеся научные труды в области почвоведения (20 тыс. руб.)) [12. Д. 281. Л. 311–316]. Согласно постановлению СМ СССР № 3583 от 17 октября 1947 г.

«О государственных вознаграждениях за открытие новых месторождений полезных ископаемых» были установлены премии, которые выплачивались геологам и отдельным гражданам за открытие месторождений золота, платины, вольфрама, молибдена, олова, слюды, нефти, а также новых редких металлов, при наличии в них промышленных запасов полезных ископаемых. Размеры вознаграждений геологов и отдельных граждан СССР ограничивались (25 тыс. и 20 тыс. руб.) [12. Д. 314. Л. 359–362]. 21 марта 1946 г. СМ СССР было принято постановление № 628-259сс «О премиях за открытие новых месторождений урана и тория», в котором устанавливались четыре денежных премии, выплачиваемые руководителям экспедиций (от 600 тыс. до 100 тыс. руб.) и работникам геологоразведочных партий (2–3 чел.) (от 300 тыс. до 50 тыс. руб.) [15. С. 152–155]. Премияльные выплаты ученым за научные открытия и техниче-

ские достижения в области использования атомной энергии составляли до 1 млн руб., помимо денежных выплат награжденные получали звания, различные льготы, квартиры, дачи, легковые автомобили и пр. [16. С. 421–428; 17. С. 120–121, 152–159]. Постановлением СМ № 3052 от 10 августа 1948 г. учреждались четыре ежегодные премии (100 тыс., 75 тыс., 50 тыс. и 35 тыс. руб.) за выведение быстрорастущих и высокопродуктивных пород рыб и за улучшение культивируемых пород рыб в прудовых и рыбоводных хозяйствах [12. Д. 342. Л. 201–202].

Наиболее престижной являлась Сталинская премия, вручаемая в 1940–1954 гг. за выдающиеся достижения в области науки и техники, литературы, искусства, усовершенствования методов производственной работы. Размер премий был дифференцирован по номинациям (табл. 2). Наибольшие премии выплачивались за выдающиеся работы в области науки.

Таблица 2

Размеры Сталинской премии, тыс. руб. [18–30]

Сфера премирования		Размер премии		
		Премия 1-й степени	Премия 2-й степени	Премия 3-й степени
1	За выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы	150	100	50
2	За выдающиеся работы в области науки	200	100	50 (введена в 1950 г.)
3	За выдающиеся работы в области искусства и литературы	100	50	25 (введена в 1948 г.)

В рамках означенных крупных сфер премирования выделялись отдельные номинации по отраслям наук (физико-математических, биологических и т.д.), направлений искусства (музыки, живописи, скульптуры, поэзии и пр.). Лауреатами премий становились как ученые и артисты, так и инженеры, машинисты, бурильщики, директора предприятий и сотрудники лабораторий. Одна премия могла присуждаться отдельным гражданам (ученым, композиторам, исполнителям и др.), но значительно чаще премию получали коллективы (трудовые, творческие). Так, например, Б.И. Вронский (главный геолог, работавший на Колыме) писал в дневнике по поводу присвоения ему Сталинской премии: «В Мага-

дане же получил неожиданное радостное известие о присвоении мне, в числе других 10 геологов, звания лауреата Сталинской премии. Эта высокая награда, которой оценена моя 15-летняя работа на Колыме, сильно растрогала меня, ибо никогда даже и в мыслях у меня не было, чтобы мой скромный труд был так вознагражден. Кроме меня, звание лауреата присвоено Цареградскому, Раковскому, Шаталову и Шумилову – по золоту, и Ерофееву, Флерову, Зубреву, Матвеевко и Дубовику – по олову» [31. Запись от 15 февраля 1946 г.].

Количество лауреатов Сталинской премии (1943–1951 гг.) по разным номинациям, степеням, а также суммы премирования приведены в табл. 3.

Таблица 3

Количество премий, лауреатов Сталинской премии, объем премиального фонда 1943–1951 гг. [18–30]

Сфера премирования			За выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы			За выдающиеся работы в области науки			За выдающиеся работы в области искусства и литературы			Общее количество		
Год номинации	Год награждения	Степень премии	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.
1943–1944	1946	1	30	141	4 500	16	21	3 200	35	70	3 500	81	232	11 200
		2	40	155	4 000	24	39	2 400	45	87	2 250	109	281	8 650
		3	73	265	3 650							73	265	3 650
		Итого	143	561	12 150	40	60	5 600	80	157	5 750	263	778	23 500
1945	1946	1	4	22	600	7	12	1 400	24	63	2 400	35	97	4 400
		2	23	73	2 300	18	22	1 800	27	55	1 350	68	150	5 450
		3	34	89	1 700							34	89	1 700
		Итого	61	184	4 600	25	34	3 200	51	118	3 750	137	336	11 550

Сфера премирования			За выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы			За выдающиеся работы в области науки			За выдающиеся работы в области искусства и литературы			Общее количество		
Год номинации	Год награждения	Степень премии	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.	Кол-во премий, шт)	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.	Кол-во премий, шт.	Кол-во лауреатов, чел.	Объем премиальн. фонда, тыс. руб.
1946	1947	1	8	19	1 200	8	8	1 600	25	31	2 500	41	58	5 300
		2	24	100	2 400	20	22	2 000	79	73	3 950	123	195	8 350
		3	42	128	2 100							42	128	2 100
		Итого	74	247	5 700	28	30	3 600	104	104	6 450	206	381	15 750
1947	1948	1	10	45	1 500	11	14	2 200	27	76	2 700	48	135	6 400
		2	27	112	2 700	28	31	2 800	41	100	2 050	96	243	7 550
		3	84	311	4 200				13	13	325	97	324	4 525
		Итого	121	468	8 400	39	45	5 000	81	189	5 075	241	702	18 475
1948	1949	1	8	39	1 200	14	14	2 800	25	76	2 500	47	129	6 500
		2	40	220	4 000	19	26	1 900	72	156	3 600	131	402	9 500
		3	111	489	5 550				13	15	325	124	504	5 875
		Итого	159	748	10 750	33	40	4 700	110	247	6 475	302	1 035	21 925
1949	1950	1	10	79	1 500	11	12	2 200	23	120	2 300	44	211	6 000
		2	47	302	4 700	28	41	2 800	53	130	2 650	128	473	10 150
		3	175	698	8 750	7	7	350	46	82	1 150	228	787	10 250
		Итого	232	1 079	14 950	46	60	5 350	122	332	6 100	400	1 471	26 400
1950	1951	1	15	159	2 250	12	31	2 100	21	122	2 100	48	312	6 450
		2	56	442	5 600	37	57	3 300	59	178	2 950	152	677	11 850
		3	187	1 166	9 350	34	49	1 525	91	197	2 275	312	1 412	13 150
		Итого	258	1 767	17 200	83	137	6 925	171	497	7 325	512	2 401	31 450
1951	1952	1	11	122	1 650	11	13	2 000	11	64	1 100	33	199	4 750
		2	52	397	5 200	35	73	3 150	28	72	1 400	115	542	9 750
		3	133	779	6 650	47	84	1 925	64	165	1 600	244	1 028	10 175
		Итого	196	1 298	13 500	93	170	7 075	103	301	4 100	392	1 769	24 675
Итого			1 244	6 352	87 250	387	576	41 450	822	1 945	45 025	2 453	8 873	173 725

Сокращение премиальных выплат в 1948 г.

26 декабря 1947 г. СМ СССР было принято постановление № 4115 «О выплате премий рабочим и служащим за ноябрь и предшествующие месяцы 1947 г.», в котором было отмечено, что государственные премии, начисленные рабочим и служащим до 1 декабря 1947 г., выплачиваются после проведения денежной реформы из расчета одной десятой причитающейся суммы [12. Д. 319. Л. 169]. Означенное сокращение премий проводилось в русле общей тенденции перерасчетов в соотношении 10:1, проведенных вследствие денежной реформы, и не являлось проявлением адресной политики снижения премий.

Целенаправленное снижение премиальных выплат за трудовые заслуги было проведено правительством во втором – третьем квартале 1948 г. В постановлении СМ СССР № 2395 «О частичном сокращении размеров премий» от 3 июля 1948 г. утверждалось, что «расходы на премирование по народному хозяйству чрезвычайно возросли, а именно: с 3,2 млрд рублей в 1940 году до 6,9 млрд рублей в 1946 году и 9,2 млрд рублей в 1947 году. СМ СССР считает действующие размеры премий завышенными... кроме того, в настоящее время уже преодолены трудности послевоенной перестройки народного хозяйства и условия для вы-

полнения и перевыполнения планов стали более благоприятными» [12. Д. 338. Л. 138]. Премии гражданам за перевыполнение плановых заданий были снижены на 25%, премии предприятиям – победителям в социалистическом соревновании сокращались на 50% (от сумм действующих премий за три месяца). Отменялась практика частичной выдачи премий за выполнение и перевыполнение плана при условии выполнения государственного задания по снижению себестоимости на 50% [12. Д. 338. Л. 138].

9 августа 1948 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 3003 «Об изъятии в доход бюджета экономии, образующейся в связи с частичным сокращением размеров премий», в соответствии с которым с 16 августа 1948 г. сокращалось «на 50% выдача премий, установленных для промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских бюро и других организаций... за разработку новых конструкций, за освоение новой техники, отдельных видов машин, оборудования и других изделий... а также по другим видам премий для руководящих, инженерно-технических работников и служащих» [12. Д. 342. Л. 88–89]. Предельный размер премий, выплачиваемых работникам, был уменьшен на 25%. В этом же месяце СМ РСФСР принял

постановление № 849 от 13 августа 1948 г. «О частичном сокращении размеров премий и об изменении порядка их выплаты» аналогичного содержания [13. С. 200–201].

Также в августе 1948 г. были сокращены отчисления в фонд директора по плановой прибыли на 50%, по сверхплановой – на 40% [12. Д. 342. Л. 78–81]. В сентябре 1948 г. была изменена система премирования руководителей работников предприятий потребительской кооперации – премии выплачивались «только при условии рентабельной, безубыточной работы данной кооперативной организации или предприятия за соответствующий квартал» [12. Д. 346. Л. 161]. Сократились размеры ежемесячных отчислений в фонд премирования проектировщиков с 5 до 3,5%. [12. Д. 338. Л. 1].

Тенденция сокращения объемов премий нашла отражение и в Сталинских премиях. Если общий объем премиального фонда по всем номинациям на протяжении периода 1946–1951 гг. увеличивался (несколь-

ко снизившись в 1952 г.) (см. табл. 3), то сумма премии, получаемой одним номинантом, ежегодно снижалась за счет увеличения количества награждаемых, между которыми она делилась. Если в качестве сравнительной величины взять средний объем индивидуальной премии, рассчитанный путем деления премиального фонда в отдельной сфере премирования (суммарно по всем трем степеням премии) на количество номинантов по каждому году, то «средняя индивидуальная» Сталинская премия, вручаемая в 1946 г. (за 1943–1944 гг.), составляла: за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы – 21,6 тыс. руб.; за выдающиеся работы в области искусства и литературы – 36,62 тыс. руб. за выдающиеся достижения в науке – 93,3 тыс. руб. Объем «средней индивидуальной» Сталинской премии за достижения в науке и искусстве достиг максимальных показателей в 1947 г., за технические усовершенствования – в 1946 г. (рис. 1).

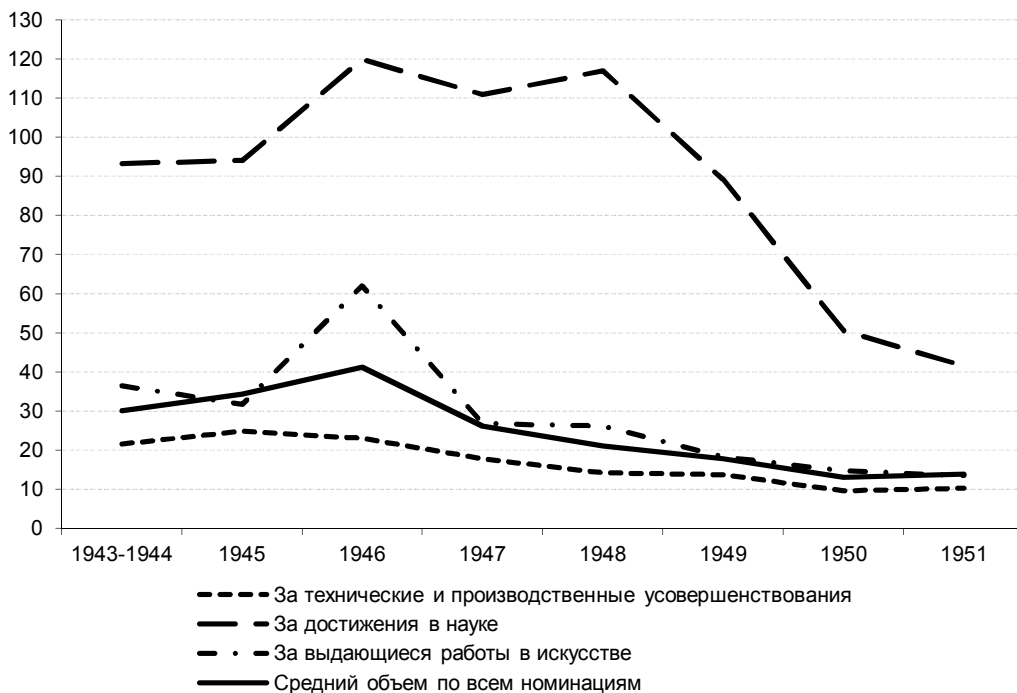

Рис. 1. Динамика «средней индивидуальной» Сталинской премии в различных номинациях (1943–1951 гг.), тыс. руб.

В 1948 г. происходит резкое сокращение объемов «средней индивидуальной» Сталинской премии по всем номинациям: за достижения в науке – на 7,5%; за технические усовершенствования – на 22%, за достижения в искусстве – на 57,7%. Средний показатель снижения индивидуальной премии, произошедшего в 1948 г., по всем номинациям составил 36,3%. В последующие годы тенденция снижения продолжилась. Объем «средней индивидуальной» премии, выданной в 1952 г., составил: за технические усовершенствования – 10,4 тыс. руб. (снизившись по сравнению с объемом «средней индивидуальной» премии, выданной в 1946 г. за достижения 1943–1944 гг., на 51,8%); за достижения в науке – 41,6 тыс. руб. (снизившись соответственно на 55,4%); за выдающиеся работы в искусстве – 13,6 тыс. руб. (снизившись соответственно на 62,8%) (см. рис. 1).

Вместе с сокращением размеров премий в 1948 г. были проведены масштабные проверки правильности их начисления. Факты нарушений, выявленные в результате проверок, нашли отражение в текстах правительственных постановлений. В постановлении СМ СССР № 1372 от 24 апреля 1948 г. «О грубых извращениях условий премирования в Министерстве строительства предприятий тяжелой индустрии» отмечались факты присуждения премий за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании вне зависимости от полноты выполнения условий премирования, что привело к перерасходу государственных средств в размере 12,045 млн руб. [12. Д. 332. Л. 65–68]. В Постановлении СМ СССР от 29 мая № 1812 критиковались нарушения порядка расходования премиального фонда, допущенные в Министерстве

морского флота: премии из фонда министра выдавались отдельным работникам по несколько раз в год: «начальнику Главного управления флота и портов Северо-Западного бассейна т. Нестерову 7 государственных премий в сумме 17,3 тыс. руб. и... 4 премии из фонда министра на сумму 13,8 тыс. руб.; его заместителям: т. Канторовичу – 7 государственных премий в сумме 24,9 тыс. руб. и из фонда министра – 3 премии в сумме 10,7 тыс. руб., т. Зеликману – 7 государственных премий в сумме 20,1 тыс. руб. и из фонда министра – 5 премий в сумме 12,4 тыс. руб.» [12. Д. 333. Л. 21]. В отдельных главных управлениях Министерства нефтяной промышленности южных и западных районов «имели место факты огульного премирования всех работников аппарата», а также «случаи выдачи премий по спискам и запискам министра и его заместителей без указания, за что работники премированы» [12. Д. 333. Л. 22].

Для понимания причинности произошедшего снижения премий важно отметить, что параллельно с сокращением объемов премиальных выплат правительством были проведены и другие мероприятия, косвенно ведущие к уменьшению денежных средств, находящихся на руках у населения. Во втором–третьем квартале 1948 г. были ограничены суммы персональных пенсий, сокращен административно-управленческий и подсобный персонал предприятий и учреждений, сокращены выплаты пенсионерам – инвалидам 3-й группы и студентам (за исключением обучающихся на приоритетных для государства направлениях и специальностях), снижены объемы командировочных расходов, повышены тарифы на коммунально-бытовые, транспортные услуги, услуги связи, ужесточены условия предоставления кредита на покупку жилья [11. С. 254–302]. Также в апреле 1948 г. было проведено снижение цен, в рамках которого на 20% уменьшалась стоимость алкоголя (в последующие несколько месяцев были приняты постановления правительства, направленные на увеличение производства алкоголя) [11. С. 233–236].

Обращение к историческим документам послевоенного периода позволяет заключить, что вышеозначенные мероприятия, касающиеся объемов денежных доходов и расходов населения, были связаны с денежной реформой, проведенной в декабре 1947 г. В документах, подготовленных разработчиками данного проекта, отмечены «необходимые мероприятия», которые следует провести (а также те, которые были проведены) для «закрепления» результатов денежной реформы. Так, например, министр финансов СССР А.Г. Зверев в записке И.В. Сталину «Итоги денежной реформы 1947 г.» от 3 января 1948 г. указывал: «Для закрепления результатов денежной реформы важнейшее значение имеет устойчивость баланса денежных доходов и расходов населения... Своевременным представляется снижение цен на водку, вино и пиво, реализация которых резко замедлилась... Важнейшей задачей является укрепление финансовой дисциплины в народном хозяйстве, борьба с неплатежами и недолжностями» [32. С. 109]. В отчете об итогах проведения денежной реформы, подготовленном работниками

Госбанка СССР (4-й квартал 1948 г.), было отмечено: «В середине 1948 года начали образовываться известные трудности в области товарооборота по ряду продовольственных товаров... В этих условиях правительство признало необходимым проведение ряда мероприятий по некоторому ограничению денежных доходов населения, с тем, чтобы обеспечить выполнение задания по дальнейшему безэмиссионному выполнению кассового плана Госбанка... Были проведены мероприятия по некоторому повышению городских транспортных тарифов, которые были подтянуты к общему уровню изменения розничных цен и средней зарплаты» [32. С. 114]. Снижение премиальных выплат, наряду с остальными вышеприведенными мероприятиями, было направлено на приоритетное решение экономических задач государства – поддержание баланса доходов и расходов населения, укрепление финансовой системы.

Заключение

Таким образом, политика в области материального премирования граждан за трудовые заслуги характеризовалась разнонаправленной векторностью в рамках периода второй половины 1940-х гг. В 1946–1947 гг. был увеличен объем премиальных выплат за трудовые достижения горожан в различных отраслях народного хозяйства, призванный стимулировать производительность труда населения, являющуюся необходимым условием реализации задач мобилизационной экономики. Начиная с 1948 г. объемы премиальных выплат существенно сокращаются.

Рассмотрение данных мероприятий советской социально-экономической политики в русле концепта «мобилизационная система» позволяет обозначить некоторые тенденции. В послевоенный период власти использовали различные мобилизационные механизмы социального регулирования (экономические, административные, правовые), направленные на стимулирование трудовой активности граждан, контроль трудовой дисциплины, борьбу с экономическими девиациями и т.д. Премиальные выплаты за трудовые успехи, несомненно, являлись мобилизационным инструментом – они стимулировали производственную активность граждан, формировали достижительную трудовую стратегию. Максимальная интенсивность применения мобилизационных мер (как положительных, так и негативных) фиксировалась в 1946–1947 гг. Начиная с 1948 г. отмечается постепенное ослабление мобилизационного режима в социально-экономической сфере – спад кампании по борьбе с экономическими девиациями, смягчение законодательных норм, регулирующих трудовую дисциплину на предприятиях, начинают снижаться планы оргнабора, сокращается количество специальных резервов, фиксируется смягчение мобилизационной риторики в советской прессе [33. С. 210–212], а также сокращаются премиальные выплаты горожанам, призванные материально стимулировать их трудовые подвиги. Синхронность данных мероприя-

тий позволяет говорить об отсутствии выраженной дифференциации позитивных и негативных стимулов труда в рамках мобилизационной экономической модели. В качестве причин некоторого ослабления мобилизационного режима в конце 1940-х гг. можно отметить достижение задач восстановления довоен-

ных объемов производства в ряде отраслей индустрии, преодоление голода и дефицита трудовых ресурсов, а также наличие существенных издержек в системе трудовой мобилизации и низкую эффективность репрессивных мер контроля трудовой дисциплины.

Список источников

1. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 447 с.
2. Соколов А.К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М. : Новый Хронограф, 2012. 527 с.
3. Романов Р.Е. Денежное премирование рабочих и инженерно-технических работников оборонных предприятий Новосибирска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 8. С. 145–150.
4. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 490 с.
5. Тогоева С.И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзор. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56.
6. Прибыткова К.П. Мотивация труда рабочих Алтайского тракторного завода (1942 – середина 1950-х гг.) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 57–61.
7. Аблаева Д.С. Реальный размер Сталинской премии в области литературы после денежной реформы 1947 г. // Современные аспекты экономики. 2022. № 1 (293). С. 35–56.
8. Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал : научные исследования. 2016. № 2. С. 177–185.
9. Свиньин В.Ф. Сталинские премии геологам. Ч. 1. Наука о земле Сибирской // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. 2012. № 3. С. 95–106.
10. Цыганов Д.М. Холодная война с «модернизмом»: международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191–268.
11. Клинова М.А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2019. 428 с.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР. Оп. 1. Протоколы и постановления Совета Народных Комиссаров и Совета Министров СССР (подлинники). 1923–1991 гг.
13. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР : в 7 т. Т. 4: 1948–1953. М. : Госюриздат, 1958. 618 с.
14. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / сост. А.В. Белорусов [и др.] ; отв. ред. И.А. Басавин : в 5 т. Т. 5: 1946–1948 гг. М. : Юридическое изд-во, 1949. 511 с.
15. Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. 636 с.
16. Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. 718 с.
17. Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 3. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. 893 с.
18. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР О присуждении Сталинских премий в области искусства и литературы за 1943–1944 годы // Правда. 1946. № 23. 27 января.
19. В Совете Министров Союза ССР // Правда. 1946. № 151. 27 июня.
20. В Совете Министров СССР // Правда. 1947. № 143. 7 июня.
21. В Совете Министров СССР // Правда. 1948. № 93. 2 апреля.
22. В Совете Министров СССР // Правда. 1948. № 112. 21 апреля.
23. В Совете Министров СССР // Правда. 1948. № 151. 30 мая.
24. В Совете Министров СССР // Правда. 1948. № 155. 3 июня.
25. В Совете Министров СССР // Правда. 1949. № 99. 9 апреля.
26. В Совете Министров СССР // Правда. 1949. № 100. 10 апреля.
27. В Совете Министров СССР // Правда. 1950. № 63. 4 марта.
28. В Совете Министров СССР // Правда. 1951. № 74. 15 марта.
29. В Совете Министров СССР // Правда. 1951. № 76. 17 марта.
30. В Совете Министров Союза ССР // Правда. 1952. № 75. 15 марта.
31. Вронский Б.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/386>.
32. По страницам архивных фондов Центрального Банка РФ. Вып. 3. Денежная реформа 1947 г. в документах: подготовка, проведение и оценка результатов / науч. ред. Ю.И. Кашин. М. : ЦБ РФ. 2007. 120 с.
33. Клинова М.А. Модели имплицитной риторики трудовой мобилизации населения: реконструкция на базе контент-анализа материалов прессы 1946–1956 гг. // Документальное наследие и историческая наука. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2020. С. 204–212.

References

1. Savitsky, I.M. (2005) *The Most important Arsenal of Siberia: the development of the defense industry of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War*. Novosibirsk: SB RAS. (In Russian).
2. Sokolov, A.K. (2012) *From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941*. Moscow: New Chronograph. (In Russian).
3. Romanov, R.E. (2014) Monetary bonuses for workers and engineering and technical workers of defense enterprises of Novosibirsk during the Great Patriotic War (1941–1945) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 8. pp. 145–150. (In Russian).
4. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) *“Fortress of socialism”: everyday life and motivation of work at the Soviet enterprise, 1928–1938*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

5. Togoeva, S.I. (2002) Factors of influence on labor motivation (based on the materials of the Tver Carriage Building Plant in 1941–1951). *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie*. 8. pp. 39–56. (In Russian).
6. Pribytkova, K.P. (2014) Motivation of the workers of the Altai Tractor Plant (1942 – mid-1950s). *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11. pp. 57–61. (In Russian).
7. Ablaeva, D.S. (2022) The real size of the Stalin Prize in literature after the monetary reform of 1947. *Sovremennye aspekty ekonomiki*. 1 (293). pp. 35–56. (In Russian).
8. Tikhonov, V.V. (2016) Stalin Prize as a tool for constructing the common history of the peoples of the USSR. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya – Historical Journal: scientific research*. 2. 177–185. (In Russian).
9. Svinin, V.F. (2012) Stalin Prizes to geologists. Part 1. Science of the Siberian land. *Geologiya i mineral'no-syr'evye resursy Sibiri*. 3. pp. 95–106. (In Russian).
10. Tsyganov, D.M. (2022) The Cold War with “Modernism”: the International Stalin Prize in the context of Western-Soviet literary Interactions of the period of Late Stalinism. *Rossica. Literaturnye svyazi i kontakty*. 2. pp. 191–268. (In Russian).
11. Klinova, M.A. (2019) *State regulation of economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade*. Yekaterinburg: UMC UPI. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation. Fund P-5446. *Council of Ministers of the USSR. List 1. Protocols and resolutions of the Council of People's Commissars and the Council of Ministers of the USSR (originals). 1923–1991*. (In Russian).
13. Kopylovskaya, M.A. (ed.) (1958) *Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR*. Vol. 4: 1948–1953. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).
14. Kopylovskaya, M.A. (ed.) (1949) *Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR*. Vol. 5 : 1946–1948. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).
15. FIZMATLIT. (2003) *The USSR Atomic Project: Documents and materials*. In 3 vols. Vol. 2. The atomic bomb. 1945–1954. Book 2. Moscow: FIZMATLIT. (In Russian).
16. FIZMATLIT. (2003) *The USSR Atomic Project: Documents and materials*. In 3 vols. Vol. 2. The atomic bomb. 1945–1954. Book 1. Moscow: FIZMATLIT. (In Russian).
17. FIZMATLIT. (2003) *The USSR Atomic Project : Documents and materials*. In 3 vols. Vol. 2. The atomic bomb. 1945–1954. Book 3. Moscow: FIZMATLIT. (In Russian).
18. *Pravda*. (1946) Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR On awarding Stalin prizes ... for 1943–1944]. 27 January. (In Russian).
19. *Pravda*. (1946) In the Council of Ministers of the USSR. 27 June. (In Russian).
20. *Pravda*. (1947) In the Council of Ministers of the USSR. 7 June. (In Russian).
21. *Pravda*. (1948) In the Council of Ministers of the USSR. 2 April. (In Russian).
22. *Pravda*. (1948) In the Council of Ministers of the USSR. 21 April. (In Russian).
23. *Pravda*. (1948) In the Council of Ministers of the USSR. 30 May. (In Russian).
24. *Pravda*. (1948) In the Council of Ministers of the USSR. 3 June. (In Russian).
25. *Pravda*. (1948) In the Council of Ministers of the USSR. 9 April. (In Russian).
26. *Pravda*. (1949) In the Council of Ministers of the USSR. 10 April. (In Russian).
27. *Pravda*. (1950) In the Council of Ministers of the USSR. 4 March. (In Russian).
28. *Pravda*. (1951) In the Council of Ministers of the USSR. 15 March. (In Russian).
29. *Pravda*. (1951) In the Council of Ministers of the USSR. 17 March. (In Russian).
30. *Pravda*. (1952) In the Council of Ministers of the USSR. 15 March. (In Russian).
31. Vronsky, B.I. (n.d.) *Diaries* [Online] Available from: <https://prozhito.org/person/386> (In Russian).
32. Central Bank of the Russian Federation. (2007) *According to the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation*. Issue 3. Monetary reform of 1947 in documents: preparation, implementation and evaluation of results. Moscow: Central Bank of the Russian Federation. (In Russian).
33. Klinova M. A. (2020) Models of implicit rhetoric of labor mobilization of the population: reconstruction based on content analysis of press materials of 1946–1956. In: *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka* [Documentary heritage and historical science]. Yekaterinburg: UrFU. pp. 204–212. (In Russian).

Информация об авторе:

Клинова М.А. – д-р. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Klinova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.02.2023;
одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 23.02.2023;
approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Научная статья
УДК 2
doi: 10.17223/15617793/488/17

Теология как отрасль науки: промежуточные итоги становления (2015–2022)

Евгений Викторович Паламаренко¹

¹ *Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия, palamarenko.2012@mail.ru*

Аннотация. Освещаются основные этапы развития теологии как отрасли науки в России. Отмечается наличие разнонаправленных взглядов на теологию и определение ее предмета и места в семье других наук, принципов межрелигиозного и междисциплинарного взаимодействия. Рассматриваются вопросы неопределенности в отрасли науки, ее востребованности, искаженного представления о ней, роль религиозных организаций, «курирующих» ее развитие и направления конфессиональных исследований.

Ключевые слова: теология, религия, межрелигиозный диалог, наука, православие, аттестация научных кадров, диссертационный совет

Для цитирования: Паламаренко Е.В. Теология как отрасль науки: промежуточные итоги становления (2015–2022) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 174–180. doi: 10.17223/15617793/488/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/17

Theology as a branch of science: Intermediate results of development (2015–2022)

Evgenii V. Palamarenko¹

¹ *Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation, palamarenko.2012@mail.ru*

Abstract. In 2015 theology in Russia was included in the list of scientific specialties. The period from 2016 to 2022 is the first stage in the development of theology as a science, which is mainly measured by the effectiveness of the dissertation councils and academic journals on theology. During the period, 25 candidate and doctoral dissertations were defended in Russia. Theology has faced significant challenges to its existence: misunderstanding and significant criticism from the academic community, representatives of natural and social sciences, and the humanities. After the first dissertation defenses and overcoming of the initial “shock” in the academic community from the fact that theology has taken an equal place among scientific specialties, new challenges continue to arise before theology, which can be no less disastrous on the path of its progressive development as a science. The article highlights the main stages of the functioning of theology in Russia, both in the activities of dissertation councils and in the form of other interdisciplinary connections. The article notes divergent views on theology, the recognition of its subject, the place of theology in the family of other sciences, the principles of interreligious and interdisciplinary interaction. There exists considerable uncertainty about the relevance of theology, a distorted view on it and the assignment of functions that are unusual for its nature. An excessive yet positive role of religious organizations in the matter of “supervising” the development of theology is noted: on the one hand, they protect theology from transiting to pseudo-theology and serving diverse tasks not related to it; on the other hand, they make theology confessional, narrow its research field, and create an unequal environment for degree applicants. The listed factors hindering the development of theology as a science in Russia require a revision of the tools of science, a rethinking of its functions, role and significance in the issue of self-development as a branch of science, its development in the family of social and human sciences, and approaches to conducting interdisciplinary and interreligious research.

Keywords: theology, religion, interreligious dialogue, science, Orthodoxy, certification of scientific personnel, dissertation council

For citation: Palamarenko, E.V. (2023) Theology as a branch of science: Intermediate results of development (2015–2022). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 174–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/17

В 2015 г. теология вошла в современное российское научное пространство как отрасль науки, которая была включена в перечень научных специальностей. Спустя год, в 2016 г., был создан первый диссертационный совет, где прошла защита одной диссертации, состоявшаяся 1 июня 2017 г. Именно на этом заседании было объявлено о решении Минобрнауки России о присвоении соискателям ученой степени по теологии в случае представления ими диссертации по научной специальности 26.00.01. Теология, а не по философии, истории и т.д., как это планировалось, когда принималась к защите первая в России диссертация по теологии священника П.В. Хондзинского.

В том же году данный диссовет был ликвидирован и создан новый, который, собственно, и стал полноценным первым историческим диссертационным советом по теологии в России (Д 999.213.04), просуществовавшим с 2017 по 2022 г.

Закрытие действовавшего в 2017–2022 гг. диссовета связано главным образом с вступлением в силу новой номенклатуры научных специальностей, которая стала подразделять отрасль науки «теология» на три научные специальности: теоретическую теологию, историческую теологию и практическую теологию, а также на четыре конфессиональные группы: православие, ислам, иудаизм и протестантизм.

Уже сама последовательность расположения конфессий подчеркивает изначально очевидную динамику развития сети диссоветов и проведенных защит диссертаций, исходит из численности последователей данных конфессий в России. В то же время порядок конфессий сформировался так и потому, что именно в таком порядке поступали заявки в Минобрнауки России от религиозных организаций [1. С. 255].

Рассматривая особенности развития отрасли в период с 2015 по 2022 г., которому предшествовал период с 1993 г., характеризовавшийся принятием первого образовательного стандарта по теологии с целью ее включения в перечень направлений профессиональной подготовки [2. С. 22], можно выделить несколько этапов: 2015–2016 гг. – этап формирования первого в России диссертационного совета (в данном случае одного), который включает в себя подбор его членов и создание нормативной базы для его работы; 2017–2022 гг. – непосредственное проведение заседаний по рассмотрению диссертаций и их публичных защит.

Сформированный первый диссертационный совет был создан на базе Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ОЦАД), МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). За период своей работы совет неким образом изменял свой состав, в частности, произошла смена ученого секретаря и исключение нескольких членов диссовета по причине их смерти.

Итогом его шестилетней работы стали 19 кандидатских и две докторские диссертации, успешно защищенные по научной специальности 26.00.01. Теология. Кроме того, защита одной диссертации не

увенчалась успехом. Последующее рассмотрение диссертаций экспертным советом ВАК при Минобрнауки России по теологии и Президиумом ВАК, по которым диссертационным советом было принято положительное решение, не расходилось, хотя и не без оживленных дискуссий, с первоначальным решением самого диссовета.

Уникальность и исключительность защищенных диссертаций, исходя из содержания новой номенклатуры научных специальностей, состоит в том, что ученая степень кандидата или доктора теологии была присуждена по научной специальности «теология», которая в новой номенклатуре разделена на три специальности и именуется отраслью науки. Соответственно, можем предположить, что лица, которым была присуждена ученая степень по научной специальности 26.00.01. Теология, в будущем могут являться специалистами по всем трем научным специальностям, что невозможно для будущих соискателей, которым придется исходить из новой номенклатуры научных специальностей и выбирать научную специальность и отрасль теологии для рассмотрения и защиты своей диссертации. Последнее имеет значение при поиске и привлечении кандидатов и докторов теологии для оппонирования диссертаций, составления экспертных заключений, формирования составов новых диссертационных советов, представления отзывов на автореферат диссертации или текст диссертации.

Пресс-релизы и фотоотчеты деятельности диссовета по теологии свидетельствуют, что все его заседания проводились в ОЦАД, хотя положение о деятельности объединенного диссовета разрешало их проводить на базе других вузов-учредителей. Участие других вузов-учредителей выражалось только в виде включения в состав диссовета ученых, для которых место работы в вузе-учредителе являлось основным. Выездных заседаний диссовета в других образовательных организациях-учредителях не было.

В 2020 г. был открыт диссертационный совет по педагогическим наукам и теологии (Д 212.199.38) в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, который тоже получил возможность присуждать ученые степени по теологии. Итогом его работы в 2020–2022 гг. стала защита в 2021 г. двух кандидатских диссертаций.

В рамках права создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) в 2019 г. была защищена кандидатская диссертация по теологии, подготовленная в Санкт-Петербургской православной духовной академии, а в 2020 г. – докторская диссертация, подготовленная в СПбГУ.

Соответственно, мы видим, что итогом развития отрасли науки стало появление в российской науке 25 ученых-теологов за период с 2015 по 2022 г. включительно, диссертации которых были подготовлены на базе различных образовательных организаций, выдавших свои заключения по диссертации, что послу-

жило толчком к приему этих диссертаций к рассмотрению и защите.

Немаловажным является гендерный состав лиц, обладающих ученой степени кандидата или доктора теологии, в числе которых были только три соискателя-женщины. Это говорит об отсутствии гендерного баланса, который так необходим для выравнивания прав женщин с целью работы в религиозных конфессиях или ведения научно-преподавательской деятельности в области теологии в нерелигиозных образовательных организациях. Кроме того, в общем объеме диссертаций только три диссертации защищены на соискание ученой степени доктора теологии, что отвечает уже долгое время сформировавшемуся тренду, когда число докторских работ составляет лишь 10–15% в общем объеме диссертаций.

Необходимо учитывать, что подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре по теологии в России осуществляется с недавнего времени, например, в 2017 г. были получены свидетельства об аккредитации аспирантуры ОЦАД, ПСТГУ, в 2018 г. – Московской духовной академией Русской православной церкви (МДА) и СПбДА, с 2019 г. – другими.

Последнее говорит о том, что диссертации, которые представлялись к рассмотрению и защите по теологии, исходя из средней скорости их написания аспирантуре в несколько лет (3–4 года и больше) или порядка прикрепления для подготовки диссертации, изначально соискателями подготавливались для защиты по другим научным специальностям (например, философии, истории, филологии) или с целью защиты в системе диссертационных советов Русской православной церкви – на соискание степени кандидата или доктора богословия, доктора церковной истории. Открывшаяся возможность в виде появления диссоветов по теологии побудила соискателей изменить свои планы и представить диссертацию по еще мало известной научной специальности, научность которой еще недавно подвергалась сомнению и критиковалась [3], институционализация которой еще не завершена [1. С. 257], единая точка зрения относительно научности которой у самих ее сторонников отсутствует [4. С. 107].

Диссертации, прошедшие успешную защиту в диссоте Д 999.213.04, были подготовлены в ОЦАД – 11, ПСТГУ – 6, МДА – 1, Пензенском государственном университете – 1, Пермском государственном университете – 1, Ярославском государственном университете – 1; две диссертации, прошедшие успешную защиту в диссоте Д 212.199.38, подготовлены на базе ОЦАД.

Не исключено, что заключение организации по диссертации с рекомендацией к ее защите могло быть в той или иной степени формальным и на самом деле диссертация подготавливалась на базе сторонней организации, никак не задействованной в отчетах по защите. Последнее не отрицает самой научной ценности исследований, а лишь свидетельствует о такой возможности, типичной для диссертаций по другим научным направлениям.

Практически все диссертации, за исключением докторской диссертации по исламской тематике в

СПбГУ, были защищены по православию и христианской тематике в то время, когда никаких формальных препятствий к защите диссертаций по исламу или иудаизму не было. Присутствие в диссоте ученых по историческим и философским специальностям и возможность разово вводить в состав диссовета неограниченное число узкопрофильных ученых по исламу или иудаизму позволяло принимать диссертации представителей данных конфессий.

Как видим, в деятельности первого диссертационного совета наличествовали признаки строго конфессиональных критериев принятия диссертаций к рассмотрению и защите. Именно данный фактор является предметом дискуссий уже продолжительное время, а именно: должна ли теология быть конфессиональной, а ее развитие контролироваться (курировать) религиозными конфессиями?

Не секрет, что существующие негласные критерии принятия диссертаций к защите от лиц только православного вероисповедания (диссоветов по защите диссертаций по исламу или иудаизму на данный момент не существует) заданы образовательными организациями Русской православной церкви с целью определенного контроля за «правильностью» мысли, отражаемой в диссертации.

В то же время нужно признать, что теология в России получила свое развитие благодаря инициативам и усилиям Русской православной церкви, выраженным, например, в обращениях патриарха Кирилла к Государственной думе и т.д. Однозначно можно утверждать, что теология получила свой импульс развития и становления после инициативы Русской православной церкви, поддержанная, скажем, митрополитом Иларионом (Алфеевым Г.В.) и другими иерархами церкви, а также теми учеными, философами, историками, кого он привлек к развитию отрасли. Инициатива появления теологии вряд ли исходила от ученых, которые, даже если и осознавали назревшую необходимость выделения данной науки из числа других гуманитарных наук, не предпринимали к этому явных действий.

Но каким будет будущее? Будет ли продолжать теология как наука развиваться исключительно в организациях, учредителями которых выступают Русская православная церковь или другие религиозные организации, а защиты проводиться с учетом строго конфессиональной составляющей. Появится ли возможность у государственных университетов или частных образовательных организаций, никак не аффилированных с религиозными организациями, выступать учредителями диссертационных советов? (Формальное право у них в настоящее время, безусловно, имеется.) Сможет ли теология стать абсолютно светской дисциплиной, исследующей, к примеру, систематически теологию без привязанности к интересам или традициям той или иной религиозной конфессии?

В настоящее время налицо тенденция к клерикализации теологии, воцерковленности, принадлежности к церковной науке. Предполагается, что представляемые к рассмотрению и защите диссертации первона-

чально должны получить одобрение от конфессий, выносящих свое суждение о качестве подготовленной диссертации. Опасения, что теологом может стать лицо неверующее или критически настроенное к религиозной конфессии, приводят к полному контролю и цензуре над исследованием. Исходя из этого не могут появиться диссертации, в которых используется иная, не принятая методология при проведении конфессиональных исторических или богословских исследований. Можно предположить, что острые, актуальные вопросы теологического знания, новейшие тенденции в теологии, разногласия в ней не могут в полной мере освещаться или исследоваться в положительном или хотя бы непредвзятом ключе. Это может привести к тому, что в подавляющем большинстве случаев выводы диссертаций не будут расходиться с установившейся церковной (конфессиональной) позицией, а значит, будут иметь относительную степень научной новизны, оригинальности и объективности. Это при том, что чаще всего тематики диссертаций заключаются в исследовании исторических процессов в далеком прошлом или сугубо теоретических положений, которые слабо коррелируют с современной конфессиональной повесткой.

Не секрет, что часто перед соискателем стоит выбор: представить диссертацию к защите в диссовет по теологии или по истории, философии, филологии, политологии и т.д. Чаще всего диссертация по теологии может быть представлена как минимум еще по одной научной специальности. В чем же тогда состоит ее теологичность, ведь методология работы практически идентична исследованиям в других общегуманитарных науках?

В чем же заключается, главным образом, теологический метод исследования? За эти годы их было названо немало. Говорилось о принадлежности к конфессии, когда бы конфессия изначально оказывала одобрение соискателю как личности, исходя из его лояльности и невраждебности к ней со стороны соискателя. Предполагалось, что теологический метод может состоять в исследовании исходя из интересов самой конфессии [5], ведь интересы самой конфессии, направленные на самосохранение и развитие своей деятельности, способны многое прояснить для исследователя и содействовать подбору необходимого научного инструментария.

Видится очевидным, что на выводы теолога никаким образом не должна влиять его персональная религиозная принадлежность [6. С. 68]. Немаловажной задачей является достижение того, чтобы деятельность диссертационных советов исходила из принципов оценки полученных новых знаний и объективности результатов исследования, отраженных в рукописи, а не с учетом конфессиональной составляющей. Естественным должно быть понимание того, что в процессе оценки исследования или диссертации по теологии персональная религиозная принадлежность автора должна учитываться минимальным образом или вовсе не приниматься во внимание.

Стоит ли накладывать строгие конфессиональные ограничения на соискателей и почему теологию при-

звано развивать именно конфессиональное сообщество? Ведь вопросы деятельности церкви в прошлом и настоящем могут исследоваться и даже рассматриваться профессиональными историками и мало кто их упрекает в ложных по отношению к конфессиям выводах. Теоретические аспекты теологии широко исследуются в диссертациях по философии, а аспекты практической теологии могут исследоваться, скажем, в диссертациях по социологическим, политическим, юридическим или экономическим наукам. Стоит отметить, что каких-либо нормативных ограничений для рассмотрения диссертаций соискателей, не принадлежащих к традиционным конфессиям, не существует, да и какие документы могут это подтвердить или опровергнуть.

Место выполнения диссертации и место ее защиты не всегда совпадают. Подавляющее большинство соискателей на дату своей защиты работали в конфессиональных организациях либо подготавливали диссертацию, обучаясь в религиозных организациях, что намного реже. Большинство защитившихся соискателей на момент защиты являлись действующими священнослужителями Русской православной церкви, другие – научно-педагогическими сотрудниками в религиозных образовательных организациях.

Последнее говорит о подготовке кадров для деятельности внутри конфессий, которые в то же время были бы признаваемы или равны другим ученым, работающим в нецерковных образовательных организациях.

В данной работе не рассматривается роль и деятельность кафедр теологии в вузах России, осуществляющих подготовку бакалавров и магистров теологии, или невыпускающих кафедр, как тех учебно-научных подразделений, в которых присутствуют только зачатки теологической науки, но в то же время часто имеющих важное образовательное значение.

За эти годы параллельно с развитием сети диссоветов росло и число научных журналов по теологии, включенных в перечень рецензируемых изданий ВАК. По состоянию на март 2023 г. число журналов по православной теологии достигло 12, по исламской теологии их всего два.

Получила развитие Научно-образовательная теологическая ассоциация, консолидировавшая вокруг себя усилия более 80 вузов-членов. Деятельность ассоциации имела научную направленность, но в большинстве случаев была ориентирована на проведение мероприятий, раскрывающих теологию в образовательном, патриотическом, общегосударственном или культурном значении, что не может в полной мере отразить реальное содержание и потенциал теологии как науки.

По инициативе автора статьи в 2019 г. ОЦАД выступила соучредителем научного журнала «Вопросы теологии», ставшего продолжением и развитием существовавшей в журнале «Христианство на Ближнем Востоке» одноименной рубрики. Журнал в настоящее время развивается на базе СПбГУ. В 2021 г. проведены первый всероссийский конгресс «Российские теологические журналы: новые вызовы и перспективы развития», а также всероссийский «Форум молодых

теологов». Данные начинания должны были заложить фундаментальные основы функционирования научной области, придать теологии исключительно научные очертания с целью поиска и выработки инструментария для научной работы.

Безусловно, имеет значение положительная роль экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по теологии, состав которого за эти годы изменялся более динамично, чем состав самих диссоветов, причинной чего, вероятно, является разность видения и подходов к дискуссии о границах теологии и критериях теологичности. Его заседания были направлены на развитие научной отрасли, формирование и совершенствование паспорта специальности, открытие диссоветов, рассмотрение и утверждение решений диссоветов, принятие решений по включению научных журналов по теологии в перечень рецензируемых изданий ВАК и т.д.

Существующие вызовы, нависшие над теологией, которые формулируются рядом экспертов отрасли, можно разделить на внутренние и внешние.

Опуская для будущих исследователей рассмотрение внешних вызовов и говоря скорее о внутренних вызовах, отнесем к ним отсутствие навыков полноценной научной работы в образовательных организациях религиозных конфессий, причиной чего является несформированность научных школ, которые использовали бы все разнообразие методов, присущих гуманитарным наукам. В большинстве случаев научная работа духовных школ зиждется на «воспроизводстве традиции», проведении исследований исключительно в рамках конфессионально устоявшейся традиции. Наблюдается практически полное отсутствие междисциплинарных исследований в теологии, это притом, что уже создана «научная инфраструктура», позволяющая обеспечить когерентность богословских выводов [7. С. 97–98]. Закладываются нормы, что теология неспособна к междисциплинарному подходу или к межрелигиозному исследованию. Является в большинстве своем немыслимым появление совместных публикаций межрелигиозного характера, хотя явных причин к их неоявлению нет.

Одной из нерешенных проблем является сложность соискания ученой степени доктора теологии в виде процедуры защиты научного доклада или хабилитации, в европейском понимании этого процесса [8].

В обществе, несмотря на явный успех в деле распространения теологического образования [9], увеличения числа кафедр теологии в вузах, признается факт относительной востребованности теологов [10. С. 42], когда идет речь о широком запросе на теологов со стороны рынка труда. Искорженное представление о теологии как направлении гуманитарного знания, предназначенном или могущем быть использованным с целью реализации государственных задач духовно-нравственного воспитания молодежи [11. С. 322], формирования духовного или этического ориентира в обществе, вероятно, не сможет обеспечить полноценное раскрытие потенциала теологии и занятие равного положения в сообществе социально-гуманитарных наук.

Можно предположить, что в настоящее время теология, разделившись как отрасль науки на ряд научных специальностей, восходит на новый этап своего развития. Будущее теологии в России будет зависеть от множества переменных, которые станут индикаторами того, смогла ли наука преодолеть трудности, которые возникли перед ней как в силу недостатка стартового потенциала, так и по причине сопротивления и скептического отношения со стороны научной общественности.

Будет иметь значение, насколько успешно станут функционировать диссертационные советы (по новым научным специальностям), создаваемые на базе религиозных организаций в 2022–2023 гг.; будет ли уделяться достаточное внимание экспертизе принимаемых к рассмотрению или защите диссертаций; насколько научные журналы по теологии будут рецензируемые и не станет ли данная отрасль функционировать по инерции, а не с целью непрерывного развития, как это предполагалось при ее создании.

Дискуссионным остается вопрос: необходима ли теологу четкая самоидентификация себя с традицией или той или иной конфессией, признание или авторизация по конфессиональным основаниям со стороны религии или конфессии [12. С. 200]. Является ли это обязательным и объективным критерием научной зрелости лица – соискателя ученой степени теолога? Ведь призывы к выработке и применению дополнительных критериев (например, признания со стороны конфессии или личной религиозной самоидентификации) создают излишние и идущие вразрез с общей для всех социальных и гуманитарных наук процедурой представления и защиты диссертаций, формируют ряд новых барьеров, не свойственных научному образу мысли, никак не связанных с реальными научными исследованиями или поиском новизны, подтверждения или отрицания гипотезы исследования. На пути соискателя возникает необходимость получения признания, одобрения со стороны конфессии, приобретения большей аффилиации с ней, возможно, налаживания дополнительных неформальных отношений с ней, с одной лишь целью снискания одобрения от нее на защиту своей диссертации по теологии и устранения препятствий, но скорее не научного, а личностного характера. Подобные тенденции противоречат общей процедуре защиты диссертационных исследований и формируют отчасти дискриминационные отношения, способные породить тенденциозность и неравную среду.

Кроме того, смогут ли образовательные организации, осуществляющие подготовку теологов в аспирантуре, подготовить аспирантов к выходу на защиту в нормативный период обучения или хотя бы после его завершения – от этого будет зависеть будущее отрасли науки.

Основные выводы статьи, тренды современной российской теологии как науки, можно сделать по следующим далеко не исчерпывающим списком направлениям:

1. В профессиональном и научном сообществе совершенно по-разному понимается методология теоло-

гии, отсутствует система единых взглядов, унифицированных подходов к проведению теологических исследований.

2. В теологическом сообществе или среде тех, кто так или иначе принимает участие в развитии отрасли науки, формируется несколько направлений, по-разному представляющих место и роль теологии в системе социально-гуманитарных наук. К *первой группе* принадлежат те, кто призывает стремиться к формированию конфессиональных исследований по теологии и строгой аффилиации с религиозной организацией как диссоветов, так и самих соискателей, предполагается получение от нее (конфессии) одобрения текста диссертации и даже персоны самого соискателя; *вторая группа* ученых видит теологию научной специальностью, исключающей какое-либо воздействие на результаты исследования конфессиональной принадлежности автора или его когнитивного опыта веры, а также не требующей одобрения со стороны конфессии или согласования защиты диссертации с ней; *третье*, формирующееся направление, наиболее нежелательное для теологии, приводящее к идеологизации и в то же время маргинализации теологии, состоит в исполнении ею исключительно обслуживающих функций в духовно-нравственном воспитании молодежи, в выполнении государственных задач противодействия экстремизму, в придании ей иных, совершенно несвойственных ролей.

3. Налицо отсутствие каких-либо межконфессиональных (межрелигиозных) исследований в теологии, не закладываются основы к формированию тенденций

с целью выполнения междисциплинарных исследований с включением в данный дискурс теологии.

4. Формирующаяся неопределенность в вопросе востребованности теологии может негативно сказаться на качестве деятельности диссертационных советов, публикаций в научных журналах, общих подходах к оценке эффективности теологии. Разнонаправленность взглядов и отсутствие единого инструментария работы, размытость границ науки, отсутствие пересечений и отказ от взаимодействия в междисциплинарном и межконфессиональном ключе способны заложить долгосрочный тренд на стагнацию науки.

5. Значительная, определяющая тренды роль и часто чрезмерное влияние религиозных организаций могут разнопланово отражаться на качестве функционирования отрасли. С одной стороны, некий конфессиональный ракурс способен дисциплинировать теологию как науку и обезопасить ее от появления псевдотеологии, а с другой – строгая конфессиональная направленность расположена существенно сузить ее возможности, примитивизировать, ангажировать исследования, выдаваемые «на-гора», например, в виде диссертационных работ.

Перечисленные факторы, сдерживающие развитие теологии как науки в России, требуют пересмотра инструментария, переосмысления ее функций, роли и значения в вопросе саморазвития как отрасли науки, развития в семье социальных и гуманитарных наук, подходов к проведению междисциплинарных и межрелигиозных исследований.

Список источников

1. Прилуцкий А.М., Шмонин Д.В. Институционализация теологии: опыт и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, № 2. С. 254–263.
2. Склярлова Т.В. Теологическое образование и наука в России с 1993 по 2015 год: документы, события, факты // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2021. № 63. С. 11–27.
3. Узланер Д.А., Васильева О.Ю., Гринцер Н.П., Иванчик А.И., Кнорре Б.К., Коначева С.А., Кырлежев А.И., Польсков К.О., Раздьяконов В.С., Шишков А.В. Круглый стол в редакции журнала на тему «в чем научность теологии?» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34, № 3. С. 205–223.
4. Ершова И.И. Теология или «богословие 2.0»? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 93–108.
5. Паламаренко Е.В. Деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1948–1967 годы : дис. ... канд. теологии. М., 2019. 422 с.
6. Штурбабин С.А., Орлов М.О., Петрова К.Ю. Теологическое знание в светском образовательном пространстве: проблемы и пути развития диалога // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 2 (17). С. 59–80.
7. Польсков К.О. Верификация и теология // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 90–100.
8. Бочков П.В. Процесс хабилизации по теологии в Республике Польша // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6, № 1. С. 118–126.
9. Грязнова Е.В. Теологическое образование в системе современного научного знания // Инновации в образовании. 2022. № 5. С. 30–40.
10. Марченко А. Докторантура в системе подготовки научных кадров Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 11. С. 38–47.
11. Орлов М.О., Полохов Д.Н., Петрова К.Ю. Теология в системе гуманитарных наук: особенности предмета и методологии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, № 4. С. 313–323.
12. Шмонин Д.В. Теология и философия науки: проблемы идентификации // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 197–207.

References

1. Prilutsky, A.M. & Shmonin, D.V. (2022) Institutsializatsiya teologii: opyt i perspektivy [Institutionalization of theology: experience and prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2 (38). pp. 254–263.
2. Sklyarova, T.V. (2021) Teologicheskoye obrazovaniye i nauka v Rossii s 1993 po 2015 god: dokumenty, sobytiya, fakty [Theological education and science in Russia from 1993 to 2015: documents, events, facts]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 63. pp. 11–27.
3. Uzlaner, D.A. et al. (2016) Kruglyy stol v redaktsii zhurnala na temu “v chem nauchnost’ teologii?” [Round table in the editorial office of the journal on the topic “what is the scientific nature of theology?”]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov’ v Rossii i za rubezhom*. 3 (34). pp. 205–223.
4. Ershova, I.I. (2020) Teologiya ili “bogoslaviye 2.0”? [Theology or “theology 2.0”?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 1. pp. 93–108.
5. Palamarenko, E.V. (2019) *Deyatel'nost' Russkoy Dukhovnoy Missii v Iyerusalime v 1948–1967 gody* [Activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in 1948–1967]. Theology Cand. Diss. Moscow.

6. Shturbabin, S.A., Orlov, M.O. & Petrova, K.Yu. (2022) Teologicheskoye znaniye v svetskom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i puti razvitiya dialoga [Theological Knowledge in the Secular Educational Space: Problems and Ways of Dialogue Development]. *Trudy Saratovskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 2 (17). pp. 59–80.
7. Polskov, K.O. (2018) Verifikatsiya i teologiya [Verification and Theology]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 90–100.
8. Bochkov, P.V. (2022) Protsess khabilitatsii po teologii v Respublike Pol'sha [The process of habilitation in theology in the Republic of Poland]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*. 1 (6). pp. 118–126.
9. Gryaznova, E.V. (2022) Teologicheskoye obrazovaniye v sisteme sovremennogo nauchnogo znaniya [Theological education in the system of modern scientific knowledge]. *Innovatsii v obrazovanii*. 5. pp. 30–40.
10. Marchenko, A. (2022) Doktorantura v sisteme podgotovki nauchnykh kadrov Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Doctoral studies in the system of training scientific personnel of the Russian Orthodox Church]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 11. pp. 38–47.
11. Orlov, M.O., Polokhov, D.N., Petrova, K.Yu. (2019) Teologiya v sisteme gumanitarnykh nauk: osobennosti predmeta i metodologii [Theology in the system of the humanities: features of the subject and methodology]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 4 (20). pp. 313–323.
12. Shmonin, D.V. (2022) Teologiya i filosofiya nauki: problemy identifikatsii [Theology and Philosophy of Science: Problems of Identification]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 197–207.

Информация об авторе:

Паламаренко Е.В. — канд. теологии, доцент кафедры теологии Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) (Москва, Россия). E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Palamarenko, Cand. Sci. (Theology), Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (Moscow, Russian Federation). E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2023;
одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 27.02.2023;
approved after reviewing 25.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/15617793/488/18

Влияние специальной военной операции на Украине на развитие военно-промышленного комплекса государств Европейского союза

Алексей Георгиевич Тимошенко¹, Кирилл Владимирович Сероштанов²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, 21timoshenko48@gmail.com
² Новосибирский приборостроительный завод, Новосибирск, Россия, seroshtanov.kirill@gmail.com

Аннотация. Анализируется влияние специальной военной операции России на Украине на военно-промышленный комплекс государств Европейского союза. Дается характеристика поддержки Украины государствами Европейского союза в военной сфере, включая поставки вооружений и военной техники, рассматриваются возможности по наращиванию их производства. Рассматривается корректировка политики ЕС в отношении общего военно-промышленного комплекса Европейского союза. Оцениваются перспективы развития военно-промышленного комплекса ЕС и дальнейших поставок вооружений на Украину.

Ключевые слова: специальная военная операция, военно-промышленный комплекс, Европейский союз, Украина, вооружения и военная техника

Для цитирования: Тимошенко А.Г., Сероштанов К.В. Влияние специальной военной операции на Украине на развитие военно-промышленного комплекса государств Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 181–190. doi: 10.17223/15617793/488/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/18

The impact of the special military operation in Ukraine on the development of the military industrial complex of the European Union states

Alexei G. Timoshenko¹, Kirill V. Seroshtanov²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, timoshenko48@gmail.com
² Novosibirsk Instrument-making Plant, Novosibirsk, Russian Federation, seroshtanov.kirill@gmail.com

Abstract. The special military operation in Ukraine is the first major conflict between developed nations in the 21st century where a full range of modern weapon systems are used. This conflict is a great challenge for the EU security and also its member states defence industry; therefore, it is important to understand how the EU defence industry can respond to this challenge. Moreover, the issue of how the EU can continue the support of Ukraine in the military sphere should be analyzed because it is crucial for the further development of Russia's special military operation strategy. Thus far these questions are of limited coverage in articles of Russian or foreign researchers. The main sources of this research are analytics from mass media, official documents of the EU, NATO, and the EU officials statements and statistics from Stockholm International Peace Research Institute and the Kiel Institute for the World Economy. The present research is based on a complex analysis of the above-mentioned information. The EU and its members took some actions to support Ukraine: supply of weapons, launch of corresponding programs, production increase, etc. The amount of support on November 2022 was calculated to be around 8 billion euros. In addition to the supply of weapons to Ukraine that mainly come from the states' armed forces arsenals, it is necessary for the EU states to enhance their own military capabilities. The current situation gives opportunities for the development of the EU states defence industry and the EU integration in this sphere. Weapon systems produced in the EU can be tested in a real battlefield condition and modernized according to new standards. Efficient support of Ukraine requires more cooperation in the EU defence industry and in the EU in general. Further supplies allow the member states to modernize their armed forces as old equipment supplied to Ukraine should be replaced by modern systems. In this case the EU defence industry can get advantage from this situation, but only if the replacement would be of the EU production. The EU can continue the support of Ukraine. There are capabilities for the supplies of weapons from stocks and also of new equipment, but the volume of the latter is limited because the EU defence industry is only adapting to the increased demand and the supplies should not affect the EU military power. The EU is interested in the support of Ukraine as it corresponds with its security and defence policy. Only the great advantage of Russia over Ukraine can stop it.

Keywords: special military operation, military-industrial complex, European Union, Ukraine, weapons

For citation: Timoshenko, A.G. & Seroshtanov, K.V. (2023) The impact of the special military operation in Ukraine on the development of the military industrial complex of the European Union states. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 181–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/18

После окончания холодной войны характер военных действий изменился: больше не ожидалось крупномасштабных конфликтов с активным применением военной техники, что привело к сокращению арсеналов западных стран. Специальная военная операция (СВО), проводимая Россией на Украине, стала первым в XXI в. крупным конфликтом между развитыми государствами, в котором используется весь спектр доступных вооружений и военной техники (ВВТ). Концептуально СВО более близка к конфликтам начала XX в., нежели конфликтам низкой интенсивности, которые получили распространение во время холодной войны.

В конфликт на Украине, помимо непосредственно противоборствующих сторон, вовлечены и страны Запада, которые оказывают значительную поддержку Украине, в том числе и за счет поставок ВВТ. Этот конфликт дал США и их союзникам редкую возможность изучить, как ведут себя их системы ВВТ при интенсивном использовании, какое вооружение наиболее эффективно в условиях современного конфликта. Один источник, близкий к западной разведке, сообщил, что Украина – это «во всех смыслах полигон, так как никогда подобные системы ВВТ не использовались в конфликте между двумя развитыми государствами». Конечно, это в первую очередь справедливо для США, так как они поставляли Украине большое количество различных ВВТ, включая РСЗО, гаубицы, БПЛА, барражирующие боеприпасы и т.д. [1]. Соответственно, стоит ожидать корректировки военной стратегии, а также политики в отношении ВПК на основании опыта военных действий Украины и России.

Конфликт на Украине может стать важной вехой как в развитии военно-промышленного комплекса (ВПК) государств Европейского союза (ЕС), так и в формировании общего военно-промышленного комплекса Европейского союза. Необходимость наращивания производства вооружений и военной техники, приведения их в соответствие требованиям современных конфликтов, а также разработка новых систем требует слаженной и эффективной работы ВПК и увеличения расходов на оборону. Это ставит вопросы о том, насколько государства ЕС способны адаптироваться к новым условиям и как будет развиваться ВПК государств ЕС с учетом текущей ситуации. В этой связи понимание процессов, которые проходят в ЕС, важно и для России, оно дает представление о перспективах поддержки Украины со стороны ЕС.

С начала конфликта на Донбассе, с 2014 по 2021 г., поставки ВВТ из государств ЕС на Украину носили очень ограниченный характер. Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (СИПРИ) для оценки торговли ВВТ использует собственный показатель TIV (Trend indicated value), который отражает поставки не в денежном эквиваленте, а в их себестоимости. Согласно данным СИПРИ, объем поставок из ЕС на Украину составил 97 млн TIV, при общем объеме экспорта ВВТ государствами Евросоюза в 52 822 млн TIV [2]. Поставки ВВТ не носили систематического характера и в основном состояли из бывших в эксплуатации систем и систем советского образца. Информация о составе поставок приведена в табл. 1.

Таблица 1

Поставки ВВТ из Европейского союза на Украину с 2014 по 2021 г.

Страна	Тип ВВТ	Модель ВВТ	Кол-во, шт.	Год поставки
Чехия	БМП	БМП-1АК	50	2018
		БВП-1	37	2020
	САУ	2С1 122 мм	40	2018
		2С1 122 мм	16	2019
Франция	Транспортный вертолет	EC725 Super Cougar	4	2018–2021
	Учебно-тренировочный самолет	L-39ZA	1	2021
Польша	Ударный БПЛА	Warmate	100	2018
	БТР	MT-ЛБ	54	2018–2019
	БМП/БТР	Дозор-Б	24	2020–2021
Великобритания	БТР	AT-105 Saxon	75	2015

Примечание. Данные самостоятельно обработаны автором на основании источника [31].

Таким образом, сложно утверждать, что в этот период страны Европейского союза вооружали Украину и готовили ее к эскалации конфликта на Донбассе.

Все изменилось в конце 2021 г., когда вероятность начала боевых действий между Россией стала рассматриваться как все более реальная, и особенно после их начала.

Поставки ВВТ на Украину после начала СВО

По словам Жозепа Борреля, верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности, на ноябрь 2022 г. объем военной помощи Украине от ЕС и государств-членов составил примерно 8 млрд евро [3]. Эти поставки вклю-

чают в себя не только системы советского образца, а также боеприпасы к ним, но и современные вооружения НАТО и боеприпасы к ним. Например, Франция поставила САУ Caesar и ПТРК Milan.

Также запускаются программы для поставщиков советской техники на Украину по возмещению этих поставок более современными системами. В дополнение к собственным значительным объемам поставок ВВТ Германия предприняла попытки побудить другие государства к поставке тяжелых вооружений на Украину в рамках программы «Ringtausch» («Кольцевой обмен»), по которой государства могут бесплатно получить немецкие системы ВВТ взамен на поставки Украине танков и БМП из собственных запасов [4].

Например, 19 и 21 декабря 2022 г. соответственно состоялись церемонии передачи от Германии вооруженным силам Словакии и Чехии по одному первому танку Leopard 2A4 в рамках заключенных ранее этими странами соглашений на приобретение данных танков в обмен на поставки боевой техники Украине. Все затраты по данным поставкам танков Leopard 2A4 в рамках германской программы «Кольцевого обмена», предполагающей передачу восточноевропейским странам германской военной техники взамен отправленной боевой техники советских образцов Украине, полностью покрываются правительством Германии [5].

Украине уже было поставлено более четырех тысяч бронемашин, артиллерийских систем, летательных аппаратов и других систем ВВТ. И сейчас звучит все больше заявлений от стран НАТО о наращивании поставок. «Последние заявления о поставках тяжелых вооружений важны, и я ожидаю еще больше подобных заявлений в ближайшем будущем» – сообщил Й. Столтенберг. В ответ на вопрос о том, должна ли Германия также перейти к поставкам более тяжелых вооружений, Столтенберг заявил: «Мы в решающей стадии конфликта. Мы ожидаем ожесточенные бои. Поэтому необходимо предоставить Украине вооружения, которые необходимы ей для того, чтобы победить и продолжить существование в качестве независимого государства» [6]. Также Столтенберг выступил со следующим заявлением: «Я призываю союзников делать больше. Превосходство Украины и поражение Путина – это в интересах нашей безопасности» [7].

Ниже приведена информация о поставках ВВТ на Украину, собранная голландским военным аналитическим сайтом Oryx; информация была систематизирована изданием Bloomberg.

Танки:

- членами НАТО, которые входили в советский блок, включая Польшу, Чехию и Словению, было поставлено 410 танков советского образца;

- Великобритания высказала намерение поставить танки Challenger 2;

- Польша начала кампанию по инициированию поставок танков Leopard, реализация этой инициативы ожидается в самое ближайшее время;

- США заявили о скорой поставке танков Abrams.

БТР:

- всего было поставлено 300 машин советского образца, включая 250 БМП, из стран бывшего советского блока;

- Франция анонсировала поставку неуказанного количества AMX-10RC;

- США и Германия заявили, что предоставят 50 машин Bradley и 40 машин Marder соответственно.

БМП:

- всего поставлено 1 100 машин, включая 300 шт. M113 и 250 шт. M117;

- несколько сотен других машин, включая бронированные медицинские машины.

Бронемашинны:

- всего поставлено 925 машин, включая 440 американских M1224 MaxxPros, 90 австралийских

Bushmasters и некоторое количество британских Wolfhound и Mastiff.

Транспортные средства пехоты:

- всего поставлено 1 540 машин, включая 1 250 американских машин Humvee.

Артиллерия:

- 300 буксируемых гаубиц, из которых 210 шт. 155-миллиметровых M777 и 72 шт. 105-миллиметровых гаубиц американского производства;

- более 400 единиц САУ, из которых 180 шт. готовятся к поставке.

РСЗО:

- всего поставлено 95 единиц, включая 38 американских HIMARS и более 40 122-миллиметровых РСЗО советского образца, поставленных из Польши и Чехии.

ПВО:

- 37 немецких самоходных установок Gepard, 8 батарей NASAMS, 4 батареи Patriot, шесть комплексов Стрела-10M из Чехии, 6 Stormer HVM из Великобритании, некоторое количество других ракетных систем земля–воздух из Словакии, Германии, Испании, Франции и Польши.

Летательные аппараты:

- 14 штурмовиков Су-25 российского производства, поставленных из Болгарии, 4 Су-25 из Северной Македонии;

- 20 российских вертолетов Ми17, переданных США, 11 вертолетов советского образца из Чехии, Словакии и Латвии, 3 британских вертолета Sea King, 6 российских вертолетов Камов из Португалии;

- более 30 турецких БПЛА Bayraktar TB2;

- несколько сотен барражирующих боеприпасов Switchblade;

- 415 разведывательных дронов.

Прочие системы:

- Ракеты, оборудование для радиоэлектронной борьбы, беспилотные морские суда, радары и другие системы [8].

Хотя поставки государств ЕС и меньше, чем у США, но они даже к настоящему моменту уже обеспечивают значительный объем, включающий системы различного назначения. При дальнейшей поставке западных танков этот объем будет только увеличиваться.

Самые активные поставки Европейского союза на Украину идут из стран Центральной и Восточной Европы, что обусловлено большим количеством техники советского образца, стоящей у них на вооружении или находящейся на хранении. Именно эта техника является наиболее подходящей для ВС Украины, так как есть опыт работы с ней. Объем поставок составил около 300 млн евро, Польша же направила военной помощи на Украину в размере 1,8 млрд евро [9].

Увеличение объемов производства ВВТ в ЕС как реакция на конфликт на Украине

Наращивание производства ВВТ должно обеспечить развитие ВПК государств Восточной и Централь-

ной Европы как для восполнения собственных запасов, так и для новых поставок на Украину. Конечно, база ВПК этих государств в большей степени закладывалась в период холодной войны на основании советских технологий, но их продукция до сих пор востребована, а они занимаются ее доработкой до стандартов НАТО. В связи с этим предприятия регионов могут быть успешно вовлечены в общий ВПК Европейского союза.

В Венгрии запланировано строительство нового завода по производству взрывчатых веществ (гексогена). Необходимые производственные технологии будут переданы компанией Rheinmetall Denel Munition Pty (Ltd). В соответствии с контрактом, подписанным 15 сентября 2022 г., новый завод будет строиться и функционировать в рамках совместного предприятия Rheinmetall (Германия) и венгерской государственной компании N7 Holding. Контракт оценивается в несколько сотен миллионов евро [10]. В настоящее время стадия планирования уже закончена, проект будет запущен в 2023 г., а производство начнется в 2027 г. Взрывчатые вещества, производимые на заводе, могут быть использованы для артиллерийских, танковых, минометных боеприпасов и т.д.

Компании Восточной и Центральной Европы уже сейчас заявляют о значительных инвестициях в развитие производства. Польский консорциум PGZ планирует в следующий десятилетний период вложения на уровне 1,8 млрд долл. США, что в два раза выше показателей, которые предполагались до конфликта на Украине. Значительно увеличиваются производства различных систем, например в 2023 г. PGZ планирует произвести 1 000 шт. ПЗРК, тогда как в 2022 г. их было произведено 600 шт., а в 2021 – 300 шт. Вследствие стремительного роста поставок показатели экспорта Чехии в 2022 г. значительно выросли (самые высокие с 1989 г.): ВПК этого государства получает такой импульс к развитию, которого не было уже 30 лет. В связи с этим чешская компания STV Group планирует запустить новые линии по производству боеприпасов малых калибров, а также расширить возможности по выпуску боеприпасов больших калибров [11].

Потенциальные возможности и ограничения для поставок ВВТ на Украину

В целом ВПК государств ЕС оказались не готовы к обеспечению военных действий масштаба текущего конфликта. Значительные проблемы для военно-промышленных комплексов государств ЕС создают поставки боеприпасов на Украину, запасы которых очень быстро истощаются. Так, по словам Камилля Гранда, эксперта Европейского совета по международным отношениям, за день на Украине используется столько же боеприпасов, сколько в Афганистане за месяц. Например, запасов бундсвера хватает только на два дня ведения боевых действий, о необходимости увеличения до стандартов НАТО (30 дней ведения боевых действий) заявляли министры обороны Германии начиная с 2014 г. И подобные проблемы касаются не только Германии [12].

Это становится сигналом для ВПК: в ближайшем будущем будут заключаться долгосрочные контракты, поэтому требуется повышение производственных возможностей. Более того, по состоянию на февраль 2022 г. арсеналы некоторых государств были заполнены менее чем наполовину [13].

Фактически ВПК государств ЕС работали в режиме мирного времени. Их главной проблемой было то, что они могли производить сложные системы в небольших количествах. В текущих условиях требуется увеличение выпуска продукции. В связи с этим Франция, как один из главных сторонников идеи стратегической автономности, скорректировала эту концепцию. Во время выставки Eurosatory летом 2022 г. Макрон заявил о необходимости «военной экономики» для ЕС [14]. Об этом говорят и другие официальные лица ЕС. Исполнительный директор Европейского оборонного агентства (ЕОА) Иржи Шедивы во время Дня европейских оборонных инноваций заявил: «агрессия России на Украине ярко демонстрирует, что нам срочно необходимо укреплять европейскую оборону». Ж. Боррель отметил: «Нам необходимо заниматься инновациями, или же мы рискуем потерять актуальность в сфере безопасности и обороны» [15].

К настоящему моменту европейские арсеналы систем советского образца подошли к исчерпанию, соответственно, дальнейшие возможности поставок ВВТ на Украину базируются на предоставлении ей более сложных европейских систем [16]. К тому же подобные поставки ведут к эскалации конфликта, а также являются угрозой для обороноспособности ЕС. Кроме того, для эксплуатации западных ВВТ потребуются обучение персонала, модернизация инфраструктуры ВС Украины, особенно в части обеспечения ремонта и обслуживания такой техники, а также получения боеприпасов. Также существуют риски того, что западная техника окажется недостаточно эффективной, так как еще не использовалась в условиях современной войны, а это может стать значительным ударом по перспективе продаж подобных систем.

Отдельные образцы западных ВВТ уже поступают Украине (например, ПВО, транспортные средства ограниченной боевой мощи), что уже упоминалось выше, но это техника, которая не дает возможности вести крупномасштабные наступательные операции. Однако даже поставки подобных систем начали иметь долгосрочный характер. Например, Rheinmetall изготавливает два комплекса ПВО Skynex для Украины. Компания подтвердила это, но не назвала страну получателя. По данным правительственных источников, это Украина. Поставка систем запланирована на начало 2024 г. Ожидается, что расходы возьмет на себя федеральное правительство [17].

До недавнего времени поставки западных наступательных вооружений были крайне ограничены. Решение о поставке танков должно изменить эту тенденцию. Для ЕС поставки подобных систем, с учетом того что они возможны только из ее наличия у собственных вооруженных сил и требуют замещения, сопряжены с определенными рисками. Причины нежелания давать разрешение на поставки немецких танков на Украину до сих пор

назывались немецким правительством довольно уклончиво. Однако существует мнение, чем это обусловлено: танки, поставленные из наличия военной техники у вооруженных сил государств ЕС, могут быть заменены американскими танками. Таким образом, это может ослабить Германию как конкурента США на рынке ВВТ Европейского союза, на котором США уже имеют серьезные позиции в части поставок вертолетов, истребителей и ракет.

При большем оснащении ВС государств ЕС американскими ВВТ их будет проще интегрировать в возглавляемые США военные коалиции. Нарастание производства ВВТ снижает их цену как для экспортных поставок, так и для Пентагона. Кроме того, это позволит компаниям ВПК вкладывать большие средства в совершенствование систем ВВТ. Обратный эффект же будет затрагивать ВПК Германии и отрицательно влиять на ВПК всего ЕС.

Долгие годы сокращения бюджетов бундесвера уменьшали возможности по закупке новых ВВТ, что вело к снижению производственных возможностей компаний ВПК, включая производителей танков Leopard 2. Танки Leopard 2 практически не производились в промышленном объеме, что увеличивало их стоимость и сроки производства. Это казалось естественным ходом событий, так как весь мир говорил о беспилотной войне, кибервойне, где роль танков значительно снижалась [18].

Однако затем последовал конфликт на Украине, и не только бундесвер, но и другие западные ВС поняли, что они слишком сильно сократили свои возможности. Важным аспектом для дальнейших поставок на Украину рассматривается необходимость совместной их организации, что, вероятно, обусловлено невозможностью передачи требуемого объема ВВТ отдельными государствами без рисков для обеспечения собственной обороны и безопасности. Это также ставит вопрос о необходимости выработки механизмов для замещения поставок.

Для передачи танков из без того скудных арсеналов необходима поставка им на замену, что потребует много времени. При этом поставки на Украину – это возможность для модернизации ВС государств ЕС, так как многие теряющие актуальность системы уже требуют замены, например танки (Leopard 2A4), БМП и БТР (Marder). Это замещение могло бы быть осуществлено за счет собственного ВПК, но вышеуказанные проблемы оказывают негативное влияние на перспективы ВПК Европейского союза. Ситуация с поставкой корейских и американских танков в Польшу отражает текущие проблемы ограниченных производственных мощностей ВПК Европейского союза. Подобные проблемы касаются многих систем ВВТ и могут стать вызовом для ВПК Европейского союза, что требует совместных усилий государств-членов в направлении сохранения перспектив устойчивого развития для ВПК.

Политика ЕС в сфере безопасности и обороны и СВО

Даже с учетом существующих проблем текущая ситуация обеспечивает возможность для развития

общего ВПК государств ЕС, тем более что имеется значительный потенциал для этого, а также принимаются конкретные шаги уже на уровне ЕС. В марте 2022 г. была принята первая оборонная стратегия ЕС – «Стратегический компас» (Strategic Compass), которая имеет знаковый характер для всей сферы безопасности и обороны союза. Ее разработка и выход совпали с началом СВО на Украине, что имеет отражение в ее тексте. Россия рассматривается в качестве одной из главных угроз безопасности ЕС, а нынешняя ситуация требует от союза укрепления обороноспособности, а также поддержки Украины в виде поставок ВВТ. Все это способствует милитаризации ЕС и обеспечивает наращивание как собственной военной мощи, так и поставок ВВТ на Украину.

ЕС видит необходимым развитие военного потенциала: увеличение эффективности операций, наращивание возможностей по развертыванию сил быстрого реагирования, укрепление штабных и командных структур. Вместе с тем внимание уделяется и вопросам безопасности, включая развитие возможностей разведки и противодействия гибридным угрозам и угрозам в киберпространстве. Также отмечается необходимость укрепления возможностей в аэрокосмической и морской сферах. Важный аспект обеспечения безопасности и обороны – это взаимодействие с партнерами как в рамках многосторонних (например, НАТО, ОБСЕ и АСЕАН), так и двусторонних (например, с США, Норвегией, Канадой, Великобританией и Японией).

Один из разделов «Стратегического компаса» посвящен финансированию и развитию ВПК. Так, в «Стратегическом компасе» фиксируется приоритет на увеличение финансирования ВПК и эффективность расходования этих средств, устранение пробелов в технологиях и системах, снижение технологической и промышленной зависимости. Всего этого планируется добиться за счет общих усилий государств-членов, а также использования уже действующих программ, включая PESCO и EDF. При этом важная роль отводится ЕОА [19].

Более того, государствами ЕС принято решение об увеличении военных расходов. Во-первых, необходимость их значительного увеличения была отмечена на неформальном саммите глав государств ЕС, который прошел в Версале с 10 по 11 марта 2022 г. [20], а также зафиксирована в заключениях по результатам встречи Европейского совета 24–25 марта 2022 г., где одним из ключевых пунктов для обеспечения безопасности и обороны упомянуты увеличенные и более эффективные инвестиции в данную сферу [21]. Во-вторых, на саммите НАТО, который прошел в Брюсселе 24 марта 2022 г., главы государств – членов Альянса приняли решение о необходимости более активных усилий в направлении достижения уровня военных расходов не менее 2% от ВВП [22].

В ноябре 2022 г. Ж. Боррель заявил о необходимости увеличения военных расходов союза на 70 млрд евро, что обеспечит необходимую поддержку военного потенциала в условиях угрозы со стороны России. Также он призвал фокусироваться на совместных проектах и совместных закупках для ВС [23].

Обычно военные действия становятся стимулом для развития европейских оборонных инициатив. Например, начало военного конфликта на Украине в 2014 г. ускорило принятие целого ряда инициатив, включая PESCO и EDF. Так, вероятно, будет и сейчас. Еще в апреле 2022 г. ряд аналитиков заявляли о необходимости создания европейского фонда оборонных закупок, который бы действовал по принципу EDF и дополнял его. Из подобного фонда могли бы выделяться субсидии на совместную закупку ВВТ, с учетом зафиксированной ЕС или НАТО необходимости в закупаемых системах, заинтересованности нескольких государств в закупках, а также закупки ВВТ, произведенных в ЕС. Совместные закупки уже реализуются отдельными странами, например Бельгией и Францией в части закупки бронетранспортеров. Такая закупка также несет и положительные побочные эффекты для развития сотрудничества между ВС: совместное обучение, совместные учения и выработка совместной доктрины [24]. Однако к настоящему же моменту инвестиции в совместные оборонные проекты не являются нормой для государств ЕС. Более того, уровень подобных инвестиций уменьшается: в 2019 г. они снизились на 13% и достигли минимального уровня, которого не было до 2005 г. [25. Р. 154].

Шаги в направлении совместных закупок уже приняты, и они соответствуют тем предложениям, которые выдвигали эксперты. Европейский парламент и Европейский совет в июле 2022 г. учредили инициативу «Укрепление европейской оборонной промышленности через акт о совместных закупках» (European Defence Industry Reinforcement through common Procurement Act; EDIRPA) на 2022–2024 гг. в размере 500 млн евро. Этот инструмент должен создать стимул государствам — членам ЕС к совместной закупке необходимых ВВТ. Субсидии будут выдаваться при выполнении следующих условий: закупка не менее чем тремя государствами; закупка срочно необходимых критически важных ВВТ; в поставке участвуют компании ВПК государств Европейского союза [26].

В перспективе программа субсидирования совместных закупок могла бы развиваться до закупок для собственных военных нужд ЕС. Таким образом, совместные закупки могут стать новой вехой и отправной точкой для настоящей военной интеграции ЕС.

С учетом вышеизложенных фактов можно считать, что у Европейского союза есть потенциал для успешного развития общего ВПК. Конечно, существуют определенные сложности, связанные с выходом Великобритании из его состава, недостаточной заинтересованностью отдельных государств в интеграционных процессах в сфере ВПК и ограниченными текущими возможностями по массовому выпуску ВВТ. Однако необходимость адекватной реакции на конфликт на Украине, включая ускорение процессов производства ВВТ, что уже происходит, требует от ЕС решительных шагов в данном направлении. При этом у ЕС уже есть необходимый инструментарий, фактически институциональная база для интеграции ВПК уже существует и совершенствуется за счет новых инициатив, например, EDIRPA.

Перспективы дальнейшей поддержки Украины в сфере поставок ВВТ

Поставки ВВТ на Украину сейчас носят оперативный характер, доставка ВВТ требуется в сжатые сроки. Развернуть производство сложной техники с поставкой в течение нескольких месяцев является проблематичной задачей для ВПК любого государства. Годы функционирования ВПК государств ЕС в режиме мирного времени сократили производственные возможности государств ЕС. Конечно, ситуация, в которой работали компании, требовала именно такого подхода, поэтому ВПК государств ЕС не были готовы к резкому наращиванию производства продукции в 2022 г., но сейчас необходима перестройка и мобилизация ресурсов.

Важным аспектом поставок ВВТ на Украину является обеспечение обслуживания и ремонта техники, которые в настоящее время проводятся на Украине не могут в силу объективных причин, особенно из-за отсутствия соответствующего опыта и производственных мощностей. Уже сейчас разворачиваются ремонтные цеха на территории сопредельных с Украиной государств, например Польши, поэтому возможности для решения подобных задач у ЕС есть. Также необходимым аспектом эксплуатации западных систем является проведение обучения украинских экипажей, которые будут их эксплуатировать, что будет для ЕС проще, чем обеспечение ремонта и обслуживания.

К настоящему моменту наиболее перспективная мера поддержки Украины в части обеспечения ее вооруженных сил необходимыми ВВТ — это поставка из наличия вооружения и военной техники у ВС государств Европейского союза. С учетом оснащения ВС Украины ВВТ советского образца актуальной видятся поставки польских танков РТ-91, румынских танков TR-85, югославских танков М-84, а также еще имеющихся в наличии Т-72, которые могут практически сразу использоваться ВС Украины, так как они имеют необходимый опыт. Однако объем возможных поставок этих танков ограничен. В связи с этим также возможна поставка танков Leopard из наличия их у вооруженных сил государств ЕС с последующим замещением поставок за счет производства новых танков на территории ЕС.

Анализ стоящих на вооружении ВС государств Евросоюза танков показывает, что основу их составляют танки Leopard различных модификаций, включая танки, являющиеся локализованными версиями Leopard (например, итальянский C1 Ariete и шведский STRV 122). Соответственно, можно предположить, что наращивание производства танков внутри ЕС возможно лишь за счет танков Leopard, которые могут производиться на нескольких производственных площадках, включая Германию, Италию, Испанию и Швецию. Однако оценить текущие объемы и потенциал их производства в Европейском союзе крайне проблематично. Если рассматривать, танки Leopard, то в период с 2010 по 2022 г. на экспорт было поставлено всего 62 танка, поставка

еще 44 танков планировалась на 2022–2025 гг. Остальные сделки представляют собой либо модернизацию имеющихся у заказчиков танков, либо поставку бывших в эксплуатации машин. Похожие проблемы существуют и с артиллерийскими системами и ПВО.

Также, помимо поставок из наличия военной техники у ВС государств ЕС и новой техники, произведенной специально для этих нужд, возможны поставки ВВТ, которые находятся в собственности частных компаний. Это зачастую снятые с эксплуатации системы, которые находятся на хранении и требуют модернизации. Например, правительство Дании заявило о возможностях закупки у немецкой компании Flensburger Fahrzeugbau Gesellschaft, дальнейшей модернизации и передачи Украине танков Leopard 1A5-DK, которые находятся на хранении у этой компании [27]. В наличии у бельгийской компании OIP Land Systems на хранении находятся около 500 бронемашин, включая танки, самоходные зенитные установки и БТР, что делает ее одним из крупнейших частных arsenалов Европы. Руководство компании заинтересовано в продаже систем на Украину, что может быть реализовано по схожей с упомянутой выше схеме [28].

Вероятно, наибольшие перспективы по увеличению производства существуют в части поставок боеприпасов. Государства Восточной и Центральной Европы, например Болгария, обладают значительными мощностями в этой сфере. Кроме того, как уже упоминалось ранее, планируется запуск новых линий производства, например в Чехии, и строительство новых заводов, как в Венгрии. Также более оптимистичная ситуация с БТР, БМП и другими бронемашинами, так как Европейский союз обладает значительными возможностями по их производству, что подтверждается существенными объемами экспортных поставок подобной техники.

Поставки ВВТ на Украину и их влияние на оборонно-промышленный комплекс государств ЕС

В настоящее время производственные возможности предприятий ВПК государств Европейского союза недостаточны, но есть возможности для их расширения, что подтверждается увеличением объема производства компаний Восточной и Центральной Европы. Также у государств ЕС есть потенциал для переориентации экспортных поставок на внут-

ренний рынок и на поддержку Украины. Кроме того, заказы ВВТ для собственных ВС могут быть перенаправлены на Украину. В любом случае сектор ВПК заинтересован в новых заказах, поэтому будут приняты соответствующие усилия для наращивания объемов выпуска продукции. В среднесрочной и долгосрочной перспективе, особенно с учетом действия и развития программ, направленных на совместные разработки, производство и закупку ВВТ, Европейский союз способен обеспечить собственные вооруженные силы необходимыми ВВТ, а также имеет возможность для поставки на экспорт, в том числе и на Украину.

В поставке техники из arsenалов государств ЕС на Украину, вероятно, заинтересованы и ВС государств ЕС, так как на замену поставленных ВВТ будут закуплены более современные образцы. Кроме того, Украина становится полигоном, на котором можно испытать новые системы ВВТ и оценивать их реальную эффективность. В связи с этим можно ожидать поставки новейших систем (например, БПЛА, роботизированных наземных систем, барражирующих боеприпасов и т.д.).

Главным ограничением для расширения поставок является необходимость их замещения за счет наращивания производства или импорта. Конечно, системы на замену, для удовлетворения краткосрочных потребностей ВС, могут быть приобретены, например, в Корее или США, но это может стать негативным фактором для развития ВПК Европейского союза, хотя в текущей ситуации существует вероятность, что приниматься во внимание подобные факторы не будут.

Конфликт на Украине и военные расходы государств ЕС

Увеличение военных расходов всего четырех стран ЕС (Германии, Испании, Италии и Нидерландов) до 2% от ВВП, которое ставится целью, позволит покрыть большую часть необходимого увеличения военных расходов, заявленного Ж. Боррелем. Информация по перспективным объемам роста военных расходов вышеуказанных стран приведено в табл. 2. Кроме того, Польша планирует удвоить свои военные расходы, которые должны достичь 28 млрд евро в 2023 г. [29], что обеспечит значительный прирост этого показателя по ЕС в целом. Таким образом, увеличение военных расходов ЕС видится вполне реалистичным, особенно с учетом направленности ЕС на повышение своего потенциала в сфере безопасности и обороны.

Таблица 2

Военные расходы Германии, Испании, Италии и Нидерландов в 2021 г.

	Германия	Испания	Италия	Нидерланды
Военные расходы в млн долл. США	56 017	19 544	32 006	13 752
Военные расходы в процентах от ВВП	1,34	1,37	1,52	1,42
Военные расходы при увеличении до 2% от ВВП, млн долл. США	83 607	28 531	42 113	19 369

Примечание. Данные самостоятельно обработаны автором на основании источника [30].

Военные расходы Украины в 2021 г. составляли всего 5,4 млрд долл. США, а России 63 млрд долл. США [30]. Поддержка западных государств вполне

может обеспечить паритет военного потенциала Украины и России. Очевидно, что перспективное увеличение военных расходов государств ЕС будет

направлено не только на помощь Украине, но в первую очередь на модернизацию собственных ВС, однако в этом случае Украине могут быть поставлены заменяемые системы ВВТ, даже если поставка новых систем ВВТ собственным вооруженным силам будет запланирована через несколько лет. К тому же стоит отметить запуск программы совместной закупки ВВТ государствами ЕС, которая будет субсидироваться из бюджета союза, и пакеты военной помощи Украине, также обеспеченные за счет средств союза. Все это дает возможности для государств-членов как для развития и поддержания собственного военного потенциала, так и для продолжения поддержки Украины. Прямой конфликт между государствами ЕС и Россией маловероятен, поэтому государства-члены могут планировать обновление собственных ВС на перспективу, сконцентрировавшись на поддержке Украины, которая в настоящее время обеспечивает сдерживание России, что отвечает интересам ЕС.

Конечно, государства ЕС могут и не достичь заявленных Ж. Боррелем показателей, однако необходимость этого, как упоминалось ранее, была зафиксирована на неформальном саммите глав государств ЕС в Версале, в заключениях по результатам встречи Европейского совета, а также на саммите НАТО в Брюсселе. Таким образом, особенно с учетом примера Польши, можно считать, что перспективы для выполнения этих целей есть, а значит, есть они и для продолжения поддержки Украины.

Выводы

Маловероятно, что ЕС в ближайшей перспективе сократит поддержку Украины, ведь в оборонной стратегии ЕС значительное внимание уделяется конфликту на Украине и конфронтации с Россией. Соответственно, поддержка Украины рассматривается как возможность для снижения военного потенциала России, а значит, и обеспечения обороны и безопасности ЕС без прямого участия в конфликте.

Совместные поставки ВВТ на Украину государствами ЕС могут снизить негативные последствия для ВС государств Европейского союза, так как поставка не-

большого количества ВВТ несколькими государствами обеспечивает необходимый объем поддержки Украины, при этом незначительно снижая военный потенциал отдельных государств. В связи с этим стоит ожидать расширения инициатив подобных «танковой коалиции».

Совокупные поставки стран НАТО, в первую очередь США, а также государств ЕС могут обеспечить необходимый объем поддержки Украины как в части текущих потребностей, так и дальнейшего перевооружения. В этой связи определяющим видится желание США продолжать поддержку Украины, в одиночку ЕС продолжать ее будет способен только в ограниченном объеме, которого определенно будет недостаточно для удовлетворения потребностей ВС Украины.

С одной стороны, поставки Украине – это шанс для ВПК Европейского союза, а с другой – они усиливают противоречия между государствами-членами и способствуют закупкам у сторонних поставщиков, в первую очередь США. В такой ситуации проблема достижения стратегической автономности встает все сильнее. ЕС нужно предпринимать значительные усилия, чтобы защитить свой ВПК. Многие аспекты функционирования и развития общего ВПК будут зависеть от единства государств-членов в вопросе развития интеграции Европейского союза в сфере ВПК.

Таким образом, можно считать, что в настоящее время ЕС политически мотивирован продолжить поставки ВВТ на Украину, а также имеет все возможности для их наращивания, особенно при условии мобилизации собственного ВПК на решение этих задач, в чем будут заинтересованы как сами предприятия сектора, так и государства, в которых они расположены. Сокращение поставок возможно только в том случае, если преимущество России в конфликте станет таким, что у Украины не останется перспектив для дальнейшего ведения боевых действий. При этом необходимо понимать, что Европейскому союзу для увеличения производства и объема поставок ВВТ на Украину требуется время. Напротив, военно-промышленный комплекс России уже мобилизует свои ресурсы, выпуск ВВТ постоянно наращивается, соответственно, ее ВС находятся в более выгодном положении, поэтому Россия имеет все возможности для успешного достижения всех целей и задач СВО.

Список источников

1. Bo Lillis K., Liebermann O. How Ukraine became a testbed for Western weapons and battlefield innovation // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2023/01/15/politics/ukraine-russia-war-weapons-lab/index.html> (дата обращения: 06.02.2023).
2. SIPRI Arms Transfers Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 06.02.2023).
3. Foreign Affairs Council (Defence): Press remarks by High Representative Josep Borrell after the meeting // European Union External Action. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/foreign-affairs-council-defence-press-remarks-high-representative-josep-borrell-after-meeting_en (дата обращения: 06.02.2023).
4. Mitzer S., Oliemans J. Flawed But Commendable: Germany's Ringtausch Programme // Oryx. [S. 1.], 2022. URL: <https://www.oryxspioenkop.com/2022/09/flawed-but-commendable-germanys.html> (дата обращения: 06.02.2023).
5. Словакия и Чехия получили первые танки Leopard 2A4 // BMPD Live Journal. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4635435.html> (дата обращения: 06.02.2023).
6. NATO chief hints at more heavy weapons deliveries to Ukraine // Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/15/nato-chief-expects-more-heavy-weapons-deliveries-to-ukraine> (дата обращения: 06.02.2023).
7. NATO's Stoltenberg calls for more weapons for Ukraine // Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/natos-stoltenberg-calls-for-more-weapons-for-ukraine/> (дата обращения: 06.02.2023).
8. Winfrey M. Ukraine Seeks Weapons to Beat Back Russia: Here's What It's Got // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-15/ukraine-seeks-weapons-to-beat-back-russia-here-s-what-it-s-got> (дата обращения: 06.02.2023).
9. Ukraine Support Tracker // The Kiel Institute for the World Economy. URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/?cookieLevel=not-set> (дата обращения: 06.02.2023).

10. Rheinmetall wins triple-digit million-euro contract for explosives factory in Várpalota, Hungary // Rheinmetall. URL: https://www.rheinmetall.com/en/rheinmetall_ag/press/news/latest_news/index_37312.php (дата обращения: 06.02.2023).
11. Weapons industry booms as Eastern Europe arms Ukraine // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/weapons-industry-booms-eastern-europe-arms-ukraine-2022-11-24/> (дата обращения: 06.02.2023).
12. Gressel G. More tortoise, less hare: How Europeans can ramp up military supplies for Ukraine in the long war // The European Council on Foreign Relations. URL: <https://ecfr.eu/article/more-tortoise-less-hare-how-europeans-can-ramp-up-military-supplies-for-ukraine-in-the-long-war/> (дата обращения: 06.02.2023).
13. U.S. and NATO Scramble to Arm Ukraine and Refill Their Own Arsenals // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/26/world/europe/nato-weapons-shortage-ukraine.html> (дата обращения: 06.02.2023).
14. Gridneff I. Why Europe's defense industry can't keep up // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-defense-military-industry-keep-up-demands/> (дата обращения: 06.02.2023).
15. Ni Bhriain N. The military-industrial complex cashing-in on the Ukraine war // Euobserver. URL: <https://euobserver.com/opinion/156518> (дата обращения: 06.02.2023).
16. Kirby J. Can Europe keep supplying Ukraine with weapons // Vox. URL: <https://www.vox.com/world/2022/9/17/23355120/ukraine-wants-more-weapons-can-europe-provide> (дата обращения: 06.02.2023).
17. Murphy M. Rheinmetall baut neue Skynex-Flugabwehr für die Ukraine // Handelsblatt. URL: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/ruestungsindustrie-rheinmetall-baut-neue-skynex-flugabwehr-fuer-die-ukraine/28859200.html> (дата обращения: 06.02.2023).
18. Seliger M. Deutsche Panzerdebatte: Welche Rolle spielen amerikanische Rüstungsinteressen? // Neue Zürcher Zeitung. URL: <https://www.nzz.ch/international/kampfpanzer-leopard-2-us-ruestungsinteressen-lassen-scholz-zoegern-ld.1722377> (дата обращения: 06.02.2023).
19. A Strategic Compass for Security and Defence // European External Action Service. P. 64. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
20. The Versailles declaration // Council Of The European Union. P. 10. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (дата обращения: 06.02.2023).
21. European Council conclusions, 24–25 March 2022 // Council Of The European Union. P. 11. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/55082/2022-03-2425-euco-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 06.02.2023).
22. Statement by NATO Heads of State and Government // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_193719.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 06.02.2023).
23. Europe must steer more military spending to joint projects -EU defence agency // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/europe-must-steer-more-military-spending-joint-projects-eu-defence-agency-2022-11-15/> (дата обращения: 06.02.2023).
24. Haroche P. Weaponising Europe: Why EU should buy arms for its states // EUobserver. URL: <https://euobserver.com/opinion/154761> (дата обращения: 06.02.2023).
25. Fiott D. The Fog of War: Russia's War on Ukraine, European Defence Spending and Military Capabilities // Intereconomics. 2022. Vol. 57 (3). P. 152–156.
26. Defence industry: EU to reinforce the European defence industry through common procurement with a €500 million instrument // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_4491154761 (дата обращения: 06.02.2023).
27. Rasmussen P.E. FFG i Flensborg kan have 20 kampvogne af typen Leopard 1A5 klar på tre måneder // OLF. URL: <https://olfi.dk/2023/02/01/ffg-i-flensborg-kan-have-20-kampvogne-af-typen-leopard-1a5-klar-paa-tre-maaneder/> (дата обращения: 06.02.2023).
28. Sauer P. Belgian buyer of Europe's spare tanks hopes they see action in Ukraine // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/31/ukraine-europe-tanks-belgian-buyer-oip> (дата обращения: 06.02.2023).
29. Onosko M. Poland Will Double Military Spending as War in Ukraine Rages // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-30/poland-will-double-military-spending-as-war-in-ukraine-rages> (дата обращения: 06.02.2023).
30. SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (дата обращения: 06.02.2023).
31. Trade registers // SIPRI. URL: https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Lillis, K.B. & Liebermann, O. (2023) *How Ukraine became a testbed for Western weapons and battlefield innovation*. CNN. [Online] Available from: <https://edition.cnn.com/2023/01/15/politics/ukraine-russia-war-weapons-lab/index.html> (Accessed: 06.02.2023).
2. SIPRI. (2023) SIPRI Arms Transfers Database. SIPRI. [Online] Available from: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (Accessed: 06.02.2023).
3. European Union External Action. (2022) Foreign Affairs Council (Defence): Press remarks by High Representative Josep Borrell after the meeting. *European Union External Action*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/foreign-affairs-council-defence-press-remarks-high-representative-josep-borrell-after-meeting_en (Accessed: 06.02.2023).
4. Mitzer, S. & Oliemans, J. (2022) Flawed But Commendable: Germany's Ringtausch Programme. *Oryx*. [Online] Available from: <https://www.oryxspioenkop.com/2022/09/flawed-but-commendable-germanys.html> (Accessed: 06.02.2023).
5. BMPD. (2022) Slovakia i Chekhiya poluchili pervye tanki Leopard 2A4 [Slovakia and the Czech Republic received the first Leopard 2A4 tanks]. *Live Journal*. 27 December. [Online] Available from: <https://bmpd.livejournal.com/4635435.html> (Accessed: 06.02.2023).
6. Al Jazeera. (2023) NATO chief hints at more heavy weapons deliveries to Ukraine. *Al Jazeera*. [Online] Available from: <https://www.aljazeera.com/news/2023/1/15/nato-chief-expects-more-heavy-weapons-deliveries-to-ukraine> (Accessed: 06.02.2023).
7. Euractiv. (2022) NATO's Stoltenberg calls for more weapons for Ukraine. *Euractiv*. [Online] Available from: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/natos-stoltenberg-calls-for-more-weapons-for-ukraine/> (Accessed: 06.02.2023).
8. Winfrey, M. (2023) Ukraine Seeks Weapons to Beat Back Russia: Here's What It's Got. *Bloomberg*. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-15/ukraine-seeks-weapons-to-beat-back-russia-here-s-what-it-s-got> (Accessed: 06.02.2023).
9. The Kiel Institute for the World Economy. (2022) Ukraine Support Tracker. *The Kiel Institute for the World Economy*. [Online] Available from: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/?cookieLevel=not-set> (Accessed: 06.02.2023).
10. Rheinmetall. (2023) Rheinmetall wins triple-digit million-euro contract for explosives factory in Várpalota, Hungary. *Rheinmetall*. 3 January. [Online] Available from: https://www.rheinmetall.com/en/rheinmetall_ag/press/news/latest_news/index_37312.php (Accessed: 06.02.2023).
11. Reuters. (2022) Weapons industry booms as Eastern Europe arms Ukraine. *Reuters*. 24 November. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/world/europe/weapons-industry-booms-eastern-europe-arms-ukraine-2022-11-24/> (Accessed: 06.02.2023).
12. Gressel, G. (2022) More tortoise, less hare: How Europeans can ramp up military supplies for Ukraine in the long war. *The European Council on Foreign Relations*. 4 November. [Online] Available from: <https://ecfr.eu/article/more-tortoise-less-hare-how-europeans-can-ramp-up-military-supplies-for-ukraine-in-the-long-war/> (Accessed: 06.02.2023).
13. The New York Times. (2022) U.S. and NATO Scramble to Arm Ukraine and Refill Their Own Arsenals. *The New York Times*. 26 November. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2022/11/26/world/europe/nato-weapons-shortage-ukraine.html> (Accessed: 06.02.2023).

14. Gridneff, I. (2022) Why Europe's defense industry can't keep up. *Politico*. 11 October. [Online] Available from: <https://www.politico.eu/article/europe-defense-military-industry-keep-up-demands/> (Accessed: 06.02.2023).
15. Bhriain, N.A.N. (2022) The military-industrial complex cashing-in on the Ukraine war. *Euobserver*. 7 December. [Online] Available from: <https://euobserver.com/opinion/156518> (Accessed: 06.02.2023).
16. Kirby, J. (2022) Can Europe keep supplying Ukraine with weapons. *Vox*. 17 September. [Online] Available from: <https://www.vox.com/world/2022/9/17/23355120/ukraine-wants-more-weapons-can-europe-provide> (Accessed: 06.02.2023).
17. Murphy, M. (2022) Rheinmetall baut neue Skynex-Flugabwehr für die Ukraine. *Handelsblatt*. 9 December. [Online] Available from: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/ruestungsindustrie-rheinmetall-baut-neue-skynex-flugabwehr-fuer-die-ukraine/28859200.html> (Accessed: 06.02.2023).
18. Seliger, M. (2023) Deutsche Panzerdebatte: Welche Rolle spielen amerikanische Rüstungsinteressen? *Neue Zürcher Zeitung*. 22 January. [Online] Available from: <https://www.nzz.ch/international/kampfpanzer-leopard-2-us-ruestungsinteressen-lassen-scholz-zoegern-ld.1722377> (Accessed: 06.02.2023).
19. European External Action Service. (2023) *A Strategic Compass for Security and Defence*. P. 64. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (Accessed: 06.02.2023).
20. Council Of The European Union. (2022) *The Versailles declaration*. P. 10. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (Accessed: 06.02.2023).
21. Council Of The European Union. (2022) *European Council Conclusions*. 24–25 March 2022. P. 11. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/media/55082/2022-03-2425-euco-conclusions-en.pdf> (Accessed: 06.02.2023).
22. North Atlantic Treaty Organization. (2022) *Statement by NATO Heads of State and Government*. 24 March 2022. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_193719.htm?selectedLocale=en (Accessed: 06.02.2023).
23. Reuters. (2022) Europe must steer more military spending to joint projects -EU defence agency. *Reuters*. 15 November. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/world/europe/europe-must-steer-more-military-spending-joint-projects-eu-defence-agency-2022-11-15/> (Accessed: 06.02.2023).
24. Haroche, P. (2022) Weaponising Europe: Why EU should buy arms for its states. *EUobserver*. 21 April. [Online] Available from: <https://euobserver.com/opinion/154761> (Accessed: 06.02.2023).
25. Fiott, D. (2022) The fog of war: Russia's war on Ukraine, European defence spending and military capabilities. *Intereconomics*. 3 (57). pp. 152–156.
26. European Commission. (2022) Defence industry: EU to reinforce the European defence industry through common procurement with a €500 million instrument. *European Commission*. 19 July. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_4491154761 (Accessed: 06.02.2023).
27. Rasmussen, P.E. (2023) FFG i Flensborg kan have 20 kampvogne af typen Leopard 1A5 klar på tre måneder. *OLFI*. 1 February. [Online] Available from: <https://olfi.dk/2023/02/01/ffg-i-flensborg-kan-have-20-kampvogne-af-typen-leopard-1a5-klar-paa-tre-maaneder/> (Accessed: 06.02.2023).
28. Sauer, P. (2023) Belgian buyer of Europe's spare tanks hopes they see action in Ukraine. *The Guardian*. 31 January. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/31/ukraine-europe-tanks-belgian-buyer-oip> (Accessed: 06.02.2023).
29. Onoszko, M. (2022) Poland Will Double Military Spending as War in Ukraine Rages. *Bloomberg*. 30 August. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-30/poland-will-double-military-spending-as-war-in-ukraine-rages> (Accessed: 06.02.2023).
30. SIPRI. (n.d.) *SIPRI Military Expenditure Database*. [Online] Available from: <https://milex.sipri.org/sipri> (Accessed: 06.02.2023).
31. SIPRI. (n.d.) *Trade registers*. [Online] Available from: https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (Accessed: 06.02.2023).

Информация об авторах:

Тимошенко А.Г. — канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

Сероштанов К.В. — канд. ист. наук, зам. начальника отдела внешнеэкономических связей и военно-технического сотрудничества акционерного общества «Новосибирский приборостроительный завод» (Новосибирск, Россия). E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.G. Timoshenko, Cand. Sci. (History), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: 21timoshenko48@gmail.com

K.V. Seroshtanov, Cand. Sci. (History), deputy head of the Department of Foreign Economic Relations and Military-Technical Cooperation, Novosibirsk Instrument-making Plant (Novosibirsk, Russian Federation). Email: seroshtanov.kirill@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2023;
одобрена после рецензирования 19.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 17.02.2023;
approved after reviewing 19.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 63.3(0).61
doi: 10.17223/15617793/488/19

«Силезский вопрос» в политической жизни Германии и международных отношениях по донесениям советских и британских дипломатов (1920–1922 гг.)

Василий Львович Черноперов¹

¹ Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, vlchernoperov@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается место и роль «силезского вопроса» в политической жизни Веймарской республики по донесениям дипломатов Советской России и Великобритании в 1920–1922 гг. Основу источниковой базы составили материалы отечественных архивов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, а также англоязычные публикации документов. Определяется место «силезского вопроса» во внешнеполитической стратегии РСФСР и Великобритании в начале 1920-х гг., выявляются совпадения и отличия в его оценках у советских и английских дипломатов.

Ключевые слова: Версальский договор, «силезский вопрос», плебисцит, национализм, Германия, Польша, Советская Россия, Великобритания

Для цитирования: Черноперов В.Л. «Силезский вопрос» в политической жизни Германии и международных отношениях по донесениям советских и британских дипломатов (1920–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 191–195. doi: 10.17223/15617793/488/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/19

The Silesian question in the political life of Germany and in international relations in the reports of Soviet and British diplomats (1920–1922)

Vasiliy L. Chernoperov¹

¹ Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vlchernoperov@rambler.ru

Abstract. The role and significance of the Silesian question in the domestic life of Germany as well as in international relations have not received a proper coverage yet. This work is aimed to fill the gap. The article aims to reveal different and similar aspects in the evaluations of the Silesian question by Soviet and British diplomats and to investigate their opinions on the significance of the issue for Weimar Germany and for the development of international relations in the 1920s. The research is based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History, and the Russian State Archive of the Economy, and on English-language sources: Documents on British Foreign Policy, 1918–1939 and Britain and the Weimar Republic: The British Documents. The reports by Soviet representative in Weimar Republic Victor Kopp and his British counterparts – captain of the British Military Mission in Berlin Brian, member of the Upper Silesia Inter-Allied Commission of Control Colonel Percival, British Ambassador to Germany Lord d'Abernon were of the greatest significance. The Silesian question means the struggle between Germany and Poland for Upper Silesia. The plebiscite (referendum) was to determine where the territory belongs to. In the evaluation of the Silesian question by Kopp and his British colleagues, five periods are determined: 1) before summer 1920 (preparation for the plebiscite); 2) summer 1920 (active phase of the Soviet-Polish war); 3) autumn 1920 – spring 1921 (Soviet-Polish peace negotiations and preparation for the plebiscite); 4) spring and summer 1921 (referendum and the response to it); 5) after 1922 (settlement of disputable issues internationally). The research revealed that the reports by Soviet and British diplomats on the development of the Upper Silesia conflict, its influence on the social and political life of the Weimar Republic and international relations prove to be similar. The differences are mostly in the emphasis. Kopp paid special attention to the possibility of using the Silesian question in increasing the rift between Germany, the Entente, and Poland, strengthening the position of the Communist Party of Germany and Bolshevization of East-Central Europe. He developed these ideas most actively after the armistice on the Soviet-Polish front in the autumn of 1920 and during the plebiscite of 1921. The British ambassadors in their reports focused on diminishing the role of the Silesian question in the growing influence of Soviet Russia as well as in the strengthening influence of right-wing and left-wing parties in Germany.

Keywords: Treaty of Versailles, Silesian question, plebiscite, nationalism, Germany, Poland, Soviet Russia, UK

For citation: Chernoperov, V.L. (2023) The Silesian question in the political life of Germany and in international relations in the reports of Soviet and British diplomats (1920–1922). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 191–195. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/19

В историографии место и роль «силезского вопроса» во внутривнутриполитической жизни Германии и международных отношениях еще не получили должного освещения. Частично заполнить обозначившуюся лакуну призвано настоящее сообщение. Его цель – выявить общее и отличное в оценках советских и британских дипломатов «силезского вопроса», а также выяснить их мнение о значении этой проблемы для внутривнутриполитической жизни Веймарской Германии и развития международных отношений в начале 1920-х гг. Основную группу источников составили материалы отечественных архивов и англоязычные сборники документов. Наибольшее значение имели донесения за 1920–1922 гг. советского представителя в Берлине В.Л. Коппа и его английских коллег – капитана британской военной миссии Брайана, члена Межсоюзнической комиссии по управлению и проведению плебисцита в Верхней Силезии полковника Персиваля и посла Великобритании в Германии лорда Э.В. д'Абернона. Часть источников вводится в научный оборот впервые.

Под «силезским вопросом» нами понимается борьба Веймарской республики и Второй Речи Посполитой за государственную принадлежность территории Верхней Силезии. Польша, возродившаяся на обломках кайзеровской, российской и австро-венгерской империй, в обстановке послевоенного хаоса и политического вакуума прошла быструю эволюцию от идеи конфедеративного государства к политике силового захвата сопредельных территорий [1. С. 137–140]. Уже на Парижской мирной конференции 29 января 1919 г. ее представитель Р. Дмовский в пятичасовой речи потребовал восстановления «новой Польши» в границах Речи Посполитой 1772 г. [2. С. 68]. Для Берлина это означало частичную потерю Пруссии, Померании, Познани и Силезии. Территориальные сокращения ожидали также Украину, Белоруссию, Чехословакию, Литву и Латвию, которые появились на обломках распавшихся империй РСФСР.

Советские Россия, Белоруссия и Украина, занятые борьбой на фронтах Гражданской войны, долгое время не могли оказать достойного сопротивления польскому давлению. По-иному развивались события на Западе. Соединения немецких добровольцев и отрядов самообороны, которые поддержал рейхсвер, оказали активное и успешное сопротивление [3. С. 27]. Особенно в Верхней Силезии, где для прекращения боевых столкновений и разведения сторон потребовалось вмешательство Антанты [4. С. 179, 180]. Вскоре был подписан Версальский договор [5], согласно которому государственную принадлежность Верхней Силезии и части Восточной Пруссии подлежало определить через плебисцит (референдум). На период подготовки и проведения голосования управление Верхней Силезией возлагалось на Межсоюзническую комиссию из представителей Франции, Великобритании и Италии во главе с французским дивизионным генералом А. Ле Роном, которая начала работу в феврале 1920 г.

К началу работы комиссии советский представитель в Германии В.Л. Копп и капитан британской военной миссии в Берлине Брайан, опираясь на разные

источники информации, сообщали руководству о широком распространении в германской элите и общенационалистических настроениях [6. Л. 40; 7. Л. 2; 8. Р. 94]. Большевистский и английский представители прогнозировали также, что в немецком обществе неминуем взлет национализма при обострении конфликта Польши с Советской Россией из-за Украины и Белоруссии или с Германией из-за Верхней Силезии. Их прогноз полностью подтвердился в первой половине 1920 г. Тогда подъем немецкого национализма и реваншизма предопределили следующие факторы: переход вялотекущей советско-польской войны в активную фазу в апреле, масштабные нарушения Антантой в пользу Польши итогов плебисцита в Восточной Пруссии в июне [3. С. 28] и антигерманские шаги Союзников на конференции в Спа в июле [9. С. 92–95]. Отражением этих процессов, по наблюдениям Коппа, стала победа правых партий на июньских 1920 г. выборах в рейхстаг [6. Л. 33 об.–34; 10. Л. 4–6], создание правого правительства («малой веймарской коалиции») во главе с К. Фенренбахом и активное обсуждение в Германии вариантов сближения с Россией [11. Л. 74, 87], вплоть до совместного с большевиками военного выступления против Франции. Как писал В.Л. Копп главе большевистского правительства В.И. Ленину 19 августа 1920 г., Берлин заигрывает «с мыслью воевать против Франции в союзе с нами» [10. Л. 4]. Эти настроения подогревались наличием у немцев «припрятанного» от Антанты оружия, о чем в Москве знали [12. Л. 7]. Наиболее часто планы сближения с РСФСР в Германии дебатировались в период наступления Красной армии на Варшаву в конце июля – начале августа 1920 г. Копп, объяснял это так: успехи советских войск поднимают «шанс Германии при голосовании в Западной и Восточной Пруссии» [11. Л. 74] и помогают немцам освободиться «от польского кошмара» [11. С. 87].

Немцы, действительно, использовали успехи Красной армии в пропагандистской кампании при подготовке плебисцита на юге Восточной и Западной Пруссии [13. С. 294; 14. С. 92]. В населенных немцами областях Западной Пруссии, которые отошли к Польше, красноармейцев встречали как освободителей [15. С. 187, 188], а германская пресса, особенно правая, высоко оценивала их поведение и выучку [6. Л. 28]. Позже Копп так описал настроения немцев августа 1920 г.: «Верхняя Силезия, Польский коридор, некоторые округа Познани, – все это кровоточащие раны на немецком государственном организме, самая мысль о которых приводит в бешенство даже степенного немецкого бюргера. “Лучше большевики, чем поляки” – вот лозунг, который можно слышать во всей восточной окраине Германии. <...> Уже появление наших войск в Польском коридоре было достаточно, чтобы создать стремление германского народа к воссоединению с Германией» [10. Л. 40; 7. Л. 2].

Рост симпатий к Советской России миллионов (по словам некоторых современников, «большинства немцев») летом 1920 г. [16. С. 14] озаботил Францию, Великобританию, Польшу и другие страны, где начали распространяться самые невероятные слухи о вза-

имедействии Москвы и Берлина [15. С. 111; 17. С. 185–186]. В это время действительно интенсифицировались контакты Коппа с германскими политиками и высшими чиновниками, а через него – контакты руководителей Веймарской республики и РСФСР [18. С. 162–165, 169–202]. Сторонами обсуждался весь спектр двусторонних вопросов – от экономики до военного взаимодействия.

Настроения в германском обществе резко изменились после поражения Красной армии под Варшавой и началом советско-польских мирных переговоров. Копп, анализируя сложившуюся ситуацию, в докладе от 7 сентября 1920 г. отмечал, что поражение в войне, а главное – диалог Москвы с Варшавой привели к тому, что в Берлине «идея восточной ориентации» если не окончательно исчезла с политического горизонта, то во всяком случае сильно поблекла» [6. Л. 19]. «Правые националистические круги, связывавшие эту идею с мечтами о военном выступлении против Франции в союзе с Советской Россией, бьют отбой по всей линии». По мнению Коппа, руководство Веймарской республики от окончательного перехода на сторону Антанты удерживала только «ненависть населения... к полякам» [6. Л. 20].

На фоне ослабления надежд Германии на помощь Советской России в решении верхнесилезского вопроса, в официальных кругах Веймарской республики стали склоняться к сближению с Великобританией, в которой теперь видели реального помощника. За Лондоном могли последовать Париж и Варшава. Чтобы не допустить ухода Германии в лагерь противников, Копп, исходя из постулата – примирение немцев с поляками «вещь для данного исторического периода абсолютно невозможная», в аналитическом докладе от 27 сентября 1920 г. предложил следующую внешнеполитическую стратегию:

«1) Латентный конфликт между странами Антанты, рассматривающими Версальский мир как хартию новой Европы (слова Мильерана), и Германией, для которой этот Версальский мир не оставляет свободу дыхания, должен подчеркиваться нами при всяком удобном случае и в моменты, подобные нашему появлению на прусской границе, доведен до состояния кризиса.

2) Германия должна быть... поставлена в такое положение, при котором для нее формально было бы невозможно вступление в какую бы то ни было антибольшевистскую коалицию...

3) Во всех наших выступлениях, касающихся Германии, необходимо, в должных конечно нюансах, подчеркивать ту мысль, что мы не признаем грабительского Версальского мира, и что стремление Германии свергнуть этот мир заслуживает симпатию и поддержку Советской России.

4) Конфликты между Германией и Польшей должны быть использованы нами при переговорах с Польшей в смысле усиления нашей и ослабления позиции Польши. Принцип самоопределения национальностей должен защищаться нами в этом пункте со всей энергией» [6. Л. 42–42 об.; 7. Л. 3–4].

Для Москвы поражение в войне с Варшавой означало не только военную неудачу, но и крах надежд на

мировую революцию в ближайшем будущем. Начались поиски новых сценариев. Один из них предложил Копп.

Дипломат, анализируя общественно-политические настроения в Веймарской Германии, еще в июне 1920 г. пришел к следующему выводу: немецкая коммунистическая партия (КПП) не оправилась от поражения в январе 1919 г. и, ослабленная внутренним расколом, сможет «играть руководящую роль только на последнем фазисе революции» [10. Л. 1–1 об.]. Опираясь на эту мысль, Копп позже пришел к убеждению, что КПП для завоевания власти следует взять на вооружение лозунги националистов «против Версальского ига». «Коммунистическая оппозиция в Германии, – писал он в упомянутом выше докладе от 27 сентября 1920 г., – должна кооперировать с нами в том смысле, чтобы несовместимость Версальского мира с интересами и даже самой возможностью пролетарской революции в Германии подчеркивалась бы с большей выпуклостью и конкретностью, чем это делалось до сих пор. Пацифистской мелодии не должно быть в коммунистической критике Версальского мира...» [6. Л. 42–42 об.; 7. Л. 3–4]. По мнению дипломата, КПП, для того чтобы повести за собой националистически мыслящее большинство немцев, следовало поднять антиверсальские лозунги во время нового советского наступления на Польшу [6. Л. 29]. Позже социальная программа КПП должна была привлечь оставшуюся часть населения. В итоге коммунисты получали шанс на захват власти. Ясно, что далее последовало бы заключение германо-советского союза и распространение революции на Восточную и Центральную Европу.

Концепция Коппа априори предполагала новую советско-польскую войну. Большевики, как показывают документы, первое время после заключения перемирия с Варшавой от нее не отказались и попытались за короткое время подготовить свои армии к новому столкновению. 1 сентября 1920 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об образовании при Совете труда и обороны Временного совещания по снабжению Красной армии во главе с председателем Реввоенсовета и наркомом по военным и морским делам Л.Д. Троцким. В конце месяца был создан Специальный отдел экстренных заказов (Спотэкзак), который взял под контроль все зарубежные сделки для военных ведомств. На эти цели была аккумулирована огромная сумма в 650 млн зол. руб. (в 1920 г. это превышало объем производства всех отраслей промышленности России (517, 6 млн. зол. руб.)) и определен характер товаров для Красной армии [18. С. 285–287].

Копп, готовясь к новой войне с Варшавой, наиболее удобным временем считал плебисцит в Верхней Силезии, назначенный Антантой на 20 марта 1921 г. [6. Л. 62–62 об., 64–66]. Дипломат был убежден, что Межсоюзническая комиссия, ведомая А. Ле Роном, решит вопрос в германофобском и полонофильском духе [19. Л. 145; 20. Л. 3]. Мнение советского дипломата полностью совпадало с наблюдениями члена комиссии от Великобритании полковника Персиваля, который осенью 1920 г. докладывал в Лондон о том,

что «надежды на проведение честного голосования в Силезии призрачны», и что французские войска открыто поддерживают поляков, вызывая «крайнее недовольство» немцев [21. Р. 67].

Копп, считая референдум в Верхней Силезии исходным пунктом «крупнейших событий» «в ближайшие же месяцы» и зная о страхах немецкого руководства, что подписание Москвой и Варшавой мирного договора до дня плебисцита может увеличить количество голосов за Польшу, просил Кремль оттягивать заключение соглашения [6. Л. 65]. По полученным им сведениям, поляки, понимая, что плебисцит будет проигран, начали подготовку силового решения вопроса и сосредоточили на границе с Германией почти все свои вооруженные силы, оставив на востоке против Красной армии только 6–7 дивизий [6. Л. 65 об.]. По расчетам немецких военных, польские войска, начав наступление, на второй день могли войти в Бреславль, а на пятый-шестой – в Берлин. Германский план обороны предусматривал организацию партизанского движения в Силезии и концентрацию рейхсвера к востоку от столицы. Причем, по данным, полученным Коппом (вероятнее всего от О.Р. фон Нидермайера из группы Р (или военной группы), созданной в рейхсвере для развития военных связей с РСФСР), немецкое правительство готовилось дать бой «даже в том случае, если поляки выступят по мандату Антанты» [6. Л. 65 об.]. Копп констатировал: «...с точки зрения революционных возможностей в Средней Европе Силезский вопрос нужно, для данного момента, считать центральным, и стабилизацию отношений в Силезии и вообще между Германией и Польшей для нас крайне невыгодной» [6. Л. 66].

Планы Коппа не осуществились. Москва, напуганная масштабами голода, охватившего Россию, и ростом антибольшевистских выступлений, среди которых наиболее заметными стали восстание матросов в Кронштадте и крестьян в Тамбове, сделало решительный поворот к НЭПу, что вело к трансформации внешней политики, к укреплению идеи о мирном сосуществовании с капиталистическими странами. Суммы по линии Спотэкзака стали решительно урезаться и переправляться на другие нужды. А 18 марта 1921 г. Советская Россия и Польша подписали в Риге мирный договор. Через два дня, 20 марта, в Верхней Силезии прошел плебисцит, на котором 59,6% жителей высказались за вхождение в Веймарскую республику. Однако по инициативе Франции началось обсуждение планов раздела территории, итоги голосования игнорировались. В результате, по наблюдениям Коппа, германские газеты, имея цель «подогреть национальные страсти и создать единый антипольский фронт», разразились статьями из пограничных округов «об актах польского террора, нарушениях границ польскими бандами и т.д.» [22. Л. 14 об.]. Эта стратегия имела успех. Как отмечал посол Великобритании в Берлине лорд д'Абернон, в Германии началось формирование отря-

дов для отпора «франко-польскому захвату Силезии» [21. Р. 70]. Складывающаяся ситуация позволила Коппу в конце апреля 1921 г. вновь указать Москве на углубление в Веймарской республике внутреннего кризиса и на этом фоне «возможности национал-большевистского выступления справа» [6. Л. 69].

В Германии внутривластическое противостояние, усиленное верхнесилезским референдумом, завершилось падением 4 мая 1921 г. правого кабинета К. Ференбаха и созданием левоцентристского («большой веймарской коалиции») правительства во главе с Й. Виртом. Примерно в то же время поляки на спорных территориях подняли восстание. По данным английских военных, немцы ответили, причем ударили не только по полякам, но и по французам [21. Р. 73]. Боевые действия удалось остановить только в июне 1921 г.

20 октября 1921 г. конференция послов Антанты передала 1/3 Верхней Силезии Польше при сохранении предприятий за прежними владельцами (в основном немцами). Производимая там продукция могла в течение пяти лет беспощадно ввозиться в Германию. В районах, отходивших Польше, создавались органы местного самоуправления. В Берлине принятые решения считали несправедливыми. Председатель рейхстага социал-демократ П. Лёбе на встрече с послом д'Аберноном заявил, что раздел Верхней Силезии подрывает «веру Германии в Британию» и уничтожает правительство Й. Вирта, которое «практически погрузилось в состояние паники» [23. Р. 334]. В итоге, 21 октября 1921 г. рейхсканцлер подал в отставку. Правда, через пять дней вновь возглавил кабинет.

По данным Коппа и д'Абернона, «силезский вопрос» стал уходить на второй план в общественно-политической жизни Германии и международных отношений лишь в 1922 г. [6. Л. 69; 21. Р. 74]. По мнению британца, прежде всего, благодаря германо-польским компромиссам по экономическим вопросам. 15 мая 1922 г. Берлин и Варшава подписали Верхнесилезскую конвенцию о разделе территории и обязательствах экономического сотрудничества. Еще через два месяца (15 июля 1922 г.) линия размежевания стала германо-польской границей.

В заключение отметим следующее. Сообщения советского и английского дипломатов о Верхнесилезском конфликте и его влиянии на общественно-политическую жизнь Веймарской республики и международное положение оказались схожими. Отличия заключались в акцентах. Советский дипломат В. Копп акцентировал внимание на возможности использования «силезского вопроса» для усиления противоречий между Германией, странами Антанты и Польшей, укрепления позиций КПГ и большевизации Центрально-Восточной Европы. Англичане же особое внимание обращали на угрозы, которые данный конфликт нес для дестабилизации внутреннего положения в Веймарской республике через усиление крайне правых и левых сил.

Список источников

1. Польшанский Д.И. От идеи федерации к практике оккупации: генезис агрессивности в восточной политике Польши в 1918–1920 гг. // Гуманитарное измерение меняющегося мира : материалы Фестиваля гуманитарных наук. Иваново : ИвГУ, 2002. С. 137–140.

2. Kulak T. Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich // Twórcy polskiej myśli zachodniej / pod red. W. Wrzesińskiego. Olsztyn : Ośr. Badań Nauk. im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1996. S. 64–75.
3. Горлов С. А. Совершенно секретно. Москва – Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М. : ИВИ РАН, 1999. 360 с.
4. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах : пер. с англ. в 2 т. М. : Иностранная литература, 1957. Т. 2. 556 с.
5. Версальский мирный договор. М. : НКВД, 1925. 197 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 328.
8. Document on British foreign policy (DBFP). 1918–1939. First Series. L., 1960. Vol. IX. 744 p.
9. История дипломатии : в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. М. ; Л. : Госполитиздат, 1945. Т. 3. 884 с.
10. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2136.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1037.
12. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1041.
13. Манусевич А. Я. Очерки истории Польши. М. : Учпедгиз, 1952. 407 с.
14. Жиров А.А. День голосования: к вопросу об интерпретации результатов плебисцита в Восточной Пруссии 11 июля 1920 г. // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2015. № 9. С. 87–94.
15. Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. Омск : ОмГПУ, 2018. 396 с.
16. Seraphim E. Deutsch-russische Beziehungen 1918–1925. B. : H. Sack, 1925. 45 s.
17. Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg. Wiesbaden : Franz Steiner, 1979. 296 s.
18. Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. Иваново : ИвГУ, 2006. 436 с.
19. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1437.
20. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9.
21. Britain and Weimar Republic: the British Documents / ed. by F.L. Carsten. L. : Batsford Academic and Educational, 1984. 343 p.
22. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 74. Д. 1051.
23. DBFP. First Series. L., 1968. Vol. XVI. 1003 p.

References

1. Polyvyanny, D.I. (2002) Ot idei federatsii k praktike okkupatsii: genezis agressivnosti v vostochnoy politike Pol'shi v 1918–1920 gg. [From the idea of federation to the practice of occupation: the genesis of aggression in Poland's eastern policy in 1918–1920]. In: Khasbulatova, O.A. (ed.) *Gumanitarnoe izmerenie menyayushchegosya mira* [Humanitarian Dimension of the Changing World]. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 137–140.
2. Kulak, T. (1996) Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich. In: Wrzesiński, W. (ed.) *Twórcy polskiej myśli zachodniej*. Olsztyn: Ośr. Badań Nauk. im. Wojciecha Kętrzyńskiego. pp. 64–75.
3. Gorlov, S.A. (1999) *Sovershenno sekretno. Moskva – Berlin, 1920–1933. Voennopoliticheskie otnosheniya mezhdu SSSR i Germaniyei* [Top Secret. Moscow – Berlin, 1920–1933. Military-political relations between the USSR and Germany]. Moscow: Institute of World History RAS.
4. Lloyd, G.D. (1957) *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The Truth about the Peace Treaties]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Inostrannaya literatura.
5. Klyuchnikov, Yu.V. (ed.) (1925) *Versal'skiy mirnyy dogovor* [Treaty of Versailles]. Moscow: NKID.
6. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2137. (In Russian).
7. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 413. List 2. File 328. (In Russian).
8. Butler, R., Bury, J.P.T. & Lambert, M.E. (eds) (1960) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. First Series*. Vol. 9. London: HMSO.
9. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gospolitizdat.
10. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2136. (In Russian).
11. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 04. List 13. Folder 73. File 1037. (In Russian).
12. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 04. List 13. Folder 73. File 1041. (In Russian).
13. Manusevich, A.Ya. (1952) *Ocherki istorii Pol'shi* [Essays on the History of Poland]. Moscow: Uchpedgiz.
14. Zhiron, A.A. (2015) Den' golosovaniya: k voprosu ob interpretatsii rezul'tatov plebistsita v Vostochnoy Prussii 11 iyulya 1920 g. [Election day: on the interpretation of the results of the plebiscite in East Prussia on July 11, 1920]. *Retrospektiva: vseмирnaya istoriya glazami molodykh issledovateley*. 9. pp. 87–94.
15. Zubachevskiy, V.A. (2018) *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoy Evrope (pervaya tret' XX veka): geopoliticheskiy aspekt* [Russia's policy in Central and Eastern Europe (first third of the 20th century): geopolitical aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
16. Seraphim, E. (1925) *Deutsch-russische Beziehungen 1918–1925*. Berlin: H. Sack.
17. Wagner, G. (1979) *Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg*. Wiesbaden: Franz Steiner.
18. Chernoperov, V.L. (2006) *Diplomaticheskaya deyatel'nost' V.L. Koppa v Germanii v 1918–1921 gg.* [Diplomatic Activity of V.L. Kopp in Germany 1918–1921]. Ivanovo: Ivanovo State University.
19. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 413. List 2. File 1437. (In Russian).
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 9. (In Russian).
21. Carsten, F.L. (1984) *Britain and Weimar Republic: the British Documents*. London: Batsford Academic and Educational.
22. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 04. List 13. Folder 74. File 1051. (In Russian).
23. Medlicott, W.N. (ed.) (1968) *Documents on British Foreign Policy. First Series*. Vol. 16. London: HMSO.

Информация об авторе:

Черноперов В.Л. – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета (Иваново, Россия). E-mail vlchernoperov@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.L. Chernoperov, Dr. Sci. (History), professor, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail vlchernoperov@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019;
одобрена после рецензирования 04.03.2020; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 01.02.2019;
approved after reviewing 04.03.2020; accepted for publication 31.03.2023.

ПРАВО

Научная статья
УДК 502.34
doi: 10.17223/15617793/488/20

Некоторые аспекты правового регулирования геопарков в России (на примере Республики Башкортостан)

Марина Самвеловна Арутюнян^{1, 2}, Рим Римович Каримов³, Гузель Юрисовна Каримова⁴,
Оливер Юрьевич Хисматуллин^{5, 6}

^{1, 4, 5} Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

^{2, 6} Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета, Нефтекамск, Россия

³ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

^{1, 2} marina.arochka@mail.ru

³ karimov_rim@mail.ru

⁴ guzel-karimova-80@mail.ru

^{5, 6} tekwin@mail.ru

Аннотация. Обоснована необходимость законодательного закрепления правового режима геопарков. По мнению авторов, существование таких видов природных территорий в отсутствие законодательного регулирования на уровне федеральных актов создает не только проблемы регулирования отношений, возникающих в связи с охраной, управлением и использованием соответствующих объектов, но и порождает правовую неопределенность. Сформулированы предложения для включения в нормативный правовой акт.

Ключевые слова: геопарк, особо охраняемая территория, правовой режим, законодательство, правовая охрана

Для цитирования: Арутюнян М.С., Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю., Хисматуллин О.Ю. Некоторые аспекты правового регулирования геопарков в России (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 196–203. doi: 10.17223/15617793/488/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/20

Some aspects of legal regulation of geoparks in Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan)

Marina S. Arutyunyan^{1, 2}, Rim R. Karimov³, Guzel Yu. Karimova⁴, Oliver Yu. Khismatullin^{5, 6}

^{1, 4, 5} Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

^{2, 6} Neftekamsk Branch of Bashkir State University, Neftekamsk, Russian Federation

³ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russian Federation

^{1, 2} marina.arochka@mail.ru

³ karimov_rim@mail.ru

⁴ guzel-karimova-80@mail.ru

^{5, 6} tekwin@mail.ru

Abstract. The absence at the federal level of a regulatory legal framework for the creation and operation of geoparks does not allow unifying the existing relations in this area and thus causes the need for initiative acts of the authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies, which are largely focused on the needs of a particular locality, to create an ambiguous law enforcement approach. In this regard, the aim of the study was to develop a draft regulatory legal act that establishes at the federal level the foundations of the legal regime of geoparks. The work is based on the analysis of legal acts of regional and international significance in the relevant field, federal civil legislation, regulations in environmental protection. Findings from studies on the peculiarities of the ecological and legal regime, civil status and other aspects of geoparks were also used. The methodological basis was the dialectical method of scientific cognition, logical methods of cognition (systems analysis and synthesis, abstraction, generalization, induction, deduction, analogy), as well as the comparative legal method. Having determined the relevance of the development of proposals for the adoption of a regulatory legal act, the authors studied the mechanism existing in the Russian Federation for regulating relations in the field of legal protection of specially protected natural territories, the experience of regional legislation in consolidating the legal regime of geoparks, and formulated

scientifically sound proposals that seem logical and worthy of attention. The proposed draft regulatory legal act establishing the foundations of the legal regime of geoparks in Russia should determine the range of regulatory legal acts and the procedure for their application; the mechanism of delimitation of powers between the executive authorities of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, and local self-government; the concepts used in the law and their definitions; features of regulation of land, urban planning and other relations within the territorial boundaries of geoparks, and others. The law should establish the goals and objectives of geoparks; the procedure for creation, including their registration, and abolition; the regime of special legal protection of the territory and zoning; permissible types of activities; the powers of the geopark management body (legal entity) and the procedure for their implementation; the specifics of financing the activities of geoparks. It is necessary to determine the forms and measures of responsibility for violation of the legislation on geoparks, the grounds, conditions and procedure for compensation for damage caused to the territory or individual geological bodies (structures).

Keywords: geopark, specially protected area, legal regime, legislation, legal protection

For citation: Arutyunyan, M.S., Karimov, R.R., Karimova, G.Yu. & Khismatullin, O.Yu. (2023) Some aspects of legal regulation of geoparks in Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 196–203. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/20

Проблемы законодательного определения правового режима геопарков

Глобальная политическая и экономическая трансформация последних лет оказывает существенное влияние на смену формации туристической и экскурсионной инфраструктуры, обусловив преобладание внутригосударственных и региональных направлений в сфере отдыха и рекреации. В связи с этим определенный интерес в настоящее время проявляется к изучению геонаследия и проблеме обеспечения его доступности и комфортности инфраструктуры для заинтересованных в таком виде туризма лиц. Геотуризм не является формой массового туризма и поэтому создает возможность устойчивого развития отдельных территорий, глобально не угрожая ценностям окружающей среды. В этой связи особого внимания заслуживает концепция геопарков, которая в настоящее время является еще относительно новой и требует внимания как с позиции научной разработки, так и в аспекте правового регулирования возникающих в данной сфере отношений.

Повышение активности субъектов Российской Федерации по организации на своих территориях геопарков вызывает необходимость концептуального осмысления сущности данного вида объектов и создания унифицированного механизма правового регулирования возникающих в этой сфере отношений. Вместе с тем, сегодня в России на законодательном уровне не выработано понятие «геопарк», что в определенной степени создает проблемы правовой регламентации их деятельности. Несмотря на достаточно длительный научный интерес к проблеме рецепции международного опыта правового регулирования геопарков, до настоящего времени на федеральном уровне деятельность геопарков законодательно не урегулирована [1. С. 5–6]. Отсутствие на федеральном уровне нормативной правовой основы порождает инициативные правовые акты органов власти субъектов Российской Федерации, которые зачастую ориентированы на конкретный геопарк и не способны адекватно применяться в качестве акта общего правового действия даже в пределах этого субъекта. Указанное, впрочем, нисколько не умаляет ценность таких зако-

нодательных инициатив. Более того, они являются единственно возможным в существующих условиях средством закрепления особого правового статуса территорий, правовая охрана, использование и управление которой позволяют называть этот объект геопарком. Так, пункт 2 ст. 2 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [2] (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) содержит исчерпывающий перечень объектов, которые в соответствии с данным законом могут выступать объектами особой правовой охраны. Отсутствие в указанной норме упоминания геопарков позволяет установить режим особой правовой охраны в отношении геологических компонентов природы только при условии их включения в состав иных, предусмотренных данным нормативным правовым актом объектов. Однако, в таком случае геоконпонент будет подчинен режиму правовой охраны этой особо охраняемой природной территории, что не всегда соответствует целям и задачам геопарков. В частности, установление запретов на осуществление хозяйственной и иной деятельности, типичных для большинства особо охраняемых природных территорий, не позволит использовать территории для туристических и иных, требуемых целей.

Геопарк является следствием георазнообразия парадигмы, объединяющей ее составные компоненты для сохранения и использования природного и культурного наследия. Концепция геопарка возникла в конце 1980-х гг. как следствие движения ProGEO в Европе, чьи усилия направлены на привлечение внимания к неотложным проблемам геологической защиты природных объектов. Далее эта идея была поддержана ЮНЕСКО. С самого начала геопарки обеспечивали такой подход, чтобы геологическое значение района могло быть сохранено и популяризировано для науки, образования и культуры через развитие ответственного туризма.

В 2004 г. 17 европейских и 8 китайских геопарков объединились в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, чтобы сформировать Глобальную сеть геопарков для обмена и сотрудничества в области сохранения геологического наследия [3].

17 ноября 2015 г. 195 государств – членов ЮНЕСКО ратифицировали создание нового лейбла

«Глобальные геопарки ЮНЕСКО» на 38-й Генеральной конференции Организации. Это свидетельствует о признании правительствами важности целостного управления выдающимися геологическими объектами и ландшафтами. В настоящее время насчитывается 177 глобальных геопарков ЮНЕСКО в 46 странах [4].

В рамках ЮНЕСКО было выработано определение Глобального геопарка – это единые географические области, в которых объекты и ландшафты международного геологического значения управляются с помощью целостной концепции защиты, образования и устойчивого развития [4].

Неотъемлемой ценностью концепции геопарка является устойчивое местное развитие. Этот аспект освещает ее основные цели, вытекающие из обязательства включать местное население. ЮНЕСКО перечисляет десять основных направлений для Глобального геопарка. Говоря об этих основных направлениях, акцент делается на образовании, которое фокусируется на поиске действенных подходов к обучению, с целью распространения экологических и социальных ценностей для молодого поколения.

Концепция геопарка динамична и сложна и в то же время, в силу своего конструктивного характера, позволяет адаптироваться к различным реалиям, например, с учетом формы управления: государственные и частные. На веб-сайте глобальных геопарков ЮНЕСКО можно проверить различные формы организации и управления геопарками. Так, например, в 2007 г. был обнародован испанский закон о природном наследии и биоразнообразии, который придает юридический статус понятию «геопарк» – это место, представляющее геологический интерес или георазнообразие, дающее автономным сообществам компетенцию по управлению и защите этих территорий [5. С. 332].

Необходимым условием развития геопарков является правильное пространственное планирование, управление и подготовка соответствующей инфраструктуры. Таким образом, геопарки можно рассматривать как функциональные зоны – пространственные структуры, состоящие из функционально связанных территорий с едиными целями развития.

Поскольку геопарки эффективно способствуют охране и продвижению геонаследия, обеспечивают образование в области наук о Земле и смежных областях и способствуют развитию устойчивого туризма, они должны функционально поддерживаться законодательством на национальном уровне.

Действующее законодательство Российской Федерации не определяет правовой режим геопарков и не содержит указание на существование такой категории особо охраняемой природной территории. В то же время, п. 3 ст. 2 Федерального закона № 33-ФЗ предоставляет возможность устанавливать «иные», не указанные в данном правовом акте, категории особо охраняемых природных территорий актами субъектов Российской Федерации. Таким образом, допускается издание законов, признающих особое значение геопарков и отнесение их к числу особо охраняемых территорий на региональном и местном уровнях. Бук-

вальное толкование данной нормы позволяет судить о том, что особая правовая охрана таких территорий устанавливается исключительно в интересах муниципальных образований или субъектов Российской Федерации, на территориях которых расположены геопарки. Очевидно, однако, что имеющиеся в России геопарки ценны не только для нашего государства, но в ряде случаев обладают мировой значимостью. Так, решением Совета по глобальным геопаркам ЮНЕСКО от 1 сентября 2019 г. геопарк «Янган-Тау», расположенный на территории Республики Башкортостан, включен в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО. Примечательно, что на сегодняшний день это единственный объект Российской Федерации, включенный в сеть геопарков ЮНЕСКО, в то время как, к примеру, Китай представлен в этой сети более чем 40 геопарками, Испания – 15, Италия – 11.

Геологические особенности и уникальность территории Южного Урала, во многом предопределили возможность создания такой особой территории [6. С. 4–5], однако, очевидно, географические и геологические ресурсы России способны обеспечить более широкое представительство в Глобальной сети при наличии соответствующего намерения и решении ряда организационных вопросов [7. С. 77]. Указанное, по нашему мнению, также подтверждает необходимость разработки нормативных правовых актов, регулирующих вопросы установления правового режима, управления и использования территорий, включающих в себя объекты, имеющие особую геологическую, биологическую, экологическую ценность, представляющие научный, образовательный, культурный, исторический и туристический интерес на федеральном уровне [8. С. 32].

В целях совершенствования правового регулирования и концептуальной разработки института геопарка в России предлагаем изучить опыт становления и деятельности геопарка «Янган-Тау», существующее нормативное правовое обеспечение его деятельности.

Глобальный геопарк ЮНЕСКО «Янган-Тау» с правовой точки зрения представляется комплексным многоаспектным явлением. На базе Акционерного общества санаторий «Янган-Тау» в 2019 г. была зарегистрирована автономная некоммерческая организация «Центр науки, просвещения, экологии, культуры и туризма “Геопарк Янган-Тау”» [9]. Учредителями организации являются Государственный комитет Республики Башкортостан по туризму, Акционерное общество санаторий «Янган-Тау», Муниципальный район Салаватский район Республики Башкортостан. В качестве основного вида экономической деятельности в учредительных документах указана деятельность по предоставлению туристических информационных услуг [10]. Таким образом, можно констатировать, что основные цели, декларируемые международными организациями для геопарков, в России достигаются посредством функционирования некоммерческой организации. В рамках деятельности Центра сегодня реализуется программа по созданию учебно-научной базы, объединяют усилия местных жителей, в том числе предпринима-

телей для реализации культурных, просветительских проектов. С точки зрения правового определения режима территории имеются некоторые неясности. Парк объединяет более 20 самостоятельных объектов, обладающих в соответствии с законом РФ статусом особо охраняемой территории (памятники природы), три из которых имеют международное, а 10 – национальное значение. При этом особый эколого-правовой статус на всю территорию парка не установлен.

В целях устранения правовой неопределенности, нормативного закрепления правового режима такой категории охраняемой территории, как геопарк, 04 апреля 2022 г. Правительством Республики Башкортостан на рассмотрение Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан был внесен проект Закона Республики Башкортостан «О геопарках в Республике Башкортостан» [11] (далее – Проект Закона РБ). В обоснование необходимости принятия данного акта указано, что он разработан в целях законодательного регулирования деятельности геопарков в Республике Башкортостан в соответствии с поручением Попечительского совета по геопаркам в Республике Башкортостан от 10 декабря 2020 г. № 1-3-750-7/2020. В общей сложности в Проект Закона РБ включено 9 статей, содержание которых, по нашему мнению не способно в полной мере охватить все требующие правового регулирования сферы отношений, возникающих в связи с созданием, управлением и использованием территорий геопарков. Проект Закона РБ принят депутатами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан – в первом чтении и направлен на дальнейшую доработку. Надеемся, он будет дополнен положениями, позволяющими более детально регулировать отношения в области правовой охраны, управления и использования геопарков.

К вопросу о правовом режиме геопарков

По аналогии с базовыми нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в области правовой охраны компонентов природы, считаем, что закон Российской Федерации, регулирующий правовой режим геопарков, должен начинаться с раздела, содержащего общие положения. В числе таковых предлагаем, прежде всего, определить: круг источников правового регулирования и порядок их применения; механизм разграничения полномочий в области создания и функционирования геопарков между органами исполнительной власти РФ [12], субъектов РФ и местного самоуправления [13]; порядок разработки положений о геопарках и концепций их охраны и устойчивого развития; возможность участия граждан и организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, в создании, охране и использовании геопарков; применяемые в законе понятия и их определения; регулируемые законом отношения, их субъектов и объекты правовой охраны; принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с созданием, управлением и использованием геопарков; особенности регулирования

земельных, градостроительных и иных отношений в пределах территориальных границ геопарков.

Полагаем, регулирование земельных и градостроительных отношений в населенных пунктах, расположенных на земельных участках, на которых созданы геопарки, должно осуществляться комплексно. Населенные пункты могут находиться на территориях геопарков как полностью, так и частично, без изъятия расположенных на их территориях земельных участков и иной недвижимости у правообладателей, если это не противоречит режиму геопарков. Такие населенные пункты или их части подлежат включению в состав функциональных зон геопарков, режим которых допускает осуществление отдельных видов хозяйственной деятельности. Оборот земельных участков в пределах территорий населенных пунктов, включенных в состав геопарков не будет ограничиваться, однако их использование должно осуществляться с учетом режима охраны геопарков.

Правовое регулирование отношений в области охраны, управления и использования геопарков, по нашему мнению, может основываться на следующих принципах:

1. Приоритет охраны геопарков перед использованием их ресурсов и объектов.
2. Обеспечение правовой охраны, устойчивого существования и развития территорий геопарков, сохранение геологического и природного наследия в границах территорий геопарков.
3. Охрана, управление и использование ресурсов геопарков на основе целостной концепции их образования, защиты и устойчивого развития.
4. Использование геологического наследия геопарков в сочетании с другими компонентами природного и культурного наследия территорий геопарков в целях обеспечения устойчивого потребления ресурсов, снижения негативных последствий изменения климата и сокращения рисков, связанных с опасными природными явлениями.
5. Использование геологического и природного наследия в соответствии с законодательством РФ и субъектов РФ, способами и формами, обеспечивающими их сохранение.
6. Повышение инвестиционной привлекательности территорий геопарков, развитие партнерских отношений между геопарками и хозяйствующими субъектами в целях обеспечения устойчивого сохранения и использования ресурсов геопарков.
7. Зонирование территорий геопарков в целях обеспечения баланса охраны и использования их ресурсов.
8. Обеспечение возможности участия граждан и организаций в подготовке и принятии решений, касающихся охраны и использования геопарков, геологического и природного наследия, в порядке и в формах, предусмотренных законодательством РФ.
9. Учет интересов лиц, проживающих на территориях геопарков.
10. Платность пользования услугами в сфере рекреационной и туристической деятельности на территориях геопарков.

11. Осуществление комплексных научных исследований и мониторинг в области геологического, иного природного и культурного наследия на территориях геопарков.

Полагаем, что при закреплении понятия «геопарк» его следует рассматривать как территорию (в том числе объединяющую несколько земельных участков), границы которой установлены, описаны и зарегистрированы в предусмотренном законодательством порядке, на которой управление геологическими объектами, ландшафтами, а также иными объектами природного и культурного наследия местного, регионального и международного значения и их использование осуществляются на основе целостной концепции охраны и устойчивого развития. Правовой режим особо охраняемых природных территорий, достопримечательных мест, объектов культурного и природного наследия и иных подлежащих особой правовой охране объектов, находящихся в границах территории геопарка и созданных в установленном законодательством порядке, регулируется соответствующими правовыми актами. Принятие решений о создании (учреждении) соответствующего геопарка целесообразно отнести к компетенции исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. Непосредственное управление геопарком, по нашему мнению, должно осуществляться некоммерческой организацией любой организационно-правовой формы, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, в состав учредителей которых должны входить в числе иных лиц органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации и (или) органы местного самоуправления.

В связи с установлением в отношении геопарков особой правовой охраны считаем, что целесообразно также ввести в законодательство понятие «особо охраняемый геологический объект» – геологическое тело (геологическая структура), отнесенное к особо охраняемым природным территориям в порядке, установленном законодательством Российской Федерации или субъекта Российской Федерации в связи с тем, что имеет особое геологическое, научное, образовательное, культурное, эстетическое, санаторно-оздоровительное и иное значение, охраняемое государством.

Полагаем, требует законодательного закрепления также понятие «геологическое наследие» – элемент природного наследия, представляющий отдельный или совокупность доступных для непосредственного изучения геологических объектов, обладающих ценностью с точки зрения истории, археологии, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры, нуждающийся в охране. Отметим, что некоторые аспекты накопленного зарубежного опыт правового регулирования отношений по охране объектов природного наследия выступают предметом научного изучения [14. С. 15].

В качестве наиболее общей цели создания геопарков следует предусмотреть необходимость сохранения природы и ее особых геологических компонентов, культурных традиций, развития территории на прин-

ципах устойчивого и гармоничного сосуществования общества и природы, развития туризма, популяризации геологии и науки в целом.

Среди задач создания, управления и использования геопарков могут быть указаны:

1. Реализация комплекса мероприятий, направленных на сохранение объектов геологического, природного и культурного наследия в рамках реализации программ комплексного развития территорий геопарков.

2. Привлечение граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц к осуществлению деятельности по сохранению, развитию и популяризации геологического, иного природного и культурного наследия территорий геопарков.

3. Сотрудничество с научными и образовательными организациями в целях проведения на территориях геопарков научных исследований, в том числе в области наук о Земле.

4. Организация и проведение образовательных, просветительских, культурных мероприятий с целью распространения информации о геологическом, экологическом, культурном наследии территории геопарка.

5. Разработка механизмов рационального использования природных ресурсов, в том числе с применением инновационных методов и технологий.

Сферу правового регулирования предлагаемого нами закона должны составлять две группы отношений: отношения по созданию, управлению и использованию территорий геопарков с учетом необходимости обеспечения условий для сохранения геологического наследия и охраны геологических объектов, объектов природного и культурного наследия; имущественные и личные неимущественные отношения, связанные с оказанием услуг в сфере организации рекреационной, туристической и экскурсионной деятельности. В разделе закона, нормы которого регулируют отношения в области создания, использования и управления ресурсами геопарков, следует закрепить: цели и задачи геопарков как объектов особой правовой охраны; порядок их создания (включая их учет) и упразднения; режим особой правовой охраны территории геопарков и его зонирование; виды деятельности, осуществляемые в пределах территорий геопарков; полномочия органа управления геопарком (юридического лица) и порядок их осуществления, включая механизм взаимодействия с гражданами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, реализующими товары, выполняющими работы и оказывающими услуги в сфере научной, культурной, туристической и иной деятельности; особенности финансирования деятельности геопарков.

Создание, управление и использование геопарков должно осуществляться в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. В то же время, исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий должны иметь возможность принимать правовые акты, определяющие порядок создания, управления и использования геопарков, что позволит применять более

индивидуальный подход к конкретной территории с учетом ее ценности, компонентного состава, возможности вовлечения в хозяйственный оборот.

В целях установления комплексного режима использования территории геопарков целесообразно осуществлять зонирование их территорий. Данный подход отмечен рядом исследователей [15. С. 3]. С учетом особенностей геопарков в пределах их территорий возможно установление следующих видов зон:

1. Заповедная зона, предназначенная для сохранения геологических объектов и природной среды в естественном состоянии, в границах которой запрещается осуществление любой экономической деятельности.

2. Зона особой охраны, установленная в целях сохранения геологических объектов и природной среды в естественном состоянии, в границах которой допускается проведение экскурсий, посещение в целях туризма.

3. Рекреационная зона, предназначенная для осуществления рекреационной деятельности, развития физической культуры и спорта, размещения объектов туристской индустрии, музеев и информационных центров.

4. Зона охраны объектов природного и культурного наследия, предназначенная для обеспечения сохранения геологических объектов, в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности.

5. Зона хозяйственного назначения, в границах которой допускается осуществление деятельности, направленной на обеспечение функционирования геопарка и жизнедеятельности граждан, проживающих в границах его территории.

6. Зона традиционного экстенсивного природопользования, предназначенная для обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, в границах которой допускается осуществление традиционной хозяйственной деятельности и связанных с ней видов неистощимого природопользования.

На территориях геопарков целесообразно установить запрет на осуществление любой деятельности, которая может причинить вред природным комплексам и объектам растительного и животного мира, культурно-историческим объектам и которая противоречит целям и задачам геопарков. В границах геопарков могут быть запрещены или ограничены виды деятельности, влекущие за собой снижение экологической, эстетической, культурной и рекреационной ценности их территорий. В целях сохранения геологических объектов, находящихся на территориях геопарков их использование может быть ограничено, приостановлено или запрещено. Конкретные особен-

ности, зонирование и режим каждого геопарка, как нами было отмечено, должно определяться соответствующим положением.

В целях обеспечения возможности осуществлять на территориях геопарков хозяйственную деятельность полагаем, по аналогии с иными особо охраняемыми природными территориями Федеральному агентству по техническому регулированию и метрологии следует ввести общероссийский классификатор видов экономической деятельности 91.04.7 – Деятельность геопарков. Эта группировка, по нашему мнению, должна включать: осуществление охраны территорий геопарков с учетом наличия в границах территорий геопарков особо охраняемых природных территорий и объектов, в том числе объектов геологического наследия в целях сохранения и поддержания в естественном состоянии охраняемых природных комплексов и объектов; организацию и проведение научных исследований, сотрудничество с научными и образовательными организациями в целях осуществления исследований в областях наук о Земле и других сферах; содействие в подготовке научных кадров и специалистов в области охраны окружающей среды; осуществление государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды); сохранение ископаемых объектов; сохранение и восстановление ценных водных объектов и экологических систем; сохранение ценных объектов и комплексов неживой природы; сохранение историко-культурных объектов; экологическое просвещение; создание условий для регулируемого туризма и отдыха (в том числе массового), сохранение рекреационных ресурсов; разработку и внедрение научных методов охраны природы и экологического просвещения; разработку и внедрение эффективных методов охраны природы и поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования территорий геопарков.

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что существующий научный интерес к проблеме законодательного закрепления правового режима геопарков может быть разрешен посредством принятия на федеральном уровне соответствующего нормативного правового акта. Это создаст не только правовую определенность, но и единый механизм правовой охраны, управления и использования данных компонентов природы. Надеемся, предложения и рекомендации, сформулированные нами в настоящем исследовании, будут полезны как для юридической науки, так и для законотворческой деятельности.

Список источников

1. Корф Е.Д. Геопарк как платформа эффективного взаимодействия общества и природы // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2015. Вып. 4 (2). С. 5–9.
2. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (в ред. Федерального закона от 1 мая 2022 г. № 124-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102034651> (дата обращения: 12.07.2022).
3. Operational guidelines for UNESCO global geoparks. Paris : UNESCO, 2004. 14 p.
4. Официальный сайт UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/global-geoparks> (дата обращения: 13.07.2022).
5. Fornaro A., Alexandre M. Fernande. Geoparks: from conception to the teaching of Geosciences // Terrae Didactica. 2018. Vol. 14, № 3. P. 330–338.

6. Ковалев С.Г. Геопарки как основа неиндустриального развития территорий // Геологический вестник. 2019. № 3. С. 3–11.
7. Фархутдинов И.М., Белан Л.Н., Фархутдинов А.М., Исмагилов Р.А., Богдан Е.А. Перспективы создания геопарка ЮНЕСКО в Республике Башкортостан // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2018. Т. 28, № 3 (91). С. 75–81.
8. Лунева Е.В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима // Lex Russica. 2021. № 9. С. 32–34.
9. Официальный сайт геопарка «Янган-Тай». URL: <https://geopark-yangantau.ru/> (дата обращения: 13.07.2022).
10. Автономная некоммерческая организация «Центр науки, просвещения, экологии, культуры и туризма “Геопарк Янган-Тай”» // Rusprofile. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/11818394> (дата обращения: 13.07.2022).
11. Официальный сайт Правительства Республики Башкортостан. URL: https://pravitelstvorb.ru/ru/docs/projects.php?ELEMENT_ID=55589 (дата обращения: 04.07.2022).
12. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102062162> (дата обращения: 12.07.2022).
13. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 492-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574> (дата обращения: 12.07.2022).
14. Табаринцева-Романова К.М., Бажина М.А. Особенности защиты культурного наследия в итальянских регионах со специальным статусом // Электронное периодическое издание «Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 14–21. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRUZH.2019.No_5.pdf (дата обращения: 11.07.2022).
15. Шагапова Р.А. Территориальное зонирование как инструмент правового режима геопарков // Экологическое право. 2021. № 4. С. 3–7.

References

1. Korf, E.D. (2015) Geopark kak platforma effektivnogo vzaimodeystviya obshchestva i prirody [Geopark as a platform for effective interaction between society and nature]. *Nauka i turizm: strategii vzaimodeystviya*. 4 (2). pp. 5–9.
2. Russian Federation. (2022) *Federal'nyy zakon ot 14 marta 1995 g. № 33-FZ "Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh"* (v red. Federal'nogo zakona ot 1 maya 2022 g. № 124-FZ) [On Specially Protected Natural Territories. Federal Law No. 33-FZ of March 14, 1995 (as amended by Federal Law No. 124-FZ of May 1, 2022)]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102034651> (Accessed: 12.07.2022).
3. UNESCO. (2004) *Operational Guidelines for UNESCO Global Geoparks*. Paris: UNESCO.
4. UNESCO. (n.d.) *Global geoparks*. [Online] Available from: <https://en.unesco.org/global-geoparks> (Accessed: 13.07.2022).
5. Fornaro, A. & Alexandre, M. Fernande. (2018) Geoparks: from conception to the teaching of Geosciences. *Terrae Didactica*. 3 (14). pp. 330–338.
6. Kovalev, S.G. (2019) Geoparki kak osnova neindustrial'nogo razvitiya territoriy [Geoparks as a basis for non-industrial development of territories]. *Geologicheskii vestnik*. 3. pp. 3–11.
7. Farkhutdinov, I.M. et al. (2018) Perspektivy sozdaniya geoparka YuNESKO v Respublike Bashkortostan [Prospects for creating a UNESCO Geopark in the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*. 3–28 (91). pp. 75–81.
8. Luneva, E.V. (2021) Organizatsiya geoparkov v Rossii i osobennosti ikh pravovogo rezhima [Organization of geoparks in Russia and features of their legal regime]. *Lex Russica*. 9. pp. 32–34.
9. Yangan-Tau Geopark. (n.d.) [Online] Available from: <https://geopark-yangantau.ru/> (Accessed: 13.07.2022). (In Russian).
10. Rusprofile. (2019) Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya "Tsentr nauki, prosveshcheniya, ekologii, kul'tury i turizma "Geopark Yangan-Tau" [Autonomous non-profit organization "Center for Science, Education, Ecology, Culture and Tourism "Geopark Yangan-Tau"]. *Rusprofile*. [Online] Available from: <https://www.rusprofile.ru/id/11818394> (Accessed: 13.07.2022).
11. Oficial'nyy sayt Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan [Official site of the Government of the Republic of Bashkortostan]. (n.d.) [Online] Available from: https://pravitelstvorb.ru/ru/docs/projects.php?ELEMENT_ID=55589 (Accessed: 04.07.2022).
12. Russian Federation. (2021) *Federal'nyy zakon ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii"* (v red. Federal'nogo zakona ot 21 dekabrya 2021 g. № 414-FZ) [On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation. Federal Law No. 184-FZ of October 6, 1999 (as amended by Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021)]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102062162> (Accessed: 12.07.2022).
13. Russian Federation. (2021) *Federal'nyy zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii"* (v red. Federal'nogo zakona ot 30 dekabrya 2021 g. № 492-FZ) [On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended by Federal Law No. 492-FZ of December 30, 2021)]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574> (Accessed: 12.07.2022).
14. Tabarintseva-Romanova, K.M. & Bazhina, M.A. (2019) Osobennosti zashchity kul'turnogo naslediya v ital'yanskikh regionakh so spetsial'nyim statutom [Features of the protection of cultural heritage in Italian regions with a special statute]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu"*. 5. pp. 14–21. [Online] Available from: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRUZH.2019.No_5.pdf (Accessed: 11.07.2022).
15. Shagapova, R.A. (2021) Territorial'noe zonirovaniye kak instrument pravovogo rezhima geoparkov [Territorial zoning as an instrument of the legal regime of geoparks]. *Ekologicheskoe pravo*. 4. pp. 3–7.

Информация об авторах:

Арутюнян М.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия); доцент кафедры гуманитарных дисциплин Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета (Нефтекамск, Россия). E-mail: marina.arochka@mail.ru

Каримов Р.Р. – канд. юрид. наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России (Уфа, Россия). E-mail: karimov_rim@mail.ru

Каримова Г.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). E-mail: guzel-karimova-80@mail.ru

Хисматуллин О.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия); зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета (Нефтекамск, Россия). E-mail: tekwin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.S. Arutyunyan, Cand. Sci. (Law), associate professor, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation); associate professor, Neftekamsk Branch of the Bashkir State University (Neftekamsk, Russian Federation). E-mail: marina.arochka@mail.ru

R.R. Karimov, Cand. Sci. (Law), haed of the Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation). E-mail: karimov_rim@mail.ru

G.Yu. Karimova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: guzel-karimova-80@mail.ru

O.Yu. Khismatullin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation); head of the Department of the Humanities Disciplines, Neftekamsk Branch of the Bashkir State University (Neftekamsk, Russian Federation). E-mail: tekwin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.07.2022;
одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 14.07.2022;
approved after reviewing 25.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 343.2./7
doi: 10.17223/15617793/488/21

Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах

Мадина Муссаевна Долгиева¹, Магомед Муратбекович Долгиев²

¹ Главное уголовно-судебное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия, novator111@mail.ru

² СПК «Долаковский», Москва, Россия, novator111@mail.ru

Аннотация. На основании анализа судебной практики США, Австралии и России исследуются вопросы обоснованности уголовной ответственности за нарушение законодательства об иностранных агентах с учетом опыта зарубежных юрисдикций. Обосновано, что требуется создание более сложного механизма признания граждан и юридических лиц иностранными агентами, – такое решение должно приниматься судом по соответствующему обращению государственного органа на основании полно и всесторонне исследованных материалов.

Ключевые слова: физическое лицо иностранный агент, иностранное влияние, реестр физических лиц иностранных агентов, закон об иностранных агентах, иностранное финансирование, политическая деятельность в интересах иностранного государства, иностранный принципал и иностранный агент, закон США о лицах, находящихся под иностранным влиянием, конституционное право на идеологическое многообразие

Для цитирования: Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 204–209. doi: 10.17223/15617793/488/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/21

Criminal liability for violation of the legislation on foreign agents

Madina M. Dolgieva¹, Magomed M. Dolgiev²

¹ Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, novator111@mail.ru

² Dolakovsky APC, Moscow, Russian Federation, novator111@mail.ru

Abstract. This article discusses the validity of the existence of the norm of the Russian criminal law on liability for violation of legislation on foreign agents in the context of the global influence of the Internet on modern public relations. The Federal Law No. 255-FZ dated 14 July 2022, On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence, is a means by which political communication becomes transparent, allowing to suppress the influence of foreign sources on the formation of public opinion that is contrary to the interests of the state. A significant achievement of the new law is the specification of the subjects of legal relations and the terminology used, which makes it possible to differentiate certain political activities aimed at violating the legislation of the Russian Federation by comparing all the necessary elements for the emergence of these legal relations. If before the adoption of the Law on Foreign Agents only the presence of foreign funding from a non-governmental organization or the media was recognized as a key (and very controversial) factor, now it is foreign influence within the framework of political activity, that is, actions in the interests of a foreign source contrary to the national interests of the Russian Federation distinguish illegal activity from the constitutional right to ideological diversity. The authors investigated the judicial practice of the USA, Australia and Russia, which enshrine criminal liability for violation of the legislation on foreign agents, and found that the absence of facts of criminal prosecution in Russia does not indicate a low public danger of the acts committed since the norm of the law is at the beginning of its action. In addition, the existing norm of the criminal law refers to compositions with an administrative prejudice and is of a generally preventive nature. The empirical basis of the study was data obtained as a result of the analysis and generalization of judicial practice in administrative and criminal cases related to violations of the legislation on foreign agents in Russia, the USA and Australia. The normative basis of the study was criminal, criminal procedural and administrative legislation, sectoral legislation on foreign agents, as well as materials of judicial practice. The methodological basis of the study was the general scientific methods of cognition, the logical method, as well as methods of analysis and generalization. The scope of the legislation on foreign agents is limited by the mandatory simultaneous presence of a number of conditions assessed in aggregate, which makes it fully justified. The authors prove that criminal liability for violation of the legislation on foreign agents requires a more complex mechanism for recognizing citizens and legal entities as such. The decision

should be made only by the court at the appropriate request of the state body on the basis of fully and comprehensively researched materials.

Keywords: natural person – foreign agent, foreign influence, register of natural persons – foreign agents, law on foreign agents, foreign financing, political activity in interests of foreign state, foreign principal and foreign agent, US law on persons under foreign influence, constitutional right to ideological diversity

For citation: Dolgieva, M.M. & Dolgiev, M.M. (2023) Criminal liability for violation of the legislation on foreign agents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 204–209. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/21

Влияние сети Интернет на современные общественные отношения, безусловно, глобальное. Огромное количество новостных агентств, а также отдельных физических лиц, активно участвующих в политической деятельности и транслирующих свою новостную повестку с использованием всех популярных социальных информационно-коммуникационных средств, могут представлять собой потенциальные источники дезинформации и освещения событий с характерным уклоном. В данной ситуации знакомство с источником, доверие к нему со стороны общественности и качество предлагаемого контента прямо влияют на политическую коммуникацию. Очевидно, что иностранные средства массовой информации могут влиять на общественное мнение в той же степени, что и основные устоявшиеся отечественные средства массовой информации. Аналогичным влиянием обладают и физические лица, ведущие публичные социальные сети и высказывающие свое мнение и комментарии по определенным политическим вопросам и решениям, принимаемым в государстве. Последствия взаимодействия общественности с такими информированными источниками остаются неясными. При этом единственным, на наш взгляд, фактором, ограничивающим их политическое влияние, является вовлеченность в правоотношения, регулируемые законодательством об иностранных агентах в России.

Политическая коммуникация в современной информационной среде, основанная на репутации источника, является инструментом сопротивления общественности тем информационным сообщениям, которые не соответствуют ее политической predispositionности и в целом противоречат интересам государства.

Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ (далее – Закон об иностранных агентах), объединивший в себе различные нормативные положения, регулировавшие правовой статус некоммерческих организаций, средств массовой информации и других юридических и физических лиц – иностранных агентов в Российской Федерации, в настоящее время является специальным законом, конкретно определяющим критерии признания определенных субъектов иностранными агентами и виды деятельности, на которые распространяются данные правоотношения.

Стоит отметить, что Закон об иностранных агентах до воплощения в жизнь прошел все стадии публичных и научных обсуждений, внутренней политической и международной критики¹, высшего конституционного толкования² и сравнительно-правового

анализа, заняв свое место в числе важнейших нормативно-правовых актов страны. Бесспорную актуальность данному закону придали открытые враждебные действия и заявления со стороны лиц, находящихся под иностранным влиянием, отрицающих право на само существование России как государства и призывающих к уничтожению ее населения.

Главным достижением данного закона, на наш взгляд, является конкретизация субъектов правоотношений и применяемая терминология, позволяющая дифференцировать определенную политическую деятельность, направленную на нарушение законодательства Российской Федерации, путем сопоставления всех необходимых элементов для возникновения указанных правоотношений, определяющим из которых является наличие иностранного влияния. И если до принятия Закона об иностранных агентах ключевым (и весьма спорным) фактором признавалось только наличие иностранного финансирования у неправительственной организации или средства массовой информации, то сейчас именно иностранное влияние в рамках политической деятельности, то есть действия в интересах иностранного источника вопреки национальным интересам Российской Федерации, отличает незаконную деятельность от конституционного права на идеологическое многообразие.

Мы не можем согласиться с мнением представителей академического сообщества о том, что законодательство об иностранных агентах носит ярко выраженный политический характер и «не должно превращаться в защиту интересов узкой политической группы, находящейся у власти» [1. С. 36–48], поскольку имеющиеся положения социально обусловлены политической повесткой и государство обязано защитить свой суверенитет и традиционализм. Также представляется несостоятельным довод, изложенный в научной литературе, о необходимости заменить формулировку «иностранного агента» более мягкой, ввиду того, что такая стигматизация якобы может негативно отразиться на репутации определенного лица [2. С. 90–104].

Защита общества от манипулятивного воздействия стратегически необходима, и, кроме того, Закон об иностранных агентах с правовой точки зрения не запрещает деятельность лиц, находящихся под иностранным влиянием и осуществляющих целенаправленную политическую деятельность в интересах иностранных правительств, а лишь предусматривает легальные требования к транспарентности такой деятельности. Собственно, как и основное конституционное право на идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13 Конституции Российской Федерации) не

должно превалировать над конституционным запретом деятельности организаций, цели и действия которых направлены на изменение конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации (ч. 5 той же статьи).

Для сравнения: зарубежное законодательство, регулирующее деятельность иностранных агентов, например в США, является более жестким, а уголовная ответственность за его нарушение оказывается более суровой [3. С. 5–15]. В частности, Закон США 1938 г. «О регистрации иностранных агентов» содержит определение «иностранного принципала», к которым в широком смысле относятся любые иностранные правительственные учреждения, политические организации, предприятия, некоммерческие организации, государственные предприятия и частные лица. «Агентом» при этом является физическое или юридическое лицо, которое действует на территории Соединенных Штатов по приказу, просьбе, указанию или контролю иностранного принципала. Кроме того, для признания агентом физическое или юридическое лицо также должно заниматься деятельностью, подлежащей регистрации, а именно заниматься политической деятельностью, чтобы «каким-либо образом повлиять на любое учреждение или должностное лицо правительства Соединенных Штатов или любую часть общественности в Соединенных Штатах», предоставлять определенные услуги по связям с общественностью или политически связанные услуги (например, являться политическим консультантом), запрашивать, собирать, распределять деньги или другие ценные вещи, представлять интересы перед любым агентством или должностным лицом правительства США. За нарушение установленных правил предусмотрен штраф в размере до 10 тысяч долларов либо лишение свободы на срок до пяти лет³.

Вместе с тем институт иностранного агента не настолько распространен в законодательствах зарубежных стран, чтобы можно было говорить о его международно-правовом регулировании. Однако понятия «иностранный агент» или его аналоги, помимо США, отмечены в правовом поле Австралии, Канады, Венгрии, Израиля, Индии, Бразилии, Венесуэлы и Беларуси. В частности, Австралийский закон 2018 г. Об обеспечении прозрачности схем финансирования иностранного влияния⁴ предусматривает обязательные требования к регистрации организаций и физических лиц, действующих в интересах иностранного принципала (даже однократно), при этом за невыполнение указанных требований, предоставление недостоверной информации или уничтожение записей – предусмотрена уголовная ответственность на срок от шести месяцев до пяти лет.

Законодательство Индии предусматривает запрет на ведение политической деятельности организациям, имеющим политическую природу и получающим зарубежное финансирование⁵. Общий запрет в отношении иностранных граждан на политическую деятельность и вмешательство в государственные дела предусмотрен в Бразилии⁶. В Канаде деятельность считается политической, если организация призывает

изменить закон, политический курс или решение правительственного органа любого уровня⁷. В Венесуэле такая деятельность подразумевает привлечение граждан к участию в государственных делах, контролирование органов публичной власти и выдвижение кандидатов для занятия выборных должностей, которые направлены против суверенитета страны, независимости нации и государственных органов (в случае нарушения требований закона иностранные граждане могут быть высланы из страны, а собственные граждане оштрафованы и лишены права заниматься политической деятельностью на срок до восьми лет)⁸. Весьма конкретные цели иностранных агентов запрещены законодательством Беларуси, в соответствии с которым не допускается создание представительств иностранных организаций, деятельность которых направлена на свержение либо насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности и безопасности государства, пропаганду войны, насилия, разжигание национальной, религиозной и расовой вражды, а также деятельность которых может причинить ущерб правам и законным интересам граждан⁹.

Стоит отметить, что в Венгрии в 2020 г. на основании решения Европейского Суда по делу № C-78/18 Европейской комиссии против Венгрии был отменен закон 2017 г. LXXVI «О прозрачности деятельности компаний, получающих иностранное финансирование», обязывающий указывать во всех публикационных материалах сведения об иностранном финансировании, под угрозой штрафа в случае невыполнения предписаний, и принят новый закон 2021 г. XLIX «О прозрачности общественных организаций, осуществляющих деятельность, способную повлиять на общественную жизнь», предусматривающий только требование о публикации отчетности для организаций, текущий баланс которых достигает 20 миллионов долларов США¹⁰. В свое время российское законодательство об иностранных агентах было подвергнуто аналогичной критике Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией), посоветовавшей отменить имеющиеся нормативные положения относительно признания неправительственных организаций иностранными агентами¹¹, однако указанные предложения справедливо не были приняты во внимание.

Таким образом, упреки в адрес российского Закона об иностранных агентах не базируются на всестороннем анализе идентичных правовых положений зарубежного законодательства (в первую очередь США и Австралии), послужившего основой для его принятия.

Современные тенденции в международном праве показывают, что любые государства могут отказаться от своих договорных обязательств, а учитывая демонстративное безразличие международного права к таким действиям критика реализации форм внутреннего права в защиту собственных интересов вызывает недоумение. Исполнительная власть в достаточной мере обладает дискреционными и конституционными полномочиями определять и устранять угрозы суверенитету страны, ввиду того, что эволюции права международных отношений не наблюдается. В связи с

чем полагаем, что российский Закон об иностранных агентах является своевременным и необходимым шагом для обеспечения соблюдения собственных правовых процедур государства.

Прямые уголовные санкции за нарушение законодательства об иностранных агентах закреплены только в США, Австралии и России.

Отечественное уголовное законодательство предусматривает ответственность за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством об иностранных агентах (ст. 330.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), к которым, в частности, относятся обязанности сообщать о наличии такого статуса при осуществлении определенных видов деятельности, перечисленных в Законе об иностранных агентах, вести специальный бухгалтерский учет, предоставлять сведения о своей деятельности и источниках финансирования и др., а также зарегистрироваться в соответствующем реестре иностранных агентов. Последнее вызывает максимальную критику.

Объективная сторона указанного преступления сконструирована по формальному признаку, т.е. для наступления ответственности достаточно совершения любого из деяний, предусмотренных частями первой, второй и третьей статьи, при этом каждая из них содержит самостоятельный состав преступления и характеризует исключительно прямой умысел совершаемого деяния [4]. В предыдущей редакции нормы закона предусматривалась злостность такого уклонения. Исключение признака злостности в действующей редакции закона заменено последствиями привлечения к административной ответственности по статье 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях дважды, что относит части 1 и 2 статьи 330.1 к составам с административной преюдицией.

Юридическая сущность рассматриваемой статьи уголовного закона связывает общественную опасность совершаемого деяния с личностью виновного в том контексте, который придает таким нормам В.В. Хилюта, указывая, что последовательное совершение лицом деяния с признаками административных правонарушений, означает, что меры административного принуждения оказались неэффективными, вследствие чего содеянное становится преступлением [5. С. 56–63].

Следует согласиться с мнением Б.В. Яцененко о том, что норма об уголовной ответственности за нарушение законодательства об иностранных агентах является позитивным примером конструирования бланкетных норм [6. С. 128–132], в связи с чем имевшие место изменения законодательства за период действия различных федеральных законов, обобщавших законодательство об иностранных агентах с 2012 г., сделали возможными «бесшовную» имплементацию и консолидацию различных норм права и придание требуемого правового статуса Закону об иностранных агентах, внедрив в уголовный закон ответственность за его нарушение.

Между тем согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹² за период действия ст. 330.1 УК РФ

в различных ее редакциях не было вынесено ни одного приговора суда в отношении граждан за нарушение законодательства об иностранных агентах. В Австралии с 2018 г., так же как и в России, ни одному лицу не было предъявлено обвинений в совершении преступлений, предусмотренных частью 5 Закона¹³. При этом стоит отметить, что в США за всю историю действия закона с 1938 г. было инициировано в общей сложности всего 46 уголовных дел¹⁴, что, однако, не является основанием для декриминализации.

Отсутствие судебной практики по рассматриваемому составу преступления, на наш взгляд, не свидетельствует о низком уровне общественной опасности предполагаемых деяний, в том числе и потому, что данная норма в существующей редакции находится в стадии начала своего действия, как одна из форм социального контроля.

Эффективность регулирования института иностранных агентов, закрепляющая ответственность за нарушение специального законодательства, обеспечивает общепредупредительное воздействие, что, по справедливому мнению А.В. Курсаева, выражается не только в массовости применения нормы, но и в достижении целей превенции преступлений [7]. Закрепление в соответствующей норме деяний, которые преследуются уголовным законом, так или иначе влияет на выбор модели поведения в данном случае субъектов правоотношений – лиц, признанных иностранными агентами. Доказанные факты вмешательства иностранных государств во внутренние дела России характеризуют их повышенную общественную опасность, а отсутствие должной реакции со стороны государства и общества на такую целенаправленную политическую деятельность чревато злоупотреблениями в политических целях.

Российский Закон об иностранных агентах является адаптированной версией американского и австралийского его вариантов, между которыми существует безусловная общность целей, заключающаяся в раскрытии личности тех, кто действует от имени иностранных правительств, поскольку общественность должна быть проинформирована о влиянии на выборных должностных лиц и решения, которые они принимают. Это особенно актуально в свете нынешней обострившейся геополитической напряженности. Тем не менее конечный эффект российского Закона об иностранных агентах и уголовные санкции за его нарушение имеют своей целью позволить гражданам критически интерпретировать заявления и действия заинтересованных лиц. Другими словами, решения относительно направления развития своей нации должны приниматься теми, на кого эти решения в конечном счете повлияют: гражданами и резидентами [8]. В связи с чем закон должен оградить общество от субъектов, обладающих непропорциональной властью через сети и информационные ресурсы, к которым у обычного человека нет доступа, оказывающих незаконное влияние на государственные органы, таким образом уменьшая возможности граждан влиять на политику в национальных интересах. Следовательно, раскрытие личности ино-

странных агентов является базовой политикой государства, которая повысит справедливость демократической системы путем устранения информационной асимметрии.

Конкретизация положений российского Закона об иностранных агентах в части признания таковыми физических лиц (российских, иностранных граждан и лиц без гражданства) узко нацелена на то, чтобы охватывать не только агентов иностранных правительств или иностранных политических партий, которые, безусловно, представляют наибольшую угрозу посредством осуществления политического влияния, выходящего за рамки публичной дипломатии, но и частных лиц, поскольку они также могут эффективно действовать в качестве агентов иностранных правительств. В связи с чем можно сделать вывод о том, что если бы законодательный минимум, связанный с пресечением иностранного влияния в России, отсутствовал, инструмент борьбы с иностранной пропагандой был бы сведен на нет.

Нормативно-правовой контроль за чужеродной информационно-политической деятельностью является позитивным шагом. Вместе с тем более широкая проблема заключается в том, что в Законе об иностранных агентах присутствуют концептуальные трудности в определении критериев доказанности наличия иностранного элемента этих действующих лиц и достаточности таких доказательств, что вызывает наибольшую критику со стороны правозащитного сообщества.

Подводя итог, мы можем констатировать, что цели отечественного законодательства об иностранных агентах, с учетом опыта других юрисдикций, — это

основа для максимального обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета, которые будут исполняться в долгосрочной перспективе. Риторика в отношении рисков преследования лиц за их политические убеждения не основана на нормах закона, поскольку его конечное воздействие направлено исключительно на участников правоотношений, непропорционально использующих свои ресурсы (например, авторитет и узнаваемость) на формирование (либо изменение) общественного мнения или изменение политического курса страны. Важно подчеркнуть, что сфера действия Закона об иностранных агентах не является абстрактной, а ограничена обязательным одновременным наличием ряда условий, оцениваемых в совокупности, что делает его полностью оправданным. При этом негативные последствия, создаваемые для субъектов, признаваемых иностранными агентами, в виде требований о регистрации, раскрытии информации и соответствующей отчетности, представляют наименьший риск для демократического общества, исходя из приоритета публичных (государственных) интересов над частными.

Вместе с тем, представляется, что наличие уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение законодательства об иностранных агентах требует более сложного механизма признания таковыми граждан и юридических лиц, а не ограниченного решением только лишь Министерства юстиции. В данном аспекте полагаем, что такое решение должно приниматься судом по соответствующему обращению государственного органа на основании полно и всесторонне исследованных материалов, что позволит исключить необоснованную критику принимаемых решений.

Примечания

¹ The European Commission for Democracy through Law – the Venice Commission. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2021\)027-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2021)027-e) (дата обращения: 22.12.2022).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части шестой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смирнского и В.П. Юкечева» // СПС КонсультантПлюс.

³ Foreign Agents Registration Act – FARA 22 U.S. Code § 611. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/611> (дата обращения: 22.12.2022).

⁴ Foreign Influence Transparency Scheme Act 2018. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C201800063> (дата обращения: 21.01.2023).

⁵ Закон о регулировании иностранных взносов. 2010. URL: <https://www.mha.gov.in/en/acts?page=1> (дата обращения: 21.01.2023).

⁶ Вводный закон о нормах бразильского права от 4 сентября 1942 года № 4.657, в редакции Закона № 12.376 2010 года. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del4657.htm (дата обращения: 21.01.2023).

⁷ Руководство по политическому финансированию для третьих сторон, финансовых агентов и аудиторов. URL: <https://www.elections.ca/content.aspx?section=pol&dir=thi%2fec20227&document=p2&lang=e> (дата обращения: 21.01.2023).

⁸ Закон о защите политического суверенитета и национального самоопределения. URL: <https://www.asambleanacional.gob.ve/leyes/sancionadas/ley-de-defensa-de-la-soberania-politica-y-autodeterminacion-nacional> (дата обращения: 21.01.2023).

⁹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 408 от 30.05.2018 «Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных структурных элементов постановлений Совета Министров Республики Беларусь». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&rp=C21800408&p1=1> (дата обращения: 21.01.2023).

¹⁰ Закон 2021 г. XLIX «О прозрачности общественных организаций, осуществляющих деятельность, способную повлиять на общественную жизнь». URL: <https://njt.hu/jogszabaly/2021-49-K0-00> (дата обращения: 21.01.2023).

¹¹ The European Commission for Democracy through Law – the Venice Commission. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2021\)027-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2021)027-e) (дата обращения: 22.12.2022).

¹² Данные судебной статистики. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.01.2023).

¹³ Reports on the Operation of the Foreign Influence Transparency Scheme. URL: <https://www.ag.gov.au/integrity/reports-operation-foreign-influence-transparency-scheme> (дата обращения: 24.01.2023).

¹⁴ Criminal Enforcement FARA. URL: <https://www.fara.us/resources-criminal> (дата обращения: 22.12.2022).

Список источников

1. Романовская О.В. Правовой статус иностранного агента // Гражданин и право. 2020. № 1. С. 36–48.
2. Нечкин А.В., Истомин М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 90–104.
3. Курбанов Р.А., Налетов К.И. Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 5. С. 5–15.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 13-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2022. 992 с.
5. Хиллута В.В. Административная преюдиция в структуре состава преступления // Уголовное право. 2021. № 7. С. 56–63.
6. Яцеленко Б.В. Проблемы соблюдения принципа законности в контексте совершенствования уголовного законодательства России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 128–132.
7. Курсаев А.В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 37–44. doi: 10.17277/pravo.2021.01.pp.037-044
8. Draffen C., Yee-Fui Ng. Foreign agent registration schemes in Australia and the United States: the scope, risks and limitations of transparency // The University of New South Wales Law Journal. 2020. Vol. 43 (4). P. 1101–1136. URL: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/wp-content/uploads/2020/11/Draffen-Ng.pdf>

References

1. Romanovskaya, O.V. (2020) Pravovoy status inostrannogo agenta [Legal status of a foreign agent]. *Grazhdanin i pravo*. 1. pp. 36–48.
2. Nechkin, A.V. & Istomin, M.A. (2022) Teoretiko-pravovyye osnovy bor'by s manipulirovaniem massovym soznaniem v seti "Internet" na primere Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and legal foundations of the fight against the manipulation of mass consciousness on the Internet on the example of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 1. pp. 90–104.
3. Kurbanov, R.A. & Naletov, K.I. (2021) Status inostrannykh agentov v Rossii, SShA i Avstralii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The status of foreign agents in Russia, the USA and Australia: a comparative legal study]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 5 (17). pp. 5–15.
4. Rarog, A.I. (ed.) (2022) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 13th ed. Moscow: Prospekt.
5. Khilyuta, V.V. (2021) Administrativnaya preyuditsiya v strukture sostava prestupleniya [Administrative prejudice in the structure of a crime]. *Ugolovnoe pravo*. 7. pp. 56–63.
6. Yatselenko, B.V. (2017) Problemy soblyudeniya printsipa zakonnosti v kontekste sovershenstvovaniya ugolovnogogo zakonodatel'stva Rossii [Problems of observance of the principle of legality in the context of improving the criminal legislation of Russia]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 128–132.
7. Kursae, A.V. (2021) Prichiny nalichiya "mertvykh norm" v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [The reasons for the presence of "dead norms" in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 1 (14). pp. 37–44. doi: 10.17277/pravo.2021.01.pp.037-044
8. Draffen, C. & Ng, Y.-F. (2020) Foreign agent registration schemes in Australia and the United States: the scope, risks and limitations of transparency. *The University of New South Wales Law Journal*. 4 (43). pp. 1101–1136. [Online] Available from: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/wp-content/uploads/2020/11/Draffen-Ng.pdf>

Информация об авторах:

Долгиева М.М. – канд. юрид. наук, прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: novator111@mail.ru

Долгиев М.М. – канд. экон. наук, зам. председателя СПК «Долаковский» (Москва, Россия). E-mail: novator111@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.M. Dolgieva, Cand. Sci. (Law), prosecutor, Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). Email: novator111@mail.ru

M.M. Dolgiev, Cand. Sci. (Law), deputy head, Dolakovsky agricultural production cooperative (Moscow, Russian Federation). Email: novator111@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023;
одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 29.01.2023;
approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Научная статья
УДК 347.512.5
doi: 10.17223/15617793/488/22

Ответственность директора за убытки, причиненные юридическому лицу: правовая природа и основание

Надежда Андреевна Кирилова¹

¹ *Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», Новосибирск, Россия,
kirilovan@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются проблемы правового регулирования ответственности директора за убытки, причиненные его недобросовестными или неразумными действиями юридическому лицу. Сопоставляются доктринальные подходы к определению правовой природы данного вида ответственности; анализируются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и специальных законов, закрепляющие субъектов ответственности. Исследуются категории «недобросовестность» и «неразумность» действий директора как основание его ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего гражданско-правовую ответственность директора перед юридическим лицом за причиненные убытки.

Ключевые слова: юридическое лицо, недобросовестность и неразумность как основание ответственности; члены органов управления юридического лица

Для цитирования: Кирилова Н.А. Ответственность директора за убытки, причиненные юридическому лицу: правовая природа и основание // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 210–218. doi: 10.17223/15617793/488/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/22

The director's liability for damages caused to a legal entity: Legal nature and basis

Nadezhda A. Kirilova¹

¹ *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation,
kirilovan@yandex.ru*

Abstract. The article examines the problems of legal regulation of the director's liability for losses caused to a legal entity. The activity of a legal entity affects the interests of many entities – creditors, investors, participants, the state; therefore, an unfair or unreasonable behavior of the director poses an increased risk to the stability of civil law transactions in general. The aim of this study is to improve the legal regulation of the protection of the rights of a legal entity from unreasonable and unfair actions of the director. The work used logical, systematic, and theoretical dogmatic methods, as well as the method of analyzing normative legal acts and materials of judicial practice. The research is based on the study and analysis of the theoretical approaches to the responsibility of the director of a legal entity and other members of management bodies that have developed in modern civil and corporate law. As a result, the author came to the conclusion about the ambiguity of the legal nature of the director's responsibility: it cannot be reduced to contractual or tort, and it is also inappropriate to define it as corporate. The author believes that the director's liability is a property civil liability, with its inherent features. The study revealed a trend of changing corporate tactics in cases of protecting the interests of a legal entity: the appeal of individual decisions of the management bodies of a legal entity and individual transactions has been replaced by a steady trend of holding the director and other members of the management bodies accountable for losses caused by unreasonable or unfair actions. In the course of the study, the author came to the following conclusions. (1) It is advisable to amend the Civil Code of the Russian Federation by fixing a separate subsection, Civil Liability, in Section I, General Provisions; this subsection should reflect the basis and conditions of liability for violation of various, not only mandatory, civil rights, as well as the specifics of liability arising in corporate relations. (2) The legal nature of the director's liability for losses caused to a legal entity is civil; a contractual model of interaction between the director and the legal entity s/he heads requires elaboration. (3) The subjects of liability for losses caused to a legal entity are members of any bodies of this legal entity that have the ability to form and/or implement its will, as well as persons who have the ability to influence decision-making and determine the actions of this legal entity. In case of collective decision-making, the members of the managing bodies are held jointly and severally liable. (4) The basis of liability for losses caused to a legal entity is unfair or unreasonable culpable actions or non-actions of the director. At the same time, there is a presumption of

good faith and reasonableness of the director's actions, which the plaintiff must refute, and a presumption of the director's guilt, which the director has the right to refute. Only consistent refutation of presumptions will allow protecting the interests of a legal entity from the illegal actions of the director and will make the activities of this legal entity and its body more stable.

Keywords: legal entity, bad faith and unreasonableness as basis of liability, members of legal entity's management bodies

For citation: Kirilova, N.A. (2023) The director's liability for damages caused to a legal entity: Legal nature and basis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 210–218. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/22

Постановка проблемы

В последние годы вопросы ответственности руководителей/директоров за убытки, причиненные юридическому лицу своими недобросовестными или неразумными действиями, находятся в центре внимания юристов. Интерес к данной сфере обусловлен рядом причин. Во-первых, деятельность юридического лица затрагивает интересы множества субъектов (кредиторов, потенциальных инвесторов, членов органов управления и участников юридического лица, государства), а значит, недобросовестное или неразумное поведение лица, выступающего от имени юридического лица, представляет для них повышенный риск. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость создания стройной системы защиты прав и законных интересов данных лиц и в целом гражданского оборота, притом что и деятельность самого юридического лица не окажется парализованной. Во-вторых, вопрос привлечения к ответственности лица, представляющего юридическое лицо, поднимает другие вопросы: назначение и сущность юридического лица, природа отношений органа юридического лица и самого юридического лица, разграничение ответственности юридического лица и его участников. В-третьих, развитие нормотворчества, в том числе судебного, повлекло рост исковых обращений от участников юридического лица к его директору.

Нормы об ответственности лица, которое в силу закона выступает от имени юридического лица¹, нашли закрепление в ГК РФ уже в момент его принятия: в ст. 53 установлена обязанность директора действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Позже это правило было дополнено положением о возложении обязанности на такое лицо возмещать по требованию юридического лица, его учредителей (участников) убытки, причиненные по его вине юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ)². Но случаи реального привлечения директоров к ответственности до 2013 г. были немногочисленными. Ситуация изменилась с принятием Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление № 62), положения которого наполнили содержанием понятия недобросовестности и неразумности действий директора и тем самым сделали инструмент защиты прав юридического лица от неправомерных действий директора более эффективным.

Анализ судебной статистики за девять лет (с 2014 по 2022 г.)³ позволил автору выявить некоторые закономерности рассмотрения корпоративных споров, к числу которых согласно абз. 3 п. 1 ст. 225.1 АПК РФ, относятся и споры по искам участников о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу:

1) в практике арбитражных судов Российской Федерации наблюдается ежегодный рост корпоративных споров на 5,83%, а их общее количество увеличилось на 40%;

2) количество споров по искам участников юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, имеет стабильную положительную динамику: в 2014 г. рассмотрено 716 дел, в 2022 г. – 1 158 дел, что составило почти 39% прироста⁴;

3) если сравнить количество исков о возмещении убытков юридическому лицу с иными корпоративными спорами, направленными на защиту интересов прав юридического лица, то динамика следующая. Участники корпораций с 2014 г. значительно чаще стали прибегать к использованию иска к директору о возмещении убытков, чем к иным способам защиты, например, оспариванию крупных сделок и сделок с заинтересованностью, обжалованию решений органов юридического лица. Так, число споров о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и/или применении последствий недействительности таких сделок имеет устойчивую тенденцию к снижению (с 2014 по 2022 г. число споров снизилось на 47%)⁵. Число споров об обжаловании решений органов управления юридического лица еще более заметно снизилось – с 1 744 дел в 2014 г. до 514 дел в 2022 г., т.е. более чем на 76% ежегодно и на 330% за рассматриваемый период⁶. Данные цифры свидетельствуют о смене «корпоративной тактики» в деле защиты интересов юридического лица: изнурительное обжалование единичных решений органов юридического лица или разовых сделок юридического лица со значительными временными, финансовыми и психологическими затратами участников корпорации, с сокращенными сроками для защиты своих прав и неопределенным исходом сменилось устойчивой тенденцией привлечения директора корпорации к ответственности за причиненные убытки, что называется, по совокупности содеянного.

В рамках настоящей статьи затронем ключевые проблемы, возникающие в данной сфере: правовую природу ответственности директора за причиненные юридическому лицу убытки; субъектов, которые могут быть привлечены к такого рода ответственности; основания ответственности и условия ее возникновения.

Правовая природа ответственности директора за убытки, причиненные юридическому лицу

Основные дискуссии о правовой природе ответственности директора можно свести к следующим вопросам: является ли ответственность директора самостоятельным видом ответственности или разновидностью гражданско-правовой ответственности, можно ли ее свести к договорной или деликтной ответственности или это некий комплексный правовой институт?

Несмотря на то что ст. 53.1 ГК РФ находится в параграфе 1 главы 4 ГК РФ «Юридические лица», а значит, является общей нормой, действующей в отношении любых юридических лиц, как корпоративных, так и некорпоративных, чаще всего исследования данного вида ответственности ведутся в разрезе корпоративных отношений; споры по искам учредителей о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, относят к числу корпоративных⁷, и саму ответственность директора относят к особой разновидности корпоративной ответственности. Такое смещение акцента обусловлено тем, что, действительно, основная масса споров о возмещении убытков юридическим лицам является спорами с участием корпоративных организаций, прежде всего обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ — основных коллективных участников имущественного оборота. На этом основании ряд исследователей делают вывод о корпоративной природе ответственности директора. Так, О.В. Гутников последовательно обосновывает самостоятельность корпоративной ответственности, к которой относит и ответственность членов органов управления юридического лица, которая, по его мнению, «является не деликтной, а корпоративной и отличается как от деликтной, так и договорной ответственности» [1. С. 71]. И.С. Шиткина, анализируя нормы законодательства, приходит к выводу о том, что дополнение ГК РФ статьей 307.1 о применении общих положений об обязательствах к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, обуславливает и «субсидиарность применения к корпоративным правоотношениям правил, установленных для обязательств, включая вопросы ответственности» [2. С. 9], при этом называет такой вид ответственности нейтральным термином «имущественная ответственность в корпоративных отношениях». С.А. Синицин более категоричен, он полагает, что «дискуссионными видятся предложения об обособлении идеологической матрицы корпоративной ответственности в особый вид гражданско-правовой ответственности (наряду с деликтной и договорной), такое решение только способствовало бы распочкованию положений о различных формах и мерах подотраслевой ответственности в предмете гражданского права в не связанные друг с другом нормы и институты...» [3. С. 59].

Наиболее востребованной судебной практикой стала концепция деликтной природы ответственности директора. Обоснованием такой концепции служит допущение о том, что если директор и юридическое лицо не связаны между собой договором (по добросо-

вестному и разумному выполнению обязанностей директора), то их отношения внедоговорные, а следовательно, при причинении убытков юридическому лицу допустимым юридическим инструментарием для привлечения директора к ответственности являются нормы деликтного права. С таким подходом категорически не согласна В.В. Долинская, которая, подробно анализируя законодательство и правоприменительную практику, делает вывод о том, что ответственность директора не деликтная, а практика расширительного применения норм деликтного права для компенсации имущественных потерь, в том числе в рамках корпоративных отношений, неприемлема, нормы о возмещении причиненного вреда не могут выступать источником восстановления нарушенных прав безотносительно к видам обязательств, из которых такое нарушение возникло [4. С. 9–17].

Безусловно, развернувшаяся среди исследователей дискуссия о правовой природе ответственности директора юридического лица имеет целью совершенствование механизма защиты прав юридического лица и, косвенно, прав его участников и кредиторов. Не претендуя на полноту, выскажу несколько замечаний по этому вопросу. Полагаю, ответственность директора за убытки, причиненные юридическому лицу, некорректно рассматривать в качестве корпоративной, так как она может быть возложена на руководителей и иных членов органов управления любых юридических лиц, а не только корпоративных. Кроме того, это ответственность гражданско-правовая в силу того, что корпоративные отношения — часть гражданско-правовых отношений и поглощаются последними. Выделение самостоятельной корпоративной ответственности само по себе вряд ли решит теоретические или прикладные задачи в этой сфере, но осложнит сферу применения соответствующих норм. Если попытаться вписать данную ответственность в традиционное деление ответственности на договорную и деликтную, то такое решение также не видится оптимальным. Ответственность директора несводима к ответственности договорной или деликтной, выбор между этими двумя видами ответственности несколько искусственный. Многие исследователи, следуя логике, закрепленной в ГК РФ, согласно которой глава 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств» помещена в разделе III ГК РФ «Общая часть обязательственного права», понимают под гражданско-правовой ответственностью только ответственность за нарушение обязательств и классифицируют ее на два основных вида. Данный подход сильно сужает и искажает применение норм о гражданско-правовой ответственности, ограничиваясь применением только к обязательствам. Но если выбирать между договорной и деликтной ответственностью, то, полагаю, обязательства директора перед руководимым им юридическим лицом ближе к договорным (в их основе лежит и трудовой договор, который может быть дополнен гражданско-правовым договором по типу агентского, как это моделируется в некоторых правопорядках). Таким образом, возможны два варианта развития правового регулирования данной сфе-

ры: первый – вывести нормы о гражданско-правовой ответственности из раздела обязательственного права и сформировать отдельный подраздел, посвященный гражданско-правовой ответственности, поместив его в раздел I ГК РФ «Общие положения», в котором можно закрепить и особенности ответственности, возникающей в корпоративных отношениях; второй вариант (не исключающий первого) – связать юридическое лицо и его руководителя-директора гражданско-правовым договором о выполнении обязанностей по управлению юридическим лицом. Безусловно, реализация данных подходов потребует глубокого анализа законодательства и правоприменительной практики, кропотливой работы юристов.

Субъект ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу

Вопрос определения субъекта ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу, также является неоднозначным. Сложность конструкции юридического лица порождает множество проблем взаимодействия юридического лица как с другими участниками гражданского оборота, так и с участниками самого юридического лица, членами его органов управления. Е.А. Суханов справедливо отмечает: «Конструкция юридического лица рождена потребностями имущественного (гражданского) оборота... Ее назначение состоит в уменьшении риска имущественных потерь для учредителей (участников) юридического лица путем переложения возможной ответственности за результаты своей деятельности на созданного ими нового субъекта права – юридическое лицо и ограничения этой ответственности имеющимся у него имуществом», и сравнивает статус юридического лица со «щитом» во внешних отношениях [5. С. 5–6].

Но усложнение имущественных отношений потребовали переоценки концепции «корпоративного щита», которая может быть отброшена, если того требует защита значимых интересов участников гражданского оборота. Общепринятым является суждение о том, что юридическое лицо приобретает права и принимает на себя обязанности через свои органы, соответственно, действия этих органов и являются действиями самого юридического лица. Но в силу сложности внутренней организации юридического лица лицо, уполномоченное выступать от его имени, может, перешагнув рамки должного добросовестного и разумного поведения, причинить убытки самому юридическому лицу. Полагая, для стабильности гражданского оборота необходимо разграничивать действия органов юридического лица, которые являются действиями самого юридического лица, и действия отдельных лиц, входящих в состав этих органов. Именно последние будут выступать субъектами ответственности по ст. 53.1 ГК РФ. Такое разграничение органа юридического лица и члена органа юридического лица (даже если орган представлен одним лицом) – наиболее адекватный юридический прием, позволяющий привлечь менеджмент к ответственности за их неразумные или недобросовестные действия.

Обращает на себя внимание то, каким образом нормативно закреплены лица, на которые может быть возложена ответственность за убытки. В ГК РФ выделены три категории субъектов (последовательность их закрепления, полагаю, имеет значение): 1) лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени; 2) члены коллегиальных органов юридического лица; 3) лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица (ст. 53.1). В специальном законодательстве о хозяйственных обществах данный перечень выглядит иначе, чем в ГК РФ, при этом в ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» он практически совпадает: 1) члены совета директоров (наблюдательного совета); 2) единоличный исполнительный орган общества; 3) члены коллегиального исполнительного органа общества; 4) управляющий (управляющая организация или управляющий). Итак, в специальных законах о хозяйственных обществах последовательность закрепления субъектов ответственности иная, перечень лиц несколько уже. Относительно последовательности закрепления субъектов ответственности, принятой в ГК РФ, она в большей мере отражает иерархичность органов по принципу от наиболее «вредоносного» субъекта к менее «вредоносному». Полагаю, целесообразно нормы специального законодательства о хозяйственных обществах привести в соответствие нормам ГК РФ.

Сложившаяся к настоящему времени судебная практика свидетельствует, что в 80–90% случаев к ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу, привлекаются именно лица, действующие от имени юридического лица без доверенности, – директора. При этом по современному российскому законодательству допускается множество моделей организации исполнительного органа юридического лица (единоличный исполнительный орган; множественность единоличных исполнительных органов; единоличный и коллегиальный исполнительные органы; управляющий или управляющая организация), специфику которых необходимо учитывать при решении вопросов ответственности руководителя.

На практике возникает ряд проблем, связанных с субъектом ответственности по ст. 53.1 ГК РФ. Так, при возложении ответственности на руководителя организации важно помнить о соотношении норм трудового и гражданского законодательства. В соответствии с нормами трудового законодательства (ч. 1 ст. 277 ТК РФ) на руководителя может быть возложена полная материальная ответственность за прямой действительный ущерб, причиненный организации. При этом на основании ч. 2 ст. 277 ТК РФ руководитель, в том числе и бывший, возмещает организации убытки, причиненные его виновными действиями, только в случаях, предусмотренных федеральными законами. Полагаю, имущественная ответственность за убытки, причиненные организации, предусмотрен-

ная в ст. 53.1 ГК РФ и соответствующих статьях законов о юридических лицах, и является таким случаем⁸. Таким образом, нормы гражданского (корпоративного) законодательства об ответственности директора за причиненные убытки юридическому лицу должны иметь приоритет над положениями трудового законодательства о взыскании с руководителя прямого действительного ущерба.

При определении субъекта ответственности в случае множественности единоличного исполнительного органа ключевым является вопрос распределения полномочий между ними, от которого будет зависеть и модель ответственности. Так, при совместном выполнении полномочий директора несут солидарную ответственность, при раздельном – наступает самостоятельная ответственность того директора, в чью компетенцию входили те или иные действия. При этом если у суда возникнет проблема определения компетенции директоров ввиду ее нечеткого закрепления в учредительных или внутренних документах, то для защиты интересов юридического лица следует применять солидарную модель ответственности директоров (п. 4 ст. 53.1 ГК РФ).

Возникают проблемы привлечения к ответственности и лиц, временно исполняющих обязанности единоличного исполнительного органа. С одной стороны, лицо, временно исполняющее обязанности единоличного исполнительного органа, является субъектом имущественной ответственности, если в его действиях будет обнаружен состав правонарушения (п. 1 Постановления № 62). С другой стороны, возможность передоверия полномочий по управлению юридическим лицом может использоваться директором для «минимизации» риска наступления своей ответственности. Поэтому в практике достигнут некий баланс: директор, выдавший доверенность временно исполняющему обязанности, не освобождается от ответственности, но данная ответственность наступает за недобросовестное или неразумное осуществление обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействие) представителя, а также ненадлежащую организацию системы управления юридическим лицом (п. 5 Постановления № 62).

Особенностью ответственности членов коллегиальных органов юридического лица выступает правило, согласно которому не несут ответственности члены органа управления, голосовавшие против решения, которое повлекло причинение обществу убытков, или добросовестно не принимавшие участия в голосовании, остальные члены органов управления несут солидарную ответственность. Возможны случаи привлечения к солидарной ответственности и членов коллегиальных органов, и единоличного органа, действовавшего с их одобрения. Так, не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе факт одобрения его действия членами коллегиальных органов, повлекшего для юридического лица негативные последствия, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 7 Постановления № 62).

Относительно новым для гражданского законодательства является правило, закрепленное в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, согласно которому субъектом ответственности может являться и «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица». В законодательстве отсутствует определение такого лица, в судебной практике данный пробел восполняют нормой о «контролирующем лице должника», закрепленной в ст. 61.10 Федерального закона 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁹. Полагаю, случаи привлечения таких лиц к ответственности будут увеличиваться и целесообразно расширить случаи использования критериев отнесения лица к числу имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица.

Иными словами, ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, может быть возложена на членов любых органов юридического лица, имеющих возможность формировать и/или реализовывать его волю, а также на лиц, хотя формально и не являющихся членами органов юридического лица, но имеющих возможность влиять на принятие решений и определять действия должника. При этом защитой от убытков, наступивших вследствие коллективных решений органов управления, является модель солидарной ответственности лиц, принимавших такое решение, и/или лиц, совершавших действия, в том числе сделки на основании таких решений.

Основание и условия ответственности директора

Основанием гражданско-правовой ответственности директора является совершение им правонарушения, которое заключается в нарушении обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Г.Ф. Шершеневич еще в XIX в. писал: «Как уполномоченные, члены правления подлежат ответственности за все совершенное ими вопреки закону, уставу и постановлениям общего собрания. Однако ответственность их не может ограничиться уклонением от данных им инструкций. Они стоят во главе торгового предприятия, управляют им на самых широких основах полномочия, и потому они не могут быть освобождены от ответственности за вред, причиняемый ими товариществу своим небрежным, невнимательным отношением к его делам» [6. С. 425]. Разделяю и мнение Д.И. Степанова и Ю.С. Михальчук о том, что «любая ответственность в корпоративном (гражданском) праве строится на допущении, что конкретному субъекту оборота вменена некоторая обязанность, в данном случае – обязанность из сферы корпоративного права... Если лицо нарушает подобные нормативные рамки, оно может быть привлечено к гражданско-правовой имущественной ответственности в пользу корпорации, пострадавшей от его нерадивого поведения» [7. С. 6]. Иными словами, нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно само по себе является достаточным для признания действий директора и других членов органов управления правонарушением, дополнительного указания

на нарушение конкретных положений закона или иных нормативных правовых актов не требуется.

При этом следует отметить, что сама обязанность по добросовестному и разумному поведению не имеет однозначного понимания ни в судебной практике, ни в теории. Ряд исследователей полагают, что директор связан фидуциарными обязанностями разумного и добросовестного поведения (лояльность и недопущение конфликта интересов) при определении и реализации управленческих решений корпорацией [7. С. 14]. Видимо, термин «фидуциарность» используется исследователями, чтобы подчеркнуть повышенный стандарт поведения директора, обязанного перед корпорацией демонстрировать добросовестное и разумное поведение, которое сложно уложить в конкретный свод обязательств с четко заданными параметрами поведения. Но представляется верной точка зрения С.А. Синицина, считающего, что такие обязанности не являются фидуциарными, их возникновение следует из профессиональных стандартов управления корпорацией, и показывают они не доверительные отношения, сложившиеся между участниками корпорации и ее менеджментом, а ответственность менеджмента как профессиональных управляющих бизнесом за принятую и реализованную в пределах их полномочий бизнес-стратегию по возмездному управлению чужим «делом» [3. С. 62–63]. Реализация данных обязанностей имеет больше сходства с договорной моделью агентского договора, в рамках которого наличие лично-доверительного элемента юридически безразлично. Таким образом, в основе понимания должного поведения директора заложены два критерия: разумность и добросовестность действий.

Перечень неразумного поведения директора сформулирован в п. 3 Постановления № 62 и может быть сведен к таким действиям (бездействию) директора, как: принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации; до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной информации; совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок. Примеры неразумного поведения директора многочисленны в судебной практике: директор перечисляет денежные средства контрагенту, с которым отсутствуют договорные отношения; оплачивает непоставленные товары, невыполненные работы или неоказанные услуги; оплачивает работы, стоимость которых в разы превышает стоимость ремонтируемых основных средств; отчуждает имущество по цене в разы ниже рыночной¹⁰. При этом часто разграничить неразумное поведение директора и недобросовестное бывает крайне сложно.

Содержание директорской добросовестности в Постановлении № 62 приравнено к общегражданской, закрепленной в ст. 10 ГК РФ, т.е. директор как минимум не должен нарушать общепринятые нормы поведения и действовать добросовестно в рамках внутрикорпоративных отношений. В пункте 2 Постановления № 62 сгруппированы случаи недобросовестности

директора: действовал при наличии конфликта интересов; скрывал информацию о совершенной сделке от участников юридического лица либо предоставлял недостоверную информацию в отношении сделки; совершил сделку без одобрения органов юридического лица; после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица; знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом. Примерами недобросовестности директора, которая привела к ответственности, являются, в частности, следующие случаи: самостоятельное, без согласования с советом директоров или общим собранием участников повышение себе заработной платы или иного вознаграждения; совершение сделки, в которой имеется заинтересованность; организация за счет корпорации личных поездок, не носивших делового характера; оплата лечения и обучения членов семьи за счет управляемой им организации; получение значительных сумм в подотчет без последующих доказательств возврата данных сумм или предоставления документов, подтверждающих расходование средств на нужды организации¹¹.

При этом дискуссионным является разграничение случаев, когда убытки возникли, но не в результате недобросовестности директора, а в силу предпринимательского риска, присущего этому виду деятельности. В пункте 1 Постановления № 62 судам рекомендовано принимать во внимание, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входил директор, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий сопутствует рисковому характеру предпринимательской деятельности. Действительно, предпринимательская деятельность — это деятельность, связанная с риском, и в момент принятия решений не всегда есть возможность детального расчета, не допускающего вероятных отклонений. К тому же на момент оценки ранее принятых решений меняются не только обстоятельства их принятия, но и подход к их оценке. Суды не должны вмешиваться в оценку эффективности предпринимательской деятельности. Впервые эта позиция в российском праве была провозглашена Конституционным Судом Российской Федерации еще в 2004 г.: судебный контроль призван обеспечить защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса¹². Но на практике соблюдать грань между недобросовестностью директора и последствиями предпринимательского риска достаточно сложно.

Практически во всех судебных актах по данной категории дел судами фиксируется то, что необходимыми условиями привлечения директора к ответственности являются убытки, причиненные юридическому лицу, наличие причинно-следственной связи между причиненными убытками и недобросовестностью или неразумностью действий/бездействий и вина. В рамках данной статьи ограничимся лишь некоторыми замечаниями относительно данных условий.

Убытки являются обязательным условием привлечения директора к ответственности. Долгие годы камнем преткновения в спорах о гражданско-правовой ответственности являлся вопрос о доказывании конкретного размера убытков. По делам о взыскании убытков с директора в пользу юридического лица практика существенно изменилась после 2013 г., до этого суды отказывали в удовлетворении требований о возмещении убытков, когда заявленные требования не были документально обоснованы истцом в полном объеме. В настоящее время арбитражный суд не может полностью отказать в удовлетворении требования о возмещении директором убытков, причиненных юридическому лицу, только на том основании, что размер этих убытков невозможно установить с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности (абз. 2 п. 6 Постановления № 62).

Причинно-следственная связь достаточно редко специально исследуется судом, но неким стандартом оценки является следующее положение: при установлении причинной связи между нарушением и убытками необходимо учитывать то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует истец, является последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными истцом убытками предполагается. Считаю, для целей правоприменения такой подход уместен.

Обязательным условием ответственности директора и членов органов управления юридического лица является вина (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), при этом вина в делах о взыскании убытков в пользу юридического лица устанавливается судом далеко не всегда. Как правило, установив недобросовестность или неразумность действий директора, презюмируется его виновность, т.е. вина как основание гражданско-правовой ответственности, по сути, отождествляется с неразумными или недобросовестными действиями. Разделяю мнение А.А. Маковской о том, что «нарушение установленной законом обязанности руководителя действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица образует состав правонарушения, при условии наличия которого руководитель юридического лица и может быть привлечен к ответственности за причиненные убытки... при наличии вины» [8. С. 352]. При этом отождествление добросовестности и разум-

ности с виной неприемлемо, «ошибочно смешивать установленные объективным правом требования разумности с виной, что иногда встречается как в литературе, так и в практической деятельности. Такое отождествление... создает парадокс презумпций: с одной стороны, в гражданском праве действует презумпция вины; с другой – презумпции добросовестности и разумности поведения. Если эти презумпции сталкиваются, то объективно рассмотреть спор невозможно» [9. С. 163]. Полагаю, если недобросовестность и неразумность действий директора являются объективными обстоятельствами, образующими правонарушение, то вина является субъективным основанием ответственности и правоприменитель, разрешая соответствующий спор, последовательно разворачивает презумпции: вначале истцом должна быть опровергнута презумпция добросовестности и разумности директора, и только после этого директор наделяется правом опровергнуть презумпцию виновности.

Заключение

На основании изложенного можно сформулировать некоторые выводы относительно института ответственности директора за убытки, причиненные юридическому лицу.

1. Гражданско-правовая ответственность, являясь центральным институтом гражданского права, может наступать за нарушения не только обязательственных прав, но любых гражданских прав, в том числе корпоративных, вещных. В связи с этим предлагаю вывести нормы о гражданско-правовой ответственности из раздела III «Общая часть обязательственного права» и сформировать отдельный подраздел под названием «Гражданско-правовая ответственность» в разделе I ГК РФ «Общие положения». В данном подразделе могут найти отражение и особенности ответственности, возникающей в корпоративных отношениях.

2. Природа ответственности директора за убытки, причиненные юридическому лицу, гражданско-правовая, при этом целесообразно разрабатывать договорную модель взаимодействия директора и руководимого им юридического лица.

3. Субъектами ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу, могут являться члены любых органов юридического лица, имеющих возможность формировать и/или реализовывать его волю, а также лица, хотя и не являющиеся членами органов юридического лица, но имеющие возможность влиять на принятие решений и определять действия должника. При коллективном принятии решений, повлекших убытки юридического лица, члены органов управления привлекаются к солидарной ответственности.

4. Основанием ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу, являются недобросовестные или неразумные виновные действия / бездействия директора, причинившие убытки юридическому лицу. При этом действует презумпция добросовестности и разумности действий директора, которую должен опровергнуть истец, и презумпция виновности дирек-

тора, которую вправе опровергнуть последний. Только последовательное опровержение презумпций позволит, с одной стороны, защитить интересы юридического

лица от неправомерных действий директора, с другой стороны, сделает деятельность юридического лица и его органа более стабильным.

Примечания

¹ Далее данное лицо, а также иные члены органов управления юридического лица, указанные в ст. 53.1 ГК РФ, для краткости будут именоваться «директор».

² Аналогичные нормы закреплены и в специальном законодательстве об отдельных видах юридических лиц: в с. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1996 г. № 208 «Об акционерных обществах», ст. 22 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380 «О хозяйственных партнерствах», ст. 22 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации», ст. 15, 17 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174 «Об автономных учреждениях», ст. 25 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 166 «О государственных и муниципальных унитарных учреждениях», ст. 9.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях» и др.

³ Информация получена из ежегодных отчетов арбитражных судов Российской Федерации, размещенной на сайте Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации в разделе судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041>

⁴ Количество споров по искам участников юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, по данным сайта Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации: 2014 г. – 716 дел; 2015 г. – 710; 2016 г. – 695; 2017 г. – 756; 2018 г. – 975; 2019 г. – 919; 2020 г. – 782; 2021 г. – 1 072; 2022 г. – 1158 дел.

⁵ Количество споров о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и/или применении последствий недействительности таких сделок, по данным сайта Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации: 2014 г. – 1463 дела; 2015 г. – 1444; 2016 г. – 1283; 2017 г. – 1322; 2018 г. – 1212; 2019 г. – 1038; 2020 г. – 896; 2021 г. – 1171; 2022 г. – 885 дел.

⁶ Количество споров об обжаловании решений органов управления юридического лица, по данным сайта Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации: 2014 г. – 1744 дела; 2015 г. – 1358; 2016 г. – 1136; 2017 г. – 1032; 2018 г. – 834; 2019 г. – 661; 2020 г. – 528; 2021 г. – 551; 2022 г. – 514 дел.

⁷ Арбитражное процессуальное законодательство относит споры по искам учредителей, участников, членов юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, к числу корпоративных (абз. 1 п. 1 ст. 225.1 и абз. 3 п. 1 ст. 225.1 АПК РФ), но при условии, что такое юридическое лицо является корпорацией.

⁸ См. п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации».

⁹ Постановление ФАС Уральского округа от 12 мая 2012 г. № Ф09-727/10 по делу № А60-1260/2009; Определение ВАС РФ от 29 апреля 2013 г. № ВАС-11134/12 по делу № А60-1260/2009.

¹⁰ См.: Постановления АС СЗО от 2 февраля 2016 г. № А56-17815/2014; АС ДО от 12 апреля 2018 г. № А51-12617/2017, от 22 января 2018 г. № А73-15022/2016, АС УО от 31 октября 2017 г. № А50-19697/2016; АС ЦО от 23 ноября 2017 г. № А08-2891/2015; АС УО от 20 мая 2016 г. № А76-9051/2013; АС СЗО от 5 ноября 2015 г. № А46-8444/2014; УО от 22 мая 2017 г. № А07-28553/2015, от 24 ноября 2014 г. № А60-51548/2013; Постановление 8 ААС от 23.09.2021 № А75-22092-2019; Решение АС УО от 30 декабря 2020 г. № А72-18982-2019.

¹¹ См.: Постановления АС МО от 21 апреля 2016 г. № А41-75463/2015; АС СЗО от 10 июня 2016 г. № А56-68648/2015 (при этом суды не всегда квалифицируют повышение заработной платы директору как недобросовестные действия, см., например: Решение АС СО от 23 сентября 2021 г. № А60-7181-2021); Постановления Президиума ВАС РФ от 17 июня 2014 г. и Двадцатого ААС от 26 января 2015 г. по тому же делу; АС ДО от 8 апреля 2016 г. № А73-13007/2015; АС ДО от 1 августа 2017 г. № А51-18142/2015; АС ДО от 21 февраля 2018 г. № А73-1297/2017; АС ДО от 21 февраля 2018 г. № А73-1297/2017; Решение АС СПб и ЛО от 21.09.2021 г. № А56-20151-2021.

¹² См. п. 5.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании “Кадет Интеблшмент” и запросом Октябрьского районного суда города Пензы».

Список источников

1. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. М. : ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
2. Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 2. С. 2–26.
3. Синицин С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54–68.
4. Долинская В.В. Проблемы взаимодействия деликтного права и права корпораций (корпоративного права) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 9–17.
5. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2015. 223 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М., 2003. Т. 1: Введение. Торговые деятели. 480 с.
7. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М. : Статут, 2018. 207 с.
8. Маковская А.А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 329–372.
9. Цепов Г.В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12. С. 159–178.

References

1. Gutnikov, O.V. (2019) *Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave* [Corporate Liability in Civil Law]. Moscow: IZiSP; KONTRAKT.
2. Shitkina, I.S. (2015) *Imushchestvennaya otvetstvennost' v korporativnykh pravootnosheniyakh (na primere khozyaystvennykh obshchestv) (lektsiya v ramkakh uchebnogo kursa "Predprinimatel'skoe pravo")* [Property Liability in Corporate Legal Relations (on the Example of Business Companies) (lecture within the framework of the training course "Entrepreneurial Law")]. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes"*. 2. pp. 2–26.
3. Sinitsin, S.A. (2019) *Deliktная otvetstvennost' v korporativnom prave* [Tort Liability in Corporate Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10. pp. 54–68.
4. Dolinskaya, V.V. (2020) *Problemy vzaimodeystviya deliktного prava i prava korporatsiy (korporativного prava)* [Problems of interaction of tort law and corporate law (corporate law)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 9. pp. 9–17.

5. Sukhanov, E.A. (2015) *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative corporate law]. 2nd ed. Moscow: Statut.
6. Shershenevich, G.F. (2003) *Kurs torgovogo prava* [Commercial Law Course]. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
7. Stepanov, D.I. & Mikhail'chuk, Yu.S. (2018) *Otvetstvennost' direktora pered korporatsiey za prichinennye ey ubytki v sudebnoy praktike* [Responsibility of a Director to a Corporation for Losses Caused to it in Judicial Practice]. Moscow: Statut.
8. Makovskaya, A.A. (2006) Osnovanie i razmer otvetstvennosti rukovoditeley aktsionernogo obshchestva za prichinennye obshchestvu ubytki [The basis and amount of responsibility of the leaders of the joint-stock company for the losses caused to the company]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya* [Losses and the Practice of Their Compensation]. Moscow: Statut. pp. 329–372.
9. Tsepov, G.V. (2015) *Mozhno li sudit' za glupost'?* Delovoe suzhenie i ego ob'ektivnaya otsenka [Is it possible to judge for stupidity? Business judgment and its objective assessment]. *Zakon*. 12. pp. 159–178.

Информация об авторе:

Кирилова Н.А. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия). E-mail: kirilovan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Kirilova, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Administrative, Financial and Corporate Law, Novosibirsk State University of Economics and Management (Новосибирск, Россия). E-mail: kirilovan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.06.2022;
одобрена после рецензирования 26.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 17.06.2022;
approved after reviewing 26.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 343
doi: 10.17223/15617793/488/23

Проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ

Инна Анатольевна Котляр¹, Евгения Игоревна Глазкова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *abuhamda@mail.ru*

² *bekki_00@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникающие при определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4. УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». Анализируются нормы законодательства о контрактной системе в сфере закупок и уголовного закона применительно к понятию должностного лица, выявлены недостатки в конструкции состава преступления. Авторами изучена имеющаяся судебная практика по рассматриваемому вопросу, выносятся ряд предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: субъект преступления, контрактная система в сфере закупок, должностное лицо, злоупотребления в сфере закупок, уголовная ответственность, контрактный управляющий

Для цитирования: Котляр И.А., Глазкова Е.И. Проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 219–223 doi: 10.17223/15617793/488/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/23

Problems of determining the subject of a crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation

Inna A. Kotlyar¹, Evgeniya I. Glazkova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *abuhamda@mail.ru*

² *bekki_00@mail.ru*

Abstract. The sphere of state and municipal procurement is characterized by an increased public danger of regulated legal relations, which predetermines the need for its criminal legal protection. The legislator, taking into account the specifics of this area of relations and the composition of persons involved in procurement, introduced criminal liability for abuses in procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs (Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation). This work aims to study the problematic issues that arise when determining the subject of a crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation and to propose ways to solve them in order to properly qualify a criminal act. To reach the aim, the authors analyzed the norms of the legislation on the contract system in the field of procurement and the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the concept of an official; identified contradictions in the understanding of this term, which in turn affects the lack of uniform law enforcement practice on this issue; studied various approaches of scientists on the issues under consideration; indicated the shortcomings of the structure of the crime. The authors show the correctness of bringing an employee of a contract service, a contract manager, a member of the commission to criminal liability under Art. 200.4. of the Criminal Code of the Russian Federation since, due to the specifics of their official duties, they do not exercise organizational and administrative, or administrative and economic powers. The existing judicial practice on this issue is given as an example. The authors characterize the criminal-legal status of the head of the contract service, the chair of the procurement commission, indicate the presence of signs of an official in the head of the contract service, analyze local acts of customers, according to which it is possible to draw a conclusion about the nature of the functions performed by the chair of the procurement commission only in each specific case, and consider the category of other authorized persons representing the interests of the customer in procurement specified in the disposition of Art. 200.4. of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors conclude that the subject of the crime is a specialized organization. The study uses general scientific methods of cognition: the comparative legal method, methods of deduction, induction, analysis and synthesis. The result of the work is proposals for

improving the current criminal legislation regulating the issues of the subject composition of Art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: subject of crime, contract system in procurement, official, abuse in procurement, criminal liability, contract manager

For citation: Kotlyar, I.A. & Glazkova, E.I. (2023) Problems of determining the subject of a crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 219–223. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/23

Формирование эффективной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд является одной из важнейших задач государства, условием успешного развития экономики страны и благополучия всего населения. По предварительным данным, в 2022 г. общий объем закупок, проводимых в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», составил около 12,9 трлн руб. [1]. Ввиду значительного размера бюджетных средств, направляемых на обеспечение государственных и муниципальных нужд, существенную роль приобретают вопросы уголовно-правовой охраны рассматриваемых правоотношений.

Сфера государственных закупок является одной из самых коррупционных. Распространенность уголовных деяний в данной области подтверждается статистическими данными. Так, по итогам массовых проверок соблюдения законодательства о государственных и муниципальных закупках Генпрокуратурой, за 10 месяцев 2022 г. было выявлено более 168 тысяч нарушений закона в сфере госзакупок, по которым внесено свыше 90 тысяч актов реагирования. Кроме того, в органы предварительного расследования направлено 1056 материалов, по которым возбуждено 748 уголовных дел [2].

Высокая общественная опасность отношений, складывающихся в сфере публичных закупок, значительное количество ежегодно совершаемых преступлений в данной области обусловило необходимость усиления ответственности и криминализации ряда деяний, связанных с закупочной деятельностью. В 2018 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации был введен состав преступлений, устанавливающих ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4. УК РФ) [3]. Это явилось положительным шагом в законодательном регулировании ответственности за нарушение нормативно-правовых актов о контрактной системе, поскольку теперь охвачен более широкий круг деяний коррупционного характера, подпадающий под нормы уголовного закона. Тем не менее в настоящее время существуют некоторые проблемы в практическом применении указанного состава уголовных преступлений в сфере закупок, в частности в определении его субъекта.

Дискуссионным является вопрос о перечне лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за нарушение законодательства о кон-

трактной системе. Так, субъектный состав статьи 200.4. УК РФ имеет определенные особенности, в рамках данной статьи могут быть привлечены только следующие категории лиц: работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. При этом специально оговорено, что они не должны обладать признаками должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Диспозиция ст. 200.4. УК РФ носит бланкетный характер, отсылает к положениям Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [4]. Однако между этими нормативно-правовыми актами отсутствует единство в терминологии.

В подпункте 9. ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ идет прямое перечисление лиц, которые относятся к должностному лицу заказчика, – это руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий. Кроме того, в ст. 38 Закона № 44-ФЗ установлено, что заказчик создает либо контрактную службу, либо назначает должностное лицо, ответственное за осуществление закупки или нескольких закупок, – контрактного управляющего. В статье 12 Закона № 44-ФЗ также указано, что должностные лица заказчиков несут персональную ответственность за соблюдение требований, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Таким образом, законодатель в Законе № 44-ФЗ применяет термин «должностное лицо» к лицам, которые должностными по смыслу статьи ст. 200.4. УК РФ не являются, что влечет за собой противоречия и несогласованность в понимании указанного термина. В связи с этим поразному складывается правоприменительная практика, а также отсутствует единообразный подход по рассматриваемому вопросу в научной литературе.

В статье 200.4. УК РФ законодатель в качестве субъекта преступления, в первую очередь, определяет работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, не наделяя их признаками должностного лица. Но ряд исследователей рассматривают их в определенных

случаях в качестве должностных лиц и в связи с этим подлежащих ответственности по иным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации [5. С. 53]. Как указывает М.А. Филатова, анализ функций и полномочий контрактного управляющего, а равно контрактной службы в целом дает основания полагать, что указанные лица могут относиться к выполняющим административно-хозяйственные или организационно-распорядительные функции, например, при осуществлении полномочий по заключению контрактов [6. С. 39]. В этом случае, по мнению ученого, они будут привлекаться по соответствующим статьям главы 23 или 30 УК РФ, а не по ст. 200.4 УК РФ.

Однако имеющаяся судебная практика по данному вопросу свидетельствует об обратном: контрактные управляющие не рассматриваются в качестве должностных лиц, обладающих управленческими полномочиями. Так, Интинский городской суд Республики Коми от 25.02.2021 в приговоре по делу № 1-1/2021 указал, что Н.А., заведомо зная, что создаваемые им условия в технической документации к соответствующему аукциону исполнимы только ООО «Империя строительства», включил указанные условия в техническое задание к проекту муниципального контракта, при этом, располагая действующими предложениями от организаций, которые предлагали к приобретению детские комплексы с надлежаще оформленными документами и наличием сертификатов безопасности, по стоимости за аналогичные детские игровые комплексы на порядок ниже, своими действиями ограничил конкуренцию. Судом установлено, что Н.А. совершил нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд контрактным управляющим, который не является должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, из иной личной заинтересованности и причинил крупный ущерб [7].

Представляется, что работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии не осуществляют организационно-распорядительных, либо административно-хозяйственных полномочий, поскольку по содержанию своих обязанностей выполняют строго определенные процедурные функции. К примеру, контрактный управляющий размещает проект контракта в единой информационной системе по результатам проведения электронного аукциона только после подведения итогов определения поставщика, что отражается в соответствующем протоколе и подписывается всеми членами закупочной комиссии, самостоятельно данное решение не принимает. Он сопровождает деятельность заказчика по осуществлению закупок, но никаких полномочий, к примеру по расходованию денежных средств, руководству трудовым коллективом не осуществляет. Следовательно, при существующей формулировке уголовного закона работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок необходимо привлекать к уголовной ответственности по ст. 200.4 УК РФ.

В научной литературе также возникают споры относительно того, могут ли быть субъектами рассматриваемого преступления руководители контрактной службы, председатели конкурсных комиссий, комиссий по осуществлению закупок, единых комиссий. В.И. Гладких считает, что они обладают определенными управленческими функциями, их можно привлечь к ответственности только по ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» [5. С. 54]. Однако, проанализировав действующее законодательство и локальные нормативные акты заказчиков, нельзя прийти к однозначному выводу по данному вопросу.

К примеру, закрепленные в приказе Росавиации от 17.03.2022 № 166-П «О создании комиссии по осуществлению закупок для нужд Федерального агентства воздушного транспорта» полномочия председателя комиссии свидетельствуют в большей степени о его координационных функциях, чем об организационно-распорядительных [8]. Так, в соответствии с утвержденным Росавиацией порядком работы комиссии он извещает лиц, принимающих участие в работе комиссии, о дате, времени и месте заседаний комиссии; открывает и ведет заседание комиссии; определяет порядок обсуждаемых вопросов и т.д. Никаких решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия в сфере закупок, председатель комиссии в данном случае не принимает, что нельзя сказать, к примеру, о руководителе контрактной службы. Согласно приказу Минфина России от 31.07.2020 № 158н «Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе» к полномочиям руководителей контрактной службы относится распределение функций и полномочий между работниками контрактной службы [9]. Следовательно, он обладает определенными организационно-распорядительными функциями, субъектом преступлений по ст. 200.4. УК РФ быть не может. Таким образом, принимая решение о том, подлежат ли уголовной ответственности по рассматриваемой статье руководители контрактной службы, председатели конкурсных комиссий, комиссий по осуществлению закупок, единых комиссий, необходимо в каждом конкретном случае исходить из содержания их полномочий, закрепленных в локальных актах организации.

В качестве еще одного субъекта преступления, указанного в ст. 200.4 УК РФ, выступает лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. В соответствии с Законом № 44-ФЗ акт приемки подписывается заказчиком, а в случае создания приемочной комиссии – всеми членами приемочной комиссии и утверждается заказчиком. При этом заказчик вправе также направить представителя, уполномоченного принять товар (работу, услугу). Однако заказчик не может быть привлечен к уголовной ответственности по данной статье Уголовного кодекса РФ в силу выполняемых им организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Данный вывод подтверждается судебной практикой. Так, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2021 по делу № 77-1172/2021 указано, что

К.Е.НА., будучи начальником строительно-монтажного участка ФГУП «ГВСУ №», подписывал товарные накладные, на основании которых затем производилась оплата поставляемого щебня по договорам, без фактической проверки объема и качества этого щебня. При этом его адвокат приводит доводы о том, что К.Е.НА. не являлся должностным лицом, каким его определяет п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, не может быть признан субъектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, его действия подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 200.4 УК РФ. Тем не менее суд кассационной инстанции в своем решении указал, что при осуществлении своих должностных полномочий К.Е.НА. руководил производственно-хозяйственной деятельностью участка, занимался подбором кадров рабочих, подписанные товарные накладные являлись основанием для их оплаты, т.е. влекли юридические последствия. Подписывая товарные накладные без проверки количества и качества поставляемого щебня, что входило в обязанности осужденного как начальника строительного участка, получая за это денежное вознаграждение, К.Е.НА. тем самым совершил должностное преступление, оснований для переквалификации действий осужденного по ст. 200.4. УК РФ не имеется [10].

Таким образом, непосредственно сам заказчик или уполномоченное им лицо, наделенное управленческими функциями, к уголовной ответственности по рассматриваемой статье привлечен быть не может. Тем не менее заказчик вправе принять решение о создании комиссии для приемки поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги, а также результатов отдельного этапа исполнения контракта. Представляется, что члены такой комиссии в случае нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе могут быть привлечены к уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

В качестве последней категории лиц, указанной в диспозиции ст. 200.4. УК РФ, выступают «иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». Данная формулировка вызывает ряд вопросов относительно того, кто может быть в этом случае субъектом преступления. Исходя из системного анализа норм Закона № 44-ФЗ, можно сделать вывод, что к такому субъекту относится специализированная организация, с которой заказчик в соответствии со ст. 40 Закона № 44-ФЗ вправе заключить контракт на оказание услуг по определению поставщика (подрядчика, исполнителя). В данном случае специализированная организация осуществляет функции от имени заказчика. Заказчик в заключаемом с ней контракте может определить конкретный перечень таких функций и

количество закупок, к которым привлекается специализированная организация, а также какие именно специалисты должны участвовать при разработке документации, рассмотрении заявок. При этом сотрудники специализированной организации с помощью своих электронных подписей размещают в единой информационной системе в сфере закупок всю необходимую информацию. Следовательно, представитель специализированной организации, действующий от ее лица и осуществляющий функции от имени заказчика, может рассматриваться в качестве уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, и быть субъектом преступления по ст. 200.4. УК РФ.

В целях устранения противоречий в действующем законодательстве относительно определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4. УК РФ, и формирования единообразной судебной практики по данному вопросу следует дополнить указанную статью примечанием по аналогии с примечанием к ст. 2.4. КоАП РФ. В примечании представляется необходимым указать о том, что работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, несут уголовную ответственность по данной статье как должностные лица. При этом следует, соответственно, исключить из ст. 200.4 УК РФ оговорку о недопустимости наличия у субъекта преступления признаков должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. В противном случае действующая конструкция состава преступления фактически неприменима на практике, поскольку не позволяет конкретно определить, кто может быть привлечен к уголовной ответственности по данной статье, что подтверждается немногочисленным количеством приговоров, вынесенных за злоупотребления в сфере закупок.

Таким образом, необходимо заключить, что действующая регламентация субъектного состава ст. 200.4 УК РФ является недостаточной. Существующие проблемы определения лиц, подлежащих уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, создают сложности для правоприменительных органов в правильной квалификации преступных деяний в области закупок. Внесение предложенных изменений в уголовное законодательство позволит устранить имеющиеся противоречия с нормами Закона 44-ФЗ, обеспечит их правильное применение и в целом будет способствовать усилению уголовно-правовой охраны контрактных отношений.

Список источников

1. Объем закупок государства и госкомпаний за 2022 год. URL: <http://zakupki-inform.ru/publikatsii-44-fz/zakupki-v-smi/ob-jom-zakupok-gosudarstva-i-goskompanij-za-2022-god-102023.html> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Генпрокуратура проверила государственные закупки. URL: <https://rg.ru/2022/12/21/voruiut-millionami.html> (дата обращения: 10.03.2023).

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 23 апр. 2018 г. № 99-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. Гладких В.И. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ): теоретический анализ // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 51–54.
6. Филатова М.А. Проблемы толкования признаков злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 28–50.
7. Приговор Интинского городского суда Республики Коми от 25.02.2021 по делу № 1-1/2021 // СПС КонсультантПлюс.
8. О создании комиссии по осуществлению закупок для нужд Федерального агентства воздушного транспорта : приказ Росавиации от 17 марта 2022 г. № 166-П // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе : приказ Минфина России от 31 июля 2020 г. № 158н // СПС КонсультантПлюс.
10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2021 № 77-1172/2021 // СПС КонсультантПлюс.

References

1. Zakupki-inform.ru. (2023) Ob'em zakupok gosudarstva i goskompanij za 2022 god [The volume of purchases by the state and state-owned companies for 2022]. *Zakupki-inform.ru*. 10 January. [Online] Available from: <http://zakupki-inform.ru/publikatsii-44-fz/zakupki-v-smi/ob-jom-zakupok-gosudarstva-i-goskompanij-za-2022-god-102023.html> (Accessed: 10.03.2023).
2. Egorov, I. (2022) Genprokuratura proverila gosudarstvennye zakupki [The Prosecutor General's Office checked public procurement]. *RG.ru*. 21 December. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/12/21/voruiut-millionami.html> (Accessed: 10.03.2023).
3. Consultant Plus. (2018) *On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal law No. 99-FZ of April 23, 2018*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. Consultant Plus. (2013) *On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs: Federal law No. 44-FZ of April 5, 2013*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Gladkikh, V.I. (2019) Zloupotrebleniya v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh ili munitsipal'nykh nuzhd (st. 200.4 UK RF): teoreticheskiy analiz [Abuses in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs (Art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation): theoretical analysis]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 3. pp. 51–54.
6. Filatova, M.A. (2022) Problemy tolkovaniya priznakov zloupotrebleniya v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [Problems of interpretation of signs of abuse in the sphere of state and municipal procurement]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 28–50.
7. Consultant Plus. (2021) Sentence of the Inta City Court of the Republic of Komi in case No. 1-1/2021 of February 25, 2021. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
8. Consultant Plus. (2022) *On the Creation of a Procurement Commission for the Needs of the Federal Air Transport Agency: Order of the Federal Air Transport Agency No. 166-P of March 17, 2022*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
9. Consultant Plus. (2020) *On approval of the Model Regulations (regulations) on contract service: order of the Ministry of Finance of Russia No. 158n of July 31, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
10. Consultant Plus. (2021) *Determination of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-1172/2021 of March 30, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторах:

Котляр И.А. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, административного права, начальник правового управления Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: abuhamda@mail.ru

Глазкова Е.И. – юристконсульт правового управления Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bekki_00@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Kotlyar, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abuhamda@mail.ru

E.I. Glazkova, legal adviser, Legal Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bekki_00@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2023;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 21.03.2023;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/488/24

Алгоритмизация поиска и оценки информации о деятельности кредитного потребительского кооператива

Надия Галлимуловна Набеева¹, Маргарита Ефимовна Добрусина², Рамиль Линарович Ахмедшин³

¹ Управление экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Томской области, Томск, Россия

^{2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ nadiana96a@gmail.com

² medobrusina@rambler.ru

³ ramil_ahmedshin@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка решения проблемы виктимологической профилактики незаконных форм деятельности кредитных потребительских кооперативов (КПК). Центральное место в статье занимают предложения по минимизации возможных рисков пайщиков посредством алгоритмизации их взаимодействия с базами данных, содержащих информацию о кредитных потребительских кооперативах. Предлагается алгоритм действий гражданина перед принятием решения о вступлении в КПК и отслеживания последствий этого решения.

Ключевые слова: кредитный потребительский кооператив, нормативно-правовое регулирование, алгоритм действия вкладчика, финансовая пирамида

Для цитирования: Набеева Н.Г., Добрусина М.Е., Ахмедшин Р.Л. Алгоритмизация поиска и оценки информации о деятельности кредитного потребительского кооператива // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 224–231 doi: 10.17223/15617793/488/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/24

Algorithmization of the search and evaluation of information on the activities of a credit consumer cooperative

Nadiya G. Nabeeva¹, Margarita E. Dobrusina², Ramil L. Akhmedshin³

¹ Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Tomsk Oblast, Tomsk, Russian Federation

^{2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ nadiana96a@gmail.com

² medobrusina@rambler.ru

³ ramil_ahmedshin@mail.ru

Abstract. The article discusses the “financial pyramid” phenomenon. The range of issues affects the methodological, historical, criminological, forensic, and psychological aspects. The result of the study is a model of a non-victim behavior of a citizen-depositor of a credit consumer cooperative. The subject of the study was a model of a citizen’s behavioral activity, which makes it possible to obtain and evaluate the probability that counterparts belong to the financial pyramid system. In the study, the general scientific methods of analysis, synthesis, a system-structural method, as well as the particular methods of statistical analysis, comparative historical analysis, and peer review, were used. The authors came to the following conclusions. The aggregate signs suggesting that the credit consumer cooperative is a financial pyramid are: high guaranteed profitability; active advertising activity; a small down payment; abbreviation in the name (ООО, ИП, PAO); execution of loan agreements in violation of the form and subject matter of the agreement; a boiler-plate charter or its absence; dubious deposit insurance; anonymity of organizers and coordinators; the need to attract new customers; dubious opportunities to receive income from the contributions of shareholders. Each of the elements is not illegal in itself, but in their combination they form a fairly high probability that we are talking about a structure that is a financial pyramid. All of the listed features of the financial pyramid act as elements of the forensic characteristics of this specific criminal activity highly diverse primarily in the method of committing a crime, the behavior of the victim and the behavior of criminals. A kind of a conceptual filter that makes the forensic characterization of the group of crimes under consideration quite unique is the victim’s vigorous activity for quite a long time, a large circle of victims, the high integration of criminals into the organized crime system. In the literature, the factor of high integration of the considered criminals into the system of

organized crime is clearly insufficiently disclosed. The identified features that allow attributing a credit consumer cooperative to a financial pyramid with a high degree of probability predetermine the very possibility of preventing crimes under consideration both through the analysis of the criminological and forensic components of the financial pyramid phenomenon.

Keywords: credit consumer cooperative, investor action algorithm, financial pyramid

For citation: Nabeeva, N.G., Dobrusina, M.E. & Akhmedshin, R.L. (2023) Algorithmization of the search and evaluation of information on the activities of a credit consumer cooperative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 224–231. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/24

В современных условиях рынок микрофинансирования нашей страны представлен в том числе в виде кредитных потребительских кооперативов.

Первые кредитные кооперативы возникли в середине XIX в. в Германии. В России в 1895 г. Департаментом по делам учреждений мелкого кредита было утверждено «Положение об учреждениях мелкого кредита», а в 1904 г. было предоставлено право открытия земских касс мелкого кредита. В 1916 г. в Российской империи насчитывалось уже более 16 тысяч кредитных кооперативов с общим числом пайщиков более 10 млн. В начале XX в. Россия занимала ведущее место в мире по численности кредитных кооперативов и числу пайщиков [1. С. 39].

Однако в 30-е гг. прошлого столетия произошел спад движения кредитной кооперации. В 1986 г. в СССР был принят новый закон о потребительской кооперации, стали вновь создаваться кредитные кооперативы. С июля 2009 г. вступил в действие новый Федеральный закон «О кредитной кооперации» № 190-ФЗ, в соответствии с которым кредитный кооператив является некоммерческой организацией. В части 1 ст. 3 названного закона указывается, что деятельность кредитного кооператива состоит в организации финансовой взаимопомощи членов кредитного кооператива (пайщиков) посредством:

1) объединения паенакоплений (паев) и привлечения денежных средств членов кредитного кооператива (пайщиков) и иных денежных средств в порядке, определенном законом и уставом кредитного кооператива;

2) размещения части денежных средств путем предоставления займов членам кредитного кооператива (пайщикам) для удовлетворения их финансовых потребностей [2].

Спектр мнений отечественных исследователей в отношении определения понятия «кредитный потребительский кооператив» достаточно четко укладывается в два различных подхода.

В рамках структурно-функционального подхода приоритет отдается категориям, определяющим взаимоотношения и природу участвующих субъектов:

– «Добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное, как правило, по территориальному признаку на основе членства путем объединения его членами имущественных паевых взносов для торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов» [3].

– «Средство мобилизации финансовых ресурсов своих членов, которые на стартовом этапе деятельности имеют довольно скромные финансовые возможности» [4].

В рамках структурно-целевого подхода приоритет отдается категориям, определяющим цель взаимодействия участвующих субъектов:

– «Некоммерческая организация, созданная с целью удовлетворения финансовых потребностей своих пайщиков, контролируемая группой людей, состоящая из собственников, вкладчиков и заемщиков» [5].

– «Небанковская кредитная организация, создаваемая как добровольное объединение физических лиц для финансовой помощи друг другу, а именно для сбережения личных денежных средств и предоставления из них займов только членам организации на взаимной основе» [6].

– «Структура некоммерческого типа, добровольное объединение физических и юридических лиц, которое создается с целью покрытия финансовых потребностей каждого из членов (пайщиков) сообщества» [7].

– «Хозяйственные и “неприбыльные” организации, базирующиеся на кооперативной, частно-групповой собственности своих членов, основная цель деятельности которых – удовлетворение потребностей своих членов в финансовой взаимопомощи по ценам, не имеющим экономического значения» [8].

Итак, представленные понятия кредитно-потребительского кооператива (КПК) позволяют установить основные его характеристики. Кооператив объединяет пайщиков по территориальному, профессиональному и (или) иному принципу для удовлетворения финансовых потребностей членов кооператива, его деятельность включает возможность приема денежных средств пайщиков и выдачи займов. Следует отметить, что КПК обязаны являться членами саморегулируемых организаций (СРО), объединяющих кредитные кооперативы.

Общим недостатком вышеприведенных вариаций рассматриваемого понятия является отсутствие в нем указания на статус пайщика и степень его ответственности за деятельность кооператива.

По нашему мнению, КПК – это некоммерческая организация, основанная на добровольном объединении физических и (или) юридических лиц (пайщиков), приобретающих статус собственников данной организации и несущих ответственность за ее деятельность, сформированная по территориальному, профессиональному и (или) социальному принципам для удовлетворения финансовых потребностей членов кредитного кооператива (пайщиков), не входящая в систему государственного страхования вкладов.

Для деятельности кредитно-потребительских кооперативов свойствен высокий уровень потенциальной криминогенности. Это привело к тому, что Банк России не осуществляет контроль и надзор за потребитель-

скими обществами (ПО), но осуществляет формирование и ведение на своем сайте www.cbr.ru государственного реестра кредитных потребительских кооперативов и единого реестра СРО финансового рынка. В чем же причина столь пристального внимания со стороны Банка России к деятельности кредитно-потребительских кооперативов? Дело в том, что в отличие от КПК в ПО предусмотрено объединение пайщиков, как правило, по территориальному признаку и возможность приема от своих членов имущественных паевых взносов для ведения торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности. В данном случае финансовая взаимопомощь не является основным видом деятельности, и, следовательно, ПО не вправе осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, а именно эта разновидность деятельности потенциально криминогенна.

До 2011 г. число кредитных потребительских кооперативов неизменно росло. Начиная с 2012 г. число организаций в области потребительской кредитной кооперации начало снижаться с 3 350 до 1 313 действующих. За прошедшие 9 лет число кредитных кооперативов в России снизилось на 61%. С момента первого открытия КПК в России после распада СССР открылась 6 461, закрылось 5 148 организаций. Прекращение работы КПК на графике четко коррелирует с графиком открытия новых компаний. За 2010–2011 гг. было открыто более 1 000 новых КПК, которые преимущественно закрывались в период 1–3-го года деятельности [9].

В настоящее время в России помимо реально ведущих уставную деятельность КПК функционирует множество организаций (объединений), основанных на принципах финансовой пирамиды. Учитывая масштабы их деятельности, данные организации по настоящему представляют угрозу экономической безопасности государства, поскольку препятствуют притоку капитала в реальный сектор экономики в виде вкладов в банки, покупки ценных бумаг или иных финансовых инструментов, а напротив, передают их в пользование определенной группе лиц, не осуществляющей никакой предпринимательской или иной экономической деятельности. Прекращение деятельности подобных КПК создает острые социальные конфликты среди населения, что приводит к массовому недоверию ко всем финансовым институтам страны.

Для понимания содержания конкретной следственной ситуации, возникающей при расследовании незаконной деятельности КПК, по нашему мнению, в период образования и ведения деятельности все КПК можно разделить на группы:

- реально осуществляющие уставную деятельность (в том числе пришедшие к банкротству по объективным обстоятельствам);
- созданные изначально как «финансовые пирамиды» для хищения привлеченных денежных средств пайщиков посредством мошеннических действий;
- умышленно преобразованные в «финансовые пирамиды» после периода успешной и законной деятельности.

В литературе природа финансовой пирамиды традиционно сводится в первую очередь к получению дохода по привлеченным денежным средствам за счет постоянного привлечения новых инвесторов и денежных средств [10. С. 97; 11. С. 166–167; 12. С. 75; 13; 14. С. 318; 15. С. 61].

Криминалистически значимо понимание, что если попытаться сформулировать основные характеристики КПК, имеющих признаки финансовой пирамиды, то мы получим следующий список:

- высокая гарантированная доходность (информация, предоставляемая организацией, гарантирует высокий доход, значительно превышающий размеры процентных ставок по банковским депозитам);
- активная рекламная деятельность (многочисленные презентации и видеосюжеты, предоставляющие мотивационно-позитивную информацию в упрощенном виде, но без конкретики);
- небольшой первоначальный взнос (незначительный размер первоначального взноса стимулирует привлечение большего количества людей);
- содержание в названии аббревиатуры: ООО, ИП, ПАО (незаконная организационно-правовая форма собственности, использование чужих правоустанавливающих документов);
- деятельность КПК до вступления в СРО (до вступления в СРО КПК не имеет права привлекать денежные средства членов (пайщиков) КПК и принимать новых членов (пайщиков);
- оформление договоров займа (нарушение формы и предмета договора (КПК оформляет договоры вкладов);
- шаблонный устав либо его отсутствие (устав фирмы не представлен на сайте КПК. В офисе уклоняются от его предоставления);
- сомнительное страхование вкладов (наличие информации о страховании вложений (инвестиций) физических лиц организацией, где учредителями являются руководители данного КПК);
- анонимность организаторов и координаторов (подписание договоров через посредников или представителей в офисах, находящихся не по юридическому адресу);
- необходимость привлечения новых клиентов (предложение по привлечению новых клиентов за некоторое вознаграждение);
- сомнительные возможности получения дохода от вкладов пайщиков (привлечение денежных средств для участия «якобы» в сферах, которые ассоциируются с высокой доходностью: нефтедобыча, золотодобыча, строительство, микрофинансовая деятельность, рынок Forex и др.).

Конечно, каждый из этих элементов сам по себе непротивоправен, но в своем сочетании они формируют достаточно высокую вероятность, что речь идет о структуре являющейся финансовой пирамидой. Все перечисленные признаки финансовой пирамиды выступают элементами криминалистической характеристики этой специфической преступной деятельности, которая охватывает ряд составов, что крайне разнообразит природу элементов, образующих, прежде всего,

способ совершения преступления, поведение жертвы и поведение преступников.

Пожалуй, своеобразным содержательным фильмом, делающим криминалистическую характеристику рассматриваемой группы преступлений достаточно неповторимой, выступает уникальность, которая выражается, во-первых, в активной деятельности потерпевшего на протяжении достаточно длительного времени, во-вторых, в большом круге потерпевших, в-третьих, в высокой интегрированности преступников в систему организованной преступности. К сожалению, о последней специфической черте рассматриваемой преступной деятельности в научной литературе говорится явно недостаточно.

На уровне гипотезы можно предположить целесообразность выделения рассматриваемых организаций на интегрированные в криминальный мир, представляющие интересы криминальных группировок, имеющих территориальную организацию, и на интегрированные в систему организованной преступности. Напомним, что функциональными особенностями первых выступает или нерегулярное использование отдельных коррумпированных чиновников, или постоянное взаимодействие с представителями организованной преступности. Функциональными особенностями же вторых выступает постоянная интегрированность исполнителей в виде организаторов и исполнителей «финансовой пирамиды» в систему организованной преступности. Другими словами, в первой группе сообществ приоритетны интересы «классического» преступного мира, во втором – интересы территориального или ведомственного стихийного сообщества коррумпированных чиновников.

Возвращаясь к алгоритму анализа рисков вложения средств, носящих выраженную профилактическую виктимологическую природу, отметим, что определить сразу, что та или иная организация является финансовой пирамидой на этапе привлечения этими организациями средств достаточно сложно. Можно говорить лишь о внешних признаках финансовой пирамиды. Зачастую кооперативы-пирамиды до определенного времени могут вести прибыльную деятельность, маскируясь под законопослушные, добропорядочные организации. Их настоящая сущность может раскрыться лишь в момент неисполнения ими своих обязательств перед вкладчиками.

Таким образом, из сказанного вытекает идея актуальности постоянного мониторинга текущей деятельности КПК для отнесения его к деятельности кооператива-«пирамиды». Естественно, анализ изменений в статусе и деятельности всех КПК – процедура в объеме страны крайне энергозатратная и плохо сочетается с потенциалом традиционного мониторинга, осуществляемого людьми без привлечения специальных технических приемов и средств. Природа данных приемов проистекает, по нашему мнению, из «цифровой» ориентированности современного индустриального общества. Чем же может помочь современный «цифровой» инструментарий в вопросе мониторинга деятельности КПК? Каким образом следует уменьшить тот фактор виктимологических рисков, который

предопределен самой природой кооператива-пирамиды? Для этого видится рациональным периодическое заполнение работниками КПК интерактивных форм, в которых выявляется информация, которая может свидетельствовать о КПК как об организации, имеющей признаки финансовой пирамиды.

Отметим, что список основных характеристик КПК, имеющих признаки финансовой пирамиды, является конкретным и легкоформализуемым, что предопределяет возможность периодического нейросетевого мониторинга деятельности КПК с автоматической рассылкой информации всем контролирующим органам, а также внесение того или иного КПК в реестры КПК, деятельность которых подлежит проверке в приоритетном порядке и с привлечением большего количества ресурсов.

В соответствии с вышеизложенным приводится ситуация, произошедшая с КПК «Первый Томский», основным видом деятельности которого являлась деятельность по предоставлению потребительского кредита. Вкладчиками кооператива были 900 человек, общая сумма вкладов, подлежащих выдаче, составляла более 500 млн рублей.

Рассматриваемый КПК являлся учредителем организации НКО ПОВС «Народные кассы», которая одновременно страховала ответственность кредитного кооператива за нарушение договоров, на основании которых привлекаются денежные средства пайщиков [16]. Таким образом, потенциальные вкладчики КПК «Первый Томский» вводились в заблуждение о застрахованности своих вкладов, поскольку до них доводилась информация о страховании в НКО ПОВС «Народные кассы».

Следует отметить, что этими же учредителями позднее был образован другой КПК с таким же названием, но другим ИНН. В ходе проверочных мероприятий, проводимых Банком России, саморегулируемой организацией установлены факты осуществления кооперативом недобросовестных практик с целью намеренного введения в заблуждение пайщиков (схема кооперативов-двойников). Осуществлялся перевод обязательств и требований по займам по ранее привлеченным сбережениям КПК «Первый Томский» во второй КПК «Первый Томский» с другим ИНН, который был исключен из членов СРО в 2019 г.

По результатам проверочных мероприятий в отношении первого КПК «Первый Томский» Банк России выявил признаки банкротства кооператива [17], в Арбитражный суд было подано заявление о признании его банкротом. Открыто конкурсное производство.

В ходе судебных разбирательств было установлено, что между КПК «Первый Томский» и физическим лицом Ш. был заключен договор займа, согласно которому кооператив предоставил ответчику заем в сумме более 13 млн руб. сроком на 3 месяца. В связи с неисполнением договорных обязательств образовалась задолженность на общую сумму более 14 млн руб. Однако кооператив обратился в суд о взыскании долга с данного физического лица практически через 3 года после подписания договора займа [18].

Ответчик не оспаривала представленные суду документы, но утверждала, что они подписывались без фактического получения денежных средств. Однако по решению суда было определено взыскать с Ш. в пользу кредитного потребительского кооператива «Первый Томский» всю сумму задолженности по договору займа.

Решением Арбитражного суда г. Москвы в отношении данного физического лица введена процедура реализации имущества гражданина. Задолженность Ш. перед КПК «Первый Томский» была списана на убытки кооператива. В результате недобросовестных действий руководителей КПК более 14 млн рублей из денежных средств вкладчиков были израсходованы не только без получения экономической выгоды, но и с причинением значительного ущерба, поскольку были списаны на убытки кооператива.

С одной стороны, правовая природа КПК позволяет нейтрализовать возможные недобросовестные действия руководителей КПК. Действительно, ведь вкладчики обладают достаточно широким спектром

прав в управлении кредитным кооперативом. Например:

- иницируют общее собрание;
- вносят предложения в повестку дня общего собрания;
- голосуют по всем вопросам;
- выдвигают кандидатов, избирают и могут быть избранными в органы кредитного кооператива;
- получают информацию от органов кредитного кооператива по вопросам его деятельности;
- получают займы и др.

С другой стороны, в силу недостаточной компетентности рядовых членов КПК и высокого уровня знаний руководителей КПК все вышеперечисленные права могут иметь проблемы реализации. Основной характер этой проблемы лежит скорее не в правовой плоскости, а в плоскости информационной. Понимая вышесказанное, Банк России разработал алгоритм первичной проверки информации в отношении конкретного кредитного потребительского кооператива (рис. 1).

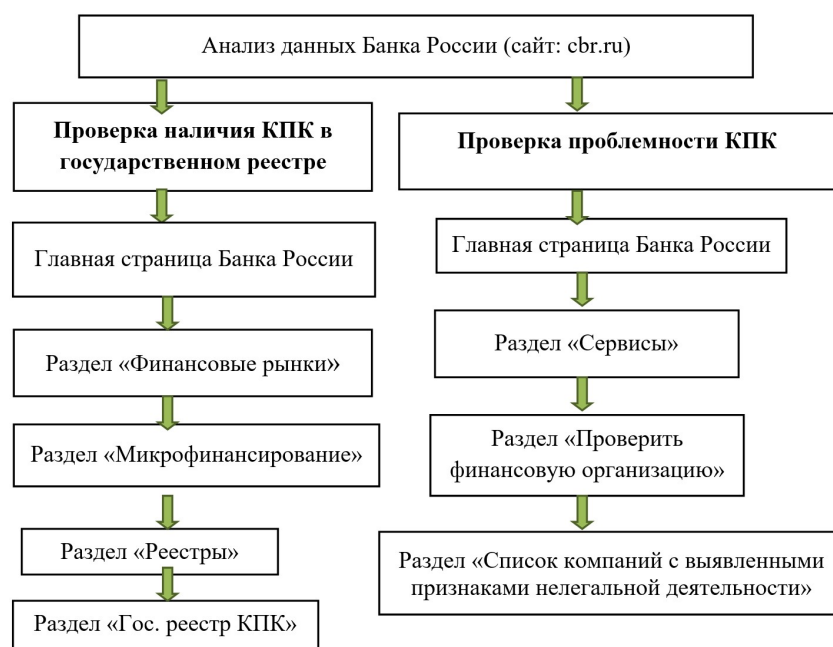

Рис. 1. Алгоритм поиска и оценки информации о КПК на сайте Банка России

На основе проверки информации о конкретном кредитном потребительском кооперативе в базе данных Банка России член КПК более системно способен реализовывать свои полномочия по управлению и контролю деятельности КПК, понижая вероятность наступления виктимологически нежелательных последствий (рис. 2).

Понимание объема своих прав как члена КПК и владение алгоритмом получения информации о конкретном КПК в базе данных Банка России являются двумя исходными условиями рационального принятия решения о вступлении в кредитный потребительский кооператив.

Конечный предлагаемый нами алгоритм действий гражданина перед принятием решения о вступлении в кредитный потребительский кооператив отражен на рис. 3.

Значительное понижение виктимности в рассматриваемом нами аспекте будет следствием понимания потенциальным членом КПК не только прав членов кооператива, но и комплекса обязательств пайщиков. Уже на этапе принятия решения необходимо понимание содержательной составляющей обязанностей вкладчиков, а именно:

- соблюдение устава КПК;
- внесение дополнительных взносов в случае необходимости покрытия убытков кредитного кооператива;
- субсидиарная ответственность по обязательствам кредитного кооператива солидарно с другими членами кредитного кооператива (пайщиками);
- своевременное возвращение полученных от КПК денежных средств.

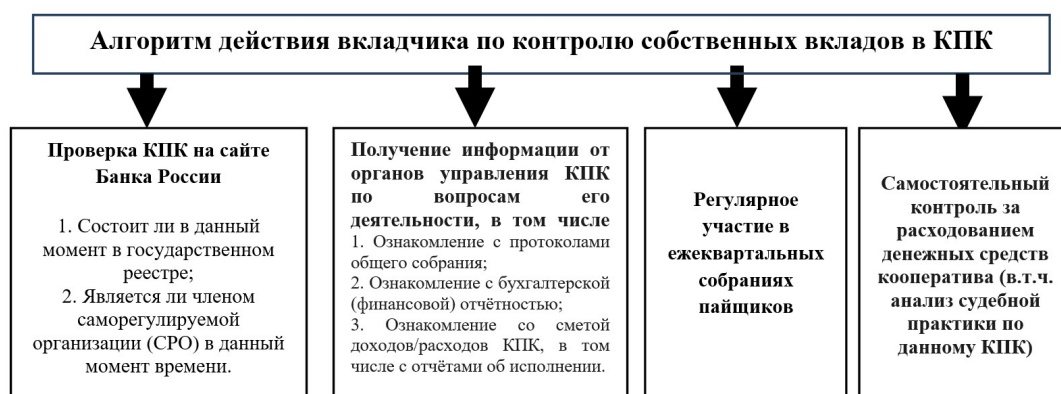

Рис. 2. Алгоритм контроля вкладчиком расходования денежных средств кооперативом

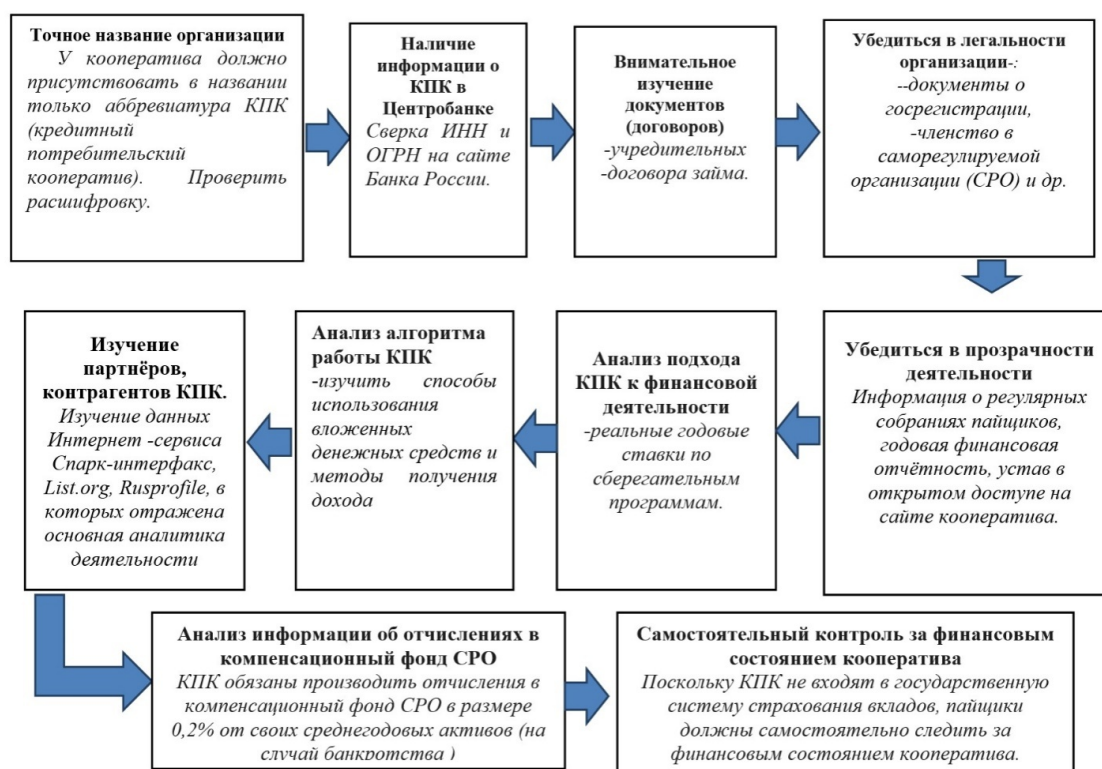

Рис. 3. Алгоритм действия гражданина перед внесением денежных средств в КПК

Оставаясь в пространстве виктимологической профилактики, формулируем необходимые изменения в нормы, регулирующие деятельность кредитных потребительских кооперативов, которые нам видятся целесообразными:

– внесение дополнения в понятие КПК с указанием того, что вкладчики приобретают статус собственников данной организации и несут ответственность за ее деятельность; также необходимо отразить, что КПК не входит в систему государственного страхования вкладов;

– указание в обязательном порядке на главной странице сайта, в рекламных роликах того, что деятельность подобных объединений не попадает под защиту Агентства по страхованию вкладов. И, как следствие, принимая решение о вступлении в кредитный кооператив, все риски пайщик берет на себя;

– обязательное разъяснение прав пайщиков в момент вступления в КПК, поскольку они автоматически принимают на себя ответственность за возможные долги кооператива. Для этого члены КПК должны принимать активное участие в управлении кооперативом: посещать общие собрания пайщиков, анализировать отчетность, аудиторские заключения, знакомиться с результатами проверок, проверять сведения о кандидатах в правление и контрольно-ревизионный орган, их взаимозависимых лицах, внимательно изучать проекты изменений в уставе и других внутренних документах КПК.

Без сомнения, алгоритмизация поиска и оценки информации о деятельности кредитного потребительского кооператива оптимизирует возможность реализации такой функции, как предупреждение группы преступлений, содержательно образующей феномен финансовых пирамид.

Список источников

1. Лукьяновская А. С. История кооперации в России // Молодой ученый. 2016. № 8.1 (112.1). С. 38–41.
2. Федеральный закон от 18.07.2009 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О кредитной кооперации» (с изм. и доп.).
3. Мартиросян М.Р. Особенности банкротства кредитных потребительских обществ на примере КПО «Ковчег» // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2013. № 3 (43). С. 38–44.
4. Троцюк Е.А., Землякова Н.С. Риски в деятельности сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 5. С. 40.
5. Капишников А.Ю. Роль кредитных потребительских кооперативов в экономическом развитии региона // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2006. № 4 (20). С. 199–202.
6. Витюшкина В. Зарубежный опыт кредитных кооперативов // Журнал «Status». 2009. Март. URL: <https://pandia.ru/text/77/22/51107.php> (дата обращения: 12.10.2022).
7. Моргунова И.В. Сущность кредитных потребительских кооперативов и особенности их налогообложения // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 51. С. 198–205.
8. Кашипова И.Р. Кредитные потребительские кооперативы как фактор социально-экономического развития региона : дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2004. 186 с.
9. Киндлбергер Ч., Алибер Р. Рынок кредитных потребительских кооперативов (КПК). История кредитной кооперации современной России до 2021 года // ФИНТЕГРА. URL: <https://fintegra.ru/novosti-i-stati/kpk-russia-2021.html> (дата обращения: 12.10.2022).
10. Мусакулов Н.К. Основная причина возникновения финансовых пирамид – финансовая безграмотность граждан // Вестник Жалал-Абадского государственного университета. 2018. № 3 (38). С. 97–102.
11. Горловская И.Г., Гимадиева И.И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2011. № 3. С. 166–171.
12. Белицкий В.Ю. Формирование понятия мошенничества, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Т. 1, № 2. С. 73–76.
13. Рассихина С.А., Васильев П.П. Влияние финансовых пирамид на экономику России // Научный лидер. 2021. № 42 (44). URL: <https://scilead.ru/article/1237-vliyanie-finansovikh-piramid-na-ekonomiku-ros> (дата обращения: 12.10.2022).
14. Аникин А.В. История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М. : Олимп-бизнес, 2000. 378 с.
15. Вавулин Д.А., Федотов В.Н. Финансовые пирамиды: понятие, механизм функционирования, примеры из мировой и отечественной практики, трансформация в условиях финансового кризиса // Финансы и кредит. 2009. № 29. С. 56–61.
16. Протокол № 31 заседания Правления Ассоциации // Саморегулируемая организация кредитных кооперативов «Содействие». URL: <http://sro-sodeystvie.ru/work/pravlenie/protokol-4604> (дата обращения: 12.12.2022).
17. Решения Банка России в отношении: кредитный потребительский кооператив «Первый Томский» // Банк России. URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/rbr/?Id=10760027> (дата обращения: 12.12.2022).
18. Определение Арбитражного суда города Москвы от 15 сентября 2017 года по делу № А40-4716/17-18-72 «ф» // Арбитражный суд города Москвы. URL: <https://msk.arbitr.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

References

1. Luk'yanovskaya, A.S. (2016) Istoriya kooperatsii v Rossii [The history of cooperation in Russia]. *Molodoy uchenyy*. 8.1 (112.1). pp. 38–41.
2. Russian Federation. (2021) *On Credit Cooperation. Federal Law No. 190-FZ of July 18, 2009 (as amended on July 2, 2021) (as amended and supplemented)*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
3. Martirosyan, M.R. (2013) Osobennosti bankrotstva kreditnykh potrebitel'skikh obshchestv na primere KPO "Kovcheg" [Peculiarities of bankruptcy of credit consumer societies on the example of the Kovcheg Credit Cooperative Society]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki*. 3 (43). pp. 38–44.
4. Trotsyuk, E.A. & Zemlyakova, N.S. (2020) Riski v deyatel'nosti sel'skokhozyaystvennogo kreditnogo potrebitel'skogo kooperativa [Risks in the activity of an agricultural credit consumer cooperative]. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. 5 (12). P. 40.
5. Kapishnikov, A.Yu. (2006) Rol' kreditnykh potrebitel'skikh kooperativov v ekonomicheskom razvitii regiona [The role of credit consumer cooperatives in the economic development of the region]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii*. 4 (20). pp. 199–202.
6. Vitoshkina, V. (2009) Zarubezhnyy opyt kreditnykh kooperativov [Foreign experience of credit cooperatives]. *Status*. March. [Online] Available from: <https://pandia.ru/text/77/22/51107.php> (Accessed: 12.10.2022).
7. Morgunova, I.V. (2016) Sushchnost' kreditnykh potrebitel'skikh kooperativov i osobennosti ikh nalogooblozheniya [Essence of credit consumer cooperatives and features of their taxation]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*. 51. pp. 198–205.
8. Kashipova, I.R. (2004) *Kreditnye potrebitel'skie kooperativy kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Credit consumer cooperatives as a factor in the socio-economic development of the region]. Economics Cand. Diss. Ufa.
9. Kindlberger, Ch. & Aliber, R. (2021) Rynok kreditnykh potrebitel'skikh kooperativov (KPK). Istoriya kreditnoy kooperatsii sovremennoy Rossii do 2021 goda [The market of credit consumer cooperatives (KPK). History of credit cooperation in modern Russia until 2021]. *FINTEGRA*. 25 March. [Online] Available from: <https://fintegra.ru/novosti-i-stati/kpk-russia-2021.html> (Accessed: 12.10.2022).
10. Musakulov, N.K. (2018) Osnovnaya prichina vozniknoveniya finansovykh piramid – finansovaya bezgramotnost' grazhdan [The main reason for the emergence of financial pyramids is the financial illiteracy of citizens]. *Vestnik Zhalal-Abadskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (38). pp. 97–102.
11. Gorlovskaya, I.G. & Gimadiev, I.I. (2011) Finansovye piramidy: ponyatie, priznaki, problemy [Financial pyramids: concept, signs, problems]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"*. 3. pp. 166–171.
12. Belitskiy, V.Yu. (2010) Formirovanie ponyatiya moshennichestv, sovershennykh po printsipu "finansovykh piramid" [Formation of the concept of fraud committed on the principle of "financial pyramids"]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (1). pp. 73–76.
13. Rassikhina, S.A. & Vasil'ev, P.P. (2021) Vliyanie finansovykh piramid na ekonomiku Rossii [The influence of financial pyramids on the Russian economy]. *Nauchnyy lider*. 42 (44). [Online] Available from: <https://scilead.ru/article/1237-vliyanie-finansovikh-piramid-na-ekonomiku-ros> (Accessed: 12.10.2022).
14. Anikin, A.V. (2000) *Istoriya finansovykh potryaseniy. Ot Dzhona Lo do Sergeya Kirienko* [History of Financial Turmoil. From John Law to Sergei Kiriyenko]. Moscow: Olimp-biznes.
15. Vavulin, D.A. & Fedotov, V.N. (2009) Finansovye piramidy: ponyatie, mekhanizm funktsionirovaniya, primery iz mirovoy i otechestvennoy praktiki, transformatsiya v usloviyakh finansovogo krizisa [Financial pyramids: concept, functioning mechanism, examples from world and domestic practice, transformation in the conditions of the financial crisis]. *Finansy i kredit*. 29. pp. 56–61.
16. Samoreguliruemaya organizatsiya kreditnykh kooperativov "Sodeystvie" [Sodeystvie. Self-regulatory organization of credit cooperatives]. (n.d.) *Protokol № 31 zasedaniya Pravleniya Assotsiatsii* [Protocol No. 31 of the meeting of the Board of the Association]. [Online] Available from: <http://sro-sodeystvie.ru/work/pravlenie/protokol-4604> (Accessed: 12.12.2022).

17. Bank of Russia. (n.d.) Resheniya Banka Rossii v otnoshenii: kreditnyy potrebitel'skiy kooperativ "Pervyy Tomskiy" [Decisions of the Bank of Russia in relation to: Pervyy Tomskiy credit consumer cooperative]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/rbr/?Id=10760027> (Accessed: 12.12.2022).
18. Moscow Arbitration Court. (2017) *Opredelenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 15 sentyabrya 2017 goda po delu № A40-4716/17-18-72 "f"* [Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow in case No. A40-4716 / 17-18-72 "f" of September 15, 2017]. [Online] Available from: <https://msk.arbitr.ru> (Accessed: 12.12.2022).

Информация об авторах:

Набеева Н.Г. – канд. экон. наук, начальник отдела проверок и ревизий Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Томской области (Томск, Россия). E-mail: nadiana96a@gmail.com

Добрусина М.Е. – канд. экон. наук, доцент кафедры системного менеджмента и экономики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: medobrusina@rambler.ru

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.G. Nabeeva, Cand. Sci. (Economics), head of the Department of Inspections and Audits, Department for Economic Security and Anti-Corruption of the Russian Ministry of Internal Affairs in Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nadiana96a@gmail.com

M.E. Dobrusina, Cand. Sci. (Economics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medobrusina@rambler.ru

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2023;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 14.03.2023;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/15617793/488/25

Принудительные работы по УК РФ: история появления, практика применения, правовое регулирование, его дефекты и способы устранения

Петр Александрович Скобликов¹

¹ *Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, skoblikov@list.ru*

Аннотация. Представлен анализ правового регулирования назначения и исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ. Показаны особенности рассматриваемого вида наказания и складывающаяся правоприменительная практика по его назначению. Выявлены определенные пробелы, недостатки и противоречия законодательного регулирования в данной сфере, а также в некоторых смежных областях; сформулированы и обоснованы предложения по их устранению. Намечены пути и способы дальнейших исследований рассматриваемой темы.

Ключевые слова: уголовное наказание, принудительные работы, правовые коллизии, коррупция, права потерпевших, раздельное содержание осужденных, розыск осужденного, отпуска осужденных, исправительные центры, колонии-поселения

Для цитирования: Скобликов П.А. Принудительные работы по УК РФ: история появления, практика применения, правовое регулирование, его дефекты и способы устранения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 232–241. doi: 10.17223/15617793/488/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/25

Forced labor as a type of criminal punishment: The history of occurrence, grounds for appointment, content, defects in legal regulation and ways to eliminate them

Petr A. Skoblikov¹

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, skoblikov@list.ru*

Abstract. Since 2017, courts in Russia have begun to impose forced labor as a criminal punishment. Since that moment, a certain practice of assigning and executing this new type of punishment has been developing thus requiring close attention from legal scholars. The study aims to systematically, in the context of the emerging law enforcement practice, analyze the provisions of the Criminal Code and the Penal Code of the Russian Federation, which regulate the grounds and procedure for the appointment of forced labor as punishment, as well as its execution; based on the results of the analysis, to assess the validity, consistency and completeness of legal regulation; if deficiencies are identified, to formulate proposals for their elimination. To solve these problems, the author used rules and techniques of formal and dialectical logic; abstraction and generalization; statistical, comparative legal and formal legal research methods; methods of interpretation of legal norms; study of documentary sources; ideal experiment; legal forecasting, etc. The first section of the article presents a brief historical overview: The author shows the emergence of the type of punishment in question in Russian legislation and law enforcement practice, as well as the types of similar punishment that preceded it. The second section provides a general description of the grounds and procedure for the appointment and execution of forced labor as a criminal punishment. The third section assesses the severity of restrictions imposed on persons sentenced to forced labor. These restrictions correlate with those imposed on persons sentenced to serving imprisonment in penal colonies, and, according to the author, the punishment in the form of forced labor is more severe than the legislator estimates it (the legislator attributed forced labor to punishments not related to the isolation of the convict from society). The fourth section shows two ways for convicts to get into correctional centers: 1) as a result of the appointment of forced labor as the primary punishment; 2) as a result of the decision to replace the unserved part of the sentence in the form of imprisonment with a milder type of punishment. The author substantiates an important conclusion that correctional centers contain two significantly different categories of convicts – (1) those who have committed a crime of minor or moderate severity and have not previously served a sentence of imprisonment, and (2) those who have committed a serious or especially serious crime and served their sentences in places of imprisonment; with (1) prevailing in numbers. The fifth section presents the main results of the application of criminal punishment in the form of forced labor. They were obtained through the analysis of judicial statistics and information disclosed by the Federal Penitentiary Service of Russia. The sixth section describes the identified gaps, shortcomings and contradictions of legislative regulation in the studied area, as well as in some relat-

ed areas, formulates and substantiates proposals for their elimination. The conclusion presents an outline of the directions and methods of further research on the topic.

Keywords: criminal punishment, forced labor, legal conflicts, corruption, victims' rights, separate detention of convicts, search for convicts, vacations of convicts, correctional centers, settlement colonies

For citation: Skoblikov, P.A. (2023) Forced labor as a type of criminal punishment: The history of occurrence, grounds for appointment, content, defects in legal regulation and ways to eliminate them. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 232–241. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/25

История появления рассматриваемого наказания в отечественном уголовном законодательстве и правоприменительной практике

Принудительные работы (ст. 53¹ УК РФ) как вид уголовного наказания включены в УК РФ еще в 2011 г., одновременно УИК РФ был дополнен главой 8¹, посвященной исполнению этого наказания¹, но из-за неготовности инфраструктуры применение принудительных работ было отложено до 1 января 2017 г.

Если придерживаться строгой позиции, то это отнюдь не новое наказание в памятниках отечественного права (по крайней мере, права советского) не имеет аналогов по юридическому описанию и сущности применяемых лишений и правоограничений [1. С. 30–39].

В основаниях назначения и содержания наказания данного вида прежде всего можно усмотреть признаки условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду, которые предусматривались в УК РСФСР 1960 г., а также в исправительно-трудовом законодательстве после изменений, внесенных в 1964 и 1970 гг. Однако между принудительными работами и указанными уголовно-правовыми мерами «не только дистанция в целую историческую эпоху. Между ними также различные социально-правовые, пенологические реалии» [2. С. 48–49]ⁱⁱ.

Если углубиться в историю отечественного уголовного права, то можно обнаружить, что среди наказаний, налагаемых по УК РСФСР 1922 г., предусматривались «принудительные работы без содержания под стражей» (см. п. «в» ст. 32). Однако если вникнуть в подробности, то близкое сходство с тем видом наказания, которое рассматривается в настоящей работе, сводится лишь к похожему названию – в обоих случаях для названий использовано словосочетание «принудительные работы»ⁱⁱⁱ. Указанные работы по УК РСФСР 1922 г. разделялись на: а) работы по специальности, при которых осужденный продолжает работать по своей профессии с понижением по тарифному разряду, обязательными сверхурочными работами и переводом в другое учреждение или предприятие, или в другую местность; б) работы неквалифицированного физического труда (см. ст. 35). Как следует уже из названия наказания, ограничение личной свободы не предполагается; ограничивается свобода выбора вида трудовой деятельности. Принудительные работы в первой форме по своему социально-правовому содержанию близки к исправительным работам, предусмотренным в УК РФ. Принудитель-

ные работы во второй форме близки по своему социально-правовому содержанию к обязательным работам, предусмотренным в УК РФ. Кроме того, принудительные работы без лишения свободы в отношении военнослужащих назначались в виде содержания в штрафных воинских частях (см. примечание к ст. 32 УК РСФСР 1922 г.), и в этом случае данное наказание по своему социально-правовому содержанию было близко к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части, предусмотренному ныне в УК РФ.

Следовательно, наказание в виде «принудительные работы без содержания под стражей» по УК РСФСР 1922 г. нельзя считать прообразом или прототипом современного уголовного наказания в виде принудительных работ. Кроме того, известен более ранний нормативный акт советского законодательства, определивший принудительные работы в качестве наказаний за преступления, – это постановление ВЦИК РСФСР от 15.04.1919 «О лагерях принудительных работ»^{iv}. Лагеря такого рода создавались при отделах и управлениях губернских исполкомов для содержания лиц, в отношении которых: «...состоялись постановления Отделов Управления Чрезвычайных Комиссий, Революционных Трибуналов, Народных судов и других Советских Органов, коим предоставлено это право декретами и распоряжениями» (п. 2). Находящиеся в лагерях заключенные, в соответствии с п. 3 Постановления, привлекались к работам, которые определялись по требованию советских учреждений, круг которых в Постановлении не ограничивался. При этом указывалось на ответственность за уклонение от принудительных работ: «Бежавшие из лагерей или с работ подлежат самым суровым наказаниям» (п. 4).

Ближе всего к описанию наказания, подобного принудительным работам в их современном виде, отечественный законодатель подступил на рубеже 1996–1997 гг., когда в Уголовно-исполнительном кодексе РФ сформулировал порядок и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы, обязаности осужденных к этому наказанию (гл. 8). Планировалось, что осужденные будут постоянно пребывать в пределах исправительного центра, не покидать его без разрешения администрации, находиться под надзором и работать там, куда их направит администрация исправительного центра. Приобретать одежду, белье, обувь, получать питание осужденные должны были за счет собственных средств. Однако обязанность таких осужденных трудиться не предусматривалась в УК РФ, и в этом принципиальном вопросе уголовное законодательство тогда неявно противоречило уголов-

но-исполнительному. Ну а главное состоит в том, что внедрение данного наказания в практику дважды откладывалось^v и не произошло, а в 2009 г. его содержание в очередной редакции УК РФ кардинально изменилось – осужденные обязаны были отбывать наказание в своем жилище, не теряли прежнее место работы или учебы, но не могли их менять без разрешения специализированного государственного органа^{vi}.

Общая характеристика оснований и порядка назначения и исполнения принудительных работ как уголовного наказания

Принудительные работы относятся к основным наказаниям (ч. 1 ст. 45 УК РФ). Законодатель рассматривает это наказание как альтернативу лишению свободы в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, «за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые» (ч. 1 ст. 53¹ УК РФ). Избранную законодателем синтаксическую конструкцию можно понять двузначо: 1) любое преступление, за которое назначаются принудительные работы, должно быть совершено впервые; 2) если принудительные работы назначаются за преступления небольшой или средней тяжести, допустимо, что эти преступления подсудимый совершал прежде, однако если он предан суду по обвинению в совершении тяжкого преступления, принудительные работы могут быть назначены, только если преступление такой категории совершено им впервые.

Определенность в правоприменительную практику внес Верховный Суд РФ. В пункте 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»^{vii} (далее – постановление Пленума № 58), заявлена следующая позиция: «Исходя из положений части 1 статьи 53.1 УК РФ... принудительные работы применяются... лишь в случаях, когда совершено преступление небольшой или средней тяжести либо впервые тяжкое преступление...». В этой формулировке синтаксическая конструкция изменена, наречие «впервые» поставлено после словосочетания «преступление небольшой или средней тяжести» и перед словосочетанием «тяжкое преступление», поэтому прочитывается однозначно (по второму из двух представленных выше вариантов толкования законодательного текста).

Кроме того, в постановлении Пленума № 58 подчеркивается альтернативный характер принудительных работ – в п. 22¹ разъяснено, что принудительные работы назначаются в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 53¹ УК РФ, «только когда данный вид наказания наряду с лишением свободы прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ». Невозможность назначения осужденному в силу требований закона лишения свободы исключает назначение ему принудительных работ.

Верховный Суд РФ также обращает внимание на порядок назначения принудительных работ. При постановлении обвинительного приговора суд обязан разре-

шить вопрос о наличии оснований для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в случаях и порядке, установленных ст. 53¹ УК РФ. Придя к выводу о возможности применения принудительных работ с обязательным приведением мотивов такого решения, в резолютивной части приговора суду «вначале следует указать на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем – на замену лишения свободы принудительными работами» (п. 22² постановления Пленума № 58).

Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет, за исключением замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со ст. 80 УК РФ (ч. 4 ст. 53¹).

Наказание отбывается в исправительных центрах или изолированных участках, функционирующих как исправительные центры и создаваемых при исправительных учреждениях (ч. 3 ст. 53¹, ст. 60¹ УИК РФ). По общему правилу, осужденные обязаны самостоятельно прибыть в исправительный центр (ч. 1 ст. 60² УИК РФ). Тогда срок принудительных работ исчисляется со дня прибытия осужденного в исправительный центр (ч. 1 ст. 60³ УИК РФ).

В то же время осужденные к принудительным работам, находящиеся к моменту вступления приговора в законную силу под стражей, направляются к месту отбывания наказания в порядке, установленном для лиц, осужденных к лишению свободы (т.е. под конвоем). Они подлежат освобождению из-под стражи по прибытии в исправительный центр (ч. 3 ст. 60² УИК РФ).

Помимо привлечения к труду, из заработной платы осужденного к принудительным работам производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов (ч. 5 ст. 53¹ УК РФ).

Насколько строгим наказанием являются принудительные работы?

Надо отметить, что по своему содержанию принудительные работы являются более строгим наказанием, чем его оценивает законодатель, относя к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества. Отбывающий принудительные работы осужденный лишается не только права на выбор рода деятельности и части своего заработка, но и ограничивается в свободе передвижения, выборе места жительства и пребывания, способе проведения досуга, пользовании теми или иными вещами, предметами. Нахождение в исправительном центре, определяемом органом или учреждением уголовно-исполнительной системы, предполагает постоянный надзор за осужденными (ч. 2 ст. 60⁴ УИК РФ). Они лично и их жилище – помещения могут подвергаться обыску, а их вещи – досматриваться (ч. 5 ст. 60⁴ УИК РФ). Осужденным к принудительным работам запрещается приобретать, хранить и использовать предметы и вещества, перечень которых установлен законодательством и правилами внутреннего распорядка исправительных центров. При обнаружении таких предметов и вещей они по постановлению начальника исправитель-

тельного центра подлежат изъятию и передаются на хранение либо уничтожаются (ч. 4 ст. 60⁴ УИК РФ) и т.д. Как правило, осужденный обязан непрерывно находиться на территории исправительного центра, включая нерабочее и ночное время, выходные и праздничные дни (п. «в» ч. 2 ст. 60⁴ УИК РФ). *Самовольное без уважительных причин оставление территории исправительного центра считается злостным нарушением порядка и условий отбывания принудительных работ* (п. «в» ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ), а такое нарушение *дает основание для направления в суд администрацией центра представления о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы* (ч. 5 ст. 60¹⁵ УИК РФ).

Кроме того, отбывание принудительных работ на территории того субъекта Российской Федерации, в котором осужденный ранее проживал, не гарантируется (ч. 1, 2, 2¹ ст. 60¹ УИК РФ).

В связи с изложенным неудивительно, что некоторые исследователи полагают: по своей правовой природе принудительные работы ближе к лишению свободы с отбыванием в колонии-поселении, а места отбывания принудительных работ по своим условиям содержания имеют много общих черт с такой колонией [3. С. 59] и мало чем отличаются от содержания в ней [4. С. 160].

Более того, отдельные исследователи пришли к выводу, что «степень карательных притязаний к осужденному в колонии-поселении меньше, чем в исправительном центре» [5. С. 43].

Принудительные работы как первичное наказание и как наказание, заменяющее его неотбытую часть более мягким видом наказания

Важно указать, что принудительные работы могут быть назначены не только в качестве «первичного» наказания, но и позже, после вынесения приговора или иного судебного решения, которым подсудимый признается виновным в совершении преступления. Тогда, после фактического отбытия определенной части наказания в виде лишения свободы, неотбытая часть может быть заменена принудительными работами как более мягким видом наказания (ч. 2 ст. 80 УК РФ). *Для такой замены не требуется, чтобы преступление, в связи с которым отбывает наказание осужденный, было совершено им впервые. Нет и ограничений по тяжести – назначение принудительных работ в рассматриваемом порядке возможно даже тем, кто совершил особо тяжкое преступление.* Вместе с тем тяжесть совершенного преступления влияет на продолжительность той части наказания в виде лишения свободы, которую должен отбыть осужденный перед заменой оставшейся части на принудительные работы^{viii}.

При рассмотрении ходатайства осужденного или представления администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания суд должен учитывать поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбы-

вания наказания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, возместил ли осужденный частично или полностью причиненный ущерб, загладил ли иным образом вред, причиненный в результате преступления (ч. 4 ст. 80 УК РФ).

Практика назначения и отбывания принудительных работ в цифрах

Как складывалась правоприменительная практика по назначению принудительных работ в течение предыдущих пяти лет? В 2017 г. суды за совершение преступлений назначили принудительные работы 480 чел., в 2018 г. – уже 795 чел., в 2019 г. – 908 чел. В 2020 г. этот показатель существенно уменьшился, осуждено 612 чел. В 2021 г. принудительные работы в качестве уголовного наказания были назначены 684 осужденным. Среди них больше всего тех, кто был признан виновным в неуплате средств на содержание детей (ч. 1 ст. 157 УК РФ) – 151 чел. Значительна доля тех, кто осужден за кражи – 128 чел., в том числе сопряженные с проникновением в жилище, в крупном размере и др. (ч. 3 ст. 158 УК РФ) – 43 чел. Вместе с тем среди лиц, получивших данное наказание, есть и те, кто совершил квалифицированные грабежи (ч. 2 ст. 161 УК РФ) – 17 чел., умышленные уничтожения или повреждения чужого имущества из хулиганских побуждений, общеопасным способом либо повлекшие тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК РФ) – 7 чел. Одному человеку рассматриваемое наказание назначили за участие в незаконном обороте огнестрельного оружия, совершенном организованной группой (ч. 4 ст. 222 УК РФ)^{ix}, пятерым – за участие в незаконном обороте сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта, совершенном организованной группой либо в отношении сильнодействующих веществ в крупном размере (ч. 3 ст. 234 УК РФ), и т.д.^x

По данным ФСИН России, по состоянию на 1 октября 2022 г. на учете 42 исправительного центра и 214 изолированных участков, функционирующих как исправительный центр, состояло 12 849 осужденных к принудительным работам^{xi}. Сведения о составе осужденных, отбывающих принудительные работы, а равно какие-либо иные сведения относительно отбывания этого наказания на официальном сайте ФСИН России не представлены. В связи с этим автор направил запрос в ФСИН России и просил представить информацию по ряду вопросов. Два из них следующие: 1) Сколько среди лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, тех, кто отбыл некоторую часть своего наказания в местах лишения свободы и кому затем на основании ч. 2 ст. 80 УК РФ неотбытая часть наказания была заменена принудительными работами? 2) По каким частям и статьям УК РФ осуждены те, кому неотбытая часть наказания была заменена принудительными работами (желательно указать доли в процентах или абсолютные числа)?

В предоставлении запрошенной информации письмом заместителя начальника Правового управления ФСИН России было отказано со ссылкой на по-

следний абзац п. 191 Регламента Службы, утвержденного приказом ФСИН России от 14.08.2020 № 555. Согласно ему информация о деятельности ФСИН России не предоставляется в случае, если в запросе ставится вопрос о правовой оценке актов, принятых ФСИН России, проведении анализа деятельности ФСИН России (ее территориального органа) либо подведомственных организаций или проведении иной аналитической работы, непосредственно не связанной с защитой прав направившего запрос пользователя информацией. Процитированный запрет может быть истолкован двояко: 1) как не допускающий исполнение запросов о предоставлении сотрудниками ФСИН России обозначенных выше оценок, проведении ими анализа деятельности своего ведомства или иной аналитической работы по запросу пользователя информации; 2) либо как не допускающий предоставления статистической и иной фактической информации о деятельности ФСИН России, если она запрашивается с целью дачи обозначенных выше оценок, проведения аналитической работы иными лицами (запрашивающим информацию лицом или кем-либо еще). Полученный автором статьи ответ основывается на втором толковании. В любом случае рассматриваемый запрет содержится в ведомственном нормативном акте и противоречит Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Как установлено в п. 3 ч. 4 ст. 8 данного Закона, *не может быть ограничен доступ к информации о деятельности государственных органов*. Обнаруженная автором правоприменительная практика не только нарушает права граждан и юридических лиц, закрепленные в ч. 1 ст. 8 названного Закона, но и затрудняет решение задач, поставленных перед ФСИН России, препятствует анализу и оценке ее деятельности со стороны независимых экспертов, объективному выявлению проблем в этой сфере, разработке предложений по их разрешению.

Вместе с тем посредством несложных арифметических операций с приведенными выше данными можно прийти к выводу, что общее количество лиц, приговоренных к принудительным работам, за пять лет, прошедших с начала применения ст. 53¹ УК РФ и главы 8¹ УИК РФ, в несколько раз меньше общего количества осужденных, отбывающих принудительные работы в качестве уголовного наказания. При этом надо учесть, что большая часть тех, кому принудительные работы были назначены в качестве первичного наказания в указанный период, к настоящему времени уже освобождены (например, за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 157 УК РФ, срок принудительных работ не может превышать один год). Отсюда можно заключить, что подавляющее большинство лиц, содержащихся в указанных выше исправительных центрах и изолированных участках, – это те, кто отбыл некоторую часть своего наказания в местах лишения свободы и кому затем на основании ч. 2 ст. 80 УК РФ неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом наказания.

Итак, *среди лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, преобладают те, кто ранее*

отбывал наказание в виде лишения свободы (часть их – даже не один раз) и, возможно, судим за тяжкие либо особо тяжкие преступления. К сожалению, точные данные ФСИН России держит в секрете.

Проблемы законодательного регулирования назначения и исполнения принудительных работ, возможные пути их разрешения

Анализ законодательства, судебной практики и научной литературы позволяет выделить ряд проблем законодательного регулирования порядка исполнения принудительных работ и смежных сфер исполнения приговоров, требующих внимания законодателя.

1. В ст. 80 УИК РФ закреплено правило (можно даже сказать, принцип) раздельного содержания в исправительных учреждениях лиц, впервые осужденных к лишению свободы, и тех, кто ранее отбывал наказания в виде лишения свободы. В юридической литературе такой порядок обосновывается несколькими соображениями: для предупреждения совершения преступлений в местах принудительного содержания [6. С. 101–103], исключения распространения опыта криминальной субкультуры, приобретенного ранее отбывавшими наказания в местах лишения свободы, на впервые осужденных [7. С. 29]. К сказанному автор настоящих строк мог бы добавить: для воспрепятствования вовлечению лиц, не имеющих указанного опыта, в соответствующие отношения^{xii} [8. С. 6], а также для обеспечения личной безопасности лиц, впервые осужденных к лишению свободы. Эта категория осужденных обычно не обладает криминальным опытом либо имеет его меньше, нежели те, кто уже отбывал наказания в местах лишения свободы; последние, как правило, теснее сплочены и более агрессивны, чем первые, нередко пытаются получить за их счет имущественную выгоду, удовлетворить свои низменные потребности. Соответственно, «первоходки» имеют больше шансов подвергнуться незаконному физическому воздействию и психологическому давлению со стороны бывалых осужденных. Вместе с тем эта проблема пока не находит отражения в исследованиях, посвященных вопросам обеспечения личной безопасности осужденных при исполнении наказания [9. С. 90–96].

При решении вопроса о раздельном содержании осужденных погашение или снятие судимости, согласно ст. 80 УИК РФ, в расчет не принимается – важен эпизод биографии, факт отбывания в любое время наказания в местах лишения свободы. Данный порядок распространяется на все исправительные колонии, включая колонии-поселения, в которых подерживается наиболее мягкий режим заключения и содержатся наименее опасные лица, подвергнутые наказанию в виде лишения свободы^{xiii}. Более того, в колониях-поселениях раздельно содержатся не только те, кто отбывал и не отбывал наказание в местах лишения свободы. Помимо этого разграничения проводится еще одно: осужденные, совершившие преступления в соучастии, отбывают лишение свободы, как правило, раздельно (ч. 3 ст. 128 УИК РФ). Не лишним

будет также упомянуть, что теме раздельного содержания лиц с разным криминальным опытом в колониях-поселениях (условия содержания в которых осужденных близки к условиям их пребывания в исправительных центрах) посвящены отдельные исследования, в которых обращается внимание на важность и сложность соблюдения указанных требований закона [10].

При всем том *исправительные центры, равно как и изолированные участки, функционирующие как исправительные центры и создаваемые при исправительных учреждениях, исправительными учреждениями не считаются* (ч. 1 ст. 74 УИК РФ); *соответственно, описанный выше порядок на них не распространяется, хотя они также являются местами принудительного содержания*. Поэтому в них в соответствии с УК и УИК РФ допустимо вместе работать и проживать как тем осужденным, кто совершил преступление впервые в жизни^{xiv} [11], причем это могут быть преступления небольшой или средней тяжести, так и тем, кто совершил тяжкое или особо тяжкое преступление и при этом ранее отбывал наказание в местах лишения свободы, возможно не один раз. Такое положение вызывает тревогу и должно быть исправлено. *Необходимо на уровне федерального закона предусмотреть раздельное нахождение в исправительных центрах и на изолированных участках тех отбывающих наказание в виде принудительных работ лиц, кто ранее за совершенные преступления содержался в местах лишения свободы, и других, кто там ранее не содержался*.

2. В части 1 ст. 171¹ УИК РФ закреплён порядок, по которому об освобождении осужденного администрация учреждения, исполняющего наказание, обязана не позднее чем за 30 дней до дня освобождения, а при досрочном освобождении осужденного – в день освобождения, направить соответствующее уведомление потерпевшему или его законному представителю при наличии в личном деле осужденного копии определения или постановления суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя. Однако это правило распространяется лишь на случаи, когда осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы.

Вместе с тем принудительные работы по общему правилу применяются как альтернатива лишению свободы (ч. 1 ст. 53¹ УК РФ), фактически они связаны с изоляцией осужденного от общества и могут назначаться в случае совершения тяжких преступлений (при применении ч. 2 ст. 80 УК РФ – особо тяжких преступлений), поэтому *целесообразно изменить редакцию ч. 1 ст. 171¹ УИК РФ и распространить закреплённое там правило на лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ. Предлагаемое изменение усилит защищённость лиц, пострадавших от преступлений*.

3. В пункте «в» ч. 2 ст. 60⁴ УИК РФ устанавливается обязанность осужденных проживать, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях. Вместе с тем следует отметить, что словосочетание «как правило» означает, что администрация места отбывания наказания наделяется дискрецион-

ными полномочиями; она может позволять или не позволять осужденному на вполне законных основаниях проживать вне общежития под разными предлогами. А правовая неопределённость, как известно, создает почву для злоупотреблений и коррупции [12]. В связи с этим *целесообразно изложить п. «в» ч. 2 ст. 60⁴ УИК РФ в новой редакции: «постоянно находиться в пределах территории исправительного центра и проживать в специально предназначенных для осужденных общежитиях (за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом), не покидать их в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра»*. Новация состоит в том, что выражение «за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом» перемещено и относится теперь не только к нахождению территории исправительного центра, но и к проживанию в предназначенных для осужденных общежитиях^{xv}. При этом выражение «как правило» из текста закона изымается.

В юридической литературе высказано иное предложение по разрешению рассматриваемой проблемы, а именно о замене в п. «в» ч. 2 ст. 60⁴ УИК РФ слов «как правило» на другие: «за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом» [13. С. 81]. Однако последнее словосочетание уже имеется в действующей редакции законодательного текста; его повторение дважды в одном пункте будет нарушением правил законодательной техники, затруднит понимание текста закона правоприменителями.

4. Следующая проблема относится к розыску осужденных, уклоняющихся от принудительных работ. Часть 4 ст. 60² УИК РФ гласит, что осужденный, уклоняющийся от получения предписания (в том числе в случае неявки за получением предписания) или не прибывший к месту отбывания наказания в установленный предписанием срок, объявляется в розыск территориальным органом уголовно-исполнительной системы и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток.

В части 5 ст. 60² УИК РФ установлено, что после задержания суд в соответствии со ст. 397 УПК РФ принимает решение о заключении осужденного под стражу и замене принудительных работ лишением свободы.

Таким образом, *в соответствии с УИК РФ в случае неявки за получением предписания или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный однозначно признается уклоняющимся от отбывания наказания, и суд заменяет ему принудительные работы лишением свободы. Однако приведенный порядок не учитывает возможность неявки за предписанием или неприбытия к месту отбывания наказания осужденного по уважительной причине (неплатежеспособность, болезнь, стихийное бедствие, техногенная катастрофа и т.п.)*. В данном случае замена принудительных работ лишением свободы будет не справедливой, не соответствующей своему предназначению как меры, корректирующей противоправное поведение, и повлечет нарушение прав осужденного. К тому же применение

меры ответственности в таком случае станет противоречить п. 13 Порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ и их перевода для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного центра в другой^{xvi}, где установлено, что при невозможности выезда осужденного и прибытия его в исправительный центр в установленный в предписании срок по уважительным причинам по постановлению территориального органа ФСИН России или учреждения, выдавшего предписание, срок, установленный осужденному для прибытия в исправительный центр, продлевается.

Итак, имеет место несоответствие предписаний УИК РФ и ведомственного нормативного акта. По общему правилу в случае конкуренции норм таких уровней будет действовать положение федерального закона [14. С. 134], каковым является УИК РФ, хотя в данном случае было бы разумным и справедливым обратное.

Иные авторы (И.И. Гусева, О.Н. Халак) для разрешения изложенной проблемы предлагают ряд изменений и дополнений законодательства (ч. 1 и 4 ст. 75¹ УИК РФ, ч. 2.1 ст. 309 УПК РФ, п. 18.2 ст. 397 УПК РФ и др.), которые, как им представляется, позволят своевременно выявить уважительные причины невозможности прибытия осужденного за получением предписания либо к месту отбывания наказания, довести до осужденного информацию о его возможной ответственности и мотивировать к точному исполнению приговора [15]. После предложенной корректировки законодательства, по мнению автора, законодательство станет гармоничным, поэтому принятие мер к уведомлению учреждения или органа, исполняющего наказание, в установленный срок о возникших уважительных причинах или неустраняемых обстоятельствах, препятствующих явке, должно расцениваться как уклонение от отбывания наказания [15. С. 67]. Однако жизнь сложнее, *уважительные причины неприбытия могут возникнуть или обнаружиться внезапно либо в ходе движения к месту получения предписания или отбывания наказания, и осужденный не сможет уложиться в отведенный срок*^{xvii}.

Ввиду сказанного целесообразно внести изменение в законодательство, а именно изложить ч. 4 ст. 60² УИК РФ в следующей редакции: «В случае уклонения осужденного к принудительным работам от получения предписания без уважительных причин (в том числе в случае неявки за получением предписания) или неприбытия без уважительных причин к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный объявляется в розыск территориальным органом уголовно-исполнительной системы и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток»^{xviii} [16. С. 28–29].

5. В части 7 ст. 60⁴ УИК РФ установлено, что осужденным к принудительным работам, *не имеющим взысканий*, администрацией учреждения по их заявлению на основании постановления начальника исправительного центра разрешается выезд за пределы исправительного центра на период ежегодного опла-

чиваемого отпуска. Принятый порядок представляется правильным, обеспечивающим безопасность потерпевших и направленным на достижение целей наказания. Однако несправедливо и опасно, что лица, отбывающие более строгое наказание (в виде лишения свободы) в исправительных колониях за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления (например, умышленные убийства, создание преступного сообщества либо руководство им и т.д.), в соответствии со ст. 97 УИК РФ *сохраняют возможность для длительных выездов из колонии* на время ежегодного оплачиваемого отпуска, а те из них, кто достиг возраста назначения пенсии по старости, является инвалидом 1-й и 2-й групп или не обеспечен работой по не зависящим от них причинам – на срок, равный времени ежегодного оплачиваемого отпуска. Причем если указанные лица признаны в соответствии со ст. 116 УИК злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, это обстоятельство, тем не менее, не является формальным препятствием для их выезда из исправительной колонии в отпуск^{xix}. Решение оставлено на усмотрение начальника исправительного учреждения (ч. 6 ст. 97 УИК РФ), что в рассматриваемой ситуации недопустимо, может привести к ошибкам и опасным последствиям. Помимо этого, в очередной раз появляется почва для злоупотреблений и коррупции.

Автор пытался выяснить, какова правоприменительная практика. Ввиду отсутствия необходимых сведений в открытых источниках был подготовлен и направлен запрос руководству ФСИН России, в котором, помимо иных, содержались следующие вопросы: 1) Сколько осужденных получили разрешение на выезд из исправительных учреждений в 2019, 2020 и 2021 гг. на основании ст. 97 УИК РФ на время ежегодного оплачиваемого отпуска или на срок, равный этому времени? 2) За какие преступления (часть, статья УК РФ) осуждены лица, получившие разрешение на выезд из исправительных учреждений по указанному выше основанию (желательно указать доли в процентах или абсолютные числа)? В предоставлении запрошенных сведений было отказано с мотивировкой, которая уже приведена выше. Данный результат лишь усиливает тревогу.

Необходимо устранить обнаруженный недостаток правового регулирования и предусмотреть в законодательстве соответствующие ограничения для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за опасные преступления, а равно признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в части выезда их из исправительных колоний в отпуска.

6. В юридической литературе в связи с рассмотренной в предыдущем пункте проблемой можно встретить предложения по ее решению противоположной направленности. Предлагается принять за точку отсчета условия по выезду в отпуск осужденных к лишению свободы и, не меняя этот порядок, «ввиду меньшей строгости принудительных работ по сравнению с лишением свободы... законодательно установить более льготные условия для осужденных, содержащихся в исправительном центре или участке,

функционирующем как исправительный центр» [16. С. 27].

Такое предложение представляется неприемлемым и опасным в случае его реализации. Если отбывающий наказание в виде принудительных работ осужденный признан злостным нарушителем, начальник исправительного центра по действующему законодательству должен направить в суд представление о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы (ч. 5 ст. 60.15 УИК РФ). И это совершенно правильно, поскольку наказание в виде принудительных работ, являющееся альтернативой лишению свободы, сопряжено с испытанием осужденного. Признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка означает, что он это испытание не выдержал и должен отбывать наказание в условиях реального лишения свободы. Если же в данных обстоятельствах осужденный будет отпущен в отпуск, это значит, что резко возрастет его мотивация к побегу, к дальнейшему уклонению от отбывания наказания. А нахождение на нелегальном положении неизбежно приведет к продолжению преступной деятельности.

7. Помимо прочих деяний к злостным нарушениям порядка и условий отбывания принудительных работ отнесено «несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания» (п. «з» ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ). В целом обоснованность такого решения законодателя не вызывает сомнения. Осужденному к принудительным работам может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительного центра для решения неотложных социально-бытовых и других вопросов на срок до пяти суток (ч. 3 ст. 60⁴ УИК РФ), а также предоставлен отпуск (ч. 7 ст. 60⁴ УИК РФ) и т.д., при этом важно, чтобы проявление гуманизма не использовалось для уклонения от отбывания наказания.

Вместе с тем обращает на себя внимание безапелляционный характер использованной законодателем формулировки. Несвоевременное возвращение может быть обусловлено объективными причинами, поэтому те неблагоприятные последствия, которые влечет для осужденного вменение ему злостного нарушения, будут несправедливы и жестоки, не отвечающими принципу рационального применения мер принуждения. Кроме того, надо отметить непоследовательность законодателя. Описывая сходное нарушение – самовольное оставление территории исправительного центра (которое также отнесено к злостным), он использовал важное уточнение – «без уважительных причин» (п. «з» ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ). Причем, как пред-

ставляется автору, уважительные причины для самовольного оставления исправительного центра хотя и возможны (стихийное бедствие, пожар, террористический акт на территории исправительного центра и т.п.), но менее вероятны, нежели уважительные причины для несвоевременного возвращения к месту отбывания наказания: внезапное тяжелое заболевание, резкое обострение хронического заболевания, серьезная травма самого осужденного, несчастие с близкими людьми, требующее незамедлительной помощи и поддержки осужденным, эпидемиологические или антитеррористические ограничения в месте временного нахождения осужденного, транспортные проблемы и проч. *Необходимо устранить обнаруженный пробел и дополнить п. «з» ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ выражением «без уважительных причин».*

Заключение

Разумеется, настоящим исследованием тема не исчерпана, она требует к себе всестороннего изучения со стороны правоведов. Как представляется, в дальнейших исследованиях следует делать акцент на получении и обобщении актуального эмпирического материала с уровня конкретных случаев и дел, который остается за рамками работы при использовании исторического, сравнительного формально-логического и им подобных научных методов. Не менее важно получить мнения и оценки участников соответствующих правоотношений. Поэтому перспективными видятся свободные и формализованные опросы (сначала первые, пилотные, затем, после появления тех или иных гипотез, вторые, масштабные, чтобы обеспечить репрезентативность собранного материала) сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих и работавших в исправительных центрах, а также осужденных, отбывающих и отбывших наказание в виде исправительных работ. Последнее важно, чтобы получить информацию от лиц, которые уже не находятся в зависимости от сотрудников исправительных центров, а, соответственно, более свободны в изложении фактов, выражении своих действительных оценок и позиций. По той же причине желательно опросить бывших сотрудников исправительных центров. Проведение подобного исследования предполагает создание исследовательской группы, выделение грантовой либо иной финансовой поддержки (в связи большими трудозатратами и предстоящими командировками), требует содействия со стороны руководства ФСИН России, а также территориальных органов МВД России.

Примечания

¹ Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

² Значение термина «пенитенциарные реалии» в процитированной работе не раскрывается. Указанные авторы, вероятно, имели в виду объективные условия реализации уголовных наказаний и исправления осужденных, обусловленные политическим и экономическим устройством общества, его доминирующей идеологией, проводимой в данный момент пенитенциарной политикой, фактическим режимом содержания, материальной базой исправительных учреждений и т.д.

³ Тем не менее при обсуждении проекта настоящей статьи с коллегами автор встретил суждения о том, что принудительные работы без содержания под стражей по УК РСФСР 1922 г. являются прообразом или прототипом современного наказания в виде принудительных работ.

- ^{iv} См.: О лагерях принудительных работ: Постановление ВЦИК РСФСР от 15.04.1919 // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124.
- ^v См. ст. 4 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» и ст. 1, 2 Федерального закона от 10.01.2002 № 4-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральные законы “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации” и “О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации”».
- ^{vi} См. ст. 1 Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы».
- ^{vii} Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС КонсультантПлюс.
- ^{viii} В случае совершения преступления небольшой или средней тяжести надо отбыть не менее одной четвертой срока первичного наказания (лишения свободы) за это преступление, тяжкого – не менее одной трети того же срока, особо тяжкого – не менее половины срока лишения свободы перед заменой этого наказания на принудительные работы (ч. 2 ст. 80 УК РФ).
- ^{ix} Вероятно, это судебная или статистическая ошибка, поскольку указанное преступление относится к категории особо тяжких (ч. 5 ст. 15 УК РФ), и принудительные работы назначать неправомерно, если только суд не изменил категорию преступления на менее тяжкую по предусмотренным в законе основаниям (ч. 6 ст. 15 УК РФ).
- ^x Использованные здесь первичные данные (затем обработанные автором) почерпнуты из отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ по наиболее тяжкому преступлению (форма 10.3). См.: Данные судебной статистики // Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 29.08.2022).
- ^{xi} Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний: официальный сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya-ka%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 09.11.2022).
- ^{xii} Если обратиться к истории вопроса, то еще российская императрица Екатерина II намеревалась произвести серьезную тюремную реформу и написала даже в 1781 г. проект тюремного устава, в котором предлагалось устраивать различные тюрьмы для разных категорий заключенных, введение обязательных работ и разобщение арестантов на ночь. Но проект этот так и остался проектом.
- ^{xiii} Там отбывают наказание: а) осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, и ранее не отбывавшие лишения свободы; б) впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести; в) осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, и ранее отбывавшие лишения свободы; г) положительно характеризующиеся, переведенные из колоний общего и строгого режима в предусмотренном ст. 78 УК РФ порядке (ст. 128 УИК РФ).
- ^{xiv} Следует различать совершение преступления впервые фактически и юридически – эти понятия не совпадают по объему; по этому параметру первое значительно шире второго.
- ^{xv} Один из таких случаев предусмотрен в ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ: осужденным к принудительным работам, не допускающим нарушений правил внутреннего распорядка и отбывшим не менее одной трети срока наказания, по их заявлению на основании постановления начальника исправительного центра разрешается проживание с семьей на арендованной или собственной жилой площади в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр. Указанные осужденные обязаны являться в исправительный центр для регистрации четыре раза в месяц. Дни регистрации устанавливаются постановлением начальника исправительного центра.
- ^{xvi} Приказ Минюста России от 24 сентября 2020 г. № 220 «Об утверждении Порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ и их перевода для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного центра в другой» // СПС КонсультантПлюс.
- ^{xvii} Например, осужденный может стать жертвой преступления и утратить деньги, проездные и другие документы, пострадать от травмы криминального или некриминального характера и временно потерять способность общаться с окружающими и т.д.
- ^{xviii} Несколько лет назад подобное предложение (с иным обоснованием) уже выдвигалось в юридической литературе (Дворянсков И.В., Дорошенко О.С.). К сожалению, в течение ряда лет законодатель не замечает, а это диктует необходимость еще раз обратить внимание на проблему.
- ^{xix} Ныне для злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в УИК РФ предусмотрен запрет в части выезда из исправительной колонии, но по другим основаниям и с другими целями. Этот запрет (ч. 2-2.2 ст. 97 УИК РФ) относится к женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, а также к мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем; по общему правилу указанным лицам (не являющимся злостными нарушителями) может быть разрешен кратковременный выезд (до 10 или до 15 суток) с целью решения определенных вопросов, связанных с их детьми (ч. 3 ст. 97 УИК РФ).

Список источников

1. Лапшин В.Ф. Прототипы наказания в виде принудительных работ в советском уголовном праве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 30–39.
2. Гета М.Р., Смирнов А.Н. Принудительные работы: исторический аспект // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 44–50.
3. Зиновьев И.Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 243 с.
4. Степашин В.М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. 4 (45). С. 156–161.
5. Тепляшин П.В. Новый закон об уголовном наказании в виде принудительных работ // Законность. 2013. № 9. С. 43–44.
6. Лиханова И.И. Дифференциация осужденных как способ предупреждения преступности в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4. С. 101–103.
7. Валова И.В. Раздельное содержание осужденных в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 9. С. 28–31.
8. Познышев С.В. Очерки тюремоведения. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1915. 299 с.
9. Цаплин И.С. Правовые и организационные вопросы обеспечения личной безопасности осужденных при исполнении наказаний // Закон и право. 2018. № 12. С. 90–96.
10. Гнедова Н.П. Обеспечение раздельного содержания осужденных в колониях-поселениях // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 93–97.
11. Скобликов П.А. Принцип максимальной терпимости в уголовной политике на примере характерного законопроекта // Государство и право. 2022. № 8. С. 93–102.
12. Степаненко Р.Ф., Шаракинова Т.Ч., Путинцев А.В. Проблемы неопределенности в законотворчестве: анализ коррупциогенных свойств правовых норм // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3. С. 21–25.
13. Комбаров Р.В., Потапов А.М. Об отдельных проблемах исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4. С. 79–83.
14. Милинчук Д.С. Коллизии как одна из причин препятствий для создания единообразного применения норм права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 133–139.
15. Гусева И.И., Халак О.Н. Проблемы самостоятельного следования осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в колонии-поселении, исправительном центре // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 65–67.
16. Дворянсков И.В., Дорошенко О.С. Правовые проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 25–29.

References

1. Lapshin, V.F. (2020) Prototipy nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot v sovetskom ugovnom prave [Prototypes of punishment in the form of forced labor in Soviet criminal law]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 4. pp. 30–39.
2. Geta, M.R. & Smirnov, A.N. (2017) Prinuditel'nye raboty: istoricheskiy aspekt [Forced labor: a historical aspect]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2 (31). pp. 44–50.
3. Zinov'ev, I.L. (2017) *Ugolovnoe nakazanie v vide prinuditel'nykh rabot* [Criminal punishment in the form of forced labor]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Stepashin, V.M. (2015) Problemy primeneniya prinuditel'nykh rabot [Problems of application of forced labor]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*. 4 (45). pp. 156–161.
5. Teplyashin, P.V. (2013) Novyy zakon ob ugovnom nakazanii v vide prinuditel'nykh rabot [New law on criminal punishment in the form of forced labor]. *Zakonost'*. 9. pp. 43–44.
6. Likhanova, I.I. (2014) Differentsiatsiya osuzhennykh kak sposob preduprezhdeniya prestupnosti v mestakh lisheniya svobody [Differentiation of convicts as a way to prevent crime in places of deprivation of liberty]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 4. pp. 101–103.
7. Valova, I.V. (2015) Razdel'noe soderzhanie osuzhennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Separate maintenance of convicts in correctional institutions]. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy*. 9. pp. 28–31.
8. Poznyshchev, S.V. (1915) *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on Prison Studies]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo G.A. Lemana i B.D. Pletneva.
9. Tsaplin, I.S. (2018) Pravovye i organizatsionnye voprosy obespecheniya lichnoy bezopasnosti osuzhennykh pri ispolnenii nakazaniy [Legal and organizational issues of ensuring the personal safety of convicts in the execution of punishments]. *Zakon i pravo*. 12. pp. 90–96.
10. Gnedova, N.P. (2018) Obespechenie razdel'nogo soderzhaniya osuzhennykh v koloniyakh-poseleniyakh [Ensuring the separate maintenance of convicts in colonies-settlements]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 93–97.
11. Skoblikov, P.A. (2022) Printsip maksimal'noy terpimosti v ugovnoy politike na primere kharakternogo zakonoproekta [The principle of maximum tolerance in criminal policy on the example of a characteristic bill]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 93–102.
12. Stepanenko, R.F., Sharakhinova, T.Ch. & Putintsev, A.V. (2019) Problemy neopredelennosti v zakonotvorchestve: analiz korruptsiyennykh svoystv pravovykh norm [Problems of uncertainty in lawmaking: analysis of corruptogenic properties of legal norms]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 3. pp. 21–25.
13. Kombarov, R.V. & Potapov, A.M. (2016) Ob otdel'nykh problemakh ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot [On individual problems of the execution of punishment in the form of forced labor]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4. pp. 79–83.
14. Milinchuk, D.S. (2018) Kollizii kak odna iz prichin prepyatstviy dlya sozdaniya edinoobraznogo primeneniya norm prava v Rossii [Collisions as one of the reasons for the obstacles to creating a uniform application of legal norms in Russia]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3. pp. 133–139.
15. Guseva, I.I. & Khalak, O.N. (2016) Problemy samostoyatel'nogo sledovaniya osuzhennykh k lisheniyu svobody dlya otbyvaniya nakazaniya v kolonii-poselenii, ispravitel'nom tsentre [Problems of independent follow-up of convicts sentenced to deprivation of liberty to serve their sentences in a colony-settlement, correctional center]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (24). pp. 65–67.
16. Dvoryanskov, I.V. & Doroshenko, O.S. (2018) Pravovye problemy ispolneniya ugovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot [Legal problems of execution of criminal punishment in the form of forced labor]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1 (41). pp. 25–29.

Информация об авторе:

Скобликов П.А. — д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: skoblikov@list.ru. ORCID: 0000-0001-7875-7036

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), leading research fellow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: skoblikov@list.ru. ORCID: 0000-0001-7875-7036

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.

The article was submitted 16.11.2022;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/488/26

Об экосистеме предварительного расследования

Александр Борисович Смушкин^{1, 2}

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

² Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Саратов, Россия
^{1, 2} Skif32@yandex.ru

Аннотация. Констатируется, что в эпоху цифровой трансформации следственной деятельности особое значение приобретает разработка цифровых платформ, существенно повышающих эффективность расследования за счет оптимизации информационных потоков, ускорения коммуникации и т.д. Утверждается, что в настоящее время необходимо переходить от изолированных цифровых платформ, способствующих выполнению отдельных функций конкретного правоохранительного органа, к экосистеме предварительного расследования. Автор формулируются техническое задание, требования к экосистеме предварительного расследования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, расследование, раскрытие и предупреждение преступлений, цифровая платформа, экосистема судопроизводства

Для цитирования: Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 242–254. doi: 10.17223/15617793/488/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/488/26

On the ecosystem of the preliminary investigation

Aleksandr B. Smushkin^{1, 2}

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

² Volga Institute – Branch of the All-Russian State University of Justice, Saratov, Russian Federation
^{1, 2} skif32@ya.ru

Abstract. In the article, the author states the need not just to use digital platforms of law enforcement agencies as the main element of the digital transformation of the investigation, but to move to the next step – the digital ecosystem of the preliminary investigation. The synergistic effect of using ecosystems will significantly increase the effectiveness of the investigation. One of the problems, according to the author, is the lag in the development of such ecosystems from the leading countries. The research uses a universal dialectical method; the general scientific methods of analysis, synthesis, extrapolation, analogy; the special scientific comparative legal, descriptive, technical and legal methods in their interrelation and various combinations. In addition, the study is based on the analysis of the opinions of leading Russian scientists on the considered and related issues – digital video conferencing platforms, electronic justice, electronic evidence, neural systems used in the investigation, etc. The author argues that the ecosystem of the preliminary investigation should be developed taking into account the need for prosecutor's supervision of the investigation and inquiry, as well as the subsequent evolution into a megasystem, not limited only to the initial stage of criminal proceedings, but representing the ecosystem of the entire criminal proceedings. In fact, the author formulates the terms of reference and requirements for the investigation ecosystems being developed. He also analyzes the legislation that determines the development of the required ecosystems and, as part of the study of various options, determines the optimal topology of the ecosystem. From the point of view of providing access only to authorized persons, the author considers the use of blockchain, distributed information storage, modern cryptographic methods of information protection (in the future, including quantum cryptography) to be promising. At the same time, multi-factor authentication of the user for access is recommended. In addition, to improve the safety of using ecosystems, it is recommended that employees be trained in digital hygiene skills. In general, the necessity of educating citizens in this area is emphasized, starting from the “school bench”. The author argues that the digital ecosystem should include modules (servers) for synchronizing data of various digital platforms of forensic activities, for converting information from law enforcement and commercial platforms, and for generating procedural documents. Within the ecosystem, the author identifies organizational, procedural and forensic components and analyzes their content. As a conclusion, the author states that the transformation of digital investigation technologies in the course of their implementation in the form of digital plat-

forms should develop into full-scale digital ecosystems of criminal proceedings, and the synergetic effect of applying them will significantly increase the effectiveness of the investigation.

Keywords: digital transformation, investigation, disclosure and prevention of crimes, digital platform, ecosystem of legal proceedings

For citation: Smushkin, A.B. (2023) On the ecosystem of the preliminary investigation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 242–247. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/26

Ускорение цифровой трансформации и расширение цифровизации следственной деятельности требует более активного применения цифровых платформ расследования как ключевого элемента цифровой трансформации. При этом представляется, что совокупность цифровых платформ должна не просто развиваться, а сделать следующий шаг в эволюции в цифровые экосистемы.

К сожалению, уже сейчас можно во многом констатировать некоторое отставание отечественной правоприменительной практики и цифровых технологий в рассматриваемой сфере многих ведущих зарубежных стран. С учетом того, что даже цифровые платформы некоторыми авторами до сих пор называются «научной фантастикой» и фактически отрицается их реализация в ближайшее время [1. С. 6, 7], можно прогнозировать достаточно остро-критическое отношение к следующему уровню их развития, к экосистеме. Однако тем важнее становятся научные и научно-практические разработки, позволяющие делать новые шаги в развитии данного направления.

Л.Н. Масленникова предлагает разработку экосистемы только начального этапа уголовного судопроизводства и указывает, что «экосистема начального этапа уголовного судопроизводства как система, включающая множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, может быть представлена как сфера, регулируемая уголовно-процессуальным законом, обеспечивающая доступ к правосудию, обладающая замкнутой системой взаимосвязей ее компонентов (регистрация сообщения о преступлении, расследование, надзор прокурора, судебная власть), придающих ей стабильность, связанная с другими устойчивыми системами (судебной системой), имеющая определенную продуктивность по обеспечению доступа к правосудию» [2. С. 62].

Нам представляется, что экосистема предварительного расследования действительно должна разрабатываться с учетом необходимости прокурорского надзора за следствием и дознанием, а также последующей эволюции в мегасистему, не ограничивающуюся только начальным этапом уголовного судопроизводства, а представляющую собой экосистему всего уголовного судопроизводства – от подачи заявления о совершении преступления или даже события, зафиксированного камерами системы «Безопасный город», до судебного приговора.

Во многом, развитие цифровых платформ в экосистемы, или даже составление экосистем из платформ предусматривает и действующее законодательство. Так, в Стратегии развития информацион-

ного общества в РФ на 2017–2030 гг. под экосистемой цифровой экономики понимается «партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан»¹. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. под цифровой платформой понимают систему средств, поддерживающую использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающую возможность их бесшовного взаимодействия»². Современные научные разработки также приводят к выводам о том, что «хотя границы между цифровыми платформами и цифровыми экосистемами, предоставляемыми ими продуктами/услугами и могут быть размытыми, но, судя по хронологии событий, цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ. Кроме того, цифровые экосистемы допускают включение нескольких цифровых платформ» [3. С. 293].

При этом мы согласны с Л.Н. Масленниковой в том, что «автоматизация регистрации сообщения о преступлении, автоматизация создания документов (протоколов, постановлений и др.), хранение их на удаленных серверах и т.д. – все это должно быть объединено в одну большую экосистему, в которой данные свободно передаются из одного процесса в другой, что позволяет максимально эффективно использовать все возможности системы» [2. С. 63].

Экосистему уголовного судопроизводства, учитывая подход С.Н. Гаврилова и С.И. Володиной, можно определить как мезоэкосистему определенной сферы цифровой экономики (макроэкосистемы), входящей в экосистему информационного общества (мегаэкосистему), и состоящую, в свою очередь, из микроэкосистем программных комплексов [4. С. 156–166].

Представляется, что построение экосистемы возможно на архитектурно различных принципах. Условно схемы построения можно назвать «дерево», «снежинка» и «звезда».

Использование схемы «звезда» подразумевает существование отдельных цифровых платформ каждого правоохранительного органа, коммутируемых между собой только отдельными каналами без единого общего центра. Однако подобная схема не будет иметь преимуществ перед обычным сетевым взаимодействием правоохранительных органов.

Схема «снежинка» может подразумевать единый управляющий центр с подключенными к нему равноправными блоками – относительно самостоятельными цифровыми платформами правоохранительных органов. Конкретные пользователи относительно самостоятельны в рамках своей платформы, но подключение к центральному блоку осуществляется только по заявкам специальными техническими отделами через особые терминалы.

Схема «дерево» должна подразумевать единую централизованную экосистему, содержащую основной функционал и блочно-модульное подключение к ней подразделений правоохранительных органов к различному объему функционала и для использования ее отдельных блоков. Такую экосистему можно назвать суперплатформенной. Как отмечают Ю.В. Олейникова и В.В. Матвеев, «суперплатформенные экосистемы – это самый сложный тип цифровой экосистемы. Они сосредоточены на интеграции нескольких платформ в один интегрированный сервис, а также на сборе пользовательских данных с интегрированной платформы» [5. С. 1482–1483].

Последний вариант схемы нам представляется наиболее эффективным в отечественных условиях и при этом не предъявляющим больших требований к служебному компьютерному оборудованию конкретных пользователей системы (следователей, прокуроров и т.д.). В рамках данной схемы в базисную стержневую составляющую должны объединяться общие, полезные или необходимые для любого правоохранительного органа элементы, ведомственные, подключаемые блоки, а также специализированные функциональные модули для работы конкретных специализированных подразделений. Как верно отметил С.В. Зуев, «потребности в мгновенном предоставлении информации становится одним из ключевых факторов развития цифровых технологий. Работа с большими данными подталкивает к применению «цифровых платформ», способных обеспечивать сбор, передачу и анализ данных, генерируемых подключенными устройствами. ...Основные участники уголовного процесса должны иметь возможность не только взаимодействовать в ускоренном режиме, но и мгновенно получать необходимую информацию по делу» [6. С. 187]. Тем более данное утверждение применимо и к экосистемам судопроизводства. Применение современных методов идентификации и аутентификации позволит ограничить доступ неуправомоченных лиц. Цифровые решения вопросов идентификации и аутентификации пользователей были достаточно подробно разработаны Д.А. Степаненко и А.А. Рудых [7. С. 318–326].

С точки зрения обеспечения доступа только уполномоченным лицам нам представляется перспективным применение Blockchain (блокчейн), распределенного хранения информации, современных криптографических методов защиты информации (в перспективе включая квантовую криптографию). Так, в 2018 г. Министерство общественной безопасности Китая запатентовало решение для хранения доказательств и уликов, полученных в ходе расследования, с использо-

ванием технологии блокчейн. Патент «Способ и система для записи процесса облачной криминалистики на основе блокчейна» описывает систему, позволяющую загружать и хранить данные полицейских расследований в облачном хранилище с сохранением в блокчейне истории операций с этими данными с целью обеспечения большей прозрачности и защищенности их от взлома³.

С учетом вызовов нового времени можно прогнозировать массовые проблемы с цифровой идентичностью сотрудников и активное развитие дипфейков (deepfake-видео, это синтез чужого изображения и голоса с помощью программ, основанных на искусственном интеллекте), хищения цифровых образов или даже разработки «цифровых двойников» лица. Кроме того, применение текстов или речи, сформированной искусственным интеллектом, может быть использовано для своеобразных DDos- атак правоохранительных органов с помощью массовых сообщений о преступлениях. Поэтому особое значение приобретает вопрос оптимальной идентификации и аутентификации заявителя и должностного лица, имеющего доступ к цифровой платформе. На настоящий момент для допуска лиц представляется возможным использование биометрических технологий, усиленной электронной подписи, анализа клавиатурного почерка. Наиболее эффективным нам представляется многофакторная аутентификация и идентификация пользователя для доступа (с использованием сразу нескольких методов).

Цифровая экосистема должна включать модули (серверы) синхронизации данных различных цифровых платформ криминалистической деятельности, конвертации информации не только из правоохранительных, но и из коммерческих платформ, формирования процессуальных документов.

Для обеспечения безопасности функционирования цифровой экосистемы большое значение приобретает также обучение сотрудников навыкам цифровой гигиены. Ведь часто неправомерный доступ к информации злоумышленники получают не только путем сложного взлома системы, но и из-за банального использования компьютера на рабочем месте не по назначению, с заходом на фишинговые и иные подозрительные сайты, проникновением «троянов», а также несоблюдения требований к сложности паролей, частоте их смены, ограничения доступа посторонних лиц и т.д. Разработка и внедрение спецкурсов по цифровой гигиене представляется необходимым не только применительно к сотрудникам правоохранительных органов, но и любым гражданам. Причем простейшие основы кибергигиены следует давать еще в школе и на просветительских мероприятиях, например проводимых обществом «Знание».

Обеспечение функционирования экосистемы должно возлагаться на специально организованного оператора. При этом вопросы конфиденциальности вебконференцсвязи и иных коммуникаций в рамках экосистемы могут быть решены организацией государственного ведомственного провайдера.

С учетом положений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203) представляется разумным рекомендовать использование для функционирования экосистемы судопроизводства когнитивных технологий с последующим, по мере развития прогресса в соответствующих областях, применением также нано- и биотехнологий.

В рамках общей экосистемы нам видится важным выделение как минимум трех основных направлений (блоков): уголовно-процессуальный, организационный (делопроизводство) и криминалистический.

В рамках организационного блока мы полагаем необходимым решение вопросов связанных с автоматизацией принятия сообщений о преступлениях, решением логистических вопросов направления постовых служб, следственно-оперативных групп, а также беспилотных устройств на место происшествия, расширением возможностей электронного делопроизводства, автоматизацией подбора требуемого законодательства и судебной практики.

Процессуальная и криминалистическая составляющие экосистемы должны способствовать повышению автоматизации и интеллектуализации судопроизводства при сохранении процессуальной формы (однако экосистема должна иметь возможность трансформации при изменении процессуальной или криминалистической парадигмы, а также процессуальной формы).

Достаточно давно ведутся разработки вопросов электронного правосудия и электронного уголовного дела. Наиболее глубокую разработку они получили в коллективной монографии «Электронное правосудие» [8]. Представляется важной реализация концепций электронного уголовного дела и электронного правосудия с учетом именно функционала цифровой экосистемы. Основной внешней формой уголовного дела уже в относительно близкое время станет именно электронное уголовное дело с автоматизированным напоминанием следователю о процессуальных сроках, извещением родственников участников судопроизводства и самого участника, прокурора, подготовкой и направлением ходатайств в суд, SMS рассылкой необходимой информации и т.д. В рамках электронного уголовного дела может быть оптимальное использование видеопотоколирования, транскрибирования звукозаписи протокола, прикрепление видеопотокола или аудиозаписи к делу и т.д.

Постановление, обвинительное заключение и некоторые процессуальные документы могут быть выполнены в виде гипертекста, пронизанного гиперссылками на текстовые или иные документы, на которые ссылается следователь или судья.

Участники судопроизводства в определенных рамках должны иметь возможность отслеживать движение дела, а также должна быть возможность подключения функции автоинформирования, авторассылки сообщений.

Для процессуальной и криминалистической составляющих будет иметь большое значение возмож-

ность присоединения электронных доказательств к электронному уголовному делу. Не вдаваясь в дискуссию о природе, сущности и классификации электронных доказательств, отметим лишь, что мы стоим на позиции самостоятельной природы электронных доказательств, а не отнесения их к подвиду материальных. Электронные доказательства не будут нести прямой связи и зависимости от материального носителя. Их образы могут сохранять в неприкосновенности метаданные и содержание, а значит, могут быть размещены с использованием облачных технологий в электронном уголовном деле.

В рамках криминалистического направления должны реализовываться возможности производства дистанционных следственных действий, прежде всего, с подключением модулей идентификации и аутентификации участника такого электронного следственного действия с проверкой по биометрическим базам, что даст возможность применения не только видео-конференц-связи, но и веб-конференции на этапе даже предварительного расследования. Кроме того, необходимо допустить возможность подключения программных средств, дистанционно оценивающих психофизиологические реакции собеседника.

Криминалистический модуль должен включать возможность направления дистанционных запросов и получения в электронной форме ответов, а также автоматизированного поиска по интернету и открытым базам данных. В этом большую пользу могут принести программные комплексы анализа больших данных (в том числе на базе нейросетей).

Следователь должен иметь возможность обращения в рамках данной экосистемы к программным комплексам автоматизированной разработки версий (типа «ФОРВЕР»), а также автоматизированным методикам расследования и аналогичным программам.

Подключение цифровой платформы прокуратуры в качестве модуля к единой цифровой экосистеме предварительного расследования позволит более оперативно и эффективно осуществлять надзор за деятельностью органов предварительного следствия и дознания. Д.В. Потапов вообще полагает, что «информационная система досудебного производства должна быть замкнута на прокуратуре» [9. С. 88].

В дальнейшем представляется, что модули экосистемы предварительного расследования могут быть объединены с судебным модулем в единую экосистему уголовного судопроизводства. Судебный модуль экосистемы нам представляется в виде модернизированных действующих государственных автоматизированных систем ГАС «Правосудие» и АМИРС.

Таким образом, представляется, что трансформация цифровых технологий расследования в ходе реализации их в форме цифровых платформ должна развиваться в полномасштабные цифровые экосистемы уголовного судопроизводства, синергетический эффект применения которых существенно повысит результативность расследования. При этом следует согласиться с П.С. Пастуховым и О.А. Зайцевым,

что «тотальная цифровизация правоотношений сводит на нет конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни из-за технологических платформ на принципах искусственного интеллекта (artificial intelligence), распределенного реестра (blockchain и др.), «Интернета вещей» (Internet of Things), служащих поиску информации о личности. Облачные сервисы и хранилища данных (cloud computing), социальные сети и платформы (Meta, Telegram, VK), «умные» комплексы и устройства

(Smart Everything), аналитические базы больших данных (Big Data) делают общество и деятельность людей настолько «прозрачными», что сужают пространство частной жизни до минимума. Поэтому перед законодателем, учеными, правоохранительными органами стоит важная задача – найти разумный компромисс между публичным и частным интересом, оперативностью раскрытия и расследования преступлений и гарантиями неприкосновенности частной жизни» [3. С. 288].

Примечания

- ¹ Пункт «ц» ч. 4 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 17.11.2022).
- ² Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12, абз 3, ч. 1 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (дата обращения: 17.11.2022).
- ³ China's Supreme Court Recognizes Blockchain Evidence as Legally Binding. URL: <https://www.coindesk.com/chinas-supreme-court-recognizesblockchain-evidence-as-legally-binding> (дата обращения: 24.11.2021).

Список источников

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М. : Юрлитинформ, 2015. 299 с.
2. Масленникова Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 52–65.
3. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 281–308.
4. Гаврилов С.Н., Володина С.И. Информационная (цифровая) экосистема адвокатуры в контексте экосистемы цифровой экономики России // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 156–166.
5. Алейникова Ю.В., Матвеев В.В. Цифровая экосистема. Анализ применения искусственного интеллекта // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. № 3 (15). С. 1480–1487.
6. Зуев С.В. Уголовное судопроизводство как цифровая социальная экосистема // Университетские правовые диалоги «Право и экология» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск : Южно-Урал. гос. ун-т (национальный исследовательский университет), 2021. С. 186–189.
7. Степаненко Д.А., Рудых А.А. К вопросу об использовании механизма удаленной идентификации и аутентификации в правоохранительной деятельности // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 318–326.
8. Электронное правосудие / Е.В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М. : РГУП, 2021. 344 с.
9. Потапов Д.В. О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 85–89.

References

1. Aleksandrova, A.S. (ed.) (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentarii k nej* [Doctrinal Model of the Criminal Procedure Evidence Law of the Russian Federation and Comments on It]. Moscow: YurLitinform.
2. Maslennikova, L.N. (2020) Kontseptual'nyy podkhod k postroeniyu ugolovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy [A conceptual approach to the construction of criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 10 (74). pp. 52–65.
3. Zaytsev, O.A. & Pastukhov, P.S. (2022) Tsifrovoy profil' litsa kak element informatsionno-tekhnologicheskoy strategii rassledovaniya prestupleniy [Digital profile of a face as an element of the information technology strategy for investigating crimes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 56. pp. 281–308.
4. Gavrilov, S.N. & Volodina, S.I. (2019) Informatsionnaya (tsifrovaya) ekosistema advokatury v kontekste ekosistemy tsifrovoy ekonomiki Rossii [Information (digital) ecosystem of the legal profession in the context of the ecosystem of the digital economy of Russia]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 6 (103). pp. 156–166.
5. Aleynikova, Yu.V. & Matveev, V.V. (2020) Tsifrovaya ekosistema. Analiz primeneniya iskusstvennogo intellekta [Digital ecosystem. Analysis of the use of artificial intelligence]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya*. 3 (15). pp. 1480–1487.
6. Zuev, S.V. (2021) [Criminal Proceedings as a Digital Social Ecosystem]. *Universitetskie pravovye dialogi "Pravo i ekologiya"* [University Legal Dialogues "Law and Ecology"]. Proceedings of the International Conference. Chelyabinsk. 25–26 March 2021. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 186–189. (In Russian).
7. Stepanenko, D.A. & Rudykh, A.A. (2021) [On the issue of using the mechanism of remote identification and authentication in law enforcement]. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii* [Technologies of the 21st Century in Jurisprudence]. Proceedings of the 3rd International Conference. Yekaterinburg. 21 May 2021. Yekaterinburg: Ural State Law University. pp. 318–326. (In Russian).
8. Burdina, E.V. & Zuev, S.V. (eds) (2021) *Elektronnoe pravosudie* [Electronic Justice]. Moscow: Russian State University of Justice.
9. Potapov, D.V. (2018) O sozdaniy tsifrovoy platformy vzaimodeystviya v khode dosudebnogo proizvodstva nadzirayushchego prokurora i organa predvaritel'nogo rassledovaniya [On the creation of a digital platform for interaction during pre-trial proceedings between the supervising prosecutor and the preliminary investigation body]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 1 (45). pp. 85–89.

Информация об авторе:

Смушкин А.Б. – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия); доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия). E-mail: Skif32@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation); associate professor, Volga Institute – Branch of the All-Russian State University of Justice (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.11.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 31.03.2023.*

*The article was submitted 23.11.2022;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 31.03.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 488. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.03.2023 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31. Усл. печ. л. 28,8. Тираж 50 экз.
Заказ № 5540. Цена свободная.

Дата выхода в свет 02.08.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru